

Иван Ильич

РУССКИЙ
КОЛОКОЛ

И.А.ИЛЫИН

Собрание сочинений

Москва
ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
2008

И.А.ИЛЫИН

Собрание сочинений

РУССКИЙ КОЛОКОЛ ЖУРНАЛ ВОЛЕВОЙ ИДЕИ

Москва
ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
2008

УДК 1/14
ББК 87.3
И 46

Составление и комментарии
Ю. Т. Лисицы

Подготовка текста и именной указатель
О. В. Лисицы

Художник
Л. Ф. Шканов

Ильин И. А.

И 46   Собрание сочинений: Русский Колокол: Журнал волевой идеи/ Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Подгот. текста и имен. указ. О. В. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. — М.: ПСТГУ, 2008. — с.
ISBN 978-5-7429-0372-7

В настоящий том включены 9 номеров «Русского Колокола. Журнала волевой идеи», который редактировал и издавал И. А. Ильин с 1927 по 1930 год.

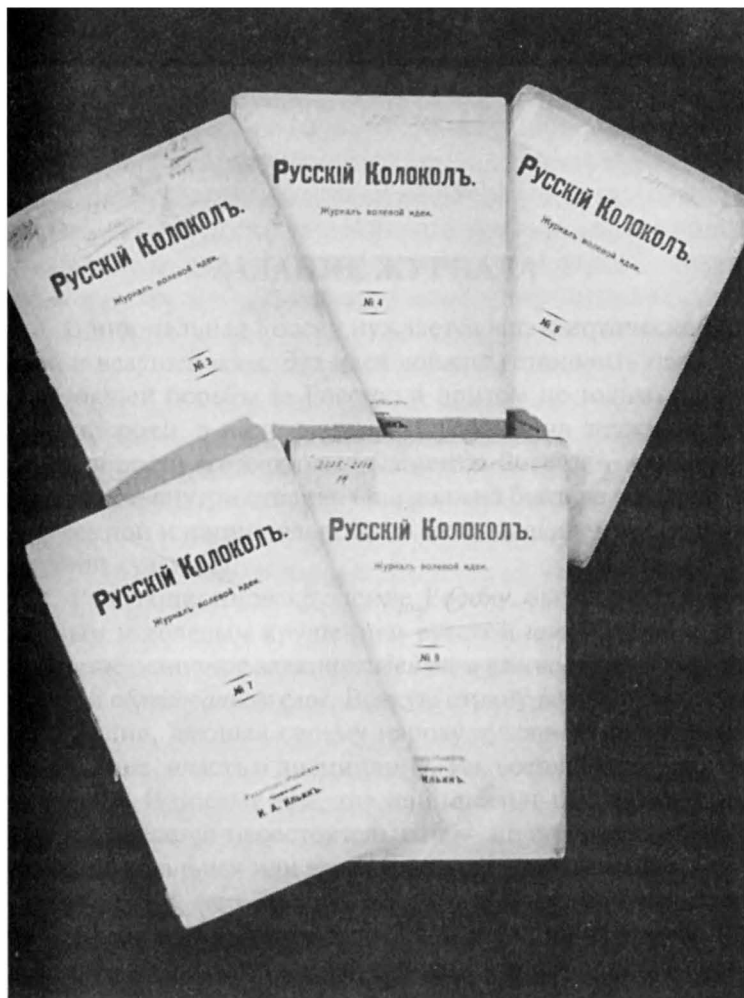
В Приложении помещены подготовительные материалы к журналу, находящиеся в Архиве Ильина; они публикуются впервые.

УДК 1/14
ББК 87.3

ISBN 978-5-7429-0372-7

© Лисица Ю. Т., составление и комментарии, 2008
© Лисица О. В., подготовка текста и именной указатель, 2008
© Шканов Л. Ф., оформление, 2008
© Издательство ПСТГУ, 2008

«С мая началось мое горение и кипение. Я поставил перед собою задачу — служить России и только России. Не лицам, не кружкам и не партиям. Печатать о том, что всего нужнее России — и сейчас, сию минуту (для боевой борьбы), и на сто лет вперед (обновленный лик России). В одиноком и сосредоточенном углублении вырабатывал я программу журнала, тон его, необходимые темы и списывался с сотрудниками...»

Из письма И. А. Ильина к Н. Н. Крамаржу от 22. 4. 1928 г.

ЗАДАНИЕ ЖУРНАЛА¹

1. Национальная Россия нуждается в патриотической, волевой и ведущей *идее*. Эта идея должна установить цель всей предстоящей борьбы за Россию и притом не только на ближайшие сроки, а на целые десятилетия. Она должна воодушевить и вести *все* здоровые элементы России — как в зарубежье, так и внутри страны. Она должна быть не только государственной и национальной, но охватывающей *все* стороны духовной культуры.

2. Революционное крушение России было прежде всего идейным и волевым крушением русской *интеллигенции*. Отсюда наше основное задание: *идейное и волевое обновление духа в русском образованном слое*. Всякую страну всегда ведет ее интеллигенция, дающая своему народу духовное направление, образование, власть и дисциплину. Так всегда было; так всегда и будет. И посему там, где национальный образованный слой оказывается несостоятельным — на его место вступает интернациональная или чужестранная интеллигенция.

Мы верим, что Россию поведет и впредь ее собственный национально чувствующий и мыслящий образованный слой, но уже с новой идеею, с новою верою, с новым творческим пафосом. Эта идея и этот пафос были выношены в нашей белой борьбе. Они имеют свои глубокие, национально-исторические корни. Они нуждаются в раскрытии и обосновании.

Строить Россию значит прежде всего строить дух ее интеллигенции. И к этому мы обязаны приступить немедленно.

3. Журнал мыслится редакцией как идеологически-философский и политико-публицистический. При этом он не должен иметь отвлеченно-научного характера: он должен

быть *прост* и *доступен*. Но общий тон должен быть *волевым* и *ведущим*; проникнутым верою в свою правоту; произносящим определительное *да* и недвусмысленное *нет*. Ибо идея есть не только отвлеченный идеал, но движущий мотив, руководящая сила, живое умонастроение и творческое воленапряжение. Только вера зажигает сердца. Только убежденность рождает убеждения. Только слово, равносильное поступку, куёт характер и ведет к борьбе.

Это совсем не означает, что всякая статья должна быть «патетическим воззванием». Мы вовсе не должны впадать в банальную агитацию или аффектированность. Напротив: необходимы и разъясняющие, и спокойно аргументирующие, и идейно-полемические статьи. Но желательно, чтобы журнал создавал атмосферу волевой уверенности и некой ответственной властности.

Этим и должен определяться тон нашего журнала.

Мы должны говорить мужественно и твердо, не боясь возможных ошибок и не стремясь предвосхитить все возможные грядущие «политические конъюнктуры»: судить нас будет Россия и история, но не современники.

Далее, волевая определительность неизбежно упрощает многое, и нам придется мириться с этим. Однако упрощенная *формула* не должна упрощать нашего *опыта* и *разумения*: тогда мы будем застрахованы от вульгарности.

Наконец, говорить публично значит не говорить только перед друзьями, но и перед врагами. Ныне это верно, как никогда. Отсюда необходимые умолчания в темах и ответах. Однако резервации наши должны быть мудры, честны и взаимны только интересами самого дела: тогда мы будем застрахованы от неискренности.

4. Для того чтобы выдвинуть *идею*, а не просто политическое требование или тактический лозунг, нам необходимо увести наше внимание от политической злобы дня и подняться над текущими событиями. События дня не будут предметом наших суждений; они могут дать лишь повод для идейного освещения и раскрытия *общей проблемы по существу*.

Далее нам надо умственно отрешиться как от дореволюционных, так и от специфически зарубежных делений, течений и постановок вопроса, ибо весьма возможно, что ни те ни другие совсем не улавливают основного существа каждой из состоящих перед нами проблем. Так, например, проблемы монархии и собственности не имели верной постановки до революции; проблемы национального воспитания и художественного кризиса совсем не поставлены в зарубежье. В частности, дореволюционные политические партии были вообще безыдейны в настоящем смысле этого слова; и все крайне правые и все левые течения зарубежья движутся ныне по-прежнему в русле этой безыдейности и потому фальшиво ставят и ложно решают все вопросы.

Наш журнал принципиально отрицает безыдейную политику и безыдейную «культуру». Он ищет идейного обновления и идейного творчества в уверенности, что именно на этом пути может и должна возродиться волевая и здоровая традиция русской национальной культуры.

5. В этом идейном искании следует отпираться от того *отрицательного опыта*, который дала нам революция, доводя его до осознания и очевидности и двигаясь вперед при свете этой очевидности. Революция обнаружила гибельность известных путей. Этой гибельности мы должны противопоставить *спасительность других путей*, которые могут оказаться и противоположными путями, но могут оказаться и путями *меры и середины*.

Во всяком случае, мы должны стремиться к тому, чтобы указываемые нами решения исходили из *глубокого существа вопроса*, учитывали общечеловеческий духовный кризис и общечеловеческий социальный опыт и указывали России духовно-верный и политически спасительный путь на целый ряд десятилетий вперед.

Иными словами: именно глубина идеи обеспечит ее верность и ее длительную полезность родине. Мы должны выдвигать такие идеи, чтобы у нас самих была уверенность, что наши потомки и через пятьдесят лет и через сто лет признают нашу патриотическую и историческую правоту.

6. Именно это и должно положить начало духовному и волевому единению между внутренней и зарубежной Россией.

Идеи, выдвигаемые нами, должны принципиально идти *мимо* этого исторически сложившегося, но патриотически несостоятельного и политически вредного деления: они должны выражать тот духовный и национальный опыт, который объединяет патриотически чувствующих и национально мыслящих русских, *независимо* от их местопребывания. Наши статьи должны быть (неподчеркнуто) обращены одинаково и к зарубежному, и к подъяремному русскому патриоту. И это имеет особую важность ввиду того, что известное количество номеров журнала будет печататься на тонкой бумаге и переправляться через кордон.

Наряду с этим мы должны позаботиться о том, чтобы наш подъяремный читатель почувствовал, что мы не только не осуждаем его за его пребывание под большевицким ярмом, но что мы знаем о его верности родине, что мы любим его как брата и чтим его как страдальца, что мы дорожим нашим единомыслием с ним и мечтаем о нашей грядущей совместной работе.

7. Признавая, что революционный кризис наших дней больше обличил и скомпрометировал в русской интеллигентской идеологии, чем действительно разрушил и ликвидировал в душах, и что, следовательно, необходима и важна сознательная довершающая работа по ликвидации обличенных умонастроений, мы тем не менее должны все время отводить первое место *положительному* идейному творчеству и выяснению. Обличая и разрушая, мы должны зорко и нещадно договаривать все до конца; но в то же время мы не должны впадать в чистое отрицание и разрушение (наподобие «Московского сборника»² Победоносцева). Наоборот: идейное корчевание должно быть всегда покрыто могучею новою порослью, так, чтобы всегда чувствовалось, что эта сама новая поросль выкорчевывает отжившие пни.

8. При этом мы мыслим наш журнал, как безусловное отвержение «красного», «черного» и «розового»; и как углубле-

ние и развитие *Белой идеи*, в ее противопоставлении всяческому атеизму, интернационализму, социализму, революционности, большевизму и коммунизму. Мы мыслим эту идею, как идею волевой религиозности, патриотизма, чести, служения, характера, свободного повиновения, монархии, собственности и великодержавия. Но эта идея должна развиваться и утверждаться нами не как идея междоусобной войны, или партии, или зарубежной организации, а как идея самого русского Православия, *здоровой и великой России, всей национальной России и самой исторической России, России славных традиций, трехцветного флага и двуглавого орла.*

Именно поэтому мы считаем нежелательным сотрудничество в нашем журнале лиц, неприемлющих эту идею, колеблющихся в ее приятии или входящих в чужеродные, тем более враждебные ей организации; в частности, мы не мыслим нашими сотрудниками ни евреев³, ни масонов, ни католиков⁴.

9. Твердо и последовательно поддерживая эти грани, мы в то же время считаем бесполезными всякие непредметные деления в пределах национального единомыслия, как деления на «эмигрантов» и «оставшихся»; на «отцов» и «детей»; на лиц с «русскими» и «нерусскими» фамилиями; на «бывших либералов» и «бывших монархистов». Каждый является для нас тем, во что он искренно и цельно *верит ныне*, и мы должны стремиться к тому, чтобы наш журнал помог верным и сильным сынам России найти друг друга и объединиться в кадры будущего ордена и будущей национальной русской партии⁵.

10. Для этого наш журнал должен быть идейно цельным и единым: подобным монолиту в своем существе и подобным симфонии в своем выполнении. В нем не должно быть места ни случайным статьям (не имеющим отношения к идее), ни взаимной полемике сотрудников. Посему очень важно, чтобы сотрудники предварительно, до написания статей, сговаривались или списывались с редакцией о желательной теме. Для облегчения этого дела к настоящему досье прилагается особая записка об общем направлении журнала.

II. Журнал будет иметь два отдела: общеидейный и инструктивный. В последнем отделе будут помещаться статистические данные, теоретические тезисы, полемические схемы и практические наставления, необходимые каждому русскому человеку и белому борцу в его идейной и политической борьбе за родину. Этот отдел мыслится как своего рода идейно-научный арсенал или справочник русского патриота.

Редакция просит всех сотрудников помогать ей в замыслах и в инициативе; собирать отзывы единомышленников и сообщать их редактору; побуждать единомысленных читателей обращаться в редакцию непосредственно с откликами, запросами и пожеланиями; и содействовать распространению журнала.

Журнал будет выходить ежемесячно, каждое первое число, в размере 5 печатных листов. Ввиду основного задания нашего журнала художественная проза и поэзия не будут помещаться в нем.

Каждая напечатанная рукопись будет оплачена в размере не менее одного доллара за печатную страницу обычного формата (30—35 тыс. букв в 16 страницах).

ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЖУРНАЛА⁶

Религия и религиозный кризис

Мир переживает религиозный кризис; люди разучились любить Бога и верить в него, воспринимать Божественное и идти за ним в жизни; души людей привыкают жить поверхностно, мелко и пошло; люди руководятся смесью из инстинкта и рассудка и становятся материалистами. В этом глубокий корень и источник современных зол⁷.

Православное Христианство

Не углубляясь в великие и утонченные проблемы христианского богословия, нам надлежит выделить и обосновать: 1) мироприемлющую традицию Христианства; 2) волевые и воспитывающие характер традиции Православного⁸ Христи-

анства; 3) великие и мудрые традиции и особенности *русского* Православия — в вопросах а) свободы, любви и видения как источников веры, б) очищения души и мироприятие, с) сопротивление злу силою, d) связи и разграничения Церкви и государства.

Церковь

Не подымая утонченных и трудных вопросов канонического толкования, нам надлежит установить, что 1) древнее исконно-русское соотношение Церкви и государства (от Феодосия Печерского и преп. Сергия до Филарета Романова) есть верное и мудрое — взаимная независимость и взаимное непосвяительство авторитета Церкви и авторитета мирской власти при творческом сотрудничестве в едином деле Божьем на земле; 2) что для восстановления этой традиции необходимо поколение мудрых и сильных характеров в современной церковной иерархии; 3) что единство Церкви недостижимо ни на путях церковной бесхарактерности, безволия и безвластия, осложненного эклектической интеллигентщиной и религиозным декадентством, ни на путях восприятия католического духа с его посяганием на власть и на политическое влияние, духа, осложненного упрощенною прямолинейностью в трактовках нравственных и канонических проблем; 4) что Церковь должна провести непреступаемую грань между собою и духом извращенного мистицизма (Феофан⁹, Распутин). Само собою разумеется, что раскрывать пункты 3 и 4 надлежит с чрезвычайной осторожностью, бережностью и тактом; однако не без честного дерзания¹⁰.

Католичество

Не вступая в догматические и историко-канонические споры, мы должны показать чужеродность и религиозную неверность католицизма в двух основных вопросах: *о субъективном источнике веры и мироприятия*. 1) Для католика вера есть акт *волевого* усилия (а не любви и видения, как в право-

славии); отсюда гетерономия, формализация церковности и молитвы, инквизиция и агрессивная пропаганда во что бы то ни стало. 2) Католик приемлет мир, исходя от мира сего, помирски искаженным актом на путях *власти и лукавства* (а не очищения и умудрения, как в православии); отсюда моральный казуизм, иезуитство, светские посягания пап и интернационализм в политике. Посему мы отвергаем унию, оберегая древнюю чистоту и мудрость православия.

Философия

Философия вырождается в отрыве от живого духовного опыта, от религиозных корней души и нравственной чистоты самого философа. Философ несет особенную ответственность и обязан предметно обосновывать каждое свое утверждение. С этой точки зрения необходимо обновление всей философии: новое учение об очевидности, о строении философского акта, о соотношении религии и науки, о добродетели, о правосознании и художественности. Необходим нещадный анализ беспочвенности и извращенности философствующей публицистики за последние 25 лет, начиная от Розанова и кончая евразийцами¹¹.

Наука

Нам важно оттенить 1) самоценность науки — ее критериальную самостоятельность, ее независимость от всяких политических, социальных и морализующих тенденций, ее *свободу*; 2) ее духовную ответственность и необходимость поддержания на высоком уровне начала академической чести; 3) ее воспитывающую силу: человек приобретает умение самостоятельно индуктивно-интуитивно испытывать и исследовать предмет; 4) ее принципиальный самоурезывающийся аскетизм и релятивизм; отсюда ее гностическая и религиозная скромность; 5) ее неприкованность к внешнему чувственному опыту, ибо гуманитарные науки живут опытом внутренним, нечувственным и духовным — отсюда преодоление сенсуализма¹²; 6) на-

ука не только не исключает религиозности, но нуждается в ней, как в живом опыте мировой тайны, сложности и величия предмета.

Всем этим определяется значение академии и университета в системе национальной культуры.

Искусство

Современное искусство переживает глубокий кризис: оно говорит о незначительном, изошряясь в технических новшествах и трюках, и творит неискренно и аффектировано. Модернизм состоит в изошренных выкриках, несущихся из хаоса разлагающегося бессознательного. Это есть симптом общего духовного кризиса¹³. Это надо показать во всех областях — от музыки до живописи, от поэзии до театра. Надо вскрыть разложение русского предреволюционного искусства (отнюдь не замалчивая исключений). Большевицкое искусство проявляет этот кризис с вызывающим бесстыдством. Надо воззвать к русскому гению — чтобы он дал очистительную критику и создал новые великие и водительные свершения.

Россия

Несмотря на революционное крушение, Россия есть великая страна, создавшая великую культуру и созидаемая великим народом. Ей предстоит великое будущее и невиданный расцвет. Своеобразие России — в природе, в расовом составе, в национальном характере, в религиозности, в культуре. Ее проблема: русская душа дышит свободой и нуждается в дисциплине; она богата талантом и нуждается в трудолюбии; она глубока и темпераментна и нуждается в волевом и разумном трезвении; она религиозна по природе и нуждается в зорком очищении от беспредметного, ложного и импрессионистического религиозничанья; она созерцательна и эмоциональна и нуждается в силе характера. Отсюда идея будущего русского строительства¹⁴.

Русская история

Наша основная задача состоит в том, чтобы указать в русской истории 1) те своеобразные события, затруднения, бремена и опасности, которые вызвали нашу загруженность войнами, нашу отсталость, наши бунты, наше затянувшееся крепостное право, нашу собственническую неразвитость, экстенсивность нашего хозяйства, которые, словом, так или иначе причинно подготовили или обусловили революцию; 2) те здоровые уклоны, установления, характерные черты, коллективные и единоличные подвиги, которые строили и держали Россию, построили и возвеличили ее. Тенденция нужна была бы такая: облегчить наличному поколению России бремя революционной вины и позора, ободрить, указать традицию и тем содействовать нахождению верного пути¹⁵.

Русский Пантеон

Нам необходимо отыскать и изобразить страницы русской национальной славы и силы, создания и деяния русского национального гения во всех областях духа и культуры, начиная от святых и праведников и кончая изобретателями и путешественниками¹⁶. Для начала надо выделить самое замечательное и великое, показывающее пример и дающее завет; ввиду малого объема журнала лучше идти не от биографии и не от единичного явления, а *от идеи* и определенной *драгоценной традиции, иллюстрируя ее только именами и ссылками*.

Русская идеология

Из огромного материала, охватить который, конечно, невозможно, желательно выделить в порядке дедуктивном с индуктивными иллюстрациями основные здоровые, идеологические традиции, строившие и спасавшие Россию. Наряду с этим чрезвычайно важно выявить *нашу* идеологическую традицию за XIX век — традицию консервативно-государственную, национальную, идейно-монархическую; традицию патриотизма, чести и служения¹⁷. Наконец, необходимо вскрыть

идеологические заблуждения последних десятилетий — политические (анархизм, радикализм и черносотенство¹⁸), социальные (народничество и социализм¹⁹), моральные (утилитаризм и толстовство²⁰), религиозные (толстовство и розановское хлыстовство²¹).

Русская интеллигенция

Это — одна из центральных проблем. Мы должны раскрыть сущность переживаемого русскою интеллигенциею кризиса и заложить основы обновления. Самое главное в том, что она не поняла и не приняла своего призвания *вести и воспитывать* русское простонародье, но подменила его покаянным отречением и демагогическим сервизмом; она старалась предвосхитить классовый интерес простонародья, раздуть его и провозгласить его государственным; она подменила волю нации, доступную лишь немногим и лучшим, — вожделениями простонародья; она хотела в лучшем случае дать народу *образование* (а не воспитание) и *политические права* (а не политический смысл). Согласно этому *обличению* подлежит: всякая демагогия (искренняя и неискренняя, правая и левая). Утверждению подлежит: новый волевой дух²².

Предреволюционная Россия

Необходимо вскрыть, что революция стала возможна в России потому, что она *положительно и отрицательно* уже была разлита в воздухе. *Положительно*: экстенсивное крестьянское хозяйство и тяга крестьян к расширению земельной площади; революционное брожение среди рабочих; обилие беспочвенной полуинтеллигенции, с ее пошлостью, завистливостью и претенциозностью; честолюбивый радикализм в интеллигенции; революционные партии; национально-окраинные настроения. *Отрицательно*: безволие и государственная беспомощность царя; низкий уровень его окружения²³; противогосударственность черносотенства; безыдейность задержанной бюрократии; упадок поземельного дворянства;

непротивленчество и государственная неопытность либеральной общественности; государственная невоспитанность, бесхарактерность и слабость правосознания в массе народа. Бремя войны, технической отсталости и бесснарядья подвело жестокие итоги всем дурным возможностям — и зараза западного люмпен-пролетарского коммунизма стала неотвратима²⁴.

Революция в России

Сущность революции подлежит нещадному раскрытию, но *не* в порядке отыскания виновных *лиц*, а в порядке указания ее *духовного естества*. Надо вскрыть в революции ее безбожие, пошлость, бессовестность, противогосударственность, противопатриотичность; ставку на жадность, на подлость и предательство; стихию лжи и насилия; стихию принципиализованного бесстыдства; пружины честолюбия, тщеславия, карьеризма; элементы демагогии и эгалитаризма; криминальную природу ее; крушение вместе с нею социализма, коммунизма, интернационализма и анархизма²⁵. Анализ идей о «приятии революции», о «завоеваниях революции», об «эволюции революции» и т. д.

Мировая война

Учитывая наше эмигрантское положение и рассеяние, нам следует высказываться как можно меньше об общем международном контексте мировой войны. Лучше всего трактовать ее, как мировое несчастье, вызывающее ряд благочестивых вздохов. Но наряду с этим нам следует 1) подчеркивать роковое и гибельное значение мировой войны в возникновении русской революции, 2) настаивать на том, что *всякая* новая европейская война, за исключением похода против большевиков, послужит распространению мировой революции, 3) всемерно создавать в России психологию «свободных рук»²⁶, 4) зорко вскрывать и раскрывать те причины, в силу которых мы не справились с бременем великой войны²⁷.

Мировая революция

Нам следует осветить как причины, так и цели и последствия мировой революции. *Причины:* 1) религиозно-духовный кризис человечества; 2) социально-хозяйственный кризис; 3) государственно-политический кризис. Отсюда: отсутствие идеи, пафоса и воли в правовом лагере; и наличие одержимой воли и слепых страстей в левом лагере. Весь процесс длительный и затяжной, соотв<етствующий> огромным запасам мировой зависимости. Русская революция только «проба пера». Проблема хозяйственной и международной организации мира неразрешима на этом пути. Но она неразрешима и на почве масонского интернационализма (Панъевропа, Лига Наций), который только подрывает патриотические основы сопротивления революционерам, и на почве радикального демократизма (который только затрудняет волевое единение как в отдельных государствах, так и во всем мире). *Цель:* создание новой элиты, безбожной, апатриотичной, волевой, правящей террором, экспериментаторски настроенной и противоестественно направленной. *Последствия:* государственное и культурное крушение мира. Чем позднее все это будет осознано, чем дольше не будет найдено волевое единство — тем обеспеченнее общая гибель. Все это образует историческое содержание грядущего XX века.

Советская Россия

Необходимо зоркое и беспощадное раскрытие следующих основоположений: 1) эволюция коммунистической партии исключена; 2) весь замысел коммунистов и вся их деятельность противоестественны (противоречат природе человеческого инстинкта и духа, природы хозяйства и государства); 3) все, что они делают, противоречит интересам России (случайные совпадения соблазнительны только для близоруких); 4) все, что Россия приобретает в итоге революции — будет вопреки ей, в порядке реакции на ее естество; 5) мы не должны смешивать Россию и советский строй; мы должны, ударяя по последнему, беречь интерес России.

Грядущая Россия

Грядущая Россия не может быть реставрационным «*fac simile*»²⁸ дореволюционной России. После падения большевиков нам надо будет отправляться от *небывалого* еще исторического видоизменения русского материала. Мы должны неотступно и со всем возможным напряжением пытаться верно предвосхитить эту грядущую русскую данность: а) в хозяйстве — сельском, часто промышленном и государственном; б) в политической форме и в тяготениях правосознания; с) в национальном составе, строении и тяготении; d) в социальном составе; е) в культурном уровне. И на этих прозрениях пытаться теперь же практически творить (пока, конечно, в схеме) новые формы жизни, возрождающие и насаждающие *наш идейный дух* в новой исторической данности, — начиная от новых, приспособленных видов избирательного права и кончая выделением из крестьянства новой элиты собственности и чести; начиная от культа семьи и орденских организаций и кончая всероссийским академическим союзом.

Это одна из центральных задач журнала.

Национальный вопрос в России

Нам надо утвердить и показать: 1) что Россия создана русским племенем, вопреки кочевым племенам Востока и вопреки оседлым племенам Запада; русским племенем с его политически могучим инстинктом, с его изумительной выносливостью и чрезвычайною духовною одаренностью; 2) что русское племя имеет культурное и духовное право на водительство в России; 3) что оно *обязано и призвано* блюсти и строить святыню русского духа; 4) что племенная политика в России была доселе (за исключением отдельных ошибок и бестактностей) человечна, культурна и зиждательна; 5) что и впредь младшие племена России, остающиеся в ее пределах, должны иметь духовно-культурную автономию и единый общий с нами государственный язык, нести государственно-патриотическое служение и пребывать под политическим

суверенитетом двуглавого орла. Россия для русских. Русским является всякий, кто интерес единой русской родины ставит выше индивидуализма и всякой коллективной части. Формула: «я русский и притом грузин, армянин» и т. д. Иноплеменник и неправославный могут быть русскими; но враг русского племени, Православия и русского языка фактически остается враждебным иностранцем. Следует ли давать ему публичное равноправие?

Международное положение России

В вопросах международной политики грядущей России нам надо закрепить в сознании читателей следующие основоположения. 1) Оберегая свой духовный дар и свое призвание, Россия *обязана* руководиться только своим собственным, здоровым, эгоистическим, великодержавным интересом²⁹. 2) С международной благотворительностью, сентиментальным идеализмом и моралью международного самопожертвования должно быть покончено: в небытии сильной России заинтересованы слишком многие, в ее восстановлении — только небольшие группы чешских и сербских националистов. 3) Малые славянские народы суть национально-политические акциденции³⁰; они бессмысленны и обречены без основной субстанции. 4) России предстоит путь нового собирания: на этом пути необходимо возродить политику московских князей и царей, но в большем размере. 5) Должен быть учтен весь опыт великой войны и Россия должна воздержаться от войны до тех пор, пока она не поставит на высоту свою промышленность, боевую технику, армию и пути сообщения³¹. 6) Никакое видимое разделение или урезание русской национальной территории не может и не должно вызывать в нас малодушия и уныния: сопринадлежность русских частей есть органическая и никакая иноземная сила не изменит в этом ничего (пример 1918 года на Украине). Воссоединение России есть вопрос времени, воли и политического искусства.

Хозяйственное развитие России

Предоставляя детальное обсуждение путей и средств специальным экономическим органам, мы должны отстаивать, исходя из *государственно-политических* соображений, следующие основные задачи: 1. Восстановление всех основных условий здорового частно-собственнического хозяйства. 2. Всемерное поощрение и оплодотворение частно-инициативной стихии, долженствующей вызвать в России бурный хозяйственный процесс заживления и расцвета, наподобие роста Канады. 3. Окончательный переход русского земледелия к частно-собственническому, хуторскому хозяйству и интенсивным формам. 4. Создание в России могучей и самобытной промышленности, возможно более самодовлеющей по отношению к иностранным рынкам, возможно быстрым темпом³². 5. Планомерная и всесторонняя разработка естественных богатств России. 6. Планомерная борьба со стихией социальной зависти. 7. Планомерная борьба с элементом классового раздора. 8. Всемерная забота о поднятии *качества* производства и продукта. 9. Принципиальная ставка на хозяйственно сильного и даровитого. 10. Волевая работа над новой хозяйственно-классовой консолидацией и солидаризацией общественного тела России.

Крестьянский вопрос в России

Основная задача здесь будет состоять в том, чтобы развязать и узаконить биологическую индивидуализацию крестьянской массы и в то же время придать ей формы хозяйственной продуктивности, государственной жизнительности и духовно-культурной индивидуализации. Отсюда: 1. Безболезненная, но окончательная ликвидация поземельной общины. 2. Переход к собственническому, хуторскому хозяйству. 3. Поощрение тех размеров землевладения, которые идут навстречу и наиболее благоприятствуют интенсивному хозяйству и качеству продукции. 4. Выделение и особое благоприятствование тех кадров крестьянства, которые могли бы

стать волевою опорой порядка, национализма и чести (дворянизация крестьянства³³). 5. Факт революционной экспроприации помещного класса должен быть покрыт амнистией, государственным оформлением и выкупом; сохранившиеся совхозы возвращаются владельцам; экономически живые и волевые представители помещного класса встречают полное содействие в возможном обеспечении их новыми участками (наделение из фонда, банковский кредит и т. д.). 6. Необходимы общие, государственные меры, ведущие к духовному и хозяйственному подъему крестьянства.

Трактование всего этого вопроса требует особого сочетания воли, доказательности и осторожной тактичности³⁴.

Армия

Предоставляя специальным военным журналам разработку профессиональных и технических сторон дела, мы должны настойчиво проводить следующие идеи: 1. Безусловную аполитичность армии. 2. Национально-патриотическое призвание ее. 3. Осмысление и возвеличение здоровых традиций русской императорской армии. 4. Установление и осознание геройской доблести и заслуг русской армии во время великой войны. 5. Патриотическую правоту и воинскую доблесть Белой армии. 6. Трагическую природу Красной армии и ее призвание. 7. Идейную подготовку братания между Белой и Красной армиями. В то же время мы должны всемерно и всецело поддерживать позицию главного командования³⁵ в его борьбе за Белое дело, за его неприкосновенность, жизненность и целостность³⁶.

Народное образование

Народное образование становится делом формальным, пустым и опасным, если оно отрывается от здорового духовно-патриотического *воспитания*. Именно отсюда возникает яд полуобразованности со всем ее верхоглядством, пошлостью и претенциозностью. Отсюда задача и роль интеллиген-

ции: выработать и внести дух волевого, религиозного и орденского воспитания в массы. Нужна не просто двухверстная народная школа, дешевое обучение, обилие гимназий и университетов; все это, будучи *не* на высоте, не только не строит духовную культуру России, а подрывает и разлагает ее³⁷. Нужна волна властного, нравственно-патриотического, систематически-продуманного и организованного воздействия: начиная от патриотического букваря и национально-литературной хрестоматии и кончая высокою оплатою и крепкою национальною организациею народного учительства; начиная от национального скаутизма и кончая братствами чести и служения среди студенчества; начиная от всероссийского сокольничества³⁸ и кончая демонстративным культом матери; начиная от приходских сестричеств и кончая повседневным насаждением судов чести; начиная от организации прессы и кинематографии и кончая всероссийским академическим и всероссийским преподавательским союзами. Особенно желательны организации для борьбы со сквернословием, и с взяткою во всех видах, общества трезвости и воздержания. И все — не столько в тоне смирения и стыдливой добродетели, сколько в тоне властного руководства и бойкотирующего осуждения³⁹.

Орфография

История вопроса: реформа осуществилась, во-первых, как следствие демагогического «народничества» и нигилистически-анархических тенденций в полу-интеллигентном учительстве, и, во-вторых, как следствие формально-абстрактной, рассудочно-мертвенной научной концепции языка, а также простой бесхарактерности в интеллигентных академических верхах. Мы должны вскрыть и доказать следующие тезисы: язык есть орудие духа и духовной культуры; это аксиома всего языкотворчества; отсюда: дифференциация духовных содержаний есть обязательный критерий для дифференциации языкового звука (фонемы), языковой

формы (морфемы) и языковой записи (граммы). «Правое» писание есть прежде всего писание, адекватно приспособленное к означиваемому духовному содержанию (к семеме). Разрушающий выработанную дифференциацию начертания (всемирно, исторически и духовно органически выстраданную) — разрушает духовную культуру, духовное общение людей, языковой аппарат науки и литературы. Посему орфография подлежит осторожной, органически-приспосабливающей реформе, а не ломке. Аргумент «трудности» несостоятелен и демагогичен: пишут избранные, им орфография не трудна; масса не пишет, а читает, и ей верно дифференцированная орфография *необходима* для верного разумения написанного (омонимических разносмыслий); упрощение, ориентированное вниз, всегда было и будет гибельным делом и т. д.

Белая идея

Говоря о Белой идее, мы разумеем идею религиозно-фундированного патриотического служения на жизнь и смерть. Это есть идея⁴⁰ волевой, героической государственности; идея характера и рыцарственной борьбы со злом; идея самообладания, чести, достоинства, дисциплины; идея свободного повиновения, жизненного добровольчества, любви и жертвы. Эта идея есть центральная для нас. Она должна проникать наш журнал, незримо насыщая его определенным настроением. Она может развиваться и целиком и частями; освещаться исторически и углубляться — религиозно, нравственно и политически.

Нравственность и идеализм

Большевизм есть разновидность нравственной тупости и нравственного цинизма — этим определяется значение нравственного фактора в текущих событиях. Между крайностями большевизма и обыденной порядочности лежит множество переходных ступеней и оттенков, незаметно

предваряющих и подготавливающих срыв в бездну; все это подлежит вскрытию. Надо обезвредить только зловерные предрассудки, незримо отравляющие современное человечество: будто нравственность нежизненна потому, что она сводится к безвольному мироотречению; будто добродетель есть нечто от прописи и нечто от глупцов, ханжей и хитрецов; будто цель оправдывает средства; будто государство по существу есть равновесие безнравственностей; будто добро и честность суть «понятия относительные»; будто совесть говорит всем людям разное; будто нет единого доказуемого критерия добра. В противовес этому надо показать, что именно *совестный реализм создает* самые могучие, жизненные аккумуляторы духовной энергии, организующие центры общественности и культуры.

Характер и воспитание

Воспитание русского народа есть одна из главных задач всей русской духовной культуры; это условие дальнейшего бытия России. Эта задача может и должна быть разрешена в порядке дисциплинирующего воздействия сильного меньшинства на слабое большинство. Не исключительно запретом и угрозой; но непременно и грозою. Прежде всего, восстановлением внутренних удержей — стыда, чувства вины и греха, чувства собственного достоинства, воли к хорошей репутации, самолюбия, национальной гордости, жажды уважения. Далее — демонстративным, организованным и безжалостным культивированием начал чести, заслуги, доброго имени, служения, неподкупности, верности и постепенного создания рыцарственного уровня — сначала в верхних слоях, потом по всей стране. В крестьянстве это должно начаться одновременно — и в школе (дух патриотического скаутизма), и в быту (борьба за чистое жилище, борьба с дортуарным спаньем⁴¹; борьба за бытовое искусство, за культ национальной красоты и за памятники старины; хоровое пение, простонародные оркестры, любительские спектакли; система премирования всяческих заслуг, выдача почетных отзывов, грамот

чести; культивирование семейных хроник и памяти о заслугах предков; распространение соответствующей литературы и т. д.).

Во всей стране должен быть введен патриотический культ национальных *героев*, с соотв<етствующим> богослужением (панихиды и молебны) и светскими процессиями. И всей этой системой, которую надлежит продумать до конца, должна руководить волевая, орденовая спаянная элита, *не* стоящая в прямой зависимости от правительства.

Родина и патриотизм

В наши дни уже нет необходимости «призывать» к патриотизму, но надо помочь его самосознанию, духовному оформлению и, главное, его *волевой организации*. Нужно открытое, волевое и горящее, *изложение* патриотических настроений, забот, намерений и планов. Надо говорить громко о России, отстаивая религиозную правоту ее национального эгоизма и обнаруживая неодолимую, *волевою веру* в ее непомеркшее и идущее к невиданному расцвету величие. При этом надо убедительно показать, что патриотизм есть состояние *духовное*, христиански и православно обоснованное (мироприятие), что интернационализм есть постыдная ересь, извращение, предательство и малодушие; или же прямая порочность. Надо на тысячу ладов показывать величие России, но не в порядке декламации, а в порядке убедительного заряжения национальной гордости неоспоримыми фактами⁴².

Национализм и интернационализм

Крепко и убедительно отстаивая правоту русского национализма, громя интернационализм и в его вульгарно-большевицких и в его масонски-утонченных видоизменениях, мы должны блюсти две границы: 1. Грань против всяких идиотизирующих преувеличений, неумных, крикливых, комичных, дающих противникам материал для пачкотни, как-то — всяческого претенциозного «мессианства», мании грандиозы,

легкомысленного шовинизма, евразийства, презрения к другим народам и т. д. 2. Грань против всяческого преувеличения иноплеменных преимуществ, заслуг, способностей и т. д. Весь вопрос требует от нас сочетания страстности и трезвения, огня и зоркости, пафоса и справедливости. Надо установить различие между «интернационализмом» (отрицающим родину) и «сверхнационализмом» (утверждающим родину, возвеличивающим ее в мире и обеспечивающим ее в возможной будущей международной организации). Самобытность не добывается ни оригинальничанием, ни гордынею. Цивилизационно-культурный разрыв с Западом означал бы, что Россия будет через четверть века поработана западными соседями посредством технического и стратегического завоевания⁴³.

Право и правосознание

Россия жила и созидалась доселе своим могучим и здоровым государственным инстинктом. Теперь его необходимо превратить в крепкое, эффективно укорененное, волевое право-*сознание*. Этого требует переживаемый миром кризис, вызванный возникновением большевицкой заразы. Нам надо исходить, во-первых, от столь обострившейся во время революции потребности *порядка*; а порядок есть блюдение субъективно-правового статуса (своего и чужого), взаимность, равновесие, мир, справедливость; во-вторых, от всенародной потребности в *сильной власти* — отсюда подчинение ей; в-третьих, от *биологической индивидуализации*, пробужденной в революции, — отсюда ее оформление чувством собственного достоинства, волевой дисциплиной, потребностью во взаимном признании (взаимном уважении и доверии). Правосознание должно стать в России предметом преподавания и публичного культивирования (герои долга, справедливости, государственной силы, военного и гражданского подвига). Необходимо учреждение обществ борьбы с взяткою и произволом; необходима публичная апология неподкупности и совестно-справедливого усмотрения.

Раздача орденских знаков не должна быть более механической. Корпорации, культивирующие право (судебные деятели, адвокаты, полиция, фабричные инспектора), должны установить суровые суды чести. Государственность должна как бы систематически подкожно впрыскиваться индивидууму. В массе надо воспитывать автономное, патриотическое правосознание.

Государство и власть

Нам необходимо доказать и прививать воззрение, что государственная и политическая деятельность требует высокой *волевой, моральной, образовательной* и профессионально-технической квалификации; это дело не общедоступное, не дилетантское, не уличное; это не дело бухгалтерского баланса для личных жадностей или классовых вожделений; это не дело безответственной болтовни или подлой склоки. Отсюда в высшем смысле слова аристократическая природа государства, значение традиции, профессиональной элиты и профессиональной подготовки. Государственность имеет свои закономерности; какие? Власть имеет свои жизненные аксиомы; какие? От попраения тех и других обрушилась Россия. Только восстановление их восстановит ее⁴⁴.

Политика вообще

Надо утверждать и доказывать, что политика не есть сочетание насилия и коварства, расчетливой интриги и массовой «наводки», честолюбивой толкотни и беспринципного компромисса. Стержень политики иной: властно суггерлируемая⁴⁵ солидаризация страны; гетерономно воспитываемая автономность правосознания; справедливая реформа и прямой образ действия; создание национального будущего через эксплуатацию национального прошлого, собранного в национальном настоящем. Только на этом стержне и только в меру реальной необходимости допустимы и не гибельны

все коварства, насилия и компромиссы обыденной политики. В политике и в государственности есть нечистые стороны и дела; их нельзя замалчивать или отрицать; но именно поэтому политика требует чистых рук, их сознательного и бескорыстного участия в нечистых делах, их трагического самопожертвования.

Свобода и либерализм

Надо дать религиозное и духовное обоснование свободы; поставить внешнюю свободу в подчинение и в зависимость от внутреннего самообуздания и духовной дисциплинированности; установить принцип *верной* меры свободы (в зависимости от народа, эпохи, культуры); доказать, что во внешне-социальном отношении гетерономная лояльность выше и ценнее автономной преступности; критически отвергнуть анархизм, как невозможную и духовно ненужную, аффективную химеру, и показать — сколь много свободы было в России *до* революции и как она была целиком уничтожена революцией.

Наш лозунг для России: свобода веры, свобода собственности, свобода хозяйственной инициативы, свобода торговли⁴⁶. Но не «свобода разрушительной пропаганды, злодейства и предательства родины».

Равенство

Надо вскрыть и установить, что равенство есть химера, порожденная завистью и поверхностным рассудком. Люди не равны по природе. Они не должны быть равны *по* закону (распределение законом полномочий и обязанностей). Уравнение людей *перед* законом (т. е. применение закона ко всем, кто ему подчинен) тоже есть не бесспорная истина и знает свои исключения (аболиция⁴⁷, амнистия, помилование). Справедливость требует не равенства, а верно приспособленного неравенства. Революция творит не равенство, но сначала механически-обратное неравенство, а потом ор-

ганически-извращенное неравенство в пользу своей какистократии⁴⁸. Равенство как лозунг французской революции и мирового большевизма переживает ныне великий кризис; надо превратить этот кризис в окончательное идейное крушение.

Наш лозунг для России: дорогу таланту, честности, знанию и опыту! Да здравствует справедливость! Долой равенство! Ставка на лучших и сильных!⁴⁹

Семья

Нам необходимо утвердить семью, ее значение и ее ценность — религиозно, нравственно и государственно (имея при этом в виду именно христианскую моногамическую семью). Надо показать религиозный и нравственный смысл единобрачия; значение отца и матери как духовных врат к восприятию Бога, к чувству собственного достоинства и к национальному продолжению поколений; духовное значение братства как залога общественности и государственности; духовное значение предков и потомков как источника традиций, строительства, консерватизма, культуры и патриотизма⁵⁰.

Монархия и республика

Мы не можем и не должны скрывать того, что мы принципиально убежденные монархисты, и притом не просто в политическом смысле (России нужен царь), а в глубоком, религиозно-идейном измерении. Идейную глубину и чистоту, художественную прекрасность и христианскую фундированность⁵¹ (*не ветхозаветно-библейскую!!*) монархии нам и надо заново раскрыть и показать. Критика республиканизма должна исходить именно из этой концепции. Программа для России: если Россия обречена после падения советов на республиканский строй, то мы будем реально и патриотически служить России и в этой форме; монархический же строй должен быть подготовлен в душах и в правосознании массы — тогда он осуществится неминуемо и будет на высоте⁵².

Демократия

Демократия не есть самоценность и не обеспечивает сама по себе ни целостности государства, ни его духовного расцвета, ни прочности правопорядка, ни социальной справедливости. Демократия есть формальный механизм вовлечения масс в отправление функции власти. Это имеет свои дурные последствия и свои великие опасности; их надо вскрыть. Демократия на Западе спасается именно своими антидемократическими упорами и коррективами (в душевном укладе и в государственной машине). Особенно нелепа и противогосударственна русская демократическая химера. Демократия есть или средство для выделения к власти лучших (осуществляется ли это? где? и как?), или же вредная бессмыслица, порожденная завистью, честолюбием, биологической индивидуализацией в массе и органической потребностью освежить наличную государственно-ведущую элиту. На самом деле *всегда* правит меньшинство. Можно ли вообще духовно обосновать и политически организовать право большинства? Государствам вообще нужно и важно гетерономное воспитание автономного правосознания, а не демократическая форма как таковая. Демократия же всегда была и будет организацией стабилизированного государственного распада⁵³.

Парламентаризм

Парламентаризм есть увенчание демократического уклада (убежище для беспринципных плутов⁵⁴) — даже и там, где «демократия» не охватила еще всю народную толщу. Посему к парламентаризму относится все, высказанное о демократии. Но далее: парламентаризм есть организация партийных трений, партийного честолюбия, партийного духа — т. е. канонизация непредметной политической интенции, скрытой гражданской войны и работы над разрешением ложной проблемы: *создать могучее волевое единство с верной государственной интенцией из множества разномыслящих и врозь волящих хотений с неверной государственной интенцией*. Отсюда: парламента-

ризм есть растрата государственных сил, организация безволия, канонизация интриги, культивирование беспредметного честолюбия, подготовка всеобщего политического разочарования и утомления. В эпоху мирового кризиса, требующего объединения и усилия государственной воли, — парламентаризм есть наилучшая форма непротивленчества и самопредания злу⁵⁵. Исход: или чистая диктатура⁵⁶, или фашизм⁵⁷, или разложение⁵⁸. Фашизм есть спасительный эксцесс патриотического произвола; в этом заложено все: и его творческая сила и его опасности⁵⁹. В частности, нам надлежит вскрыть опасности русского фашизма.

Проблемы мирового хозяйства

В вопросах современного мирового хозяйства мы должны *просвещать* наших читателей. С возможной ясностью, простотою и наглядностью (хочется сказать «занятностью») мы должны вскрыть им ту роль, которую призвана играть *здоровая* Россия в мировом хозяйстве. *Степень* хозяйственной зависимости России от других держав, *причины* этой зависимости и возможности *борьбы* с нею; пути, ведущие к увеличению хозяйственного веса и влияния России в мировом масштабе; хозяйственная связь России с ближайшими политическими соседями; хозяйственные конкуренты России в мире и возможные столкновения интересов с ними; хозяйственный смысл проблем Ближнего Востока и Дальнего Востока и т. д. — вот предметы, подлежащие разъяснению и притом всегда волеопределяющему разъяснению с нашей стороны⁶⁰.

Собственность

Мы должны дать хозяйственную, социальную, государственную, духовную и христианскую апологию частной собственности. Показать ее соответствие творческому инстинкту человека; ее воспитательную силу в прошлом; ее значение в истории развития мирового правосознания; ее действительную, не фразеологическую только необходимость и священ-

ность. Надо открыто поставить и принять *всю* проблему, не уклоняясь от ее труднейших сторон (*beati possidentes*⁶¹, пауперизм⁶², пролетариат, «раздай имущество», фальшь благотворительности, биржа, мировая конкуренция). Разрешение проблемы в направлении: полномочие собственника есть его творческая обязанность; богатый заинтересован в небедности бедного; соревнование, а не зависть; право на труд; нищета не должна становиться кастой; организация собственности, а не отречение от нее; не отрицание богатства, а этизация и культуризация его; справедливость, а не равенство; солидаризация, а не ограбление; изобилие и щедрость⁶³.

Социализм и коммунизм

В разоблачении и сокрушении социализма и коммунизма мы должны особенно использовать опыт последнего десятилетия. Различие между социализмом и коммунизмом не идейное и не принципиальное, а тактическое⁶⁴; взаимная ненависть между социалистами и коммунистами не имеет существенно-идейного значения; социализм есть лишь подготовительная школа коммунизма. Их *идея* противоестественна: она пытается не решить хозяйственную проблему, а снять ее посредством отрицания ее данных — природного человека с его индивидуальным инстинктом, органичностью, неравенством и духовностью. Отправляясь от этого, нам следует дать естественную, хозяйственную, социальную, государственную, идеологическую и религиозную критику социализма. Критика не должна быть загружена статистически-конкретными данными, которые найдут себе место во второй части журнала. Желательно установление прочной принципиальной грани между так называемым государственным капитализмом и социализмом⁶⁵.

Политические уроки мировой истории

Было бы очень важно извлечь из естества русского крушения целый ряд обобщений, ориентированных на явления и процессы мировой истории. Дело не в проведении аналогий,

всегда условных и до известной степени поверхностных, а в установлении прямых назидательных социологических законов, конкретно испытанных русским народом на своей собственной шкуре, например: религиозность как глубочайшая спайка общества и государства; бессилие и безволие власти губит страну; отречение монарха развязывает в стране атомистические процессы; автономное правосознание выше и жизненнее гетерономного; всякая страна нуждается в волевой и ответственной элите; революция есть глубокое заболевание государственного правосознания в народе и т. д.

Пути и способы нашей борьбы

Мы должны прежде всего установить духовно-политический смысл эмиграции и духовно-политический смысл подъяремного отсиживания; установить их сопринадлежность, солидарность и взаимное понимание. Далее надо оттенить, что мы формально «революционеры» — отсюда опасности наши: «чем хуже, тем лучше», пораженчество, отрыв от интересов страны и от понимания ее внутренних процессов; однако по существу мы не революционеры (разрушители и разлагатели), а лояльные и верные граждане России (строители и блюстители). Отсюда наше *консервативное* призвание: блюдение живого, ценного и существенного — и здесь, и там; восстановление, но не реставрация; возрождение, но не реакция; оздоровление и очищение, но не месть; консолидация и амнистия, а не новый передел имущества. Отсюда уже наше право на восстание и на свержение. Лозунг: нещадная борьба коммунистам, мир и братство России; прощение личных обид и очищение родины от ее врагов и вредителей⁶⁶.

Меры переходного времени

Поскольку нам придется высказываться по сему вопросу, нам следует всемерно подчеркивать все *успокаивающее*, отводящее всякие страхи, всякое ожидание расправы. Гроза

должна грозить только активно и вооруженно поддерживающим дело коммунистов в России: каждого, сложившего оружие, ждет братание и амнистия; каждого отрекающегося от коммунизма — персональная и имущественная неприкосновенность; всем — забвение, прощение и воссоединение. Особенно крестьянам и красноармейцам. Надо, чтобы туда струилось дыхание мира; чтобы широко разлеталась идея безопасности переворота, его выгоды и спасительности⁶⁷.

1927

№ 1

Часть I

«Русский Колокол» — есть журнал национальной и патриотической волевой идеи. Его цель — служение самобытной и великой России. Его задача — глубокое и всестороннее обновление духа в русском образованном слое, укрепление русского самосознания и отбор качественных сил. Мы исповедуем родину как священное начало. Мы осуждаем революцию; мы отрицаем социализм и коммунизм; но мы не ищем восстановления дореволюционных порядков. Мы верим в величие *новой, грядущей* России; ею занята наша мысль; ей отдана наша воля. Мы крепко верим в государственную одаренность русского народа и знаем, что Россия восстановится на путях *религиозного очищения и самобытного творчества*. Мы не связаны ни с какими партиями и организациями. Но мы ищем и зовем единомышленников по всему свету. Мы ждем идейного и волевого отклика от всякой живой души, умеющей ставить Россию выше всего.

Да поможет нам Господь!

РЕДАКЦИЯ

«РУССКИЙ КОЛОКОЛ»

После долгих унижений и страданий пробуждается духом национальная Россия. С нею наши помыслы. Ей отдана наша воля; ей посвящено наше служение. Ей навстречу звучит наш Колокол.

Проходят годы великого смятения и крушения, годы, полные грозных, пророческих событий. Мы видели эти события и уразумели их; они были явлены нам, но не только нам одним: неисповедимым промыслом Божиим Россия первая вступила на путь изживания *мирового соблазна*. Десять лет длится это хождение по мукам. И вот, где-то впереди забрезжил конец его.

Сколько раз за эти годы содрогалось наше сердце до самой глубины!.. Сколько раз изнемогал ум, силясь охватить законы совершающегося!..

Но *воля*, напрягаясь, закалялась в суровых решениях и страшных клятвах... Но, не колеблясь, ведала наша *вера*, что жива по-прежнему святая Русь; что не развеяна ее духовная сила, укрепленная и взращенная русским Православием; что как встарь, от татарской погони, ушел наш священный Кремль на дно таинственного озера и дивно всплывет в предназначенный час; что в зримом умирании незримо возрождается наша Россия, да славится в ней Воскресение Христово!

Пробьет этот желанный час, и начнется исцеление. России понадобятся *все* ее верные сыны, где бы они ни были и под каким бы бременем они ни изнывали. Все, кто огнем своей любви скажет: «я — русский!..» *Всем* будет место и дело в ее обновленной жизни; она *всех* спаяет новым примирением и новым братством.

К этому великому часу мы должны неумоимо готовиться. Все мы, кто любим Россию, где бы мы ни были и под каким бы бременем мы ни изнывали. И ныне же мы должны сказать себе и друг другу, в чем нуждается наша родина? чего она потребует от нас? в чем мы видим ее спасение? и что мы должны делать в будущем для того, чтобы никогда более не повторились эти годы смятения и крушения?

И вот, первое, в чем нуждается Россия, есть религиозная и патриотическая, национальная и государственная *идея*.

Мы должны увидеть *идеальную Россию*, нашу родину в ее возможном и грядущем *совершенстве*; увидеть — священную

мечтою нашего сердца и огнем нашей живой воли. И увидев ее так, и увидев ее такую, создать те силы, которые осуществят ее, — Россию природных и национальных дарований; Россию великих залогов и заветов; Россию святителей, гениев и поэтов; Россию перед лицом Божиим...

Каждому русскому, кто бы он ни был, необходима эта *священная идея его родины*, как руководящая цель, как живой источник его земного мировоззрения, как движущий мотив, как критерий для проверки всех его поступков; и более того: как предмет, о котором он молится всегда и прежде всего, и за который он способен умереть.

Эта *священная идея России* указывает нам цель всей нашей борьбы и всего нашего служения; и не только на ближайшие сроки, а на целые века вперед. Она охватывает все силы России и все ее достояние: от веры до быта, от песни до труда, от духа до природы, от языка до территории, от подвига до учреждений. В этой идее мы видим *все Русское* сбереженным и взлелеянным, обогащенным и расцветшим; и тысячами голосов самобытно хвалящим Творца.

Стоит ли нам жить без этой идеи? И не из нее ли всегда рождались те усилия и взлеты, та преданность и то терпение, те мечты и те грозы⁶⁸, которые создали Россию в истории?

Без этой идеи все скучно и половинчато; все бесцельно; все без руля и без ветрил: и культура, и искусство; и хозяйство, и политика; и война, и мир. Вредна безыдейная программа; нелепа безыдейная борьба, — нелепа и обречена. Ибо только *священная идея* дает силы для борьбы; только она дает настоящую победу.

Эта идея зовет к созданию великой России. *Духовно* великой; и вследствие этого — великой и *государственно*; великой и оправданной перед лицом Божиим; а потому великой *в людях и для людей*. Ибо земное и человеческое величие — или освящено и благодатно; или есть тлен и прах.

Россия должна обрести глубокие и животворящие, но развеянные и утраченные основы своей веры и освятить ими свое земное бытие. Она должна раскрыть *мироприемлющие*

силы православного христианства, освящающие и природу, и труд, и искусство, и науку, и государственность, — и освятить ими себя.

Это есть идея *великодержавной* России, воздвигнутой на основах подлинно *христианской*, волевой и благородной государственности. Это есть идея: *Богу служащей* и потому *священной родины*.

В этой идее, христианской и *милосердной* и в то же время государственной и *грозной*, — высказана наша цель, наше будущее, наше величие. Она отвергает раба и хама; и утверждает брата и рыцаря. Она учит чтить божественное в человеке; и потому требует для него духовного воспитания. Она дает человеку свободу для духа, для любви и для творчества; но не дает ему свободы для лжи, для ненависти и для злодейства. Она учит принимать право, закон и дисциплину доброю волею; и требует, чтобы мы заслуживали себе свободу духовным самообладанием. Она зовет к братству; но выражает братство не в равенстве, а в справедливости и в справедливом ранге. Она зовет к творческому труду, ограждая собственность; но самую собственность освещает как ответственную обязанность и как призыв к щедрости. Она утверждает брак как таинство; и семью как школу любви, верности и повиновения. Она учит строить государство не на выгоде и произволении, а на долге и верности; не на интриге и подозрении, а на уважении и доверии; не на честолюбии и заговоре, а на дисциплине и преданности вождю за совесть. И потому она зовет нас воспитывать в себе монархические устои правосознания.

Эта идея есть древняя и исконная *русская* идея. Она предносилась нашим подвижникам и летописцам; нашим государям и полководцам; и простым людям, и образованным; и разумным, и юродивым. Она национальна по происхождению. Но она *национальна* и по *цели*. Ибо она утверждает, что русский народ уже доказал и утвердил свое право на существование, создав великую, духовную и державную культуру; и что потому он *прав* перед лицом Божиим, отстаивая свое

бытие и свои права. *«Россия»* есть имя великой национальной культуры и великой государственной организации; это есть имя того духовного лона, созданного русским народом, в которое сто сорок различных племен сделали свой бытовой, а иногда и духовный вклад, и в котором они нашли свою родину. Созданиям этого творческого лона ныне изумляются другие народы; а впереди его ждет грядущий творческий расцвет и величие. И потому Россия должна не служить другим народам, жертвуя собою, сокрушаясь от непосильных напряжений и поучая их своим крушением, но *беречь свои силы* и воспитывать своих сынов к духовным достижениям и подвигам.

Расцвет русского духа и русского творчества есть цель, верная и ценная сама по себе. Всякий, борющийся за нее, *прав* перед лицом Божиим и перед всем человечеством; и недалек тот час, когда другие народы научатся чтить нас и перестанут делать из нас простое орудие для своих целей. Но для этого мы сами должны познать и признать свою мировую ценность; мы должны научиться чтить в себе свое национальное достоинство, не переоценивая других народов и не подражая им; мы должны спокойно и уверенно внять инстинкту нашего национального самосохранения.

Такова наша религиозная и патриотическая, национальная и государственная идея. Она есть то первое, в чем нуждается Россия.

Второе, что необходимо ей, — есть *воля и характер*.

Не выдумывать, не мечтать, не вздыхать призваны современные поколения русского народа в целом и русской интеллигенции в особенности, — но видеть и разуметь; разуметь и решать; решать и осуществлять. Россия требует от всех нас *воли и дела*. Не легкомысленных толчков; не коротких порывов; не безответственных эксцессов. Но — *глубоких, выдержанных и властных решений, изливающихся в систему организации и в систему организованных действий*.

Это нужно не на «завтра» и не на «послезавтра»; это нужно на несколько поколений. России нужны люди, умеющие

любить и притом любить самоотверженно; умеющие желать и притом из глубокой и сильной воли; умеющие поступать и брать на себя ответственность за свой поступок. России необходимы не растерянные и напуганные обыватели, но люди с гражданским мужеством; не слабые, а сильные; не гнущиеся, а ведущие; люди с крепким национальным характером; *русские адаманты*⁶⁹. Они необходимы ей не только для того, чтобы совершить ее освобождение и восстановить ее; но еще для того, чтобы воспитать в ней новые поколения с гражданским мужеством и с характером.

Воспитание характера — вот великое национальное задание России; вот ее волевая идея на века. Русскому человеку необходим характер, религиозно укорененный, патриотически накаленный, способный к *деяниям долгого замысла и медленного, выдержанного исполнения*.

От расовых кровей и от внешней природы русский человек получил много даров; но *это* свойство он должен выстрадать и *приобрести сам*. Русская душа дышит легкостью и внутренней свободой, — и нуждается в волевой дисциплине. Она богата талантом, — и нуждается в трудолюбии. Она глубока и темпераментна, — и нуждается в волевом и разумном трезвении. Она добра и гостеприимна, — но не проработана чувством долга. Она религиозна по природе, — но нуждается в зорком очищении и в выдержанной борьбе с соблазнами. Она мечтательна, созерцательна и в чувствах своих неуравновешенна, — но именно поэтому она нуждается в самообладании и в силе характера.

Эта сила не дана русскому человеку, а задана ему; и вся наша история, начавшаяся с разочарований татарского ига, исполненная непрерывных военных напряжений и гражданских жертв, не облегчала нам это самовоспитание, а затрудняла его: сильные гибли в героической борьбе, а слабые привыкали к пассивному терпению.

Россия нуждается в *сильных людях*. Чтобы вести других, надо самому уметь стоять и уметь идти. Слабые ничего не возглавят, никого не поведут и никого не воспитают. Воспи-

тывать могут только сильные: только мужественный может взрастить мужественных; только трудолюбивый может приучить к трудолюбию; только добросовестный может воспитать добросовестных. Только честный и грозный страшен злодеям. В русской истории перевернута страница безответственной мечтательности и пассивной критики. Суровое и трудное время требует твердой воли и трезвой, *железной работоспособности*. Пусть это будет меньшинство: всякую страну всегда ведет меньшинство; но это меньшинство должно быть *качественно* на высоте — оно должно быть религиозно идейным, организационно умелым и технически знающим. И тогда в ответ на качественный зов — народ начнет выделять из себя качественных людей и развернет свои лучшие и благороднейшие свойства.

Это второе, в чем нуждается Россия.

И третье, что ей необходимо, — это *свободный и спокойный патристический реализм* для мирного и творческого выхода из революции.

Мы знаем и понимаем, что революция была духовною болезнью, великим всенародным несчастьем, от которого *все* русские люди бесконечно много потеряли: одни потеряли *всё* и даже возможность жить у себя на родине; другие потеряли очень много, гораздо больше, чем они приобрели и чем они, может быть, ныне сознают это — ибо тот, кто в революции приобретал *для себя*, тот терял *вместе со всею страню* бесконечно больше приобретенного.

Ныне мы все ищем духовного и политического выздоровления от этой болезни. Мы знаем и понимаем, что впредь в России многое будет совсем иным, чем было раньше; и никто из нас не желает восстановить все по-старому. Мы видим *впереди новую Россию, лучшую*, в истории *еще небывалую*. Правда, она сначала будет несравненно более бедна и слаба, и несравненно менее образованна; но мы принимаем все эти тяжелые последствия революционной беды и готовы нести их бремя жизнью и волею. Ни к кому из русских людей, *любящих Россию как свою родину*, мы не питаем ни злобы, ни мстительных

чувств; напротив, выше всего ставя благо России, мы желаем одного — чтобы она была избавлена от нового, повального, имущественного передела и, следовательно, от новой гражданской войны...

Реальное благо России — стоит для нас выше всего; ему должны быть подчинены все частные, групповые и классовые интересы. Трезво и честно, ответственно и по совести определит сам русский народ в лице своих лучших людей, что нужно для его умиротворения и творческого труда; и да будет все согласно этому определению! Мы свободны от всяких до-революционных, классовых и сословных предрассудков; мы ищем для России — величия, а для себя только одного: *счастья идейно и честно служить ей до гроба!*

Советская власть обречена; и она падет⁷⁰. Она должна быть свергнута; и будет свергнута. И кто бы из русских патриотов, свергнувших ее, ни взял в свои руки власть, — пусть только он реально ведет и блюдет благо России, — мы готовы помогать ему трезво и честно, идейно и ответственно. Да свершится русское национальное дело! А мы ищем для себя одного: счастья верно служить величию России...

Вот в чем нуждается наша родина. Вот чего она требует от нас. Вот в чем мы видим ее спасение.

России нужен идейный волевой и творческий кадр: *рыцарственный кадр*. И она уже готовит его для себя в лишениях и испытаниях. Он мученически томится внутри страны; он героически ведет борьбу в лесах и в тюрьмах; он изнывает в непосильной работе по всему миру. Пусть же он знает и твердо верит, что в нем, *в его духовной силе и зрелости — залог нашего национального спасения!..*

И Россия скоро позовет его. Ибо близятся исторические сроки; и народ наш, потрясенный и отрезвленный, возвращается к своим национальным алтарям, к священным истокам своей жизни...

Да звучит же наш Русский Колокол!..

С нами Господь нашего Китежа!!

РЕДАКТОР

О СВЯЩЕННОМ

Грозная беда постигла человечество: оно растеряло свои святыни и расшатало духовные основы своего бытия. Его жизнь стала бесцельна; его творчество — бессмысленно; его благие силы стали скудны и немощны; его влечения — низменны и необузданны. И чем дальше идет время, тем более становится оно *слабым в добре и сильным во зле*. Есть ли предел этому падению и где он?

Это падение прекратится и этот предел установится; но не ранее, чем в сердцах возродится живое и глубокое чувство священного, — живая и подлинная религиозность. В душах иссякли благодатные источники богосозерцания; они должны вновь забить ключом. Современные люди как бы ослепли для Божиих лучей, пронизывающих мир; им предстоит вновь прозреть. Самодовольный и плоский рассудок восстал против живой тайны Божией; ему предстоит смириться и преобразиться в *верующий разум*. Божии лучи опять засияют человеку с *очевидностью*; но до этого и для этого ему предстоит очиститься в глубоких страданиях и унижениях... И из этой глубины он опять воззовет к своему Господу!

Человечество растеряло свои святыни. Они не исчезли и не перестали быть; они по-прежнему реальны. Но человек не видит их, не испытывает их, не трепещет и не ликует от духовного прикосновения к ним, не загорается и не горит, не любит их и не рвется к ним, не борется за них и не ищет их осуществления. То, к чему тянется масса современного человечества — то не священно; а мимо священного она проходит — равнодушная и безразличная, или же буйствующая и кошунствующая. И судьба ее в том, что те, кто сегодня равнодушны, — завтра будут враждебно буйствовать; а те, кто вчера были безразличны, — сегодня уже изрыгают хулу...

В горнем плане реально все по-прежнему. Свят и дивен Господь и в небесах, и в Сыне Своем, и в веянии Своего Духа, и в таинствах благодати, и в тайнах созданного мира. По-прежнему все насыщено священной значительностью. По-преж-

нему славит Творца — и величие гор, и взволнованное море; и мертвый кристалл, и тайна живого организма; и безошибочность инстинкта, и благоговейно вопрошающая мысль; и пение птиц, и закатные лучи, и молчание ночи. По-прежнему нам дается более, чем мы умеем взять, и прощается более, чем мы этого стоим.

Но с каждым поколением становится все больше и больше людей, которые не живут в горнем плане, не видят его, не знают о нем, и не знают вообще, что он *есть*. Мир, который они видят, — веществен и случаен; мысли, которые они накапливают о нем, — плоски и мертвящи; чувства, которыми они обращаются к нему, — мелки и похотливы; цели, которые они себе ставят, — коротки и себялюбивы. И вся жизнь их — безблагодатна, безыдейна и бескрыла. И сами они — остаются игрищем собственных страстей и чужих влияний. Они лишены хребта, но не лишены жадного напора. И если их еще сдерживает страх, то идея давно уже не ведет их. Ими правит не дух, а вожделение. Каждый из них имеет «существование», но редко кто из них причастен благодатному *бытию* и выстраданной, священной, богодарованной *силе*.

По силам ли им соблазны разнузданных страстей, прикрытых окаменевшим безбожием? Какие священные начала они могут противопоставить пафосу отрицания? Никаких. Священное открывается только духовному оку; оно не открывается ни телесным ощущениям, ни рассудку, ни животным чувствам, ни пустопорожней воле. Что может возразить нигилисту тот, кто не испытывает и не знает ничего священного? *Практический* материалист, с плоскими мыслями, мелкими чувствами и короткими целями, — что может он противопоставить *теоретическому* материалисту, утверждающему, что таким и надо быть *не стыдясь*? Богопустынная душа бессильна перед напором дьявола: ибо дьявол есть лишь верный идеолог для безблагодатности и безыдейности.

Религиозно слепые и бескрылые поколения нашей эпохи возникли не сразу и выступили совсем не неожиданно: это плод, *давно* завязавшийся и *долго* зревший. За этим умо-

настроением, за этим душевно-духовным укладом лежит история нескольких веков. Этот уклад возник из того, что человек *ослепился закономерностью материи и стройностью рассудка*; и отдал им *центральное чувствилище своего духа*; а душевная инерция доделала остальное. Человек зажил такими органами души, которые бессильны в обращении к священному, которые будят только внешнюю поверхность предметов и отвлеченную сторону мыслей. Бытовая, техническая полезность утвердила его в этом укладе: *любопытствующий наблюдатель* стал успешно обслуживать *прозаического корыстолюбца*, и оба вместе соединенными усилиями воспитали *самодовольного резонера*. И когда привычный резонер и плоскодум обернулся назад и увидел внешние покровы заброшенных им святынь — он иронически и кощунственно засмеялся.

Вместе с Вольтером и вслед за Вольтером европейское человечество высмеяло и *просмеяло свои святыни*. Эта слепая, самодовольная и легкомысленная ирония выдавала себя и принималась за проявление света, за высшую зречность. А на самом деле она закрепляла в душах слепоту и религиозную немощь. Это был не только отказ от священного; это был отказ от серьезного и благоговейного подхода к священному. Эта ирония не только отрезала религиозные крылья у человека, но как бы прижигала еще своим едким ядом урезанные места: чтобы крылья и впредь не могли вырасти. Она опустошала мир и душу. И, следуя за нею, человек привыкал считать откровение вымыслом, догмат — предрассудком, молитву — чудачеством или ханжеством. Мало того, он привыкал издеваться над молитвою, над собою, прежде молившимся, но более не молящимся, и над самим Предметом своей бывшей молитвы. Религиозная слепота становилась *критерием просвещенности*; а жизнь, опустошенная от святыни, становилась *подлинным царством пошлости*.

Солнце не померкло в небесах. Но ослепшие глаза утратили его образ. Душа поверила, что солнца нет, и погрузилась во внутренний мрак.

От нас зависит выйти из этого мрака наподобие того, как вышел из него евангельский слепорожденный: ибо целительная грязь уже возложена на наши глаза и нам остается промыть их и видеть. В этом *религиозный смысл* нашего революционного крушения.

Без священного человеку нет жизни на земле, а есть только прозябание, кружение в порочных страстях, унижение и гибель. Что мы без святыни? — прожорливые черви, хищные звери или испуганные овцы... Живое отношение к святыне впервые делает человека — *человеком*; служение ей — строит его личность и создает его характер.

Восприятие священного — пробуждает душу к жизни от сонного прозябания; и тот, кто не пережил этого, тот пусть считает себя духовно спящим. Испытать священное и узнать его — значит пережить *главное* в жизни, такое, чем воистину сто́ит жить и за что воистину сто́ит бороться и *умереть*⁷¹. Этим восприятием душа бывает потрясена и как бы ранена; ранена — божественным совершенством; но не к болезни, а к исцелению, радости и любви. В этот момент, если он состоялся впервые, в ней совершается как бы некая *завязь* духа, личности и характера; в этот момент в ней как бы небо отделяется от земли; или в жилище ее как бы воздвигается алтарь; или в граде ее как бы возносится на горе Кремль с его святынями. В человеке возникает его *священный центр*, к которому отныне все должно стекаться и от которого все должно исходить. Отсюда он будет впредь обращать свой взор к Божественному, и здесь он будет искать вдохновения и умудрения; отсюда будут возноситься его молитвы; здесь будут даваться его страшные и ненарушимые клятвы; здесь будут приниматься жизненные и смертные волевые решения. Пребывать в этом центре и жить его откровениями составляет *смысл жизни*; оберегать его в себе и укреплять — есть пожизненное задание; служить ему есть вечное призвание человека и источник блаженства. Ибо блаженство — в верности: в верности Божественному зову и указанию.

Где сокровище человека, там и сердце его (Мф. 6,21); и именно поэтому ценность человека определяется ценностью

его сокровища. Тот, кто вздыхает о ничтожном — тот сам ничтожен; поклоняющийся пустому — пуст в своей душе. Порочен человек, поскольку он мечтает о порочном; и зол тот, чья воля тянется к злодейству. Но тот, чья радость и любовь отданы священному, кто молится истинному Богу, — тот *таинственно и реально приобщается Его правде и Его силе*. Он уже не пуст и не ничтожен; в его личности есть не только земное, но и *твердь небесная*; его алтарь становится главным центром его души, а сама душа его уподобляется Кремлю. По-прежнему его душа, как у всех, имеет свои слабости и страсти, а может быть, и пороки: «животное» и «земное» не исчезает в человеке, пока он живет на земле.

Но личность его уже *не сводится* к его страстям и слабостям; напротив: утвердившись в священном и создав в себе алтарь живого Бога, она вышла из своих страстей и противопоставила себя им. Она не исключила их из себя; это не удалось ей; и не может удаться, пока она живет на земле. Но владычеству их пришел конец. Она приобрела *власть* над ними; она уже *может не подчиняться* и не предаваться им. В любой миг она может сосредоточить свою энергию у алтаря, загореться и воззвать о помощи; и в этот миг она уже осилила и превозмогла. Ибо в ней есть *источник высшей силы*; и страсти уже не ведут ее к падению с той неотвратимой необходимостью, с которой течет вода и осыпается песок.

Священное зиждет в душе человека алтарь, этот источник священного *горения* и священной *силы*. Отсюда *власть* человека над самим собою; власть, дарующая ему внутреннюю *уверенность* и *свободу*. Эта свобода далеко еще не есть праведность; но она есть *путь* к праведности. Ибо праведность достигается именно через упражнение, укрепление и осуществление этой свободы. *Бытие* человека начинается именно с этой внутренней *власти и свободы*; то бытие, которого нельзя ни разложить, ни извратить, ни сломить, которое делает из человека при его жизни — *живой очаг духовной силы*; и которое светит другим, и ведет других — после самой смерти его.

И вот, избыток этого духовного самообладания помазует человека — к *верной власти над другими*, к властному ведению и воспитанию их во имя Божие. И люди сами чувствуют это; и с облегчением приемлют такую власть, зная, что источник ее — *в служении священному*. Вот глубокий смысл этого трудного и таинственного слова: «нет власти не от Бога» (Рим. 13,1); и напрасно думать, что это слово зовет нас — повиноваться дьявольской власти только потому, что она «успешно» воздвиглась на злых страстях.

Что́ есть человек без святыни?.. Пустая видимость человека; обманная личина личности, не более. К чему способен он, служа своим страстям и прихотям? К слишком «многому», — но именно потому, что он не способен к *главному*. Можно ли верить ему, если он сам не верит Богу, и если он через эту веру не научился еще — верить себе самому? Оставаясь один на один перед лицом Божиим, он отвертывается от Бога и изменяет себе. Как же могут верить ему другие? Что может он противопоставить хладному и темному духу соблазна? Как противостанет он ему, не имея ни священного знамени, ни священной идеи? Ибо если он ныне отводит соблазн только потому, что он сейчас не сулит ему *выгоды*, то завтра соблазн придет к нему в облики выгоды и расчета; и увлечет его на свои пути...

Что противопоставляет современное человечество заразе воинствующего безбожия? Трезвые соображения о том, что коммунизм и порочность «не выгодны». А если через десять лет духовно ослепшие массы найдут, что коммунизм прибылен, а порочность выгодна?.. Тогда они соскользнут в бездну с тою необходимостью, с которою течет вода и обсыпается песок...

Опустошенный и растерянный, современный человек не может и не умеет бороться со стихиею пошлости и с напором дьявольского начала. Для этой борьбы необходим *религиозный закал души*; необходима *преданность священному и верность алтарям*. Призрачные люди не могут и не должны участвовать в этой борьбе: они всегда будут подобны картонным кирпичам, заложенным в стену; и чем больше их будет, тем скорее обрушится стена. Для этой *священной борьбы* необходимы не

оглушенные, не опоминающиеся и не прозревающие; но *прозревшие, окрепшие и закалившиеся*; такие, которые из глубины своего духа поняли, что действительно не сто́ит жить тем, за что не сто́ит умереть; и которые *волею* приняли бремя этой великой, мировой борьбы во имя священного.

Такие люди ясным и спокойным взором узнают друг друга при первой же встрече; и не ошибаются. Они узнают друг друга по священному закалу души; и верят друг другу так, как верит исконно-свой исконно-своему. Ибо ничто не сближает и не соединяет людей так, как верное стояние перед алтарем единого Бога.

От союза таких людей, от их *волевого братства в духе и в делах* придет спасение России. И каждый из нас призван ныне к тому, чтобы найти в себе свой алтарь; зажечь на нем неугасимый огонь; закалить в нем свое чувство, свою волю и свой разум, — и потом *искать своих братьев в духе*; и найдя их, связаться с ними *священными, закрепленными узами на жизнь и на смерть*.

Только в таком рыцарственном служении и союзе создастся и выдвинется необходимое России поколение. Поколение людей, способных вести борьбу и строить святую Русь под знаменем религиозной и национальной — *священной* идеи; способных подчинить ей и начало земной власти, и начало земной прибыли; способных *создать власть, подлинно идущую от Бога*.

Россия спасется и восстановится только через священное служение Священному...

И.А. ИЛЬИН

КАК НАМ БЫТЬ?

(Из писем о России)

Иногда я получаю письма, написанные болью за Россию, всегда волнующие, порой очень горькие, безоглядно указывающие на виновников небывалого разгрома, полные убежденности, что — «теперь, уцелевшие и сохранившие еще силы

бороться за нашу поруганную родину, мы должны вдуматься в наше прошлое, решительно покончить с «идеалами и фетишами» так называемой *прогрессивной*, или *передовой* русской интеллигенции, в сущности безнациональной, — должны познать подлинное *свое*, творить и хранить его».

Редкое письмо не заключало в себе вопроса: «как нам быть?» Давались и решения:

«Надо выработать основы, «заповеди», как и за что стоять, свято поверить в них, осуществлять только их, чтобы не трать бесплодно сил».

«Мы должны отбросить вопросы «вечные» и «проклятые», над чем больше века трудилась наша радикальничавшая интеллигенция, требовавшая «прямых ответов», должны покончить со всеми этими рассуждениями о «правде-истине» и о «правде-справедливости», чем шекотали мозги досужливые люди, мучившие себя вопросом — «имеем ли мы право погружаться в искусства, в науки... получать образование на деньги, выколотенные с бедного народа, пребывающего во тьме?» — это образование получавшие, сидевшие в редакционных креслах, поджигавшие на политические убийства, тайно рукоплескавшие им, из безмерной любви к «народу», будоражившие «народ», толкавшие молодежь на дело смерти и в конце концов столкнувшие Россию в пропасть!..»

«Мы должны решать *наши* вопросы, близкие русской жизни, *наше* должны познать, а не весь свет любить и за него терзаться, — терзается он за нас? — укреплять *наше*, не отделять «народа» от России, принимать *всю* ее, со всеми ее классами, не отшелушивая все лучшее, что выделяла страна веками на всяких поприщах. Только, укрепив «поле русское», попробуем засеять и «мировое поле», если семена найдутся, если суждена нам «миссия»!»

«Наша миссия — возрождение России. Снова и снова — *подвиг*, подвиг нового созидания России, в поте и крови монаха и солдата, вечных русских подвижников! Вот наши идеалы. Не самоуверенность политиков с провалившимися программами, не любованье своим идеализмом перед целым светом,

не прикрытые пафосом патриотизма чаяния «вернуть свое», а великое послушание России, великое за нее стояние!»

«Где духовные вожди *наши*?! Сколько их было у «отцов», и куда привели они!. Почему не руководили лучшие? почему осмеивались достойнейшие? Надо «разрыть могилы», надо воздвигнуть *лучших*, услышать непонятный их голос. *Есть* они! Они же Россию создавали, указывали пути светлые. Тихие их лампы манили ее из тьмы. «Огни мира» сожгли ее. Как же нам быть?!»

Я отвечал вопрошателям. Я чувствовал, что они мучаются всем этим, что они ждут совета. Меня смущало, что я не имею опыта в решении государственных и исторической важности вопросов, да еще при таком разгроме, при таком-то провале идей и идеалов! — что я не мыслитель, не политик, не проповедник и не судья тяжких и роковых ошибок поколений. И все же я отвечал посильно. Я понимал, что новое поколение жаждет нового наполнения и новых идеалов, что без идеалов оно существовать не может: оно же *русское* поколение! Мне было ясно, что мои вопрошатели отвергли специалистов политики и «проклятых вопросов», что эти специалисты для вопрошателей — банкроты, что иные из них как бы и виновники разгрома. Я *должен* был отвечать хотя бы для того даже, чтобы утишить огонь сжигающий. Я чувствовал иногда по письмам, что святой огонь, которым горели души лучших людей и поколений, еще горит в опаленных и оскорбленных, лишенных родины; что не «прометеев» это огонь, а чистый огонь России, огонь жертвы, любви и веры, — огонь от ее лампад. И не «проклятые» вопросы ставятся, а воистину это крик страдания. Я начинал постигать, что теперь, над всеми «проклятыми» вопросами былого, поднялся — *святой вопрос*, что этот святой вопрос — *о бытии России*. И, преодолевая сомнения, отвечал, прислушиваясь к душе России — к душе вопрошателей моих.

Чтобы не повторяться, я счел полезным выступить как бы с общим ответом вопрошателям. Я не считаю эти мои ответы-письма исчерпывающими. Этот как бы мои беседы. Я имею

перед собой не искушенных в «государственных опытах» зна-токов, а искренно мучающегося собеседника-друга, большею частью из поколения, выросшего в войне и разгроме, отдавшего себя в жертву за Россию, близкого мне по духу, — из того несчастного поколения, которое не видало улыбки и ласки родины, которое «у чужой притолоки склонится», воздухом чужим дышит, но которое страстно хочет увидеть лелеемую в мечтах Россию, хочет найти ее и крепко ее беречь.

Вот для этих, сердечно близких, и пишу я, посильно хочу ответить моему многоликому, но единому в духе вопрошателю.

Ваше письмо, полное горечи и боли, какое-то исступлен-ное местами, — особенно там, где вы проклинаете «виновни-ков», — взволновало меня искренностью, исканиями и кипе-ньем души вашей. И чрезвычайно обрадовало. Не страстность, не пыл раздражения обрадовали, — далеко не все справедливо в обвинениях ваших, — а ваш духовный запас обрадовал, ва-ше «не поддаюсь!» — ваше страстное чуяние России и жажда ее познать (пусть *пока* через изучение написанного о ней) — вера в нее — после *всего!* — вот что меня обрадовало. Этого-то как раз и не хватало огромной части нашей интеллигенции, в России жившей и так мало знавшей ее. Я поражаюсь, сколько в вас пламенной тяги к ней, любовного к ней горения, слов-но вы в ней одной соединили все чарования невесты, матери и сестры, все восторги, не отданные вами *любимой*, которую вы не знаете... которую только ждете, которая должна быть, *должна быть* суждена вам! Вы ее любите страстно-больной любовью, какую матери любят незадачливого ребенка.

Много больного в ваших словах *о ней*. Много трепета и огня, священного, чистого огня. Вы еще не любили в жизни. Ваши любви не нашли себе выхода, наливались и увядали, со-жженные. Именно — *чистого* огня, несмотря на всю грязь и кровь, на все ужасы, через которые вы прошли, борясь неус-танно и непрестанно, не поддаваясь, веря. И сохраниться та-ким, каким я чувствую вас в письме, «девственником», — как рыцарь, который «имел одно виденье, непостижное уму», —

сохранить себя при *таких* условиях беспричальной, бродяжной жизни в работе *под* землю, в глуши, без единственной близкой, *живой опоры*, при убивающем дух сознании, что кругом, во всей Европе и по всему миру, никому, кроме раскиданных соотечественников, нет никакого дела до *нашего*! Все против нас. В нашей даже среде — сколько есть против *нашего*, сколько разъединителей и гасителей воли и веры нашей! А вот, не угасает воля, не умирает вера. Вы живы и под землей, в черной и душной шахте, и, как рыцарь былых эпох, верным остались *Той*, прекраснейшей из прекрасных, которая ни одной улыбки не подарила вам, которая не ваша, за которую вы приняли столько мук.

Понимаю вас, когда вы говорите: «Если бы не *она* — мучающий меня так сладко *ее* призрак, в котором и погубленная моя невеста, и бедная моя мать, и мои пропавшие без вести сестры... если бы не *последняя* моя вера, что Россия все еще *где-то* есть — и *будет!* — давно бы с собой разделался!..»

И еще: «Во имя *ее* прошлого, во славу *ее* будущего — страдаю. Но *дайте, дайте живого дела!*»

Видите, вот уж и — *идеалы*. А вы с таким отчаянием сказали: «Над всеми «идеалами» — крест!» Не обойдетесь без идеалов. Многое придется отвезть из «идеалов», выправить и ввести *новые* идеалы, придется и в самой русской интеллигенции отбор сделать и выяснить, чем была *передовая*, как вы называете иронически, русская интеллигенция, и какую она *должна* бы быть; но без идеалов, без окрыления и озарения жизни — ни жить, ни творить *нельзя*.

Об этом мы еще побеседуем. А пока укажу вам на авторитет, называемый и великим, и национальным, называемый так почти всеми, даже несхожими с нами в отношении к *нашему*, — чтимый теперь, как святыня культуры нашей, — на Пушкина. Приведу чудесную его *веру*, — она-то и в вас горит:

Два чувства дивно близки нам, —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам.
(На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека, —
Залог величия его.
Животворящая святыня!
Земля была без них мертва;
Без них наш тесный мир — пустыня,
Душа — алтарь без божества.)

Правду этой, Пушкинской веры вы должны чувствовать очень остро. Разве вы чувствуете — пустыню? разве ваша душа — без божества? Нет, пока в душе — она, вы можете еще молиться. Вот — правда и вера Пушкина, заповедь его, национального, нашего Учителя, которого мы еще мало знаем. Читайте и перечитывайте его. Он весь — национальный. И, весь национальный, полный национального, он и за-национальный, он — всякий, как Достоевский открыл его. В нем как бы знамение будущей России, ее возможностей! И вот, это его вещание — главнейшая из основ бытия всякого народа. Это — религиозное. Это — религия, духовная связь с родиной. Это — национальный идеал. Это глас Божий в нас. И это он в вас, с самого вашего рождения, с первой каплей молока матери, с первым звуком родного слова, во всех чувствованиях ваших, во всех грехах. Это весь опыт прошлого, корни прошлого, отсветы солнца прошлого, освещающие нам путь, с истоков родины нашей, с первых, детских ее шагов — до торжественно-властной поступи в истории народов! Это голоса славных гробниц наших, заветов и заклинаний тех, что пали за дело родины. Эти голоса наполняют духовное наше существо. В этих беззвучных отзвуках слышны и шепоты надежды, и укоры, и мерцанья-грезы из снов далеких, и мудрые веленья... Это — история. Это — песнь, вещая песнь России, вещий голос чудесных ее Певцов, их «глас пророков». Это мерцающие лампы у гробниц, опаляющие огни великих испытаний.

Великое богатство предков, их опыта, — навеки связало вас, и ведет, если вы подлинно кровный, ихний. Вы — кровный.

Вы чутко слышите зов заветов, вещания голосов подземных. Они, эти голоса, слышимые через Великих, чуемые инстинктом, шумят непрестанно в вас, стучат в вашем сердце кровью, ведут на страшные испытания, поддерживают ваш дух надеждой, шепотом в вас влюбленной, рвущейся к вам России. Почему — тоска? Да потому, что она, *единственная, к вам* рвется, болью своею *знает*, что вы отдали за нее... потому, что она вам дороже всех миров. Вы связаны с ней навеки, и она с вами связана. Связь неразрывна и по смерти!

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать!

Здесь — *тайна* родины, *родины*; — тайна тайн. С вами *Она*, всегда. Беззвучный шепот и зов *ее* — на вашем бездорожьи, под тяжкою землею, в шахтах. Этот — родины зов беззвучный — и в вашем письме ко мне, и в трепете вашем страстном, и в проклятиях ваших, и в молитве... в единственной молитве — за Россию!

Ваша *неправда* мне человечески понятна. Проклинаете, угрожаете, судить хотите?... Оставьте *маленькое*, не опалайте духа. Для творческого дела храните святой огонь. *Злое* коварно прельщает вас — растратить себя впустую. Соберите себя, готовьтесь к выдержанной борьбе. Духовно вооружайтесь: *придет* время.

Я понимаю, *как* кровоточит рана...

С первого курса университета — в войне, три года боевой жизни, раны, опять на фронте, борьба за Москву, два героических года *Белой* борьбы, раны, эвакуация, Галлиполи⁷²... Вы *все* прошли. И *столько* потеряли!.. Лично потеряли.

Потеряли невесту. «Забыла...» — пишете. Отца вашего, скромного педагога, расстреляли. Вашего брата забрали в Красную армию, — он застрелился. Мать выгнали с последнего клочка, и она умерла от голода, от горя. Сестры не дают о себе

вестей... Да, вы мученик. И ваши проклятия «отцам», не всегда справедливые, оправдываются тем «адам», который в вашей душе, в котором вы прожили лучшие годы ваши. Вам 32, семь лет вы в боях, дважды пробита грудь. Теперь — *под* землею, бьете киркою в черную стену шахты, как раб, работаете на бывших врагов, близких по прошлому, за чью свободу ваш дед проливал кровь под Плевной! Вы часто бьетесь — пишете вы в письме — «этой незадачливой головой в душную стену, черную, как вся жизнь моя!» И вот, после всего *такого*, вы сохранили любовь к *Единственной*, сохранили чудесное — вашу веру!..

Вы чудесный идеалист. Всей своей героической жизнью — эти тринадцать лет — *больше*, чем жизнь! — вы доказали, что «идеалы» не пустое слово, что они двигатели, что с ними нельзя покончить. Идеалы вели и «передовую» русскую интеллигенцию, и с ними она не могла покончить и, думается, никогда и не покончит. Другой вопрос, насколько все эти идеалы были необходимы, ценны, — насколько связывались они с главным Идеалом. Не было ли пустой работы и, что ужаснее, работы во вред и гибель — Ему? А без идеалов... как же?..

Вы во многом правы, когда так страстно вините «отцов», «вождей». Но зачем — огульно? Не вся интеллигенция русская была такою. Были и верные направления, законнейшие течения *русской* мысли, здравые государственно-национально; но, роковыми путями, не вобрали они в себя *главные* силы русского общества и растратили свой огонь впустую. Нет, не впустую, впрочем: от них-то и светится в вас *огонь*; от них-то и разгорится пламя! *Они не созрели к сроку...*

Вы обвиняете «вожаков-отцов» в легкомысленном отношении к России, в непонимании — *что́ есть родина*, в беспочвенности, в отсутствии патриотизма, в рабском подчинении «европе», в стыде за отсталость нашу, за нашу историю, за угнетения втянутых в нас племен, за корыстный захват пространства, с которым мы не в силах будто бы совладать, за легкомысленные мечты о «мире», за фальшивое «христолюбие» и «богоношение», за «мессианство»... Вы обвиняете их в стыде за такую, «отсталую», «Великую Россию».

Вы обвиняете их, что они *отказались от наследства*, от колыбели, качавшей их. Вы обвиняете их в самолюбовании и гордыне: «на целый мир замахнулись», — это вы так о левой интеллигенции, — «о вненационально-мировом *обществе* возмечтали, а *что* дали, *что* из России сделали!». Вы обвиняете их в корыстном захвате власти, во властолюбии, в безверии, в рабстве мысли, в поклонении «фетишам», в непонимании национальных ценностей, в погоне за призраками, за решением «астрономических» вопросов вместо того, чтобы постигать смысл и ценность родного «чернохлебья». Вы обвиняете их в трусливости, что не вышли с вами на Сатану, что оказались терпимыми к Сатане, признав кое-что своим из его программы, поверив в *добрую* его волю, досадуя на его «ошибки». Вы обвиняете их в ненависти к ошибкам былой власти, которые они называли «преступлениями». Именуете их слепцами, неспособными видеть великого роста родины, которую они проглядели *всю*, не желая видеть великих достижений, пугавших и изумлявших мир.

«Предать — *такую!!*»

Вы во многом правы, частично правы. Не *вся* наша интеллигенция такова: неоднородна она, разноголоса в главном, без скрепы «великим стержнем». Она и теперь разноголоса, она и теперь без «стержня», и потому — бессильна. И вы, новое поколение, чудом каким-то проявившее крепость воли, имеете право обвинять ее в дряблости. Вы, проявившие *чуткость* к беззвучному голосу России, имеете право обвинять их в слепоте и глухоте, в нечужании «почвы». Вы имеете оправдание: вы показали жертвенность, превыше программ и разнобоя поставили вы Россию, кровью купили право судить, ибо и вашу кровь, и кровь миллионов братьев, не повинных ни в чем решительно, — «пустили» — как говорите — «на подливку к чертовой каше, которую приготовили из России отцы-вожди, — для *кого?!*» Не с «народа» же спрашивать! И мне понятно, что после таких-то нечеловеческих страданий, «как каторжник в рудниках, работая из-за горсти бобов, стискиваешь бессильно зубы и бьешься незадачливой головой в душные угольные стены!»

«Пусть же раздумаются «отцы» над этим!»

Они раздумываются. Лучшие из них уже давно раздумываются, и... — с вами. Оплакивают, и так же бессильно бьются незадачливой головой об душные стены... мира. Они сознают ошибки. Непримиримы к неисправимым будьте.

Вы сильны, и терпеливо выслушаете меня. Я обвинять не буду только для того, чтобы обвинять. Я буду и оправдывать «отцов».

У многих из них сердце облито кровью: их дети — мученики. Вы и сами обмолвились: «да что проку в моем непростении и суде! Основоположников-то разгромя, пожалуй, и нет давно. И безлики они, как была безлика для них Россия. Останется для суда — *камень*, разбивший чудесный Лик, осквернивший святое в *Ней*. А *тело*... сверлят и пожирают черви. Червей не станешь судить: их растоптать, только!»

Не только «отцы-вожди», — эта законная делегация народа, *интеллигенция*: придется поговорить и о *правителях*.

Пишу вам не для того, чтобы искать виновников: надо познать ошибки и преступления, чтобы не повторять их.

Вы избрали, по-моему, верную дорогу: *познать причины*, основные причины «краха» и подвести фундамент под будущее строение. Вы начали с познания России. Необходимо *знать* историю России; познать, что не простая это история, а как бы *священная* история, совершенно особенная, чем история других европейских народов, — *вторая священная* история, как была когда-то *первая*, — история со *своей* Голгофой! Об этом мы побеседуем особо.

Вы перечитали Ключевского, «Россию и Европу» Данилевского, славянофилов, Герцена, Константина Леонтьева, — «открытие»! — говорите, — «все у Достоевского, что написано им о «русском»...» Все это очень нужно. Большинство русской интеллигенции интересовалось больше историей европейских идей и особенно — революций. В мое время историей *русских* идей и идеалов интересовались одиночки. Большинство же так называемой «революционной», или, как вы иронически называете, — «передовой» интеллигенции — увлекалось по

русской истории *критикой*, стыдилось «взлетов двуглавого русского орла» — «хищного» орла! — и «шелеста знамен русских». Для *этой* интеллигенции в истории России приятнейшими страницами были разве «вольные Новгород и Псков»; «Боярская дума»; споры ученых — была ли «конституция» при избрании на царство Михаила Романова; бунты Стеньки и Пугачева, «проявления масс»; и темнейшими пятнами являлись эпохи Николаев и Александров — расцвет России. С увлечением *остротой* прочитывались книжонки, сработанные для пропаганды, — о «тайнах Российского двора», о разврате Петра, о юбках Елизаветы, о любовниках и фаворитках, об интимностях переписок, о подробностях умерщвления царей, о «расхищениях народного достояния самодержцами», об угнетении «народа», о подавлении самодеятельности и независимости племен, «стоящих на высшей, чем мы, культуре», о поражениях России... — хулу и пошлость, *мелочи исторического сора*. Можно сказать, пожалуй, что большинство нашей — партийной и политической — интеллигенции, считавшей себя передовою, было недовольно русской историей и не сказало бы так чудесно, как сказал когда-то в письме к Чаадаеву мудрый и благородный Пушкин: «...клянусь вам честью, что ни за что на свете я не хотел бы ни переменить отечества, ни иметь другой истории, как историю наших предков, такую, какой нам Бог ее послал»⁷³.

Вы читали Герцена... Да, он очень подчас *стыдился*... и даже извинялся, что он — русский! И очень неприятно извинялся. Мы наклонны к самооплевыванию. Было и раболепство перед «европейским», и зависть к европейской истории, к революциям и крестьянским войнам, к ее эффективности. Наша история... — какая «простота», какая «будничность»! *Теперь* мы имеем — эффектнейшую, наикровавейшую из всех историй...

Вы ознакомились и с идеологией русского образованного слоя. Досадно: в освещении пристрастном. Покаявшимся «отцам» следовало бы самим осветить «путанные дорожки», написать теперь «критику русской общественности», при све-

те полученного «эффекта». Вы делаете вывод: «какое рабство перед “европой”!» Да, плохо. Плохо, что без критики поклонялись, пересаживали, не приготовив *почвы*, в священном восторге пересаживали, упуская из виду первейший из идеалов — *идеал Родины*, знание своей *почвы*, неразрывную связь с прошлым, с «гробами предков», — родину подменив отвлеченным понятием «народ».

Вас возмущает и «болтовня философов», ложных философов. И меня возмущает иногда, как же не возмущаться вам?! Вы — участник *дела*, жертва, истекали кровью, борясь со Злом, видя его воочию... — а они — «блаженно-самовлюбленно плавают и полощутся в легком течении мыслей... упражняются в диалектике, словно играют в теннис!». Они «играют в мысли». Не обращайтесь к ним, пусть играют. Слушайте *вашей* совести, не спорьте с ними, не возражайте им. Это своего рода — спорт. Не возмущайтесь «куриною слепотою» их, ничего не осмысливших, не знавших боя, рассматривающих *Зло* как философскую *категорию*, и горячо порицающих, «с точки зрения христианской», сопротивление Злу мечом⁷⁴.

«Как они смеют, — пишете вы, — осуждать меч на Сатану, меч — Крест, когда они ни меча не держали, ни ран от него не получали, ни Сатаны не видали и даже верят в него, как в «философскую категорию», а Крест для них только условный символ?!»

Какое до них вам дело? Пусть себе осуждают, пишут. Скользите мимо играющих.

Величайшей ошибкой было, что наша интеллигенция, за редкими исключениями, не дерзала критиковать все то, что прельщало ее «идеями», казалось *новым* — жила импульсами. Она прислушивалась к «философам», принимая «процесс» за *истину* и *крики* часа сего — за *вечное*. Вдохновенно-страстно бежала она по *крику* и горячо возмущалась, что правители не внимают «мудрецам».

История европейских «идей» обильна примерами того, как возвешенное «мудрецами» раскалывало передовые массы любой страны. Для нас в этом было роковое. Наша интелли-

генция получила в короткий срок множество всяких «идей» и «категорий», и, скороспелки, запутались мы и расщепились. Мы расщепились глубже и пагубнее, ибо мы, скороспелки, ходом нашей истории обречены были *догонять*. На нас, не имевших крепкой, *национальной*, почвы, многоплеменных, поставленных судьбою между Западом и Востоком, обильно высыпались «идеи». И эти «идеи» раскололи, расплющили зарождавшуюся *единую* основу, — помешали образованию крепкого, национального, русского ядра. Вот тут-то, в *несложении крепкого национального ядра, в расщеплении сил лучшей части народа, в центробежности* этих сил, — и лежит главная причина свалившегося на нас разгрома. Тысячи «проклятых» вопросов раздирали русское образованное общество. Множество сил ушло на «прямые ответы», на разрешение этих вопросов, часто далеких нам, когда требовалось железной жизнью, сущими интересами России ставить единый, *святой* вопрос — укрепление бытия России.

Вы пишете: «Предали нас, своих детей... уводя от России в мир, вода по миру, чтобы в конце концов пустить и Россию, и всех нас — по миру! Любя всех, в сущности, не любили никого. Не познали России и не научили и нас познавать ее. Мы узнали ее *сами*, да! Мы встали за нее по *инстинкту*, сохранившемся в нас от веков связанности с нею через предков, через их кровь-труды, через *что-то* в ее истории, от ее воздуха, от ее природы, от ее *хлеба*, — по инстинкту, в нас крикнувшему — спасай! — как часто бывает в жизни, когда угрожает любимому смертный час, когда любимый *где-то*, далеко где-то, — и вот, защемит и захолонет на сердце. Они, ведущая век интеллигенция, любили *призрак*, а не живое тело, не живую душу России».

Да, вы за нее встали — по инстинкту. Вы почувствовали Россию. Вы не познали ее реально, любовнейшим изучением ее, непосредственным прониканием в нее, — у вас не было времени на это, — но вы восприняли ее через душу постигших ее творцов, великих, национальных, наших, — Державина, Ломоносова, Петра, Крылова, Пушкина, Гоголя, Тургене-

ва, Лескова, Тютчева, Мельникова-Печерского, Менделеева, Достоевского, Толстого... и многих-многих, — через истинно полноправных представителей России, слушавших трепет души ее. Вы постигли ее через великих собирателей ее — от Александра Невского до Петра, Екатерины, Александров, — через сподвижников их, через подлинное национальное, а не «европейское», — и вы полюбили Россию детскою чуткостью, *взяли ее — инстинктом*. И за нее боролись. Вы полюбили не «народ», как почему-то была влюблена наша «передовая» интеллигенция, а *всю* ее, не делимую на сословия и классы, вне всего преходящего, связанную со всем и всеми, что в ней, и на ней, и с ней, что было у ней, что есть, что *будет*. Полюбили так, как любили ее Великие... как любили ее и цари... да, цари... как любит, не сознавая того совсем, и весь народ русский... и, запоздало, — многие теперь русские интеллигенты, даже с «программами». Вы, герои, полюбили ее и отдали за нее *всё*, — за светлую, грезящуюся вам Россию, за *Белую* Россию, — не за могильный саван ее, а за белые пелены Рождения! По вере вашей, по мукам вашим — родится она, *должна* родиться! И больно, что есть люди, русские люди, которые все еще не хотят прозреть, все еще не хотят понять, что ваша борьба за *Нее* есть *жертва за прошлые ошибки и преступления*, великая жертва *необходимости*, страшная историческая *правда*, а не *ошибка*, или чуть ли не преступление!

Русская интеллигенция роковым образом *не смогла создать крепкого национального ядра, к которому бы тянулось самое лучшее, самое сильное, самое яркое по талантам из всего русского, живого*. Не было *национально* воспитанной, сильной, русской интеллигенции. Был великий разноречивый сил, и равнодействующая сил этих пошла не по России, а *вне*, — в «пространство». Русская интеллигенция переоценила это «пространство», сочтя его *своим*. Пространство не отозвалось. Оно показало себя — *своим*, не нашим, даже враждебным нам, оно показало в себе много совсем чужих, национальных ядер, которые охраняли *свое*, которые не пожелали *принять* безродное; — и, откинутая в пространство, Россия пошла

куда-то... — и попала туда, где принимают безыменных, — в цепкие лапы Интернационала, безродного, безгосударственного, безбожного, алчного и завистливого, умерщвляющего *живое*. Попала, несмотря на героическую, — увы! — запоздалую борьбу вашу. «Народ» безмолвствовал. *Ибо правит жизнью не «почва», а «сеятели»*. Вина не в одном моменте, как и спасение: *не через момент*. Вина давно назревала. И освобождение — путь величайших напряжений.

Надо к нему готовиться. Лучшей части народа, его интеллигенции, надо понять свое *национальное* назначение, понять Россию, ее пути, — каждый народ имеет *свои* пути, — и, понявши, идти покорно, покорно *целям*, указанным Судьбою — Смыслом истории — Богом. Идти и вести. Сознать ошибки, пороки и заблуждения и преклониться перед Россией, перед *ее* путями. Она *пойдет*. Силы ее велики, и надо уметь с ними обращаться.

Ланды. Август 1927 г.

И.С. ШМЕЛЕВ

НАША ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАДАЧА

Вот уже скоро десять лет мы спрашиваем с чувством неутолимого горя и тревоги: как могло *это* случиться? почему не удалось это предотвратить и пресечь? где причины этого невиданного в истории крушения? и что нам, верным сынам России, делать для того, чтобы впредь это стало абсолютно невозможным?

Нет смысла задавать эти вопросы в пространство; нам не к кому обращаться с ними; мы должны поставить их перед *собою* и *сами* ответить на них. Ибо судьбы России открыты только нам, русским: мир не знает России и не понимает ее, и не поймет ее даже тогда, когда, наконец, догадается, что всякий образованный человек должен знать русский язык. Нам не от кого ждать света и спасения; мы можем рассчитывать только на свои силы. Мы сами призваны к тому, чтобы *понять, решить и свершить*. И надеяться нам можно только на

Божью помощь и на собственную бесконечную, религиозную преданность родине: отсюда мы почерпнем наше разумение, нашу волю и нашу неутомимость. И только смерть сменит нас на посту...

Не в материальных основах жизни, не в хозяйстве и не в технике надо искать *последних* причин нашего крушения, а в *духовных* основах; ибо — когда дух на высоте, то он овладевает материальными условиями и задачами; тогда он подчиняет их себе, строит, создает и совершенствует. Материальное важно и существенно; но оно есть лишь *продукт* духа и *средство* духа; и только сильный — укорененный, воспитанный и организованный дух может поставить материю на высоту.

Наше крушение есть прежде всего *духовное* крушение: развалилась наша *духовная* храмина и воссоздавать нам надо прежде всего ее. И поскольку мы говорим именно о крушении русского *государства*, постольку мы должны начать с развалившегося русского *правосознания*.

Правосознание всегда живет в нас, но мы слишком часто не замечаем его в себе и пренебрегаем им. И за это бываем наказаны. Это оно говорит в нас, когда мы переживаем чувство гражданского долга; это оно удерживает нас от захвата и насилия, когда в нас просыпается голод или гнев; это оно обуздывает наши посягания и побуждает нас исполнять наши обязанности и повинности; это оно заставляет нас мечтать о нашем национальном и государственном величии; это оно заставляет биться наше сердце при виде русского трехцветного флага и сжиматься болью при виде наших унижений. Источники правосознания — *патриотизм и чувство собственного достоинства, чувство чести*. Основные проявления его — *самообладание и братское единение* с людьми единой родины. Его стихия — *воля*. Его орудие — *власть и подчинение*. Его задача — *крепкая дисциплина и несломимая организация*. Облеките все это в *закон и порядок* — и вы создали *государство*. Осуществите все это силами великого народа — и вы создадите *великую державу*. Подточите и разложите все это в душах — и все располагается в смуту, хаос и позорную хлябь...

И вот, я утверждаю, что русское государство рухнуло потому, что временно поколебалось и разложилось русское национальное правосознание. Это время ныне истекает. Оно должно пройти безвозвратно. И на нас лежит священный долг помочь нашему народу выйти из этой смуты и восстановить свое правосознание. Иначе он не восстановит Россию.

Для того, чтобы мы, русский народ, смогли начать новую эпоху в истории России, творческую эпоху достоинства, силы и славы, нам надо усвоить всей душой основную аксиому политики. Она гласит: *строить государство значит прежде всего и больше всего воспитывать в народе глубокое и сильное правосознание.*

Правительство, уклоняющееся от этой задачи, — подтачивает бытие своего государства. Правительство, развращающее правосознание своего народа, — заслуживает самого позорного конца.

Грех русского дореволюционного правительства на протяжении целых десятилетий состоял в том, что оно уклонялось от этой задачи: оно пользовалось правосознанием русского народа, но не воспитывало его; оно напрягало и даже перенапрягало его, но не вскармливало его ни *собственностью*, ни *справедливым рангом*, ни *верною мерою свободы*. Злодейство же советского правительства состоит в том, что оно осуществило в исторически небывалых размерах *систематическое растление русского национального правосознания*: донныне сеет оно соблазн и насаждает преступность в благодушной и благородной, но детской душе нашего народа; и этим оно готовит себе неизбежно жестокий и позорный конец.

Если хоть на минуту отрешиться от микроскопического рассматривания текущих политических событий и взглянуть вперед на века, то надо будет установить с несомненностью: *будущее принадлежит народам с углубляющимся и крепнущим правосознанием.* Народы же, захваченные порочной противогосударственностью или отравленные внеполитической сентиментальностью, — будут разложены и поглощены; они прекратят свое самостоятельное существование; и совершится это еще на протяжении *ближайших ста лет.*

Вот почему русский человек, русский государственно-мыслящий патриот имеет перед собою основную задачу, о которой он должен думать день и ночь: задачу *углубления и укрепления русского национального правосознания*.

И посмотрите, как история идет в этом нам навстречу...

Я имею в виду, конечно, не государственные и культурные «завоевания» революции, а тот *отрицательный актив*, который накапливается в русских душах. Пусть глупцы или софисты говорят о «завоеваниях революции». Мы говорим о ее уроках и обличениях. Отрицательные уроки революции велики и глубоки; и проходить мимо них непростительно даже самым легкомысленным обывателям.

Так, перед революцией в уме и сердце русской интеллигенции царил хаос: добро и зло смешались до неразличимости; людям виделся лик «святости» у дьявола, а когтей, выглядывавших из-под «ангельского» хитона, никто не мог или не хотел замечать. Большая религиозность интеллигенции тянулась к эротическому пустословию, а политиканствующая революционность становилась чем-то вроде религии. Русская государственная власть поносила, как сущее зло, а ее властные и необходимо строгие меры, ограждавшие бытие России, обличались, как «озлобленное насилие». Политические и уголовно-политические преступления считались доблестью, а верные слуги России убивались на всех перекрестках. Ум становился все циничнее, а добродетель оставлялась на долю наивным «недоумкам»...

В революции зло выделилось, обособилось, скинуло всякие покровы и не стесняясь явило миру свою богомерзкую харю...

Видели ли мы ее? Испытали ли ее окаянную злобу? Поняли? Научились?..

Поистине никогда еще в истории человечества не было дано людям *так и такое* для отрицательного умудрения. Никогда еще чистое зло не выявляло себя с таким неприкрытым, сознательным бесстыдством, с таким «пророческим» ожесточением, с такою навязчивою притязательностью. Здесь пат-

риотизм и доблесть были прямо объявлены «преступлением», а цинизм стал естеством ума. Революция попала живую и чистую религиозность и провозгласила свою ложь последней и окончательной истиной. Досужее и нечистое пустословие предреволюционной публицистики сменилось неистовым срамословием большевизма. Дьявол встал во весь рост и *заставил* русскую интеллигенцию признать, что не все на свете «условно» и «относительно», что есть безусловная мерзость, и что спасение наше — в обращении взора и души к Богу...

После революции нельзя шататься в духовной смуте. Нельзя тянуть к «мистическому анархизму», к «хлыстовству», к черной и получерной магии, к «аристократическому бунтарству», к «народническому непротивленству», к «революционной церковности», к салонному радикализму и ко всякой другой постыдной и притязательной беспредметности. В революции пришлось научиться — верно и уверенно отличать, где в земной жизни *Дело Божие*, и где *дело дьявола*. И тот, кому революционная грязь не открыла глаза, того исторический процесс унесет — или в стан дьявола, или, как опавшую листву, в ворох исторического мусора.

Будущее принадлежит народам с углубляющимся и крепнущим правосознанием. И если мы хотим, чтобы Россия имела будущее, и притом великое будущее, то мы должны стремиться к тому, чтобы русское правосознание углублялось и крепло.

И, прежде всего, чтобы оно углублялось.

Это означает, что мы должны *религиозно* осмыслить право и *религиозно* обосновать государство. Осмыслить — не раскуском; и обосновать не в теории. Нет. Цельно, из глубины, чувством и волею испытать и принять этот смысл, и связать нашу государственную жизнь и деятельность с последними основами нашего христианского боговидения.

Это необходимо не потому, что «религия нужна государству»; и не потому, что «религиозность полезна народу в моральном отношении». Но потому, что религиозно неосмысленное и неосвященное — вообще не нужно человеку в выс-

шем смысле этого слова; и то, что религиозно не обосновано, т. е. не укоренено в боговосприятии, — то мертво, бессильно и бесплодно в духовной жизни.

Но именно поэтому, в противовес современному «непротивленчеству», половинчатому и межеумочному, но развязному и притязательному, — я считаю правильным поставить вопрос так: если «православно» верующий человек, по цельной и глубокой, жизненно-искренней вере своей, считает право и государство началами христиански греховными, злыми, «насильническими» и неприемлемыми, — то он должен не только мужественно и честно выговорить свое исповедание, но и *реально начать внегосударственную и бесправную жизнь*, к каким бы тягостным или даже трагическим последствиям это ни привело его. Или же, наоборот, он должен выговорить и мужественно исповедать обратное: он должен усмотреть и признать, что право и государство *могут быть и должны быть* орудиями Дела Божьего на земле; что можно осуждать *несправедливое право* и можно бороться с государственностью, *искаженной* или употребленной во зло; но что слепо и неумно твердить об их «насильнической» природе. И после этого он должен реально начать новую, *христиански осмысленную*, правовую и государственную жизнь.

После революции нельзя думать и говорить одно, а чувствовать и делать другое. Прошла пора салонных фраз, отвлеченных сентиментальностей и безответственной критики. Бремя России пало на наши рамена⁷⁵. Нам нельзя ни уклоняться, ни отказываться, русская интеллигенция наших дней (готова она к этому или не готова) должна заместить павших, поднять бремя, принять ответственность и честно и мужественно осуществить свой долг. И помнить, что революция в России была только первой пробой мирового злодейства; что борьба с ее остатками и последствиями захватит и ряд последующих поколений; что, оправившись от этой революции, Россия будет иметь за спиною ряд лет неистовой, деморализующей пропаганды, а вокруг себя — зараженные, не переболевшие страны...

Надо помнить, что всё двоящееся и половинчатое *обречено* в начавшейся мировой борьбе: для него есть только два пути — в стан дьявола или в мусорную яму истории...

И потому необходимо, чтобы русское правосознание не только углублялось, но и крепло.

Религиозная укорененность есть первый залог крепости, ибо она делает человека — Кифою⁷⁶. Остальное должно довершить умственное и волевое воспитание народа на основах *собственности, справедливого ранга и верной меры свободы*.

Нельзя и нелепо думать, что «народ» воспитается как-то «сам собою». И если эта фраза имеет вообще какой-нибудь смысл, то лишь тот, что народ выдвинет из своих собственных недр *мыслителей и воспитателей*, которые сначала сами в себе откроют путь к верному правосознанию, а потом укажут его другим и побудят этих других насадить это верное правосознание в массе.

Но именно к этому мы и зовем. И так оно, конечно, и будет: русская интеллигенция поймет законы духа и истории, встанет на верный путь и совершит в течение нескольких поколений дело национального воспитания. Ибо это дело, дело национального воспитания, всегда и всюду выполнялось интеллигенцией: монахом, пастырем церкви, школьным учителем, ученым, художником, офицером, судьей и чиновником. И эта интеллигенция есть не чуждый, извне приходящий, безнациональный слой, но вышедшая из недр самого народа *его собственная* сила веры, воли и ума. Интеллигенция есть порождение народа; народ есть создание интеллигенции. Это связь глубинная, духовная, органическая. И где ее нет, там национальное крушение у порога.

Горе России, если она в ближайшие десятилетия не найдет у себя здоровой и сильной, ведущей и воспитывающей интеллигенции! Горе нам, если этот слой — чувством, волею и разумением — окажется опять не на высоте; если он поддастся влиянию черной или красной полуинтеллигенции, — черной⁷⁷, с ее классовыми вожделениями, с ее обскурантизмом, с ее демагогическим презрением к русскому простому народу и

ее ненавистью справа; и красной, с ее «классовой борьбой», с ее безбожием, с ее «социалистической» агитацией, разжигающей жадность, бунтарство и ненависть слева!..

Но для того, чтобы воспитывать других, интеллигенция должна сначала воспитать себя: воспитать в себе *чувство государственной ответственности* и способность к *цельным и мужественным поступкам*.

Воспитание совсем не сводится к «обучению» и «уговариванию». Нет, *слово* есть реальное событие только тогда, когда за ним стоит *дело*: во-первых, живой пример, волевой поступок, живая система действий; во-вторых, верная правовая и хозяйственная реформа... «Обучать» можно и словами; для воспитания нужны дела. Поддерживать кое-как порядок в стране может и грубый, и гнусный режим; для воспитания необходима *творческая мера собственности, справедливый и подвижной ранг и верная мера свободы*.

Интеллигенция нуждается в *силе характера*. Для того, чтобы вести свой народ, она должна не только много знать и верно понимать; она должна еще — верно видеть национальные *цели* и *честно* служить им.

Интеллигенция, состоящая из беспринципных карьеристов и продажных взяточников, — творит предательство по отношению к родине; государство не может ею строиться; и народ или выдвинет на ее место новые национальные кадры, или погибнет.

Интеллигенция безвольная, робкая, близорукая и сентиментальная — не может быть ведущим слоем своего народа; ибо ведет сила, а не слабость; мужество, а не трусость; дальность, а не беспомощная слепота.

Интеллигенция же, состоящая из профессиональных агитаторов, поджигателей и ниспровергателей, — перестает быть интеллигенцией и становится вреднейшей разновидностью черни. Именно *черни*: ибо душа демагога хранит в себе квинтэссенцию черни; именно *вреднейшей*, ибо — воинствующей, насаждающей зависть и в честолюбии своем порочной...

Еще в России в период «военного коммунизма» мне не раз приходилось слышать и от коммунистов, и от взбаламученного простонародья, и от впавшего в уныние, смещенного интеллигента, — что в России интеллигенция «не нужна», что «народ» и без нее «управится»... И каждый раз я с грустью думал, что, действительно, интеллигенция, не воспитывающая народное правосознание или прямо развращающая его, — не нужна народу; но не нужна только потому, что она *не нужна Делу Божьему на земле*. Она поистине как соль, потерявшая свою силу... Но национальная, волевая и честная интеллигенция, способная вести и воспитывать свою национальную *не-интеллигенцию*, — и верой, и делом, и реформой, и вырастающим из всего этого ответственным и мужественным словом, — она *необходима* стране, она необходима ей прежде всего и больше всего...

Будущее принадлежит народам с углубляющимся и крепнущим правосознанием. И судьба России зависит от того, найдется ли у нее верующая, волевая, идейная и государственно умудренная интеллигенция, верная Богу и родине, сильная делом и словом...

И.А. ИЛЬИН

МЫ ТРЕБУЕМ ПОНИМАНИЯ

(Открытое письмо к русской эмиграции)

Вы не должны судить и осуждать нас. Вы должны нас понять. Вы должны признать важность совершаемого нами дела; не мешать нам и молиться за нас.

Трагедия, переживаемая нами, невиданна в истории; и кто вправе судить нас, не выстрадав наши душевные и телесные муки? Из дня в день, из года в год, вдруг утратив всё: очаг, покой, безопасность, личную жизнь; голодая и нищенствуя; видя вокруг низость и свирепость; понимая порочность и бессмысленность творимого; тая про себя любовь и ненависть; всё время теряя изнемогших близких; истомив свое сердце

укорами и страстно любя нашу Россию, — нести ярмо унижений и сыска, блюсти в себе огонь верности и думать... что вы нас считаете приспособившимися предателями...

Знаете ли вы, что значит не брать советского места и ежедневно по несколько раз перевязывать своим девочкам туберкулезные раны? Знаете ли вы, что значит годами носить своему мужу передачу в тюрьму и на третий год узнать, что он расстрелян? Знаете ли вы, что делается в душе профессора, жена которого стала базарною торговкою для того, чтобы он не унижался на кафедре? Знаете ли вы, как умерла гениальная Садовская — вся во вшах, в заledenелой комнате, освещенная лучиной в руках опоздавшего доктора? Знаете ли вы о бесчисленных заговорщиках — безвестно погибших в застенке только вследствие своей заговорщической неумелости? Знаете ли вы этот кошмар: жить в одной комнате со вселенными коммунистами? Можете ли вы измерить все наши неисчислимы и неопиcуемые муки?

Так не судите и не осуждайте нас. А поймите, что мы должны были здесь остаться и вынести всё до конца.

Вы уехали и эмигрировали; мы понимаем тех из вас, кто уехал для борьбы; но мы не осуждаем и тех, кто эмигрировал от робости или из инстинкта самосохранения, — ибо нельзя всем быть героями.

Но мы остались. Почему? Зачем?

Начнем с того, что русский простой народ, крестьяне и рабочие, были с самого начала обречены на то, чтобы при всех условиях изжить свою революционную болезнь на месте. Рады они были революции, или не рады, делали ее сами, или только страдали от нее, — они не могли эмигрировать в силу естественных, хозяйственных и политических законов. Оседлый народ не покидает своего места; им владеет духовная инерция и спасительный инстинкт. Мы не номады⁷⁸.

Но если так, то правильно ли было бы, целесообразно ли было бы для нашего национального дела, чтобы мы, русская интеллигенция, духовно созревшая для осмысленного политического эмигрирования, чтобы мы все до одного оставили

нашу страну и наш болеющий революцией простой народ, всю нашу вещественную и духовную культуру, и выехали за границу? Наш простой народ как дитя доверчив, как дитя поддается дурным влияниям, как дитя буянит. Не мы ли виноваты в том, что эти дурные влияния проникли к нему и что он пошел за коммунистами? И теперь, когда это совершилось, мы должны были оставить его наедине с ними? Нет. Одни из нас должны были уйти; а другие — остаться. Мы должны были остаться на месте; принять и бунт, и напор, и ограбление; принять травлю от большевиков; голод, тюрьмы и унижение; все это видеть, пережить на себе и выстрадать — для того, чтобы, идя на растерзание и на расстрел, отстаивать Россию изнутри; чтобы во всех гонениях и унижениях соблюсти нашу Православную Церковь, соблюсти в себе и в народе веру в Россию, сохранить остатки национального чувства, сохранить общение с нашим простым народом, который должен же был однажды отрезвиться и услышать наш зовущий (хотя бы шепотом) голос...

Мы должны были соблюсти наше место там — для России, даже ценою отвратительных политических и духовных компромиссов, нравственно насилуя себя, вступая на советскую службу, общаясь с этими людьми и исполняя их противозаконные декреты. Не думайте, что мы не понимаем нравственную и политическую природу этого образа действий. Нет, мы додумали здесь все до конца. Но мы хотели бы, чтобы вы то поняли его национальную необходимость и его политическую неоправданность!

Покинуло ли православное духовенство Россию, когда ею завладели иноверные и свирепые татары? Эмигрировало ли оно в наши дни, в дни торжества воинствующих безбожников и растлителей, или в большинстве своем осталось на своем посту? Прав ли духовник, покидающий пасомого грешника? Легко ли было митрополиту Алексею ездить в ханскую ставку? Не скончался ли в наши дни Святейший Патриарх, нравственно замученный чекистами? Чему же учат нас священные традиции Православия?

Они учат нас тому, что в час беды, соблазна и порабощения воспитатель не должен оставлять своего воспитанника на произвол судьбы. Ведущему место там, где болеет, бунтует, страдает и гибнет ведомый. И нам ли, простым смертным, в эти ужасные годы осквернения и посрамления всей страны, нам ли, виновным в допущении и попусшении этой беды, — мнительно тревожиться о незапятнанности наших политических одежд? Ваш путь, путь эмиграции, вел вас к борьбе посредством выделения и ухода. Эту задачу вы выполняете ныне за всю русскую интеллигенцию. А мы, оставшиеся, взяли на себя другую задачу: не оставить наш простой народ на произвол судьбы, выстрадать все вместе с ним и беречь Россию изнутри. И эту задачу мы выполняем ныне тоже за всю русскую интеллигенцию.

Ценою личной чистоты и жизни, ценою тягостных, часто едва выносимых политических компромиссов мы блюдем Россию изнутри, блюдем все, что можно сохранить от нее, — ее церковь, ее научные и художественные сокровища, живой состав ее народа, ее природные и технические богатства, ее быт, ее веру, ее семью, ее душу. Блюдем, как умеем; бережем, как удастся. Поддерживаем, собираем, спасаем, строим, уговариваем, лечим, выпрашиваем, доказываем, отстаиваем, требуем — в твердой уверенности, что большевизм минует и коммунизм исчезнет, а Россия устоит и расцветет на основе всего своего соблюденного достояния.

У нас не было в этом никакого сговора и соглашения. Мы не состоим в заговоре; среди нас нет никакой соответствующей организации. Мы просто следовали и следуем патриотическому чувству, здоровому инстинкту оседлого и культурного народа, когда-то в муках переболевшего злую татарщину и ныне в муках изболевающего революционный коммунизм. При этом мы совсем не выдаем себя за коммунистов: и мы сами совсем не настолько изолгались, да и они не поверили бы нам. Но сила вещей заставила нас занять «лояльную» и «нейтральную» позицию — и так служить

России, ее живому интересу, ее вечному делу, даже и в тот период ее истории, который накрыл ее сумасшедшим коллапсом коммунизма.

Не говорите нам, что мы тем самым «служим коммунизму». Но если можете, то скажите, возможно ли служить здесь России, не состоя на службе у коммунистов? Верьте нам: коммунизма спасти нельзя. Коммунизм, как система, безнадежен: он таит в себе такие внутренние ошибки и такие пороки, которые его все равно погубят. Он падет. И падет не от наших неумелых заговоров, и не от «эволюции» коммунистов, а от той внутренней социальной катастрофы, которую он сам вызовет, своим собственным естеством, и которая, быть может, осложнится и каким-нибудь военным столкновением. Этот сумасшедший эксперимент не надо было допускать; его можно было прервать; и если это возможно, то пусть он будет прерван и ныне. Но возможно, что он будет доведен до конца, т. е. до самопогубления; и мы должны выстрадать и это; выстрадать вместе с нашим, ныне уже выздоравливающим от революции, полуторастамиллионным народом. И вся наша «лояльная» «служба коммунизму» состоит разве лишь в том, что мы предоставляем ему разворачивать его противоестественность и обреченность.

Не указывайте нам на то, что это «все-таки компромисс». Мы знаем это и сами. Но трагедия наша в том-то и состоит, что здесь нет исхода, свободного от компромисса. Работать для России в России — можно теперь только из-под коммунистического ярма. Лечить, учить, судить, хозяйствовать, кормить, строить армию нельзя помимо этого ярма. Мы понимаем это; мы испытываем и знаем это лучше, чем вы. Но мы знаем и чувствуем еще одно: на нас лежит этот долг и мы выполним его до конца. Это наш долг перед грядущими русскими поколениями: и за исполнение этого долга мы расплачиваемся ценою здоровья и жизни, ценою лояльности по отношению к нашим порабощателям и ценою таких моральных напряжений и жертв, о которых остальное человечество не имеет никакого представления.

У вас задают всегда еще вопрос, почему мы не начинаем восстания изнутри? Зачем и почему мы терпим «всё это» безмолвно?

Вспомните: революция всех нас застала врасплох. Кто из нас прозревал ее сущность? Кто предвидел ее будущий ход и развитие? Кто из честных русских патриотов умел составлять заговоры и «конспирировать»? Никто не знал, сколь свирепы и цепки большевики; никто не верил, что черный вихрь истории будет им столь попутен... Они и сами не ожидали этого.

И тем не менее заговоры и восстания начались немедленно. Никто из вас и никто из нас не знает ни числа, ни имен тех русских патриотов, которые погибли в этих заговорах. Люди компрометировали себя и шли на смерть десятками тысяч, — неосторожные, неумелые, неподготовленные, проговаривавшиеся за чашкой чаю, не умевшие скрыть свою военную выpravку, забывшие покрыть мозолями белые руки. И каждая неудача усиливала шпионаж и сыск, которые ныне пропитали собою всю толщу городской жизни насквозь.

Великая война выделила и уложила на поле чести первый кадр активных русских националистов. Второй — лег в гражданской войне. Третий — погиб в заговорах. Какая страна выдержала бы такое выкачивание воли, такое опустошение? Не удивляйтесь же, что люди с волею и с патриотизмом ныне ушли в себя и не повторяют бесплодных попыток. Для заговоров нужен особый закал души, особое знание коммунистического сыска, особая выдержка и безошибочный расчет. Мы, рядовая интеллигенция и полуинтеллигенция, измученные и утомленные, мы к активному героизму не способны; не ждите его от нас, нам бы лишь справиться с нашей скромной задачей «пассивного» и «лояльного» ограждения русской Церкви, русской семьи и оставшегося от русской культуры...

У вас принято еще говорить, что мы здесь задавлены и унижены. Мы знаем это. Но мы знаем также и то, что такого гнета и террора мир не видел еще с тех пор, как он стоит; и что

в этом гнете и в этом терроре почти каждый из нас, русских патриотов, — а я говорю именно про нас, преданных России, — каждый выносил в себе некоторую глубину чувства, которая своевременно принесет свои плоды. Мы научились скрывать это; мы привыкли молчать. Мало того: мы научились, где необходимо, произносить слова мертвой лояльности, на которые вы иногда наивно возмущаетесь... Но ни этот гнет, ни это унижение не доходят до дна наших душ, и Богу одному ведомо, что каждый из нас думает и о чем он молится про себя.

Мы утомлены и переутомлены. Этого нельзя скрывать ни от себя, ни от вас. Мы слишком много пережили... и потеряли. Никто из нас не уверен, проживет ли он еще несколько месяцев. Но среди тех из нас, кто выживет, вы найдете таких закаленных и крепких людей, которые на удивление миру будут строить вместе с вами новую Россию.

Я пишу это для того, чтобы сказать вам всем, русским эмигрантам: вы не должны осуждать нас, несущих ярмо в России. Мы не разлюбили нашу родину; мы не предали ее; мы верны ей по-прежнему. Но форма нашей верности и нашей борьбы иная, чем у вас: по-видимому, совсем не свободная и совсем не активная, но гораздо более тяжкая и мучительная. Мы представляем себе, что вы делаете за рубежом; и знаем, что это необходимо. И только иногда сетуем на легкомыслие вашей печати, неосторожно компрометирующей нас разными неверными сообщениями; да еще на то, что, осуждая нас, вы не обнаруживаете понимания нашего дела и нашей трагедии.

Делайте же ваше дело и не думайте возвращаться в Россию преждевременно. Не верьте никаким маловероятным «амнистиям» ни от «центра», ни от «оппозиции». Ваше задание — быть за пределами досягаемости и оттуда вести обдуманную борьбу.

Но поймите же и оцените нашу незримую и жертвенную работу здесь. Этого требует справедливость.

*ПРИБЫВШИЙ ОТТУДА*⁷⁹

БЕССТРАШНЫЕ ЛЮДИ

(Историческая справка)

«*Бесстрашные люди*». Эти слова взяты из исторического документа — из единственной дошедшей до нас грамоты патриарха Гермогена, относящейся к 1611 году. Грамота эта очень немногословна. Она писалась, видимо, второпях. Но, будучи немногословной, она содержит в себе многоговорящие, огненные, призывные слова, обращенные ко всей национальной патриотической России того времени, зовущие к памятованию своего долга и к ответственным политическим решениям. А заканчивалась эта грамота как раз упоминанием о «бесстрашных людях»:

«А прислати прежних же, коих естя присылали ко мне с советными челобитными, бесстрашных людей, свияженина Родиона Мосеева да Ратмана Пахомова...»

В этой грамоте патриарх Гермоген просил нижегородцев, к которым он обращался с нею, в первую очередь прислать к нему в Москву, в Кремль, занятый поляками, державшими в то время патриарха в тюремном заточении в Чудовом монастыре, «*бесстрашных людей*» Родиона Мосеева и Ратмана (т. е. Романа) Пахомова, которые уже присылались прежде к нему с «советными челобитными» из Нижнего Новгорода, а может быть, и из других городов. Из другого документа мы знаем, что Родион Мосеев был «посадским человеком», т. е. заурядным городским жителем небольшого городка Свияжска, расположенного под Казанью; а Роман Пахомов был «сыном боярским», т. е. военным человеком, дворянином, по-нашему — младшим офицером. Таким образом, эти «*бесстрашные люди*», один штатский, а другой военный, несли трудную нелегальную конспиративную службу связи, содействуя общению фактически плененного патриарха с его паствой, с русскими людьми, отрезанными от него одолевшею Русь враждебною силою.

Как раз в это время смута и разорение на Руси достигли наибольшей высоты. Россия переживала ужасы междоуцар-

ствия. Самозванцы бродили по ее просторам. Вслед за Лжедмитрием I появились и другие Лжедмитрии. Долгое время Москве угрожал Лжедмитрий II, так называемый «Тушинский вор», расположившийся со своим войском лагерем в Тушине, почти под самой Москвой, бежавший потом в Калугу и погибший как раз в 1611 году, когда Родион Мосеев и Роман Пахомов ходили тайком к патриарху и от патриарха. В разных местах появлялись все новые Лжедмитрии. Во Пскове был свой «вор». В другом углу на низовьях Волги и на Дону действовали другие самозванцы. А над остатками «тушинцев» все еще парил призрак *первого* Лжедмитрия в лице злосчастной Марины Мнишек и прижитого ею в скитаниях сына ее, так называемого «воренка».

В самой Москве бояре, после низложения царя Василия Шуйского, инсценировали процедуру «всенародного» избрания на царский престол католика королевича Владислава, сына польского короля Сигизмунда, осаждавшего русских героев в Смоленске, впустили в Кремль польские отряды и отправили к Сигизмунду, для окончательных переговоров о воцарении Владислава, свое «великое посольство». Москва незаметно оказалась оккупированной польским войском и переживала тяжелую пору польской военной диктатуры. Ею фактически правил от имени «семи бояр», остававшихся в Москве, и пытался править также и другими городами и уездами полковник Гонсевский, сменивший Жолкевского. В то же время Москва была обложена извне. Некоторое время вокруг нее стояло русское патриотическое ополчение, которое, в ответ на призывы патриарха Гермогена, сколотил из разнообразных и, к несчастью, непримиримых элементов рязанский патриот Прокопий Ляпунов, позднее тут же и погибший от руки Заруцкого, примкнувшего к этому ополчению. После распада этого ополчения казачьи остатки его — под главенством князя Дмитрия Трубецкого и Заруцкого — оставались под стенами столицы, мешая полякам действовать из Москвы.

Всюду бродили «литовские люди» и «русские воры». Набегами на окрестное население занимались «сапежинцы», под

командованием польского пана Сапеги, оставшегося без дела после распада тушинского лагеря. Грабили со своими казаками и бывшие тушинцы, перекрасившиеся было в патриотов-ополченцев, — Андрей Просовецкий и Заруцкий. Грабили все, кто только мог!..

Разрозненно, без связи друг с другом и без плана действовали в разных местах и патриоты-партизаны, подбадриваемые вестями о твердости и непреклонности патриарха Гермогена и призывами, раздававшимися из Троицко-Сергиевой лавры, не раз превращавшейся в это время в подлинную крепость и переживавшей настоящие осады.

Так проходил 1611 год, омраченный гибелью Прокопия Ляпунова, взятием Смоленска Сигизмундом и оккупацией шведами Новгорода Великого...

В таких условиях, в такой обстановке и совершали свой подвиг бесстрашные люди Родион Мосеев и Роман Пахомов, связывая великого вдохновителя всей патриотической борьбы патриарха Гермогена, как «тюремного сидельца», с русскими людьми, остававшимися на свободе и помышлявшими об освобождении и возрождении родины.

Им не раз удавалось пробраться в Кремль. Они присылались к патриарху из Нижнего Новгорода «с советными челобитными» и святитель Гермоген имел уже возможность испытать их в этом патриотическом служении. Именно к концу 1610 и началу 1611 года относятся наиболее решительные призывы патриарха встать на защиту веры и готовиться к освобождению Москвы от иноверцев-поляков. Известно, что как раз в конце декабря 1610 года в руки Гонсевского попала грамота Гермогена, написанная в этом духе. Несколькоми днями спустя — уже в январе — поляками были перехвачены другие такие же грамоты Гермогена; известно даже имя того неудачника, который был захвачен с этими грамотами, отправленными патриархом в Нижний Новгород или в Суздаль: это был Василий Чертов.

Поляки, распорядившиеся в Москве, прибегли к репрессиям для того, чтобы заглушить призывный голос Гермогена

и пресечь действие его грамот. От него были убраны «диаки, подьячие и всякие дворовые люди», его двор был разграблен и он был заточен в келью, — «аки птица в заклепе». При таких условиях общение с ним стало подлинным подвигом самоотвержения, находчивости и умения.

Из другой дошедшей до нас грамоты (уже не Гермогена) мы знаем, что 12 января 1611 года, т. е. уже после «заклепа», от патриарха в Нижний прибыли два человека и привезли от него переданные на словах указания о том, что надо делать.

Сношения продолжались и далее.

Упомянутая выше грамота Гермогена, адресованная им нижегородцам, но обращенная ко всем русским людям-патриотам, писалась уже после всех этих тягостных событий и после обозначившегося крушения попытки Прокопия Ляпунова — в момент всеобщей растерянности и разброда в умах, в дни, может быть, наибольшего отчаяния и упадка духа.

В этой грамоте патриарх Гермоген увещевает русских людей оставаться твердыми в своей борьбе за веру и родину, предостерегая от уклонения с прямой и трудной дороги в дебри соблазнов и шатаний. Как раз в это время в Москву пришел слух о том, что казаки, возглавляемые Заруцким, склонны провозгласить царем сына Марины Мнишек и тем воскресить самозванщину. От этого соблазна Гермоген и удерживает русских людей. Он пишет:

«Благословение архимандритом и игуменом и протопопом, и всему святому собору, и воеводам, и диаком, и дворяном, и детям боярским, и всему миру: от Патриарха Ермогена Московского и всея Руси. Мир вам и прощение, и разрешение. Да писати бы вам из Нижнего в Казань к Митрополиту Ефрему, чтоб Митрополит писал в полки к боярам учительную грамоту, да и казацкому войску, чтобы они стояли крепко в вере, и бояром бы говорили и атаманье бесстрашно, чтоб они отнюдь на царство проклятого Маринкина паньина сына...» (здесь дефект документа мешает прочитать написанные слова) «не благославляю. И на Вологду ко властем пишите ж, так же бы писали в полки. Да и к Рязанскому пишите тож, чтоб в

полки так же писали к бояром учителную грамоту, чтоб уняли грабеж, корчму, блядню и имели б чистоту душевную и братство, и промышляли б, как реклись, души свои положить за Пречистыя Дом и Чудотворец и за веру, так бы и совершили. Да и во все города пишете, чтобы из городов писали в полки к бояром и атаманье, что отнюдь Маринкин на царство не надобен, проклят от святого собору и от нас...»

Вот основная часть этой краткой грамоты патриарха. Он заключает ее словами:

«А вам всем от нас благословение и разрешение в сем вещи и в будущем, что стоите за веру неподвижно, а яз должен за вас Бога молить».

Эта грамота содержит в себе призыв стоять крепко за национальные идеалы и православную веру, и заключает в себе, далее, определенные директивы поведения.

В момент страшного морального и политического распада патриарх Гермоген возвышает свой голос, *призывая всех русских людей бороться за освобождение и воссоздание Православной Руси, как за подлинный и великий Дом Пречистой Богородицы*, и указывая на опасность непродуманных и безответственных решений. *Он предостерегает русских патриотов от заключения соблазнительных соглашений с неверными и опасными союзниками (вроде Заруцкого), от самозванщины, безгосударственной идеологии и воровских авантюр; и зовет их проводить четкую, прямую и государственную, «земскую» линию в борьбе за Россию.*

Значение этих грамот в истории преодоления русской Смуты было исключительное. Слова заключенного патриарха *приобретали силу священного зова и веления*; в них говорил *живой дух Православной Церкви и русской государственности*, повелительно указывавший цель и пути борьбы.

Исторически эти грамоты связаны со славными именами Романа Пахомова и Родиона Мосеева. Святейший верил своим посланцам и высоко ценил их подвиг. Они были не только носителями его грамот, но и передатчиками его устных повелений; более того, они были активными пропагандистами его идеи.

Об этом мы читаем в той же грамоте. Патриарх пишет о них:

«А им бы в полках говорити бесстрашно, что проклятый» (т. е. Маринкин сын) «отнюдь не надобе... А в города для грамот посылати их же, а велети им говорити моим словом...»

Патриарх велит нижегородцам привлечь Мосеева и Пахомова к наиболее трудной работе, в качестве активных пропагандистов по городам. Он верит им не только как храбрым посланцам, но считает их убежденными, прямыми людьми, которым доверяет *«свое слово»*; он поручает им действительно претворять в жизнь его веления и полагается на их идейную убежденность и стойкий патриотизм.

История сохранила нам имена этих доблестных, *прямых и белых* людей, выводивших Россию из Смуты; и русский народ не забудет их, пока он будет жить на земле.

Л. И. ЛЬВОВ⁸⁰

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

Посвящается русской
национальной молодежи

Первое, что необходимо усвоить, приступая к политической работе, это то, что она требует особой умственной и волевой *подготовки*. Эта подготовка нужна всегда, при всяких условиях; но она приобретает совершенно исключительное значение в эпоху *революции и борьбы с нею*. К сожалению, люди не понимают этого: они обучаются ремеслам, изучают разные игры, предаются спортивным упражнениям, но к политике и политической борьбе приступают без всякой подготовки, как если бы тут все было ясно, просто и доступно. Какое легкомыслие! И какой вред в результате...

Политика есть, может быть, самое ответственное дело человеческое. Ибо в религии, в науке, в искусстве человек если ошибается, то ошибается *сам* и разве только *уговаривает* других ошибиться вместе с ним; тогда как в политике человек

заставляет других поступать именно так, а не иначе, и нередко превращает свою ошибку в судьбу целого народа. Вот почему *чувство ответственности* и *добросовестность* — суть первые условия для занятия политикой. Надо прежде всего разобраться в самом себе, узнать свои силы и слабости, установить границы своих знаний и умений — и потом решить, можно ли мне, позволительно ли мне с таким личным багажом приступать к политической деятельности.

Так, для политики нужна прежде всего *религиозная сила характера* и *верность своим убеждениям*. Что создаст в политике человек, который ни во что не верует, ничего до конца не любит и жизнью своею не рискнет ни при каких условиях? Ведь это — готовый перебежчик... И что натворит в политике человек, который ни в чем не убежден и потому не отличает честности от подлости и добра от зла? Ведь это — готовый предатель...

Для политики необходима *воля*, умеющая решать, приказывать и заставлять. Чего же можно ждать от человека безвольного, нерешительного, боящегося приказать или «принципиально отрицающего всякое принуждение»? Взявшись за власть, он становится всенародным обманщиком, ибо все с полным основанием ждут от него спасительных распоряжений, которые он обязался давать, но не дает; он становится сеятелем беспорядка и смуты, политической язвой своего государства, погубителем своей страны...

Для политики нужно *знание* хозяйственных и социальных законов и верное *прозрение* целей и средств, строящих мою родину в данную эпоху. Что же даст наивный невежда, став у власти? Ряд бессмысленных и гибельных распоряжений, вроде отмены частной собственности или принуждения всех людей к физическому труду... Что даст правитель, лишенный политической интуиции, не видящий национальных целей и готовый узаконить самые гибельные пути и самые ядовитые средства? Хаос и гибель...

Для политики необходимо *умение выбирать людей*, искусство читать в сердцах, умение доверять и не доверять, искусство давать каждому работу по силам и извлекать из всех самое

лучшее; это есть *организационный дар*. Что же создаст политик, доверяющий каждому льстецу, или постоянно окружающий себя карьеристами и предателями, или неспособный отличить волевого человека от безвольного, умного от глупого, искреннего от провокатора? Он подчинит себя и свою власть негодьям, унизит и осрамит себя и погубит свою страну.

Ясно, что политика требует особых духовных сил и особой умственной и волевой подготовки. Не всякому человеку даны эти духовные силы и не так легко приобретается эта подготовка. Можно быть сносным адвокатом, усердным ученым, способным агрономом и храбрым офицером, — и ничего не понимать в политике; и только сила самосознания, скромность и чувство ответственности могут спасти такого человека от фальшивых, вредных и постыдных положений.

Если так обстоит в нормальное время, то что же сказать о революции? Революция есть эпоха, когда в массах заболевает здоровый инстинкт общественности; когда люди повертываются друг к другу и к власти злыми, завистливыми, своевольными и агрессивными сторонами своей души; когда всякие правовые уклады нарушаются и все начинают *посягать*. Тогда политическая деятельность становится затруднительною, как никогда: нужна *особая* сила характера и убеждений, *особая* крепость воли, *особая* дальновидность, *особая* прозорливость по отношению к людям для того, чтобы быть на высоте в такую эпоху. Но именно в такие-то периоды люди поддаются обостренному соблазну политического авантюризма; и все начинают тесниться к власти и распоряжаться с каким-то упоенным легкомыслием и полной безответственностью. Исчезновение законной власти и спорность всякой незаконной власти развязывают *своеволие* во всех душах, в каждой по-своему. Редкий человек остается не затронутым этою заразою; и все различие в том, что у одних эта зараза выражается в чувстве «я не обязан никому подчиняться», а у других в чувстве «я призван всеми распоряжаться».

Понятно, что в такие периоды о реальной подготовке к политической деятельности никто и не думает; все выбегают как

на пожар, все говорят наобум и действуют как попало. А между тем именно в такие периоды, как никогда, необходимо объективное наблюдение, спокойная и замкнутая сосредоточенность и, главное, *внутреннее, духовное preparation себя к борьбе*. Это относится особенно к тем партиям и группам, которые бывают вынуждены вести борьбу в политическом подполье или на так называемом нелегальном положении.

Человек всегда имеет известные основания не доверять каждому случайному собеседнику и не раскрывать свою душу первому встречному. Недоступность личной души другим людям есть великое благо, данное нам от природы; и если бы это благо было отнято у нас, то мы все наверное возненавидели бы друг друга или сошли бы с ума. Политическая борьба поκειται прежде всего на умении *доверять кому надо и не доверять кому не надо*. Зоркое и верное распознавание людей есть *азбука политики*; и человек, раза два крепко обманувшийся в людях, напр<имер>, поверивший предателю или упустивший верного и сильного союзника, должен признать свое политическое неумение и отойти от дел для предварительной подготовки (если она ему вообще доступна).

Человек, желающий заниматься политикой, должен выработать в себе прежде всего *силу воли*.

Прежде всего — силу воли; ибо она нужна не только для того, чтобы *действовать*, но уже для того, чтобы *подготовить* себя к будущей политической деятельности.

Политика есть вообще дело *воли*, так, как искусство есть дело чувства и воображения, а наука — дело мысли и наблюдения. Людям нерешительным, колеблющимся, робким, склонным к рефлексии и самоглотанию — лучше воздерживаться от политической деятельности за отсутствием у них соответствующего органа. И всюду, где такие люди, поддаваясь тщеславию и честолюбию, вмешиваются в политику, — они приносят обычно много вреда. При этом волю отнюдь не следует смешивать с порывистой эмоциональностью, с истерической крикливостью и суетливостью или с хитрой и изворотливой пролазливостью. Признаки волевого человека надо

раз навсегда продумать и усвоить, с тем чтобы проверить ими *сначала себя самого*, а потом уверенно распознавать *других*.

О чем бы ни шла речь, каково бы ни было жизненное положение, волевой человек успокаивается только тогда, когда в его душе сложится ответ на вопрос: как дальше быть? что дальше *делать*? Ему мало понять то, что *есть*; ему неинтересно вообразить то, что *могло бы быть*; ему часто некогда почувствовать, кто и что «переживает» или «переживал», ему мало сообразить, что «должно» бы было быть в прошлом. Он смотрит в *будущее*; и не для того, чтобы только предвидеть его, а для того, чтобы решить, *где и в чем он сам повлияет на него*. Он всегда занят тем, чтобы *повлиять* на будущее, изменить его, *заставить* его быть таким, а не другим. Он не любит того, что ему *дано*; он всегда ищет того, что *задано*; и особенно любит то, что *он сам сделает*, что он совершит. И в малом, и в большом — он *заряжен всегда своим будущим действием*.

Волевой человек чувствует в самом себе некую *движущую силу*; и поэтому ему естественно рассматривать все жизненные вопросы с точки зрения *силовой*. Жить значит для него *бороться* и *одолевать*. Одолеть — значит собирать силы для нового одоления. Борьба не утомляет его. Без борьбы он томится и тоскует; она ему как бы «причитается» в жизни; и если ее нет, то он заменяет ее какими-нибудь внутренними, душевными или духовными заданиями, усилиями и одолениями.

Волевой человек *упорядочивает*. Но не тем, что приводит в состояние *покоя*; он упорядочивает *движение и в движении*. Покой гнетет его. Ему нужен не мыслимый порядок (логика), и не созерцаемый порядок (геометрия), а *творимый* порядок; и притом — *творимый им самим*. Ему важно двигать, давать меру, творить форму, распоряжаться и организовывать. Ему нужна власть; и это естественно: потому что он и *рожден для власти*.

Волевой человек может быть в затруднении и даже в нерешительности. Но это редко длится; а если длится, то это никогда не бывает бесплодно; и пока это длится, ему тяжело, ибо он не умеет ни наслаждаться проблематической нерешитель-

тельностью, ни укрываться за нею. Волевой человек, если он неумен и морально низок, — упрощает и огрубляет все жизненные проблемы. Но если он умен и нравственно чуток, то всякая жизненная проблема и даже самая сложная — выходит от него в состоянии *творчески-спасительной организованности*. Это понятно, — потому что *нравственность и жизненность* суть в глубоком измерении *одно и то же*.

Но если волевому человеку несвойственно бесплодное колебание, то зато ему в высшей степени *естественно и легко* держаться однажды избранной линии и выдерживать ее до конца. Это человек не коротких порывов, а долгих поворотов; не просто человек поступков, а человек *плана, активной системы, выдержанного строительства*. Это не значит, что всякое принятое решение камнеет в его душе, что он становится его послушным механизмом или рабом. Воля и упрямство не одно и то же; только упрямцу свойственна слепая и неразумная настойчивость; тогда как к самой сущности воли относится ее независимость от ее собственных решений. У волевого человека — решение есть продукт воли, а воля остается хозяином решения; тогда как упрямый человек старается поддержать свою слабую волю механически-непоколебимыми решениями и сам незаметно становится их рабом. Поэтому волевой человек властен над своими решениями: он волен всегда сохранить их и пересмотреть их. Но в том решении своем, которое он *не* пересмотрел и которое он поддерживает, он *присутствует* всею энергиею своей воли, насыщая его творческою и нередко стремительною динамикою. И эта верность принятому решению не тяжела ему. Это настолько характерно для волевого человека, что можно сказать и обратно: тот не волевой человек, кому несвойственно или кому трудно держаться однажды избранного плана или однажды решенной линии поведения.

Будучи сам силою, волевой человек и других людей воспринимает, как известные динамические центры. Иногда он, сам того не замечая, в душе слегка презирует безвольных людей («кисляев»); и можно с уверенностью сказать, что он

практически не признает за ними настоящей реальности. Для него реален тот, кто встречает проявления *его* силы ответною силою. Он может стать его врагом или его союзником; но реальностью он останется для него до конца. И если он найдет в нем союзника, то главною заботою его будет установление взаимной *субординации и координации сил, выяснение совместного будущего действия, распределение полномочий и обязанностей, т. е. создание динамической организации.*

Я описал человека с большою и сильною волею. Она не у всех волевых людей выражена так ярко. Но по этим ярким признакам всякий сумеет распознать себя и определить других.

Большая воля — есть дар. Если она дана низкому и злому человеку, то она может стать несчастьем окружающих или даже целой страны. Но если ею одарен человек с творческим умом и благородною душою, то мы имеем дело с *волевою гениальностью*, которая может дать счастье целому народу. Все великие политики были такими людьми, от императора Августа и Фридриха Великого до Петра Великого, Бисмарка и Столыпина. И понятно, что в эпохи смуты и развала *вся страна начинает мечтать о таком человеке.*

Необходимо, однако, установить, что вся энергия такого большого политика может разбиться и не принести надлежащего плода, если он останется одиноким, окруженным со всех сторон безвольною, деморализованною или даже преступною толпою. Никто не может одолжить свою волю другому; никто не может заставить окружающих людей стать волевыми и порядочными деятелями. *Волевому вождю необходим волевой кадр;* и если он не найдется в стране или будет слагаться слишком медленно, то судьба может пойти мимо великой волевой возможности и не допустить ее до плодоношения. Именно такова была участь Столыпина.

Не всякому дана от природы сильная воля. Но трудно допустить, что есть люди, от природы лишенные воли *совсем*, так что им, собственно говоря, ни укреплять, ни развивать в себе нечего.

Одному дается больше, другому меньше. Одному развить волю легче, другому — труднее. Но наличный запас воли может быть укреплен и развит у *каждого* человека. Это дело внутренней работы. Бесплодно возражать тому, кто скажет, что «для развития воли уже нужна сильная воля, а тогда ее нечего и развивать». Это бесплодная диалектика; и тот, кто к ней склонен, наверное имеет *слабую волю и большую лень*. Ему надо посоветовать — воздерживаться от участия в политике и лениво примириться со слабостью своей воли.

Внутренняя работа над своею волею возможна и необходима. И каждый русский патриот, понимающий, что нашему поколению не уйти от политической работы и государственного служения, *должен приступить к этой внутренней работе*.

Тут не надо начинать с больших и трудных задач. Лучше начинать с небольшого. И прежде всего верно распознать самого себя в смысле волевой силы и научиться распознавать других. При этом хорошо бывает проверять себя совместно и взаимно с несколькими друзьями и единомышленниками.

Далее, надо твердо усвоить обычай — *всегда и во всем*, во всех жизненных положениях и беседах ставить перед собою вопрос о том, *что же надо делать?* Не следует задавать его беспомощно вслух, обременяя других своею беспомощностью; но держать его молча перед своим сознанием, самостоятельно, про себя добиваясь ответа; и только добившись его для себя и про себя — ставить его вслух и обсуждать совместно. Надо приучить себя к *волевому рассматриванию жизненных вопросов*, но с тем, чтобы всегда хотя бы часть своих выводов *непосредственно осуществлять на деле*.

Затем надо поставить себе несколько реальных жизненных заданий, не безразличных для сердца, отнюдь не случайно и не механически выбранных. Надо взять одно *главное* задание, требующее сроков и долгой работы — и спуститься от него к нескольким *более мелким* задачам, подчиненным ему так, как средства подчинены цели; и на них сосредоточиться. Главное задание должно быть *любимым и страстно желанным*. Этот

заряд желанности естественно перенесется и на подчиненные задачи. Надо закрепить его за ними так, чтобы трудное стало легким, горькое — незаметным, противное — безразличным; и затем превращать эти задачи — одну за другой — в *нестрашные препятствия, преодолеваемые по выработанному плану*. Чувство удовлетворения от победы надо использовать, как благоприятный знак и побуждение к дальнейшему. Задачи могут становиться *все более сложными*. На четвертой задаче можно попытаться поставить перед собою *две сразу*. И постепенно выдержанная борьба приучит душу к долгому и творческому напряжению.

Для начала очень полезно приучить себя, например, к систематическому и выдержанному *блюдению тайны*, столь важному и полезному в политической деятельности вообще; и в этом случае было бы реально полезно не выдумывать какую-нибудь тайну искусственно, а выбрать такое жизненное положение, которое действительно обязывает к блюдению тайны, например, из соображений чести или опасности. Но для начала лучше не связывать себя с большою тайною*.

Это будет уже живым и творческим делом воспитания в себе воли и характера, необходимых для политического деятеля.

СТАРЫЙ ПОЛИТИК⁸¹

---

* *От редакции.* Одновременно с этой статьей автор ее прислал нам список правил о том, как блюсти тайну, и мы охотно даем ему место во второй части нашей первой книжки.

Часть II

ОТ РЕДАКЦИИ

Нам необходимо знать правду о нашей родине; *одну* правду и *всю* правду. Нам необходимо установить ее, усвоить и продумать; и тогда сделать *выводы* и принять *решения*.

Для освещения этих *выводов* нам важно также иметь, во-первых, поучительные и точные материалы о других странах; во-вторых — ряд ясных и зрелых теоретических основоположений по главным вопросам идеологии, политики и хозяйства.

Но помимо выводов у нас будут складываться еще и *решения*. Для осуществления этих решений нам нужна духовная и организационная подготовка, имеющая свои *правила* и требующая выдержанной работы над усвоением этих правил.

Вторая часть нашего журнала будет обслуживать все эти потребности и запросы. Она будет давать только тщательно проверенные материалы; только строго продуманные основоположения; только практически выношенные правила и советы. Все эти данные надо будет не читать, а *прорабатывать* и *усваивать*; они нуждаются в совместном обсуждении и запоминании; они предназначены для педагогического использования и для широкой пропаганды; они должны составить как бы *умственный и волевой арсенал русского патриота*.

Редакция просит всех читателей-единомышленников широко пользоваться всеми этими данными и обращаться к ней с прямыми запросами и пожеланиями, идущими в том же направлении. Всякий отклик без исключения будет принят во внимание и так или иначе учтен.

РОССИЯ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

В конце XIX и в начале XX века Россия переживала период быстрого экономического и культурного развития. Заграничные представления о России как стране, якобы пребывавшей

в застое, убедительно опровергаются цифрами. Обратимся к их нелицеприятному свидетельству.

Рост населения

За первые 20 лет царствования императора Николая II население России увеличивалось ежегодно на цифру, поднимавшуюся постепенно от 2 к 3 млн.

	в 1894 г.	в 1914 г.	% увелич.
Население	ок. 122 млн.	ок. 173—174 млн.	ок. 40%

Перепись 1897 г. дала цифру в 128 млн. По оценке статистического комитета, население России на 1 января 1914 г., включая Финляндию, Хиву и Бухару, достигало даже 180 млн.

Рост сельского хозяйства

В начале 1890-х гг. Россия переживала полосу неурожая. После голодных лет урожаи 1892 и 1893 гг. были хорошими. Однако и против этих урожаев — последние годы перед войной показывают разительное увеличение.

Среднее за:

Урожай хлебов (млн. пудов)	1892—1893 гг.	1911—1913 гг.	% увелич.
в Европ. России	2050	3657	+78%
во всей Империи	—	4861	—

Количество скота также возросло. Россия имела:

(млн. голов)	1895 г.	1914 г.	% увелич.
Лошадей	25,6	35,0	+37%
Рогатого скота	31,6	52,0	+64%

Целый ряд мер был принят за этот период для поднятия уровня деревни. Наряду с такими законодательными актами, как отмена круговой поруки, отмена выкупных платежей, закон 9 ноября 1906 г. о свободном выходе крестьян из общины, — министерством земледелия была развита за последние

годы энергичная деятельность по поднятию уровня сельскохозяйственной культуры (опытные поля и станции), а кредитная кооперация широко распространилась в деревне*.

Рост промышленности

В области добывающей промышленности особенно выросла добыча угля, марганца, железа и меди.

Среднее за:

	1891—1895 гг.	1911—1914 гг.	% увелич.
Уголь (млн. пудов)	466	1983	+ 300%
Марганец (млн. пудов)	12,0	55,7	+ 364%
Медь (выплавка) (тыс. пудов)	395	1878	+ 375%
Чугун (выплавка) (млн. пудов)	73	254	+ ок. 250%

В меньшей степени, но все же значительно, выросла добыча других полезных ископаемых:

Среднее за:

	1891—1895 гг.	1911—1914 гг.	% увелич.
Нефть (млн. пудов)	338	560	+65%
Золото (пуды)	2576	3701	+43%
Соль (млн. пудов)	85	121	+42,5%

Из видов промышленности, связанных с сельским хозяйством, сильно развились свекло-сахарная, хлопковая и винокуренная. Оставляем в стороне последнюю, рост которой был резко пресечен запрещением продажи спиртных напитков в августе 1914 г.

* В одной из ближайших книжек журнала редакция имеет в виду дать точную и исчерпывающую справку о движении крестьянского землевладения в предреволюционной России. По исчислениям одного из лучших знатоков аграрного вопроса в России профессора В. А. Косинского, основанным на данных сельскохозяйственной переписи 1916 г., скупка земли крестьянами при содействии правительства продвинулась к этому году настолько, что из земель сельскохозяйственного назначения в Европейской России — около 79% принадлежало мелким землевладельцам (не свыше 50 десятин на хозяйство) и только 21% принадлежал более крупным землевладельцам.

В области сахарной промышленности наблюдался не простой рост, но и ее интенсификация:

Среднее за:

	1891—1894 гг.	1911—1914 гг.	% увелич.
Площадь посева свекловицы (в десятинах)	280 000	721 000	+ 150%
Выработка сахара (млн. пудов)	30,5	104,5	+ 245%

Еще быстрее шел рост хлопководства.

	1894 г.	1914 г.	% увелич.
Площадь посева (в десятинах)	ок. 150 000	675 000	+350%
Сбор волокна (млн. пудов)	3,2	15,6	+388%

Развитие хлопководства в Туркестане (далеко обогнавшем Закавказье) стало возможным вследствие производства обширнейших ирригационных работ.

Рост капитала страны

Из видов национального достояния на первое место можно поставить пути сообщения.

Развитие железнодорожной и телеграфной сети показывает быстрый рост:

	нач. 1895 г.	1.I.1915 г.	% увелич.
Железные дороги	31 812 верст	64 547 верст	+103%

В эти цифры не вошли ни финские железные дороги, ни Восточно-Китайская. Русские железные дороги были значительно дешевле, чем заграничные (в особенности для поездов на дальние расстояния), а также имели спальные вагоны и для III класса, чего и теперь нет на большинстве заграничных дорог.

	1891 г.	1914 г.	% увелич.
Телефонная сеть (длина линий)	133 000	223 000	+68%

Рост ее приходится на более позднее время; в 1897 г. длина линий была 143 000.

	1894 г.	1914 г.	% увелич.
Торговый флот	492 000 т	783 000 т	+59%

Особенное внимание обращалось на развитие сообщений между Европейской Россией и Сибирью и вообще Азией.

Большое количество вновь возведенных присутственных зданий, вокзалов, грандиозные элеваторы для хранения хлеба, усиленное строительство в столицах и больших городах быстро увеличивало ценность недвижимого имущества России.

Наконец, самый внешне-осязательный вид государственного капитала — золотой фонд увеличился в следующих размерах:

	15.XII.1894 г.	16.VII.1914 г.	% увелич.
Золото в Гос. банке (в млн. руб.)	648	1604	+146%

Все эти данные ярко свидетельствуют о том, что экономическое благосостояние России — и национальный годовой доход, и накопленный капитал страны — не только возросло абсолютно, но в своем росте *опередило увеличение численности населения*: в то время как оно увеличилось на 40%, все главные отрасли дохода и капитала страны возросли в пропорции много раз большей.

Народное образование

Народное образование в России не находилось целиком в ведении министерства народного просвещения. Большая часть расходов падала на земство и города; приходские школы находились в ведении Святейшего Синода; коммерческие училища (и ряд высших учебных заведений) ведались минис-

терством финансов (позднее — торговли); наконец, многие женские учебные заведения относились к ведомству учреждений императрицы Марии.

Расходы министерства народного просвещения являются лишь частью расходов на образование. Рост их, однако, является показательным особенно ввиду того, что и по другим ведомствам просветительные расходы не сокращались, а наоборот, росли.

	1894 г.	1914 г.	% увелич.
Бюджет мин. нар. просв.	25 200 000 р.	161 600 000 р.	+ 628%

Количество неграмотных, составлявшее все еще большинство населения, постепенно убывало.

За последние 20 лет перед войной произошли следующие изменения в количестве учащихся в государственных, земских и городских учебных заведениях:

	на 1.I.1894 г.	1.I.1914 г.	% увелич.
В университетах	13 944	39 027	+180%
В средних учебных заведениях	224 170	733 387	+227%
В низших учебных заведениях (кроме Средней Азии)	3 275 362	6 416 247	+96%

Кроме того, имелись частные, в особенности инородческие (татарские и т. д.) школы, с числом около миллиона учащихся в 1912 г. Ввиду усиленного расширения школьной сети и именно за последние годы к 1914 г. увеличение числа учащихся, несомненно, превысило 100% против 1894 г.

В этих цифрах, кроме того, из *высших* учебных заведений не учтены: все *специальные* (технические, военные, музыкальные и т. д.), женские (Высшие курсы), педагогические институты и т. д., и вообще все *частные* учебные заведения.

Более быстрый рост *среднего* образования легко объясняется необходимостью раньше *подготовить кадры учителей*, а затем уже расширять сеть низших школ.

Что касается средних учебных заведений, то интересно сопоставить число учащихся в мужских и женских гимназиях:

	1894 г.	1914 г.	% увел.
Мужские гимназии и реальные училища	89 411 чел.	228 551 чел.	+155%
Женские гимназии	54 102 чел.	328 803 чел.	+420%
Женские институты	7 706 чел.	9 562 чел.	+15%
Духовные учебные заведения	63 257 чел.	100 027 чел.	+58%

Поразительный рост среднего *женского* образования сопровождался таким же ростом *высшего* женского образования за последнее десятилетие. По числу женщин, получавших высшее образование, Россия стояла в Европе на первом месте.

Из внешкольных видов образования отметим быстрый рост народных библиотек и могучий расцвет издательской деятельности, сопровождавшийся огромным *удешевлением* книги.

Мировая война, поставившая Россию в исключительно трудные условия, вызвала, разумеется, большие перемены в русской жизни.

Но до революции государственный организм все же преодолевал возникшие затруднения.

Война поставила русской промышленности большие новые задания. Она одновременно должна была удовлетворять нуждам обороны и возмещать прекратившийся подвоз из-за границы. Россия была лишена главных путей сообщения с внешним миром: сухопутной западной границы, Балтийского и Черного морей. Все, что приходило извне, должно было проходить либо через замерзающие порты Белого моря, либо через Владивосток, отстоявший от фронта чуть ли не на 10 000 верст. Русская металлургическая промышленность не была настолько развита, как западная. И тем не менее после первого же года неудач огромными усилиями было достигнуто такое увеличение ввоза через Владивосток и Белое море, что снабжение России военным материалом извне стало реальностью. Была построена ширококолейная дорога от Архан-

гельска и сооружена за время войны новая дорога, Мурманская, выводящая прямо к незамерзающей бухте Ледовитого океана. Это *преодоление блокады*, завершенное к осени 1916 г., было поразительным достижением.

В то же время Россия покрылась целой сетью новых металлургических и химических заводов. Постройка и переоборудование шли «американским» темпом, и к началу 1917 г. русская промышленность давала армии достаточное количество снарядов.

О росте *металлургической* промышленности цифровых данных не помещалось, так как на нее простиралась военная тайна. О нем ярко свидетельствуют те огромные запасы руды, полуфабрикатов, готового снабжения, которые остались к моменту революции.

В других областях удавалось не только поддержать производство, но подчас даже увеличить его.

Так, в области топлива добычу угля за первые военные годы удалось поддержать почти на прежнем уровне, *несмотря на то, что отпал оккупированный с первых дней войны Домбровский район, поставлявший свыше 400 млн. пудов в год:*

Среднее за	1911—1914 гг.	1915 г.	1916 г.
Добыча угля (млн. пудов)	1983	1905	1955

Добыча в Донецком бассейне с 1543 млн. пудов в 1913 г. повысилась в 1916 г. до 1738 млн. пудов.

Добыча нефти повысилась еще более разительно:

Среднее за	1911—1914 гг.	1915 г.	1916 г.
Добыто нефти (млн. пудов)	560	568	602

Резкое повышение дали также *сборы хлопка*. В 1916 г. Россия более чем на 2/3 удовлетворялась собственным хлопком, тогда как до войны привозной хлопок составлял более половины.

В области сахарной промышленности, несмотря на захват неприятелем в 1915 г. значительной части районов, производящих свекловицу, производство поддерживалось:

Среднее за	1911—1914 гг.	1915 г.	1916 г.
Площадь посева (в десятинах)	721 000	702 000	670 000
Выработка сахара (млн. пудов)	104	113	92

Сельское хозяйство, разумеется, страдало от массовых призывов в армию. В 1916 г., по данным министерства земледелия, площадь посева хлебов сократилась на 10%. Это явление наблюдалось не только в России: напр<имер>, во Франции сбор хлебов во вторую половину войны составлял всего около 50% прежнего. Франция питалась подвозом из Америки. Что касается скотоводства, то перепись 1916 года установила, против цифры 1914 г., уменьшение количества лошадей с 35 млн. до 33 млн., при увеличении количества рогатого скота с 52 до 56 млн.

Таковы были итоги русского хозяйства за предшествовавшие революции годы войны: рост металлургической и химической промышленности, хлопководства, добычи нефти, угля (в неоккупированной части страны); слабый урон в сельском хозяйстве и связанных с ним отраслях промышленности. Наиболее тяжело в области экономики война отразилась на путях сообщения и связанной с ними торговле, а также на денежном обращении.

После сопоставления всех этих данных, свидетельствующих об огромной и продуктивной работе правительства и народа и о бурном, культурном и хозяйственном росте России, продолжавшемся даже во время такой войны, естественно и неизбежно возникает вопрос, кому и для чего нужна была революция?..

С.С. ОЛЬДЕНБУРГ⁸²

РУССКАЯ ТЕРРИТОРИЯ (1914—1927)

Каждый русский патриот должен знать наизусть и, взявши карту, продумать с исторической и политической точки зрения состав своей национальной *территории*. Он должен знать, как она сложилась в истории; как случилось, что к ней были присоединены такие-то части земной поверхности; нужны ли эти части его родине и *зачем* они нужны ей; и сколько борьбы, всенародных жертв и страданий потребовало каждое присоединение?

Владеть обширной или огромной территорией не есть высшая задача народа. Народ живет не *для* земли и не *ради* земли. Но он живет *на* земле и живет *от* земли. И потому территория необходима ему не менее, чем воздух и солнце. Народ без определенной ему и крепкой территории — есть кочевник, живущий в бесплодных, неверных и случайных блужданиях; он *травит* и *грабит*, но не оплодотворяет и не создает; он не образует государства; он остается проходящим странником и опасным соседом. Ни одна великая, мировая культура не была создана кочевым народом. Настоящая культура начинается с оседлости; ибо только оседлый человек перестает *брать* от природы, *ничего ей не давая*; только оседлый человек отдает себя природе *цельно и творчески* — вверяет ей свои силы и свою судьбу, связывается с нею морально и духовно; этим он *приобретает* ее и начинает считать ее по праву *своею*. Территорию мало завоевать; ее надо культивировать. Право на нее приобретается не только воинственно пролитой кровью, но и ее хозяйственным и техническим приспособлением для жизни и духа. Тогда она становится не только необходимым *условием* народной жизни, но и *творческим созданием* народа. Добытая кровью и трудом, волею и духом — территория становится *священным* достоянием нации.

Не жажда воинственного напора создала России ее территорию, но, во-первых, ее открытое, незащищенное положение на равнине, во-вторых, необходимость морского пути для

земледельческого и торгового государства. История России есть сначала история ее самообороны от степных кочевников и от равнинных соседей; потом — история ее борьбы за выход к свободному морю. Россия имела только два пути: или стереться и не быть; или замирить свои необозримые окраины оружием и государственною властью, и затем пробиться к морю. Так выросла русская государственная территория.

К 1914 году Россия была самым большим континентальным государством в мире. Не считая внутренних морей, она занимала свыше 22 млн. кв. км, т. е. одну шестую часть всей суши земного шара; ее площадь была в два с половиною раза больше площади Европейского материка; в два раза больше Китая; в три раза больше территории Северо-Американских Соединенных Штатов; в 44 раза больше территории Германии. Она уступала по размерам только Британской империи, которая покрывала вместе с колониями свыше 32 млн. кв. км; но владения Англии были разбросаны по всем частям света, тогда как территория России представляет одну сплошную площадь, нигде не прерываемую владениями других государств.

Революция, завершившая и проигравшая великую войну 1914 года, внесла в территориальное положение России ряд существенных изменений. Именно: Россия потеряла территорию в 908 тыс. кв. км (невступно⁸³ 1 млн.), т. е. приблизительно столько, сколько составляют площади Франции и Италии, взятые вместе. По сравнению со всем пространством России это составляет 4 с небольшим процента, или 1/24 всех русских владений. Но если принять во внимание только Европейскую Россию, из состава которой выпала утраченная территория и площадь которой приближалась в 1914 году к 6 млн. кв. км (около 5 928 000), то потеря эта составит свыше 15%.

Территория, отошедшая от России, распределилась следующим образом. Часть ее отошла ко вновь образовавшимся самостоятельным государствам, из них: Финляндия владеет ныне 388 400 кв. км; Польша получила 262 700 кв. км; Литва — 79 600 кв. км; Латвия — 65 800 кв. км; Эстония — 47 600 кв. км.

Другая часть ее отошла к ранее существовавшим государствам: Румыния, безуспешно воевавшая в союзе с Россией, получила Бессарабию — 45 600 кв. км; и Турция, безуспешно воевавшая против России, получила Карскую область — 18 650 кв. км.

Эти территориальные потери, понесенные Россией, не только велики количественно, но имеют и иное значение. Утрата их отрезала Россию от ближайших выходов к морю: Россия потеряла почти всю береговую линию по Балтийскому морю (свыше 2500 км) с портовыми городами Виндавой, Либавой, Ригой, Ревелем, Выборгом, Гельсингфорсом, Ганге, Або, сохранив всего около 200 км к северу и югу от Петрограда — единственного оставшегося порта на Балтийском море. Россия потеряла общую границу с Германией, торговые сношения с которой стояли у нас до войны (по ввозу и вывозу) на первом месте. Наконец, из состава России вышли культурно-возделанные земли всех новообразовавшихся государств с их способным и трудолюбивым населением, среди которого имеется немалое число русских людей.

В будущем нет перспектив для воссоединения с Польшей: она останется самостоятельным государством, отделяющим нас от Европы и самостоятельно противостоящим Германской империи. Что же касается других новообразовавшихся государств, то воссоединение их с Россией если произойдет когда-нибудь, то только по их свободной и доброй воле, обусловленной, с одной стороны, их собственными, политическими и хозяйственными интересами, с другой стороны — их культурным доверием к исцеленной и возрожденной России. Во всяком случае, национальная Россия не будет делать насильственных присоединений и долгое время ей будет совсем не до войн.

После исключения этих утраченных территорий площадь России исчисляется в 1927 году в 21 213 000 кв. км круглым счетом. Эта территория разделена революционной властью на целый ряд «федеративных республик», формально связанных особою советскою конституциею, а по существу одинаково подчиненных диктатуре коммунистической партии. Боль-

шую часть ее занимает так называемая «Российская социалистическая федеративная советская республика», а именно 19 683 000 кв. км, или 92,8%. Остальные 7,2%, составляющие все же колоссальную площадь в 1 530 000 кв. км, заняты вновь образованными «федеративными республиками»: Туркменской (418 560 кв. км), Украинской (397 800 кв. км), Узбекской (322 000 кв. км), Закавказской (193 000 кв. км) и Белорусской (109 800 кв. км). В свою очередь некоторые из этих «федеративных республик» распадаются на автономные республики (в составе РСФСР их насчитывается 10) и автономные области (в составе РСФСР — 13 областей).

Таким образом, Россия, выведенная из войны революцией, подверглась внешнему и внутреннему территориальному расчленению.

А.И. БУНГЕ⁸⁴, И.А. ИЛЬИН

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ

(1897–1914–1927)

Патриоту необходимо знать племенной состав своей страны и численность ее населения. Каждый человек, входящий в состав его страны, есть сын одной с ним родины, его соотечественник и брат: он связан с ним в счастье и в несчастье, в победе и в поражении, в славе и в унижении. И все граждане единого государства, — знают они об этом или не знают, — несут взаимно и совместно бремя жизни, организованной на земле.

Территория необходима государству; но состоит государство не из территории, а из людей. Люди могут временно отрываться от своей территории; и все-таки оставаться в составе своего государственного союза. Эта принадлежность человека к его государству определяется не просто законом и распоряжением существующей власти, но прежде всего и больше всего *внутренним самочувствием* человека, его *патриотическою преданностью*, его *правосознанием*. Интернационалист и пре-

датель *не* входят в состав того государства, в котором они живут и которым они, может быть, даже управляют; а изгнанник или эмигрант, любящий свою родину, по-прежнему остается ее сыном и входит в состав своего народа. Пусть статистик, подсчитывая «население» в данный момент, присчитает его, по месту его теперешнего жительства, к другой стране; на самом деле он остается в национальном запасе живых сил своей страны.

Этим и определяется весь смысл вопроса о населении: население есть *живой состав и живой запас национальных и государственных сил страны*. Численный рост населения обозначает здоровье, силу и рост нации; причем здоровье и сила нации тем больше, чем выше стоит рождаемость и чем ниже смертность. Вымирающая нация лишена будущего; так вымерли многие народы в древности, вымерли южноамериканские ацтеки, вымирают североамериканские индейцы и некоторые племена в России (долгане, чуванцы, алеуты и др.). Нация с невозрастающим населением переживает критическую эпоху своей жизни (Франция) и размножение соседних народов реально угрожает ее будущему. Напротив, народ с возрастающим населением может уверенно смотреть в будущее, несмотря на то, что ему, по-видимому, грозит в дальнейшем перенаселение, ибо это затруднение разрешается в зависимости от двух свойств народа: *воли к труду и способности к организации*.

До войны 1914 года средний уровень рождаемости в России составлял 47,0 человека в год на каждую тысячу населения (в Германии 36,5 чел. на тысячу, после войны всего 20,6! — во Франции 23,0, после войны 19,6! — в Англии — 31,3, в Швейцарии — 27,7, в Италии — 37,6, в Венгрии — 42,8). Средний уровень смертности в России составлял 30,0 человека в год на каждую тысячу населения (в Германии — 24,6, во Франции — 22,4, в Англии — 19,2, в Швейцарии — 21,4, в Италии — 26,9, в Венгрии — 32,4). Это составляло чистый прирост в год 17 человек на тысячу, или в среднем на всю страну *полтора процента ежегодно*.

Насколько уровень рождаемости в России утешителен по своей высоте (и сам по себе, и по сравнению с другими странами), настолько уровень смертности у нас неутешителен: он показывает, какие усилия нам необходимо еще сделать для того, чтобы поднять гигиенический, медицинский, хозяйственный, технический и организационный уровень нашей страны. И в этом отношении перед русским народом открыто великое будущее, ибо размеры нашей территории таковы, что она способна при здоровой государственной и хозяйственной политике вместить и прокормить гораздо большее население, чем то, какое она вмещает ныне. Перед войной 1914 года средняя плотность населения в *Европейской России* (составлявшей 1/4 всей русской территории), без Польши, была 25 человек на 1 кв. км, а в *Азиатской России* (составлявшей остальные 3/4 нашей площади) она равнялась 0,7 человека на 1 кв. км в Сибири и 3,0 человека в Средней Азии; тогда как в Европе плотность населения на 1 кв. км составляла: в Германии — 120 чел. (теперь, после отпадения слабонаселенных восточных областей — 134 чел.), в Англии (Соединенное Королевство) — 145 чел., во Франции — 74 чел., в Испании — 39 чел. и в Норвегии — 7 чел.

Первая планомерная общерусская перепись была осуществлена в 1897 году. Согласно этой переписи в России находилось в то же время круглым счетом 128 млн. жителей (точная цифра: 128 195 483). На основании цифр рождаемости и смертности можно было установить, что к первому января 1914 года население России возросло круглым счетом до 173 млн., а по некоторым исчислениям, даже до 180 млн.

Это значит, что Россия занимала по численности своего населения третье место в мире, уступая Английской империи, которая вместе с колониями насчитывает 420 млн. жителей, и Китаю, число жителей которого точно не определено, но, во всяком случае, превышает 300 млн.

Срединное положение России между Западной Европой и Азией, как раз на пути великого переселения народов, определившего, около пятнадцати веков тому назад, судьбу Ев-

ропы и берегов Средиземного моря, повело к тому, что на ее поверхности оседали остатки почти всех народов, проходивших по ней с востока на запад. Отсюда большая племенная пестрота, доныне сохранившаяся в России. Перепись 1897 года насчитывает 140 племен различного происхождения, относящихся к различным расам и входящих в состав русского населения.

Племенной состав русского населения был исчислен в 1897 году в общем так (даем круглые цифры).

Если оставить в стороне небольшую сравнительно группу палеоазиатов⁸⁵ или гиперборейцев (чукчи, гиляки, коряки, камчадалы, айносы и др.), составлявших вместе не более 35 тысяч душ, и более крупную группу китайцев, корейцев и японцев, не превышавшую, однако, сообщая 90 тысяч, то все население России делилось на *четыре* большие расовые группы: 1) индоевропейскую, или арийскую; 2) уралоалтайскую; 3) семитическую и 4) картвелоиверийскую группу.

1) Подавляющее большинство русского населения, около 100 млн., почти 80%, принадлежало к индоевропейцам. Это означает, что *арийская раса* численно определяет судьбы и пути России.

Главное ядро этой расы составляли *славяне*. Их было немного более 92 млн., или около 72% всего населения. Это означает, что *славянские племена* численно преобладали в России.

Если вычесть из этой массы 7,9 млн. поляков (около 6,4% всего населения) и небольшое число других славян (болгар и чехословаков), то мы получим основной, исторически *ведущий и строящий Россию кадр русского племени* — около 84 млн., или 65,6% всего населения.

Русское племя распадалось на три ветви; в него входили: *великороссы* — 55,7 млн., т. е. около 43,5% всего населения и около 66% всех русских; *малороссы* — 22,4 млн., т. е. около 17,5% всего населения и около 27% всех русских; и *белорусы* — 5,9 млн., т. е. около 4,6% всего населения и около 7% всех русских.

К индоевропейской расе, помимо славян, принадлежали в России еще следующие племена (переименовываем их по численности):

немцы — 1,8 млн.; латыши — 1,4 млн.; литовцы — 1,2 млн.; армяне — 1,2 млн.; молдаване и румыны — 1,1 млн.; иранцы (таджики, осетины, курды, таты, талышинцы и персы) — 0,784 млн. (т. е. 784 тыс.); жмудины — 0,448 млн.; греки — 0,187 млн.; цыгане — 0,045 млн. (т. е. около 45 тыс.).

На все остальные расы, вместе взятые, приходилось около 28 млн., или 20% всего населения.

2) Вторую по численности расою являлись *уралоалтайцы*. Они составляли около 20 млн., или около 15,6% всего населения.

Сюда входили две группы — *финская* и *тюрко-татарская*.

К *финским* племенам относились (в круглых числах):

финляндские финны — около 2,3 млн., прибалтийские финны (савакоты, эвремейсет, воть) — 1,4 млн., мордва — 1 млн.; эсты — 1 млн., вотяки — 0,4 млн.; черемисы — 0,375 млн. (т. е. 375 тыс.); карелы — 0,208 млн.; зыряне — 0,153 млн.; пермяки — 0,104 млн., а также численностью менее пятидесяти тысяч каждое племя — чудь, остяки, ижора, вогулы и лопари (около 2 тыс.).

К *тюрко-татарским* племенам принадлежали:

киргиз-кайсаки — 4 млн., татары — 3,7 млн., азербайджанцы — 1,5 млн., башкиры — 1,3 млн., сарты — 0,968 млн.; чуваша — 0,843 млн.; узбеки — 0,726 млн.; буряты — 0,289 млн.; туркмены — 0,281 млн.; якуты — 0,227 млн.; турки-османы — 0,209 млн.; кара-киргизы — 0,201 млн.; калмыки — 0,191 млн.; тептяри — 0,118 млн.; кара-калпаки — 0,104 млн.; а также численностью менее 100 тыс. каждое племя: кумыки, тунгусы, ногайцы, таранчи, мешеряки, горские татары, карапапахы, карачаи, самоеды, кашгарцы, кипчаки и долгане (1 тыс.).

3) Третью по численности расу образовывали *семиты*. Они составляли немного более 5 млн., или около 3,9% всего населения.

Если не считать двух ничтожных по численности групп закавказских сиро-халдеев (айсоров) и дагестанских арабов, то все остальное количество 5 064 000 душ приходилось на евреев.

4) Наконец, четвертую по численности расовую группу представляли из себя *картвело-иверийцы*. Их насчитывалось около 2,4 млн., или около 1,9% всего населения.

Сюда относится целый ряд кавказских народов, из которых самые многочисленные: грузины — 0,824 млн. (т. е. около 824 тыс.); имеретины — 0,273 млн; менгрельцы — 0,239 млн.; чеченцы — 0,226 млн.; и некоторые лезгинские племена: аваро-андийцы — 0,212 млн.; кюринцы — 0,159 млн.; даргинцы — 0,130 млн.; а также численностью менее 100 тыс. каждое племя — кабардинцы, абхазцы, сваны, лакцы, табасаранцы, крызцы, удины и др.

Справедливая история когда-нибудь отметит тут религиозную и культурную и бытовую свободу, которой пользовались все эти народы и племена под властью дореволюционной Российской империи; причем эта свобода тем легче принимала и формы общественного самоуправления, чем лояльнее относился данный народ к интересам России в целом и к ее законам. Помимо общей обязательности государственного языка (принцип, проведенный во всех культурных странах), русский народ не только не подавлял иноплеменных языков в своих пределах, но впервые создавал для малых народностей их письмена и не стеснял их культуры и быта. Даровитые люди самых различных племен имели доступ и в высшие учебные заведения, и к высшим государственным и командным должностям.

Война и революция сильно повлияли на состав русского населения и в племенном и в численном отношении. Откладывая приведение исчерпывающих данных на будущее время, укажем теперь же, что от России отпал целый ряд областей с населением, равным приблизительно *двадцати девяти* миллионам душ, т. е. превышающим все население теперешней Польши, которая по числу жителей ныне занимает в Европе пятое место.

Из состава русского населения почти совершенно исчезли финляндские финны, латыши, литовцы и эсты; мало осталось поляков. Значительно уменьшилось число евреев, насчитывающих в нынешней России около 2,7 млн.; евреи отошли главным образом к Польше. Значительная часть молдаван отошла к Румынии. Число немцев также уменьшилось до 1,1 млн.

Потери во время большой европейской войны, потери гражданской войны и число жертв коммунистического террора мы впоследствии исчислим отдельно. К этому надо прибавить убыль населения от революционного голода в городах, от неурожайного голода в 1920—1921 гг. и от эпидемий. С чисто статистической точки зрения сюда надо причислить также эмиграцию.

При таком положении дел последняя перепись, произведенная советскою властью, дала общее число населения для нынешней России в 146 200 000 душ. Нетрудно исчислить, какое количество населения потеряла Россия с 1914 по 1927 год (убитыми, умученными, преждевременно умершими, отпавшими и неродившимися), если принять во внимание, что к 1914 году Россия насчитывала не менее 173 млн. и что при нормальных условиях население ее возросло <бы> не менее, чем на 2 млн. в год.

А.И. БУНГЕ, И.А. ИЛЬИН

КАК ХРАНИТЬ ТАЙНУ

(Правила и советы)

1. Если у тебя есть тайна и тебе надо сохранить ее, то пойми прежде всего, что сохранить ее можешь *только ты сам*; другому придется ее хранить уже тогда, когда ты ему ее выдашь. Не надейся на других. Если ты сам не удержал свою тайну, как можешь ты требовать молчания от другого?

2. Тайна имеет свои законы; кто их нарушает, тот ее разрушает. Сущность тайны не в том, что о ней знают, но не говорят («секрет Полишинеля»). Сущность ее в том, что люди не

знают ни того, *в чем* она состоит, ни того, что *вообще что-то скрывается*.

3. Поэтому, если у тебя есть тайна, то не имей таинственного или важного вида; не шепчись по углам; не роняй многозначительных намеков; не рассказывай о своих знакомствах; не сообщай сенсационных новостей. Будь прост, естествен, скромн. Умей молчать, но без загадочности; когда необходимо, умей быть разговорчивым о посторонних предметах. Будь как все; будь малозаметен. И прежде всего искорени из своего сердца *тщеславие*: это главный источник болтливости. Приучи себя не дорожить суждением окружающих людей о тебе. Судит тебя Господь и ты сам перед Его лицом; а впечатления других несущественны: научись ради дела спокойно проигрывать в их мнении.

4. Явная таинственность всегда пробалтывает тайну; будь уверен: если люди узнали, что у тебя *есть* тайна, то они скоро узнают и *в чем* она; ибо всюду есть много досужих и профессиональных следопытов. Поэтому, если самая наличность тайны стала притчей во языцех, то погаси ее совсем; и потом, если надо, завяжи ее снова.

5. Чтобы научиться беречь тайну, сделай так. Утаи про себя твое первое серьезное огорчение или первую твою серьезную удачу. Сделай так, чтобы никто на свете не узнал о них от тебя.

Или еще: если узнаешь какую-нибудь волнующую новость, заставь себя не рассказывать о ней никому. Если другой будет рассказывать ее при тебе, — слушай и молчи; если неверно расскажет, — не поправляй; если сочтут тебя за неосведомленного человека — пусть считают.

Упражняйся в этом; но не говори никому, что ты «упражняешься». Приучись *быть наедине* со своей тайной, чтобы она тебя не «распирала». Этим ты разработаешь себе *непроницаемость* по отношению к людям. Закрепи ее внутренне *безусловною прозрачностью души перед Богом и совестью*.

6. Тайна есть бремя. Это бремя надо нести *самому и одному*. Приучи себя к этому и ты укрепишь свой характер, ибо сущность характера в *духовной самостоятельности* человека.

7. Чем меньшее число людей знает о тайне, тем она неуязвимее; и обратно.

8. Интимные секреты, которые никому не нужны, хранить легче. Гораздо труднее хранить те тайны, которые *должны* быть известны лишь *очень немногим*, но до которых хотели бы добраться *многие* и притом *враждебные* люди. Начиная свои упражнения с первых и лишь постепенно переходи ко вторым.

9. Сообщать другому тайну следует не тогда, когда это «можно» сделать (он не «предатель», он не «сплетник», он «симпатичный»), а тогда, когда это *безусловно необходимо* для дела. Лучше недоговорить, чем переговорить. В сомнении всегда воздержись. Не делай себе в этом никаких попущений, ни по родству, ни по дружбе, ни по любви; помни Самсона и Далилу.

10. Не будь наивен: не связывай другого «честным словом» или «клятвою», или «зароком». Многих людей тайна начинает «распирать» именно после того, как они дадут «честное слово». Не следует обременять другого тайною; она может вырваться у него помимо воли — в бреду, в опасности, в любовном угаре, в пьяном виде. Страхуй свою тайну *своим молчанием и чужим неведением*, ибо только действительное неведение дает абсолютную гарантию. Без крайней необходимости не обременяй своею тайною и заведомого молчальника, ибо и он может учесть свою осведомленность в своих дальнейших поступлениях так, что наблюдательные люди сумеют вычитать твою тайну из его поступков.

11. Скупому на слова легче блюсти тайну, чем говорливому.

12. Человек неуравновешенный, темпераментный, живущий чувствами, вспыльчивый — менее подходящ для блюдения тайны, чем уравновешенный, спокойный, холодный и сдержанный.

13. Развивай в себе внимание; способность сосредоточиваться; искусство подвергать свою речь внутренней цензуре; умение выбирать слова. Это необходимо для блюдения тайны.

14. Приучи себя не торопиться с ответом на вопрос: всегда давай себе срок для выбора ответа. Прежде чем отвечать, обрежь внутренне все нити, ведущие к тайне.

15. Никогда не записывай ни своей тайны, ни всего того, что с нею связано, и *нигде* не храни. Помни все необходимое наизусть. А если не можешь, то сначала укрепи свою память мнемоническими упражнениями.

16. Если первое время будут неудачи — не унывай. Блюдение тайны есть дело трудное; оно доступно только исключительным людям. Научись проверять себя после каждого разговора и отмечать свои ошибки; и тогда ты сам скоро дополнишь эти правила. И помни: умеющий хранить тайну всегда сильнее неумеющего.

СТАРЫЙ ПОЛИТИК

ДЕВИЗЫ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Русское Белое движение имеет свой глубокий и *непреходящий* смысл — религиозный, патриотический и государственный. Гражданская война против интернационалистов и коммунистов была *лишь первым проявлением* его, его *героическим, военным* началом; и впереди его ждет трудное, но славное будущее. Это есть движение *национального рыцарства* — движение, не связанное ни с каким сословием и *не имеющее никакой классовой программы*; *каждый* русский патриот может найти в нем свое почетное место. Оно покоится на отборе *честных и волевых* русских граждан. Его цель — религиозное, государственное и культурное *величие России*. Его ближайшая задача — освобождение и возрождение родины. Его духовные основы выражаются и закрепляются в таких девизах:

Господь зовет! Сатаны убоюсь ли?

Моя молитва, как меч. Мой меч, как молитва.

Служу России. Отвечаю Богу.

Все за родину. Всё за родину.

Единая. Великая. Примиренная. Возрожденная.

Один за всех, все за одного.
Сыны и братья.
Блаженство в верности.
Умей желать. Умей дерзать. Умей терпеть.
В борьбе закаляюсь, в лишениях крепну.
Грозная любовь, честная борьба.
Моя святыня, мое слово, мое дело.
Владею собою.
С поднятым забралом.
Быть, а не казаться.
Честь, а не почести.
Молиться, любить, творить и умереть в свободе.
Силен свободным повиновением.
В правоте моя победа.
Свободный в жизни силен в смерти.
Подъемлю доброю волею.
Любовию ведом, жертвою очищаюсь.
Жертвую, но не посягаю; соревную, но не завидую.
Побеждаю, но не мщу.
Собственность и творчество; изобилие и щедрость.
Достоинство в служении.
Власть мое бремя, долг мое утешение.
Дорогу честности и таланту.
Нами правит лучший.
Учись иметь Царя.
Творю и соблюдаю.
Любовью и кровью спаянные.

И.А. ИЛЬИН

№ 2

Часть I ОТ РЕДАКЦИИ

1. Мы верим в величие новой, грядущей России: ею занята наша мысль; ей отдана наша воля. И журнал наш обращается к тем, кто хочет служить ей любовью, словом и делом.

2. России нужна прежде всего — национальная интеллигенция, религиозно обновленная и государственно мыслящая. Только ей может открыться великая — *христианская и патриотическая идея России*; только она сможет *воспитать в народе ту великую силу воли*, которая необходима для осуществления этой идеи.

3. Каждый из нас должен работать над собою в этом направлении: вынашивать верную, глубокую и ясную *идею* и готовить в себе сильную, гибкую и умелую *волю*. Основная задача «Русского Колокола» состоит в том, чтобы содействовать этому драгоценному творческому процессу.

4. Для этого наш журнал дает статьи и материалы. Эти статьи и материалы нельзя «просматривать»: их не стоит «пробежать глазами»; напрасно искать в них развлечения и «легкого чтения». В них нет случайного и безответственного; в них прочувствовано каждое слово; в них продумано каждое утверждение. Они требуют *внимания* и, главное, рассмотрения и решения каждого отдельного вопроса *по существу*.

5. Лучше всего читать и обсуждать эти статьи *совместно*, вдвоем, втроем или в кружке единомышленников. Почти каждая статья может заменить очередной реферат; и почти

каждая статья требует принципиального решения, которое лучше всего принимать совместно.

6. Особого внимания требуют материалы и инструкции, помещаемые во *второй* части журнала. Их назначение — вооружить мысль и волю русского патриота. На каком бы посту он ни оказался впоследствии в грядущей России — учителя, журналиста, офицера, агронома, кооператора, чиновника, — он найдет здесь необходимые для него сведения, советы и формулы.

7. Крайне стесненная объемом журнала и учитывая размеры своего задания, редакция не может помещать ни обширных фактических описаний, ни корреспонденции с мест. Это — дело *газет*. Наш журнал может говорить только о главном, только по существу и сжато.

8. Редакция ждет от всех читателей-единомышленников прямых откликов, запросов и пожеланий, идущих в том же направлении. Всякий отклик без исключения будет принят во внимание и так или иначе учтен.

О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Вы соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поправление людям.

Мф. 5, 13

Русская интеллигенция стоит на великом, идейном и волевым распутии. У обрыва, у бездны пресеклась ее прежняя дорога: нельзя идти далее в том же направлении. Есть лишь крутой поворот в сторону, на новые, спасительные пути; и есть скользкие, обрывающиеся тропинки — на дно... Надо понять и выбрать; решить и идти. Но нельзя выбирать долго: сроки коротки, а время идет. Или вы не слышите, как зовет Россия? Или вы не видите, как разворачивается и назревает мировой

кризис? Поймите же: *Россия должна быть освобождена и очищена до того, как мировой кризис назреет и разразится!..*

Не раздумье опасно, а безволие; не самоуглубление, а нерешительность. Русской интеллигенции есть над чем задуматься; и без религиозного и духовного самоуглубления ей не найти верного исхода. Честно и мужественно она должна сказать себе, что *революционное крушение русского государства есть, прежде всего, ее собственное крушение*: это она вела и она привела Россию к революции. Одни вели сознательною волею, агитацией и пропагандой, покушениями и экспроприациями. Другие вели проповедью непротивленчества, опрощения, сентиментальности и равенства. Третьи — безыдейною и мертвящею реакционностью, умением интриговать и давить, и неумением воспитывать, нежеланием духовно вскармливать, неспособностью зажигать свободные сердца... Одни разносили и вливали яд революции; другие готовили для него умы; третьи не умели (или не хотели) — растить и укреплять духовную сопротивляемость в народе...

Здесь *все* должно быть мужественно додумано до конца и честно выговорено. Горе упрямым и трусливым! Позор самодовольным лицемерам! Беспристрастная история заклеяет их, как слепцов и разрушителей, а восстановление России будет обусловлено *вымиранием их поколения*...

Ныне русская интеллигенция или задавлена и обессилена в стране, или извергнута из России, или погублена революционерами. Не в суде над нею дело; хотя каждый из нас всегда призван к суду над самим собою. Не обвинять нам надо друг друга, хотя прозреть и обновиться сможет лишь тот, кто сумеет найти и свою собственную вину в событиях. Мы не ищем «обвинения»; но мы не можем замалчивать правду, ибо правда необходима сейчас России, как свет и воздух...

Зоркий и честный диагноз есть первая основа лечения. Но этот диагноз должен быть не клеймящий, а объясняющий. И те, кто ныне особенно склонны к клейму и злопыхательству, пусть помнят, во-первых, что они *сами* пребывают на скамье подсудимых; во-вторых, что умственные и духовные

течения слагаются медленно и бывают устойчивы, как психоз, так что не подчиняться им и плыть против течения могут только *исключительно сильные натуры*; и в-третьих, что ныне нам дан *новый исторический опыт*, которого не имели наши отцы. Отвергать людей надо не за их прошлые неудачи или заблуждения, а за их нынешнее злостное нежелание прозреть...

Я говорю совсем не об «отцах» и «детях». И перед революцией были мудрые и сильные отцы; они имеются у нас и теперь, — это наш кладезь государственного опыта, залог и гарантия того, что мы идем по верному пути. А молодежь и перед революцией вопила, что она «понимает все лучше отцов»; и вот — довопилась... Только ослепленные и одержимые не мудреют с годами; только гению дается сразу, от молодых ногтей, семь пядей во лбу. И всегда так было, и всегда так будет, что юная самоуверенность чревата бедою.

Итак, я говорю совсем не об «отцах» и «детях»...

Да, одна из причин революции — в настроении ума и в направлении воли русской интеллигенции. Вся беда в том, что русская интеллигенция *неверно поняла свое предназначение и свою задачу* в жизни России, и потому *не нашла своего органического места и не делала своего органического дела* в стране. Мы говорим не о служивом, военном и гражданском кадре, который всегда был богат сильными и верными людьми, а о партийных (левых и правых) «политиках» и о заражавшейся от них обывательской массе. *Эта интеллигенция делала обратно своему призванию и не только не строила здоровый дух русской государственности, но вкладывала свои усилия и свой пафос в его разложение.* Отсюда ее органическое бессилие в час испытания и беды, ее растерянность, ее поражение и крушение.

В час испытания и беды, в час изнеможения, уныния и соблазна масса простого русского народа пошла *не за русской интеллигенцией*, а за *международной полуинтеллигенцией*; пошла не спасать Россию, а губить ее; пошла не к национально-государственной цели, а к частному обогащению; изменила русской и православной идее и предалась нелепой и кошун-

ственной химере. Это есть исторический факт, которого нельзя вытравить из истории России, но который наше поколение обязано осмыслить до конца; осмыслить и сделать из него *волевые выводы* для будущего...

Этот неоспоримый исторический факт есть сам по себе *приговор*. Совсем не потому, что простой народ будто бы «всегда и во всем прав», или — что дело интеллигенции только прислушиваться к его желаниям и угождать ему; все это лживые и льстивые, растленные слова, извращающие дело в самом корне; но потому, что задача интеллигенции состоит именно в том, чтобы *вести* свой народ за *национальной идеей* и к *государственной цели*; и образованный слой, неспособный к этому, всегда будет исторически приговорен и свергнут. Но при этом интеллигенция не смеет слагать с себя вину и возлагать ее на простой народ. Ибо если народ «темен» — то это не *его* «вина», это творческая, но еще не разрешенная задача национальной интеллигенции; и если в народе живут и вскипают дурные страсти, то к облагораживанию и направлению их и призван национальный образованный слой. Воспитатель, жалующийся на своего воспитанника, должен начать с самого себя; да и не русскому интеллигенту, хотя в раздражении и растерянности, поносить добрую, терпеливую и даровитую душу русского простого человека...

Если масса простого русского народа пошла не за своим национальным образованным слоем, а за чужеродными, интернациональными авантюристами, то причину этого русская интеллигенция должна искать прежде всего *в себе самой*. Это значит, что *она* не была на высоте и не справилась со своею задачей. Пусть левые и правые партии взаимно обвиняют теперь друг друга; пусть они спорят о том, кто погубил больного, — эконом-управитель, заставлявший его перенапрягаться в работе при дурном питании, или недоучка-фельдшер, отравлявший его ядами и заражавший его бактериями. Нам, ищущим правды и верных решений для будущего, надо установить, что *обе* стороны шли по ложным путям, *обе* вели

к гибели; и что впредь необходимо делать обратное в *обоих* отношениях.

Русская интеллигенция не справилась со своей задачей и довела дело до революции потому, что она была *беспочвенна и лишена государственного смысла и воли*.

Эта беспочвенность была одновременно и *социальною*, и *духовною*: интеллигенция не имела здоровых и глубоких корней в русской народной толще, но она не имела их потому, что ей *нечего было сказать* русскому простонародью такого, что могло бы зажечь его сердце, увлечь его волю, озарить и покорить его разум. Русская интеллигенция в своей основной массе была религиозно мертва, национально-патриотически холодна и государственно безыдейна. Ее «просвещенный» рассудок, вольтериански опустошавшийся и материалистически отравлявшийся в течение нескольких поколений, тянул к отвлеченному доктринерству и отвращался от религии; он разучился видеть Бога, он не умел находить Божественное в мире и именно потому он *перестал видеть Божественное в своей родине, в России*. Россия стала для русской интеллигенции нагромождением случайностей, народов и войн; она перестала быть для нее историческою *национальною молитвою*, или *живым домом Божиим*. Отсюда это угасание национального самочувствия, эта патриотическая холодность, это извращение и оскудение государственного чувства и все связанные с этим последствия — интернационализм, социализм, революционность и пораженчество. *Русская интеллигенция перестала верить в Россию*; она перестала видеть Россию в Божием луче. Россию, мученически выстрадавшую свою духовную самобытность; она перестала слышать священные глаголы России, ее священное пение в веках. Россия перестала быть для нее религиозною проблемою, *религиозно-волевым заданием*. Кого же она могла воспитывать и куда она могла вести? Утратив веру и Бога, она утратила *священный смысл своей родины*, а вместе с тем и самую родину в ее истинном и великом значении; от этого ее государственное разумение стало пустым, плоским и безыдейным. Она утратила

религиозный смысл государственного строительства и тем в корне извратила свое правосознание. Ее душа стала духовно беспочвенною.

Но именно отсюда возникло ее беспочвенное положение в пределах ее собственного народа.

От Бога и от природы русский народ одарен глубоким религиозным чувством и могучим политическим инстинктом. Богатства его духовных недр могут сравниться только с богатствами его внешней природы. Но эти духовные богатства его остаются подспудными, нераскрытыми, как бы неподнятою и незасеянною целиною. На протяжении веков Русь творилась и строилась *инстинктом*, во всей его бессознательности, неоформленности и, главное, удобосовратимости. Страсть, не закрепленная силою характера, всегда способна всколыхнуться, замутиться, соблазниться и рвануться на ложные пути. И спасти ее только и может, по глубокому слову патриарха Гермогена, «неподвижное стояние» в правде народных вождей.

Русский народ, по заряду данных ему страстей и талантов и по неукрепленности своего характера, всегда нуждался в сильных и верных вождях, религиозно почвенных, зорких и авторитетных. Эту особенность свою он сам всегда смутно чувствовал и потому всегда искал себе сильных вождей, верил им, обожал их и гордился ими. В нем всегда жила потребность найти себе опору, предел, форму и успокоение в *сильной и благой воле* призванного к власти повелителя. Он всегда ценил сильную и твердую власть; он никогда не осуждал ее за строгость и требовательность; он всегда умел прощать ей *все*, если здоровая глубина политического инстинкта подсказывала ему, что за этими грозными словами стоит сильная патриотическая воля, что за этими суровыми понуждениями скрывается большая национально-государственная идея, что эти непосильные подати и сборы вызваны всенародною бедою или нуждою. *Нет* пределов самопожертвованности и выносливости русского человека, если он чувствует, что его ведет сильная и вдохновенная патриотическая воля; и обратно — он никогда не шел и никогда не

пойдет за безволием и пустословием, даже до презрения, до соблазна шарahnуться под власть волевого авантюриста.

Русская предреволюционная интеллигенция не имела за душою того, что могло пробудить и повести за собою этот здоровый государственный инстинкт простого народа. Лишенная в самой себе *духовной* почвы, она не могла приобрести и *общественно-политической* почвы в массах; оторвавшаяся от Бога, разучившаяся строить и поддерживать монархическое правосознание, применившаяся к классовым интересам и утратившая от этого национально-государственный смысл, — она *не имела великой национальной идеи*, способной зажигать сердца, заряжать волю и покорять умы; она не умела верно стоять, бодро идти и крепко вести; она *утратила доступ к святилищу народной совести и народного патриотизма*; и, суетясь на «политической» поверхности, она была способна только подрывать веру народа в спасительность монархии, правопорядка и частной собственности. Перед революцией у нас не было интеллигенции, способной к волевому воспитанию народа; у нас были только «обучавшие учителя», снабжавшие учеников «сведениями»; и наряду с этим — демагоги слева, успешно мобилизовавшие вокруг себя чернь для переворота, и демагоги справа, не умевшие сделать даже и этого.

То, что интеллигенция говорила простому народу, было в нем не совесть, а бессовестность; не патриотическое единение, а дух раздора; не правосознание, а дух произвола; не чувство долга, а чувство жадности. И могло ли быть иначе, когда у интеллигенции не было *религиозного восприятия родины*, не было *национальной идеи*, не было *государственного смысла и воли*. Ключ к глубокому и здоровому инстинкту русского простого народа, ключ к его *живому духу* — был потерян; а доступ к его низким, жадным и свирепым влечениям был открыт и легок.

Так случилось это, что *инстинкт национального самосохранения* иссяк в русской интеллигенции и потому она оказалась неспособною будить инстинкт национального самосохране-

ния в русских массах и вести их за собою. Русский образованный слой глотал европейскую культуру, *не проверяя* ее выдумки и «открытия» — ни глубиною *религиозной, христианской совести*, ни глубиною *национального инстинкта самосохранения*. Умственные химеры и противоестественные утопии Запада пленяли его *беспочвенную* душу, не сдержанную спасительным внутренним упором здорового инстинкта, этого великого учителя в вопросах *жизненного реализма и политической целесообразности*; а слепое доверие к рассудку и освободившийся в безрелигиозной душе запас фанатизма — превращали эти утопии и химеры в какое-то *противоестественное и безбожное «евангелие» для массы*. И весь этот блуд и бред нуждался только в *воле*, чтобы возникла волевая одержимость большевицкой революции.

В таком состоянии русская интеллигенция *не могла вести русское дело, не могла строить Россию*.

Потеряв живое отношение к Богу, она исказила свое понимание христианства, сведя все к животной сентиментальности, к социализму и отрицанию национального начала. Этим она потеряла орган для русского дела, ибо *русское дело* есть сразу дело *религиозное, национальное и государственное*; и тот, кто упускает хотя бы одну из этих сторон, тот упускает *все* сразу.

Вместе с тем, следуя рассудку, материализму и западным теориям, она извратила свое понимание *человеческой природы и народной жизни*. Она как бы ослепла и оглохла для того, что говорит голос *инстинкта*, голос *органической целесообразности*, голос *духа*, голос *личности*, голос *национальности*. Все распалось для нее на механические составные части и на механические законы. Тайна живого, органического *единения и творчества* ушла от нее, стала ей недоступна: народ распался для нее на своекорыстные «атомы» и «классы», на «угнетателей» и «угнетенных»; и смысл великой, национальной, органической и духовной совокупности, строившей себя в веках и именуемой *Россией* — стал для нее мертвым звуком...

Так случилось это, что русская интеллигенция инстинктом и разумением своим *отделилась* от русского простого народа и *сознательно противопоставила* себя ему. Она перестала чувствовать его — *своим* народом, а себя — *его* интеллигенцией. Она перестала ощущать свое единое с ним национальное *мы*; она разучилась видеть в себе национально-волевой орган единого русского народа, призванный воспитывать и обязанный вести; она сама себя измерила и оценила плоским мерилom социалистической морали и, измерив, осудила; она уверовала в *физический труд* и потеряла веру в святыню *духовного творчества*; и, почувствовав свою мнимую «вину» перед простым народом, пошла «вещать» ему трупную «мудрость» безбожия и социализма. Она понесла ему начала духовного тлена и разложения, религию раздора и мести, химеру равенства и социализма. И весь этот бред и блуд ждал только сильной воли для того, чтобы большевицкая революция завладела страной...

Сущность русской революции состоит в том, что *русская интеллигенция выдала свой народ на духовное растление, а народ выдал свою интеллигенцию на поругание и растерзание*. И конец революции придет тогда, когда русская интеллигенция и русский народ *возродят* в себе *верную глубину религиозно-национального инстинкта и воссоединятся*; когда интеллигенция докажет, что она не только не изменила волю *национальной идеи*, но что она *умеет умирать* за нее и за *национальную власть*; а народ убедится в том, что интеллигенция *необходима* ему именно как *носительница национальной идеи*, как *строительница здоровой и великой национальной государственности*.

Видим и верим, что час этот близится. Верим и знаем, что кончены духовные блуждания русской интеллигенции; что ей предстоят впереди волевые свершения и духовные достижения: ибо великий народ велик прежде всего в своих вождях и творцах. В *беззаветной любви к национальной России* найдут друг друга русские люди; по этой любви они узнают друг друга и восстановят свое доверие и единство...

РЕДАКТОР

ЛИЦОМ К РОССИИ!

Тяжелые, долгие годы, прожитые в томительном ожидании, — не прошли без внутренней пользы для русской эмиграции, и постоянные разочарования, после неоднократных надежд на избавление России от большевизма при помощи иностранного оружия, открыли ей глаза на самую сущность и на глубокое значение происходящего в России процесса. Эмиграция все более и более отдает себе отчет в том, что лишь великая духовная сила, *духовное возрождение самого русского народа* в состоянии *обеспечить исцеление России и восстановить ее национальную мощь...*

Зарубежная Россия ежегодно празднует день русской культуры; это ее светлый праздник на чужбине. Она хорошо знает, что в этой области ей необходимо духовное единение, необходима связь с Россией прошлого и Россией будущего, с *вечной Россией*. И во всех странах своего временного пребывания русская эмиграция связала этот день духовного сосредоточения, день, когда обновляется клятва верности России, — с именем великого русского поэта; ибо в творениях Пушкина она находит ту спасительную силу, которую она всей душою ищет: *гордый, созидательный, верующий патриотизм*. Под сень его утешительной и бодрящей силы приходит вся зарубежная Русь — без различия ее политических программ и разделений. Здесь выше поднимаются сердца, ярче горит надежда. Злоба дня отходит от нас, и мы восходим на должную высоту.

На тот же самый путь *веры в созидательную силу гения русского народа* нам следует вступить и в области политической. Русская эмиграция должна спокойно и уверенно повернуться лицом к России, и «платформа» ее должна стать выше всяких партийных комбинаций. Наше политическое уmonoстроение должно всецело исходить из *веры в гений Русского народа (Пушкинский патриотизм)*; из непоколебимой веры в то, что под ударами судьбы и в итоге испытаний в сердце и в уме великого народа происходит эволюция чувства и понимания, ведущая к национальному подъему, к свержению большевиц-

кого ига *усилием самого народа* и к *рождению Нации в полном смысле этого слова*. Верна лишь одна ставка: *на свой собственный народ, на Россию!*

Мы уже в состоянии проследить, как борется и побеждает Гений русского народа, пока в оборонительной борьбе. Наступление большевиков на религию отбито; хотя борьба с вершиною церковной организации еще продолжается. Но вера уже углубилась, стала более правдивой, непосредственной, прямой. Поход против семьи также окончился поражением. И здесь восторжествовала охранительная сила... В области народного хозяйства крестьянин после многих весьма ощутительных предметных уроков понял, что простое владение землей само по себе не предрешает вопроса его благополучия; что для этого необходимо наличие известных общих благоприятных условий. На живом опыте он постиг *смысл права собственности*, необходимость *твердых законов* и *сильной национальной власти*, которая была бы в состоянии всесторонне обеспечить ему этот основной порядок вещей, значение и необходимость которого он уразумел на пути переживания последних лет. Но вопросы религии, семьи и собственности суть лишь разные стороны единого жизненного опыта, который действует на все извилины народной души и постепенно объединяет все народные элементы России в общей ненависти к нынешним ее поработителям.

Даже рабочий класс, бывшая «гвардия октябрьской революции», начинает отдавать себе отчет в безвыходности нынешнего положения вещей, в духовной скудости революционных вождей и в невозможности для советского правительства обеспечить рабочим достаточный заработок или хотя бы простую возможность работы. В армии с каждым приходом новобранцев усиливается идейная связь с деревней, все сгущается и все ярче отражается неприязнь к советской власти. С другой стороны, память героических усилий, проявленных при защите родной земли от иностранного нашествия, это *чувство патриотической гордости*, которым большевицкая власть так долго и успешно пользовалась для того, чтобы са-

мой укрепиться в седле, — теперь уже наполняет армию драгоценным сознанием ответственности за судьбу России. Это уже *идея служения Родине*, национальная идея; и тот факт, что армия пока еще служит под красными знаменами, не меняет существа дела. В ней с каждым днем усиливается жажда увидеть во главе России более *достойное* правительство, — в ней растет *требование качества*. Каждое поражение советской власти в области иностранной политики — ощущается в армии особенно болезненно, как национальное оскорбление, ответственность за которое естественно и всецело возлагается на советское правительство. С каждым новым ударом по этому чувствительному месту крепнут в армии элементы решимости, действенности и качества, и мы с уверенностью можем предвидеть, что в решительный момент вооруженная сила страны будет стоять на стороне народа против его угнетателей, и притом не только из чувства презрения и ненависти к врагу религии, семьи и собственности, но и благодаря окрепшему в ней здоровому национальному самочувствию.

Захватчикам в Кремле все это, в общем, хорошо известно, но они также сознают свое бессилие изменить это настроение в массе, а затем и ход событий — в свою пользу. Они пришли к *концу комбинационных возможностей*. Их внутренняя творческая слабость перед всеми вскрыта, так же как и безнадежность их принципиальных и личных споров между собою. Страх перед грядущей расплатой и неразборчивость в средствах борьбы спаивает их еще, но агония их владычества близится; и всем в стране это ясно. Массы народа знают, что будущее принадлежит ей, — будущее обеспеченности и прогрессирующего благополучия. В советской власти она видит единственное препятствие на пути к настоящей «обетованной» земле, ко всем тем великим, манящим возможностям, которые открылись перед ее глазами и к которым она теперь тянется всеми своими фибрами. Страшное землетрясение, прошедшее по России, расшевелило ее до самой глубины, пробудило и раскачало русский народ. Жизнь, несмотря на лишения и тяжелые испытания, стала для него захватывающе

интересною; и нет тех фокусов и обещаний, нет той силы, которая могла бы теперь еще затемнить его сознание или парализовать его неорганизованный, правда, и медленный напор. Он чувствует и видит, как его силы растут и как нажим врага слабеет. Он уверен в своей победе.

В этой великой борьбе Россия может рассчитывать *только на свои собственные* духовные и физические возможности. *Европа ныне не располагает теми духовными силами, которые, безусловно, необходимы для волевого и активного вмешательства иностранного мира* в процесс внутренних переживаний и событий в России. Поддавшись соблазну наживы, приветствуя в близоруком расчете политическое ослабление России, большинство европейских стран и правительств *капитулировало перед большевизмом*. Правительства и народы, вступив по собственному выбору на путь «признания большевиков» и советской власти, тем самым *отказались от основных принципов*, на которых покоится и выросла *вся истинная культура*, все человеческое достоинство. Отсюда происходит общий недуг нашего времени, наблюдаемый в большинстве европейских стран, а именно — *состояние расслабленности и растерянности, духовное оскудение и несостоятельность*. Такое патологическое явление в области народной нравственности парализует и даже исключает всякую последовательную, сознательную государственную деятельность. И даже в тех случаях, когда правительства, убедившись на горьком опыте в том, что признание советской власти приносит им лишь ущерб и потери всякого рода вместо ожидаемых выгод, порывают формальные узы признания, — такой шаг сам по себе еще не может помочь. Путаница в основных понятиях уже слишком далеко распространилась. Позднее стремление к исправлению допущенного промаха, конечно, не в состоянии пополнить нравственное оскудение — без глубокого раскаяния, без *нового духовно-обновляющего течения*.

В противоположность такому состоянию расслабления в России, благодаря тягчайшим испытаниям, медленно, но неуклонно начало слагаться и будет крепнуть обратное явле-

ние: *состояние повышенного самочувствия у перестрадавшего и одолевшего народа*, процесс духовного обогащения и чувство духовной состоятельности. В нем верный залог будущей духовной последовательности, созидательной силы и предстоящего государственного возрождения России *усилиями самого русского народа*. В последнем итоге — *это предметный урок космических размеров*, который учит первенству духовного начала и обещает ему победу над материализмом. В этом смысле великий русский вопрос лежит в корне всех главнейших мировых сплетений переживаемого времени...

Русская эмиграция должна понять всю глубину, все значение и все необходимые последствия этого противопоставления и найти в себе *абсолютную веру в творческий гений русского народа и в предстоящее воскресение России*. Только на этом пути она соединится духовно и даже органически с внутренней Россией в одно неразрывное целое, несмотря на временные условия географической отдаленности. Только так зарубежная Россия безошибочно сольется душою с настроениями борющегося русского народа, сможет действительно участвовать в его переживаниях и разделять его стремления. Тогда возникнет уверенность в благоприятном и единственно достойном разрешении важнейшего вопроса: чтобы в час освобождения Россия внутренняя и Россия зарубежная понимали друг друга, говорили на одном языке, были духовно объединены. Историческая задача зарубежной России — быть готовой к этому моменту; иначе она окажется, несмотря на все свои ценные качества, частью, *отпавшей* от своего живого организма⁸⁶. И именно элемент качественности, которым так богата эмиграция, должен облегчить ей понимание внутренней русской динамики и предостеречь ее от всякого малодушия и колебания, за которое ей в будущем может стать стыдно перед лицом русской истории.

На этом основном идейном лозунге, — раз живая вера стала главной движущей силой, — должна открыто объединиться вся национально и патриотически чувствующая зарубежная Россия, несмотря на политическое разномыслие в

ее среде. Только так она приобретет действительное значение и ценность в своей совокупности — и по отношению к внутренней России, и *в глазах иностранного мира*.

Программы политические, более узкие, партийные, — не пригодны при данных условиях, ибо они все в той или другой мере предreshают извне такие вопросы, разрешение которых будет зависеть от пожеланий самой освободившейся и воссоединившейся России, сбросившей большевицкое иго собственными духовными и физическими усилиями. Россия со дня своего воскресения будет сознать за собою неоспоримые право и неотъемлемую возможность установления у себя таких условий, которые для нее явятся вернейшим залогом наиболее надежного ограждения ее духовных ценностей, которые она познала и приобрела путем долгих страданий и испытаний под большевицким засилием.

Все имеющиеся между зарубежной и внутренней Россией связи должно всемерно развивать и использовать к тому, чтобы внутри России знали, что патриотическая эмиграция живет со своими страдающими в России братьями единой мыслью, единым порывом и главное — единой, абсолютной верой в грядущее воскресение и величие Родины; чтобы в России знали, что несмотря на все наше нетерпение и всю горечь пережитого мы на чужбине поняли, что основная динамическая сила, необходимая для освобождения России от большевицкого ига, набирается в самой России русским народом для непреходящей его славы, и что мы, *всемерно усиливаясь помочь ему* в его борьбе, сами не переоцениваем ни нашей роли, ни наших заслуг.

Мы уверены в том, что именно такова в общем и целом основа грядущего всероссийского единения и воссоединения; что, пострадавший до него, русский народ впредь будет вдумчиво и бережно обращаться с национальными ценностями своего духовного и материального достояния; и что на органическом фундаменте своего *великого прошлого* он будет строить свое *великое будущее* совместною дружною работою всех верных сынов России, где бы они теперь ни находились.

Г. Г. БАХ⁸⁷

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Постойте! Наперед узнайте, чем душа
У вас исполнена — прямым ли вдохновеньем,
Иль необузданным одним поползновеньем...

А.С. Пушкин

Мечты людей, как сны больного, дики.

Ф.И. Тютчев

Современное искусство переживает глубокий и длительный кризис. Разложились его подпочвенные основы; замутились его источники; оскудел его дух. Оно перестало быть источником жизненного воздуха и света. Оно не может уже ни строить душу, ни вести ее. Оно уже не призвано к духовной власти; и если оно проявляет еще какую-нибудь силу, то это есть сила падения и распада, сила бродящего гниения и обсыпания, сила темной магии и гибели. Поколению, ищущему духовного подъема, расцвета и созидания — это искусство не может ничего сказать, ибо это искусство движется вниз, по линии наименьшего сопротивления, в бездну. Творческое поколение отвергнет его, и найдет себе, и создаст себе иное искусство, *магическое по благодати*, строящее дух и ведущее душу.

Есть в человеке безмолвная, темная глубина — таинственное жилище его *инстинкта и его страстей*. Там нет слов и мыслей; и произвол дневного сознания там не властен. Именно там укрываются первоначальные, стихийные *силы* человека, жаждущие простора, но непризванные к власти; и именно там зарождаются и отстаиваются основные *содержания* человеческой жизни в виде бесформенных глыб и неопределимых, безгранных помыслов. Беспомощно терпя, томясь и страдая, носит человек в своем бессознательном эти силы и вынашивает эти содержания, смутно ощущая в себе их присутствие, но не зная, как к ним подступиться и что с ними начать, не умея их очистить, оформить, взрастить и одухотворить... — и именно поэтому слишком часто сам становясь их

слепым орудием и жертвою. Безвластный и неумелый перед ними, человек сам подпадает их власти и вовлекается ими в их самовольные вихри и бури. И только *искусство* может помочь ему в этой беде, ибо оно создает творческий исход для этих *содержаний*, рождая их из глубины, прожигая их зрелым духом и облекая их в верную форму; и только *религия* может окончательно вывести человека из этой беспомощности и этого рабства, вручая ему через *молитву* подлинную и благодатную власть над этими *силами*.

В последнем и глубоком измерении искусство и религия делают единое и главное дело: дело *одухотворения бессознательного*, дело его обращения к Божественному, дело его *преображения*. Но религия не останавливается подобно искусству на извлечении и одухотворении отдельных, бременящих душу содержаний; и воплощение их в звуке, в слове, в жесте и в материи не составляет ее высшей задачи; нет, религия ищет завладеть самыми *истоками* бессознательной жизни, ее *первоначальнейшими силами* и им придать благодатную одухотворенность; она прямо и непосредственно вызывает к *духовному естеству человеческого инстинкта* и стремится увести его на новые пути жизни. И если религии это не удастся, если инстинкт и его страстные порывы перестают отзываться на религиозные зовы, образы и знаки (молитвы, догматы и обряды), если бессознательное упорно утверждает себя в безбожии и противодуховности, — тогда наступает религиозный кризис в истории человечества; тогда жизнь людей постепенно, но неизбежно вырождается вся, сверху донизу, и в этом процессе всегда, рано или поздно, обнаруживается *бессилие одинокого безрелигиозного искусства*: вслед за религиозностью и оно вступает в период кризиса и разложения. Ибо из религиозно мертвенных и безбожных недр бессознательного никогда еще не возникало и никогда не возникнет истинное, художественное искусство.

Именно в такой период вступило европейское искусство во второй половине девятнадцатого века и атмосфера этого кризиса и разложения захватила и русское искусство (преимущественно поэзию и музыку) четверть века тому назад.

Может ли и могло ли быть иначе, если давно уже скудеет, мутится и разлагается *бессознательная духовность* в современном человеке?... — Напрасно думать, что *духовность* есть нечто *сознательное*; нет, глубочайшие и драгоценнейшие истоки духовности лежат глубоко в бессознательном; и горе человеку, в котором воспитатель не сумел оживить эти источники, очистить их и укрепить! Живая духовность есть *чувство священного и любовь к Божественному*. И если это чувство и эта любовь мертвенно молчат в иррациональной глубине души, то человек никогда не испытает ни веры, ни молитвы, ни очевидности, ни убеждения, ни совести, ни чести, ни патриотизма, ни дух захватывающей радости от восприятия художественной красоты... Он останется за пределами художественного, мимоидущим слепцом; он не воспримет его и не создаст его сам. А то, что он создаст, будет жалкой и растленной пародией на искусство...

Искусство рождается в глубине бессознательного, там, где сам человек теряет грани своей личности, уходя в темень первозданного инстинкта, в таинственное жилище своих страстей. И если это жилище не прожжено молнией духа; и если поток инстинкта течет одними черными, духовно не сверкающими водами, — тогда рождается не художественное, а болезненное искусство. Ибо *страсти без духа не зиждательны, а разрушительны*; и содержания их, по самому их естеству, *враждебны* всем началам художественности.

Бездуховная страсть болеет своею собственной несытостью; она своекорыстна, необузданна, чувственна и извращенна. Она ищет наслаждения и бежит от напряжения, труда и муки творчества. Она не желает *восходить к зрелой художественности по линии наибольшего сопротивления*, но самодовольно и шумливо течет вниз, по линии наименьшего сопротивления. И в этом разнузданном и разнуздывающем потоке своем она смывает и уносит из самого сознания — волю к художественности, дисциплинирующую энергию, героическую силу отбора и самокритики.

И вот, ее безграницные содержания перестают стремиться к зрелой форме и начинают чуждаться ее; ее страстные, бес-

форменные помыслы уже не желают знать ни меры, ни зиждущего ритма, ни цельности; закон им отвратителен; к органичности их не влечет; к строительству они не способны; завершенность им недоступна. Дети хаоса, они тянут к вечному брожению и хаотическому распылению, — в бездну...

То «искусство», которое слагается на этом пути и выбрасывается из недр бездуховной души, — есть ничтожное, пошлое, *мнимое* искусство: это — пестрые и безвкусные, праздные обрывки несостоявшегося творения; это больные выкрики, несущиеся из разлагающегося бессознательного; это нечистые следы нечистого опьянения, — явные знаки духовного безволия, немощи и распушенности... И сквозь всю эту, обычно напыщенную и самодовольную, претенциозную смуту — лишь там и сям всплывают безобразные обломки безобразных замыслов: какие-то безначальные чудовища, бесстыдные уроды, неестественные выверты и противоестественные химеры, еще не родившиеся или полураздавленные слизняки...

Искусство это или скверный бред? Художественное творчество или растление духа? Культура или гниение?

Не душевная ли болезнь?!

Вслушивались ли вы в то, о чем вопит и вскрикивает музыка Рихарда Штрауса, Скрябина и заразившихся от них «новаторов», куда она вас тянет и чем она вас заражает? Следили ли вы за тем, в какую духовную смуту, в какое религиозное растление вели нас русские предреволюционные поэты, начиная от Блока, Белого, Вяч. Иванова и кончая постыдными именами современной советчины? Вдумывались ли вы в то мучительное разложение живописного образа, которое началось лет пятьдесят тому назад во Франции, которое достигло своего апогея в бреде Пикассо и медленно отравляло молодое поколение русских живописцев? Всматривались ли вы в современные танцы, где человек выплывает в ритмах негритянской оргии безвольную растленность своего бессознательного? Что́ это все — искусство или гниение? Что́ делается в бессознательном у людей, которые *этому* предаются и *этим* наслаждаются? Какие судорожные и отвратительные,

кошунственные и сатанинские гримасы вызывают они этим в себе? Не духовный ли это недуг и не душевная ли болезнь?

И то и другое...

Может быть, люди, творящие «современное» искусство, характерное для нашей эпохи, специфически дразнящее и пленяющее «современного» человека с его религиозной мертвотой, с его духовным худосочием, с его нервною развинченностью и чувственной возбужденностью, — может быть, люди, творящие это искусство («модернизм»), сами по себе, в обыденной жизни и не помешаны: и, может быть, их, как обывателей, и нет оснований лечить в доме умалишенных. Но как «творцы» «искусства», — они усвоили себе установку и уклад духовно недугующих и душевно больных людей: и «искусство», создаваемое ими, есть именно душевно больное искусство; и именно потому оно беспомощно бредит на языке больных страстей и бесцензурно извергает сырой материал бессознательного, самочинно поднявшийся кверху. Это есть искусство *помешанное, художественно сумасшедшее*, но выдающее себя за нормальное и терпимое проявление культуры; более того — за высшее и «пророческое» достижение. Но сумасшествие заразительно: больной или вывихнутый душевный механизм передается от человека к человеку на путях незаметного воспроизведения и произвольного подражания (напр., «нервные» подергивания, пляска св. Витта, или всенародное плясовое бешенство в средние века); и если сумасшедший обезвреживается именно диагнозом и изоляцией, — «это болезнь, это опасно, этого не надо воспроизводить!» — то наивно-доверчивое восприятие сумасшедшего искусства, как «замечательного» и «высшего» «художественного» «достижения», делало и делает его истинным орудием духовного разложения. Это искусство *духовно растленное* и потому *растлевающее*...

Выветрилась религиозность и оскудела духовность в бессознательной глубине современного человека. И потому в творчестве его обессилело и исчезло *вдохновение*. Но люди продолжают нуждаться в искусстве и «делать» его. А вдохновения нет;

и вот место его занимается или нечистым опьянением, создающим помешанное «искусство», или рассудочною выдуманною, создающею мертвое, трупное «искусство». Вот почему, когда «современное» «искусство» *насыщено*, то оно насыщено большою нечистью, тою самою нечистью, которая в политике создала *большевизм*; а когда оно *пусто* — то эта пустота проникнута запахом тления и гнили, явным свидетельством того творческого бессилия, над которым так легко торжествует мировая смута. Это уже не *язык озарения и богов*, но или язык не стыдящейся животности, или язык произвольно изобретающего и безвдохновенно выдумывающего рассудка; или вопли и судороги больных страстей, или пустой треск изоощренной и сознательно, нарочно бьющей на эффект выдумки.

«Современное» «искусство» перестало быть служением и притом *священно-служением*; оно стало забавою, созданою для возбуждения и раздражения, — не то развратною потехою, не то беспринципным промыслом. Оно творится и расцветает в атмосфере *художественной бессовестности* и духовной *безответственности*: здесь *все позволено*, что тешит несытую страстность или извращенный каприз автора; здесь все допускается, что может ослепить, раздражить, развлечь пресыщенную публику...

В этой атмосфере беспредметного «дерзания» и беспринципной вседозволенности (подлинная стихия мировой смуты!) — слабеет и угасает великое начало *художественного Вкуса*. Не того «вкуса», который присущ каждому обывателю, когда он для себя безапелляционно решает вопрос о том, что ему сегодня, сейчас и здесь нравится, и что ему вдруг почему-то разонравилось... Но того Вкуса, который равносителен в искусстве голосу *совести*; который *ответственно* ищет *совершенного*, и именно потому *властно* отмечает случайное и несовершенное, как бы «приятно», льстиво и эффектно оно ни было; того Вкуса, который ищет во что бы то ни стало *точного и прекрасного воплощения для духовно значительной темы*; который есть сам по себе *явление живой религиозности* в человеке; который, как властелин, стоит на страже поднимающихся

снизу воспарений, отдаваясь одним и отсылая другие назад в темную глубину...

Этот Вкус есть сам по себе и трибунал бессознательной духовности, и религиозное вдохновение, и напряженно-требовательная воля, и творчески выбирающая цензура, и понуждающая сила, и художественная прозорливость, и чувство прекрасного. И если он есть *воля*, — то воля к духовной значительности создаваемого творения, к его органическому единству, к его естественности и художественной законченности. И если *трибунал* — то это тот самый трибунал, перед лицом которого чувствовал себя двадцатичетырехлетний Пушкин, когда он, негодуя, отвергая грубую поправку цензора, восклицал: так «я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать!»...

Где эта совесть у современных «искусителей» и «искусников»? Где эта верность художественному долгу, это острое чувство своей художественной *власти и ее пределов*, это сознание того, что эстетически-несовершенное — *преступно* перед голосом некоего судии?! Так, художественный гений — есть сразу подсудимый и судия, «всех строже» умеющий ценить свой труд... И его творчество есть *служение*; а его служение есть «священная жертва» зовущему Богу... И именно поэтому его искусство не знает ни личной похоти, ни холодно кошунственной выдумки... Где это все в «искусстве» модернизма?..

Кризис «современного» «искусства» состоит в том, что оно *утратило доступ к главным, священным содержаниям жизни и погасило в себе художественную совесть*. О главном, о священном, о мудром — современному искусству *нечего сказать*; ибо те, кто его «творяет», — не испытывают, не воспринимают, не видят этого Главного. Но именно поэтому «современное» «искусство» — или просто удовлетворяется ничтожным и пошлым (модернистическая живопись, французские романы, поэзия Северянина, беллетристика Белого, новая архитектура южногерманских городов, подавляющее большинство кинематографических пьес, музыка Стравинского и Прокофьева), или же пытается выдать свои создания за какие-то высшие

«пророческие» прозрения и достижения, по-хлыстовски смешивая блуд и религию (поэзия Блока и Иванова, «экстазы» и «мистерии» Скрябина и другое). Читая это, слушая это, видя это — нельзя не испытывать чувства стыда и тоски: мучительно стыдно, что они не стыдятся «творить» *так и такое*, что они *сознательно и открыто не постеснялись погасить в искусстве тот священный трибунал Духа и Вкуса*, который в душе помешанного угасает невольно, катастрофически, вследствие напора безвыходно кипящих страстей...

Поистине большевицкая революция осуществила в имущественных, государственных и общекультурных отношениях именно то самое *упоение вседозволенностью*, именно тот самый *бред страстей и похоти*, именно ту самую *идеализацию греха*, именно то самое *разнуздание инстинкта*, которое в искусстве осуществляло у нас это предреволюционное поколение «модернистов». И большевицкое искусство, начиная от Мейерхольда и кончая Шершеневичем и Маяковским, — только довершило по-своему все это разложение и проявило этот кризис с вызывающим бесстыдством сущего помешательства.

Быть может, весь этот разлив предреволюционного модернизма, действительно «пророчески» предвосхищавшего грядущее всеобщее революционное разложение страны, не достиг бы такого размера и глубины, если бы у нас стояла на высоте художественная критика. Но художественная критика или отсутствовала, или страдала тою же духовною слепотою и тем же извращением вкуса: не было мужественных прозорливцев, не было сильных и глубоких судей, которые вскрыли бы этот недуг, разоблачили бы его опасную и гибельную сущность, пригвоздили бы всю нецензурность и соблазнительность этого мнимого, этого помешанного «искусства». И понятно, что слепота или потакание профессиональной критики оставляла в беспомощности или повергала в прямой соблазн читающего и слушающего обывателя. В искусстве царил своего рода *психоз безвкусия, извращения и претенциозности*; и этот психоз, *предвыявляя ближайшие судьбы России*, распространялся беспрепятственно, постепенно приучая лю-

дей не поддерживать своего духовного хребта и не дорожить им, предаваться всем соблазнам, принимать всерьез все свои капризы и выверты и, осыпаясь в бездну по линии наименьшего сопротивления, наслаждаться этой «художественной» *психостенией*, т. е. душевным расслаблением...

Всякое произведение искусства — *указывает людям известный путь*; оно *ведет и учит*. Так обстоит всегда, независимо от того, хотел сам художник кого-то «вести» и чему-то «учить» или не хотел; и это «учение» и «водительство» обычно осуществляется тем вернее и проникает тем глубже, чем меньше оно входило в *намерения* художника, чем меньше нарочитости и тенденциозности, чем больше самозабвенности и непосредственности отразилось в самом произведении. Изобразил ли автор *прозрачность и покой* или *тревогу и смятение*; пропел ли он о *целомудрии и любви* или об *утрате и скорби* — он *вдвинул* этим в душу зрителя и слушателя, в его воображение, в его чувство, в его внутренний опыт вместе со словами, образами и звуками — и самый *предмет* свой (покой, или смятение, или целомудрие, или скорбь). Он как бы влил их в его душу, приобщил ее к ним, заставил ее зажить ими; он как бы *научил* душу *стать* прозрачной или смятенной, он как бы *повел* ее к утрате и скорби. Чем художественнее произведение, тем больше его покоряющая и заражающая, его *ведущая и учительная власть*. И понятно, что духовно значительное искусство *воспитывает* человека и *строит* его дух, а духовно ничтожное и растленное искусство — *развращает* человека и *разлагает* его дух, и притом тем более, чем угодливее и льстивее, чем эффективнее и «опьянительнее» его проявления...

По сказанию древних греков, музыка Орфея была так прекрасна и гармонична, она обладала такою магическою и зиждущею силою, что от звуков ее сами собою сложились стены его города. Истинное искусство всегда подобно музыке Орфея: ибо ему присуща магическая и благодатная сила, *строящая дух*, а не разлагающая его. Художественное искусство, заслуживающее своего имени, есть нечто *от духа и для духа*: а дух имеет свой лик, свои грани и стены, свои законы

и ритмы, свои требования, свою силу и свою мудрость. Пока человек будет скитаться по земле, любить и страдать, трудиться и бороться, он будет закреплять в искусстве тайные мечты и прозрения своего сердца и искать в художественных образах — *радости, целения и умудрения*. Но только *духовная* мечта будет давать ему радость и целение, и только *духовное* прозрение будет его целить и умудрять. Ибо бездуховное и противодуховное искусство сеет лишь соблазн, расслабление и заразу. И когда мы видим ныне, как пали на наших глазах градские стены русского духа, как исказился лик России, как извратились законы и ритмы ее жизни, — мы должны видеть и разуметь, что произошло это от разложения и расслабления в нас бессознательной духовности.

Русский художественный гений не угасал и не переставал творить за эти годы предреволюционной и революционной смуты. С нами вместе, и здесь, в зарубежье, и там, в подъярёмьи, — он продолжал жить, страдать и творить на всех путях и языках искусства. Но слышим ли мы его? Узнаем ли мы его? Научились ли мы отличать художественное от гнилостного, великое от пошлого, целительное от погибельного, мудрость от соблазна? Или нам нужны еще очистительные испытания и страдания?

Умудримся же и научимся! России нужен дух чистый и сильный, огненный и зоркий. *Пушкиным* определяется он в нашем великом искусстве; и *его* заветами Россия будет строиться и дальше.

И.А. ИЛЬИН

ВЫ НАШИ БРАТЬЯ!

(Открытое письмо к оставшимся русским патриотам)*

Мы не судим вас и не осуждаем. Мы знаем, какое бремя вы несете, и знаем, что история оценит ваши заслуги перед Россией. Вы любите родину, вы страдаете от ее разложения

---

* Ответ на письмо «Прибывшего оттуда», см. «Русский Колокол» № 1.

и унижения и служите ей; — с нас этого довольно, мы *верим вам. Вы наши братья!* И никто не поставил нас судьями, чтобы судить вас, наших братьев...

Историческая трагедия, разложившая и унизившая нашу родину, разлучила нас с вами и разметала нас по всему миру. Вы правы — нельзя было, не надо было *всем* покидать свое место, уходить на окраины или эмигрировать. Наивно думать, что все люди способны к активному героизму, к мечу, к заговору, к исповедничеству. Каждому свое дело; с каждого по способностям. И устаревший укор, обращенный к «оставшимся» («зачем не ушли»), относится к эпохе минувшей гражданской войны. Надо было *не только уходить*; надо было и *оставаться*. И верьте, что мы научились ценить ваш пассивный героизм, реально, изо дня в день изживающий в лишениях и унижениях вынужденной террором лояльности — тот строй, который нам не удалось доселе сбросить.

Но поймите и вы нас. Не думайте о нас того, что внушают вам наши враги. Верьте нам так, как мы верим вам. И тогда нам будет легче переносить нашу жизнь среди чужих народов и легче будет бороться за Россию.

Да, нам не удалось доселе сбросить этот строй. *Но история еще движется, и время работает на Россию* и на нас. Мы не сложили руки; мы не забыли свой долг. Нас не 30 тысяч. Нас около миллиона. Мы разбросаны и рассеяны; мы в огромном большинстве нуждаемся, даже бедствуем, прокармливаемся с трудом и ведем чернорабочую жизнь. Среди нас есть и утомленные обыватели; есть и малодушные; есть и отдельные перебежчики; где и когда их не было? Но в общем и целом мы живем одним — Россией, ее освобождением, нашим грядущим возвращением и нашей будущей совместной с вами работой над ее воссозданием.

Нам тяжело жить на чужбине. Труден заработок; трудно воспитывать детей; трудна и горька всяческая личная зависимость; но тяжелее всего и горше всего — *чувство нашего национального унижения* и сознание того, что именно *наши* поколения не сумели уберечь Россию...

Мы не «беженцы» и не «конченные люди»; мы не потеряли сердца и воли и не разложились духовно. Наше пребывание в эмиграции имеет *государственный и духовный смысл*, и мы сознаем это; оно *служит России*, и мы всегда это помним.

В своей борьбе с коммунистическим порабощением Россия нуждается в *свободном дыхании*, в *непорабощенных силах*, в *независимом голосе*, в *активном и инициативном зарубежном меньшинстве*. Россия нуждается в культурном, духовном и политическом *представительстве* среди других народов, которые должны иметь перед собою ее истинный национально-государственный лик и помнить о том, что «союз социалистических республик» *не есть Россия* и никогда ею не станет!

Мы блюдем здесь русскую веру, русский быт, русский дух, русский кадр. Мы растим и обучаем новое поколение верных и национально мыслящих русских патриотов. Мы сами многое передумали и во многом до глубины обновились. Мы уже не прежние, заносчивые и радикальные, интеллигенты, безверные и безнациональные, отравленные республиканством, социализмом и интернационализмом, — честолюбивые в личных делах и сентиментально-безвольные в государственных... Но мы также и не прежние жадные и озлобленные реакционеры, боящиеся за свое имущество и презирающие русский простой народ... Мы выше всего ставим *родину*, ее духовное величие и ее хозяйственный расцвет. Страданиями, верностью и служением мы искупаем свои ошибки. И за верность, и за служение — мы со своей стороны готовы забыть всем все прошлые ошибки и падения...

С кем бы мы ни соприкасались из иностранцев, мы считаем своею обязанностью разъяснять им сущность русской революции, ее противорелигиозную и разрушительную природу, ее духовную и хозяйственную противоестественность, ее заразительность, ее мировую опасность; и побуждать их к тому, чтобы они никак и ничем не содействовали поработителям России. Не думайте, что это дело легкое и спорое. В большинстве стран, как всегда после трудной войны, имеется утомление, безволие, политическая близорукость, узкий эго-

изм и какая-то легкомысленная беспечность. Каждая страна ограждает себя и лишь с трудом разумеет международную солидарность. И ни одна не заинтересована по-настоящему в возрождении России... Все признают нашу культуру... и почти все *опасаются нашей грядущей силы!*

Все это мы видим и понимаем. Но это вызывает в нас не уныние и не растерянность, а лишь более отчетливое, более острое сознание лежащих на нас обязанностей. Мы, русские, *должны помочь себе сами*; тогда нам помогут и другие. Мы знаем, что сильному часто помогают охотнее, чем слабому: ибо имущему дается, а у неимущего отнимается...

Но, понимая наш долг, мы понимаем и наши опасности. Их три.

Первая — отрыв от внутренней русской жизни: нам грозит неосведомленность, непонимание, утрата чувства реальности, оперирование с воображенными величинами. Мы постоянно помним эту опасность, боремся с нею и боремся *успешно*. Недаром наши экономические и политические анализы вызывают гнев коммунистов: эти анализы верны и точны, хотя мы упорно избегаем переписываться с теми, кто внутри России, и не пользуемся «экономическим шпионажем»...

Вторая опасность — это смешение России с ее советски-коммунистическим строем: из-за вражды к коммунистам мы не можем и не должны упускать из виду национальные, *вечные* интересы *самой России*. Для погубления ее врагов нельзя губить ее *собственную сущность и естество*; нельзя безоглядно усвоить принцип: «чем хуже, тем лучше», нельзя впадать в плоское и злорадное пораженчество. Напротив, ударяя по коммунистам, мы всегда должны помнить и ограждать интерес нашей родины. Мы знаем эту опасность и, помня о ней, мы всегда проверяем свои суждения и решения.

И третья опасность наша — это озлобление и жажда мести, чувства, которые, казалось бы, могли бы быть столь естественными у всё потерявших изгнанников. Но и эта опасность *преодолена нами*. Испытания были слишком велики; крушение России было слишком трагично; любовь к родине

и тоска по ней слишком глубоки в нас для того, чтобы в душах удержались мелкая злоба и мстительные намерения. Есть среди нас озлобленные; но они *одинок*и. Есть, может быть, и мстительные натуры: но эти люди *никого за собою не ведут и веса не имеют*. Мы, зарубежные русские патриоты, — *не живем злобою и о мести не мечтаем*.

Да, мы враги коммунизму и коммунистам; *враги до конца*. Между нами и ими не может быть ни компромисса, ни примирения. Ибо мы считаем весь замысел их и всю их деятельность — кошунственными, противоестественными и для России гибельными; мы считаем, что они во *всех* своих намерениях и планах приносят русский национальный, *всенародный* и *простонародный* интерес в жертву *темным и порочным целям враждебных нашей родине организаций*. История однажды раскроет корни этих организаций и назовет их по имени. А мы за эти десять лет измерили до дна их свирепую ненависть к России.

Но мы остро и зорко отличаем соблазнителя от соблазненного, свирепого вожака от доверчивого слепца, сильного злодея от слабого обывателя, интернационалиста от патриота. Мы хорошо знаем, *с кем мы боремся*; мы знаем, кто заслуживает непримиримости, кто — прощения, а кто — братского сострадания и уважения. Мы осведомлены больше, чем кто-нибудь думает. И если мы ведем нещадную борьбу с коммунистами, то всей некоммунистической России мы несем *мир, прощение личных обид, забвение личных потерь и искреннее, патриотическое братство: примирение и воссоединение*. Но и рядовых коммунистов нещадная борьба ждет лишь до тех пор, пока они будут отстаивать свою безумную и преступную затею, пока они не одумаются, не отрешатся и не вольются покаянно в русское национальное дело. В России есть место и будет место *всем* ее сынам — и обратившимся, и передумавшим, и научившимся в суровом опыте. Нет места только *ее врагам*; нет — и не будет.

Мы хотим вернуться в Россию не «революционерами» и не «контрреволюционерами»: а просто ее верными сынами,

ее строителями и блюстителями. Мы не «революционеры», которые из честолюбия и вздорной химеры разрушают и разлагают страну; и от этого ожидают «всеобщего счастья». Но мы и не «контрреволюционеры», одержимые жадностью и злобою, которые только и думают о том, чтобы поставить все на старое место, восстановить разрушенное, взыскать убытки и отомстить всем бунтовавшим. Так рисуют нас коммунисты. Не верьте им! Это клевета, которая нужна им для того, чтобы напугать вас и разделить нас с вами. Нам дорога Россия, ее величие и ее расцвет, а не «старые порядки». Мы твердо знаем, что время уносит все безвозвратно; что история не повторяется; что замученные и умершие не встанут из гробов и что в России только и может быть *новый порядок*. Но пусть же он будет *лучшим и справедливым порядком*, который освобождает все благие силы народа и сковывает все его злые силы!..

Перед лицом нашей национальной трагедии, перед лицом нашего грядущего возрождения мы твердо и честно выговариваем: *ни сословные и классовые предрассудки, ни партийные пристрастия не владеют нами!* Россия нуждается не в новой гражданской войне и не в новом — имущественном переделе. Россия нуждается в том, чтобы возникла *новая национальная и патриотическая власть*, которая положила бы конец всяческому коммунизму и очистила бы страну от ее врагов и вредителей; которая покрыла бы всеобщей *амнистией* преступления и ошибки революционного времени; положила бы в основу новой России начала *чести, справедливости, заслуги и собственности*; закрепила твердой рукой законный *порядок* и воссоздала бы духовное, хозяйственное и военное могущество нашей родины.

Это задача не «революционная» и не «контрреволюционная», это задача *органическая, строительная и национальная*. И ей мы хотим служить патриотически и за совесть. И во имя ее мы желаем свержения коммунистического ига.

Так мы судим и отвергаем коммунистов. Но мы не судим и не осуждаем никого из вас, оставшихся в России русских патриотов; мы знаем, к каким компромиссам мы были вынуж-

дены, и горько скорбим о том, что *нам не удалось своевременно избавить вас от этих компромиссов*. Мы знаем, что вы были вынуждены стать в отношении «лояльности» к советской власти, не судим и не осуждаем вас и за это. Мало того, мы хотели бы, чтобы вы знали, что мы любим вас как братьев и страдальцев; и что мы мечтаем о нашей грядущей совместной с вами работе в России.

Одно важно: вы должны сами знать и помнить, что ваша лояльность — не добровольная, а вынужденная; вынужденная голодом, моральною пыткой и прямыми угрозами. За изъявление такой лояльности — нельзя судить и осуждать; но ей *нельзя придавать и связующего значения!* В последнем, религиозном и совестном измерении — она не имеет *ни веса, ни цены*. Она — нравственно и патриотически ничтожна! Она не связывает вас внутри, наедине с собою, перед лицом Божиим — *не верьте ей!* Подумайте только — ужели вы *пред Богом* обязались сочувствовать всем свирепостям, всем низостям, всем преступлениям коммунистов? ужели вы *пред совестью* вашею дали клятву содействовать распространению мировой заразы и духовного растрения? ужели вы *патриотически* обязаны губить Россию во имя коммунистической химеры и всеобщего грабежа? Нет, нет! Слова и «служба» — одно; а *святынище сердца и совести* — другое.

Берегитесь же, чтобы звуки вынужденных слов *не оседали в вашем сердце*; чтобы формальная служба не превращалась в *служение*; чтобы советские «подписки» и «анкеты» не положили незаметно ваше *чувство чести*, к которому они не имеют *никакого отношения!* Блюдайте в вашей душе священную уверенность в том, что советское правительство никогда не станет *вашим, русским* правительством; что *его* интерес, противоположный интересу России, — никогда не станет *вашим за совесть*.

Мы знаем, сколь мучительна эта систематическая ложь и как опасно не выдержать ее, согнуться, привыкнуть и начать примиряться с властью сатаны. Но это бремя есть *необходимая часть того бремени, которое вы несете для России и за Россию*.

Раз пойдя на вынужденную ложь, помните, что это — *ложь; не верьте ей сами*. Помните: раз поверив ей — вы неизбежно поверите *всей* той сатанинской лжи, в которой ныне задыхается национальная Россия; и тогда ложь сатаны неизбежно поглотит вас. Несите это бремя *раздвоения личности*; и ищите укрепления и утешения *в религии*. История заставляет вас стать *непроницаемыми* по отношению к злодеям. Берегите эту непроницаемость; не бойтесь этой «неискренности»: *она служит России*. Пусть душа ваша будет безусловно прозрачна перед Богом и искренна со своей совестью; но пусть замкнется она от Божиих врагов. Помните: *спасть Россию смогут только не поверившие до конца!*

Крепитесь же до конца. Не удручайте себя бесплодными угрызениями и не затевайте неумелых и безнадежных заговоров. Да, для заговоров нужен особый *закал души*, особое *техническое умение*, *твердость воли* и *безошибочный расчет*. Для этого нужна особая *подготовка*. И это дело своевременно делают те, кто к нему подготовился. А вы храните живую готовность поддержать сочувствием и хотя бы душевным откликом всякое благое начинание.

Будьте уверены в том, что история оценит пассивный героизм вашей лояльности. А мы останемся до конца нелояльными, свободными и непримиримыми; пока не придет день свержения.

И.А. ИЛЬИН

ВЕЛИКИЕ СТРОИТЕЛИ РОССИИ

МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ

Старая жизнь Москвы как государства имела свой крепкий, русский уклад, в котором были заложены определенные идеи и в котором жили и действовали живые люди. Вскрывая эти идеи и восстанавливая жизнь этих людей, историк дает материал, в который должен всматриваться строитель новой жизни, отделяя в этом материале то, что отжило, как пожел-

тевший осенний лист, и запоминая то, что и впредь должно жить как необходимый элемент самого «древа» народной и государственной жизни, исторически выросшего из своих корней. Настоящие очерки должны дать читателю частицу такого материала, сосредоточивая его около имен наиболее замечательных деятелей нашего родного исторического прошлого.

Перед нами Москва середины XVI столетия. Процесс сближения отдельных, не объединенных, или еще слабо соединенных с Литвою, русских земель закончился, и перед Москвою вставала задача объединения *всего* русского мира, а уже не разрозненных княжеств и земель. Московский князь-вотчинник выступает, как нарождающийся носитель национальной народной власти над Русью, освобождающейся от татарского ига, и как обладатель наследия «царя»-императора Византии, Нового Рима, как глава Третьего Рима, после которого «четвертому не быть», по учению московских идеологов⁸⁸. Наследник «прашура» своего св. Владимира, московский князь, со времен Ивана III и Василия III, уже заявлял: «вся Русская Земля от прародителей наших наша вотчина». Москва как рождающееся государство всего русского народа начинала выходить и на арену европейской политики в своих иностранных сношениях. В то же время Русская Церковь завершала выработку своей самостоятельности и мирового значения, приближаясь к формальному их признанию провозглашением Московского и всея России *патриархата*, совершившимся через несколько десятилетий, в 1589 году. Русская Церковь именно в эту эпоху сознавала, определяла и закрепляла свои *русские* особенности. Задачи власти, государственной и церковной, становились громадными и сложными, вырастая естественно, эволюционируя в развивавшейся и усложнявшейся жизни Московского княжества, которое превращалось уже в «государства Российского Царствия». Эти разрастающиеся задачи требовали деятелей, способных подняться на их высоту. И старая Москва смогла выделить таких деятелей из богатых запасов сил русского народа. Одним из них был митрополит Макарий.

Где, в каком городе или селении Русской Земли, он родился и чьим сыном был? Этого мы не знаем, как не знаем точно и времени его рождения — вероятно, в 1481 или 1482 году. Как очень большое число русских деятелей старого времени, он является для потомства просто *русским человеком*, простым «трудником» Русской Земли, без того себялюбивого интереса к своей личности, который копит притязания на память потомства данные и переживания личной жизни. Макарий принял монашество в Пафнутьевском Боровском монастыре, в нынешней Калужской губернии. Позднее — он архимандрит Можайского Лужковского монастыря, известный как знаток Св. Писания — «дана ему бысть от Бога мудрость в Божественном Писании». В 1526 году возведен на Новгородскую архиепископскую кафедру, на которой проявил себя выдающимся пастырем, организуя церковную жизнь, и был там «людям заступление велие». Уже тогда «многие ради его добродетели в всей России слава о нем происхождаше».

В середине марта 1542 года архиепископ Макарий был наречен собором епископов в митрополита и поставлен на митрополию «матери градов Москвы». Это совершилось в годы боярского правления за малолетством Ивана IV, когда шла борьба за власть среди окружавших юного великого князя бояр, после низложения одного за другим двух митрополитов (Даниила и Иоасафа), когда колебался самый авторитет носителя высшей церковной власти, когда центр Московского государства являл собою арену интриг неразборчивых в средствах властолюбцев, а московские области отдавались произволу их «клеветов», и когда не только окраины, но и не так далекие от самой Москвы земли были под угрозой внешних врагов, особенно татар, со всем ужасом татарских набегов, с их опустошениями и пожарами, с продажей в далекое рабство тысяч полоненных русских людей.

Совершенно ясно, что первую заботою Макария, и в интересах Церкви, и в интересах Земли, был великий князь, вотчинник Московского государства, и охрана «православного христианства» — его народа. Иван IV погибал как человек в

грубых забавах того сурового века, толкаемый в них правившими его именем властолюбцами, ради отвлечения его внимания от своих дел. 12 декабря 1546 года шестнадцатилетний Иван вернулся в Москву из поездки по селам после развлечения, которых он там искал. И 13 уже декабря Макарий имеет совещание с великим князем. Его результаты: решение Ивана вступить в брак, а предварительно венчаться на царство. С этого момента Макарий на все время своей дальнейшей жизни встал за Иваном IV, за своим «о Святем Дусе сыном и господином», как крепкая опора в его внутренней борьбе с самим собою, как его советник в делах жизни и правления.

Зачем и почему Макарий выдвинул царское венчание рядом с браком Ивана IV? Не только потому, что Московское княжество уже выросло к этому времени в своем внешнем могуществе и идейном содержании и стало царством, но и для того, чтобы спасти юного великого князя как человека, *поднять* его на такую высоту, которая *заставит его самого подняться на нравственную «степень»*: ибо Бог освятит его сан и власть, но, даруя ему их, возложит на него за них и ответственность как за врученные ему Богом.

16 января 1547 года в Московском Кремле, в Успенском соборе, «первопрестольной великой соборной апостольской церкви Пречистые Богородицы», празднично украшенной, *впервые* совершилось *царское* венчание, с возложением «царского сана» (бармы, венец, скипетр), вместе со «святым животворящим крестом», на «великого государя», с молитвою митрополита, начинавшеюся словами: «Господи Боже наш, Царь царствующим и Господь господствующим, иже Самоилом Пророком избра раба Своего Давыда и помазав того во цари над людьми Своими израильтяны...»

Ко вновь явленному русскому царю Макарий обратился с назидательным словом, и это слово стало *основой*, из которой исходили *все* последующие поучения русских иерархов венчаемым царям «Превеликой России». «Се от ныне поставлен еси, Князь Великий, Боговенчанный Царь правити хоругви и содержать скипетр великого Царства Российского и венчан

еси сим царским венцем по благодати Святого Духа и милости Пресвятые Богородицы...» — говорили эти слова. Какие же требования предъявляла Русская Церковь к царю? Первое из них: «имей страх Божий, то бо есть начало всему благому... Таже, сохрани веру христианскую греческого закона чисту и непоколебиму и соблюди царство свое чисто и непорочно, яко зеницу ока». За этим следует второе: люби «братию свою по плоти»: бояр «помилуй и береги», к своему «христолюбивому воинству буди приступен и милостив и приветен по царскому своему сану и чину; всех православных христиан блюди и жалуй и попечение о них имей от всего сердца; за обидимых стой царски и мужески, и не попускай и не давай обидити их не по суду и не по правде — сего бо ради, царю, приял еси скипетр правити хоругви великого Царства Российского, и рассуди и прави люди твоя в правду».

Царь получает «державу» и «силу» от Бога, но сам он имеет над собою Царя, «иже на небеси». И этот Царь говорит словами Писания поставляемому Им земному царю: *«да не оправдиши нечестивого mzды ради, не сотвори неправду в суде, яко суд Божий истинен есть... Вам глаголю, цари, утешайте скорбящих, избавляйте обидимого от сильныя руки, сии бо от богатых подавляемы притекают к вам, яко к заступникам»*. Обращаясь к царю, Русская Церковь взывает: «возмогай, о православный царю, и паки возмогай, да наследник будеши Небесного Царствия со всеми святыми православными цари, да возможеша со дерзновением реши во второе пришествие Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа: се аз, Господи, и люди Твоя, яже ми еси дал, великого Твоего Царства Российского».

Пусть все эти святые мысли и поучения Русская Церковь уже давно хранила в своих недрах; пусть они были сведены в систему к этому времени так называемыми «осифлянами» и их главою, преп. Иосифом Волоцким; — в торжественной обстановке царского венчания они были высказаны митрополитом Макарием и стали с тех пор заветом, который Русская Церковь бережно передавала всем последующим царям «Пре-

великой России», хотя и не в тех самых выражениях, которые сошли с уст Макария.

Что должен был пережить Иван IV во время своего царского венчания! Здесь был перелом в его личной жизни и начало того блага, которое было принесено им русскому народу в первую половину его царствования, когда он не стал еще «Грозным» в том смысле, который обычно придается этому обозначению со времени «злой опричнины». Но она была введена уже после смерти митрополита Макария, о котором сам царь потом вспоминал такими словами: «о Боже! коль бы счастлива Русская Земля была, коли бы владыки таци были, яко преосвященный Макарий!» Величавый и строгий образ Макария стоит около Ивана IV со времени его венчания, стоит на страже Русской Церкви и «возлюбленного ему земного отечества России», в событиях царствования, пока жив Макарий. Он *питает добрую волю царя*, который «советует» с ним во всем сколько-нибудь важном — *своем, личном, и земском, народном*. Он сдерживает приступы страстного гнева Ивана IV, «печалуя» за осужденных и их «отпрашивая от смерти». Походы на Казань для избавления русского народа от постоянной опасности со стороны этого разбойничьего гнезда, взятие ее — все это *проходило при молитве митрополита за Россию и при постоянной духовной поддержке им ее молодого царя*. Казань взята; но «здержит» ли ее в своих руках русский царь? А дальше — присоединение Астрахани, борьба с Крымом, Ливонией, Литвою. Сколько требовалось внутренней силы, чтобы не дать воли малодушию в это тяжелое время! И митрополит Макарий эту силу хранил и великою мощью Русской Церкви, и своим личным авторитетом...

Время, в которое жил Макарий, выдвигало перед ним, как первосвятителем русской Церкви, с особою настойчивостью задачу утвердить мировое значение и высоту ее на святых костях и подвигах русских чудотворцев, молитвенно «предстоящих Престолу Всевышнего». Уже в домакарьевскую эпоху Русская Церковь имела 67 святых общерусского или местного признания. На созванных Макарием Соборах 1547

и 1549 годов были канонизованы еще 39 «новых чудотворцев», из которых большая часть уже чтилась на местах, но не во всем Московском царстве. *Святыня русская* не только выросла теперь в своем сокровище, но и получила общерусское признание: общими для всей Руси святыми стали те, которые раньше, как святые местные, верою русского народа признавались защитниками и покровителями отдельных частей Русской Земли и которые теперь стали молитвенниками за *всю* «Землю Святорусскую».

Но части России имели и свои чтимые местные *иконы*, в которых видели «святые щиты» для частей Русской Земли, а не для нее всей. И эти иконы собираются в Москве, в оригиналах или точных списках — московские храмы стали хранить и местную святыню всех «государств Российского Царствия». В обновлении икон и писании копий с чтимых на местах митрополит Макарий трудился и как «иконный писец», как «иконному писанию наученый сей хитрости». Москва, центр «Великой России», была хранилищем общерусской святыни, а ее храмы были местом молитвы за всю Землю Русскую. В этих храмах — «иконы, велелепно украшенные золотом и серебром и драгоценным камнем», с горящими перед ними лампадами и паникадилами, в них — «красногласныя пения благолепных священников» и «кадила с благовонным уханием»; на их звонницах — «доброгласные светошумные колоколы». Благолепие богослужения украшало московские храмы; и его красоту, уставную строгость и значение так понимал и чувствовал митрополит Макарий... Он усердно заботился о ней как в Москве, так и в других градах и весях. Он освятил и длинный ряд новых *храмов*, и в их числе: храм «Пресвятые Владычицы наша Богородицы честный Покров», построенный «о Казанской победе»; при Макарии же был заменен каменным «о девяти верхах» и освящен — храм, известный теперь под именем Василия Блаженного, близ Флоровских (теперь Спасских) ворот.

Особой заботой митрополита пользовался Успенский собор, главный храм «Царства Московского», возобновленный

после пожара 1547 года, хранивший в себе главную святыню Северо-Восточной Руси — Владимирскую икону Божией Матери и мощи Св. Петра Митрополита. Его купола были покрыты вызолоченною медью, а внутри его поставлен пятирусный иконостас с иконами, подобранными по дням замечательных событий истории «Превеликой России». Он не только служил молитве русского человека, но и запечатлел в себе воспоминания русской славы и собирания Руси.

Русская Церковь требовала не одного благолепия своего богослужения, но и внутреннего порядка и благочиния. Стоглавый собор 1551 года ставил своею задачею их создать. Духовная жизнь «православного христианства» нуждалась в духовной пище «*чтомых книг*», и Макарий постарался их собрать в едином собрании. Так возник величайший памятник старой русской письменности — Макарьевские Минеи-Четьи, в 12 громадных томах, из которых каждый с трудом поднимают руки их читающего и в которых по дням месяцев собраны все творения евангелистов, апостолов, отцов и учителей Церкви, жития святых и поучения — «все святые книги собраны и написаны, которые в Русской Земле обретаются».

Сам Макарий об этом своем труде говорит: «а писал есми и сбирал и в едино место их совокуплял дванадесять лет, многим имением и многими различными писари, не щадя сребра и всяких почастей».

Собравшиеся в «Российское Царствие» части Русской Земли и русского народа должны были знать и свое *историческое прошлое*, чтобы уяснять себе свое настоящее и определять задачи своего будущего. Рядом с местными летописями и их сводами на Руси, около митрополии уже давно вырабатывались общерусские «митрополичьи», летописные своды. И именно при митрополите Макарии совершилось завершение этой работы составлением самого полного общерусского летописного свода, случайно только не получившего его имени и известного под именем Никоновского, как напечатанного в XVIII столетии со списка, принадлежавшего патриарху Никону. При Макарии же было закончено и составление

так называемой «Книги Степенной Царского Родословия», в которой впервые дано *изложение русской истории на основе ее единства*, понятого в смысле *ее единения с ее историческою властью*, «от варяга Рюрика» до «царя и великого князя Ивана». С именем Макария связано и устройство Печатного двора, типографии. «Изыскивати мастерства печатных книг» в Москве стали не только «повелением» царя Ивана IV, но и «благословением» митрополита Макария.

Конечно, и *распространение христианства* среди язычников Московского государства было делом Макария. Еще в бытность свою архиепископом Великого Новгорода он организовал миссию в Водской пятине (части нынешних Петроградской и Новгородской губерний, а также Финляндии). Как митрополит, он ее ведет среди лопарей (у Белого моря) через приснопамятного преподобного Трифона Печенгского и его сотрудников. Завоевание царств Казанского и Астраханского возложило на русскую православную миссию новую задачу. Но какую инструкцию дал Макарий первому Казанскому архиепископу Гурию в 1555 году? — *«Всякими обычаями, как возможно, приучать ему татар к себе и приводить их любовью на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводить».*

Такова была деятельность митрополита Макария, если мы на нее посмотрим в тех, только главнейших ее проявлениях, которые доступны короткому очерку. Но где же его личная жизнь? — может спросить читатель. Она целиком в его *деле*, в его служении Церкви и Земле. Лишь в предсмертной своей болезни, в исходе 1563 года, восьмидесятилетний старец-митрополит вспомнил о ней, когда уже «изнемогал» в своей тяжкой «немощи». Он молил царя: «отпусти меня в мое пострижение», т. е. в Пафнутиев Боровский монастырь, где он юношею познал впервые сладость иноческой молитвы и как человек хранил воспоминание этого момента своего личного счастья во всю свою долгую жизнь. Царь отказал: Макарий был слишком велик в своем сане и значении для Земли, чтобы глава ее мог позволить ему окончить свою жизнь в монастырском уединении. И митрополит подчинился царской воле.

Для себя он привык не искать личных утех. Себя он сознавал простою и неотделимою частицею двух великих сил, которым имя русская Церковь и русская Земля. О себе он писал в своих Минеях-Четьях: «всех молю и коленом касаясь... да вспоминают смиренную и грешную мою душу в святых своих ко все-сильному Богу молитвах».

И. И. ЛАППО⁸⁹

ПРАВОСЛАВИЕ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Ходячая фраза, утверждающая, что «Церковь аполитична», требует внимательного и ответственного анализа. В ней заключается целый ряд исторических ошибок, религиозных соблазнов и государственных опасностей.

В слове «а-политична» — первое «а» равносильно отрицательному (=не). Что же отрицается им? *Партийность* ли Церкви? Или призывание Церкви к *завладению светскою властью*? Или ее *живое и творческое отношение к государственному строительству вообще*? С самого начала ясно, что на эти различные вопросы могут и должны быть даны совершенно различные ответы.

Церковь, конечно, *не* есть политическая партия. Она вообще не «партия», т. е. (буквально) не *часть*: она призвана не к делению и разделенности, а к мировому единству и всецелости (=«кафоличности»). Православная Церковь утверждает за собою *религиозную истину* о бытии Божиим, о смысле мироздания и о спасении человеческой души; другие религиозные учения и исповедания — суть для нее не равноправные церковные «партии», а неистинные учения и неверные исповедания. Юриспруденция и политика могут *условно* признавать «множество» разных «Церквей»; но религиозно-верующий знает одну, единственную, *истинную* Церковь, истина которой (согласно его вере) *свободно озарит и соединит* однажды все человеческие души.

Итак, Церковь не может признать себя *религиозной* партией. Тем более она не есть *политическая* партия.

Церковь есть религиозный союз. Политическая партия не есть религиозный союз.

Церковь имеет догматы, таинства и каноны. Политическая партия их иметь не может и не смеет.

Церковь исходит из веры и ею строится дух человека. Политическая партия исходит из соображений государственной целесообразности и хозяйственной пользы и ими направляет внешнее поведение человека.

Церковь по установлению своему благодатна; она есть орудие Царства Божия. Политическая партия устанавливается человеческим произволением и есть порождение земной государственности.

Церковь ищет перерождения души и духа. Политическая партия ищет государственных и хозяйственных реформ.

Церковь *не* ищет светской, государственной власти. Политическая партия добивается именно светской, государственной власти.

Церковь *не* борется силою и понуждением. Политическая партия добивается для себя именно права бороться понуждением и силою.

Итак, по *самому* существу своему и по *всему* существу своему Церковь не может и не должна становиться политической партией; а политическая партия не может и не смеет становиться Церковью. Церковь, *становящаяся* политическою партией, унижает и извращает свою природу.

Но этого мало: Церковь не может и не должна *связывать* себя ни с какою бы то ни было политическою партией, ограничивая доступ к себе другим партиям. В каждой партии могут участвовать люди разных исповеданий; а в каждую Церковь могут входить люди разных партий. Принадлежность к политической партии сама по себе не может быть тем смертным грехом, за которым следует церковное отлучение. Связанность Церкви с одною партией делает ее *партийною* Церковью; этим она низводит свое представление о Царстве Божием до уровня политической целесообразности и изменяет своей кафоличности; в то же время она придает данной по-

литической партии значение *благодатной исключительности* и тем сеет величайший соблазн в душах.

Точно так же Церковь не призвана к светской власти, к ее захвату и подчинению. Церковь и государство взаимно инородны, подобно тому, как инородны Церковь и политическая партия: по *установлению*, по *духу*, по *достоинству*, по *высшей цели* и по *способу действия*. Государство, пытающееся присвоить себе силу и достоинство Церкви, творит кощунство, грех и пошлость. Церковь, пытающаяся присвоить себе власть и меч государства, утрачивает свое достоинство и изменяет своему назначению. Государство *не может действовать благодатно*: устанавливать догматы, совершать таинства, растить Царство Божие. Церковь *не должна брать меча* — ни для насаждения веры, ни для казни злодея, ни для войны. Бесспорно, государство выше политической партии так, как *родина в целом* выше всех своих частей; но и партия и государство остаются учреждениями *человеческого* порядка и *земного* ранга⁹⁰.

В этом смысле Церковь «а-политична»: задача политики — не есть ее задача; средства политики — не суть ее средства; ранг политики — не есть ее ранг.

Но означает ли это, что Церковь не должна стоять в живом и творческом отношении к государственному строительству и к бытию Родины?

Отнюдь нет. И Русская Православная Церковь в истории всегда поддерживала и впредь будет поддерживать это отношение к русскому государству.

Церкви есть дело до *всего*, чем живут или не живут люди на земле. Ибо живая религия есть не *одна сторона* жизни, а *сама жизнь и вся жизнь*. Все, чем живут или не живут люди — или уводит их от Царства Божия, или ведет их к нему; и Церковь обо всем этом может и должна иметь свое суждение, — открытое, авторитетное, одобряющее или осуждающее. Но это суждение должно иметь своим мерилom именно *Закон Божий* и *Царство Божие*; а отнюдь не политическую целесообразность и не хозяйственный или партийный интерес. И это суждение *никогда* не должно проводиться в жизнь на *пути*х светской

государственности. Церковь вправе благословить и не благословить; она вправе анафеманствовать. И в суждениях своих она должна блюсти свою полную религиозную *свободу и независимость*, не угождая и не приспособляясь, а если надо, то принимая и гонения (Иоанн Златоуст, Филипп митрополит, патриарх Тихон).

Члены церковного союза подчинены государственным законам *в своем внешнем поведении*; но *совесть* их не подчинена *никаким* государственным велениям. И произнося свои суждения и осуждения, Церковь этим *отнюдь не вмешивается в политику*, но пребывает в пределах создаваемого и блюдомого им Царства Божия. Церковь призвана, Церковь *обязана* указывать людям, — и царю, и чиновникам, и гражданам, то в личной беседе, то в проповеди, то во всенародном воззвании, — *где* именно их дела, их установления или страсти вредят делу Царства Божия. В этом ее *учительная власть*, от которой ее *ничто и никак освободить не может*. И вторжением в политику это стало бы только тогда, если бы Церковь подменила свое религиозное *мерило* — земным, или обратилась бы к земным, политическим *средствам*.

При таком, подлинно православном понимании дела Церкви никак не может быть безразличным, что именно делается в народе и что именно творит государственная власть. Промолчит ли она, если в народе возникнут кровавые и жестокие игрища? или если распространяются формы публичного разврата? или если черная месса войдет в погибельную «моду»? Промолчит ли она, если *правительство* узаконит многобрачие? или разрешит торговлю гашишем? или отменит преподавание Закона Божия? или установит избирательную систему, при которой право голоса будет принадлежать только удостоверенным святотатцам? или введет декретом новую обязательную религию — магометанство, католицизм? И если не промолчит — то это будет тоже «вторжение в политику», в «царство кесаря»?

Государственная власть не судья в догматах, таинствах и канонах. Зато вопросы правопорядка решает *она*; и члены

всех церковных союзов подчиняются ее законам. Но Церковь — судья *во всем, на что падают лучи Царства Божия*, не исключая и самых вопросов *государственного устройства*.

Государство правит. Церковь учит. Во внешнем и земном — государство повелевает и Церкви. Во внутреннем и благодатном — Церковь учит и государство. Государство не покушается на учительную и спасающую власть Церкви. Церковь не покушается на учреждающую и упорядочивающую власть государства. Но государство есть *оборона и опора* независимой Церкви. А Церковь есть *духовник и ангел-хранитель* христианского государства. Обоюдная формальная независимость обеих властей; взаимное непосягание и невмешательство; и взаимная помощь: каждая власть помогает другой *по-своему*, в ту меру, в какую другая нуждается в этой помощи...

Вот древнее, исконное, русское-православное разрешение вопроса. Церковь отнюдь не была «отделена»⁹¹ от государства; напротив: пеклась о нем, помогала, учила, советовала, благословляла, ободряла, осуждала и отстаивала. И государство отнюдь не было отделено от Церкви; напротив, ограждало, поддерживало, облегчало, жертвовало, «вкладывало», советовалось и принимало благословение, освящение и благодать.

Церковь отнюдь не была ни *безгосударственна*, ни *противогосударственна*. *Царство «кесаря» стремилось по-своему служить Царству Божию; а Церковь учила, как надлежит лучше вести это служение.*

Не благословили ли епископы Владимира Святого казнить разбойников по суду? И не на Послание ли апостола Павла к Римлянам они ссылались при этом? Не вдохновил ли преп. Сергей Радонежский Дмитрия Донского к кровавому побоищу с татарами? Не помогали ли великим князьям освободить Русь от татар и собирать ее всея России чудотворцы Петр и Алексей? Не митрополит ли Макарий ввел первое царское коронование? Не митрополит ли Филипп обличал Грозного Царя до самой своей мученической смерти? Не Гермоген ли

поднял православную и патриотическую Русь на поляков и разбойников? Не митрополит ли Ростовский Кирилл строил и вел ополчение вместе с князем Пожарским? Не патриарх ли Филарет Романов устроил патриаршее ведомство для борьбы с гражданской неправдою на Руси?

Что же, православно ли мыслят те, кто требуют «отделения Церкви от государства» и настаивают на том, что все политические события и явления должны быть «безразличны» Православной Церкви? Не ересь ли пытаются они навязать нам?

Два раза изнемогала Русь в своей истории от порабощения иноземцами и иноверцами. Преподобный Сергей воззвал к ней в первый раз и вдохновил ее к освобождению. Святейший Гермоген воззвал к ней во второй раз и вдохновил ее к очищению и воссоединению.

Ныне Россия изнемогает в третий раз, порабощенная безверным и безбожным, инородным и международным скопищем. И ныне, как и встарь, она ждет, что прозвучат зовущие и вдохновляющие голоса ее святых и святителей.

Церковь не может и не должна быть партийною и мерить политическим мерилom. Но разве «третий интернационал» есть *политическая партия*? Но разве безбожное кощунство, религиозное соvrащение и нравственное растрление целого народа, великого народа и православного народа, разве дело *посягающего антихриста* не весит на священных весах Царства Божия, не взывает к церковному осуждению, не побуждает *благословить тот меч*, который некогда благословили Сергей и Гермоген?!

Господи! Возроди в Православной Церкви дух пророческий и водительный!

Господи! Спаси Россию!

ПРАВОСЛАВНЫЙ⁹²

ПАФОС ГЕРОИЗМА И ИДЕИ СОВРЕМЕННОСТИ

Среди многих легенд о неукротимом Роланде* есть одна, исполненная глубокого смысла и символического содержания. Ее фабула такова.

Однажды друзья рассказали Роланду, что где-то, неподалеку, посреди глубокого озера, на пустынном острове — возвышается мрачный, неприступный замок, а в нем живет злой, старый волшебник. Еще никому не удавалось проникнуть внутрь замка, ибо волшебник убивал своих врагов на расстоянии — чем-то невидимым: блеснет огонь, грянет гром и нападающий падает пораженным.

Не задумываясь, Роланд решил, что он должен *сразиться со злодеем и избавить от него мир*. Он находит озеро, садится в лодку и бесстрашно едет один к чуть виднеющейся с берега громаде замка, как бы поднимающейся прямо из воды. И вот, когда он был уже совсем близко и все кругом было так тихо, что казалось, будто замок необитаем и как бы умер, — вдруг блеснул огонь, что-то загремело и ударило в воду рядом с лодкой... Еще и еще раз... Но чудом невредимый, рыцарь с одним мечом в руках добрался до острова, ворвался в замок и убил волшебника: маленького, тщедушного старика. А на полу, рядом с ним, он нашел его таинственное, злое оружие... Это была какая-то странная палка, с механизмом посередине, кончавшаяся длинной железной трубкой. Роланд взял его с собой, отъехал на самое глубокое место, с презрением разломал это подлое оружие на куски и выбросил в воду.

Но, совершив свой подвиг, Роланд в первый раз в жизни почувствовал, что победа не дала ему радости. Глубокая тоска охватила его душу.

— Вот, — думал он, — я убил этого гнусного старика и уничтожил его злое дело; но я не спас этим мир от коварства и хитрости. Наступит когда-нибудь время, когда кто-нибудь другой придумает такое же оружие и когда каждый сможет его

---

* В русском переводе, вышедшем в XIX веке, он назван «неистовым» Роландом, *не истовым* (?!).

иметь. И это будет означать, что *пришла смерть рыцарству*. Ибо если каждый, самый ничтожный и робкий, прячась, не в открытом и честном бою, не осмеливаясь даже подойти к своему врагу, сможет поразить издалека самого храброго и самого сильного, — рыцарство умрет: это будет днем смерти героизма и доблести, мужества и отваги. Это будет означать, что *миром начнут править не самые прямые, благородные и доблестные, а самые коварные, расчетливые и хитрые...*

Таково содержание этого прекрасного, пророческого рассказа.

Меня не смущает наивность этой легенды. Она придает ей только особую прелесть и не мешает ощутить всю глубину ее содержания. Мне не важно сейчас: «прав» ли был храбрый и не мудрствовавший рыцарь? Прав ли он был, думая, что до него миром правила отвага и доблесть, и не ошибался ли он, боясь, что какое бы то ни было изобретение сможет хоть когда-нибудь устранить героизм, сможет потушить извечную и неугасимую человеческую потребность. Мне не это важно. Говоря «по-современному», мы сейчас, пожалуй, даже упрекнули бы Роланда в преувеличенном представлении о значении «материальных факторов». Но за всем этим в легенде остается яркое изображение столкновения двух извечно борющихся начал, двух человеческих типов и психологий; в ней остается и элемент подлинного пророчества. Ибо несомненно, что та эпоха, о которой с таким ужасом, тоской и омерзением, по рассказу легенды, думал Роланд, — *уже наступила*; в эту эпоху жили наши отцы, а мы сейчас доживаем и изживаем ее...

В чем же выразилась эта новая эпоха и что же изменилось в судьбах героизма?..

— Не в могучем ли и беспредельном росте техники? Но мы-то знаем теперь, что «с появлением ружья» — *героизм не умер*; что вообще нельзя материально умертвить того, что бессмертно... и что с новыми техническими достижениями люди лишь углубляют, разнообразят и расширяют способы проявления извечной человеческой потребности и страсти, — виды человеческого героизма...

Может быть, иные, новые условия жизни (социально-экономический фактор) породили иные нравы, иные потребности, в результате которых умер герой и родился новый «средний человек»? Да, конечно, душа каждой эпохи неотрываема от ее тела. Но мы как раз *отрицаем неизбывную зависимость человеческого духа от его тела* и от социального фактора...

Или, быть может, все сводится к тому «движению» в бесконечном «историческом пространстве», которое даже движением может быть названо лишь в смысле смены поколений и которое почему-то называют «прогрессом»? Но я думаю, что историческое «движение» совсем не есть еще тем самым движением *вперед* и что не всякое развитие есть уже *прогресс*. Мне чужд этот наивный позитивистический мистицизм, эта «религия» самодовлеющего «движения» или «прогресса».

И именно поэтому я думаю, что объективная историческая справедливость легенды заключается не в том, что «героизм умер», а в том, что он угасался и погасался теми идеями, которые господствовали в изживаемую нами эпоху. Идеи вообще имеют свою жизнь и свое движение; они не зависят в конечном счете ни от технически-материальных, ни от социальных факторов; они не зависят и от мнимо новых и мнимо «прогрессивных» условий жизни. Они изживаются и теряют свою жизненную силу.

И вот, господствовавшие идеи ныне уже уходящей эпохи — в своих умыслах и намерениях «отменяли» героизм, или в лучшем случае «устраняли» и отстраняли его за ненужность. А люди этой эпохи, те, которые эти идеи восприняли, «растленные» этими идеями, всеми силами психически отталкивались от героизма. Закоренелые и верные сторонники этих идей, пропитавшие ими свои вкусы, навыки и эмоции, не могли не *ощущать* героизм, как пережиток старого, в лучшем случае наивного и «глуповатого» времени; в худшем случае они относили некоторые проявления его прямо к эпохе господства грубой силы; это еще ничего, если они считали его только смешным («ридикюль»), чаще — варварским, низменным, не «прогрессивным», признавая и «легализуя» лишь некоторые

его формы, не понимая, что стихия его *всегда и во всем едина*; — *ибо*, конечно, Роланд и Галилей, Колумб и Гус, и все те бесчисленные «маленькие герои», творцы жизни на *всех* ее путях и во *всех* ее областях, — суть *братья по духу*. И если, в изживаемую нами эпоху, одни из них признавались, а другие отрицались, то это показывает только, что признавалась *не стихия героизма*, а лишь та (*своя*) область, в которой данный человек действовал, *хотя бы и героически*. Это показывает, что *самого героизма*, как *верного* жизненного *метода*, как нормального творческого начала, — не воспринимали, отрицали его, чурались.

Но о каких же именно идеях идет речь?

Култ большинства, поиски «среднего арифметического», неизбежное стремление все *снизить*, а иногда и *срезать* возвышающиеся над толпой головы, тяга к срединности, страсть уравниательства, «сладострастие уравниения», — таков тот еще недавно безраздельно господствовавший комплекс идей и чувствований, из-под власти которого мы только еще начинаем высвободиться*.

Култ и пафос героизма предельно эти идеи исключают. Они абсолютно с ними несоединимы и даже прямо им противоположны. Култ героизма есть култ исключительной личности; тем самым он утверждает неравенство как некую неизбытную стихию жизни, как суровый и жестокий закон самой жизни, как источник творчества и движения. *Неравенство есть предпосылка героизма*. Более того: если так обстоит в логической плоскости, то еще разительнее *психологическое* взаимоотталкивание между *культом невыделяющегося* и *пафосом выдающегося*.

Представим себе на минуту, что тот пресный «земной рай», тот «истинный прогресс», неосуществимыми идеями осуществления которого бредят «властители века сего», — когда-нибудь наступит... В этом мире, представляющем из себя комбинацию серого острога с прекраснотушно-слащавой сектантской молельней, — не оказался ли бы *герой* в по-

---

* В дальнейшем мы будем говорить только о проявлениях героизма в общественной и государственной жизни.

ложении Потока-богатыря, попавшего в анатомический театр (см. у графа А. К. Толстого)? Но и более того, — герой был бы помехой, врагом этого «рая», ибо он, даже не борясь с ним, одним своим присутствием — опрокидывал бы его. В этом раю герой, наверное, был бы объявлен «врагом народа» и «социально опасным элементом»...

Последовательное, до конца додуманное философское оправдание и приятие героизма как одного из необходимых элементов подлинной и живой жизни есть признание и *приятие неравенства*. И еще более, — это есть признание того, что *мир лежит во зле*, которое неустранимо никаким «общественным договором», или «истинным прогрессом», или «декларацией Вильсона»⁹³, во зле, борьба с которым требует непрерывного индивидуального *подвига*...

Все, чему «хозяева положения», «люди века сего» настойчиво учат доверчивые массы и низы народа, есть *призыв к умерщвлению героя*. Ибо они говорят народу, что *он сам может и должен устраивать свою судьбу*; они прививают ему вредные и усыпительные грезы «ни-в-ком-ненуждаемости», самонадеянной горделивости и всяческого «анти-водительства». Они говорят ему *неправду о мире и жизни, неправду о законах, управляющих жизнью обществ*.

«Тебе не нужны вожди, тебе не нужны герои! Ни за кем не иди! Веди и приказывай сам! Ты — хозяин, а мы твои слуги!..»

А с этим неизбежно связано и отвращение народного взора от неба...

...И сладкий горошек достанется нам!
А царство небесное мы воробьям
И ангелам Божьим уступим...

Так некогда аргументировал Бебель свою социальную утопию — стихами Гейне.

В каждом народе всегда есть элемент «детства» и святой детскости, — грубого, жестокого, наивного, но доверчивого и ищущего. И эту его тягу ввысь и вверх, все его неизбывные тяготы и бремена, и поиски того, кто бы вывел его из них,

повел и помог, — они пытаются заместить самодовольством «сладкого горошка» и культивированием его собственных слабостей и пороков.

Образно выражаясь, можно сказать, что на окна его дома, в которые народ может видеть *небо*, они вешают *зеркала*, в которые он не должен видеть ничего, кроме *самого себя*...

Героя, подвижника, личным напряжением и усилием ведущего и спасающего народ, всегда вдохновленного идеей жертвы и служения, — они всегда старались оттеснить и заслонить, или в лучшем случае «ошипать». Для себя же они придумали звание «народных слуг» и «исполнителей его воли». И как часто здесь совершается тот самый обман, который произошел в известной, поистине символической сказке Пушкина о «работнике Балде»: ибо они нередко «служат» народу так же, как Балда «пронес» лошадь... сев на нее верхом...

Средний человек, если он утверждает свою «средность» как ценную и должную, — не может не бояться и не ненавидеть героя. Для людей с бедной эстетикой и с обильной завистью — герой есть конкурент, помеха и «затмитель»: из-за него можно остаться незамеченным и забытым. Средний человек, которому его собственная бескрасочность не внушает естественного чувства скромности, а «носится» им, как некий единственно приличный современный мундир и даже, как некое идейное знамя, должен чувствовать себя в присутствии героя примерно так, как почувствовали себя два полячка после появления в «Мокром» Дмитрия Карамазова: *не у дел!*...

Нужны ли республике герои? Французская революция, умертвившая короля, королеву и королевство (правда, чтобы создать вскоре империю!), быть может, впервые за все исторически обозримое время создавая *идейно насыщенную и наполненную духом республиканизма* — республику, — та поначалу думала даже, что «республика не нуждается» и «в ученых». Это, конечно, было «некоторое» преувеличение. Но что господствующие идеи современности учат и убеждают, что республика не нуждается в *героях* — это несомненно; они могли бы свободно сказать толпе, что герой — «герой не ее романа...».

Если человек хочет узнать, с кем он имеет дело и даже познать себя, кто он сам, то самым верным способом является осознать и прочувствовать, не что он думает и говорит, а к чему его тянет, что его привлекает и притягивает к себе, что он считает красивым, *какова его «эстетика»*. И вот как раз эстетика подлинного героизма прямо противоположна эстетике «героя современности». К чему копья и шлемы, когда есть векселя и биржа? К чему Наполеон и Великая Армия, когда есть Вильсоны, 11 пунктов⁹⁴ и Лига Наций?!

Так называемая «передовая демократия Европы» ведет сейчас последовательную и упорную борьбу с «военной психологией». Но в чем существо этой борьбы? Есть ли это только борьба за мирный труд, борьба против страшного и кровавого времени, против нового возможного кровопролития, материального разорения, социальных взрывов и культурного оскудения. Если бы мы вообразили, что этот разумный и законный мотив является единственным, — мы бы глубоко ошиблись. Может быть, в гораздо большей степени это есть попытка со стороны довоенных людей произвести некую *духовную и идейную реставрацию*; ибо это есть борьба против всего того, что рождено во время войны и благодаря ей; это есть борьба светской и обесцерковленной Франции с тою Францией, которая пошла во время войны в храмы, фигурально выражаясь, это есть борьба «Комбов»⁹⁵ с «Фошами»⁹⁶. И если современная Франция по-прежнему празднует, как *национальный* (!) праздник, 14 июля, то война, быть может, уже возродила и оживила подлинно-национальный образ Жанны д'Арк, — образ не разделения, а единства, образ *национального освобождения*, а не образ взятия пустой Бастилии...

Я мог бы выразить это по-русски именами Златовратского⁹⁷ и Гумилева⁹⁸, — не давая какого-либо догматического изложения сущности героизма. Ибо «смазать» противоположность этих человеческих образов невозможно: между ними надо выбирать. Кто теперь читает Златовратского и не знает Гумилева? Но этот вопрос неизбежно вызывает другой, общий: всегда ли живой ткани народной духовной жизни со-

ответствуют те идеи, которые почитаются данной эпохой и входят в ее канон?.. — Можно ответить: почти никогда! Ибо жизнь движется быстрее; идеи консервативнее, чем действительность. Тот, в сущности, довоенный, «антигероический» канон, по-видимому, все еще является официальной «религией»; и в то же время довоенным жрецам уже приходится реставрировать его с огромными усилиями. Он уже не соответствует духу новой современности, он высвобождается из-под него, подобно тому, как живая ткань тела заставляет медленно отсыхать покрывающий ее струп. Ибо дух современности, имея опыт великой войны, не приемлет довоенного «канона», он уже напитан иным пафосом.

Война — это не только бич человечества, наряду с голодом, мором и землетрясением; но это есть то время, когда меркнут «Блоки» и расцветают «Гумилевы»; когда господином положения становится не Парис, а Гектор... Это не только господство грубой силы и злобы, время, когда замолкает поэт и ученый, артист и художник; но это также и время, когда рождается *доблесть и мужество, отвага и честь, любовь и самоотверженность*; — время появления новых людей с новой психологией, тех, кто привык быть хозяином своей жизни и смерти, — «Для кого не страшны ураганы./ Кто изведаль мальстремы и мель...» — время, когда *рождаются герои*.

Я хотел бы быть до конца понятым. Все здесь высказанное не есть только личное измышление. Я готов утверждать, что так же думают и чувствуют многие и многие, даже безотносительно к странам и национальностям, особенно люди известного поколения: и мои сверстники, и люди моложе меня. В этом смысле все изложенное есть как бы и некое свидетельское показание. Иллюстрируя это русскими примерами и образами, можно сказать, что люди этого поколения, искренно отдавая должное образу честного и либерального председателя земской управы, весь пафос которого исчерпывался «аптечками и библиотечками», впервые *нашли, поняли и до конца возлюбили образ рядового Архипа Осипова*, во всей его патристической красоте и простоте...

Когда волей истории они, молодыми студентами, или даже юными мальчиками, вошли в казарму, через которую (хвала Богу!) почти все они прошли, — они с удивлением увидали на ее стенах ряд (пусть и лубочных!) картин героического и патриотического содержания. Это было для большинства из них ново... И они прежде всего не могли не задуматься над тем, почему в кабинете их отца висел портрет какого-то господина с бородой, росшей откуда-то из шеи, и почему там не было ни одного из тех, которые висели в казарме, которые говорили о чем-то новом и *совсем другом*...

В своем подавляющем большинстве люди этих поколений дошли до своего мировоззрения и до своей «эстетики», увы, без помощи предыдущего поколения, дошли самостоятельно, сами; они — *самоучки*. В этом, может быть, и их слабость; но отсюда, как всегда это бывает, и твердость их убеждения.

Все мною сказанное здесь по своим целям не есть скрытая «филиппика» против ортодоксальных идей демократии или завуалированное опорочение республики как *формы правления* — во что бы то ни стало... Но *дух*, «религия» демократизма и республиканизма — мне действительно глубоко чужды; и притом именно потому, что я воспринимаю этот дух, как *отвращающий взор человека от Бога на небе и от героя на земле*. Я знаю, однако, что среди республиканцев и демократов есть люди, не считающие это ни для себя, ни вообще обязательным. Тем лучше... Моя борьба «не против плоти и крови». Я не сектант. Я сам измеряю те или иные формы только их большей или меньшей способностью вмещать в себя — *дух героизма*, социально облагораживающего и заразительно возвышающего, *дух национального горения, безраздельный пафос Родины, пафос долга и жертвы, водительства и служения*. Люди, единожды ощутившие их и возлюбившие, — до конца дней своих им обречены.

При решении вопроса о форме правления, конечно, огромную роль играют традиции и то или иное отношение к своему историческому прошлому. Но мне думается, что для России вопрос стоит глубже. В тот момент, когда с нее спадет,

вернее, будет снята интернациональная кора, — это есть *первая и ничем не заменимая задача*, — встанет вопрос не о форме правления, а о том, чтобы эта форма была наполнена и напое-на творческим и творчески-патриотическим содержанием.

Волевая личность, годная и лично-ответственная, способная увлекать и вести, водить и служить, подчинять и жертвовать, все требовать, но и все отдавать — должна быть восстановлена в своих правах. Россия и не освободится и не возродится без героев! Герои нужны ей и для освобождения и для восстановления!

Героизм должен быть введен в государство как некое творческое и животворное начало.

Н.А. ЦУРИКОВ⁹⁹

ЖИВОЙ ОПЫТ КОММУНИЗМА

(К десятилетию русской революции)

Прошло десять лет с тех пор, как коммунисты начали свой хозяйственный опыт в России. И теперь мы можем подвести трезвые и беспощадные итоги их затее. Впервые в истории человечества был осуществлен такой опыт — с таким зарядом решимости, в таком размере, с таким использованием *всех* средств, с участием знающих и опытных специалистов.

Что дал этот опыт? Чему должны были научиться в нем все русские люди? Какие уроки несет он всему человечеству?

«Старый мир» в России разрушен. Но не восторжествовали ли в этом разрушении, не реабилитированы ли его экономические основы: *частная собственность и свобода хозяйствования*? Удалось ли и может ли удасться создание «нового мира» на противоположных основах? Постиг ли русский народ, пользуясь этим дорогим, но верным способом «наглядного обучения», что есть такие основы хозяйства и права, которые безнаказанно нарушать нельзя? Явится ли это просветленное опытом народное сознание источником будущего хозяйственного возрождения России?

Говоря о том, что пытались создать и чего не создали большевики за эти годы в России, необходимо всегда тщательно различать в каждом отдельном случае, что создано *ими* и что создано или восстановлено *помимо них* и даже *вопреки* им.

Хозяйственная жизнь великого народа не могла остановиться совершенно — как бы ни насилывала ее коммунистическая власть. Нужно было как-нибудь жить, нужно было удовлетворять насущные потребности. Относительно быстрое восстановление сельскохозяйственного производства (в натуральных формах) является в этом отношении особенно показательным. Ясно, что если со времени «нэпа» крестьяне значительно увеличили свои посевы и оправились хозяйственно (по сравнению с голодными годами «военного коммунизма»), то произошло это не только *помимо* власти, но и *вопреки* ей, ибо она не снабжала крестьян, в достаточном количестве, ни земледельческими орудиями, ни другими средствами производства, ни просто товарами; а если и снабжала, то по чудовищным ценам и плохого, часто негодного качества.

До «нэпа», т. е. до 1921 года, большевики думали осуществить в России коммунистический строй *в полном объеме*. Программа их была такова: «продразверстка», т. е. принудительное и безвозмездное отчуждение у крестьян *всех* продовольственных «излишков»; распределение всех продуктов в городах по карточкам; управление фабриками и заводами при посредстве коллегиальных рабочих органов; безвозмездность государственных и коммунальных услуг (даровой проезд по железным дорогам, даровое пользование почтой, электричеством и т. п.); и все это увенчанное отменой всех налогов и денег! И эту программу большевики осуществляли четыре года на русском опытном поле с настойчивостью и последовательностью маньяков.

Когда этот опыт последовательного осуществления коммунистического (социалистического тож) учения привел к вымиранию миллионов людей от голода в деревне и в городе, к небывалому в истории параличу всей промышленности (в некоторых отраслях ее производство упало до 3—5% дорево-

люционного уровня) и всей хозяйственной жизни страны, — тогда большевики не только пошли на «уступки» (нэп!), но и поспешили заявить, что все, что они до сих пор делали, было лишь «военным коммунизмом», что они «вынуждены» были к этим мерам, к этой политике тем, что на всех фронтах шла гражданская война.

В действительности это был вовсе не «военный», а *самый настоящий, последовательный коммунизм*, от которого большевики вынуждены были отречься, ибо не только всей стране грозила гибель, но в общей катастрофе и они были бы сметены изнутри. Пришлось уступать. «Требование свободы торговли вооружило форты Кронштадта», — писала недавно «Экономическая жизнь».

Во всяком случае, важно раз навсегда твердо установить и запомнить, что в 1921—1922 гг. *потерпел крушение не какой-нибудь «военный», а самый настоящий, последовательный коммунизм*.

После этого поражения большевики отступили на свои «командные высоты». Они волей-неволей отказались от мысли насадить коммунизм к 120-миллионной крестьянской массе, но они удержали за собой те экономические позиции, опираясь на которые они рассчитывали построить грандиозную *систему экономической эксплуатации этой крестьянской массы*. Они оставили за собой те *экономические* позиции, без которых они *не могли бы удержать своей политической власти*. Ибо большевицкая власть держится в России десять лет не только террором, но также и тем, что она в исторически невиданных размерах *сумела использовать средства экономического принуждения как орудие политического господства*.

Опираясь на эти тыловые позиции, советская власть стала осуществлять «*куцый*» социализм, поставив себе главными конкретными задачами: 1) подчинение всей хозяйственной жизни страны единому плану; 2) создание нового капитала в порядке «социалистического» накопления; и 3) осуществление на основе этого нового капитала — «индустриализации» страны в американском масштабе.

Все это должно закрепить за коммунистами «русский плацдарм» для подготовки мировой революции.

Итак, первая задача состояла в том, чтобы, опираясь на экономические командные высоты (национализированную крупную и среднюю промышленность, монополию внешней торговли, государственный торговый аппарат и монополию кредита и транспорта) — управлять *всей* хозяйственной жизнью страны согласно *единому*, вырабатываемому в центре *плану* и тем подчинить «анархическую» хозяйственную стихию 150-миллионного народа *единой воле* политической и хозяйственной диктатуры.

Для осуществления этой цели московские советские учреждения, с затратой невероятного количества сил, времени и бумаги, вырабатывают ежегодно народнохозяйственный план, называемый «Контрольные цифры народного хозяйства» на такой-то год; кроме того, недавно закончен разработкой (и уже признан самими большевиками совершенно неудовлетворительным!) пятилетний план, так называемая «пятилетка»; наряду с этим идет разработка такого же плана — уже на... пятнадцать лет...

Впервые детальные «контрольные цифры» были разработаны на 1925/1926 год и опубликование их было торжественно отпраздновано как одно из самых крупных «достижений» последних лет в области социалистического строительства.

«Контрольные цифры» должны были явиться не только «прогнозом», но и «директивой». В развитие их составлялись уже операционные планы по отдельным отраслям хозяйства.

Первые «контрольные цифры» стремились «объять необъятное». Так, они устанавливали общий уровень товарных цен на каждый месяц наступающего года. Устанавливался на год вперед не только точный размер будущего экспорта, но и размеры денежной эмиссии, кредитных операций и т. п.

Но первый же год этого торжества планового хозяйства был и годом первого *планового провала*. Советские планы потерпели жестокое крушение не только потому, что это было покушением с негодными средствами, что планы были со-

ставлены *плохо*, но и потому, что хозяйственная жизнь сама по себе такой *рационализации* не поддается. Там, где дело касалось производственных планов *казенной промышленности*, приближение планов к действительности было наибольшим. Здесь вопрос шел лишь об установлении производственной способности фабрик и заводов при данных условиях; о *сбыте* при наличности товарного голода беспокоиться пока не приходилось. Но зато наибольшие расхождения планов с действительностью получались там, где дело шло о планировании таких «стихийных» элементов хозяйства, которые по существу своему вообще планированию не поддаются. В России такова была, конечно, прежде всего, вся область *крестьянского* (теперь фактически совпадающего с сельским) хозяйства. Какие тяжелые разочарования пришлось испытать большевикам в этой области, это они не раз высказывали сами в минуту отчаяния.

Столь же сильные «просчеты» оказались в области внешней торговли, в выпуске денег и в сфере кредита. Это заставило составителей «контрольных цифр» в следующем 1926/1927 году проявить значительно большую умеренность и скромность. Теперь они уже не предсказывают и не предписывают движения цен по месяцам и вообще снабжают свою экономическую астрологию целым рядом оговорок.

Но и в более узкой области своего собственного, казенного, советского хозяйства большевики не могут добиться осуществления и проведения своих планов. Почти каждый день приходится читать о том, что советские планы запаздывают и нередко случаи, когда они утверждаются по окончании отчетного года, при этом они бесконечно переделываются и перекраиваются, и это вносит огромную путаницу и анархию в производство.

Таким образом, в этом основном своем программном требовании — планового хозяйства, *подчинения стихии хозяйственной жизни планам экономической диктатуры*, большевики потерпели самое серьезное поражение. «Жизнь идет мимо нас», — сказал в своей предсмертной речи Дзержинский.

Как неоднократно признавались в этом сами большевики, все советское хозяйство, вся их экономическая система была построена на «проживании», «проедании», «растрате» — таковы их подлинные выражения — полученных в наследство от буржуазного строя, от дореволюционной России капиталов — будь то капитал денежный, или вещный (машины, железнодорожный подвижной состав, дома и т. п.), или «живой» капитал, заключающийся в накопленных десятилетиями знаниях и опыте инженеров, рабочих и т. д.

Еще «контрольные цифры» на 1925/1926 год ставили задачу: «прекратить растрату основного капитала во всех тех отраслях хозяйства, где этот процесс еще имеет место».

Что эта цель и сейчас — в 1927 году — не достигнута, об этом свидетельствует хотя бы передовая «Экономической жизни» от 17 августа 1927 года: «Можно считать установленным, что в течение последних лет транспорт *хронически проедал свой основной капитал*».

Но когда после всех произведенных разрушений большевикам пришлось в интересах самосохранения и удержания власти подумать о *восстановлении разрушенного*, перед ними встал роковой вопрос о необходимости *громадных капиталов*, исчисляемых *миллиардами золотых рублей*.

Откуда же взять капитал в стране, где не только «растрачен» и «проеден» старый капитал, но где старательно уничтожены самые *побуждения* и отсутствуют *правовые предпосылки* — для накопления *нового* капитала?

Действительно, единственная область, где происходит реальное накопление капитала в советской России, это — сфера крестьянского хозяйства. Но здесь это накопление происходит почти исключительно в формах натуральных (увеличение количества скота, новые постройки и т. п.), а поскольку происходит некоторое накопление и в денежной форме, крестьяне всего менее склонны доверять свои сбережения советской власти. Об этом свидетельствует статистика советских сберегательных касс.

Другой теоретически возможный источник капитала — это сама казенная промышленность. Это то «социалистичес-

кое накопление» — о котором так много говорят большевики. Но здесь, как известно, за немногими исключениями, происходит не накопление новых, а растрата старых капиталов.

При таких условиях большевикам ничего не оставалось, как искать *суррогатов накопления капитала*.

Сначала — в 1925/1926 году — они рассчитывали получить большие суммы, необходимые в этом году для восстановления разрушенной промышленности, одним смелым ударом, одной удачной спекуляцией: скупить задешево крестьянский хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, использовать свое монопольное положение на рынке, и продать этот хлеб с прибылью за границей.

Но тут-то на первых порах оказалось, что «регульнуть» мужика не так просто. Крестьяне хлеб продавали неохотно: и чтобы побудить их усилить продажу, советским закупочным органам пришлось сильно поднять цены. В результате, вместо *спекулятивного «заработка»* в несколько сот миллионов рублей, пришлось *приплачивать* по убыточному хлебному экспорту.

Тогда обратились к другому источнику — выпуску денег. По тем же «контрольным цифрам» на 1925/1926 год выпуск новых денежных знаков должен был достигнуть за год 830 млн. рублей и дать, таким образом, новые значительные средства на восстановление разрушенной промышленности. Но уже в первые месяцы, когда новая эмиссия едва достигла 200 млн. рублей, обнаружились явные признаки новой инфляции (т. е. чрезмерности выпуска), со всеми ее опасными для советского хозяйства последствиями. Большевикам пришлось быстро затормозить дальнейший выпуск. Таким образом, и этот суррогат реального накопления капитала не оправдал возлагаемых на него надежд.

Тогда обратились к третьему, наиболее реальному и действительному *суррогату* свободного накопления капитала. Все виды *налогов* — в первую очередь единый сельскохозяйственный налог и все косвенные налоги были резко повышены; и отныне почти вся тяжесть финансирования нового промыш-

ленного строительства была перенесена на *государственный бюджет*.

По признанию Рыкова и других большевицких главарей, и этот источник использован *почти до предела возможного*; между тем изношенность старого оборудования фабрик и заводов достигла таких размеров, что и средств, добываемых в порядке усиленного обложения населения, в первую очередь крестьянства, — не хватает.

Таким образом, попытка замены свободного *творчества* и свободного *сбережения*, творческого образования капиталов, которое во всех странах дает средства для восстановления и расширения промышленности, замены их *социалистическими и спекулятивными суррогатами* — потерпела полную неудачу. Этот вопрос и не может быть разрешен до тех пор, пока не будут восстановлены в России хозяйственные и правовые предпосылки накопления капиталов и вообще сбережения: *производительное частное*, а не паразитическое казенно-социалистическое *хозяйство*, и основанный на *частной собственности* прочный *гражданский правовой порядок*.

Но далее можно было бы привести сотни свидетельств самих советских хозяйственников, что советская власть и при расходовании собранных денег оказывается *расточителем* и *скверным хозяином*.

Все эти свидетельства и сейчас покрываются той характеристикой советского хозяйствования, которая более года тому назад была дана Рыковым в бюджетной речи, произнесенной в союзном ЦИКе:

«Капиталист, начинавший лишь свою капиталистическую карьеру, сначала пешком ходил несколько лет, отказывая себе иногда в самом необходимом, а потом уже покупал себе автомобиль, а у нас часто начинают с автомобиля» («Экономическая жизнь» 15 апреля 1926 г.).

За последние два месяца опубликованы результаты целого ряда обследований «капитального строительства», произведенных, главным образом, Рабоче-Крестьянской Инспекцией.

Выводы их — с небольшими отклонениями и вариациями — сводятся к тому, что строительство ведется *нерационально и дорого* и что поэтому затраченные суммы не дают того экономического эффекта, который они должны были бы дать в нормальных условиях. И здесь Высший Совет Народного Хозяйства, представляя Совету Труда и Обороны очередной доклад по этому вопросу, счел нужным избрать для него в виде эпиграфа слова того же Рыкова, сказанные им почти год тому назад: «Мы строили *не то, что надо, не там, где надо, и не так, как надо*» («Торгово-промышленная газета», 27 июля 1927 г.).

Большевики одинаково не умеют ни создавать новое, ни использовать имеющееся. Безошибочный критерий в данном случае — высокая себестоимость изделий советской промышленности. При этом все категорические приказания и директивы, исходящие из центра, о снижении себестоимости оказываются бессильными и недействительными.

Не скрывают большевики и причин этой высокой себестоимости: «Высокий индекс вздорожания сам по себе обусловливается *скверной работой предприятий*», — читаем мы в передовой «Экономической жизни» от 14 августа с. г. А более глубокая причина этой «скверной работы» советской промышленности заключается, во-первых, в ее *монопольном* положении, при котором исключается важнейший стимул к удешевлению и улучшению производства; и, во-вторых, в замене живительной *частной инициативы и личной ответственности* предпринимателя инертностью, безличием и безответственностью громадной бюрократической машины.

Таким образом, ни одна из поставленных большевиками задач, в порядке осуществления «куцега» социализма, не была осуществлена. Хозяйственная «стихия» отказывается подчиняться советским планам. В казенной промышленности осуществлению их мешает *бесхозяйственность собственного аппарата*. Проблема замены свободного образования капиталов социалистическими суррогатами оказалась еще менее разрешимой. «Индустриализация» сводится, по утверждению

самых большевиков, к *бесхозяйственному распылению средств*, не дающему надлежащего экономического эффекта.

И только в одном отношении — но совсем не «социалистическом»! — большевики имели успех: им, в общем, удалось создать аппарат «перекачки» средств из крестьянского хозяйства в свое, советское хозяйство в размерах, *обеспечивающих непосредственные потребности самой власти*. Достигнуто это было, главным образом, восстановлением *старой* финансовой системы.

Можно было бы привести множество эпизодов из советской печати, подтверждающих, что *живой опыт* коммунистического хозяйничанья или, вернее, советской бесхозяйственности изжит и продуман в России до конца. Иллюзии, если они и были внушены коммунистической пропагандой русским рабочим и крестьянам в первые годы советского господства, выветрились. Истинная сущность советской экономики как системы *небывалой экономической эксплуатации*, ведущейся в интересах *коммунистической партии* и ее *заправил*, выявилась во всей своей наготе.

Но этот опыт, за который заплачено страшной ценой разрушения всего народного хозяйства России, не только отрицательный. Доказательством «от обратного» он выявил и положительную ценность тех основ, на которых будет строиться Новая Россия — и имя которым *частная собственность и свобода хозяйствования*.

В горниле коммунизма народное сознание созрело в ожидании того часа, когда вместе с уничтожением политической власти коммунизма «советское хозяйство» завершит предначертанный ему круг.

В.Ф. ГЕФДИНГ¹⁰⁰

Часть II

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ РОССИИ

Мужайся, стой, крепись и одолей!

Ф.И. Тютчев

Наша патриотическая скорбь о революционном крушении России не должна оставаться простым, томительным и бесплодным чувством: она должна быть претворена — сначала в историческое *разумение* путей и судеб нашей родины, потом в систему *волевых решений и действий*. Россия ждет от нас не уныния, а духовной зоркости; не утомленной растерянности, а волевой идеи; не обывательских слез, а гражданственных поступков. И главное: непоколебимой веры в духовные силы и в грядущее величие русского народа.

Революционное крушение настигло Россию не просто потому, что кто-то из современников «не справился» и «наделал ошибок»; и не только потому, что русская интеллигенция шла сама и вела народ по неверным путям; — но прежде всего потому, что *бремя, исторически возложенное на русский народ, было чрезвычайно велико*. Оно было гораздо более тяжким, чем бремя западноевропейских народов; а сроки, необходимые для того, чтобы управиться с этим бременем, были исторически урезаны и сокращены. На протяжении своей истории русский народ жил в более тяжелых условиях, чем западные народы; его задачи были более велики, сложны и трудны; он сформировался и выступил позднее других народов; его развитие было прервано и задержано близостью к Азии; он с самого начала «опаздывал» и должен был все время «догонять»; и потому его хозяйство, его гражданская цивилизация и его умственная и волевая культура были менее укоренены, менее интенсивны, менее организованы. Народ, духовно одаренный, самобытный и глубокий, *не успел еще* проработать земную кору своего существования, овладеть своей материальной и душевной природой и развернуть свои силы. В этом и состоит основная задача нашего будущего.

Нижеследующие соображения, подкрепленные статистическими данными (в круглых цифрах), должны быть продуманы до конца каждым русским патриотом.

1. Во время великого переселения народов (100 г. до Р. Х. — 1000 г. после Р. Х.) славянские племена пришли в Европу позднее других (в частности, германских) племен, и на долю им достались восточноевропейские земли, гораздо менее благоприятствующие расцвету хозяйственной и государственной культуры.

а) *Климат* Западной Европы — уравновешенный, морской и теплый (влияние Гольфстрима); страна открыта для западных и юго-западных, теплых и влажных ветров; среднее годовое количество осадков от 60 до 150 см; зима короче и теплее, лето длиннее и менее жгуче; обилие гор и непересыхающих рек; в общем — природа поощряет культуру, не затрудняя человека.

Климат России — неуравновешенный, континентальный и суровый; влияние Гольфстрима слабо; западные ветры теряют свою влажность; появляются сухие ветры — северные, северо-восточные, восточные; среднее годовое количество осадков от 30 до 60 см, а к востоку ниже 30, чем далее на восток и северо-восток, тем сильнее колебания температуры; зима длиннее и холоднее, лето короче и суше; горы маячат только по краям; равнина не защищена ни от северных ветров, ни от дыхания средне-азиатских пустынь; в общем — природа затрудняет человека и недостаточно благоприятствует развитию культуры.

б) Россия, как страна, есть *огромный массив суши*. Природа лишила ее всех даров *открытого моря*. Правда, на 70 000 км ее государственных границ приходилось 46 000 км морской границы. Однако более половины этой морской линии выходит в Северный океан; Балтийское море и Тихий океан не дают ей незамерзающих портов; а прямых выходов не открывает ей ни Черное, ни Балтийское море. В торговом отношении страна задыхается без моря. Соотношение же береговой линии и размеров территории таково: в Греции — 1:3, в Европе — 1:37, в России — 1:101. Выход к морю есть величайшее и трудней-

шее национальное задание России. Из всех европейских государств в сравнительно менее благоприятном положении находились разве только Австро-Венгрия и Швейцария.

с) Роковое значение для России имеет *незащищенность ее границ*. Ее равнина открыта для нападений с северо-запада, с запада, с юго-запада, с юга и с юго-востока. Все великое переселение народов шло через ее просторы; и именно на нее обрушилась последняя, *татарская* волна из Азии. Возникая и слагаясь, Россия не могла опереться ни на какие естественные рубежи; она имела только два исхода: *или завоевывать всю равнину* и оружием защищать и замирать свои окраины, *или гибнуть* под ударами восточных кочевников и западных завоевателей. Вот почему наша история есть история непрерывного военного напряжения, история самообороны и осады; от Дмитрия Донского до смерти Петра Великого Россия провоевала 5/6 своей жизни; издревле русский пахарь погибал без меча, а русский воин кормился косою и сохою. Так возник в России и сословно-крепостной строй — из необходимости *все учесть и все использовать* для обороны страны. История русского народа есть история его *самоотверженного служения*; и забота наших предков была всегда не о том, как *лучше* устроиться или как *легче* прожить, а о том, как вообще прожить, продержаться хоть как-нибудь, справиться с очередной опасностью.

Итак, история возложила на нас борьбу с суровым климатом и природой, и борьбу за открытое море; она затруднила нам борьбу с соседями за наше место под солнцем и борьбу с пространством за естественные рубежи. Этим предопределяется, но далеко не исчерпывается то историческое бремя России, которое от времени до времени (в среднем раз в сто лет) вызывает колебание и смуту в русской душе.

2. Необходимо признать, что хозяйственная, государственная и культурная организация народной жизни тем труднее, чем *больше территория страны* и чем многочисленнее ее население (конечно, при прочих равных условиях): большое государство должно прежде всего подчинить себе *пространство*, эту разбрасывающую, разъединяющую и выводящую

из подчинения силу; и затем вовлечь в свою жизнь, — взимая и давая, служа и заставляя служить, обороняя и воспитывая, — несметное множество человеческих душ. Чем обширнее территория и население страны, — тем более укорененным должно быть правосознание, тем более сильной должна быть патриотическая спайка народа, тем более авторитетною и крепкою должна быть волевая сила центральной власти. Малое государство несравненно легче строить, чем большое.

До войны 1914 года Россия занимала свыше 22 млн. кв. км в одном куске без колоний. Метрополии других, важнейших европейских государств составляли: Германия — 540 тыс. кв. км; Франция — 536 тыс. кв. км; Австро-Венгрия — 300 тыс. кв. км; Италия — 286 тыс. кв. км; Великобритания (с Шотландией и Ирландией) — 230 тыс. кв. км; Швейцария — 41 тыс. и Бельгия — 29 тыс. кв. км.

До войны 1914 года население России составляло около 173 млн. людей. Население Германии приближалось к 65 млн.; Франции — к 40 млн.; Австро-Венгрии — к 50 млн.; Италии — к 35 млн.; Великобритании (с Ирландией) — к 43 млн.; Швейцарии — к 3 ½ млн.; Бельгии — к 7 ½ млн.

По массиву своей территории Россия превосходила все государства всего света, и бремя ее было наибольшим. По массиву населения она уступала только Британской Индии (320 млн. людей на 4,8 млн. кв. км) и Китаю (около 420 млн. людей на 8 ½ млн. кв. км).

3. Необходимо признать, что *недостаточная плотность* населения в высокой степени затрудняет дело хозяйственной и государственной организации жизни. Она ведет к тому, что разъединяющая сила пространства ослабляет центростремительную силу национального тяготения; государственная спайка не приобретает настоящей прочности; интенсивное хозяйство не слагается; торговый оборот является вялым; культура проникает медленно и быстро выветривается (срв. Германию в начале XIX века).

Данные о плотности населения приведены в первой книжке «Русского Колокола». Достаточно сказать, что Европейская

Россия с ее 25 жителями на 1 кв. км занимала в Европе 20-е место; меньшей плотностью обладали в Европе только Швеция (12 чел. на 1 кв. км), Норвегия (7), Андорра (11) и малообитаемые острова. Наибольшую плотность в Европе имели Бельгия (253), Голландия (176), Великобритания (145) и Германия (120).

4. Далее, надо иметь в виду, что государственное и культурное строительство бывает тем труднее, чем разнообразнее и пестрее *национальный состав* государства; и, наоборот, — тем легче, чем более расовой единственности и племенного единения в народе.

Нация определяется: расой и племенем (кровь); родным языком; религиозным укладом души; историческим самосознанием, вынесенным из прошлого; и вырастающей из всего этого духовной культурой.

В смысле *племени* Европа знает страны с совершенно однородным населением германского племени — Швеция, Норвегия, Дания, Голландия. Сравнительно однородны также романские государства — Франция, Италия, Испания, Португалия. В Англии 89% составляют англосаксы и 11% кельты. В довоенной Германии имелось 92% германцев, 6% поляков и 2% датчан, французов и евреев. В Австро-Венгрии насчитывалось 46% славян, 25% германцев, 18% венгров, 7% румын и 2% итальянцев. Ни одна страна не имела той расовой и племенной пестроты, какую имела Россия (см. первую книжку «Русского Колокола»). В настоящее время Академия наук насчитывает до 165 народностей, живущих в России.

Так же обстоит дело и с родным *языком*. В довоенной Европе наибольшей пестротой языка отличались Австро-Венгрия; Швейцария, в которой 70% считали родным немецкий язык, 22% — французский и 7% — итальянский; и Бельгия, где 41% населения говорит на фламандском языке, 37% — на французском и 12% — на обоих языках.

В деле *религии* государства Западной Европы почти свободны от нехристианского элемента: так, Болгария насчитывала турок и евреев 1,5%; Германия насчитывала евреев и «вне-исповедных» 0,8%; Франция — 0,15%. В России же на-

считывалось почти 16% нехристиан: 4,2% евреев; 11,1% магометан; 0,3% буддистов и ламаистов; и 0,2% иных.

Ясно, что во всех этих отношениях историческое бремя России было *наибольшим*.

5. Установим, наконец, что в каждом государстве национальная, хозяйственная, правовая и умственная культура должна была и могла проникнуть тем глубже в народную толщу, чем *более времени прошло с последнего переселения народов*. И обратно: чем короче срок, протекший после вторжения пришельцев, тем труднее и неблагоприятнее положение всей национальной культуры.

Уже к концу *VIII* века в Западную Европу вторглась вся основная масса переселявшихся народов (готов, гуннов, бургунов, аллеманов, франков, вандалов, лангобардов, баваров, аваров и славян); это были не кочевники, а оседлые народы, искавшие себе места и оседлости и добивавшиеся у римлян именно прочного поселения. Два, три века продолжалась еще борьба с ними; племена рассаживались, утрясались, принимали христианство, ассимилировались и замирялись (эпоха Карла Великого, конец *VIII* и начало *IX* века). В *IX* и *X* веках Европа боролась еще с *норманнскими* вторжениями. В конце *X* века Испания пережила нашествие *мавров*. В *XI* веке норманны завоевали Англию. И тем не менее в общем процесс нового национального формирования, необходимого для культурного строительства, ведет в Европе свое начало от *IX* века. При этом великое переселение народов не сломило, а *породило* и *оплодотворило* этот процесс: новые нации и новые культуры родились из него и *благодаря* ему. Совсем иначе обстояло в России.

За *IX*, *X*, *XI* и *XII* века восточное славянство успело расселиться, утрястись, противостать кочевникам, принять христианство, заложить основы государственного быта и правопорядка и приступить к созиданию той дивной и самобытной культуры (религиозный быт, школа, дружина, песня, былина, живопись, архитектура, летопись, право), следы которой уцелели доныне и доныне волнуют душу своюю духовною — хрис-

тианскою и общечеловеческою значительностью. Вторжение татар началось в XIII веке, с 1237 года; это были не оседлые племена, а кочевники; они грабили, разрушали и жгли; они пришли на готовую завязь культуры и *на три четверти смыли ее*; они облагали данью и уходили, с тем чтобы прийти опять и закрепить огнем и кровью свое иго. Татарское иго длилось формально 250 лет. Куликовская битва (1380) не покончила с ним; за нею последовал еще век погромов: 1381 (Тохтамыш), 1395 (Тамерлан), 1408 (Едигей), 1430 (Махмет), 1445 (Махмет), 1451 (Мазовша) и т. д. Иоанн III сверг иго, но не избавил Русь от татар. Последний раз Москва была сожжена при Иоанне Грозном в 1571 году крымским ханом Девлет-Гиреем и обложена Казы-Гиреем в 1591 году.

Здоровый рост и развитие России были прерваны и искажены татарским игом и задержаны им не менее чем на 300 лет. Героический отпор, которым мы встретили татар, *не избавил от ига Россию, но спас от вторжения Западную Европу*: ее спокойный рост был огражден и обеспечен несчастьем и страданиями русского народа. С тех пор вся история России состояла в том, что она *отстаивала* свою самобытность от вторжения обогнавших нас западных народов и *догоняла* их в деле цивилизации и культуры. Все великие русские люди понимали, что если мы не «догоним» Запад, то *мы будем им завоеваны и порабощены*. И события последних лет были столь тягостны для России именно потому, что в данные нам исторические сроки догнать западную цивилизацию нам еще не удалось.

Правда, России удалось достигнуть очень многого в эти урезанные сроки. Так, крепостное право, отмененное в Германии всего лишь в 1809—1832 гг. на условиях весьма невыгодных для крестьян, было отменено в России через 50 лет (1861) на условиях несравненно более благоприятных («Русский Колокол» даст об этом особую справку). Так, Италия создала свой первый университет в XI веке, т. е. через два или три века после переселения народов; а Германия — в XIV веке, т. е. почти через шесть веков после побед Карла Великого. Россия же основывает свой первый университет всего через 275 лет

после того, как Иоанн III растоптал регалии татарского хана. Так, первая железная дорога в России (между С.-Петербургом и Царским Селом) была построена в 1838 году, всего через 13 лет после открытия первой железной дороги в Англии; а к 1914 году общее протяжение железнодорожной сети в Германии и в России было приблизительно одинаково. Однако размеры России требовали, чтобы это протяжение было не «одинаково», а в 12 раз больше, чем в Германии.

Все эти достижения России* при всем их размере, при всей даровитости русского народа и при всех его напряжениях, — обнаруживали всегда ее *сравнительную отсталость*, в которой никто не «виноват», но которая определяется всецело *данным нам историческим бременем*.

Для того чтобы справиться с этим бременем, России нужно время, воздержание от войн и внутренний расцвет на основах религии, просвещения, правопорядка и свободной собственности.

РЕДАКЦИЯ

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЦИФРАХ

Трудно сейчас найти страну, в которой бы не находилось «в рассеянии сущих» или «неукротимых», как назвала русских беженцев в своей великолепной книге наблюдавшая их в Константинополе писательница-англичанка. Об их повсеместном распространении показательно говорит хотя бы то, что международное соглашение относительно предоставления русским эмигрантам особого удостоверения для проживания за границей принято сейчас 49 государствами из общего числа немногим свыше 50 в обоих полушариях. И все-таки даже столь невиданного количества подписей под международной конвенцией оказалось недостаточно. На днях об этом напомнил один из «неукротимых», удачно устроившийся в далеком

---

* К их статистической характеристике «Русский Колокол» будет постоянно возвращаться.

Гондурасе, возбудив ходатайство о выдаче ему беженского паспорта. На его беду оказалось, что у Гондураса до сих пор не было оснований интересоваться упомянутой конвенцией. Все почти остальные цивилизованные страны, очевидно, уже имели дело с такими ходатайствами, иначе им было бы ни к чему вводить у себя беженские удостоверения.

На вопрос об общей численности русского рассеяния точного ответа дать нельзя. Нет такой статистики, которая бы позволяла произвести *точный* их учет. И не может ее быть, пока не существует единого формально однообразного признака беженства (беженские удостоверения не везде обязательны); пока и эмигранты и власти в некоторых случаях заинтересованы не давать ясного ответа на подобный вопрос.

Но существует ряд довольно надежных данных, позволяющих все же составить верную общую характеристику эмиграции. Самыми свежими и достоверными из них являются те, что собраны беженской секцией Международного бюро труда на основании особой анкеты, на которую большинство правительств сообщило цифровые данные по ряду пунктов.

На основании этих данных, приведенных в последнем докладе верховного комиссара по беженским делам Лиге Наций и дополненных некоторыми подсчетами с мест, численность и расселение эмигрантов по странам в настоящее время таковы:

Страны	Всего русских беженцев	В том числе:		Учащихся в вузах
		безработных (к труду способных)	безработных (к труду не способных)	
Австрия	2465	250	320	50
Англия	3000*	—	—	—
Бельгия	5000*	—	—	—
Болгария	26 494	5500	3838	256
Венгрия	5294	—	1901	71
Германия	150 000*	—	—	—
Греция	2075	881	134	25
Дания	300*	—	—	—
Испания	500	—	—	—

Италия	1154	427	203	71
Китай	76 000	17 000	10 917	380
Латвия	40 000	3000	11 500	25
Литва	10 000	1500	3500	140
Польша	90 000	40 000	—	108
Королевство С.Х.С.	3000	2870	538	—
Финляндия	18 000	4000	6000	1130
Франция	400 000*	—	—	—
Швейцария	2268	—	220	—
Швеция	1000*	—	—	—
Чехословакия	30 000	3600	4500	6500
Всего русских беженцев, включая и другие страны	919 000*	99 706	47 000	14 000

В общем, можно установить, не впадая в большую ошибку, что всего по белу свету в настоящее время беженствует около *миллиона* душ, не по своей воле оторвавшихся от России. Среди них насчитывается около 22 000 студентов (14 000 учащихся еще и свыше 7500 окончивших уже высшую школу за рубежом).

Распределение эмигрантов по отдельным странам носит, конечно, временный характер, хотя и менее случайный, чем в первые годы. Главным приемником беженских волн после Германии и Константинополя оказалась теперь Франция, где, можно думать, большинство оседет. После критических 1922—1923 годов, когда в Константинополе, а потом на Балканах образовались пробки, — распределение эмигрантов в последние

---

* Все данные, отмеченные звездочкой, приблизительны. В главных странах расселения беженцев (Германия, Франция, Бельгия) правительственные власти сообщили все-таки данные о беженцах, в некоторых других странах они оказались не в состоянии сделать это. Румыния ограничивается упоминаниями, что у нее имеется беженцев «несколько десятков тысяч», — не приводя никаких пояснительных сведений. Кроме того, надо иметь в виду, что некоторое количество тех, кто в общежитии слывет «русским беженцем», формально относится к числу армянских (всего около 170 000 не включенных в таблицу), для которых установлено совершенно сходное, но особое удостоверение. «—» означает, что данных нет.

годы идет медленнее. Ему препятствует экономический кризис Европы. Иначе бы русским, показавшим себя повсюду с хорошей стороны и огульных упреков нигде не вызвавшим, было бы много легче обосноваться. За океан пока удалось перебраться сравнительно очень немногим. На первом месте по числу беженцев стоят там Аргентина, Парагвай и некоторые западные штаты Северо-Американских Соединенных Штатов.

Трудна, непосильна для слабых борьба за устройство на чужбине. Но зато велик тот жизненный опыт, который однажды принесут на родину сильные, одолевшие в этой борьбе. А их сотни тысяч, — даже если увеличить в несколько раз приведенную выше, заведомо уменьшенную, цифру не способных к труду.

Б.А. НИКОЛЬСКИЙ¹⁰¹

О ПРИЗНАНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

(Правила и советы)

Вопрос о признании советской власти — не новый вопрос: он встал перед сознанием каждого русского гражданина с самого момента октябрьского переворота в 1917 году. С тех пор прошло десять лет. За эти десять лет природа советской власти, сущность ее целей и ее образа действий проявились с полной и окончательной наглядностью. И теперь, когда и в Западной Европе начинают верно понимать и оценивать это явление, — русскому человеку трудно и стыдно ссылаться на свою «неосведомленность» и «непонимание». Мы можем отправляться от того, что *все русские* (за исключением детей) *знают и понимают* природу советской власти (*обязаны* знать! *не смеют* не понимать!); и все же мы считаем необходимым практически допустить возможность того, что *есть* люди не все знающие или не все додумавшие до конца (особенно среди наивных «возвращенцев»). Для бесед с ними, а также для борьбы со всевозможными соблазнами — большевиками, «сменовеховцами», «засыпателями рва», членами «республи-

канско-демократического объединения» и другими недругами национальной России, — считаем полезным высказать следующие разъяснения, обобщения и советы.

I. Понятие «*признания*» может употребляться в *нескольких различных значениях* (не менее чем в четырех) и все соблазнительно пользуются этим обстоятельством для своего дела. Так, слова «я признаю» могут означать следующее:

I. Я считаю, что ты в действительности существуешь, *как факт*: действуешь, посягаешь, называешь себя «всесоюзным правительством», собираешь налоги, мучениями и страхом навязываешь свою волю русскому народу и стараешься использовать все его силы для осуществления мировой революции; или —

II. Я считаю тебя *субъектом права*, который за совесть чтит законы; который добросовестно желает соблюдать свои обязательства, уважает чужие права и не считает, что «все дозволено»; с которым поэтому имеет смысл заключать договоры и распределять права и обязанности; или же —

III. Я считаю тебя *законною властью моей родины*; властью, которая добросовестно служит национально-патриотической цели и для которой благо России есть действительно высшая цель; именно поэтому я могу, я хочу, я обязан *поклониться тебе в верности перед лицом Божиим* и перед лицом *моей совести* (присяга!); я обязуюсь в случае надобности умереть за тебя и за торжество твоего дела (воинская повинность!).

В первом смысле — «ты еси факт» — *весь мир* вот уже десять лет «признает» советскую власть: одни наблюдают этот факт; другие борются с ним; третьи поддерживают его; четвертые — наши братья в России — *вынуждены* даже исполнять предписания этой власти и от времени до времени (анкеты!) свидетельствовать ей о своем повиновении и, может быть, даже — о «сочувствии».

Во втором смысле — «ты еси субъект права» — советская власть «признана» целым рядом государств, которые с тех пор постоянно имеют возможность на суровом опыте проверять, действительно ли она чтит за совесть законы международного и торгового общения, отвергает ли она *вседозволенность*, ува-

жает ли верховные права признавших ее правительств и т. д. На самом деле советская власть с самого начала всею своею теориею и практикою *отрицала право и правосознание*; вся ее работа направлена на то, чтобы побудить к этому и другие народы; причем она всегда открыто высказывала это. Сев<еро>-Амер<иканские> Соединенные Штаты поняли это давно; Англия постигла это на опыте недавно.

В третьем смысле — «ты еси законная патриотически-национальная власть моей родины» — советская власть не может быть «признана» ни одним русским человеком, и притом потому, что она *сама открыто* отрицает и свою *законность*, и свою *патриотичность*, и свою *национальную* природу. Поэтому тот, кто говорит о таком своем признании, — тот лжет и притом лжет заведомо; и всех таких «признавателей» советская власть всегда *презирала* и издевалась над ними, называя их в глаза лжецами.

2. Советская власть добивается от русских людей совсем иного «признания» (четвертое значение): стать *ее* «гражданином» значит *отречься от родины и национальности* (интернационализм), *отречься от Бога* (атеизм), *отречься от духа, от совести и чести* (материализм), *отречься от принципа собственности* (коммунизм) и *посягнуть на эти начала во всем мире посредством пропаганды, подкупа, лжи и террора* (революционность).

Именно поэтому обязательство «всеми силами содействовать распространению мировой революции» было включено в устав всех советских профессиональных союзов; а в красноармейской присяге говорится об обязательстве не щадить «самой жизни» за дело «социализма», «братства народов» и «освобождения всех трудящихся».

Посему «признающий» советскую власть — или *лжет* себе, Богу, людям и коммунистам; или *отрекается* от Бога и родины и *посягает* на всю мировую духовную культуру.

3. Во всех возможных спорах советуем прежде всего устанавливать, *понимают ли* присутствующие, что значит «признать» советскую власть.

Если они *не* понимают, то надо разъяснить, что признающий — или ставит себя в глупое положение заведомого и пре-

зираемого лжеца, или добросовестно обязуется служить делу безбожия и мировой гибели.

Если же присутствующие понимают смысл своего поступка и уже примирились с ним, то советуем *спора не продолжать*: это — люди, уже соскользнувшие в пропасть, и если они могут поумнеть, то только от личного опыта страданий и унижений. Их не следует отговаривать от возвращения в Россию; напротив, пусть они не засоряют собою рядов патриотической эмиграции, пусть скорее идут навстречу своей судьбе.

4. Русским людям, *еще не поддавшимся* соблазну, необходимо разъяснять и сообщать еще следующее:

а) Нелепо думать, что «сильный всегда прав». Насильник, обидевший ребенка, заслуживает строгой кары, а не сочувствия; римские власти, убивавшие христианских мучеников, творили злое и бесцельное дело; татары, терзавшие Русь 350 лет (1237 г. битва на Калке — 1591 г. обложение Москвы Казы-Гиреем), заслуживали меча, а не «признания»; люди, похищающие девушек и продающие их в дома разврата, заслуживают виселицы. Только *низкие* натуры «сочувствуют» всегда «победившему». Право *никогда* не родится из голой силы, но всегда из *правовой совести* (правосознание), *поддержанной силою*. Благородный побеждает уже одним тем, что он прав перед лицом Божиим: сила же придет к нему, *когда он создаст волевую организацию*.

б) Нелепо думать, что «долгий срок делает любую власть государственною». В жизни великого народа десять лет есть не «долгий», а весьма короткий срок; это всего одна четверть срока, необходимого для смены одного поколения. Срок сам по себе не создает ни права, ни государства: давнишний разбойник — есть лишь *закоренелый* разбойник, а не честный гражданин; давнишний тиран — есть лишь *ловкий* тиран, а не законный правитель. Власть становится *государственною* — через свою *преданность родине*, через *отказ от партийного интереса*, через *насаждение правопорядка*, через свою *законную форму*, через *признание ее за совесть со стороны правосознания граждан*.

с) Нелепо думать, что «большой размах и большая территория делают власть национальною». Злодейство, приняв-

шее мировой размах, — не создает ни родины, ни государственности; неприятель, оккупировавший на войне большую территорию, не есть тем самым национальная власть. Национальная природа власти определяется не размахом и не территорией, а тою *целью*, на которую направлены ее усилия. Власть, *высасывающая русского крестьянина, русского рабочего и русскую интеллигенцию ради добывания средств на мировую революцию* — никогда национальною не будет.

д) Кошунственно думать, что «все совершающееся на свете совершается по воле Божией». Это значило бы утверждать, что все человеческие злодеяния совершаются по воле Божией — все предательства, замучивание героев, всякое кошунство, развращение детей, ложь, разврат и насилие. Если сатана захватил власть, то это совершается не *волею* Божиею, а попушением Его, и это попушение *возлагает на нас прямую задачу борьбы с сатанинской властью*.

е) Нелепо говорить, что «отрицающий *советскую* Россию отрицает и *самую* Россию». Мы отвергаем не Россию, а *коммунистические советы* в России. Россия дорога нам и в беде, и в стыде, и в страданиях, и в соблазнах; но именно поэтому мы хотим освободить ее от беды, от стыда, от соблазна и страданий. Отец отвергает не «больную дочь», а *болезнь дочери*; и потому *лечит* ее. Сын пытается устранить не «огорченную мать», а *горе* матери; и потому заботится о ней и утешает ее. Именно борясь с советскою властью, — самую борьбою нашею — мы бережем Россию.

5. Всем *наивным* возвращенцам и колеблющимся от слабости — следует указывать и разъяснять следующее:

а) всякий эмигрант, открыто возвращающийся в Россию из эмиграции, должен быть твердо уверен, что он значится в скорбных листах большевицкой полиции;

б) по прибытии в советскую Россию он окажется, таким образом, в положении человека, который, отдавшись во власть коммунистам, сам на себя подал им донос о своей политической неблагонадежности; он не должен сомневаться в том, что такой донос будет непременно и всюю использован большевиками;

с) поэтому он не сможет ни служить русскому делу, ни бороться за него; как патриот он будет там бессилён, бесплоден и не нужен; коммунисты — или *замучают* его, заставляя его в доказательство его верности служить им в доносчиках, или же *замучают* его за то, что он не захочет нести такую службу; в обоих случаях *скорый расстрел будет для него лучшим исходом*;

д) и при всем том возвращающийся самым возвращением своим выдает коммунистам публичное удостоверение в том, что они «исправились» — ибо к ним можно вернуться, — себе же он обеспечивает навсегда волчий паспорт в ГПУ.

В итоге: себе — унижение и гибель; людям — ложь; коммунистам — прямая помощь.

6. Во всех этих спорах мы должны всегда иметь под рукою конкретные данные и статистические материалы для наглядного обличения советской власти: по вопросам Церкви, хозяйства, народного образования, суда, о беспризорных детях, о терроре и о коммунистической пропаганде. Редакция «Русского Колокола» будет систематически сообщать эти данные во втором отделе журнала.

7. Мы должны также помнить, что тяга к «признанию» советской власти проистекает нередко не из логических ошибок мысли, а из смутных душевных настроений, которые отчасти являются естественными и понятными (например, тоска по родному быту, по родным, наивная доверчивость, отсутствие непосредственного опыта в советской России). Всему этому следует противопоставлять здоровые духовные мотивы — углубленный патриотизм, религиозное осмысление событий, повышенную нравственную зоркость, чувство личной чести и ответственности, чувство национального достоинства и показания правовой совести.

Труднее бороться со слабостью воли, общей усталостью и проистекающими отсюда унынием и безразличием. Здесь необходимо *укрепление характера, религиозное сосредоточение* и создание *общей доброй и деловитой атмосферы*. Решающее значение могли бы здесь иметь кружки для духовного общения и самообразования и подготовительные работы по созданию будущего русского патриотического ордена.

Только наличность у «возвращенцев» полной беспринципности, моральной тупости, циничного карьеризма и прямой тяги к большевицкой вседозволенности может заставить нас сложить оружие и прекратить нашу белую работу по отношению к таким людям. Таких людей следует уговаривать *как можно скорее и ценою любых подписок возвращаться в Россию.*

И.А. ИЛЬИН

О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЮ

(Для памяти)

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

Евангелие от Иоанна. 15, 13

Ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, — как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии.

Первое Послание ап. Петра. 2, 15–16

Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее: ибо начальник есть Божий слуга тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся: ибо он не напрасно носит меч; он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое.

Послание ап. Павла к Римлянам. 13, 3–4

Кто защитит обиженного, тот поборником себе обретет Бога.

Исаак Сириянин

Ты не участвовал в дерзости виновных? Хвалю это и одобряю; но ты не воспрепятствовал тому, что случилось, а это достойно осуждения. Такие же слова мы услышим и от Бога, если будем молчать в то время, когда против Него раздаются хулы и поношения.

Св. Иоанн Златоуст

Ибо ревность по доме Твоем снедает меня и злословия злословящих Тебя падают на меня.

Псалтирь. 68, 10

Живите мирно не только с друзьями, но и с врагами; однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими.

Св. Феодосий Печерский

Ревность есть не что иное, как глубокая любовь в сердце человека справедливого, который не остается бездеятельным, но постоянно стремится к устранению всего того, что он находит несоответственным славе горячо любимого им Господа.

Савонарола

Все великое в мире совершилось через страсть, когда личность жертвовала собою до конца.

Гегель

Часто совершает несправедливость и воздерживающийся от какого-либо действия, а не только действующий.

Марк Аврелий

Кто не наказывает зла, тот приказывает, чтобы оно совершалось.

Леонардо да Винчи

Потворствовать греху есть то же преступление;
Карая одного, спасаю многих я.

Пушкин

Когда милосердие не действует, то строгость тоже есть милосердие.

Лесков

Прося за недостойного, ты поступаешь бесчестно.

Публий Сириец

Вора помиловать — доброго погубить.

Русская пословица

1928

№ 3

Я задремал, главу понуря;
И прежних сил не узнаю...
Дохни, Господь, живящей бурей
На душу сонную мою!
    Как глас упрека, надо мною
    Свой гром призывный прокати,
    И выжги ржавчину покоя,
    И прах бездействия смети!
Да вспряну я, Тобой подъятый,
И, вняв карающим словам,
Как камень от удара млата,
Огонь таившийся издам!..

А.К. Толстой

Часть I

ПОБЕДИТ ПРАВОЕ ДЕЛО

Сколь бы ни было вам трудно в жизни и тяжело на душе, — вам, беззаветно любящим Россию, — верьте: *победит правое дело!* И потому никогда не смущайтесь засилием зла: оно временно и преходяще. Но ищите прежде всего и больше всего *правоты*: только она воистину *жизненна*; и только в ней зародится и из нее восстанет *новая сила*, ведущая, спасающая и направляющая...

Победит правое дело. Это совсем не означает, что оно ограждено от земных неудач, от временных испытаний, от периодов, сочетающих подлинное страдание с видимым унижением. Нет, все это не только возможно, но прямо неизбежно.

И неисчислимое множество раз люди, идущие по правому пути, явно страдая и по видимости униженные, молились и еще будут молиться вослед за Сыном Божиим — и о том, чтобы чаша сия миновала их, и о том, зачем покинул их Господь... Но именно в этих молитвах — *после Голгофы* — всегда будет жить глубочайшая уверенность, что *правоте суждена победа* и что в зримом «умирании», в «явной» неудаче — незримо готовится и творится *воскресение*.

Да, носителям верной идеи и правого дела суждены часы неудач и страданий. Но все эти неудачи и страдания образуют лишь *чистилище для будущего подвига*, лишь *школу грядущей победы*. Ибо никто из людей не готов к подвигу от самого своего рождения; но всякий нуждается в долгом искусе, в испытании и закалении. И среди других народов, быть может, больше всех нуждаемся в этом закалении мы, русские, — с нашей бесхарактерной страстностью и с нашей мечтательной беспечностью. В этой бесхарактерности и с этой беспечностью, в хаотическом смешении добра и зла — *нельзя было далее строить Россию*: ни ее Церковь, ни ее государство, ни ее хозяйство, ни ее духовную культуру. Война и революция с наглядностью доказали это; и доказав, ввели нас в период суровых испытаний и нещадного закаления.

Вот уже десять лет длится этот период. За это время нам было показано обнаженное зло для того, чтобы мы обратились к Богу. Нам были явлены бессовестность и бесчестие для того, чтобы мы утвердились в совести и чести. Из нашей среды выделились величайшие в мире предатели для того, чтобы мы сами укрепили свою верность. Мы переживаем неслыханное бесправие и порабощение для того, чтобы научиться ценить справедливое право и верную меру свободы. У нас отняли всякое имущество и ввели коммунизм для того, чтобы мы поняли необходимость собственности, ее смысл и предназначение. У нас погасили семью и родину, у нас извратили естество солдата и армии для того, чтобы мы постигли святость очага и Кремля, и священный смысл воина. В нищете и черной работе, в уплотнении, в ссылке или изгнании,

окруженные соблазнами и опасностями — выстрадываем мы *новое восприятие Бога, новое национальное самочувствие, новый уклад характера, новое правосознание, новое отношение к армии и к собственности*. В этом великий смысл нашего испытания и закаления. В этом наше служение России — и внутри, под ярмом, и вне страны, в зарубежном рассеянии. Мы должны принять эту чашу и испить ее до конца; мы не смеем молиться, чтобы она миновала нас; и мы должны быть твердо уверены, что на этом пути *мы не покинуты Богом*.

Дело не в том, кто сейчас временно одолел; а в том, кто *прав* по самому существу, перед лицом Божиим. Ибо существенная правота — верна не только на небе, но и на земле; она не есть отвлеченная от жизни и ненужная миру «праведность»; но она есть *необходимая миру творческая жизненность*; она источник не слабости, а силы, не поражения, а победы.

Дело обстоит не так, что миру нужен изворотливый инстинкт, не ведающий добра и зла, а дух — миру не нужен. Напрасно думать, что «добродетель мешает жизни», что «честность есть достояние глупцов», что «святость есть проявление слабости», что «сила всегда на стороне беззастенчивого порока»... Нет. Инстинкт без духа есть разнуздание и извращение, раздор и гибель. Гнусна и обречена та жизнь, которая видит в добродетели помеху. Отнимите от ума честность, и ум станет подлой, растленной хитростью, любимым орудием глупца. Святость всегда была великим источником *жизнеустройства*, зарядом творческой энергии. А беззастенчивый порок может импонировать только *слабым* людям: ибо только они воображают, будто разнуздание инстинкта делает человека сильным; и именно потому они, вяло мечтая разнуздать свою слабость, — идут в узду к беззастенчивым и в ярмо к порочным...

На самом деле все обстоит как раз обратно: земная жизнь невозможна без преданности, без верности и без благородства; честность есть опора и проявление настоящего ума; и права была древняя мудрость, утверждавшая, что всякий город держится своими праведниками. *Совестный человек есть очаг*

жизненного здоровья и жизненной силы, ибо он излучает из себя душевное равновесие и справедливость и сосредоточивает на себе всеобщее уважение и доверие. Напротив, злодей всегда будет началом общественно-организационного распада: ибо честные ненавидят и презирают его; соперники начинают ему подражать, а слабые вступают на путь пресмыкательства. Вот почему правое дело всегда имеет в самом себе залог своего будущего роста и расцвета; а неправое дело остается всегда внутренне обреченным. Ни в личной душе, ни в общественно-государственном деле — реальное, жизненное творчество не терпит злодейства...

Злое начало не жизненно, ибо оно безблагодатно и богоотверженно; и его мнимое «творчество» есть на самом деле разложение. Оно таит в самом себе, в своей душеразрушительной и духорастлевающей порочности — зерно гибели. Раскрываясь, оно само день и ночь работает над приближением и ускорением своего конца; и чем ожесточеннее его напор, тем вернее и тем позорнее будет его конец. Может ли быть иначе?

Что создано на свете злобою, ненавистью, ожесточенной свирепостью? Ничего. — От злобы душа каменеет; от ненависти она слепнет; свирепость раскалывает душу и истощает ее. И вот, власть, проповедующая злобу и насаждающая ненависть, — истощает и растрчивает энергию своего собственного правящего слоя и сама себе готовит озлобленного и свирепого мстителя.

Какой общественный строй может держаться на классовом своекорыстии, на жадной склоке, на проповеди мирового грабежа? Такая власть, развязывая порочного лентяя и запугивая трудлюбивого — мертвит жизнь страны и сама себя подрывает.

Зависть не строит, а губит и разрушает. Ложь накапливает разочарование и презрение. Насаждающий сыск и предательство сам будет однажды предан. Насилие вызывает к противонасилию. А безбожие всегда вело массу только к бесстыдству и вседозволенности: и в этом его рок.

В чем же может выразиться «победа» злого начала? Только во всеобщем душевном, государственном и хозяйственном

распаде. Но распад есть именно не здоровье, а зараженность и болезнь; не победа, а поражение.

Только правое дело — творчески жизненно! *Победить может только правда.*

И потому там, где мы видим «победу» злого начала, мы говорим об обманчивой видимости, о временном засилии, скрывающем подлинную и обреченную слабость. Мы не отрицаем исторически данного факта; но мы отрицаем его творческую, его плодотворность, его *жизнеспособность*; мы отрицаем его *благодатность*, а потому мы не верим ни в его силу, ни в его *грядущее*. Мы признаем, что в час всенародной смуты может возникнуть злое засилие. Но мы утверждаем, что оно продержится лишь до тех пор, *пока в душе народа не зазвучит зов и звон благодатных сил духа*: религиозного патриотизма, национального единения и самоотверженного служения...

Тот, кто ищет настоящей и подлинной победы, *победы от благодати*, а не от коварства, предательства и насилия, — тот должен идти по белому пути: сначала утвердить в себе *религиозно-верное волеуправление*, этим *обеспечить* себе *немнимую, непреходящую победу*, и потом *накапливать для нее земные силы*. Да, жизнь изобилует такими положениями, в которых следует становиться на сторону *временно-слабейшую* и идти по линии *наибольшего сопротивления*, по такой линии, видимая, земная перспектива которой не сулит ни легкого, ни быстрого успеха. Почему? Потому, что именно эта линия *ведет дело Божие на земле*; и потому, что все остальные линии *исключают победу по благодати*.

Пусть твердят нам, что черный вихрь истории будет еще долго бушевать над Россией... Мы отвечаем уверенно и спокойно: он будет бушевать лишь до тех пор, пока не проснутся в душе нашего народа благодатные силы его духа. Но пусть не пугают нас сроками: что есть срок, когда смерть всегда сторожит каждого из нас у порога? что есть срок, когда подлинная победа религиозной и национальной России уже обеспечена нашей верностью, нашей идеей, нашим служением, — нашим

знаменем, не нами воздвигнутым и *не нами* освященным? и что есть срок десяти лет в тысячелетней жизни великого народа?

Прежде всего и больше всего мы должны искать *правоты*; в ней — *сила*; и сила соберется под ее знамя. Надо *служить делу Божиему, не кривя, не торгуясь и не исчисляя Божиих сроков*. И верить: проснется здоровая духовная глубина России, умолкшая от военного утомления, замутившаяся в революции и засыпанная мусором пропаганды. Проснется, и застынет, и замолится о том, о чем стонут и молятся наши души уже десять лет. И тогда наш народ поймет, что мы не враги его и не изгои, но и не льстецы и не растлители: что мы — его старшие братья, насмерть борющиеся за его душу и за его разум, непоколебимо верящие в его Православием возвращенную совесть и в его исконный государственный смысл.

И тогда правое дело победит.

РЕДАКТОР

АРМИЯ

Существует мнение, — в наше время оно стало очень распространенным, — будто после великой войны, когда «народы устали», достаточно собрать молодых людей (мужчин или женщин, все равно), дать им оружие, обучить их, как им владеть, — и армия готова.

В наши дни военная техника стала весьма совершенна. Изобретено множество машин для истребления людей: пулеметы, дальнобойные тяжелые пушки, аэропланы, газы, танки... Но (хотя это и кажется неправдоподобным) научить солдата владеть сложными современными орудиями войны — легче и скорее, чем грошовым орудием далекой старины.

Это не парадокс. Пулемет состоит из сотни мелких частей, гаек, винтов, пружин и колец; а шашка — из рукоятки, клинка и ножен. Но управлять пулеметом легче, чем рубить шашкой. Чтобы хорошо рубить, горцы и казаки с детства обучаются этому искусству: рубят лозу, глину, соломѹ; рубят по водяной струе — по воде, так, чтобы она не давала всплесков; по ба-

ранней туше, по свободно повешенному арбузу... И точно так же — научиться управлять мудреным танком или броневиком легче, чем научиться ездить верхом на самой немудреной лошади.

Машина упростила и облегчила участие в войне. Отсюда соблазн — сократить сроки службы. Отсюда соблазн — *учить солдата, но не воспитывать его*. Отсюда соблазн — делать солдатом *всякого* (и антимилитариста, и врага нации и родины — коммуниста) ...

Армию называют великой молчалиницей — «*le grande muette*». Ибо армия есть только покорное орудие в руках правительства, слепо и безоговорочно исполняющее все его предписания. Но эта великая молчалиница говорит самым громовым голосом: голосом пушек и пулеметов; самым страшным языком — языком смерти. Она убеждает самым жестоким способом — способом крови.

Как же высоко должно быть *воспитание* армии, из каких *рыцарственных* элементов она должна состоять — для того, чтобы *иметь право переступить через кровь*; для того, чтобы быть готовой *отдать все* — покой и уют, семейное счастье, силы, здоровье, и самую жизнь во имя Родины, во имя ее спасения и блага.

Армия должна защищать Родину от врагов, от *всяких* врагов — «внешних и внутренних». Она должна отстаивать *неприкосновенность* границ государства, обеспечивать в стране *мирную жизнь*, оборонять Родину от порабощения извне и от унижения и разорения изнутри. Если минувшая война была сурова — если она поставила под удар миллионы людей, никогда не готовившихся к войне, то грядущая война (а она придет, рано или поздно!) будет еще более жестока...

Сильно развившаяся военная техника даст неприятелю возможность перенести войну за войсковой фронт, — глубоко в тыл, через «позицию», устроенную армией. Соблазн поколебать умы, вызвать у враждебного народа «пораженческую психологию» и тем принудить его к сдаче — вызовет попытки разрушить жизненные, питающие армию центры. Дально-

бойные пушки будут направлены на города с мирным населением. Аэропланы будут сбрасывать бомбы с удушливыми газами и микробами, будут стремиться достигнуть центров управления страной — столиц, промышленных и фабричных районов, чтобы внести панику среди служащих, разрушить чиновничий, бюрократический аппарат страны, прекратить работу заводов, разогнать рабочих. Специальные армии агитаторов и пропагандистов заблаговременно направятся в тыл, чтобы сеять смуту. Забастовки, рабочие беспорядки, митинги протеста против войны, пораженческая литература, — все это будет мутить и отравлять внутреннюю жизнь страны.

«Внутренний враг» не всегда различаем, плохо осязаем, трудно уловим. Он искусно прячется в лукавых сердцах. Он ходит в овечьей шкуре социализма. Он соблазняет ложными посулами. Бороться с ним тогда, когда он уже развернул красные флаги мятежа и вышел на улицу — поздно. Жертвы в столкновениях вызывают жалость и смутное сочувствие к бунтовщикам, и не ослабляют, но разжигают и расширяют мятежное движение. Бороться с погромами, когда они уже начались и пошли, какие бы они ни были, — погромы ли усадеб, торговых лавок и рядов, или еврейских предместий, — есть очень трудная задача. Поэтому армия должна *уметь предупреждать* эти болезненные вспышки: она должна иметь такое влияние на народ, чтобы одна *мысль о существовании армии* — не допускала в душах и желания беспорядков.

И вот, во время войны армия будет защищать страну своею грудью от вторжения врагов; она близко подойдет к гражданскому населению, и от ее поведения и настроения, от ее духа будет зависеть успех или неуспех, победа или поражение.

А в мирные годы, не угрожаемые внешним врагом, на армию ляжет тяжелый и ответственный труд такого *воспитания* народа, чтобы никакие беспорядки, никакие погромы не были возможны. Это будет делом не только армии, но прежде всего армии, как *живого средоточия волевой дисциплины*.

Может ли армия, при таком своем назначении, быть только толпой, обученной владеть орудиями войны? Может ли

она представлять из себя только вооруженную массу, не *объединенную общими, великими, религиозными и государственными идеями?*

Чем лучше будет вооружена такая толпа, и чем она лучше будет владеть своим оружием, *тем опаснее она будет для самого государства*. Не воспитанная заранее в духе самоотречения и жертвы, — в пору войны, ее опасностей и страхов она дрогнет перед врагом. В ней встанет *свое, личное*. Она до ужаса осознает силу военного оружия, — не своего для неприятеля, а неприятельского для себя, — и побежит, все разрушая на своем пути. В пору мирной жизни не воспитанная в духе дисциплины и повиновения, она забудет свое призвание к «великому молчанию», и, отдаваясь различным течениям, сама внесет в государство кровавый бунт — военный мятеж...

Армия есть как бы *лицо государства*. Армия есть то открытое, по чему соседи судят о его силе, мощи и значении. Воспитана армия, дисциплинирована, отлично вооружена, хорошо одеты ее солдаты, сыты, здоровы и сильны, — и сдержаннее язык ее соседей, скромнее их притязания.

Армия есть *школа для народа*. Не только потому, что через ее ряды при всеобщей воинской повинности проходит почти все мужское население нации и учится в ней долгу, мужеству и патриотизму, но еще и потому, что армия проникает во все слои общества и по ее поведению на маневрах, ученьях, смотрах, по *виду* ее офицеров и солдат, по их *поступкам*, по их *разговорам* все судят о духовной силе своего государства, все учатся уважать и любить свое отечество.

Но армия — не вооруженный народ; и вооруженный народ — не армия. Нельзя воспитать весь народ, как армию; но надо выделить из народа некоторую часть его, сделать из этой части офицеров, унтер-офицеров и кадровый состав, и сказать про них — *это армия!* И все, что волеется в нее, должно быть во всем им подобно.

Эта кадровая армия должна блюсти и разуместь религиозный смысл своего бытия; она должна быть армией *христианской*, христоролюбивым воинством, ибо только заповедью Хрис-

товой — возлюбить ближнего своего так, чтобы положить за него свою душу — могут быть обоснованы и приятие оружия, и своя и чужая кровь, и муки ранения, и самая смерть.

«Воины благочестивые, славою и честью венчанные!»

Эта армия должна быть *патриотичной*. Она должна любить Родину, не критикуя ее; она должна уметь ценить ее прошлое, понимать и прощать недостатки этого прошлого и любить величие, красоту и славу своих предков.

«Горжусь, что я — Русский!»

Армия должна быть *духовно скромна, не стяжательна, гостеприимна, добра*, готова на всякий прекрасный порыв и на великую жертву.

Армия — *рыцарский орден!* И народу своему она несет защиту и помощь, а не обиду и утеснение.

«Обывателя не обижай — он нас кормит и поит. Солдат не разбойник».

В своей внутренней жизни армия должна быть дружна. Ее члены — братья. Не равные, не товарищи, но *братья*. Ни подкопов друг под друга, ни интриг, ни подсиживания, ни карьеризма, ни сплетен, ни наущничания, ни подлизывания к старшим, ни амикошонства — в армии быть не должно.

«Зри в части семью. В начальнике — отца, в товарищах — братьев». «Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет». «Чудо богатыри! Бог вас водит — Он вам генерал».

Этими заветами *Суворова* должна жить и дышать армия.

Всегда и везде она должна быть образцом *воинского долга и самопожертвования*. Может ли быть воинский чин, — офицер или солдат, — пьян? Может ли он непристойно вести себя? — грабить, насильничать, брать «подарки от благодарного населения», высказывать панические взгляды, поддаваться пораженческому настроению, критиковать свое начальство и свой полк?

«Наш полк», его Знамя, его прошлое, его традиции — *святыня* для солдата!

В армию должны идти не только физически наиболее крепкие люди, но и *самые сильные духовно*, с воспитанною,

твёрдою волею. Принадлежностью к армии надо *гордиться*. И весь народ должен любить свою армию и отдавать ей все лучшее. Семья должна отдать в армию лучшего ребенка; коннозаводчик — лучшую лошадь; фабрикант — лучшее изделие; заводчик — лучшую машину; рабочий — самую тщательную свою работу.

Если я в армии — то я горжусь и я счастлив тем, что я в армии, что я солдат.

«Мы — Русские солдаты!»

Если же мне не дана эта высокая честь, то я *горжусь* тем, что у меня, в моей Родине, в моей России — такая прекрасная армия. Я снимаю шапку перед ее знаменами. Я с уважением смотрю на своего отца, на своего брата, на своего сына в его военном мундире. Он — рыцарь! Он — лицо нашего народа. По нему судят и обо мне.

В прошлом и армия грешила против всего этого, и мы грешили против нее. Особенно те, кто называется «обществом». Разве не было в русском обществе, как в сказке про Иванушку-дурачка: «У старинушки три сына. Старший — умный был детина...» — и пошел в институт инженеров путей сообщения или на юридический факультет университета (карьера!.. инженер!.. адвокат!.. любовь женщин... деньги... слава...).

— «Средний был и так и сяк»... — и пошел на физико-математический или естественный факультет (семья... профессура... учитель... «Хоть денег и немного, зато хорошая репутация в обществе...»).

— «Младший вовсе был дурак...» — и пошел в юнкерское училище (нищета... казарменная вонь... солдаты... «Мы свою дочь не можем за него отдать — он офицер в полку...»).

Тяжело было Русской армии. Она была изолирована. Но она держалась — Троном. Неизменною, традиционною любовью, милостями и трогательным вниманием Российских Государей к армии. Мы же, общество, мы если и подходили к армии, то или со снисходительной насмешкой («Полковник Скалозуб, прикажете принять?»), или с сентиментальным и

любопытствующим сочувствием (капитан Тушин, Максим Максимыч, купринский Ромашов).

Строя великую, могущественную, славную, честную, христианскую и православную Россию, — мы должны ответственно и заботливо подойти не только к *вооружению* и *обучению* ее армии, но и к отбору в эту армию всего лучшего, всего благородного, прекрасного в полном значении этого слова; — и, далее, к *воспитанию* действительно *христолюбивого, победоносного Российского Воинства*. Так, чтобы с Русскою армией всегда был «Бог крепок, Властитель, Начальник мира». Ибо этот необходимый России мир, мир прочный, и внешний и внутренний, даст ей только такая армия, которая будет покорна сему великому «Начальнику мира»: Он — «Бог крепок! Чуден Советник — миру его несть предела!..»

Таковы заветы Суворова. Они указуют нам путь*.

Ноябрь. 1927 г.

П.Н. КРАСНОВ¹⁰²

БУДУЩЕЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Мы должны верно предвидеть будущее; знать, чего мы хотим; и хотеть только того, что ведет к величию России.

Величие России требует, во-первых, *духовного оздоровления русской интеллигенции*, этого служилого, организующего и воспитывающего слоя: национальная соль должна восстановить свою силу.

Величие России требует, во-вторых, подъема русского земледелия и русской промышленности; и, прежде всего — *хозяйственного и культурного расцвета русского земледельческого класса, крестьянства*.

Крестьянство составляет *количественно основной массив* русского народа: до трех четвертей всего населения. Так было и до революции: из каждых десяти человек, самостоятельно зарабатывавших себе пропитание, от семи до восьми человек

---

* От редакции: В четвертой книжке «Русского колокола» будет помещена статья П. Н. Краснова «Казачи. Их прошлое, настоящее и возможное будущее».

работали так или иначе на земле; и в этом отношении все остальные страны уступали России.

Это означает, что в вопросах *физического труда, колонизации, армии и рынка* крестьянство являлось в России главной, — хотя и пассивно-стихийной, — творческой силой. По-прежнему, как и сто лет назад, русский простой человек в массе был проникнут «духом земли» и внутренне ведом «властью земли»: этот «дух» определял собою настроение русских рабочих масс; он продолжал процесс многовековой колонизации русских пространств; он слагал весь основной контингент армии и устанавливал уровень русского массового потребителя.

В то же время крестьянство оставалось в России главным хранителем русского национального уклада и быта, — в этом отношении являясь сразу и жертвой *инерции* (в хозяйстве и в умственной культуре), и оплотом здорового *консерватизма* (в религии, языке, искусстве и государственности). Крестьянская масса всегда и всюду выступает, как сила народно-государственной косности, как сдерживающий и уравнивающий социально-политический груз, как стихия почвенности и деловитой трезвости. И всегда бывает так, что эти драгоценные *консервативные* свойства его проявляются тем продуктивнее и спасительнее, чем больше оно преодолевает в себе *реакционную* — умственную и хозяйственную — *косность*.

Ныне, после революционного разгрома, уведшего Россию на пути сознательного *разрушения*, искусственного *упрощения* и *снижения*, когда все остальные классы и слои населения или разорились и почти погибли (землевладельцы, промышленники), или жестоко пострадали (интеллигенция, торговый слой, обученные рабочие), — крестьянство, противопоставившее революционным бредням и наскокам свою почвенность и цепкую деловитость, окажется тем *неистощимым резервуаром*, из которого другие слои и классы будут пополнять свои утомленные и подорванные силы. Ибо никогда не было и не будет государства, состоящего из одного-единственного класса (все равно — крестьянского, или пролетарского, или

купеческого); всякое народно-государственное дело огромно и сложно; оно может существовать только при пожизненном и потомственном разделении труда (*приспособление! обучение! традиция!*). А потому не будет и одноклассовой России. И наша страна будет расцветать лишь по мере того, как процесс революционного упрощения и снижения будет уступать свое место новому, органически-здоровому подразделению России на необходимые ей классы, слои и группы: рано или поздно будет *новый* промышленный класс; будут *новые*, менее крупные землевладельцы; *новый* купеческий слой; *новая* интеллигенция; *новый* квалифицированный рабочий. Все, уцелевшее после революции, однажды понадобится России и встанет на свое место; все недостающее — будет постепенно восполнено из недр крестьянского океана.

При таком значении крестьянства в нашем прошлом и в нашем будущем — основной заботой грядущей русской национальной власти должно быть *хозяйственное и культурное благосостояние русского земледельца*. Это совсем не значит, что интересы крестьянства должны быть поставлены выше русского *всенародно-государственного интереса*: требовать этого значило бы нести крестьянству бесчестный демагогический обман, а России — медленное иноземное (торговое, промышленное и культурное) завоевание. Часть не может стоять выше целого; и класс должен служить родине, а не наоборот. Но это все же значит, что *будущее нашей родины обусловлено подъемом русского крестьянства*: если крестьянство будет культурно и хозяйственно хиреть, то будет хиреть и Россия; и расцвет России возможен только при цветущем земледелии и сознательном, богатом земледельце. Это, конечно, не единственное условие нашего величия, но условие необходимое и основное.

Процесс, который ныне совершается в недрах русского крестьянства, полон глубокого значения для всего нашего будущего. Это есть, с одной стороны, процесс *инстинктивной индивидуализации*, развязанный революцией; с другой стороны, это есть процесс *хозяйственного расслоения*, происходя-

ший вопреки революции и всем ее снижающим и уравнивающим нажимом.

Революция, прежде всего, *развязывает* человека, ослабляя в его душе всякие удержки и выталкивая его — и своими потрясениями, и своею пропагандою — из привычного и косного уклада. В революции ослабевают всякие удержки — и внутренние (религиозные, нравственные, семейные, связанные с правосознанием и чувством долга), и внешние (уголовная репрессия, военная дисциплина и т. д.). Это особенно чувствуется, конечно, в деревне — с ее разбросанностью и трудной организуемостью. И революционная пропаганда только доделывает здесь то, что вызывается стихийными потрясениями.

Таким образом, революция есть своего рода *распадение духовных и общественных уз*. В этом распадении обостряется борьба всех против всех; каждый начинает надеяться только на себя самого; в душах усиливаются соревнование и зависть; инстинкт самосохранения выступает на первый план, ожесточает и *обособляет* человека; а авторитет павшей государственной власти, как бы распыляясь и рассасываясь годами в стране, придает личному инстинкту человека некий самоуверенный апломб и тягу к независимости. Люди нередко испытывают и обозначают это, как «освобождение» и «свободу». Точнее было бы обозначить этот процесс, как инстинктивную индивидуализацию или усиление бытового эгоизма.

Естественно и понятно, что вовлечение в этот процесс оказывается далеко не для всех полезным и даже посильным. Всякая беда, всякая встряска и обостренная борьба — оказывается по плечу более сильному, изворотливому, напористому и беззастенчивому, и наоборот — легко подрывает слабого, вялого и скромного. Зажиточный, предприимчивый и прижимистый крестьянин всегда сумеет не только пережить тяжелое время, но и нажиться; тогда как безлошадный и незапасливый — распродаст и растеряет все вплоть до земельного надела. Вот почему эпоха инстинктивной индивидуализации оказывается в то же время эпохой хозяйственного расслоения; и современная русская деревня одновременно выделяет

кверху — растущий кадр зажиточного, богатеющего земледельческого слоя, а книзу — пролетаризованного крестьянства (исчисляемого уже миллионами); и большинству этой «армии» предстоит, по-видимому, пережить на мнимом «социальном обеспечении» суровые годы безработицы и голода, а впоследствии в эпоху воссоздания русской промышленности пополнить своими остатками ряды настоящего промышленного пролетариата.

Все это означает, что коммунистическая революция не только не смогла задержать тот великий хозяйственный процесс в русской деревне, который в государственном масштабе навсегда связан со светлым именем П.А. Столыпина, но только болезненно ускорила его темп. Этот процесс, сводящийся к *распадению сельской общины, к творческому освобождению личной инициативы, к укреплению личной собственности на землю и насаждению хуторского землевладения* (со всеми благими, хозяйственными и гражданственными последствиями) — был грубо прерван в первые годы революции: и сверху — декретом об отмене частной собственности на землю и о «поравнительном» переделе земли среди трудящихся, и снизу — стихийным увлечением крестьянства на путь всеразоряющего и всеуравнивающего «черного захвата» и «черного передела». Но затем в низах наступило разочарование и отрезвление: раздел всей помещичьей земли прибавил крестьянам на круг всего около полдесятины на живую душу (в великорусских губерниях — около 2/5 десятины; в малорусских — больше)*; к тому же в общий котел ушла и масса крестьянской купчей земли; а переряги коммунистических переделов, поравнений, продналогов и т. д. вызвали не только обширное сокращение засева, но и могучую, неудержимую индивидуалистическую реакцию в крестьянстве. Декрет 1922 года вынужден был считаться с этим возрождением *столыпинской стихии* и дать ей некоторый простор.

---

* Срв. данные, приводимые проф. В.А. Косинским в его обширном труде «Основные тенденции в мобилизации земельной собственности». Обещанные нами статьи В.А. Косинского начнут печататься с четвертой книжки журнала.

Этой стихии принадлежит в России будущее. Революция отнюдь не создала этого движения; напротив, она пыталась его подавить и исказить; но подавить его она не смогла; и все, что ей удалось, — это увлечь его на уродливые пути черного захвата, замутить его уравнильным соблазном и переделом, судорожно ускорить темп его изживания и тем придать всему процессу разорительные для государства и болезненно-мучительные для народа формы... Чем дольше продержится ныне советская власть, тем более убыточно для государства и тем более болезненно для народа пойдет в России дальнейшая аграрная эволюция. Но пути ее — будут по-прежнему *здоровые пути частной собственности, личной инициативы, гражданского полноправия и интенсивного хозяйства.*

Было бы одинаково наивно думать и то, что земля может вернуться к помещикам на прежнем основании и в прежнем размере; и то, что состоявшийся раздел помещичьей земли может в какой бы то ни было степени «разрешить» аграрный вопрос в России.

Захваченная земля ушла в общий котел; обычно она по несколько раз перемерена, переделана, изрезана и запахана; почти на каждом клочке ее выросли революционные вождения, обиды и страсти, скопились революционные полуприятия и полуправа; и нет на историческом горизонте вероятий, чтобы появилась в России такая социальная и политическая сила, которая затеяла бы и провела бы новый, «реставрационный» черный передел. И если новая национально-государственная власть в России будет о чем-либо помышлять, то не о дореволюционных правах на землю, таящих в себе опасность новой гражданской войны, но о послереволюционном вознаграждении за землю, могущем упрочить национальный мир и всеобщее благоволение.

Аграрный вопрос вообще нигде и никогда не может быть «раз навсегда разрешен»; тем более — посредством чисто количественной передачи земли из одних рук в другие. Аграрный вопрос, как и все живые общественные вопросы, разрешается только из века в век через *живое творчество*, которое

необходимо будить и поощрять, и через *живое равновесие*, которое необходимо все заново поддерживать и восстанавливать. А планы «осчастливить раз навсегда», — все равно «пожалованием» или «уравниванием», всеобщим «наделением» или всеобщим «изъятием», — всегда будут наивным ребячеством или порочной демагогией. Нет и не может быть единого аграрного рецепта для всех времен и народов, своего рода «аграрной панацеи»: и давно уже пора раз навсегда покончить со всякой аграрной алхимией — и в духе Маркса, и в духе Генри Джорджа...

То, что нужно великой России, не есть ни аграрная реставрация, ни аграрная утопия. Это есть *живое и творческое равновесие между интенсивно ведущимся земледелием и интенсивно развертывающейся промышленностью*; то и другое на основе *частной собственности и частной инициативы*. И прежде всего — *крестьянин должен стать полноправным собственником и культурной, гражданственной личностью*. Вне этого — великой России не быть.

Только частная собственность на землю — полная, свободная, бессрочная и наследственная — успокоит и удовлетворит русского мужика; только она пробудит и вызовет к жизни все дремавшие силы Микулы; только она покончит раз навсегда с теми зловредными пережитками татарского ига и крепостного права, которые подрывали у мужика веру в «труды праведные» и питали его вековую неуверенность и лень, русскому крестьянину необходимо дать все мотивы и развязать все его силы для того, чтобы *инстинкт его захотел работать без оглядки и без удержу*, — чтобы он поверил, наконец, и людям, и земле, и вложился целиком в обработку земли, как в источник *своего собственного* (а потому и всенародного) богатства. А это ему даст только полноправная частная собственность: она и только она научит его *творчески любить* — и землю, и жизнь, и родину. Тогда он поймет, что богатство добывается напором на природу, а не на богатого соседа; что богатеют от интенсивного хозяйства, а не от «захвата» и «погрома»; что его личный, шкурный интерес требует не нарушения правопорядка

в свою пользу («не пойман, не вор»), а сурового поддержания правопорядка во что бы то ни стало. Частная собственность развяжет его хозяйственную инициативу, откроет ему глаза на «пользу науки», пробудит в нем правосознание и верное чувство свободы, прикрепит его к государственности и родине. Россия рухнула, прежде всего, потому, что этого всего русскому мужику не доставало. Россия будет расцветать по мере того, как русский крестьянин будет все это приобретать.

Он должен стать не «богатеющим мещанином», притязательным, самодовольным и пошлым; но *личностью и гражданином*. Конечно, будет и эпоха преобладающего мещанства, особенно после революции. Но глубина русского Православия; но природная мечтательность и даровитость русской души; но патриотическое воспитание в армии; но облагораживающее влияние новой, выздоровевшей русской интеллигенции — могут и должны овладеть этой стихией мещанства и прожечь ее изнутри и снаружи. Здесь необходима целая система национального воспитания, пробуждающая в душе и вдвигающая в душу *чувство собственного духовного достоинства*, — не заносчивости, не гонора и гордости, но *чувство христианской призванности и рыцарственной чести*.

Да, только началами *собственности и чести* будет побежден и искоренен в России дух коммунизма и революционного бесчестия. Все будет полезно России, что будет содействовать этому процессу; и все будет ей вредно, что будет искажать его или задерживать. Здесь дело не только в «народном образовании» — в двухверстной школе, в дешевом обучении, в обилии гимназий, народных «университетов» и настоящих университетов; нет, вне духовного, религиозно-волевого и орденского *воспитания* масс — все это будет только разливать яд полуобразованности, верхоглядства, претенциозности и пошлости, только подрывать и разлагать бытие родины. А заваливать народную душу пустыми сведениями, не строя и не воспитывая народный дух, — значит возвращать поколения ловких и сведущих бесстыдников, достаточно «образованных» только для того, чтобы «нести Русь розно».

Это воспитание русского крестьянина на началах служения и чести отнюдь не следует представлять себе в виде какой-то «прекраснодушной проповеди» или сентиментального «уго-варивания». Нет, это есть система живого, государственного и бытового воздействия. Она должна начаться в церковном приходе, который будет воздействовать на своих порочных членов; она должна продолжаться в местном самоуправлении в виде нещадной и клеймящей борьбы с безответственностью, бесхозяйственностью, с хищением и взяткою; она должна изливаться живыми потоками из национальной армии и культивироваться в особях, всюду насажденных, независимых судах чести. Надо приняться *за всю стихию русского бесчестия*, с детства подрывающую в русском человеке стыд и достоинство: начиная от негигиеничного жилища (повальное спанье в избах) и матерного ругательства и кончая запоем и укрывательством краденного. Русский крестьянин должен остро почувствовать, что у него есть *честь, доброе имя и семейное (родовое) достоинство*; что ему *открыт путь личной заслуги, почета и даже славы*; что он сын великого народа, имеющего святых и героев, и гражданин великого государства, имеющего славных царей, артистов и ученых. И тогда он *возревнует о совершенстве* и довершит дело совершенствующегося хозяйства — делом крепнувшего духа.

Проблема русского крестьянства есть проблема самой России: ибо как возводить ее великое здание, если основной массив ее нации пребывает в низине? Не в «демократии» дело, а в том *духовном и хозяйственном расцвете народной души*, при котором даже водворение «демократии» или «республики» не сулило бы стране быструю гибель...

Кто поведет Россию на этот путь? Кто сможет и захочет дать ей это?.. Будущее таинственно молчит.

Но кто бы ни был этот ведущий и дающий — диктатор, цезарь, бонапарт или избранный законный государь, — мы все обязаны помочь ему, грядущему строителю России.

И.А. ИЛЬИН

АРИОН ПУШКИНА

Наперснику богов не страшны бури злые,
Над ним их промысел высокий и святой.

А.С. Пушкин

К каким делам благоволит Бог, тем и
вся тварь содействует; а от которых Он от-
вращается, тем и вся тварь противится.

Марк Подвижник

В далеких далях прошлого, едва доступных пытливости человека, великие маги пели свои заклинания. Они хотели воплотить в звучащих словах тайную жизнь духов, властителей мира, хотели подчинить себе самую волю невидимых сил...

Магов не стало, но песня не умерла. Рожденная стремлением человека к неведомому, она вновь расцвела у *греческих* алтарей. В ней душа смертного молилась божеству, просила у него знания, милости и защиты; и боги открывали певцам свои тайны, оберегали их от бед и зла... *Певец есть служитель и любимец богов, — так думает грек в мифе об Арионе.*

Шли времена, — все глубже и богаче становилась природа песни. Человеку открылось духовное естество Высшей Силы, он познал ее присутствие в своей душе, и песня зазвучала для него, как *отзвук божьих глаголов*, подслушанных в глубине поющего сердца, как голос Вечного в шуме земных голосов. Духовные очи певца стали различать незримое: за дымной пеленой повседневного бытия им явился иной мир, подлинный и совершенный; в простом земном предмете они увидели мысль и любовь Творца...

Венец есть *божье дитя*. Одержимый духом, он видит неизменную правду, о ней поет, и песня бережет его и спасает.

Так думает русский поэт в поэме об Арионе. Песнею утверждает Пушкин *святость песни*. Мистерией — возвещает о мистерии.

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн, —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

В чем же спасающая правда песни Ариона?

Для того чтобы овладеть этой правдой, надо помнить, что песни Пушкина, подобно созданиям природы, окутаны тенью неслучайных миров и, в образе малой части, говорят обо всем, обнимающем ее, великом целом. «Слов немного, — пишет о Пушкине Гоголь, — но они так точны, что обозначают *всё*. Каждое слово необъятно, как поэт». Надо помнить, что в ясной глубине этих песен обитает *сила, незримо созидаящая жизнь вселенной*.

Эта сила скрыта так, что ее не видит земное око, не слышит слабый и рассеянный слух суетной души. Она там, где не началось еще и уже кончилось время, где все старо, как вечность, и юно, как прозябающий подснежный цветок. Поэт находит ее «в немой тени дубов», в прохладе лип, на берегу пустынном в заоблачной келье горного монастыря. Ее огонь — в мрачной душе демона, впервые умиленной сиянием красоты; она близка к тому, кто томится духовною жаждой. Она везде: она одевает траву полевою, питает птиц небесных и *говорит устами избранных людей*.

Для того чтобы понять песни Пушкина, надо помнить, что *надмирною духовною силой* сотканы ткани ее прекрасных одежд. Подобно тому, как зерно таит в своей простоте — и неж-

ные формы, и благоуханное убранство новых цветов, так луч откровения, зажженный Божиим Духом в душе поэта, несет в себе благодатное цветение песни. Озаренная новым огнем, душа певца так находит слова и так вяжет их в стихи и строфы, что пробужденные ими мысли, образы и напевы — все дает отблеск нездешнего света, творит новый мир на старой земле.

Понять песню Пушкина — это значит услышать и уразуметь в ее тайной музыке тот единый звучащий луч, который прожег вдохновенное сердце поэта и рассыпался в стройных видениях и окрыленных ритмом словах.

Божий луч, горящий в «Арионе», есть откровение о *спасении певца верою*. Певец спасен потому, что он *прав*, а прав он потому, что *вера* поет его песню.

Душа верит тогда, когда всем бытием своим переживает присутствие Бога. В Нем ее мысли, от Него ее воля, к Нему ее любовь. В единении с Ним она не печется о многом, ибо одно только ей нужно; и, полная Им, она свидетельствует о Нем.

А я — беспечной веры полн, —
Пловцам я пел...

Одинокое божье дитя в пустынном мертвом мире... То приобщение души вечному началу, которое создается опытом *веры*, не уводит человека от земного бытия. Душа, исполненная духом, все же есть частица земли: она приемлет мир и живет в нем, но, живя в нем, она часто бывает *чуждой* другим людям. Самое существо *веры* делает возможным это *одиночество*. Ни одно слово, вознесенное выше человека, не утверждало с такой силой правоту и трагическое одиночество лучших, как слово о верховной ценности религиозного переживания, доступного *не всем*: оно явило пропасть между теми, которым дано знать тайны Царства, которые рождены для вдохновения и молитв, и — толпой, падкой на осязаемую пользу и суетный блеск. Духовное свершение имеет цену до своего воплощения в слова и дела. Слово же и деяние получают свое достоинство и свой смысл от духовного акта, в них явленного. Но души, пустынно-мертвые, — разве воспримут они тайны Духа? Они

заметят, может быть, его внешнее убранство и отвернутся от его глубины.

Одинокое божье дитя в трезвом, деловитом мире, в мире холодных интересов, бескрылых усилий и рассудочной работы ума... Одинокое потому, что по иным путям направляет *вера* душу человека. Тот, кто верует, ищет основу и содержание своего бытия не в своем преходящем земном опыте, но в том духовном богатстве, которое ему открыто единением с Божеством. Он живет не своими силами, не своим умом: он вслушивается в тот тайный голос, который шепчет в его совести; он с доверием внимает священной истине, просветляющей его разум, и «в величавом уединении» беседует с «оракулами веков». Как дитя, он ищет научения в благой воле Отца. Он чуждается корыстного земного труда, не засекает полей, не собирает возвращенного на них колоса, но беззаботно мнет цветущий луг своей «бродящей ленью». Его мечты уносят его дальше земных целей и, когда вера подвигает его на дела, когда он соединяет свою судьбу с земной борьбой многих и «единая» цель освещает их пути — *не одно и то же* дело вершится совместным усилием, и *разные* жребии ждут борцов...

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн, —
Пловцам я пел...

Песнь веры несет певца от одиночества к *избранности*, — мертвое молчание души, далекой Богу, приводит ее к *гибели* в земной буре.

Спасение верою исходит из самого опыта веры. В нем чудно слиты воедино — и порыв души к Божеству, и осененность ее Его благодатью: душа хочет познать, и уже знает; она предает Ему свою волю и уже слышит веления; она любит и уже тем самым любима. *Бог не покидает своих, одиноких в мире, детей.*

Дух Божий, овладевший душой человека, создает в ней *свое* царство: устои и законы его отличны от тех основ, на которых заблудшие люди хотят строить свою жизнь. В этом царстве столько света, что душе, пронизанной светом, кажется серым все, что не приобщилось ее сиянию; этот свет, который есть излучение подлинной природы Сущего, раскрывает разуму такую правду о мире, перед которой ненужными становятся мелкие «истины» темных людей. Интересы и заботы, удачи и неудачи «детей ничтожных мира» — теряют цену для духовно перерожденной души, и она живет *над* тленном жизни, ему не подвластная. Чуждая мелким желаниям и никогда не удовлетворимым страстям, она становится *неуязвимой* для того, что лишает ее преходящего блага и неверного счастья. Когда вихрь разнузданных страстей взметет до дна стихию жизни, и рабы конечной мечты, вовлеченные в бурю, погибнут в ней — божье дитя найдет себе убежище в своем царстве, предоставив мертвым погребать своих мертвецов. Земные вихри, губительные для тела и души, немощны перед вечным духом: сила его, побеждая время и овладевая естественной сменой причин и следствий, превращает земную стихию в орудие Высшей Воли, и гроза роковая для смертного спасает божье дитя, хранимое тою Властью, что заклиняет ветер и море.

Дух Божий, овладевший душою в пережитом ею акте веры, делает ее самое *источником* Божией правды. Ее детское доверие к высшей мудрости преображается в непосредственную очевидность и в чувство неизменности Божиих откровений. Верная и сильная своей неизменностью, она, как и прежде, как всегда, поет хвалу светлым видениям.

Природа живет по законам той Силы, которая дает ей жизнь и красоту. Душа праведная, сотканная из лучей благодати и осознавшая свое единство с Тем, Кто посылает ее, *близка природе* и влечется к ней. «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби»¹⁰³. Спокойно и лучезарно божье дитя под скалою своей веры. Вечное солнце горит в его сердце и, превращая в невидный пар последние следы налетевшей на него

бури, дарует ему радостное сознание своей правоты. Ибо блаженны избранники.

Вдруг лоно вод
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Разные силы направляют дела человека: и силы души с ее думами, страстями и желаниями, и силы внешнего, видимого *мира* вещей.

Но это не все: каждое деяние связано с *духовным* началом жизни: судьбой его ведают *вечные божественные законы, которые тайно держат в своей власти весь мир*.

Трезвые люди умеют познавать только «реальные условия» своего начинания, умеют «хорошо» использовать их; но они не думают об его *духовном смысле и духовной правоте*, не думают до тех пор, пока укор совести не сломит их силы или *неудача* не скажет им, что над ними есть *рок*.

А между тем, во все времена мудрецы и подлинные поэты общаются с Тайным и, наполняя им свои вещие слова, учат других идти путем вечной правды, беззаботно и радостно *вверять Богу свою судьбу*.

Вера есть путь к знанию вечного. В знании вечной духовной основы жизни — мудрость; в верности ей — правота, сила и спасение.

Так говорит величайший поэт, «таинственный певец» России, поэт, увидевший русскую душу в ее совершенной красоте и явивший в песне ее образ — мудрый и величавый.

Да услышат своего певца русские люди, оглушенные шумом земли. Да будут мудры их помыслы, величавы деяния! И спасенье — придет.

Н.Н. ИЛЬИНА¹⁰⁴

БОРЬБА ЗА ДУШУ РУССКОГО НАРОДА

В глубине, в основе всех событий, свершающихся в России, за всеми внешними явлениями, за всей внешней деятельностью, за всеми усилиями и борьбой, за всеми переживаниями и за работой каждого дня — происходит сейчас некое основное действие, некое непрерывное, неослабное напряжение, процесс особой важности, особой значительности: борьба за душу русского народа.

От того или иного исхода этой борьбы зависит *судьба* русского народа. Мы все призваны участвовать в этой борьбе — как живущие в рассеянии, так и находящиеся «там». Более того — это как раз то *основное* дело, к которому мы призваны. Оно должно питать всю нашу деятельность, все наши заботы, все наши думы о русском народе; оно должно стать той нравственной стихией, в которой мы живем и которая должна господствовать и в нашей внутренней жизни. Сознание постоянности, неотступности этого дела придаст каждому акту нашей жизни, каждому звену, каждому «кусочку» нашей работы, даже самой будничной, самой обыкновенной — особую интенсивность, глубину и значительность; и от этого вся наша борьба выиграет и в *силе* воздействия, и во внутренней *ценности* своей. Жизнь и работа нашего дня станет *религиозным* напряжением — во имя любви, призывающей нас делать *Божие дело*. Ибо борьба за душу русского народа есть подлинно Божие дело.

Это призвание облагораживает нас и придает смысл нашему существованию. Оно есть *высокий дар*, данный нам Богом. И недооценивать его мы не можем, не смеем. В том дар Божий нам, что мы особенно ярко чувствуем, что *все мы призваны*: мы призваны служить Ему, отстаивая душу русского народа, и притом — *начиная с собственной души*. Но отстаивание своей собственной души против мироправителей и властей тьмы века сего — крепнет именно в борьбе за душу нашего народа, крепнет в деле любви. В том сила дела любви, что оно возвышает и очищает — и самого дающего, и пред-

мет его воздействия. У нас есть великая возможность: такое поле деятельной любви редко кому предлагалось с такою настоятельностью и убедительностью. Самые события, самый голос истории, сами внешние обстоятельства нашей жизни и жизни нашего народа с незаглушимой настоятельностью говорят нам: «иди и служи на поле любви!». В этом наше богатство, — в том, что голос призвания так громко, так немолчно раздается нам. В этом — «обратная сторона медали» всего ужасного, что мы переживаем: мы особенно ясно сознаем, что *мы избраны для служения*. Всегда, все мы, христиане, были и есьмы избраны для служения Богу на поле любви. Но никогда с такою силою мы не сознавали этого, как теперь. Это та радость наша, о которой говорит Апостол: нас огорчают, а мы радуемся; мы ничего не имеем, но всем обладаем...¹⁰⁵ Т. е., конечно, если осуществляем призвание, а не иначе. Иначе мы жалкий сор, выброшенный на поправление людям; голые внутренне и внешне; нищие, не видящие своей нищеты и кичащиеся не принадлежащим им духовным богатством. Ибо если мы не осуществляем его, то оно не наше. Если же осуществляем наше призвание, то не имеем времени и возможности кичиться; ибо оно требует от нас, чтобы мы *отдали себя ему*. Ему — Высшему в нас и над нами, Владыке нашему, которому мы должны покорить свою душу и душу нашего народа, начиная с нашей собственной души — Ему подобает расти, а нам умаляться.

В этом борьба за душу нашего народа: *покорение ее Высшему содержанию жизни, просветляющему жизнь*. Не для каких-нибудь внешних целей, а просто потому, что это *дело любви*. Страждет и мятется душа русского народа, и много на ней тягот, тяжелое бремя; и жаждет она найти *покой*; и много, много сердец и очей все больше, все с большею жаждою обращается к тому Источнику покоя, который говорит про себя: «Придите ко Мне, <все> труждающиеся и обремененные, и Я успокою Вас»¹⁰⁶.

20 миллионов активно верующих православных насчитывают православные круги в России, по словам одного иннос-

транца, друга нашей Церкви, бывшего там летом 1927 года. «А три-четыре года тому назад мы насчитывали лишь 6 миллионов», — говорили ему там*. И еще: «нам тяжелее теперь, чем три-четыре года тому назад, но мы не слабее». Церковь обнажена там до основания, — говорит тот же иностранец, — лишенная всех внешних данных, лишенная самой элементарной свободы, лишенная даже внешнего общения между своими членами... «И увидел мир, что основание ее — на скале». «Дело Церкви в надежных руках, — писал недавно один священник с юга России (в начале 1927 г.), — весь народ церковный бережно охраняет Церковь как величайшую святыню свою. Смуты церковные касаются лишь поверхности».

Правда, епископов отрывают от паствы и ссылают; но, как мы знаем из другого письма, на границе вечных льдов (на 3° севернее Полярного круга!) сосланный епископ, совершая литургию, имеет перед умными очами своими всю паству свою, посылает ей благословение и молится за нее. И чтобы и нам здесь, физически отделенным от России, в полной мере принимать участие в этой борьбе за душу русского народа, — мы должны быть охвачены тем же *духом органического, внутреннейшего единения с нашими братьями, которые там.*

Поток растет. Но еще много, много мятущихся, страдающих душ, не могущих найти покоя. Ибо вместо души людям хотят как бы «вставить» гайку; то, что ценнее всего мира, хотят выбросить вон. «Нет души», — говорят большевики**. И, действительно, они систематически опустошают душу. Опустошают душу в городе, опустошают ее и в деревне. Такое опустошение души в целом округе изображает Леонов¹⁰⁷ в своем потрясающем «Петушихинском проломе» (1922); или, например, другой писатель советской России, глубоко привлекающий своею чуткостью, — Яковлев¹⁰⁸, в «Смерти Николина камня». Об этом опустошении души большевицкой

* Эта большая количественная разница объяснялась церковными кругами не только сильным ростом религиозной жизни, но также и лучшей осведомленностью теперь, чем четыре года тому назад.

** Яркие данные по борьбе большевиков с самой идеей души собраны, напр., в книге René Füllop-Miller «Der Geist und das Gesicht des Bolschewismus», 1926.

системой, большевицкой идеологией с горечью говорит еще один писатель советской России С. Клычков¹⁰⁹ в своей идейно и художественно замечательной книге «Чертухинский Балакирь» (1926): «Не за горами пора, когда человек в лесу всех зверей передушит, из рек выморит рыбу... Тогда-то железный черт, который только ждет этого... привертит человеку на место души какую-нибудь шестерню с машины, потому что черт в духовных делах — порядочный слесарь...» (стр. 158).

Такое опустошение души, добровольно проделанное, пережил Есенин; — и не вынес. Об этом говорят и многие из его последних стихотворений (ср. его жуткого «Черного человека» с его безотрадно-жестоким самоанализом). Следующие строки свидетельствуют о его глубоком разочаровании в окружающем:

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна.
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Повести и очерки из советского быта рисуют нам такие опустошенные души и их правдивую психологию. И эти изображения тем более убедительны, что они большей частью лишены всякой отрицательной тенденции, ибо сами авторы их не видят всего ужаса рисуемого ими духовного состояния. Законы нравственности отпали, осталась лишь коммунистическая норма поведения: «что полезно для партии, то — добро» (слова Ленина). Отсутствие всякого нравственного идеала, всякого стержня, на основе которого человек может, по крайней мере, сам судить себя и *знать, что он грешен*, — отсутствие этого стержня не пугает советских писателей, не изображается ими, как нечто отрицательное. Для них это — норма; это — должное явление. Отсюда огромная показательность их изображений советской жизни. Особенно много психологического материала большой ценности дают в этом смысле рассказы Сейфуллиной¹¹⁰.

Дикость, дурная первобытность этих людей, управляемых мелкими страстишками, лишенных всякого сдерживающего и просветляющего начала, — представлена здесь, так сказать, *изнутри*, ибо автор чувствует себя близким к своим героям. Особенно показателен и типичен герой в рассказе Сейфуллиной «Встреча», карьерист революционного времени. Вообще типы революционного карьериста встречаются на каждом шагу в советской литературе (срв., напр., Фильку Великанова в «Страна родная» Артема Веселого, 1927). Этому мелкому себялюбю мелкой души советскими писателями противопоставляется «сознательный революционный пафос», *убивающий в человеке все человеческое*, тогда как у тех дикарей встречается, по крайней мере, некоторое добродушие; — пафос, превращающий человека в бездушную, безжалостную часть огромного, стихийно-движущегося потока (срв. «Железный поток» Серафимовича, или талантливые, но отвратительные в своем истерическом кривляний и тенденциозности очерки Бабеля «Конармия»), или вернее — в «гайку», винтик огромной беспощадной машины, гигантской гильотины, обрушивающейся на целую страну (срв., напр., рассказы Пильняка или «Города и годы» Федина).

Этот «революционный пафос» увлекает многих и является особенно излюбленной темой множества рассказов из советской литературы. Однако он, по-видимому, все более отходит на задний план перед страшными, серыми коммунистическими буднями. Ужасно бешенство кровавого зверя*, но состояние скота, валяющегося в грязи, не лучше. Очерки современного советского быта, особенно быта учащейся молодежи**, дают нам картины полного нравственного одичания даже в мирной обстановке (срв. ряд рассказов Пантелеймона

---

* С невыносимым реализмом рисуется оно нам в материалах, собранных С. Федорченко, под заглавием: «Народ на войне» (1927). Это не литература, а подлинные записи, имеющие характер живых документов. Отвратителен, совершенно невообразим тот кровавый разгул, до которого может докатиться народная душа, лишенная всяких основ жизни.

** Еще ярче, чем в повестях — в изданном в советской России сборнике «Комсомольский быт», 1927.

Романова¹¹¹, особенно «Без черемухи»; Никандрова¹¹² «Знакомые и незнакомые»; в одном из недавно вышедших рассказов имеется описание студенческой вечеринки с разговорами непередаваемой циничности, которые ведутся между студентами и студентками; срв. «Василий Сучков» А. Н. Толстого и многое другое).

А беспризорные? а советская школа? а разврат среди детей?

Душа тоскует, когда слышишь или читаешь об этом. Становится ясной необходимость борьбы за народную душу. Тем более что даже советская литература не может скрыть от нас тоску этой души*. И эту борьбу — мы видели — ведет в России *Православная Церковь*. И эту борьбу может и должен вести каждый из нас даже в рассеянии: пока *мистически* и *педагогически* — участвуя в организации Церкви, молитвою и любовью, воспитывая в себе (прежде всего — в себе), а затем и в других *дух служения* и борясь духовно с теми же началами тьмы, с которыми и там борется народная душа, — или, вернее, борется в народной душе и за народную душу *сила Божия через Церковь*.

Но всякое педагогическое и мистическое делание есть делание огромного, необъятного значения: из малых семян, бросаемых в борозду, вырастает грядущая жатва, а из семян веры, величиною в зерно горчичное, вырастает мощное древо. «Сие буди, буди!»

Это не отрицание внешнего дела и борьбы. Сила любви *не может не выражаться в деле*. И здесь снимаются рамки: внешнее становится внутренним, ибо осмысливается и согревается изнутри. Внутреннее, духовное — творит и преображает всю жизнь. «Сие есть победа, победившая мир, — вера наша».

Н. С. АРСЕНЬЕВ¹¹³

---

* Срв., напр., «Встречу» и «Каин-кабак» Сейфуллиной.

ВЕЛИКИЕ СТРОИТЕЛИ РОССИИ**МОСКОВСКИЕ КНЯЗЬЯ-СОБИРАТЕЛИ**

Величайший русский историк С. М. Соловьев писал в середине XIX столетия: «Громадность Русской государственной области может привести некоторых в заблуждение, заставить подумать, что Россия — колоссальное государство, вроде древних Ассирийского, Персидского, Римского; но стоит только внимательно взглянуть в явления начальной русской истории, чтоб увидеть, как неверно подобное мнение». Россия выросла *органически*, а не случайными завоеваниями более слабых соседей. Уже в эпоху первоначального объединения восточных славян в своеобразный государственный союз, созданный киевскими князьями, Русская Земля тянулась от Азовского моря и Подкарпатья к Финскому заливу. *Природа страны и состав ее населения*, а не исторические для нее случайности создали громадность территории Русской Земли Владимира Святого и Ярослава Мудрого. История России есть история «колонизирующейся страны», и это основное положение С. М. Соловьева остается в силе, как для Русской Земли старого времени, так и для России времени новейшего. Тут заложены различия ее истории, задач ее государственного строительства и ее культурного дела — от положения западноевропейских государств, которые давно получили возможность сосредоточить свои силы на уже колонизованных территориях.

Монгольское завоевание XIII столетия привело к разрыву постоянных связей русского Юга и Запада с Северо-Востоком. После него потребность более прочного объединения для защиты своей жизни вызвала соби́рание русских земель в более организованные государственные союзы. Русские Юг и Запад около маленькой Литвы сложились в Литовско-Русское государство, в которое вошли старейшие и культурнейшие русские территории Днепра и его притоков. Эти земли вышли из-под татарского владычества, приняв верховную власть ли-

товского князя, но сохранив свою старую внутреннюю русскую жизнь. Земли же по верхней Волге, Оке и их притокам еще долго изнывали под «агарянским» игом. Но потом началось и их собирание, и именно они стали тем ядром национального государства, около которого русский народ должен был собраться *весь* в его дальнейшей истории. Как же образовалось это ядро? С какой идеей началось здесь собирание Руси и во что вылилась эта идея с его успехом?

Ко времени нашествия татар, в Верхневолжском и Приокском краях, на широком просторе, раскинулись две русские земли — Ростово-Суздальская и Муромо-Рязанская. Первая — между Клязьмою и северным загибом Волги, вторая — по среднему течению Оки и в области ее правых притоков, Осетра и Прони. Громадная полоса леса отделяла Суздальскую землю от Русского Юга и дала ей имя Залесья. Земля Рязанская, также обильная лесами, к югу переходила в открытую степь, столь облегчавшую путь кочевникам. Ряд городов — одни очень давно, другие позднее — вырос на территории этих земель. И из всех них судьбами истории выделилась Москва, которая собрала около себя все остальные города, со всеми тянувшими к ним селами и деревнями. Этого мало. Москва пошла по пути собирания целой Русской Земли в единое национальное государство русского народа.

Археологические данные, в их числе арабские диргеми середины IX столетия, говорят, что местность, где стоит город Москва, сохранила следы очень давней жизни и что она лежала на торговых путях великих путешественников первой половины средневековья, арабских купцов. Но мы не будем углубляться в это слишком далекое время. Для нас важна Москва как возникавший центр русского национального государства.

Под 1147 годом ее впервые упоминает летопись. Тогда она была крупным дворцовым селом суздальского князя Юрия Долгорукого. В нее он звал одного из своих южнорусских союзников словами: «буди, брате, ко мне к Москве»; в ней был устроен для него «обед сильный». Через несколько лет это се-

ло обнесено плотным частоколом из толстых деревьев. Оно стало городом, т. е. огороженным, укрепленным местом, и получило княжеский гарнизон. В дни русского горя, в татарское нашествие, Москва сожжена татарами в 1238 году, после героического сопротивления, руководимого воеводою Филиппом Нянькою. Жители перебиты, и хищники забрали «много имения». Но уже вскоре после разгрома в Москве был свой, хотя и кратковременный, князь. Это — Михаил, младший брат Александра Невского, захвативший и великое княжение Владимирское, но погибший в 1248 году в бою с литовцами. Затем Москва — в числе городов, принадлежавших Александру Невскому, который ее отдал в «удел» своему «мезинному» сыну Даниле. От него и пошла уже непрерывная линия московских князей — Юрий и Иван Даниловичи, Семен и Иван Ивановичи, Димитрий Иванович и его преемники.

Конечно, мы должны забыть наши современные представления о городе, когда хотим себе представить Москву того времени. Ее центр — Кремль, или «детинец», обнесенный бревенчатою, деревянною стеной. Он на любимом месте старых русских городов-крепостей, на крутом обрыве, при слиянии двух рек, — на Боровицком холме, при впадении реки Неглимной (Неглинной) в Москву-реку. В нем княжой двор, изба с дворовыми постройками и помещением для гарнизона. А за княжим двором — длинный ряд сел, которые постепенно вливались в становившийся великаном город, в первой половине XVI столетия уже имевший в окружности более 20 верст. Старые села бояр и князей, городища и урочища — Драчевское, Кучково поле, Напрудское, Семцинское (нынешняя Пречистенка), Хвостовское, Кудрино, Дорогомилово и другие — все это мало-помалу слилось в громадный город, который уже в XVI веке заезжие иностранцы считали равным по величине тогдашнему Лондону. Издревле эти места были покрыты бором, воспоминание о котором сохранилось в целом ряде московских урочищ. Разбросанные в бору села и слободы вбирала в себя Москва и к концу XVI столетия она разделилась на Кремль, Посад, Загород и Заречье.

Москва-город, с окрестными селами, и составляла весь «удел» основателя линии московских князей — Даниила Александровича. Но он, умело действуя в обстановке своего времени, в тяжбах и столкновениях своих старших братьев, под верховным владычеством грозного татарского хана, зорко высматривал возможности «примыслить» к своей вотчине новые куски земли и старался охранить ее от опасной для нее силы и себялюбивых замыслов великого Владимирского князя, такого же вотчинника в своем «уделе». Данило отнял Коломну у рязанского князя Константина, а «вотчиною своею Переславлем» его «благословил» перед своею смертью его племянник, князь Иван Дмитриевич. И, умирая в 1303 году, Данило уже владел двумя городами кроме Москвы — Коломною и Переяславлем. Наследовавший ему его старший сын Юрий захватил город смоленского князя Можайск и стал обладателем всего течения Москвы-реки, от ее верховья до низовья, от Можайска до Коломны. Юрий сознавал себя настолько сильным, что решился на тяжбу за великое княжение Владимирское с тверским князем, получившим его от хана. А эта тяжба потребовала не только упорства и решительности, но и сил для вооруженной борьбы с соперником и денег для задаривания хана и его приближенных, а также большой хитрости и житейской изворотливости, не спасших его, однако, после его торжества, от насильственной смерти от руки сына погубленного им тверского князя Михаила Ярославича.

Преемник Юрия, Иван Калита, продолжал дело, начатое отцом и старшим братом. После борьбы с Тверью ему удалось прочно утвердиться на великом княжении и получить великую милость хана, с полномочием собирать «выход», татарскую дань, с Русской Земли для передачи ее в ханскую казну, с «тишиной» от татар для Московского удела. В то время как другие удельные князья-вотчинники, нуждаясь в деньгах, продавали свои села, Калита их покупал. 16 сел во Владимирском, Юрьевском, Костромском и Ростовском уездах, волость Кистьма, Белоозеро, Углич и Галич были его «куплями». Своим сыновьям он оставил уже целых пять городов, 54 волости

и 32 дворцовых села. Но значительные, по представлениям того времени, размеры удела Калиты были миниатюрны, если приложить к ним масштаб России, выросшей из Московского княжества. Оно в Калитино время не охватывало даже нынешней Московской губернии, ибо в него не входили ее уезды Клинский, Волоколамский и часть Дмитровского. Сыновья Калиты, Семен и Иван, продолжали дело «примыслов»: села в Переяславском, Юрьевском, Костромском уездах и в Галицком княжестве, земли на левой стороне Оки и при устье Протвы и некоторые другие были приобретены ими. Калинина вотчина росла, но росла не быстро, без спеху и прочно собирая земли, так же постепенно, как город Москва естественным своим развитием понемногу вливал в себя окрестные села. Создавался тот крепкий фундамент, на котором выстроилось позднее величественное здание Московского Царства, а из него, еще позднее, поднялась Россия, как государство мирового значения.

С какую же идеею рождалось Московское княжество? — Оно было *вотчиною, собственностью, наследственным земельным имуществом своего князя*. В эту вотчину собственник ее влагал всю *любовь к своей земле*, ту любовь, с которою теперь *крестьянин-земледелец* и более крупный хороший хозяин смотрят на свою землю-кормилицу — в нее вложено столько кровного труда и пота, страды и истомы, она по малым кускам собрана ценою лишений и жизненной борьбы. Московский князь того времени, прежде всего, *собственник, приобрета- тель*, накапливающий материальное богатство. Оно в его земле, оно и в собираемых им золотых поясах, шапках, шубах, чашах, золоте и перлах. Стоит прочесть духовные грамоты московских князей, чтобы ясно усвоить это. Князь, как «грешный, худый раб Божий», дает «ряд сыном своим и княгине своей» и делит между ними свои города и села, одинаково как и свои «чумы» (большие ложки или малые ковши), блюда, «чепи (цепи) золоты», «шапку золотую», «коробочку золотую», кожухи, «скарлатное портище сажено з бармами» и т. д. И имущество князя еще так невелико, если мы посмотрим на него глазами

современного нам не только наследственного главы государства, но даже богатого человека... Он помнит все свои села, все чаши, блюда, пояса, порты. Его внимание отдано почти одинаково накоплению как земель, так и золота, серебра, кожухов и шапок.

Собрать всего этого побольше, *копить* — вот к чему стремился князь-вотчинник, над чем так упорно работала его мысль, к чему направлена его воля. И все это он любит как *свое*, с великим трудом и затратой громадных сил приобретенное. Он и похоронится в собственном храме Архангела Михаила в Москве и не завещает погребсти свое тело в великокняжеском городе Владимире, хотя и был великим князем. *Свое* дороже всего, оно его и его семьи, оно *родное*. Перед нами то самое настроение, с которым жили почти *все* создатели старых государств Запада и Востока, получивших свое начало в то суровое время.

Чтобы понять князя-вотчинника в его жизни и деятельности, нужно помнить то, что один из крупнейших русских педагогов, К. Д. Ушинский, так ярко зарисовал с именем «патриархальной нравственности», наблюдая жизнь народных масс своего времени. *Чужой* — словно в другом мире, и нет внимания к его жизни, нуждам, даже страданиям. Все чувство — *своим*, о них вся забота. И человек, не признающий ничего недозволенным по отношению к чужому, готов сделать все на свете, чтобы осушить слезу своего отца или доставить удовольствие и радость своей семье.

Однако очень рано для вотчинника-князя наметилось и то великое начало корректива, которое, развиваясь, должно было исправить и изменить его воззрение. Забота о населении удела-вотчины исходила еще из «патриархальной нравственности» князя и интересов хозяина: *его* людям должно житься хорошо, они — *его* и потому не чужие. Но это для него и выгодно, потому что дает ему хороших слуг и плательщиков и привлекает в его вотчину переселенцев. Та высокая идея Московского Царства, которая одухотворила старую вотчинность, которая как живая вода влилась в московский удел и

обеспечила ему гигантское развитие и духовную красоту, дана была лишь Русскою Церковью.

Московский князь был набожен и предан вере отцов — она была *своя*, предковская, родная. Но не ищите в нем высоты и чистоты истинного христианина. Постройка своих храмов и их украшение, схи́ма перед смертью — еще далеки от сущности Христова учения. В них так ясны еще начала себязлюбия вотчинника и «патриархальной нравственности». В его храмах лампада теплится только за него, его семью и его удел. А принятие «иноческого образа» умиравшими князьями, может быть, в этом отношении особенно характерно. Старые назидательные сборники объясняют его очень просто: с принятием нового, монашеского имени грехи, совершенные раньше, уже не будут отягощать умирающего при решении его судьбы в загробном мире, и ангел скажет диаволу: «не сего суть человека греси, сему есть имя ино, но не се есть, его же ты глаголеши и ищещи».

Русская Церковь сумела привить высокие и более широкие начала в «патриархальной нравственности» московского князя, не разрушая старую основу *своего*, родного для него, но *очищая и освящая* ее, открывая ему новые задачи и *новый смысл его власти и собирания им Руси*. Население вотчины — «сироты» князя; Бог вручил ему о них заботу и обязал его охранять и делать счастливою их земную жизнь. Вместе с тем Русская Церковь поставила московскому князю задачу обращения его дворцового города Москвы в *храм России*, а его крепости, Кремля, — в ее *алтарь*. Это было делом одного из величайших русских иерархов, св. митрополита Петра. Строгий подвижник и истинный пастырь, он в то опасное для путника время неленостно «прохожаше места же и грады» Русской Земли, «уча и наказуя всех». Св. Петр любил бывать в «граде» Москве, «еще тогда малу сущу ему и не многонародну», и внушил Калите мысль «да сотворить церковь камением составленну во имя Пречистыя Владычицы наша Богородицы» — «и град сей славен будет во всех градах Русских, и святители поживут в нем, и въздут руки его на плеща враг его, и прославится Бог

в нем, еще же и мои кости в нем положены будут». С постройкою этого храма, Успенского собора, и началось созидание и собирание в Москве общенародной русской святыни, что делало ее центром духовной жизни русского народа.

Митрополит стал рядом с князем в Москве на страже Московского княжества и собираемой им около себя Руси. Митрополит «всея Руси» — советник московского князя; а в лице св. Алексея в малолетство Дмитрия Донского — даже его опекун со всею полнотою власти. Русские подвижники такой недостижимой высоты и кристальной чистоты, как преп. Сергей Радонежский, возносят за московского князя свои молитвы и помогают ему своим благословением и своим деланием. Русские миссионеры столь величавого подвига, как святитель Стефан Пермский, обращают язычников, расширяют тем Московскую епархию и насаждают в самых глухих местах Московского княжества *идею Православной Русской Державы*. Митрополит становится постоянным посредником в столкновениях московского князя с другими князьями, склоняет их к примирению с ним и к признанию его первенства. Церковь учила население, что оно должно быть верно своему князю: «аще добре прийте князю нашему, и обогатит земля ваша и плод добр объемлете». Отъезжающий от своего князя к другому «подобен есть Иуде, иже, любим Господом, умысли продати Его князем жидовским». Русская Церковь бережно хранила идею единства русского народа. *На основе единства «русской веры» и выросло русское национальное сознание* — все тверичи, москвичи, рязанцы, полочане, новгородцы, черниговцы, киевляне и т. д. сознали себя единым русским народом, прежде всего потому, что все они исповедовали единую «русскую веру».

Национально сознающий себя народ выделяет себя из общей массы народов и противопоставляет их себе. Русь противопоставляла свою «русскую» веру вере «латинов» — «не примай ученья от латын, их же ученье развращено»: и «латынская прелесть» ставила католика в один ряд с «жидовином», «сарацином» и «всеми погаными». Но себя противопоставлял рус-

ский народ и «сыроядцам-татарам». Власть их над ним была *чужою*, она подлежала свержению. И московский князь сумел стать во главе этого национального русского дела, дела народного освобождения. Растущий Московский удел уже в первой половине XIV столетия привлекал новое население, — в его составе и бояр с их «дворами» и слугами-воинами. Сила Москвы ставила ее во главе Руси для близившейся борьбы русского народа с проклинаемым татарским игом, а ее *географическое положение* делало ее *военною базой* для этой борьбы. Отделенная от татар землями Нижегородскою, Муромо-Рязанскою и Северскою, Москва могла копить военные силы, посылать помощь страдающим от татар землям и, естественно, получала значение руководительницы борьбы и главной в ней силы. В 1367 году был поставлен «город Москва камен». Окруженный каменными стенами, Московский Кремль стал главною русскою крепостью. А борьба с татарами уже началась в 70-х годах века. И Куликовская битва 1380 года была оценена старою письменностью как кровавый бой «за всю Землю Русскую», в нем «князь великий своею храбростью и дружиною Мамай поганого побил за Землю Русскую и за веру крещеную». Пусть это «побоище» еще не освободило Руси от «сыроядцев» и целых сто лет еще ей пришлось ждать свержения «агарянского» ига, вновь подвергаясь ужасу нашествий хищников, — приближение освобождения сознавалось, и Дмитрий Донской в старой письменности именуется «царем Русским», как готовый преемник власти хана над Русью. Правда, его сыновья, уже вотчинники великого княжения Владимирского, все еще остаются данниками хана, но вера в то, что «переменит Бог Орду» — налицо, и Дмитрий делает в своей духовной распоряжения на этот случай.

Сын Донского, Василий II, далеко расширил пределы своей вотчины. Нижний Новгород, Городец, Муром, Мещера, Таруса, Волок Ламский, Бежецкий Верх, Ржев, Вологда, Козельск и Любутск вошли в ее состав. Продолжал присоединения и его сын Василий II, а сын и внук последнего, Иван III и Василий III, dokonчили соби́рание всей тогдашней Русской

Земли, еще не соединившейся или слабо соединившейся с Литвою. С нею из-за остальных русских земель должна была возникнуть упорная борьба, начавшаяся уже при Дмитрие Донском. С развитием процесса собирания Руси московский князь в этой борьбе основывался на том же своем вотчинном, наследственном праве, под покровом которого и вся Русская Земля слагалась около Москвы в национальное русское государство. В старой рукописи «Палеи» читаем такую приписку к «Уставу св. князя Володимера, крестившего Русскую Землю»: «се яз, князь великий Василей Дмитриевич всея Руси, сед с своим отцем с Фотеем, митрополитом Киевским и всей Руси, управили есмы по старине о судех церковных, вземше старые Номоканун, како управил *praded* мой св. князь великой Володимер и сын его кн. вел. Ярослав всея Руси». Это сознание *наследственности* власти над всею Русскою Землей затем было отчетливо высказано Иваном III и Василием III в их переговорах с Литвою: «вся Русская Земля от прародителей наших наша вотчина». Эта вотчина должна собраться воедино — наследственный князь-вотчинник ставит свою задачу восстановить ее всю.

Из простого вотчинника ходом истории и работою русской мысли он превращался в православного «царя», преемника Константина Великого и византийских императоров. Уже Флорентийская уния 1439 года, когда константинопольские «царь» и патриарх «в прелести латынских ересей впадоша, в сети злата увязнувшие», запечатлела в русской мысли подвиг московского князя Василия II, который не допустил «совратити люди Божия с истинного пути святыя веры». Он один, когда в смущении растерялись русские епископы, мужественно отверг постановления «суемысленного собора», приказал привезшего в Москву унию митрополита Исидора «с митрополского престола совреши», как «безумца прелестника». И Церковь была «беззаветною и безмятежною» сохранена «обличением Богом вразумляемого великого державного Василия Василиевича, в благочестии цветущего царя всея Руси, ему же о сем откры Господь Бог велеумне разумевати

и вся мудрствовать». В 1453 году Константинов град, Второй Рим, пал и «беззаконный Магмет седе на престоле царском». Кто же теперь станет «православным царем» *в мировом значении стража православия*, нуждающегося в защите от «волкохищных» врагов, с мечом, «бесованием гордости», «ересью» и «тмою безверия» воинствующих? Для русской мысли ответ был готов: московский князь как царь православный. Москва встала на место Константинограда, Нового Рима — «два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быть».

Так «удел» московских князей-собирателей вырос в «Царство Московское — Великую Россию», собрав и продолжая собирать около Москвы Русскую Землю и засветившись яркою идеею, такую живую и величественною, в тогдашнем органически стройном, словно литом, мирозерцании.

И.И. ЛАППО

СУДЬБЫ РУССКОГО ХОЗЯИНА

Всех людей по тому, как они относятся к собственности, можно разделить на 5 групп: 4 активных и одну пассивную.

Первая группа — *хозяева* в душе, работающие, бережливые, деловитые. Они — организаторы труда, созидатели ценностей, накопители мировых богатств.

Вторая группа — *святые*, бескорыстные, неприхотливые, невзыскательные. Для них житейские блага не имеют никакого значения.

Третья группа — *завистники*, люди озлобленные и бесплодные, тип, дальнейшего пояснения не требующий.

Четвертая группа — *бесхозяйственные* люди, безалаберные, лишенные делового чутья и понимания, бездарные, бестолковые, ленивые, расточительные. Сюда же нужно отнести фантазеров, далеких от жизни теоретиков и наивных мечтателей. Назовем эту группу, условно, *неудачниками*.

Означенные 4 основных типа в чистом виде редко встречаются, и обыкновенно в жизни приходится иметь дело с людьми сложной психики, являющейся смешением этих

типов в разных сочетаниях и в разных пропорциях. Возьмем, для примера, социалистическое настроение. Оно получается из соединения *зависти* и *бесхозяйственности*; преобладание первой дает социал-демократов, преобладание второй — социалистов-революционеров.

Очень редко, но очень ценно, слияние *святого* и *хозяина* в одном лице. Образцом такого сочетания являются первые игумены старых северно-русских монастырей.

Пятая группа — это *пассивное большинство*, не имеющее ни определенных мнений, ни определенных убеждений, совершенно неустойчивое в своих настроениях. Эта бесформенная масса способна примкнуть к любой из вышеупомянутых активных групп, — сегодня к одной, завтра к другой.

В Америке сейчас господствует идея «хозяина»; в России — идея «завистника и неудачника». Отчасти это вызвано тем, что русский бесхозяйственный человек чрезвычайно самодоволен и самовлюблен, поэтому часто напорист в жизни и энергичен в споре. Талант у нас в России скромнее, чем бездарность. У европейцев — скорее наоборот. Западный завистник тоже менее самоуверен, агрессивен и нахрапист, чем русский. Кто, например, не знает у нас одну из разновидностей — «обличителя», искателя чужих ошибок и проступков, вздорного, мелочного, придиричливого, пристрастного и всегда бестолкового. За границей этот тип менее известен. Зато у нас, как бы в противовес ему, еще сохранилось понимание хозяйственной святости и память о ней. Все это так же, как и представление о хозяйственном грехе, почти пропало на Западе.

Значение таких воспоминаний очень важно; мы увидим это из дальнейшего, а пока перейдем к сравнению русского типа хозяина с современным западным. Последний стал возникать в Европе после Реформации, сильно изменившей всю психику западных людей.

Известный немецкий социолог Макс Вебер одним из первых обратил внимание на ту связь, которая существует между духом западного *капитализма* и *протестантизмом*. Он указы-

вает на следующее. Протестанты, а особенно кальвинисты и пуритане, отличались большой строгостью жизни. Светские удовольствия презирались, роскошь изгонялась. Этот мирской аскетизм выражался хозяйственно в бережливости, доходящей до скаредности, в неприхотливости и в трудолюбии. Одновременно наблюдалась необычайная преданность тому делу, которым человек занимался. Религиозная подкладка такой добросовестности заключалась в *покорности Воле Божией*, указывающей каждому тот жизненный путь, по которому он должен идти. Вера в предопределение у очень многих соединялась с уверенностью в принадлежности к числу избранных и с вынесенным из одностороннего чтения Библии убеждением, что *материальное благополучие есть признак праведности и угодности Богу*. В результате создалось настроение, которое постепенно превратилось в неудержимое стремление к наживе, в желание непременно разбогатеть. Достижение этой цели облегчалось все увеличивавшимся размахом экономической жизни. И здесь протестантизм сыграл большую роль, устранив главное препятствие на пути развития важнейшего фактора современного хозяйственного строя — кредита.

Дело в том, что средневековая католическая церковь считала большим грехом и запрещала давать деньги в рост. Правило это постоянно нарушалось, но организация кредита все-таки тормозилась. Кальвин и многие другие протестантские богословы стали на другую точку зрения и открыто *разрешили брать проценты*. Снятие клейма неблаговидности с банковской деятельности повело к значительному ее расширению, и вопрос о кредите стал на твердую и законную почву в протестантских государствах. Оттуда дух капитализма (в связи с отходом Римской церкви от ее прежней непримиримости по отношению к процентам) распространился по всему Западу, но с течением времени стал сильно меняться. Еще в XVII, а в Америке даже в XVIII веке и в начале XIX столетия западный «хозяин» чувствовал себя не абсолютным распорядителем своего богатства, а *Божьим управителем*. Очень мало от всего этого осталось в половине XIX века: оболочка еще кое-

где сохранилась, но сердцевина истлела. Аскетизм заменился жадной наслаждений; чувство ответственности перед Богом пропало; зато еще возросло преклонение перед богатством, и в таком виде, рука об руку с материализмом, дух капитализма проник в Россию. Там он встретил не пустое место, а исторический, веками складывавшийся *тип «русского хозяина»*.

Хозяин-православный во многом отличается от кальвиниста. Мирской аскетизм есть и у нас, но он не постоянный, а периодический, связанный с *постами*. Отношение к богатству тоже другое. Оно не считается греховным, но на бедность не смотрят как на доказательство неугодности Богу. Поэтому в России нет того сухого, презрительного отношения к беднякам, которое появилось на Западе после Реформации. Протестанты, конечно, предписывают благотворительность, но, организовав ее очень хорошо формально, они вынули из нее душу, осудив *личную милостыню*, столь дорогую и близкую русскому человеку.

Что же касается до сознания своего положения, лишь как *Божьего доверенного по управлению собственностью*, то оно было внедрено в православного еще прочнее, чем в пуританина.

По отношению к больному вопросу о процентах Восточная Церковь держалась следующей практики: осуждая их принципиально, она фактически боролась лишь с ростовщичеством, не налагая огульных кар на всех взимателей процентов и не прибегая к помощи мирской власти, как Католическая Церковь.

Условия русской экономики особенно требовали такого отношения, ибо *вся колонизация Севера шла на кредит*. В связи с этим банкирский класс Северной Руси, Новгородское боярство, пользовался почетом и большим политическим влиянием; и Церковь отнюдь не причисляла его к числу отверженных.

Однако, по-видимому, в народной душе остался какой-то осадок против торговли деньгами. Еще на моей памяти, в восьмидесятых и девяностых годах прошлого столетия в московском купеческом кругу держалась своеобразная расценка

различных видов хозяйственной деятельности. Более всего уважалось занятие промышленностью: фабриканты и заводчики стояли на первом месте; за ними шли купцы; а к лицам, занимавшимся коммерческим учетом, даже без всякого оттенка ростовщичества, и из самых дешевых процентов — отношение было неискреннее: в глаза уважали, а за глаза пренебрежительно говорили «процентщики».

Может быть, здесь и нужно искать объяснения, почему у нас в XIX веке совсем не существовало старых и крупных, чисто русских, банкирских домов, а таких же промышленных и торговых фирм было очень много.

Возвращаясь к старине, следует отметить, что смягчающее влияние Православия на характер деловых отношений хотя и было большим в те времена, но осуществлялось оно не легко, а лишь путем упорной борьбы с человеческими слабостями. Сложна и полна противоречий природа русского человека, и «хозяин» не составляет в этом исключения. Классический его тип до сих пор сохраняется в лице *хозяйственного великорусского мужика*. Кто знает этого упорного стяжателя, прижимистого, твердого, настойчивого в труде, смекалистого, ловкого, часто очень одаренного, но одновременно обуянного большой духовной гордостью, тот поймет, что не всегда ему легко склонять свою умную, но упрямую и обуреваемую соблазнами голову перед заповедями Христа.

Таковыми были и наши предки.

Несмотря на постоянные нелады, ссоры и взаимное недоброжелательство между верхами и низами старого русского торгово-промышленного класса, чувствовалось все-таки что-то общее во всех, от именитых людей Строгановых и до мелких торгашей.

Оттеснение, после Петра Великого, занятия торгово-промышленной деятельностью на низшую ступень социальной лестницы в империи — было ошибкой с государственной точки зрения; но зато оно сохранило чистоту и единство типа.

Так продолжалось до тех пор, пока приход капитализма и вторжение новых, социалистических идей не поставили рус-

ских людей перед лицом изменившихся отношений и новых фактов.

Завистники получили наконец то, чего они так долго добивались и от чего Церковь их удерживала, а именно: *теоретическое обоснование права на зависть*, ее оправдание.

Бесхозяйственность, вместо разбойничьих атаманов и самозванцев, нашла новых вождей в лице социалистических пророков и слилась с завистью.

Идея святости и идея хозяина, такие различные по задаванию и по осуществлению, обе стали подвергаться яростным нападкам.

Началась борьба за массу безразличных. Положение «хозяев» сразу стало очень тяжелым, так как большая часть «безразличной» интеллигенции *быстро примкнула к союзу завистников и неудачников*. К этому присоединился еще раскол в группе хозяев, и народная стихия сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее стала уходить из-под влияния их идеологии. Смысл раскола заключался в том, что верхи хозяйского класса *духовно оторвались* от его низов и, перестав ими идейно руководить, отдали хозяйчиков во власть чуждым и враждебным влияниям.

Но если во всякой социальной группе верхушка является местом, где идеология класса разрабатывается и оформляется, то низы остаются хранителями преданий и духа; разрыв духовной связи с ними лишает верхи притока жизненных соков и обрекает их на *увядание*. Картину такого увядания дает история почти каждого Московского большого купеческого рода. Обыкновенно она протекала так.

Основатель фирмы, выйдя из народной толщи, сохранял до самой смерти тот уклад жизни, в котором он вырос, несмотря на то, что он уже являлся обладателем значительного состояния. Конечно, в его быту все было лучше и обильнее, чем раньше, но, в сущности, то же самое. Хозяин не чувствовал себя ни в бытовом отношении, ни духовно *иным*, чем рабочие его фабрики. Но очень гордился тем, что вокруг него «кормится много народа». В таком понимании своего положения бывший крепостной, а теперь первостатейный купец,

совершенно не расходился со средой, из которой вышел. Все окружающие, бедные и богатые, окрестные мужики и его же фабричные, уважали старика именно за то, что он фабрикант, дающий заработок сотням и тысячам рабочих. Вот почему ему и в голову не приходило считать себя за свое богатство в чем-то виноватым *перед людьми*. Другое дело Бог: *перед Ним* было сознание вины в том, что из посланных средств недостаточно уделяется бедным.

Два обстоятельства являются характерными для старых русских купеческих фамилий. Во-первых, их *крестьянское происхождение*, во-вторых, *глубокая религиозность* их основателей. Действительно, если нет купеческих родов из духовного звания, мещан, чиновников, дворян, однодворцев, а все именитые купцы у нас из мужиков, то, равным образом, все данные свидетельствуют о том, что родоначальники принадлежали как раз к тем деревенским семьям, которые отличались *особенной ревностью к вере*; немало среди них и старообрядцев.

Такое настроение сохранялось и во втором поколении. Сын основателя дела обыкновенно во многом походил на отца, часто превосходя его, однако, талантливостью, размахом и умом; он-то и выводил фирму на широкую дорогу, делая ее известной на всю Россию. При нем жизненный обиход становился, конечно, иным; простота исчезала и заводилась роскошь, но зато очень развивалась *благотворительная деятельность*: строились церкви, школы, клиники, богадельни; тратились деньги и на поддержку славянофильских изданий. Одновременно сохранялась во всей полноте *профессиональная гордость*; и сын был таким же сознательным и властным хозяином, как отец; но старой близости с народом и с мелким хозяйчиком уже не было: начинало сказываться различие в образе жизни и, что еще существеннее, в психологии. Две причины способствовали изменению последней.

С одной стороны, смерть старика-отца совпадала с тем моментом, когда дух капитализма начинал прочно утверждаться в России; может быть, этот дух увеличивал деловую дисциплину

и порядок, но зато подсушивал отношения, изгоняя патриархальность из амбаров и фабрик. Верхи видели преимущества нового духа для дела; низы жалели о старой простоте.

С другой стороны, увеличивавшееся значение в государстве крупной промышленности и торговли стало *приближать больших хозяев к правящему классу дворян и чиновников*, а маленькие хозяева даже у себя на местах по-прежнему испытывали самое пренебрежительное к себе отношение со стороны не только *представителей власти*, но и *интеллигенции*, которая начинала играть большую роль в России.

Такое нарушение единства в хозяйской среде, как уже было сказано, постепенно привело к полному расхождению верхов и низов. Этот губительный не только для *идеи*, но впоследствии и для *самого существования собственности в России* разрыв завершился при внуке основателя рода.

С него и с его сверстников началось *духовное оскудение хозяйской аристократии*.

Люди двух предшествовавших поколений учились на медные гроши, но много читали и думали, особенно сын. Внук кончает университет, говорит на трех иностранных языках, изъездил весь мир, умен и талантлив, но душа у него раздвояна. Старый идеал «благочестивого богача» — кажется ему наивным; быть богачом неблагочестивым, сухим, жестким, как учит Запад, — душа не принимает; остановиться всецело на мирской «святости» гуманизма и социализма — мешает знание жизни; а все-таки начинает казаться, что другого выхода нет. В результате — горькое разочарование, ибо унаследованный от предков беспощадный и острый мужичий ум, несмотря на весь гипноз окружающей интеллигентской среды, не может не видеть того, что в светской «святости» социализма — мудрости змия совсем нет, а от голубиной кротости остались одни жалкие отрешья.

Печален бывал иногда конец *кающегося купца*.

Сын его, правнук родоначальника, за отцом не идет и проникается всецело трезвым мирозерцанием западного капиталиста конца XIX века. Рассуждает он так: «Я реалист,

а не мечтатель, как бедный отец; да, чего греха таить, и покойный дед был со странностями. Штрафами, неумолимым увольнением неспособных рабочих — он добился того, что наш товар стал почти беспорочным, выше всех по качеству. Это было очень разумно, совсем по-европейски, а он, чудак, часами у себя в моленной поклоны бил, каялся, плакал, у Бога прощения за свою строгость просил; деньги нищим (тем же прогнанным пьяницам) раздавал; ясли, санатории для рабочих строил. Непонятно! Чего там заниматься метафизикой: *почему я богат, для чего я богат?* Богат, и дело с концом; мое счастье. Теперь нужно только наиболее рационально использовать деньги всецело и исключительно *для себя*. Конечно, есть недовольные, бедные, социалисты, анархисты; но буржуазный строй прочен; мне самому и защищаться не нужно, на то есть полиция и войска...»

Трезвый ум обманул реалиста: пришли большевики, и его «счастье» превратилось в миф; это часто бывает с трезвыми умами.

Нельзя сказать, чтобы в начале XX столетия верхи хозяйского класса состояли только из *циников* и *кающихся купцов*; как раз в последние годы стали выступать и заставили себя выслушивать люди, почерпнувшие в идеалах дедов — *веру в идею «хозяина»*; но эти люди опоздали... или пришли слишком рано: удержать лавину они, конечно, не смогли — и старый русский купец хозяйственно погиб в революции так же, как погиб в ней и старый русский барин.

Что же касается до хозяйчика, то он еще задолго до воцарения коммунизма, оплеванный и часто оклеветанный, был лишен всякого общественного сочувствия. Всеми фибрами своей души этот трудолюбивый чувствовал свою *полезность*, а ему твердили, что он — «паразит». Немудрено, что во время большевицкого переворота и непосредственно после него так называемый кулак соблазнился и лукавил.

Разорением, трупами, неслыханным унижением, голодом и холодом заплатил хозяйственный мужик за *временную измену идее хозяина*; но все-таки выжил...

После нэпа, как известно, в России стала возникать новая буржуазия. Она имеет двоякий характер. Городской нэпман, очень пестрый по своему племенному и классовому происхождению: еврей, русский, бывший приказчик, бывший барин, купец, лавочник, адвокат — наживает, главным образом, *рвачеством*, обходом большевицких законов, умением давать взятки, *пронырством*. В сравнении с коммунистами и эти люди, конечно, очень ценны, но объективно — их общественная польза как класса невелика, и выделяемая ими группа так называемых *скоробогачей* (нуворишей) не имеет деловой и социальной устойчивости. Практика Западной Европы показала, что большинство из них при возвращении нормальных деловых условий разоряется. Вот почему можно думать, что из городских нэпманов лишь немногие уцелеют после большевиков.

Другой тип буржуазии возникает в деревне. Источник ее обогащения — здоровая, творческая, действительно полезная хозяйственная деятельность. Эта группа очень однородна по составу: ее пополняет, главным образом, *крестьянство*; за ней будущее. Из того же корня, из которого в свое время вырос верхний слой старого русского торгово-промышленного класса, вырастает и новое настоящее русское купечество.

На двух фронтах бьется оно против коммунистов: на *деловом* и на *церковном*, ибо и сейчас, как и встарь, хозяйственный мужик — ревнитель благочестия. На религиозном фронте победа уже обеспечена, хотя частичные поражения еще будут. На экономическом фронте борьба, вероятно, затянется, но ее исход тоже предрешен: хозяин теснит и доконает коммуниста.

Намечается еще одно, чрезвычайно большое достижение: в России возрождается не только инстинктивная хозяйская сознательность, но в умах, несомненно, созревает и основательная *«теория хозяина»* и *«оправдание собственности»*. Происходит это при содействии большевиков. Любители словопрений, они, в сущности говоря, превратили всю Россию в громадный экономический семинарий, в практические занятия, посвященные доказательству правильности идей Маркса

и Ленина. Не вина советских властей, что работа этого семинария, несмотря на все ухищрения руководителей, послужила против них, воочию доказав несостоятельность социализма и коммунизма, значение частной собственности и пользу хозяев.

Особенно поразительным оказался полный провал принципа *плановости*. Кризисы не только не пропали, но еще усугубились. Выяснилось, к великому удивлению коммунистических теоретиков, что «анархический» хозяйский режим в смысле предвидения событий, парирования неожиданностей, смягчения экономических толчков был куда более совершенным, чем пресловутая социалистическая плановость. В частности, оказалось, что размеры потребления при старой форме единоличного хозяйствования регулировались гораздо лучше, в большем соответствии с действительными возможностями и в то же время много эластичнее и гибче, чем при большевиках.

Экономическое просвещение русского народа — единственное, чего достигли большевики, вопреки их собственным намерениям; и это просвещение может оказаться много более значительным, чем мы думаем.

Судя по тому, что западная, а особенно англосаксонская интеллигенция сейчас вступает в полосу переживаний, напоминающих наши шестидесятые годы, есть основание опасаться, что русские события со временем повторятся в Англии и в Америке. Появление там богатых купчиков, барчуков и барынь, балующихся социализмом, вроде сына Болдуина и дочери маркиза Керзона, признак очень плохой.

Если когда-нибудь коммунистический шквал налетит на Великобританию и Соединенные Штаты, то, может быть, потрясется весь мир, но и тогда не заколеблется освобожденная от большевиков Россия. Дорогую цену платим мы за проверку экономических аксиом, но усваиваем их теперь твердо: выстраданную идею собственности русский народ никогда больше не отдаст.

В. П. РЯБУШИНСКИЙ¹¹⁴

О РУССКОМ ФАШИЗМЕ

В мире разверзлась бездна безбожия, бесчестия и свирепой жадности. Современное человечество отзывается на это возрождением рыцарственного начала.

Могло ли быть иначе? В какую низину запуганности и рабства оно должно было скатиться для того, чтобы не вступить на этот путь? В какую религиозную и нравственную фальшь оно должно было выродить дух христианского учения для того, чтобы отозваться на восстание дьявольского начала — не твердым намерением «заградить уста невежеству безумных людей» (1 Пет. 1, 15), а умиленным непротивлением? И разве мы не захлебнулись бы тогда от презрения к самим себе и к человеческому естеству в нас?

Можно представить себе, что к этому возрождению рыцарственного начала люди будут относиться двояко: с сочувствием и с осуждением. Но надо признать, что принципиальное осуждение его, какими бы словами оно ни прикрывалось, — обличает позицию осуждающего: ибо тот, кто *против* рыцарственной борьбы с дьяволом, тот *за* дьявола. Он, может быть, сам не понял еще, что именно он делает и из каких душевных источников родится его осуждение. Но ведь зараза большевизма действует не только соблазняяще и увлекающе, а еще расслабляюще и обессиливающе; и тот, кто извлекает из своей души навстречу этой стихии фальшивые слова фальшивого умиления, тот уже находится в орбите ее влияния и власти...

Это не означает, конечно, что в этом рыцарственном движении невозможны ошибки; что в нем не могут зарождаться опасные оттенки и уклоны; что оно свободно от всяких заблуждений и не подлежит критике. Напротив: мы должны все время бодрствовать, проверять себя и очищаться. Нам безусловно необходима зоркая и честная самокритика; но не обессиливающая, а ободряющая; не разрушительное глодание, а творческая ревизия. Мы должны учиться и чиститься на ходу. Мы должны, не прерывая нашего служения и не прекращая

нашей борьбы, осмысливать нашу природу, формулировать наши принципы, закреплять наши грани и неустанно ковать и совершенствовать нашу организацию. Впереди у нас труднейшие и ответственнейшие задачи; а слово наше не может, не должно и не смеет расходиться с делом.

Тот не с нами, кто обижается на слова честной и творческой критики. Перед лицом России и ее трагедии мы повинны друг другу правдою, возражением, а если нужно, то и критикой. Мы уже достаточно ценим друг друга и достаточно верим друг другу для того, чтобы не только утвердить за собою это право, но и для того, чтобы превратить его во взаимную повинность.

Именно таков духовный смысл тех сомнений и опасений, которые я имею здесь высказать по вопросу о русском фашизме.

За последние десять лет рыцарственное движение, которое во всем его мировом объеме следует обозначить как *белое движение*, завязывается, крепнет и разветвляется в самых различных странах и под различными наименованиями. Впервые оно началось у нас в России (в конце 1917 года), где оно по необходимости сразу получило военную организацию и вылилось в форму междоусобной войны. Вслед за тем оно зародилось в Германии, в Венгрии и в 1919 году — в Италии, здесь оно после трехлетней организационной подготовки и нескольких героических столкновений овладело государственным аппаратом и создало так называемый «фашистский» режим. Этот политический успех заставил наших современников говорить и думать о фашистском «методе» (т. е. о верном способе) борьбы с большевицкой заразой, и вызвал организационные подражания в других странах (Франция, Англия, Чехословакия). И, как это нередко бывает в человеческой деятельности, случилось то, что *одна из форм* белого движения (именно национально-итальянская), имевшая на месте серьезный успех, *заслонила собою другие драгоценные и необходимые формы* и дала свое имя всему движению в целом.

Я хочу этим сказать, что белое движение в целом — гораздо *шире* фашизма и по существу своему *глубже* фашизма. Или, если угодно: белое движение есть *родовое* понятие, а фашизм есть *видовое* понятие; и поэтому мы не должны впадать в ту распространенную ошибку, при которой человек упускает из-за частного, единичного видоизменения — общую, родовую и глубокую сущность. Эта ошибка ведет к тому, что люди утрачивают духовный смысл явления, не видят его исторической перспективы, упускают из виду другие, новые, творческие возможности и начинают подражать ослепившему их явлению, воспроизводя его, как своего рода спасательное средство.

Белое движение *шире* фашизма потому, что оно может возникать и исторически возникало по совершенно другим поводам и протекало в совершенно иных формах, чем фашизм. Оно *глубже* фашизма потому, что именно в фашизме совсем не проявляется или недостаточно действует глубочайший, *религиозный* мотив движения.

Всюду, где в общественной и государственной жизни люди объединяются на началах *добровольного служения, качественного отбора, бескорыстия, чести, долга, дисциплины и верности* и, движимые патриотизмом, начинают на этих началах служить *родине* — мы имеем основание говорить о наличности *белого движения*. Такое движение может быть вызвано не только войною или революцией, но и другими опасностями — голодом, мором или наводнением. Оно может возникнуть и без всякой особой «опасности», например, в виде движения за национальную духовную культуру, за национальное воспитание, за отмену рабства или за облагораживание национальной политики. Отсюда уже ясно, что белое движение может и не иметь военного характера (как было у нас), и совсем не связано непременно с захватом власти или с отвержением парламентаризма (как было в Италии); напротив, оно может иметь чисто штатскую и совершенно законную форму и может быть целиком направлено на поддержание и укрепление существующей власти и наличной формы правления. Так,

русское белое движение возникло *слишком поздно* и должно было принять гражданскую войну, начатую большевиками; но итальянское белое движение сложилось своевременно и могло *избавить* свою страну от гражданской войны. Однако белым итальянцам (фашистам) пришлось все же решиться на восстание, и только благодаря исключительному такту Муссолини и его величества короля это восстание не превратилось в революцию, а стало *высочайше узаконенным переворотом*; напротив, белые англичане, во время угольной забастовки 1926 года, не начинали восстания, но организованно поддерживали наличное парламентское, консервативное правительство.

Из этого вытекает, что белое движение совсем не ведет непременно ни к перевороту, ни к гражданской войне; оно может, например, сложиться на мирных и законных путях, разлиться по всей стране, овладеть сердцем и волею всего, что есть честного в народе, и положить начало новому национальному воспитанию, новой творческой эпохе в жизни страны.

Нет единой формы белого движения, пригодной для всех времен и у всех народов. Каждой стране нужно свое. Каждая эпоха предписывает другие формы. Нидерландское белое движение, руководимое Вильгельмом Молчаливым, имело иные задачи, чем белое движение Минина и Пожарского. Белые германцы в эпоху Яна и Фихте Старшего не могли становиться на путь современных фашистов. Белые итальянцы наших дней погубили бы Италию, если бы они, заняв северную половину страны, начали гражданскую войну с южной половиной. Как и вся политическая жизнь, белое движение есть *творчество*, применяющееся к реальным задачам и реальным возможностям страны и эпохи. И то, что спасительно в одном случае, может оказаться вредным в другом. Здесь невозможно и не нужно слепое подражание, и в то же время необходимо зоркое и внимательное изучение тех условий и тех приемов, которые создавали и создали удачу в другие эпохи и у других народов.

Еще одно. Если белое движение совсем не есть непременно фашизм, то, с другой стороны, возможно, что появятся такие новые «фашизмы», в которых не будет *ничего белого*.

Сорганизоваться и сделать политический переворот совсем еще не значит создать белое движение, хотя бы при этом слово «фашизм» было написано на всех перекрестках. Те перевороты, которыми изобилует история императорского Рима, бывали обычно своекорыстными затеями легионов и полководцев; и белого в них не было ничего. Таковы же военные перевороты в современной Греции; и мало кто согласится признать «белым» — движение Гайды в Чехословакии. Здесь мало сказать, что такие-то переворотчики тянут «направо» и стоят за «порядок»; Сулла в Риме стоял «за порядок» и тянул «направо», но о белизне его можно говорить только по недоразумению. И именно с этой точки зрения было бы очень рискованно поставить наряду с героическим и действительно белым адмиралом Хорти — проблематические или прямо порочные фигуры, там и сям поднимающиеся над уровнем в других странах.

Именно такое понимание вскрывает первую опасность, с которой нам следует постоянно считаться. Эта опасность состоит в том, что у нас может возникнуть *не белый «фашизм»*. По внешней видимости все будет обстоять, как «полагается»: «дисциплинированная» организация, «патриотические» слова, отстаивание порядка, тяга направо, волевой активизм... А на самом деле возникает лишь новый раскол и новая политическая партия, столь же *партийная*, как и другие, но только с агрессивными замашками, с намерением непременно устроить переворот в *свою* пользу, с готовностью начать гражданскую войну против других меньшевистских партий и длить ее вплоть до своей партийной победы. По-видимому, это будет «фашизм»; но *белого* в нем не будет ничего. Может быть, это будет «розовый», «желтый» или «черный» фашизм, т. е. *партийное дело ради партийных целей, прикрытых патриотической словесностью*. А может быть и так, что таких «фашизмов» возникнет одновременно несколько: каждая партия после падения большевиков будет готовить переворот в свою пользу и вооружаться... пока не начнется общая гражданская война. Тогда (это можно сказать с уверенностью) найдутся враждеб-

ные России организации, которые начнут поддерживать эту гражданскую войну периодическими субсидиями, подогревая и затягивая ее, и превращая Россию в современный Китай...

Эта опасная перспектива становится особенно вероятной, если принять во внимание: 1) наш русский равнинный характер, всегда склонный к несогласию, к раздору, разделению и упрямой неуступчивости; 2) революционное время, развязавшее в душах честолюбие, склонность к авантюризму и ко всевозможным политическим «комбинациям» (почти всегда с негодными средствами); 3) огромные размеры нашей страны в обычное время, а ныне — нашу зарубежную разбросанность по всему миру, которая делает организационно невозможным *единство «фашистского» союза* и требует (для активной борьбы) *множества параллельных возглавлений*. Пока большевицкая власть правит Россией — может быть, и окажется возможным добиться того, чтобы политические разногласия были как-нибудь отодвинуты на второй план. Но надо заранее предвидеть, что русский «фашизм» из каждой страны рассеяния, в которой он складывается и растет, — вынесет свои характерные уклоны, свою партийную закваску и даже свои «ориентационные» симпатии, которые в дальнейшем выступят на первый план с русской неуступчивою страстностью, с послереволюционную притязательностью и с настоящею фашистскою агрессивностью.

А между тем если что-нибудь может погубить Россию, то это именно новая гражданская война между *противобольшевицкими* силами. За революцию Россия потеряла очень много, слишком много для того, чтобы потерять еще что-нибудь безнаказанно. И мы, оставаясь за рубежом, обязаны постоянно об этом помнить и все время проверять свои замыслы и свои пути в предвидении их будущих неизбежных последствий.

За последние годы мне пришлось не раз быть в Италии, видеть фашизм в реальной жизни, беседовать с фашистами и с антифашистами, многое понять, проверить и продумать. И естественно, что я все время ставил перед собою вопрос: почему в Италии удалось то, что у нас не удалось?

Помимо чисто стратегических причин (второстепенность итальянского фронта, его малые размеры, его горный характер, позднее вступление в войну, возможность подвоза амуниции морем и т. д.), на которых я не могу останавливаться, были еще *политические* и *духовные* условия, которых нам нельзя упускать из виду.

Среди них отмечаю: отсутствие сколько-нибудь серьезного революционного движения перед войною; чувство «победы», с которым Италия закончила войну; сравнительно очень небольшие размеры страны, облегчающие всякую политическую организацию; своевременное (превентивное) основание белого движения со стороны Муссолини, единство движения и единственность вождя; и многовековую культуру правосознания в народе. Все эти условия несказанно облегчили борьбу итальянского фашизма. Но именно *отсутствие* всех этих условий несказанно *затрудняет* дело русского фашизма и затуманивает его перспективы.

Дело в том, что фашизм есть *спасительный эксцесс патриотического произвола*. И в этом сразу заложено — и его обоснование и его опасности.

Когда государству грозит гибель, особенно от морального и политического разложения массы; и когда наличная государственная власть оказывается безвольною, или бездарною, или с своей стороны дезорганизованною и деморализованною — то спасение состоит именно в том, чтобы *патриотическое меньшинство* в стране, *белое по духу и волевое* по характеру, сорганизовалось, *взяло власть* в свои руки и осуществило бы все то, что необходимо для *отрезвления массы* и для *спасения родины*. Горе тому народу, который в критический момент окажется неспособным к выполнению этого священного, почетного и в высшей степени ответственного, патриотического долга!

Но этот спасительный акт остается все же актом *произвола*. А судьба всякого произвола состоит именно в том, что он одним своим появлением как бы вызывает к новым актам *ответного* произвола: он развязывает в стране склонность

к политическим посягательствам; он сам рискует оказаться первым актом гражданской войны. И для того, чтобы это не состоялось, необходимо: 1) чтобы движение было *единым и единственным* в стране; 2) чтобы в народе имелось *могучее и зрелое правосознание*, с которым *движение должно быть тесно связано*; 3) чтобы движение как можно скорее *само* ввело себя в рамки законности и подавило всякие новые попытки переворота; 4) чтобы оно оправдало свое посягательство *реальной государственной продуктивностью* — водворением настоящего правопорядка, хозяйственными, социальными и культурными реформами.

В настоящее время нам особенно важно учитывать первые два условия.

Русский фашизм зарождается не внутри страны, а в *эмиграции*. Отсюда его разбросанность по всему миру, его неизбежная множественность, параллельность и пестрота. Отсюда же основная трудность его развития, ибо фашизм куется и крепнет в непрестанной и напряженной *борьбе*, ведущейся *в самой стране* изо дня в день; эмиграция же, представляя из себя несомненную *силу*, — оторвана самым зарубежным существованием своим от *точки* для приложения этой силы. Наконец, отсюда же *оторванность* русского фашизма от *русской народной толпы*, с которой он не связан, к которой он только еще должен прорваться и из которой он ныне не может черпать живых и почвенных сил для своего пополнения и развертывания. Однако откуда-нибудь он должен же их все-таки брать... По-видимому, он может их брать только из других, уже имеющих в эмиграции белых и волевых организаций, т. е. прежде всего и главным образом из Русского Обще-Воинского Союза... Но здесь возникает целый ряд новых опасностей и затруднений.

И Обще-Воинский Союз, и фашистские ячейки суть организации белые, волевые и действенные. В чем же их отличие? Почему русскому патриотически-мыслящему, активностно настроенному и дисциплинированному военному — лучше стать членом фашистской ячейки, чем хранить верность свое-

му военному кадру? Что нового дает ему звание фашиста? Право ли на активность? Но принадлежность к Обще-Воинскому Союзу никогда не погашала этого священного права активной борьбы за родину... Напротив. Но что же дает тогда фашизм? По-видимому, два дара: *политическую программу* и новое *возглавление*. Но это означает, что фашизм есть *политическая партия* (или, вернее, *целый ряд зачаточных политических партий*) и что член Обще-Воинского Союза должен, вступая в фашистскую ячейку, выйти, согласно Приказу № 82, из этого союза, ибо членам его запрещено вхождение в политические партии. Это запрещение установлено именно для того, чтобы *оградить* главную активную силу русской эмиграции, армию — *от политического распада и разброда*, чреватого в будущем гражданскою войною; чтобы удержать русский военный кадр в том глубоком лоне *патриотического единения*, куда политическая партийность не проникает, где нет места политическим претензиям, трениям и неизбежным интригам, где в *белой идее родины* сливаются все оттенки политических окрасок. Этим оберегается и растится то, что нужнее всего и важнее всего для России: *патриотический дух и сверхпартийный военный кадр* — залог национального единства, якорь спасения от гражданской войны.

Правильно ли, необходимо ли извлекать русских патриотов из этого духа и из этого кадра, и ставить их на распутье политических программ, политических споров и политических делений? Не вернее ли, не спасительнее ли создавать активные ячейки в пределах самого Обще-Воинского Союза? Увлекает ли умы модное слово «фашизм» и нетерпеливое желание ввести его у нас? Но не пора ли нам перестать предаваться этой торопливой подражательности? Когда мы поймем, что вообще *нет спасения* в заимствованиях, — все равно, заимствуется демократизм или фашизм? Когда мы поймем, что, в частности, русское белое движение уже идет и должно и впредь идти путями *самостоятельного творчества* и что наша белая организация — это наш Обще-Воинский Союз, который надо только теснее спланивать и беречь?

Или, быть может, это есть нетерпение — скорее перейти из внеполитической атмосферы военного служения в *политическое партизанство*, с его многообразным и разнообразным возглавлением? Но если желание подражать белым итальянцам так сильно, то надо, прежде всего, понять, что в Италии фашизм строился *не снизу*, не от партизанской ячейки, а *сверху*, от Муссолини и его ближайших, *строго подчинявшихся ему сотрудников*; что Италия спаслась именно своими небольшими размерами и *бесспорной единственностью вождя*, в котором соединились *патриотическая идейность, замечательная политическая интуиция, властная воля, умение выбирать людей и чувство меры и такта*; что именно это сделало итальянский фашизм не множеством бессильных водоворотов, а единым могучим приливом, который поднялся по единой воле и вновь улегся по ее указу...

Это было величавое историческое зрелище: соединение инициативного произвола с огромной дисциплиной; патриотического восстания с поддержанным в стране правопорядком; это была армия, победившая одною своею мобилизацией и распущенная по домам без генерального сражения. Напрасно было бы думать, что это «легко повторить» или что это «все могут»... Нет, за этим скрывается *тысячелетнее правосознание*, воспитанное римским правом и римскою Церковью, — *огромная дисциплина, обратно пропорциональная размерам страны*... Имеется ли это в России, в русском характере, в русской народной массе? Может ли найтись в России, да еще после такой революции, правосознание, которое не допустит до возникновения множества разных «фашизмов»; которое наполнит акт патриотического произвола — политическою рыцарственностью, имущественной корректностью и *дисциплиной, прямо пропорциональной размерам нашей страны*; которое сумеет найти необходимые и верные границы для своего произвола и не превратится в погромную партизанщину?

Или еще короче: сумеет ли русский политический фашизм, ячейкам которого уже ныне тесно и душно в свободной форме Обще-Воинского Союза, сумеет ли он остаться *белым*?

Тяготясь военной дисциплиной (Приказ № 82!), сумеет ли он создать *равносильную ей полувоенную или штатскую дисциплину*? Не рискует ли он незаметно променять *патриотизм* на партийность, растерять свою белизну в чисто политической борьбе и выродить свое *служение* в искание личного успеха? А если возникнет *не* белый фашизм, то к чему приведет он в России — к воссоединению и возрождению или к новой форме гражданской войны?

Белый дух есть не дух части, а *дух целого*; он ищет не *власти*, как всякая политическая партия, а *служения родине*, как всякая верная *армия*...

Таковы те сомнения, которые я считаю необходимым поставить перед умственным взором русского зарубежного патриота и фашиста, и те опасения, которые я хочу довести до сведения его белого сердца.

Не в необходимости борьбы я сомневаюсь; а в необходимости *переходить к формам политической организации*. Наша борьба необходима и священна. Но она должна оставаться *белой борьбой*. Останется ли она белою, вступив на партийные пути, — в этом же мое *опасение*.

Я опасаясь не активизма, направленного против врага; напротив. Но я опасаясь эмигрантской «политики», которая так часто с трудом собирает средства лишь для того, чтобы поддерживать нежизненные и раскалывающие организационные формы...

Дух русских фашистов — патриотический, волевой и активный; не для осуждения этого духа я взялся за перо. Но для того, чтобы сказать моим белым братьям, фашистам: *берегитесь беспочвенной зарубежной «политики»!* Она таит в себе опасность разложения и утраты белого духа...

И.А. ИЛЬИН

Часть II

ВОЙНЫ РОССИИ

Русский народ миролюбив. В этом не приходится убеждать того, кто хоть сколько-нибудь знаком с внутренним, духовным обликом среднего русского человека. В этом убеждает всякого и прошлое русского народа, не знающее ни рыцарства, ни ландскнехтов, ни кондотьеров, водивших наемные войска на всевозможные приключения, русскому народу всегда было чуждо римское «горе побежденным»! О «русском буйстве» не было слышно даже на заре истории.

И все-таки, несмотря на природное миролюбие, русскому народу пришлось воевать без конца. С 1055 года по 1462 Соловьев насчитывает 245 известий о нашествиях на Русь и внешних столкновениях, причем 200 из них приходится на 1240—1462 гг., что дает в среднем по одному почти на каждый год. В дальнейшем — «с XIV века, с которого можно считать возрождение русского государства, — говорит знаток русской военной истории ген. Н. Н. Сухотин*, — и до наших дней, в течение 525 лет (1368—1893) Россия провела в войнах 305 лет, а считая войну на Кавказе, — 329 лет, т. е. *почти две трети своей жизни*».

Бессчетны русские жертвы на полях сражений. Столетиями лились потоки русской крови. — Почему? Зачем? Что куплено такую дорогою ценою?

До середины XVIII века, пока Россия не вмешивалась в дела Европы, все русские войны носили характер *защиты* собственных интересов, разумно и бережно охраняемых. Войн «династических», «религиозных» или просто от избытка воинственного пыла и стремления господствовать над соседями — Россия *не знала*. Со времени нашествия татар и до Петра Великого России приходилось к тому же думать *только об обороне*, сопряженной иногда с отступлением, иногда же насту-

---

* Война в истории русского мира. СПб., 1894.

пательной. Того требовала историческая обстановка, весьма неблагоприятно складывавшаяся для русского племени.

Запоздав с появлением на исторической сцене, вынужденные двигаться на северо-восток с «общеславянского гнезда», каковым явились первоначально Карпаты, славяне, образовавшие русское государство, зацепились за «великий водный путь из варяг в греки» (Финский залив, Нева, Ладожское озеро, Волхов, озеро Ильмень, Ловать и через волок в Днепр). Этим водным путем, который давал средства и исход для их хозяйственной работы и служил источником торговых выгод и культуры, — определилось основное, *северо-южное* направление в развитии русской государственной жизни. Водная линия Нева—Днепр стала осью русской истории. Но на беду количественный недостаток живой силы у русских славян во времена первоначального расселения помешал им сразу и целиком овладеть этим ценнейшим из всех природных достояний, выпавших на нашу долю. Устья рек (Невы, Западной Двины и Днепра) остались во вражеских руках. Отсюда основное и главное историческое задание, поставленное с первых же дней существования русскому государству: *овладеть выходами в северное и южное море*. Отсюда самые важные «вопросы», поставленные России историей: *Прибалтийский и Южный («проливы»)*.

Следующим по времени возникновения явился *вопрос Польский*, а затем *Литовский*. Уже с конца X века пограничные столкновения постепенно принимают характер натиска со стороны Польши, в лице которой *латинский мир* поднимает упорную борьбу с *Православием*. «Польский» и «Литовский» вопросы оказываются навязанными историей русскому народу не только как *политические*, но и как отголосок европейских *религиозных* столкновений, совершенно чуждых ищущему покоя Православию. Вопросы эти становятся обостренными, роковыми для *независимого бытия* русского государства с самого времени татарского нашествия. Последнее раскололо единое до тех пор русское племя, отдав западный его отсек во власть наступающей Польши и Литвы; оно создало тех, про

кого Екатерина II, почти завершившая дело собирания русских славян, сказала: «отторгнутые возвратих».

«*Татарский вопрос*», возникший в XIII веке, оказался несомненно первым и самым важным по грозности. Трудно сомневаться в том, что спор России с Польшей и Литвой окончился бы совершенно иначе, если бы Русь осталась татарским «улусом». Отторгнутые (и сколько?) оказались бы в таком случае навеки потерянными. Но Россия преодолела татарщину. И борьба с ней по мере ее вековых успехов вовлекала Россию в наступление на юго-восток (*Персидское направление*) и на *Дальний Восток*, она привела ее к Памиру и Тихому океану. Точно пружина, долго сжимавшаяся натиском Азии, выпрямилась — после взятия в 1552 году Казани. Россия, распространившись на 10000 верст, оказалась поставленной перед новыми сложнейшими задачами, они выросли из оборонительного поначалу наступления, вышедшего далеко за пределы тех граней, какие до сих пор еще определяют великодержавное значение России по северо-южной основной исторической линии «из варяг в греки».

Важность этого последнего направления, гениально оцененная Петром Великим, выдвинула в императорский период на первое место — задачу овладения южно-морским выходом. Так возник сначала *вопрос Турецкий*, ставший впоследствии в глазах Европы *восточным*, а с русской точки зрения *вопросом о проливах*.

Итак, из всех заданий, или «вопросов», которые России пришлось разрешать на протяжении тысячелетней своей истории, только *Балтийский* и *южно-морской* были поставлены самим русским народом; они остаются и поныне основной предпосылкой удовлетворения самых жизненных его потребностей. Все остальные в той или иной степени вытекали из обстановки, созданной помимо воли русского народа и в значительной мере в связи с невозможностью разрешить удовлетворительно ту задачу, которую он сам себе поставил. Над этим полезно задуматься тем, кто забывает, что народ, сумевший вырасти в самых тяжелых условиях до численности

русского, — *не может быть произвольно тесным*, без того, чтобы не нашла какого-либо выхода его неизжитая энергия. Азия (половцы, потом татарщина) оттеснила было Русь с «великого водного пути...». И Россия пришла на Тихий океан! Европа, преградившая затем путь к Прибалтике и проливам, уже довела Россию до Памира... А тем временем на месте 12 млн. населения, с каким начинала свой путь Российская империя при Петре, даже за советской колючей проволокой осталось 150 млн., среди которых около 100 млн. самых настоящих, бесспорных русских, тех, усилиями которых творилась, главным образом, славная Российская история.

Все эти усилия отнюдь не питали войн. Наоборот. Задолго до появления на свете Лиги Наций русская государственная власть знала и применяла те способы (разумеется, внешне отличные от применяемых в XX веке), которые ныне считаются действенными в Женеве. Россия, как уже указывалось, до самого XVIII века оборонялась. И обороняясь, она старалась прежде всего заставить время работать в своих интересах. Она стремилась *отдалить* столкновения, если не вовсе устранить кровопролитие. На это указывает Соловьев, по подсчетам которого из 200 войн, с 1224 по 1462 год, только 61 отмечены известиями о сражениях, остальные же свелись к *угрозам передвижениями войск*. Так было при великих князьях. Не менее осторожно обращалась с войной царская и императорская власть. За редкими исключениями, известными в позднейшее время, — Россия *не шла на войну опрометчиво*, с легким сердцем. Хотя бы уже потому, что давно обозначившееся превосходство европейской техники над русскими ополчениями являлось постоянно веским предостережением. (Особенно сильно это неравенство вооружений сказалось в борьбе Иоанна Грозного с Баторием, но оно чувствовалось всегда и позже — до наших дней: пример — Нарва, первое поражение Петра, Севастополь и т. д.)

Бережное и ответственное отношение русской государственной власти к объявлению войны постоянно отмечает Ключевский (достаточно вспомнить вопрос о Ливонском по-

ходе при Иоанне Грозном; вопрос о войне с Польшей из-за присоединения Малороссии по просьбе Богдана Хмельницкого при Алексее Михайловиче; уступки императора Николая I в переговорах перед Крымской войной; долгие колебания императора Александра II перед объявлением войны Турции из-за славян и другое). И если не считать злополучной японской войны, то лишь те немногие войны, в которые Россия была втянута различными европейскими коалициями и комбинациями после 1756 года, могут вызвать сомнение в смысле их неизбежности и соответствия русским жизненным интересам. Во всех остальных случаях русское оружие служило или непосредственно для *самозащиты*, или для *закрепления* таких государственных граней, которые отвечали *жизненным* *нуждам великой страны* и обеспечивали безопасность для мирного и производительного труда населения.

Из 537 лет, прошедших со времени Куликовской битвы до Брест-Литовска, Россия провела в войнах 334 года. Войны эти распределяются следующим образом, по главнейшим направлениям и воюющим странам:

Запад	Войн	Лет войны
Швеция	8	81
Польша	10	64
Литва	5	55
Ливония	3	55
Франция	4	10
Германия	1	3
Пруссия	2	8
Италия	2	4
Австрия	1	1
Венгрия	1	1
Австро-Венгрия	1	3
Англия	1	3
Юг	Войн	Лет войны
Турция	12	48
Крым	8	37

Кавказ	2	66
Персия	4	28
Восток	Войн	Лет войны
Монголы	?	130
Сибирь	1	35
Амур	1	1
Кульджа	1	1
Хива	4	6
Бухара	1	5
Коканд	3	15
Теке	1	3
Афганистан	1	1
Япония	1	2

Общий итог военных лет по этой таблице составляет 666, т. е. почти вдвое более приведенной выше цифры (334). Объясняется это тем, что за указанное время России пришлось вести 134 года войны против различных *союзов и коалиций*, одновременно с несколькими врагами (в том числе одну войну сразу против 9 врагов, 2 — против 5, 25 — против 3 и 37 войн против 2).

Первый вывод, который напрашивается из приведенной таблицы*, тот, что нашим главным врагом, натиск и преодоление которого потребовали наибольшего напряжения, — были *азиатские кочевники*. Монгольский погром (1240) явился самым тяжелым ударом, какой пришлось когда-либо вынести России, еще не успевшей утвердить своей государственности. Но если страшен был этот удар, то велики были и силы, собранные русским народом для преодоления татарщины. 130 лет войны после Куликовской битвы на востоке да 37 лет войны с Крымом (не считая отражения отдельных татарских набегов после 1240 года и половецких набегов до того), — такова совокупность невероятных усилий, приложенных русским народом на протяжении пяти с лишним столетий, — *чтобы не дать России стать улусом*.

* Она взята из упомянутой уже книги Н. Н. Сухотина, появившейся в 1894 г. (стр. 32 и 33), которая использована в дальнейшем.

За татарами на первом месте по напряженности и продолжительности борьбы идет *Швеция*. Правда, по степени опасности ее нельзя сравнить с татарами. Но нельзя и преуменьшать значения этого упорного и прекрасно подготовленного к войне врага, стремившегося отбросить Россию от Балтийского моря. Помимо упорства, проявленного Швецией (добившейся захвата Новгорода в Смутное время), она и по численности населения почти равнялась Петровской России (около 12 миллионов). Потребовалась гениальная настойчивость Петра Великого, чтобы решительными победами в 20-летней войне окончательно разбить шведский натиск. Полтавская победа (1709), одержанная Петром в неблагоприятных и очень опасных условиях, решила в пользу России многовековой спор, в котором Швеция, будучи зачинщицей, стремилась к верховодству в Северной Европе, а Россия билась за выход к морю и за возврат отнятых Швецией русских земель. Почти 5 веков (1240—1721) потребовалось для того, чтобы отстоять эти законнейшие и жизненные требования.

Не менее упорной и грозной была борьба с *Польшей* и *Литвой*, растянувшаяся почти на 7 веков, от первого столкновения с «ляхами» при Владимире Святом (961) до 1667 года, когда Алексеем Михайловичем был нанесен Польше такой же решительный удар, как Швеции при Полтаве. Особенно яростно наседали наши западные соседи (Польша, Литва и Ливония) в конце XVI века, как раз в то время, когда Россия собралась с силами для перехода в наступление на востоке против Казани. Тем не менее Иоанн Грозный, справившись, наконец, с Казанью, начал свою знаменитую Ливонскую войну и одержал было несколько успехов. Но вмешательство Польши (Стефан Баторий) не только свело их на нет, но причинило России и очень чувствительные поражения, причем России пришлось вскоре вести 20-летнюю войну против союза западных государств, по временам поддержанного набегами диких крымцев. Напор с запада был столь сильным, что в начале XVII века, в Смутное время, Россия снова оказалась в столь же трудном положении, как и во время монгольско-

го нашествия. Русское государство было на краю гибели, а вековой враг в Москве. Однако, как только удалось изжить Смуту, — натиску Польши был положен конец (1667) и в императорский период войны велись уже не с Польшей, а в Польше.

Войны в *южном* направлении уступают по своей длительности многовековой и тяжелой обороне на западе и на востоке. И все же это направление бесспорно является главным. Ибо здесь Россия не оборонялась, а наступала, *пробивая себе дорогу к южному морю*. Заслуживает при этом особого внимания то, что с самых первых походов варяжских князей и до нашего времени наступление на юг, надолго прерывавшееся самообороной, ведется по *тем же операционным линиям*. Эти основные направления: морской путь от Днепра и от крымского участка побережья (походы 860, 907, 941 и 988 годов на Византию); путь через долину Дуная и Болгарию (походы 967—972, 1116 годов); путь в промежутке между Черным и Каспийским морями (походы Святослава, Владимира и др. на Тмутаракань); и, наконец, сочетание этих путей в пользовании ими одновременно (944, 1043 годы).

Продвижение к благодатному Югу, стоившее России в новейшее время 18 войн, общею продолжительностью в 142 года, — далось очень не легко. Но за все это время, с первых Азовских походов Петра (1695—1696) до взятия Эрзерума в 1916 году Россия потерпела на этом длинном пути только два поражения; на Пруте (1711) и в Крымскую кампанию, когда война велась не с Турцией только, а со всей Европой. Три раза заветная цель уже казалась достигнутой: при Екатерине II Суворовские победы поставили на очередь «греческий проект», т. е. овладение Константинополем; затем при Николае I удачная война 1829 года и крупная победа русской дипломатии в 1833 году (договор Униар Искелесси) сделали Россию, в качестве союзницы и покровительницы Турции, хозяйкой над проливами. И, наконец, в 1878 году русские войска стояли в Сан-Стефано, в виду Константинополя. *Европейские дипломаты сделали, однако, все, чтобы отложить успешное заверше-*

ние этого национально-исторического русского дела. И все же в 1915 году удалось добиться от главных противниц появления России в южных водах: Англии и Франции — признания ее прав на проливы (Лондонский договор). «Мир без аннексий и контрибуций» не только разрушил это уже подготовленное торжество вековых стремлений русского народа на юг, но еще (без малейших оснований) отдал во власть побежденной Турции залитый русскою кровью Карс. Вопрос о южно-морском выходе для России и ее вывоза остается, таким образом, и доселе неразрешенным.

Те войны России, которые велись *из-за европейских дел* и стоили ей огромных жертв, являются самыми безрезультатными, несмотря на блестящие успехи русского оружия, неизменно их сопровождавшие. В 1756—1760 годах впервые европейской дипломатии (Австрии) удалось втянуть Россию в Семилетнюю войну за «австрийское наследство». Но все результаты побед (даже над самим Фридрихом Великим) были добровольно уничтожены Петром III, ставшим на другую (Прусскую) точку зрения в указанном вопросе. Точно так же одну только славу принесли русским орлам блистательные Суворовские походы 1798—1799 годов, когда Россия бескорыстно пошла на интервенцию против революционной Франции* и затем вышла из коалиции, убедившись в корыстных замыслах *Англии* и *Австрии*. Тяжелая борьба с Наполеоном (1805—1806, 1812—1814), снова во имя «освобождения Европы от тирана» (предупредительно предлагавшего России раздел областей влияния), может быть с русской точки зрения оправдана разве лишь тем, что без нее Наполеон окреп бы так, что и России пришлось бы подчиниться его воле. Непосредственную же пользу от наполеоновских войн извлекла *Англия*. Попутно в Тильзите Александр I спас Пруссию, которую Наполеон хотел уничтожить, а в 1814 году в Париже — Францию от неумеренных требований Пруссии и союзников.

---

* Правительственная декларация определяла цели войны так: «освободить Францию, сохранить ее неприкосновенно в том положении, в каком она была до революции...». Весьма интересная формулировка задач *русской интервенции!*

Позднее, в 1849 году Николай I спас Австрию от развала. И за все это Европа «отблагодарила» в Крымскую кампанию: тогда Австрия помешала развитию русских военных действий на Дунае, «удивив мир неблагодарностью»; Франция, в лице Наполеона III, мстила за Наполеона I; а вся коалиция открыто или тайно — *спасала Турцию*, против которой Россия шла как освободительница угнетаемых на Балканах христиан.

Тем не менее эту последнюю свою историческую миссию Россия блестяще выполнила, вопреки вооруженному сопротивлению турок и дипломатическому препятствованию Европы. Еще Адрианопольский мир (1829) закрепил независимость Греции и автономию княжеств Молдавии, Валахии и Сербии. Освободительная война 1877—1878 годов довершила то, чему России помешали в 1854—1855 годах, она обеспечила независимость Сербии и Болгарии. Наконец, в 1914 году, когда над Сербией повисла новая и тяжкая угроза, Россия обрекла себя на мировую войну, которой она *не хотела и не искала*, к которой она *не была готова* и которая ей, по ее внутреннему состоянию, в то время была *абсолютно не нужна и вредна*. В итоге — малые славянские народы раскрепощены и возрождаются; а великая славянская страна, — лоно и опора славянства в мире, — выбыла из строя и стала жертвою и орудием чужеродных и гибельных сил...

Войны великого народа вытекают из его органических нужд и потребностей; отдельные правители могут, конечно, делать ошибки, но в общем ходе истории их произвол не имеет ни последнего, ни решающего значения. России, как великой стране, предугазаны ее исторические пути, задания и опасности; и под их давлением слагались и *будут впредь слагаться* ее войны. А правителям надлежит только *мудро блюсти соразмерность сил и сроков*.

Б.А. НИКОЛЬСКИЙ

РОССИЯ В МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Десятилетие, предшествовавшее войне, было и в области развития внешней торговли России, как и во всех областях хозяйственной деятельности, периодом быстрого развития и роста. С каждым годом увеличивалось и укреплялось значение России на мировом рынке как продавца и как покупателя.

За время с 1899 по 1913 год внешняя торговля Российской империи (по всем границам) увеличивалась следующим образом (годовая средняя по пятилетиям в млн. рублей):

	Вывоз	Ввоз	Баланс
1899—1903	793,3	630,2	+163,1
1904—1908	1046,0	769,5	+276,5
1909—1913	1501,4	1139,6	+361,8

Таким образом, в промежуток времени между первым и третьим пятилетием *русский вывоз почти удвоился (возрос на 89%)*. Соответственно увеличивался и привоз иностранных товаров в Россию и *улучшался в ее пользу активный торговый баланс* (превышение вывоза над ввозом).

Тем не менее, если взять обороты внешней торговли *из расчета на душу населения*, то *Россия занимала последнее место в Европе* (за исключением одной Болгарии). Так, например, если разделить сумму вывоза на число жителей, то для отдельных стран в 1913 году получались следующие цифры (в герм. марках на душу): Россия — 23,65 марки, Германия — 150,20 марки, Великобритания — 283,69 марки, Бельгия — 388,83 марки, Соединенные Штаты — 106,77 марки.

Такой относительно низкий размер внешней торговли России из расчета на душу населения (в 12 раз меньше душевого оборота Великобритании и в шесть раз меньше Германии) объяснялся, конечно, прежде всего бедностью и отсталостью России. Но это не значит еще, что Россия должна была ставить себе целью обязательно догнать в этом отноше-

нии такие страны, как Англия или Германия. Низкий размер внешней торговли из расчета на душу населения является не только недостатком, показателем бедности, но и преимуществом, поскольку он отражает тот факт, что Россия, вследствие огромного своего протяжения, изобилия и разнообразия своих естественных богатств, *была и особенно будет в состоянии удовлетворять сравнительно очень большую часть потребностей своего населения внутренней добычей и производством*. Северные леса и туркестанский хлопок, сибирские меха, кавказский марганец и крымские вина — уже этот краткий перечень свидетельствует о том, какие разнообразные потребности своего населения и своей промышленности Россия могла в прошлом и сможет в будущем удовлетворять, *не прибегая к иностранному ввозу*.

В этом отношении по своему экономическому типу Россия ближе всего подходит к Соединенным Штатам Северной Америки. Как видно из приведенных выше цифр, несмотря на свое богатство, Соединенные Штаты по оборотам внешней торговли на душу населения стоят далеко позади и Англии и Германии. С точки зрения устойчивости развития и хозяйственной независимости страны это является огромным преимуществом. Так, Англия переживает после войны хронический промышленный кризис вследствие того, что целый ряд стран, которые она снабжала раньше своими изделиями в качестве «мирового фабриканта», во время и после войны усиленно стали развивать собственную промышленность. В то же время Америка, опираясь на свой громадный и богатый внутренний рынок, переживает период необычайного промышленного и вообще хозяйственного расцвета.

Что касается *состава русского вывоза* до войны, то Россия как страна земледельческая вывозила, главным образом, *продукты сельского и лесного хозяйства, а также животноводства*. Поскольку Россия вывозила промышленные изделия, этот вывоз направлялся, главным образом, на азиатские рынки (Турция, Персия, Китай), где Россия обладала большими географическими преимуществами.

В пятилетие 1909—1913 средний годовой вывоз распределялся по главнейшим товарным группам следующим образом:

	млн. руб.	% общего вывоза
Продукты земледелия	920,4	61,3
Животные и продукты животноводства	269,1	17,9
Лесные товары	151,0	10,1
Ископаемые	76,1	5,0
Изделия и прочие товары	84,8	5,7
Общий итог	1501,4	100,0

Почти половина всего вывоза России (676,4 млн. руб., или 45%) приходилась на вывоз зерновых хлебов (включая муку и отруби). Такое огромное преобладание зерновых продуктов являлось *опасным и невыгодным*; опасным потому, что ставило всю внешнюю торговлю страны в очень большую зависимость от колебания урожаев, в России, как известно, особенно значительных и резких; невыгодным — потому, что для страны выгоднее вывозить зерно в «облагороженном» виде, т. е. в виде *продуктов интенсивного сельского хозяйства* (мясо, масло, яйца и т. п.). Но за последние 10—15 лет до войны русский вывоз быстро изменялся именно в этом направлении — вывоз таких продуктов, как коровье масло и яйца, увеличивался абсолютно и относительно быстрее вывоза хлебных продуктов. Если сравнить, таким образом, трехлетие 1911—1913 с пятилетием 1896—1900, то в среднем в год вывоз масла увеличился по ценности с 7,1 млн. руб. до 70,4 млн. руб., а вывоз яиц — с 27,7 млн. руб. до 85,5 млн. руб.

В противоположность вывозу русский *ввоз* состоял, главным образом, из *промышленных изделий и машин*, которые еще не производились в России, а также из тех видов промышленного *сырья* (и колониальных продуктов), которые *не* производились в России *совсем* (чай, кофе, резина) или производились в *недостаточном количестве* (хлопок).

В распределении русского ввоза и вывоза по *странам* отражались как характер и состав русского внешнего товарообмена, так и географическое положение России. Последним обстоятельством, в частности, объяснялось преобладающее положение в русском ввозе и вывозе Германии.

В последнем мирном году (1913) из общего ввоза в размере 1,374 млн. руб. на долю Германии приходилось 643 млн., или 47%, второе место в русском ввозе занимала Англия (170 млн., или 12,4%), третье — Соединенные Штаты (74 млн., или 5,4%). В нашем *вывозе* преобладание Германии было несколько меньшим — из общего вывоза в 1520,1 млн. руб. в 1913 г. в Германию направлялось 453 млн. руб., или 30%; соответственно этому несколько больше была и доля Англии в нашем вывозе (267 млн. руб., или 17,5%).

Уже война нанесла внешней торговле России тяжелый удар. Россия была почти отрезана от внешнего мира. С блокадой Балтийского побережья и закрытием проливов после вступления в войну Турции для ввоза и вывоза оставались только Владивосток с 10 000-верстным железнодорожным пробегом грузов — с одной стороны, и Архангельск и Мурманск — с другой. При этом Архангельская железная дорога обладала ничтожной пропускной способностью и была перешита на широкую колею уже во время войны, а построенная с колоссальными трудностями Мурманская железная дорога была закончена незадолго до революции. Все эти пути были почти исключительно заняты перевозкой военных грузов.

Большевицкий переворот оборвал последние нити, связывавшие Россию во время войны и непосредственно после нее с мировым хозяйством, настолько, что в 1920—1921 годах весь вывоз СССР равнялся 10 млн. руб., или 0,6% вывоза Российской империи в 1913 году.

После объявления нэпа и постепенного восстановления крестьянского хозяйства внешняя торговля СССР также начинает возрастать, но и сейчас она по объему не достигла еще и *половины* довоенного оборота внешней торговли России.

По современным ценам (в червонных рублях) внешняя торговля СССР выражалась за последние 4 года в следующих цифрах (по европейской границе):

Временные периоды	Ввоз	Вывоз	Баланс
1923—1924*	387	480	+ 93
1924—1925	644	508	—136
1925—1926	674	589	—85

В истекшем 1926/1927 хозяйственном году вывоз по всем границам составил 768 млн. руб., ввоз — 712 млн. руб., с активным торговым балансом в размере 55,9 млн. руб.

Если, как делает это советская статистика, пересчитать ценность ввоза и вывоза на довоенные рубли (т. е. по довоенным ценам), то окажется, что вывоз 1926/1927 года составлял всего 555 млн. руб., что в свою очередь по исчислению, приведенному в статье Наркомторга Микояна («Правда», 3 ноября 1927 года), составляет 42% довоенного экспорта.

Этот упадок внешней торговли советской России отразился прежде всего на *резком сокращении удельного веса СССР в мировом товарообмене* — по сравнению с тем весом, который имела Россия прежде.

По данным, разработанным Секретариатом Лиги Наций в связи с созывом мировой экономической конференции в Женеве в мае 1927 года, в 1913 году на долю России приходилось почти 4% (точно 3,9%) всего мирового торгового оборота, причем Россия по размерам своей торговли стояла на *шестом* месте среди других великих держав. В 1925 году участие советской России в международном товарообмене составляло всего 1,06%, т. е. *доля ее сократилась в четыре раза*; при этом в ряду других стран СССР занимает уже 23-е место — позади таких государств, как Испания, Швейцария и Дания, и по оборотам своей торговли советская Россия сравнялась с маленькой Кубой. Почти в тех же цифрах (для 1926 года — 1,14%) исчисляются участие СССР в мировом обороте и советские статистики

* Хозяйственный год в советской России считается с 1 октября по 1 октября.

(см. статью Ламброва «СССР в мировом торговом обороте» в журнале «Советская торговля» от 10 ноября 1927 года).

Сокращение территории СССР по сравнению с территорией прежней Российской империи является, конечно, одной из причин уменьшения внешней торговли; но причиной далеко не главной. По расчету, приведенному в указанной выше статье Микояна, — расчету, статистическую точность которого трудно проверить, но который, по-видимому, приблизительно соответствует истине, на уменьшение территории прежней России нужно с общей суммы экспорта скинуть 15%. Другими словами, при общем вывозе России в 1913 году в 1520 млн. руб. за вычетом 220 млн. на вывоз в границах СССР приходится 1300 млн. руб. Сокращение территории является, таким образом, лишь второстепенной причиной в ряду причин, обусловивших небывалый упадок внешней торговли России. Это станет особенно ясным, если еще принять во внимание сокращение вывоза по главнейшим статьям русского экспорта.

В 1909—1913 годах Россия вывозила в среднем 690 млн. пудов зерновых продуктов; в 1926—1927 (несмотря на третий сряду хороший урожай) этот вывоз составил всего 160 млн. пуд., или 23% прежнего количества. Соответственно этому сократилась и доля участия СССР в снабжении мира главнейшими хлебами. Для пшеницы эта доля сократилась с 28,5% (1909—1913) до 6,1% (1926—1927), а для ячменя за то же время с 73,2% до 12,2% (по данным журнала «Советская торговля» от 28 июля 1927 года).

Вывоз льна даже с учетом уменьшения территории России сократился за то же время с 12,8 млн. пуд. до 2,2 млн. пуд., т. е. свелся к 17,2% прежнего размера. Вывоз других основных предметов русского вывоза составлял в 1926/1927 годах по сравнению с довоенным временем: для масла коровьего — 48%, для яиц — 23%, для леса — 56% и т. д.

В вопросе о сокращении хлебного вывоза до одной четверти прежних его размеров одной из важных причин, и притом причиной, которая сохранила свое действие и после ликвидации большевиков, — явилось *уничтожение помещичьего хо-*

зяйства. Хотя на долю помещичьего хозяйства по всей России приходилось всего около 10% всей посевной площади, тем не менее роль помещичьего хозяйства как хозяйства, *работающего на рынок*, в снабжении внутреннего и внешнего хлебного рынков была гораздо большей. На долю помещичьего хлеба в общей массе товарного (т. е. поступавшего на рынок) хлеба приходилось от 30 до 40%.

Как ни важна эта причина, она не может одна объяснить резкого сокращения русского экспорта, ибо сокращение этого последнего значительно превышает количество всего помещичьего хлеба, шедшего на вывоз. Нельзя также объяснить сокращение вывоза зерна и других продуктов одним только сокращением посевов и уменьшением производства этих продуктов в крестьянском хозяйстве. Так, вывоз льна составляет всего одну шестую прежнего вывоза, а между тем площадь посевов *превысила* уже теперь довоенную площадь.

Основная причина упадка и застоя вывозной торговли СССР заключается в том, что *при существующих высоких ценах на изделия советской промышленности* (которые большевики вот уже несколько лет тщетно пытаются понизить) *русский крестьянин не заинтересован в увеличении своего производства на рынок*; он фактически возвращается к натуральному хозяйству. Из льна, который он прежде продавал, чтобы на вырученные деньги купить мануфактуру, он теперь вырабатывает холст; зерно — вследствие невыгодно-низких цен, которые предлагают ему советские скупщики-монополисты, он скармливает скоту, — отсюда то необычайно быстрое восстановление скота, которое наблюдается в русской деревне за последние годы. Словом, *увеличилось «оседание» продуктов в крестьянском хозяйстве.*

Когда с крестьянского хозяйства будут сняты путы коммунистического ига, оно, несомненно, быстро начнет увеличивать производство и продажу сельскохозяйственных продуктов для рынка, и в частности для экспорта. Но тут придется преодолевать другое препятствие — наследие войны и революции. *За 14 лет отсутствия России на мировом рынке (1914 —*

1917) место ее было занято другими. Ее главнейшие конкуренты увеличили производство в размерах, иногда превышающих дефицит, образовавшийся вследствие исчезновения России с мирового рынка.

Так, например, в то время, как вывоз пшеницы из СССР за трехлетие 1922—1924 составлял в среднем в год 193 000 тонн против прежних 3 300 000 т (последнее трехлетие перед войной; сокращение на 2 100 000 тонн), — три главных конкурента России на пшеничном рынке Соединенные Штаты, Канада и Аргентина за то же время увеличили свой вывоз с 6 840 000 до 13 910 000 тонн (увеличение на 7 000 000 тонн).

Вывоз масла из России в 1924 году понизился по сравнению с довоенным временем на 46 000 тонн (с 68 000 до 22 000), но за это время три главных конкурента России по вывозу масла — Дания, Новая Зеландия и Аргентина — увеличили свой вывоз на целых 108 000 тонн (с 109 000 до 217 000).

Это, конечно, не означает, что Россия не сможет отвоевать свое старое и принадлежащее ей по праву место в мировом товарообмене, особенно если принять во внимание, что это отвоевывание будет происходить постепенно — вместе с дальнейшим ростом мировой потребности в главных предметах русского вывоза.

Но это значит, что и в этой области потребуются *полное хозяйственное напряжение всего народа и мудрое руководство со стороны будущей государственной власти* для того, чтобы залечить тяжелые раны, нанесенные хозяйству России войной и революцией.

В. Ф. ГЕФДИНГ

ЯД ПАРТИЙНОСТИ

Деление людей на партии неизбежно; ибо всюду, где люди думают, — обнаруживается и разногласие, и единомыслие, а объединение единомышленников дает им умственную уверенность и увеличивает их силы в борьбе.

Но *дух политической партийности* всегда ядовит и разлагающ. Сущность его состоит в том, что люди — из честолубия посягают на власть; ставят часть выше целого; создают атмосферу разлагающей нетерпимости; обращаются в борьбе к самым дурным средствам; становятся зловредными демагогами; превращают партийную программу в критерий добра и зла.

Этим духом заражаются одинаково — как левые партии, так и правые.

1. Политическая партия всегда добивается верховной власти: это ее основная цель; к этому направлены все ее усилия. Но именно поэтому во главе ее оказываются те люди, которые *способны профессионально заниматься захватом власти — профессионалы честолубия*. Обычно бывает так, что лишь очень немногие из них уже были у власти, почти никто из них не проверил своего умения властвовать; большинство из них наверное не призвано и не способно править*. Но все они заранее, всю жизнь воображают себя «министрами» или «президентами», примериваются, комбинируют и посягают, часто безвольные и бесхарактерные дезорганизаторы и политические дилетанты.

Итак, дух партийности *выдвигает наверх профессиональных честолубцев, непризванных дилетантов, политических карьеристов*.

2. Всякая партия представляет лишь меньшинство людей в стране; противоположное утверждение есть ложь, которая всегда может быть опровергнута статистически. Поэтому «победа» любой партии при любой избирательной системе *дает меньшинству власть над большинством*. Это меньшинство, восходящее к власти снизу и лишенное традиций здоровой государственности, несет с собою интересы того народного слоя (класса, сословия, группы), которому его программа «угодила» и который поэтому за него голосовал, а это и есть *дух части*, который стремился господствовать над *целым* и теперь

---

* Ср. в первой книжке «Русского Колокола» статью Старого Политика «О политической работе».

начинает выдавать *свой* интерес за интерес *общенациональный*. Понятно, что партия, которая исходила бы от целого и выдвинула бы истинно-государственную программу, — должна была бы потребовать от *всех* классов *жертвенности* и *служения*; именно поэтому ей было бы особенно трудно собрать «большинство голосов».

Итак, дух партийности *разжигает своекорыстие классов и групп; и тем искажает и предаёт государственное дело*.

3. Всякая партия хотела бы иметь страстных приверженцев. Страстность есть залог избирательной «победы», бурная пропаганда, настойчивая агитация, темпераментные речи — все это приобретает голоса для выборов и читателей для партийных газет, все это сбивает людей, лишает их собственного мнения и навязывает им партийный трафарет. Соревнование и честолюбие разжигают эту страстность до фанатизма, а фанатизм несет с собою дух ненависти, ослепления, нетерпимости и исключительности: все несогласные превращаются в «идиотов» или в «подлецов», по отношению к которым все позволено.

Итак, дух партийности *затемняет у людей разум и правосознание, создавая атмосферу нетерпимости, разъединения и гражданской войны*.

4. В борьбе за власть одержимые партийные честолюбцы обычно обращаются ко *всем* средствам и не останавливаются даже перед самыми низкими. Они лгут в доказательствах и спорах; заведомо обманывают избирателей, клеветают на конкурентов и противников. Одни продают свои «голоса»; другие их покупают — то за деньги, то за почести, то раздавая места, то устраивая прибыльные или «благотворительные» дела. Одни борются сплетней, инсинуацией и интригой; другие, будучи депутатами, берут деньги у правительства; третьи организуют партийные заговоры и перевороты; четвертые прибегают к ограблению («экспроприация») и к политическим убийствам. Люди начинают думать, что «цель оправдывает средства»; воцаряются деморализация и авантюризм; облик политического

лидера приобретает черты профессионального лжесвидетеля, взяточника и бандита.

Итак, дух партийности *расшатывает у людей совесть и честь и незаметно ведет их на путь продажности и уголовщины.*

5. В этой атмосфере — и выборы, и партийное правление становятся делом порочной *демагогии*: партии обращаются к своекорыстному инстинкту народных масс, разжигают темные вожеления, раздают несбыточные обещания, льстят толпе и, развращая народ, постепенно доводят его до состояния *черни*. Тогда и выборы, и правление приобретают характер *распродажи с молотка государственной власти*, и во главе государства становятся нравственно и политически худшие люди.

Итак, дух партийности *развращает народ и ведет государство к гибели.*

6. При всем этом партийный дух создает своего рода *массовый психоз* в пределах самой партии. Человек, одержимый этим психозом, начинает верить в то, что только *его* партия владеет *истиной*, и притом *всею истиною и по всем вопросам*. Постепенно партийное настроение становится чем-то вроде «миросозерцания», партийная программа превращается в догмат, а партийная польза — в критерий добра и зла. Люди проходят через стадию партийного *оглуления* и доходят до партийного *изуверства*. Воззрения делаются плоскими, скудными, трафаретными; люди живут в партийных шорах и видят только то, что предусмотрено в партийных брошюрах; все вопросы религии, совести, искусства и науки разрешаются на основе постановлений последнего партийного «съезда», а честолюбивые вожаки почитаются, как вожди и пророки. Партийная политика становится единственным источником жизни и света.

Итак, дух партийности *извращает все миросозерцание человека, подчиняя все партийной пользе и насаждая в душах неискоренимую пошлость.*

Понятно, что в эмиграции, где нет ни власти, из-за которой партии борются, ни народа, который они стараются ув-

лечь и подмять под себя, — вовлечение в партийность является *особенно праздным и вредным делом*. Готовить для будущей России мы должны именно не партийный дух, а национальный, патриотический и государственный.

И.А. ИЛЬИН

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОВОКАЦИИ

(Правила и советы)

1. Если ты ведешь политическую борьбу, то ты должен крепко и зорко обдумывать свои поступки. Выбирая средства в борьбе, ты должен руководиться не чувствами и настроениями, а наблюдением, анализом и волею; *над* ними остается только совесть и честь, ибо, став бессовестным и бесчестным, ты станешь не нужен ни своему *делу*, ни своей борьбе.

2. Помни всегда, что ты — ответственный «стратег» и «тактик», и что стратегия не порыв, а тактика не эксцесс. Необдуманные порывы, легкомысленные эксцессы *всегда вредны делу*; а могут и прямо погубить его. Поэтому помни, что такие эксцессы нужны не твоему *делу*, а твоим *врагам*.

3. Продумай раз навсегда, что служа делу добра и духа, ты борешься с делом сатаны, и что эти два дела противостоят друг другу. Поэтому: все, что вредит твоему делу, — полезно сатане; всякая неудача твоя, неосторожность, нерасчетливость, глупость, бестактная выходка, болтовня — все служит ему и его делу. Додумай все это до конца и не ссылайся в свое оправдание на то, что тебя «обуревают чувства», что у тебя «темперамент» или что ты «устал ждать». Умей дисциплинировать себя; иначе — ты не годишься для борьбы*.

4. Помни: враг твой зол, коварен, изобретателен: он все время *пробирается к тебе в тыл* и работает над его разложением. Ему необходимо: распознать твои планы и намерения; затруднить тебе борьбу за существование; замаскировать

---

* См. мои статьи «О политической работе» и «Как хранить тайну» в № 1 «Русского Колокола».

себя, т. е. внушить тебе, что он «силен», «удачлив» и имеет «благия намерения»; посеять в твоих рядах смуту, уныние и особенно *бесцельные распри*; сорвать твою волю и выдержку; завладеть твоим доверием; и главное — *вовлечь тебя в неподготовленные, неумело ведомые, заранее обреченные предприятия*. Он всегда провоцирует тебя, помни это и не поддавайся его провокации.

5. Организуя провокацию, враг всегда ищет людей легковерных, глупых, не умеющих распознавать других, неопытных в конспирации, и особенно *тщеславных и бесхарактерных* (одно стоит другого). Помни, раз поддавшись на провокацию, поверив и подчинившись влиянию, — *ты сам оказываешься в положении провокатора*; правда, не по злой воле, а по глупости и легкомыслию, — но делу от этого не легче.

6. Провокация *всегда* зловредна для дела, идет ли она прямо от врага или через неумного и тщеславного единомышленника. Ее основная задача: *разрядить твою энергию в условиях невыгодных или губительных для твоего дела (не там, не тогда; с ведома врага; при невыгодном соотношении сил)* — и тем сорвать твою силу и сопротивляемость. Но она вредит и после разоблачения, вызывая уныние, неверие в свои силы, взаимную подозрительность и *преувеличенную оценку вражеской силы и осведомленности*.

Поэтому, если ты действительно ведешь борьбу — живи бережно; не распускай внимания; *не доверяйся зря*; не ходи к врагу *болтать* и не воображай, что ты легко перехитришь его, ибо, *спровоцировав тебя на болтовню*, он уже *перехитрил тебя*. Зорко береги тыл своей организации и тыл своей души. Не позволяй людям вовлекать тебя и твоих единомышленников в эксцессы. Не позволяй людям играть с твоей совестью (уко-ром, подстрекательством, дразнящим намеком, склонением к глупой и вредной откровенности) или зря разжигать твой активизм и героизм. Владей собою. Не растрачивай сил. Не компрометируй дела. Учись обезвреживать провокацию врага; в этом условие победы.

СТАРЫЙ ПОЛИТИК

О БОРЬБЕ И СМЕРТИ

(Для памяти)

Думаю, что благодать Духа Божия скорее исполняет тех, кои от всего сердца вступают в подвиг.

Антоний Великий

С раздвоенным сердцем никто не может сражаться на войне Господней.

Иоанн Кассиан Римлянин

Если и умрешь, не будешь побежден, но тогда-то и одержишь совершенную победу. Земля не приняла тебя в свои граждане, но примет небо.

Василий Великий

Человеку не следует жаловаться на свое время, из этого ничего не выйдет. Время плохо, ну что же, для того он и живет, чтобы сделать его лучше.

Карлейль

Мужество не в том, чтобы сослепу не замечать опасность, но в том, чтобы видеть ее и преодолевать.

Жан Поль

Надо не просто действовать, но действовать с уверенностью, что успех зависит именно от тебя и только от тебя самого.

Вильгельм Гумбольдт

Важно, чтобы ты жил хорошо, не важно, чтобы ты жил долго.

Публий Сириец

Жить стоит только тем, за что стоит бороться и умереть.

***
115

Тот, кто не боится смерти, тот ничего не боится.

Джордж Эллиот

Меньше всего боятся смерти те, жизнь коих наиболее драгоценна.

Кант

Вам страшнее произнести мой смертный приговор, чем мне — выслушать его.

Джордано Бруно (судьям инквизиции)

Кто отрекается от самого себя, того все покидают. Если народ отчаивается в себе самом, то в нем отчаивается и мир; история хранит о нем вечное молчание.

Арндт

Начинай! Только этим ты сделаешь невозможное возможным.

Карлейль

№ 4

Часть I

России нужна прежде всего национальная интеллигенция, религиозно обновленная и государственно мыслящая. Только ей может открыться великая — *христианская и патристическая* идея России; только она сможет воспитать в народе ту великую силу воли, которая необходима для осуществления этой идеи.

Каждый из нас должен работать над собою в этом направлении: вынашивать верную, глубокую и ясную *идею* и готовить в себе сильную, гибкую и умелую *волю*. Основная задача «Русского Колокола» состоит в том, чтобы содействовать этому творческому процессу.

Для этого наш журнал даст статьи и материалы. Их не стоит «просматривать» или «пробежать глазами»; напрасно искать в них развлечения и легкого чтения. Они требуют *внимания* и, главное, рассмотрения каждого отдельного вопроса *по существу*.

Лучше всего читать и обсуждать эти статьи *совместно*, вдвоем, втроем или в кружке единомышленников. Почти каждая статья может заменить очередной реферат; и почти каждая статья требует принципиального решения, которое лучше всего принимать совместно.

Особого внимания требуют материалы и инструкции, помещаемые во *второй* части журнала. Их назначение — вооружить мысль и волю русского патриота. На каком бы посту он ни оказался впоследствии в обновленной России — учителя,

офицера, чиновника, агронома, журналиста, кооператора, — он найдет здесь необходимые для него сведения, формулы и указания.

Редакция ждет от всех читателей-единомышленников прямых откликов, запросов и пожеланий. Всякий отклик без исключения будет принят во внимание и так или иначе учтен. Все вопросы и обращения, имеющие общий интерес, будут находить редакционный ответ во второй части журнала.

ОТ РЕДАКЦИИ

СПАСЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ

Верим и знаем: придет час, и Россия восстанет из распада и унижения и начнет эпоху нового расцвета и нового величия. Но возродится она и расцветет лишь после того, как русские люди поймут, что *спасения надо искать в качестве!*

Всмотритесь в пути и судьбы России; вдумайтесь в ее крушение и унижение... И вы увидите, что все основные затруднения ее — были от *объема и количества*. На протяжении веков вся беда наша, вся опасность наша состояла в том, что судьба навязывала нам *неисчерпаемое обилие*, — обилие пространств, племен и людей, — *и не давала нам времени* для того, чтобы *проработать* это обилие, *овладеть* им, *извлечь из него скрытые силы и довести их до качественного расцвета*... Не мы брали это обилие; оно само навязывалось нам, — напирая на нас угрозами и опасностями, огнем и мечом, игом и голодом*. На протяжении своей истории Россия как бы задыхается в этой борьбе с *объемом и количеством*: начиная от южных степей — и кончая северными лесами; начиная от монгольских нашествий — и кончая небывалым фронтом последней войны; начиная от ста шестидесяти племен и наречий — и кончая аграрным перенаселением наших дней. Россия могла существовать, только втягивая, включая в себя это обилие, разбра-

---

* См. статьи, помещенные в «Русском Колоколе»: в № 1 — «Русская территория» и «Население России»; в № 2 — «Историческое бремя России»; в № 3 — «Войны России».

сывая по нему свои силы и *перенапрягаясь* в этом разбрасывании; избывая одну беду для того, чтобы встречать другую, стучащуюся в ворота; и вечно опаздывая, отставая от соседей...

Вот почему мы всегда были *не готовы* и шли «на авось»: и «авосевы города стояли не горожены...». Вот почему мы никогда не могли предусмотреть *всех* опасностей и привыкали утешаться успокоительным и беспечным «небось». Вот почему нам всегда было *не до качества*: хоть «как-нибудь» — да «быть бы живу...».

Русская душа и доселе еще не поняла и не осмыслила, какой соблазн, какую отраву она впитала в себя вместе с этой идеей *бескачественного обилия и объема*. Мы и теперь еще не научились тому, что «много» и «здорово» — не значит *хорошо*; что «вольная волюшка» и «безудерж» — не то же, что *свобода*; что человек с «широкой» и «сильной» натурой — может быть и *зол*, и *вреден*; что не все можно прощать человеку за «размах» и за «удаль»... Кого и когда удалось нам «закидать шапками»? И почему мы всегда крестимся лишь после того, как грянет гром? Где-то в глубине души у русского человека живет смутная, но твердая уверенность, что качество ему «не нужно»; что это — «заморская выдумка»; что при «нашем» обилии и при «нашей» даровитости — мы без ученья и без старанья, без умения и без навыка «по-своему» «справимся» и даже «еще лучше «выйдет». Вот почему и аграрный вопрос мы все думали разрешить количественно, — чтобы у одного стало «больше», а у другого «меньше»*. Вот почему и теперь иные, ослепленные «объемом» и соблазненные «размахом» планетарных коммунистов, готовы закрыть себе глаза на *сатанинское качество* их работы...

Да, в нашей прошлой истории нам не хватало ни времени, ни сил на *качество*: на спокойную и сосредоточенную культуру; на взращивание и творческое оформление нашей *природной даровитости*; на воспитание и укрепление *национального характера*; на создание *интенсивного*, технически совершенного *земледелия и промысла*; на усовершенствование поли-

---

* См. статью В.А. Косинского «О русском малоземелии».

тической и бытовой *организации жизни*. И потому почти все, что мы создавали, мы создавали не культурой, а нашей первобытной, естественной даровитостью. И там, где западный европеец нередко извлекал многое из малого дара, в России и большая одаренность обычно шла прахом...

Культивировать наше качество, наши душевные и естественные дары — мы начали, строго говоря, лишь в XIX веке. Сто лет... Мы только успели начать; мы едва приступили к осмыслению и собиранию наших, как бы второпях создававшихся сокровищ; мы только успели опомниться и заговорить. И еще не научившись ценить качество, еще не осмыслив ни своего призвания, ни своих духовных сил, мы создали *великое* — и в слове, и в музыке, и в живописи, и в знании; мы начали создавать *превосходное* и в технике, и в промышленности, и в быту; и тут же, не умея ценить эти достижения, поспешили *нигилистически отречься* от них в *толстовстве* и в *революции*.

Это не случайно, что именно *нигилизм*, отвергнувший качество, провозгласивший снижение, упрощение и возврат к первобытности, — что именно он вскормил и подготовил *чисто количественный пафос революции*. Ибо сущность революции состоит как раз в *отрицании духовного качества* и в *количественном* перераспределении благ (черный передел, квартирный передел, «изъятие», «пайки», «конфискация»).... Революция есть живой и свирепый *враг качества*, враг высших способностей, враг всякого превосходства и преимущества; она хочет *равенства* и для этого совлекает, снижает, развращает, кощунствует и разрушает. Революция есть *духовное заболевание*: в этой болезни люди слепнут для *духа и качества* и начинают поклоняться *материи, грубой силе, объему, числу и размаху*. И именно потому они начинают с вызовом *попираť всякое истинное качество*: творят зло, насаждают ложные учения, создают уродливое и отвратное искусство и вырабатывают в хозяйстве дрянной, никому не нужный продукт. И этим они только изобличают творческую немощь количественного пафоса и *священную необходимость качества*.

Ясно, что дух революции овладел русскими людьми не случайно: ибо *теоретический нигилизм революционеров имел свои корни в душевном укладе простого народа*. От пренебрежения к качеству не так уж далеко до презрения к нему и отрицания его; и того, кто склонен все прощать за «размах» и «удаль», того неизбежно должны были покорить «удаль» и «размах» мировых злодеев. То, что было первоначально бедою и что потом вызвало народную утомленность, безнадежность и *беспечность* — стало плоскою и ядовитою *идеєю* нигилизма; и на эту идею слетелись отовсюду вóроны, люди злого пафоса, для того, чтобы возглавить простонародную утомленность и беспечность — мировым *преступлением*...

Всмотритесь же в пути и судьбы России; вдумайтесь в ее крушение и унижение! И вы увидите, что русскому народу есть только один исход и одно спасение — в возвращении к *качеству* и к его культуре. Ибо количественные пути исхожены, выстраданы и разоблачены; и количественные иллюзии на наших глазах изживаются до конца.

Что дала революция русскому народу? Избиение и вымирание лучших людей — самых честных, патриотичных и храбрых; невероятное падение жизненного уровня — умственного, нравственного, бытового и трудового; разрушение интенсивного хозяйства и растрату бесчисленных материальных сокровищ. Иными словами: *гибель лучшего*. И видя это, и разумея это, кто из нас не спрашивал себя за эти годы: да могли ли самые лютые, заклятые враги России хотеть чего-либо иного? и кто эти люди, совершившие в России это *качественное опустошение*? откуда они? и как мог поддаться их наветам и соблазнам русский народ?. О, этот трагический путь от утомления к соблазну и от беспечности к преступлению!.. Да будет же он отмечен в русской истории *в последний раз!*

После революционной ставки на жадность, на зависть, на слепоту, на труса и на подлеца — Россию спасет только *ставка на качество*. Из хаоса, из оскудения, из упрощения, из растраты и разложения — есть один только путь: к сосредоточенной

концентрации, к интенсивному труду, к волевой дисциплине, к подъему уровня, к *отбору и выдвижению лучших сил*. Чтобы возродить Россию — мало «сбросить большевиков»; это элементарно и бесспорно; но это близоруко и безыдейно. Надо *творчески развязать качественные силы России!*

Ныне наша родина нуждается, прежде всего, в *честной верности*. — Что могут построить бесчестные и продажные руки? Революция уже дала ответ на это...

России нужны *опыт и умение* — во всех областях: от генерального штаба до кооперации, от торговли до полиции. — Или недостаточна еще была вся наша расплата за беспомощность революционных самознаек?..

Россия будет голодать по *знающим и работоспособным* людям — на всех поприщах: от бухгалтерии до медицины, от агрономии до профессуры. — Революция сама перевернула страницу невежества и трудового обмана...

России необходимы *воля и талант*. Их нельзя ничем заменить; ибо талант — творит новое, а воля — строит и держит народную жизнь. — Революция навсегда скомпрометировала партийность и партийный отбор; и новый отбор должен быть *деловым, предметным, а не партийным!*

Дорогу честности!

Дорогу знанию и таланту!

Дорогу русскому гению!

Качество необходимо России: верные, волевые, знающие и даровитые *люди*; крепкая и гибкая *организация*; напряженный и добросовестный *труд*; выработанный, первосортный *продукт*; высокий *уровень жизни*.

Новая, *качественная эпоха* нужна нашей родине, эпоха, которая довершила бы все, упущенное за время перегруженности и беспечности; которая исцелила бы, заростила бы все язвы революционного времени. Эта эпоха близится и настанет; в том порукою — природная даровитость и духовная гениальность русского народа.

И ныне: верить в русское национальное возрождение — значит верить в *грядущую победу качества*; в победу верности

над предательством, знания над невежеством, труда над хищением, воли над страстью; верить в победу *божественных* сил человека над *сатанинскими*...

И готовить восстановление России — значит, прежде всего, готовить *себя самого к качественному служению родине*: готовить свой характер, свое разумение, свое чувство, свою *волевою идею*.

Имя этой волевой идеи — **русское качество**.

Верим и знаем: придет час, и Россия восстанет из распада и унижения и начнет эпоху нового величия. И эпоха эта будет стоять под знаком нашей волевой идеи!

РЕДАКТОР

КАЗАКИ, ИХ ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ

И ныне же мы должны сказать себе и друг другу, в чем нуждается наша Родина? Чего она требует от нас?... Что мы должны делать в будущем для того, чтобы никогда более не повторились эти годы смятения и крушения...

«Русский Колокол» № 1, стр. 4

Россия сегодняшнего дня — дом в огне, жилище, захваченное умалишенными: все вынесено из комнат, поломано, истреблено, составлено, как не надо. В спальную вдвинут буфет, в прихожей расставлены кровати, кухонная посуда стоит на рояле... Но хозяева дома не верят, что это всегда так и останется. Хозяева — русские — знают, что будет погашен пожар, уберут, выгонят сумасшедших из квартиры и можно будет приступить к уборке, к расстановке мебели и вещей так, как следует.

В предвидении этого возникают гадания: как расставлять? Так, как было раньше, когда «мы» так спокойно жили

(реставрация)? Или так, как было давно-давно, при дедушках и бабушках, когда не было ни водопровода, ни электрического освещения, ни телефона (евразийцы)? Или совсем по-новому, порвав с укладом родителей, создав из одной большой, общей квартиры несколько самостоятельных, маленьких, с общими дверями, а то и без дверей, с глухими переборками (федералисты)?

Что гадания эти существуют, показывает, между прочим, лежащая передо мною «Анкета о казаках», составленная войсковыми атаманами Дона, Кубани и Терека и правлением Казачьего союза.

В ней говорится: «...в условиях, в которых протекает жизнь на Родине и на чужбине, десять лет — срок большой, и на рубеже его мысль казаков углубляется в прошлое, отдаваясь не только воспоминаниям, но и продумывая все до конца, пытаясь осмыслить минувшее и сделать из него правильные выводы, — старается пытливым взглядом заглянуть в будущее, угадать, сохранится ли в будущей новой России казачество и как сложится в ней его жизнь, в каких формах и с каким внутренним содержанием».

«Как расценивается казаками и их соотечественниками неказаками прошлое казачества — и старейшего Юго-Восточного, «вольного», три века назад осуществлявшего в своей казачьей жизни широкие начала народоправства, братства и равенства и вернувшегося к этим порядкам после Февральской революции, — и тех казачьих войск, служивых, которые были образованы в XIX столетии?»

«В чем были сильные и в чем слабые стороны казачества? Какова его будущность?..»

Гадать о будущем, заниматься предсказаниями этого будущего, быть «пророком» — задача неблагодарная и невыгодная. Однако внимательное изучение прошлого казаков (да и не одних казаков, а вообще жизни людей, человеческих обществ и их взаимоотношений) и рассмотрение того, *что казаки из себя в настоящее время представляют*, до некоторой степени дает возможность предугадать, что будет с казаками, если будет то

или другое... Будущее казаков *зависит от них самих*. Их судьбы — *в их руках*.

Рассмотрение прошлого, изучение истории казаков говорит: всякие *права* вытекают из исполнения тех или других *обязанностей*. Несение этих *обязанностей*, принесение от себя определенной *жертвы* государству — давало казакам большие или меньшие *права*; выделяло их из общей массы российских граждан, обособляло их и создавало им, с одной стороны, более тяжелую, чем у других русских, жизнь (*обязанности*), с другой стороны — делало эту жизнь богаче, обеспеченнее, свободнее и привольнее, чем жизнь остальной части русского народа (*права*).

Говорить о правах — о народоправстве (т. е. управлении своим кругом, или радюю при посредстве выборного атамана), о *братстве и равенстве* (?), — не вытекающих из несения *обязанностей*, подчас очень тяжелых и неприятных, — это чистая *демагогия*. Казаки на горьком опыте 1917 года и своего настоящего положения должны понять, в какой тупик, к каким великим несчастьям эта демагогия приводит.

Обратимся к дальнему, дальнему прошлому казаков... Времена легендарные, богатырские. Русский эпос... На охране Земли Русской (Киевской), по ее границам-украинам — стояли богатырские заставы. Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович — герои народного эпоса, защищали Русскую Землю от несметной силы татарской (*врага внешнего*), от Соловья Разбойника (*врага внутреннего*), от Идолища поганого (защита быта и веры православной). Историк Соловьев пишет: «быт, подвиги богатырей древних сходны с бытом, с подвигами казаков, и народное представление верно отождествляет эти два явления, разнящиеся только именем, но и здесь народная песня уничтожает различие, называя, например, Илью Муромца старым казаком»*.

Старинная песня казачья величает Илью Муромца донским атаманом:

---

* Соловьев, т. XIII, стр. 166.

Помутился весь тихий Дон,
Помешался весь казачий круг,
Что не стало у них атамана,
Что старого казака, Ильи Муромца...*

Былинный эпос говорит нам о пирах богатырей с киевским князем, об их княжеском пожаловании, о прощении «грубостей» пьяному Илье — *права*; они признаются за великую службу на богатырских заставах — *обязанности*.

Старинная казачья песня про Ермака поет о том, что за царем служба казачья не пропадает. Описывая взятие казаками города Казани, она заключает:

Ермак тремястами казаками город взял.
Город взял он Казань и Царю отдал;
Избавил Ермак войско Царское от урона.
За то Царь пожаловал Ермака князем
И наградил его медалью именною,
Да подарил Ермаку славный, тихий Дон
Со всеми его речками и проточками...**

На окраину Русского (Московского) государства «поляковать» (от «поля») шли русские люди своею охотою и по самым различным причинам. Одни шли потому, что в них «сила по жилушкам живчиком переливалась» — надо было в лихой охоте за зверем, в схватке с татаринном или турком дать ей исход; или, ища подвига ратного, искали и добычи, шли «зипуны добывать...»

Другие шли потому, что их судьба так прикрутила, что им было — «либо в стремя ногой, либо в пень головой...». Шли от нищеты, от преследования властей за совершенные преступления, бежали от помещиков на вольную жизнь. Наконец, третьи шли от преследований за «старую» веру.

Русские разбредались по границам и шли за границу — на юг, восток и север, к Ледовитому океану, неся в себе и продвигая с собою и царство Русское. Историк «Терских казаков» Ив. Попко пишет: «куда ни забредут русские люди, хотя бы

---

* Песни, собранные Рыбниковым.

** Песни, собранные Пивоваровым.

«самодурью», без видимой государственной цели, туда придет и русское царство (Иртыш и Ермак, Кубань и Некрасов, Терек и рязанские казаки)...». Недаром китайцы говорят, — что «граница Российского государства лежит на арчаке казачьего седла...».

Сначала царская, центральная, русская власть *терпела* — это выдвижение в «поля», степи и охочих людей, которые, хотя и делали многие «грубости», творя разбои по рекам и дорогам, но зато и *охраняли государственные границы*, являясь как бы *вольной пограничной стражей*.

Потом, разобравшись в государственной пользе от существования этих самостоятельных казачьих общин, управляемых своими выборными атаманами, — общин далеких от понятия «республики», ибо общин исключительно *воинских*, — центральная власть наложила на них *обязанности*, обязала их *службою*: провожать и охранять послов, посылаемых в Константинополь через степи по Дону, вести разведку среди азовцев, ногайцев, кубанцев и калмыков и охранять границы Московского царства.

За эту службу — конвойную, разведывательную и охранную — центральная власть сохранила за казаками права их жить по занятым ими рекам (земли), права управляться атаманами и кругом («образ служения» казаков государству), прощало их грабежи и поиски и, наконец, жаловало их своим царским жалованьем.

Так, при более тесном строительстве, чем в Киевский период, — с Московскою властью определились права казаков, вытекшие из их обязанностей.

Цари Московские сносились с казаками грамотами: «...На Дон, донским атаманам и казакам, старым и новым, которые ныне на Дону и которые зимуют близко Азова». Жалованье посылалось казакам за определенную службу: «...А ныне — есмя к вам жалованье которые ходили атаманы и казаки под Кальмиус, послали селитру и свинец, а вперед вас, своим жалованьем хотим пожаловать» (т. е. за *разведку*)... Далее: «дождаться посла из Турции и проводить до Рязского города»

(конвойная служба). «А которые останутца низовые атаманы от Азова до Раздоров, и вы б их имяна, хто имянем атаман, и сколко с которым атаманом казаков останетца, тоб есте имянно переписав, дали писмо посланнику нашему... А мы к ним вперед, на весне рано, свое жалованье пришлем...»* (*Гарнизонная, пограничная служба*).

Когда, следуя за казаками, *сливаясь с ними*, Русское государство дошло до естественных рубежей — Азовского и Черного морей и Кавказского хребта, — прежняя служба казаков должна была измениться. Они могли или слиться с населением пришедшим, сгустившим, уплотнившим население окраин, стать *гражданами*, перестав нести особые обязанности и за то утратив и свои особые права, как то вышло с малороссийскими слободскими казаками, или, продолжив несение особых обязанностей, сохранить за собою и особые казачьи права.

Провожать послов не приходилось, разведывать дальше было нечего, сторожевая служба отпала. Но по взаимному, *неписаному договору* казаки взяли на себя обязанность *выставлять свои казачьи* (преимущественно конные) *полки в нужные государству места*, нести службу в новых краях «по линии» в Грузии, выставлять от себя *воинственное население* на новых «линиях» — Сибирской, Оренбургской, — рубить там «городки» и *охранять границы* Русской Земли. В случае же войны или смуты *подниматься всем войском поголовно* и быть *конным авангардом российских армий*. На казаков легли сложные, многотрудные, требующие пота и крови, полные тяжелых лишений *обязанности*.

За несение этих *обязанностей* казаки получили *подтверждение своих прав* в целом ряде императорских грамот.

Император Александр I после Отечественной войны писал в грамоте: «Донское наше воинство в минувшую с французами войну усердием, подвижностью и храбрыми действиями своими оказало важные отечеству услуги. Поголовное

---

* Грамота царя Феодора Иоанновича 31 авг. 1584 г. С.Г. Сватиков. «Россия и Дон», стр. 29, 47 и 48.

ополчение и прибытие оногo в знатных силах к нашей армии было столь поспешное и скорое, которое тогда токмо бывает, когда совершенная к исполнению долга своего ревность всех и каждого одушевляет и движет...»

В грозную годину вторжения наполеоновых полчищ, грозивших самой самостоятельности государства, казаки принесли себя в жертву России — они выставили «поголовное ополчение в знатных силах». Эту жертву они принесли *добровольно, с полною охотою*. Их всех воодушевляла «ревность к исполнению долга своего». За эти *жертвы*, за эти ревностно исполненные перед Россией *обязанности* со стороны центральной власти последовало в той же грамоте подтверждение за казаками их прав: «в довершение всемилостивейшего благоволения Нашего к Донскому войску, Мы подтверждаем все права и преимущества, в Бозе почивающими высокими предками Нашими ему дарованные, утверждая Императорским словом Нашим ненарушимость настоящего образа его служения* толикою славою покрытого; неприкосновенность всей окружности его владений со всеми выгодами и угодиями, грамотами любезнейшей бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины Великия 27 мая 1793 г. и Нами в 1811 году августа в 6-й день утвержденную и толикими трудами, заслугами и кровию отцов его приобретенную...».

Т. е. права на земли — и не малые. Тогдашний казачий душевой надел колебался от 24 до 26 десятин, причем казаки были свободны, а все остальное земледельческое сословие в России пребывало в крепостном состоянии. Кроме того, оставались еще и обширные войсковые земельные запасы. Так, ревностное исполнение казаками своих обязанностей перед центральной властью закрепило за ними права на их земли со всем, что на них находится: с земельными недрами и речными, рыбными промыслами.

---

* В своих казачьих полках, со своими начальниками, преимущественно конная и поголовная — тут совмещались вместе и *права*: сохранение своего быта, и *обязанности*: более тяжелая, чем для остального населения воинская повинность.

Уклонялись казаки от добросовестного исполнения своих обязанностей, несли их небрежно, и сейчас же это отзывалось на урезании их прав, стеснении их свободы.

В 1837 году государь Николай Павлович, возвращаясь с Кавказа из Грузии, вместе с государем наследником Александром Николаевичем посетил Войско Донское и произвел под Новочеркасском смотр казачьим полкам. Смотр был неудачный. Дул холодный ветер, поднимая и крутя столбы пыли. Люди полевых полков не равнялись, офицеры и урядники не знали своих мест, лошади были очень плохи, казаки скверно ездили и были грязно и неряшливо одеты.

Государь сказал атаману Власову, природному донскому казаку: «Я ожидал видеть двадцать два полка казаков, а вижу каких-то мужиков! Никто не имеет понятия о фронте. А лошади!.. Это не казачьи лошади, а мужичьи!»

Правительство усмотрело в этом, что казак-атаман не может заставить казаков выполнять их обязанности, и лишило их атаманов-казаков. Оно сделало это мягко, тактично, не резко и незаметно. Когда в 1848 году атаман Власов скончался от холеры, на его место был назначен атаманом генерал Хомутов, не из донских генералов, но из генералов «русских», иногородних, и этот порядок продолжался до последнего времени.

Однако центральная власть не забывала всякий раз, как казаки особенно, «подчеркнуто», усердно выполняли свои обязанности перед государством — подтверждать и их права на особый, казачий, бытовой «образ служения» в их полках и на владение казаками всеми их землями.

Когда во время смуты 1905—1906 годов казачьи войска были подняты почти поголовно на охрану порядка внутри России — они в торжественных императорских грамотах опять получили подтверждение своих бытовых и земельных прав.

В грамоте, данной императором Николаем II Донскому войску 24 января 1906 года, говорится, после поминания прошлых заслуг донских казаков: «и в ныне минувшую войну с Японией, а особливо в наступившие тяжкие дни смуты, Дон-

ские казаки, свято исполняя заветы своих предков — верою и правдою служить Царю и России, явили пример всем верным сынам Отечества...».

«...За столь самоотверженную, неутомимую и верную службу объявляем, близкому сердцу Нашему, доблестному Войску Донскому особое Монаршее Наше благоволение и подтверждаем все права и преимущества, дарованные ему в Бозе почившими высокими Предками Нашими, утверждая Императорским словом Нашим, как ненарушимость настоящего образа его служения, стяжавшего Войску Донскому историческую славу (т. е. неприкосновенность быта казачьего), — так и неприкосновенность всех его угодий и владений, приобретенных трудами, заслугами и кровью предков и утвержденных за войском Монаршими грамотами» (т. е. душевой надел от 8—12 десятин при значительном юртовом, станичном запасе, — против 2—4 десятин крестьянского надела).

В великую русско-германскую войну все казачьи войска с необычайною, небывалою даже в пору Отечественной войны 1812 года ревностью, ополчившись поголовно, выставив больше того, что они обязаны были выставять полков, сотен и батарей, явились на поле брани и совершили множество подвигов.

По примерам прошлого нетрудно угадать, что последовало бы для казаков, если бы война была доведена до победного конца и Россия не испытала страшного революционного потрясения: новые грамоты, новое закрепление за казаками их прав на земли со всеми угодьями, признание за ними их права соблюдать свой казачий быт, а может быть — расширение их свобод...

Но революция все это смешала и на смену прежнего: «права вытекают из обязанностей», выдвинула новые *революционные лозунги: одни права без всяких обязанностей*.

Сумасшествие, охватившее всю Русскую Землю весною 1917 года, не прошло мимо казачьих областей. В Донском войске были выдвинуты лозунги — народоправства, братства, равенства, был наспех на бумаге сколочен Юго-Восточный союз

из Дона, Кубани, Терека и народов Северного Кавказа. Много прав — до права самостоятельно вести переговоры с иностранными государствами, — и никаких обязанностей перед Русским государством и перед центральной русской властью, снова, но уже презрительно, названною — «Москва»...

Результаты не замедлили сказаться. Временное правительство (Керенского) потребовало донского атамана Каледина в Москву и, когда он не исполнил приказа, объявило его мятежником.

Неизвестно, чем кончилась бы борьба Войска Донского за свои права (без обязанностей) с Временным правительством. Временное правительство было сброшено большевиками, и началась борьба казаков с большевиками.

Во время этой борьбы выдвинулась *Обще-Русская*, но по территории пока еще местная власть. На Юге — правительство Деникина, на Востоке — правительство Колчака. Казаки и тут и там заняли по отношению к этим правительствам *неискреннее* положение. Много и сильно говоря о своих *правах*, они часто и почти всегда в решительные моменты жизни добровольческих русских армий *уклонялись от исполнения своих обязанностей*.

Мы здесь не будем касаться очень сложных причин крушения Белого движения. После трехлетней, страшной, кровавой борьбы оно было придавлено, загашено. Коммунистическая власть вовсе не стала разговаривать с казаками об их правах. Она предъявила к ним только требование: исполнить новые, возложенные на них третьим интернационалом обязанности. Казаки как отдельное воинское сословие были уничтожены. Быт, где только можно, задавлен. Сильные, волевые люди, не ушедшие за границу с белыми армиями, — расстреляны или сосланы. Войсковое казачье самоуправление уничтожено. Земля разделена между разными губерниями (Украинской республикой, Донецкой и Царицынской). На казачьи земли вселены русские колонисты из числа безработных, евреи, немцы и итальянцы. Недра и рыбные промыслы отобраны. «Образ служения, казакам свойственный», нарушен — каза-

ки зауряд с остальным населением отбывают повинность в красноармейских пеших и конных частях. Казачьи традиции уничтожены. Разгром казачьих войск полный. Самые имена их стерты...

При таких-то обстоятельствах новой России придется разбирать вопрос, как ей поступить с казаками. Продолжать ли разгром, начатый большевиками, признав, что казаки свое отжили, что они отошли в прошлое и что они не нужны, а может быть, даже и опасны для государственной центральной власти, или бережно восстанавливать их воинское братство, эту летучую, *верную России* конную силу, живую охрану русских национальных границ и внутреннего государственного порядка.

Все будет зависеть от самих казаков. Если они послушают демагогов и будут настаивать на своих правах вне обязанностей, будут желать образования «автономного», или даже самостоятельного («федерация») Юго-Восточного союза, который совершенно отрежет Россию от южных морей и Кавказа, лишит ее питательных жизненных частей, если они будут талдычить и упрямо, как индюки, болботать: «народоправство, братство, равенство» — *никакая центральная власть их не потерпит*, но, использовав начатое большевиками, она довершит «рассказачение» казаков, обратит их в рядовых «граждан».

Если казаки, напротив, предложат государству снова стать верной конной охраной его национальных границ, образцом честной службы и оплотом гражданского порядка внутри России, они могут рассчитывать на то, что государство согласится вернуть им их земли и их особый образ служения, ибо государство будет не менее прежнего нуждаться в надежной, подвижной *конной* силе смелых, *верных*, государственно мыслящих, не поддающихся пропаганде людей.

Новые границы новой России так же ненадежны, как были в XVII веке. Их придется закреплять и отстаивать. Не только все старые казачьи войска окажутся при деле, но возможно восстановление слободских полков, создание в Малороссии особого Малороссийского казачьего войска, для противоре-

са самостийному украинскому движению, для борьбы путем мирного воспитания с полонизацией и католизацией этого русского края. Северный Кавказ и Закавказье, Туркестан с его басмачами, Монголия, Маньчжурия и Китай с их набегами хунхузов — это все, как разыгравшееся море, долго будет бить налетами разбойничьих шаяк в русские берега, и ему надо будет противопоставить твердый каменный мол староказачьей силы. Казаки будут необходимы России.

Внутри России не скоро утомится взбаламученное коммунистами народное море. Армии беспризорных детей и развращенного «комсомола» вырастут в целые разбойничьи банды налетчиков, страшных не только крепнущему крестьянству, но и городам. Руководимые оставшимися коммунистами, вчерашними чекистами, они будут стараться терроризировать население и разрушать созидательную работу национального правительства. Только легкие конные казачьи отряды будут в состоянии справиться с этим страшным злом. Крепкие духом и верою казаки смогут своей работою успокоение по всей России.

Такие казаки, сознающие свою обязанность перед Россией, готовые ей служить, как служили их предки на богатырских заставах, их деды по окраинам Русской Земли, их отцы в легкоконных летучих полках, — получают от правительства новой России и права на земли и самоуправление — это нам говорит вся тысячелетняя история государства Российского.

Как были казаки необходимо нужны старой России, так и новой не обойтись без казаков.

Казаки же, упрямо болбочущие: «народоправство, братство, равенство», казачьи «вольности», во имя каких-то смутных теорий — *обречены на вымирание и вытеснение иными общерусскими элементами, на нивелировку со всеми.* Это нам показали последние десять лет, прошедшие на наших глазах.

Каковы обязанности — таковы и права.

Заниматься теперь демагогией — значит уничтожать казаков.

П.Н. КРАСНОВ

О ВЛАСТИ И СМЕРТИ

Но власть верховная не терпит слабых рук...

А.С. Пушкин

Сомневаться в том, сможет ли, сумеет ли Россия выдвинуть из своих недр религиозную, волевою и государственно-воспитывающую интеллигенцию, — значило бы сомневаться в самой России и ее будущем... Сможет. Выдвинет. И сама возродится, окрепнет и возрастет. Но чем скорее это совершится, тем лучше; тем быстрее пойдет ее восстановление; тем меньше будет крови, меньше страдания, меньше опасностей и бесчестия...

И первое, что должна понять и продумать новая русская интеллигенция, — это — *волевою природу государства и государственной власти.*

Государственная власть, по самой существенной идее своей, должна принадлежать *сильнейшим и благороднейшим.* Ибо приемлющий ее приемлет и осуществляет ее именно *волею* и именно *благородной волею*; он становится *во главе и на страже*: во главе народа и на страже его святыни; и потому он должен подготовить свою волю не только к водительству и понуждению, но и *к почетной смерти стража и вождя.*

Живя в государстве и строя государство, люди объединяются не просто территорией или общим подчинением; они объединяются в *совместном волевом напряжении и волевом действии*; они объединяются для того, чтобы выделять* и признавать тех благороднейших вождей и тех сильных и верных стражей, которые призваны творить *за них, для них и через них* дело всенародного единства и расцвета, — которые призваны поддерживать и оборонять это единство и блюсти национальные святыни хотя бы *ценою своей смерти.* Вот почему государственная власть по самому существу своему являет эту драму: *борьбы и смерти лучших людей за бытие и за святыню их народа.* И эта драма, которая яснее всего выражается в обли-

---

* Все равно — идет ли окончательное решение «сверху» или «снизу».

чий воина или солдата, делает *каждого* гражданина, *причастного власти* — воином, стоящим на своем посту, и стражем, готовым к смерти.

Нам надо понять и продумать это раз навсегда: кто берет власть, тот берет не только полномочие и не столько полномочие, сколько *обязанность властвовать*. Он принимает тем самым не только высший *ранг* и *почет*, но и высшую *ответственность* и *опасность*. И тот, кто ищет ранга и желает почета, но не хочет ответственности и боится опасности, — тот является *честолюбцем, неспособным к власти*; и его правление только и может привести к общей гибели.

Возле власти — возле смерти. И сколько лучших людей в истории — царей, вождей, полководцев и героев — засвидетельствовали эту истину своим концом!

Я сказал, что государственная власть должна принадлежать сильнейшему и благороднейшему.

Сильнейшему... Я говорю, конечно, не о мускулах, не об оружии и не о сплоченной массе людей. Я говорю о *воле*. Ибо власть есть дело воли. Призвание власти не только в том, чтобы видеть и понимать; для этого есть люди опыта, люди ума, люди науки, мужи света. Призвание власти в том, чтобы *выбирать, решать, предписывать, настаивать и понуждать*. В этом ее дело, ее природа, ее назначение.

Безвольный или слабовольный властитель — есть внутреннее противоречие, жизненная нелепость, духовное погубление всего дела: он подобен безрукому, который захотел бы стать пианистом; слепому, который решил бы писать красками. Здесь необходима именно воля и притом *сильная воля*: не порывистость, не раздражительность, не истеричность; не суетливое тщеславие, не крикливость, не вспышkopускательство; но и не упрямство, не ожесточение и не жестоковыйная свирепость. Здесь необходима способность решать, т. е. сосредоточиваться на *одном*, на *лучшем* исходе; обрывать все другие «возможности», как отвергнутые; и превращать выбранную возможность в необходимость — и для других, и для себя. Здесь нужна устойчивость, достаточная и для себя,

и для других; нужен импонирующий напор; неколеблющийся авторитет; готовность настоять на своем и сломить препятствия; способность пересилить — и *чужую волю*, и *чужое безволие*. Словом, нужна воля, способная к глубокому, сильному и долгому дыханию: к глубокому замыслу, к сильному заряду, к долгому настаиванию...

Нет этого — и не будет власти: будет безвластие, разложение, хлябь. Вот почему безвольный, идущий к власти, творит самообман и обман. Ведущий же безвольного к власти — или глупо губит дело, или лукаво лепит себе марионетку. В обычное время — лучше ошибка сильной власти, чем верное, но бесплодное мечтание слабого правителя. В час беды — лучше явное и полное отсутствие власти (спохватятся! создадут!), чем симуляция власти со стороны безвольного человека или группы безвольных людей.

Понятно, что безвольный царь может стать опасным для своей страны; но именно поэтому *организованное безволие власти*, как это бывает в республиканских и парламентарных государствах, таит в себе не только опасность, но прямую *безвыходность* и *обреченность*. И политический опыт русской истории давно выразил это в простонародном обобщении: «лучше грозный царь, чем семибоярщина»...

Отсюда и смысл фашизма как мирового явления: люди ищут *волевого* и *государственного* выхода из организованного тупика безволия. Но из *тупика* выход вперед — добывается только *проломом*...

Я сказал, что государственная власть должна принадлежать благороднейшему... Я говорю не о «крови», не о «породе», не о «знатности»; тем более не о богатстве. Я знаю цену породы, наследственности, преемства и традиции; и когда все это стоит на высоте и сочетается с *личными* качествами души — то достижение бывает наивысшим. Но думаю, что для родины *незнатный герой* драгоценнее *знатного негероя*; и непородистый талант выше породистой бездарности; и ум без предков способен править лучше, чем тупица с предками. Что пользы стране от именитого глупца или злодея? Какого спасения, ка-

кого подвига можно ждать от человека, «благородного» только по имени? Только слепой может отрицать духовное значение кровной породы и наследственной культуры; но только лукавец может утверждать, что порода сама по себе есть необходимый «ценз» или достаточный «стаж» для государственного строительства и участия во власти.

К государственной власти должны восходить *лучшие* люди. И тот, кто требует доказательств для этого тезиса, — тот одним этим требованием своим обнаруживает упадочность и извращенность современного правосознания. Пусть он сам примет на себя бремя доказательства и пусть доказывает, что государственная власть должна принадлежать вора, предателям, обманщикам, взяточникам, насильникам, безыдейным и беспринципным карьеристам... И когда он кончит и «докажет», — мы будем знать, что мы выслушали представителя большевицкой стихии.

Власть *слабого* губит авторитет власти, растит в стране смуту и разложение. Власть *порочного* сеет в стране порок, накапливает вокруг власти атмосферу презрения, подрывает и форму, и содержание народной жизни. Всегда и всюду так бывало: достаточно порочной власти утвердить «ставку на подлеца» — и подлость становится государственным цензом и стажем; люди начинают отбираться кверху по степени своей явной низости или скрытой беспринципности; выше всех становятся отъявленные злодеи и матерые плуты, а вокруг них располагаются лагерем преуспевшие мошенники и приспособившиеся лукавцы; слагается политическая атмосфера, в которой *все* оказываются вынужденными судить и поступать применительно к подлости и в которой люди, лишенные экзистенц-минимума изворотливости и кривизны, — обречены на прямую гибель...

Здоровая государственная власть означает волевою ставку на благородство: на патриотизм, на совесть, на честь, на верность, на служение. Только тот государственный строй на высоте, *который действительно организует отбор таких людей, лучших людей — к власти; и всякий другой строй (какое*

бы историческое название он ни носил — «самодержавие» или «демократическая республика») — обречен на разложение и крушение. Это — духовно и исторически *неоспоримая аксиома*. И если греческий термин «аристос» (= лучший) понимать в его настоящем и строгом смысле, то естественно поставить вопрос: после опыта русской революции — кто может, кто смеет отрицать *аристократическую природу государственности*?!.

Во главе народа и на страже его святыни должны стоять сильнейшие и благороднейшие люди. Это нам надо принять именно как аксиому. И не надо позволять лукавым софистам разлагать эту аксиому ссылкой на то, что все на свете «относительно», и что для «воли» и «благородства» нет твердого и объективного мерила. Это мерило есть; его надо только продумать до конца* и усвоить, как ненарушимое правило поведения: каким бы путем люди ни выделялись *к власти* (именно к власти, а не к совету) — сверху (назначением) или снизу (выборами), — ни *безвольные добряки*, ни *волевые подлецы* не должны ни выдвигаться, ни поддерживаться. Ни в силу того, что это люди «моей партии» или «нашей тайной организации»; ни потому, что «иначе они мне навредят»; ни от того, что «все равно я больше никого не знаю»; ни по каким бы то ни было другим соображениям... Кто идет по этому пути, тот *кривит душою, нарушает* свою государственную *присягу* и *предает свою родину*. Ибо это есть прямое предательство — ставить лукавого авантюриста во главе народа или вручать общее спасение безвольному болтуну; и это есть гибельное легкомыслие — выдвигать к власти слабовольного попустителя или ставить заведомого подлеца на страже народной святыни...

И пусть никто не говорит, что это «элементарно» или «общеизвестно»; что это якобы «старая пропись». Ибо из-за попрания этой аксиомы Россия рухнула на наших глазах...

---

* См. статью Старого Политика «О политической работе» в № 1 «Русского Колокола».

Стать у власти значит стать возле смерти. Но только сильнейшие и благороднейшие способны чувствовать это и осуществлять на деле.

Властвующий стоит перед смертью не только в том смысле, что долг нередко требует от него крайних и непосильных для его здоровья трудов и напряжений или участия в общих опасностях.

Смерть была близка не только тогда, когда Петр Великий сражался под Полтавой или спасал тонущих на Лахте; или когда Фридрих Великий вел свои войска в атаку; или когда Наполеон в Египте навещал чумные лазареты; или когда Столыпин боролся с революционным развалом и годами работал по 18 часов в сутки. Нет, идея *борьбы на смерть* сокрыта в самом принципе государственной власти...

Дело в том, что получающий власть (безразлично, в каком объеме) получает в свое распоряжение часть *драгоценнейшего всенародного достояния*, выношенного и выстраданного веками. Возможность творить и ограждать, организовывать и строить авторитетными велениями — есть общенародное сокровище, плод многих страданий и долгой культуры. Это есть некое «казенное добро»; и верный часовой охраняет его даже ценою своей жизни, соблюдая вверенный ему *государственный авторитет* — неумаленным, непопорченным и неистраченным. Напротив, проматывая авторитет вверенной ему власти, властвующий совершает подлинную *растрату национального достояния*, все равно — подрывает ли он этот авторитет сам, своею пассивностью и своими злоупотреблениями или позволяет другим захватывать и расхищать вверенную ему власть. История взыщет с него, как с нерадивого часового...

Властвующий *призван* к тому, чтобы блюсти вверенную ему часть государственной власти, и не может, *не имеет права* погасить эту обязанность односторонним отказом. Часовой не может «сам себя сменить» с поста. Правитель не может произвольно «выйти из игры» или предпочесть бездействие. Односторонне отказываться можно только от имуществен-

ных полномочий, но не от публичных обязанностей. Сменить меня может лишь тот, кто поставил; уволить меня может лишь тот, кто имеет право назначить мне преемника. Для всех же остальных — в объеме моей обязанности — я авторитет. И борьбу за этот авторитет я обязан вести на жизнь и на смерть. Штатский революционер не может сменить часового у казенного сундука: часовой может быть им застрелен, но не сменен. Солдаты не могут уволить офицера. Городская дума не в силах «отстранить» командующего войсками. Чиновники департамента не в состоянии дать отставку министру. Толпа не может погасить обязанностей Императора!..

Государственная власть имеет значение *рока* для того, кто ее принимает. Берущий ее — связывает с нею свою судьбу и остается связанным властью до тех пор, пока она не будет *правомерно* и *преемственно* сложена с него. Ведущий ведет не только на успех, но и на опасность. Успех дает ему «лавы»... А предвидение опасности... — дает ему основание сложить с себя все обязанности? Повелевающий повелевает не только послушным, но и *непослушным*; и к этому он должен быть готов заранее. Пока ему повинуются добровольно — он «силен»; но как только появляются люди, достаточно дерзкие для неповиновения... — так он признает свою «слабость» и слагает власть?..

Нет. В самой природе государственной власти заложена эта обязанность: или понудить и сломить непокорного; или *погибнуть на своем посту*. И в этом смысле идея *воинского* долга и *воинской* чести является глубоким и зрелым прообразом *гражданской* чести и гражданского долга: она не знает ни *одностороннего отречения*, ни *малодушного уговаривания*.

Государственная власть есть подлинная и живая *драма*, в которой решение вождя и поступок стража определяют собою судьбу всего народа. Это есть драма воли, благородства, жизни и смерти.

И пусть грядущие поколения России глубоко продумают и усвоят эту истину.

И.А. ИЛЬИН

ОЧЕРКИ ПО РУССКОМУ АГРАРНОМУ ВОПРОСУ О РУССКОМ МАЛОЗЕМЕЛИИ

Характернейшей чертою, резко отличающей земельно-хозяйственные отношения нашей Родины от всех остальных государств цивилизованного мира, является своеобразное распределение земельной площади между различными категориями владельцев.

По моим вычислениям, на 1 января 1916 года площадь *частного* землевладения в Европейской России* составляла 234 258 000 десятин, т. е. 63,33% всей земельной территории Евр<опейской> России. Земли *публично-правового* владения составляли площадь около 150 000 000 десятин; но подавляющая масса их находилась под лесами и свыше 27 000 000 десятин было под тундрами. За вычетом лесов и неудобных земель от всей площади публично-правового владения оставалось всего 10 497 000 десятин, годных для сельского хозяйства**, т. е. всего 5,5% сельскохозяйственной территории, находившейся в руках *частных* владельцев.

Нас будут интересовать здесь земли *частного* владения. При этом под *трудовым* (крестьянским) владением мы будем подразумевать участки до 50 десятин***. Такие участки, как показывает статистика, обрабатываются при русских хозяйственных условиях (по общему правилу) *трудами хозяина и его семьи, без обращения к наемному труду*. Владения же и хозяйства свыше 50 десятин — мы будем называть *капиталистическими*, ибо для обработки таких участков труда хозяина и его семьи *недостаточно* и приходится *прибегать к наемному труду*.

* В границах 1914 года, за исключением Финляндии и Польши. В этих очерках я вообще имею в виду дореволюционную Россию.

** Из этих 10 497 362 десятин публично-правового владения, пригодных для сельского хозяйства, принадлежало: государству и уделам 3 693 426 десятин; монастырям 739 777 десятин; церквам 1 871 858 десятин; городам 2 042 570 десятин; Крестьянскому банку 2 149 731 десятин.

*** Эта квота неодинакова для разных стран. В странах с интенсивным землевладением она будет, конечно, ниже — до 40 и 20 гектаров.

Обращаясь к землям частного владения, мы видим, что в руках трудовых хозяев (крестьян) было всего 165 786 000 десятин, а в руках капиталистических владельцев было всего 68 472 000 десятин. В эту последнюю сумму включены земли владельцев *всех* категорий: и дворян, и купцов, и почетных граждан, и лиц крестьянского сословия (свыше 50 дес.), и акционерных компаний, и иностранцев, и т. д. Таким образом, из общей площади *частного* землевладения (включая и *леса*) на долю *трудового* владения приходилось 70,77%, а на долю капиталистического — 29,33%.

Но так как нас интересуют преимущественно земли *сельскохозяйственного* значения (т. е. за исключением лесов), то для них исчисление будет иное. Если исключить *леса* из капиталистического владения (26 704 000 дес.) и из трудового-крестьянского владения (11 057 000 дес.), то земель *сельскохозяйственного* значения окажется: в капиталистическом владении 41 768 000 дес., а в руках крестьян 154 729 000 дес. Иными словами: из *всей* территории сельскохозяйственного значения (196 497 000 дес.) на долю трудового крестьянского землевладения приходилось 79%, а на долю капиталистического 21%. Если же исключить Прибалтийский и Северо-Западный район*, то для *чисто-русских* районов общая площадь земель сельскохозяйственного значения опустится до 173 556 856 дес.; из них на долю крестьянского землевладения придется 139 549 549 дес., а на долю капиталистического 34 007 307 дес. Таким образом, в чисто-русских областях процент крестьянского землевладения достигал 80,4%, а процент капиталистического доходил до 19,6%.

Итак, *четыре пятых* всех земель сельскохозяйственного значения Европейской России, находившихся в частном владении, принадлежало крестьянам и лишь *одна пятая* часть — капиталистам всех сословий, званий и видов.

Это — первая и основная черта русских земельно-хозяйственных отношений.

---

* По наименованию официальной статистики довоенного времени.

Чтобы оценить значение этой процентной величины, надо сопоставить ее с соответствующими данными для других стран.

Так, в *Германии* — земли, находящиеся *под капиталистической обработкой**, составляли в 1907 году 51,5% всей площади сельскохозяйственного значения (т. е. за исключением лесов); а в крестьянском пользовании было всего 48,5%. В Пруссии у капиталистов было 59,4%, а у крестьян 40,6%. Из 26 государств, входящих в состав Германии, только 3 государства дают процент площадей капиталистического *хозяйства* меньший, чем процент капиталистического *землевладения* в России в целом** (а именно: Вюртемберг — с 19,6% площади капиталистического хозяйства; Баден — с 12,2% и Гессен — с 14,5%). В Пруссии нет ни одной провинции с процентом капиталистического хозяйства ниже 20,88% (маленький Гогенцоллерн; провинция Гессен-Нассау — дает 22,42%, Рейнская провинция — 23,52% и т. д.). Для шести восточных провинций Пруссии (в среднем) площадь под капиталистическими хозяйствами достигает 65,5%; для семи западных провинций (промышленных) — 46,61%. У нас *ни один район не давал такого высокого процента для площади капиталистического владения****.

Во *Франции* — площадь земель, находящихся под *хозяйствами*, превышающими 40 гектаров (= 36,3 десятины), составляла в 1862 году 45%; а во Франции очень развиты арендные отношения и многие крупные крестьянские хозяйства

---

* Т. е. обрабатываемые при помощи наемного труда. Надо заметить, что часть земель крупного владения в Германии слается в крестьянскую (трудовую) аренду и по германской сельскохозяйственной статистике 1907 г. она числилась под трудовыми крестьянскими хозяйствами. Из этого видно, что в Германии под капиталистическими владениями земли больше, чем 51,5%; ибо этот процент показывает не количество владеемой земли, а способ ее действительной обработки (с применением наемного труда).

** По-прежнему в границах 1914 года, за исключением Польши и Финляндии.

*** См. подробнее мою книгу «Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы». Прага, 1925, стр. 307 и след.

основаны на земле, арендованной у крупных владельцев: очевидно, площадь крупного капиталистического *владения* значительно больше 45%, т. е. *многим больше, чем в России* *.

Бельгию принято считать страной с наиболее измельченным землевладением. «До сих пор сведения о числе земельных собственников, — говорит Rowntree, — собирались в каждой из 2627 общин (communes) в отдельности и эти данные посылались ежегодно в центральное статистическое учреждение. Числа земельных собственников, полученные от отдельных общин, *суммировались* и *итог* опубликовывался бельгийским правительством в официальных статистических ежегодниках, как данные о числе земельных собственников в Бельгии». Между тем землевладение в Бельгии крайне разбросано очень мелкими кусками (даже 1 гектар и меньше) и «земельные собственники в Бельгии имеют землю нередко в двадцати, тридцати, сорока, даже сотне и более коммун. Таким образом, в указанных статистических ежегодниках земля, принадлежащая одному лицу, владеющему, скажем, по одному акру в двадцати различных коммунах, считалась бы, при описанном способе исчисления, за двадцатью различными собственниками, владеющими каждый по одному акру». Между тем как перед нами был бы один собственник, владеющий двадцатью гектарами**.

Не будем касаться причин, создавших такое своеобразное положение в Бельгии, в которой развито арендаторское, преимущественно продовольственно-трудовое хозяйство. Rowntree попытался объединить эти разбросанные владения, и оказалось, что площадь земли, находящейся в собственности у лиц, владеющих участками до 20 гектаров, составляет 38,05% всей земельной площади частного землевладения без лесов. Если мы отнесем их к категории трудовых владений, то

---

* Французские данные включают и лесную площадь. Выше мы видели, что со включением лесов земли капиталистического владения в России достигали 29,33%.

** B. Seebohm Rowntree «Land and Labour. Lessons from Belgium». London, 1910. P. 44—45.

на долю капиталистического землевладения в Бельгии придется 61,95%.

*Sapienti sat!*¹¹⁶

Перед нами несомненный факт величайшего значения. Ясно, что *государства Европейского континента раздробили свою землю в значительно меньшей степени, чем это сделала Россия до революции*. Я не говорю уже об Англии и странах Нового Света*. Я не касаюсь также и Сибири, этой страны почти исключительно крестьянского землевладения (наряду с землями публично-правового владения)...

Читатель согласится со мною, что приведенные данные позволяют уже сделать заключение, что *в России до революции земель капиталистического владения в процентном отношении было меньше, чем в других странах мира*. Я знаю, что этот факт противоречит общераспространенному взгляду на Россию, как на страну «преимущественно крупного землевладения», — и все же это факт несомненный! В Европейской России 4/5 всей сельскохозяйственной площади принадлежало перед революцией крестьянству, так же как и *почти вся частновладельческая земля в Сибири...* Россия «окрестьянила» свое землевладение более чем какая-либо другая цивилизованная страна в мире.

Но наряду с этим несомненным и основным фактом существует еще другой, столь же несомненный и столь же основной факт, а именно: несмотря на то, что почти вся сельскохозяйственная территория России принадлежала крестьянству, в нашей стране несомненно *существовало малоземелье*. Это означает, что *крестьянство на своей земле не могло использовать сколько-нибудь полно своего труда*: оно было безработно в своем собственном хозяйстве и *не могло добыть в нем доход, достаточный для безбедного существования*. И это в России

* Великобритания является классической страной крупного землевладения. В 1895 году число всех землевладельцев Великобритании составляло всего 3,3% населения. 91% всей площади сдавался в аренду. В Соединенных Штатах в 1900 году под хозяйствами от 0 до 40 гектаров земли было всего 25,76% всей культурной площади. Все эти и другие статистические данные требуют обстоятельного анализа и комментирования, для которого здесь, к сожалению, нет места.

было бедствием, объединявшим ее с Румынией и Восточной Галицией.

По отношению к этому второму факту перед нами встает ряд вопросов.

Дело в том, что во *всех* странах со сколько-нибудь развитою хозяйственною жизнью — трудовые хозяйства *не в состоянии просуществовать исключительно от своего собственного хозяйства на своей земле*: ни труда своего сколько-нибудь полно они на своей земле занять не могут, ни достаточного дохода от своего хозяйства получить не могут. Это имеет место, например, в Германии. Но в этой стране «незанятый» в собственном хозяйстве труд крестьянина *уходит на сторону* — в промышленность, в крупное сельское хозяйство и т. д. Там незанятые члены крестьянской семьи находят себе занятие в качестве наемных рабочих; от этого они получают доход и на полученную заработную плату приобретают те предметы личного и хозяйственного потребления, которые не производятся в их собственном крестьянском хозяйстве. И потому в Германии факт невозможности приложить полностью свой труд на *собственной* земле в *собственном* хозяйстве и недостаточность дохода от своего хозяйства для удовлетворительного существования не являлись ни личным, ни тем более социальным бедствием; ни безработицы, ни отсутствия экзистенц-минимума этим не создавалось.

Население России к 1 января 1914 года, по исчислению Центрального статистического комитета, во *всей* империи составляло 178 378 800 человек; а в промышленности, в горном и горнозаводском деле, в транспорте и строительном деле было занято всего 5,5 млн. наемных рабочих. Иными словами: в указанных внеземледельческих отраслях было занято лишь *3,1% всего населения*. Ясно, что хозяйствующее население России было, так сказать, *сбито* на сельское хозяйство. Но, по исчислению статистиков для 1905 года, если взять *всю* землю сельскохозяйственного значения (включая и надельную крестьянскую землю, и землю, купленную крестьянами, и арендованную ими, и землю крупных владельцев, состоявшую в

их собственной капиталистической обработке), — то и на всей этой земле около 62% всего крестьянского труда не могло бы найти себе занятия...

Но так как земля сельскохозяйственного значения на четыре пятых (т. е. почти вся!) принадлежала крестьянству, то крестьянское население вынуждено было хозяйничать главным образом на своей собственной земле. И очевидно, вся безработная масса крестьянского труда ложилась тяжелым бременем именно на крестьянскую землю и на крестьянское хозяйство: крестьянство должно было в подавляющей своей массе кормиться на своей собственной земле, только ее обрабатывать, хотя оно и было *более чем на 2/3 безработно в собственном хозяйстве*. Оно должно было существовать только на доход от хозяйства на своей земле, хотя этот доход был недостаточен даже для удовлетворительного продовольствия...

Но эта *безработица в собственном хозяйстве* была только *выявлением и мерою безработицы во всем народном хозяйстве России*; а недостаточность крестьянского дохода, не дававшего порою не только культурного, но даже и физиологического экзистенц-минимума, была *выявлением и мерою отсутствия экзистенц-минимума во всем народном хозяйстве страны*. Крестьянству некуда было «податься» со своего хозяйства и со своей земли и нигде было найти себе работу и заработок во всем народном хозяйстве России; и потому его безработность и недостаточность его дохода в *собственном хозяйстве* являлись *бедствием* не только личным, но и социальным. Все это было выражением и мерою *слабого развития производительных сил страны, не могущей ни занять всех рабочих сил своего населения, ни удовлетворительно продовольствовать его...*

Такова сложная природа русского «малоземелья», образующего центральный пункт и основную проблему русского аграрного вопроса.

Русское «малоземелье» есть продукт и следствие *всеобщего* (т. е. не только для сельского хозяйства, но и для *всего* народного хозяйства) относительного (т. е. при *данном* уровне развития народного хозяйства, который может и измениться)

перенаселения. Это значит, что развитие производительных сил всего народного хозяйства отставало от роста населения, так что это последнее (при существовавших хозяйственных условиях) не могло ни занять свой труд в народном хозяйстве, ни создать себе экзистенц-минимум...

Сообразно с этой своей природой русское «малоземелье» и проявлялось в разных сторонах социально-экономической жизни. Например: у крестьянства на своей земле производилось недостаточно хлеба для того, чтобы продовольствоваться вволю; заработки же на стороне были скудны и не было достаточных средств для того, чтобы прикупить нужное количество продовольствия, хотя хлеб и существовал в стране. Поэтому, хотя в стране и достаточно производилось хлеба для удовлетворительного прокормления населения, однако средние продовольственные нормы крестьянского населения оставались в России низкими, а хлеб вывозился в большом количестве в город и за границу. Само собою разумеется, что *революция только ухудшила и притом значительно ухудшила все это положение дела.*

Из всего этого мы можем уже теперь сделать целый ряд выводов.

Так, прежде всего, *количественная теория русского малоземелья и аграрного вопроса должна быть оставлена.* Утверждение, будто все зло заключалось в неправильном распределении земли между крупными владельцами и крестьянами, и будто достаточно изменить это распределение земли в России в смысле большей уравнительности, чтобы все исправилось, — эта *количественная* теория малоземелья и этот *количественный* способ разрешения аграрной проблемы побивается количественными же данными и соображениями. У крестьянства уже перед революцией было $\frac{4}{5}$ всей сельскохозяйственной территории России и присоединение оставшейся $\frac{1}{5}$ части *не могло изменить положения дела.* Будем помнить о тех 62% крестьянского труда, которые уже в 1905 году не могли найти себе занятия в сельском хозяйстве: эти 62% остались бы *незанятыми* и после передачи всей земли крестьянству. Безрабо-

тица в собственном хозяйстве, — а в сущности, во всем народном хозяйстве России, — и неполучение достаточного дохода *остались бы по-прежнему* и даже *еще увеличились бы*, т. к. современное крестьянское хозяйство *давало бы по-прежнему меньший урожай с десятины*, чем тот, который давало владельческое хозяйство.

Далее, выше развитый анализ показал нам, что «малоземелье» в России было *продуктом и результатом* условий *всего народного хозяйства* России: в «малоземелье» отображались все социально-экономические и культурно-правовые недуги нашей страны. В чисто экономической сфере все эти недочеты сказывались в *слабом развитии производительных сил* нашего народного хозяйства. Очевидно, для выхода из трудностей положения необходимо было *развитие производительных сил всего народного хозяйства России*, как сельского, так и внесельскохозяйственных областей. При этом землю следовало рассматривать как *средство производства*, и она *должна была быть использована наиболее производительным способом*, — безразлично, в форме ли капиталистического хозяйства, или хозяйства крестьянско-трудового, как по обстоятельствам времени и места, это оказалось бы наиболее рациональным для народнохозяйственных потребностей и *для интересов России в целом*. Ни одно из них — ни капиталистическое, ни трудовое хозяйство — не являлось в России совершенством, но каждое из них отличалось существенными особенностями и *вполне заменить другое не могло*.

Количественная теория малоземелья и аграрного вопроса носит на себе печать *классовой односторонности*: дело изображалось так, будто *страдает только один класс*, именно крестьянство. Она не учитывала или почти не учитывала *интересы национального целого, русского государства*. В действительности же страдало *все* национальное хозяйство. Страдала вся нация. Болело все государство. И эта национальная болезнь выражалась в недомогании всех частей, всех членов национального, государственного организма, *в том числе и в особенности — крестьянства*.

Какое пагубное влияние оказывало слабое развитие производительных сил на финансы страны, на культуру (взять хотя бы школьное дело!), на промышленность (недостаточная емкость громадного, по численности населения, внутреннего рынка!), на крупное сельское хозяйство (отсутствие капиталов в стране для ведения интенсивного капиталистического хозяйства!) и т. д. и т. д. И все это, в свою очередь, отзывалось на положении крестьянства («некуда податься», безработица, недоедание при наличности достаточного количества хлеба в стране) — и, в сущности, вызвало и создавало «малоземелье»!..

Классовый интерес, лежавший в основании «количественной» теории и практики аграрного вопроса, господствовавшей в России, — был *ложнопонятый интерес крестьянства*. Действительный же интерес его — *солидарен с интересом национально-государственного целого*. *Нельзя жить только в классе, необходимо жить и в государстве!* Надо уметь сочетать свои классовые интересы с интересами целого и притом — *сочетать через подчинение*. Класс, который поставит свои интересы превыше всего и выше интересов государства, противопоставляя их интересам этого последнего, и окажется достаточно сильным для того, чтобы осуществить их на деле, — неизбежно *разрушит государство, но и сам погибнет...*

Разум вещей, существо дела с железной необходимостью требует постановки аграрной проблемы — а она, несомненно, встанет перед Россией вновь! — *на национальную основу*: она должна быть разрешена *во имя общего, национального интереса*; и *тогда она будет разрешена наилучшим образом и в интересах крестьянства*. Это должно быть основным принципом реальной, деловой политики в аграрном вопросе.

Вот те существенные выводы, которые можно сделать уже в настоящем очерке.

В.А. КОСИНСКИЙ¹¹⁷

К РАЗУМЕНИЮ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Ибо, что можно знать о Боге, явно для них: потому что Бог явил им... Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце... то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела.

Рим. 1, 19–24

На нашу долю выпало жить в одну из кульминационных эпох материализма. Большая часть цивилизованного человечества зашла глубоко в этот тупик вследствие долголетнего упорного насаждения в жизни материализма — от учения и отвычки от духовных идеалов. Об этом свидетельствуют современные нравы, искусство, изобретения ума. Вся энергия людей служит материализму и не ищет *духовной качественности*.

Золотой телец — единственное божество, которое почитают. Его культ имеет много разновидностей, причем служение материализму часто прикрывается сбивчивыми, обманчивыми лозунгами: *пацифизмом*, *интернационализмом* и другими ложно человеколюбивыми объяснениями. Таков и социализм, соединенный с учением о *равенстве* людей, и *демократизм* — в той форме, в которой большинство демократов этот термин сегодня понимают. Но суть вопроса, несмотря на все искусство маскировки, всегда одна и та же: материальное благополучие превращено в высшее благо, первенство его бдительно и всемерно охраняется и для этого блага людей учат жертвовать всеми духовными ценностями и идеалами во всех тех случаях, когда в жизни происходит столкновение между материальными ценностями и духовными.

Мы можем проследить, как от энциклопедистов XVIII века, через учения позитивистов всех оттенков, через блестя-

щие достижения естествознания и техники — идет восходящая линия материализма. Но вершины своей она достигает в большевизме, с его механизацией жизни, с его открытым отрицанием духовного начала и личности, — в большевизме, который и является самой конденсированной и открытой формой материализма.

Большевизм есть дерзкий вызов, брошенный миру материализмом, зарвавшимся и открывшим свое лицо; вызов основному закону вселенной — закону духовной эволюции, закону индивидуализма. Весь мир услышал этот вызов, брошенный поработителями России, и отлично понял, что это есть посягательство на истинную культуру и достоинство человечества; что большевизм несовместим с тем самым главным, чему учили и учат детей и взрослых в церквях, школах и судах. И, тем не менее, культурный мир *не выявил общего чувства возмущения*, духовной реакции. Сознание человеческого достоинства не было настолько сильно и живо в нем, чтобы поднять народы на общий активный протест и борьбу с большевизмом. Напротив, почти все народы капитулировали один за другим, *духовно капитулировали* перед большевизмом, поддавшись соблазну материализма.

Им казалось, что страдания русского народа и разруха в России *открывают возможность наживы*; и вот, культурный мир Европы, считавший себя хранителем духовных достижений человечества, спасовал перед материализмом и потерял свое лицо. Из расслабленных рук упали в прах перед золотым тельцом — и Крест, и скрижали заповедей, и свидетельства своих же духовных вождей минувших эпох.

Поистине печальную картину представляет сегодня культурное человечество, втянувшееся в тупик материализма; но выход из этого тупика оно найдет только тогда, когда оно постигнет *несостоятельность материалистического мировоззрения*. Иначе и быть не может. Предстоящий путь еще далек; это путь индивидуальной духовной эволюции; и нет другого пути вперед. Так ведет нас основной, божественный закон вселенной.

Целый ряд предметных уроков, обычно очень болезненных, открывает заблудившимся душам всю непрочность и ненадежность материальных ценностей по сравнению с духовными. На путях страдания крепнет духовное начало. Эпохи материалистического закрепощения предшествуют эпохам духовной победы, эпохам, духовно-активным для человечества. Закон духовной эволюции предопределяет победу духа над материей в процессе постоянного взаимодействия этих двух начал. Но закон этот основан на принципе неравенства, дифференциации, и ведет он нас не вниз, по путям демократизма, а вверх, по путям *внутреннего аристократизма*. Отсюда — постоянное возвращение к исканию духовной качественности.

Все в жизни имеет свою цель, ничто не теряется и духовное начало побеждает. И в данном случае мы уже видим и осязаем эволюционные уроки: одни за другими государства и нации капитулировали перед большевизмом в угоду материальным ценностям; и одно за другим эти государства ощущают на себе и видят на соседних организмах последствия этой сдачи. Капитуляция перед материализмом вызывает и вызывала повсюду все те же *симптомы расслабления*: путаницу в основных понятиях, беспорядки, стачки, материальные убытки, утрату лица. Потери все растущие, потери вместо выгод... Но, к сожалению, надо признать, что до сих пор путь к исцелению человечества, в общем, *все еще идет вниз*, в направлении материалистического тупика. Оно бьется об его стены и не хочет или не может еще прийти к сознанию того, что причина переживаемых разочарований и бедствий состоит в *духовном оскудении нашей эпохи*, что *никакие политические и социальные сговоры, «комбинации» и «ходы» помочь не могут*, как бы они ни были с внешней стороны *искусно прикрыты* (ибо представители материализма, ныне ведущие большинство цивилизованного человечества, не решаются проповедовать его открыто и обычно пытаются искусно скрывать свое миропонимание). И копыта тельца тщательно, но неудачно задрапировываются.

И все же пренебрежение духовною правдою есть тщетное усилие, ибо вселенной и миром нашим управляют не золото, не банкиры, не пресса, не евреи, не франкмасоны, не профессиональные союзы и не воля победителя, а управляет *один Бог и Его Премудрость!* И Божественная духовная Правда не имеет соперничающей с ней силы!..

Мы, конечно, можем недоумевать, почему Она терпит существование зла... Но дело в том, что мы в самом зле должны видеть *постоянный призыв* к исполнению поставленной нам духовной задачи, для борьбы с ним и одоления его. Эта борьба со злом должна укреплять нашу духовную жизнь и придавать ей активность; не допуская равнодушия, постоянно вызывать действенную духовную реакцию. Этот постоянный призыв к одолению зла предохраняет нас от застоя, вызываемого соблазном материалистических ценностей. Он обеспечивает непрерывное действие закона эволюции в мире.

Соблазн, падение, разочарование, страдание, раскаяние и одоление — в своей последовательности слагают тот постоянный эволюционный путь, который каждая душа в отдельности и человечество в целом все снова проходят от материальных к духовным ценностям. Страницы истории хранят для назидания потомства описание и смысл прохождения этого пути, раскрывают течение человеческой мысли, человеческих стремлений. Перед нами проходят разнообразные события, формы политической жизни, эпохи; но мы не в состоянии исторически проследить главное — *эволюцию отдельной души*, сокрытую в глубине личных переживаний и в то же время в пучине жизни вселенной. Эта важнейшая реальность не поддается микроскопу истории. Он не открывает нам постоянной связи малого с величайшим, преходящего с непреходящим. А между тем все потрясения на нашей планете, физические или политические, могут сокрушить лишь материальные ценности. Царство духа им недоступно. Весь наш шар земной может распылиться под действием космических сил, но эта катастрофа не уничтожит ни единой души. Индивидуальная

духовная эволюция есть основной принцип всего, смысл и цель жизни.

Если бы мы имели возможность в каждом отдельном случае сознательно и конкретно увидеть и охватить этот эволюционный процесс, т. е. начало его — когда мы уступаем соблазну материализма, и конец его — когда наши души, рано или поздно, научившись лучшему и одолев искушение зла, опять вступают на путь духовной эволюции, с которого они сошли, — то нам стали бы ясны и истинный смысл возлагаемой на нас постоянной борьбы со злом, и недостойность безразличия. Мы приблизились бы к пониманию и нашего призвания, и действия тех сил вселенной, источником которых является Божественная Премудрость.

Но сроки эволюционных этапов часто несоразмерно велики по отношению к тому времени, которое предоставлено нам Провидением.

Нам не дано видеть вперед в будущее на несколько последующих этапов сразу. Нам даны лишь начала дорог, и вступая на них, мы не в состоянии увидеть, куда они нас поведут.

Путь, ведущий из тупика, предначертан Божественным Промыслом по этапам разочарования, страдания, раскаяния как для отдельных личностей, так и в жизни народов. Прохождение этого пути обыкновенно сопровождается чувствительными, иногда жестокими, предметными уроками. Чем сильнее страдание, причиняемое неизбежными последствиями материализма — тем сильнее и глубже бывает духовная реакция. Она ведет на путь веры, а вера нас ведет от высшего предела знания на путь Божественной Правды. Благодаря вере мы имеем возможность переброситься вперед, за пределы наших физических ощущений. Вера открывает тесные границы предоставленного нам понимания времени. И путь веры есть именно путь истинной духовной эволюции...

В переживаемое нами время на русском народе сосредоточено сильнейшее давление, ибо на него обрушились все силы открытого, откровенного материализма; он проходит через совершенно исключительно тяжелые испытания; но и духов-

ные возможности русского народа исключительно велики. Он никогда не смешивал понятия *материальной полезности* с понятием о *добре*, что свидетельствует о его духовной высоте. Но именно потому русский народ, при настоящем мировом засилии материализма, явно избран Провидением для того, чтобы, освободившись *собственными* и прежде всего *духовными* усилиями от большевиков и большевизма, показать зашедшему в тупик материализма человеку, — что возможна и необходима победа духовного начала над материализмом.

Предстоит генеральное сражение; большевики *со всеми их союзниками и явными и тайными покровителями* — *выступают как единая армия материализма*. Главным борцом за духовное начало в наши дни является *русский народ* и в его предстоящей победе не может быть сомнения. И в этом смысле он оправдает веру тех, которые предвидели необходимость духовной реакции против все усиливающегося материализма и, одухотворенные гением своего народа, постигли его великое значение и пророчески назвали русский народ — «Народом Богоносцем». Наглядный урок торжества духовного начала дается в широких пределах Земли Русской, ибо *человечество нуждается в уроке гигантских размеров*, в соответствии с глубиною нынешнего засилия материализма и той ужасающей разрухой, которую это засилие уже произвело.

Россия, воскресая духовно, воскреснет и физически в новой силе и могуществе. Такой великий предметный урок победы духовного начала естественно будет иметь большое значение для *всего* человечества. Эта победа обозначит наступление новой эпохи — *духовно-активной*. Знаменосцем этой эпохи будет Россия в силу ее духовной победы. И все ее страдания последних лет, и предстоящее великое одоление составят ценнейший вклад, внесенный Россией в сокровищницу человеческой культуры...

Когда это случится, всем станет понятно истинное значение идеи «Народа Богоносца» — носителя Божественного духовного начала, которое он призван внести в среду, нуждающуюся в этом старом и все же вечно новом откровении.

Пусть же тяжелые будни не скроют перед нашими глазами глубокий смысл происходящей в России великой борьбы и не отнимут у нас уверенности в предстоящей победе русского народа!

Г.Г. БАХ

О ПОКЛОНЕНИИ ФАКТАМ

«Фактопризнание» и «фактопоклонство»... Если хорошенько вдуматься в эти термины, то станет вполне ясно, чем наша идейная и политическая позиция отличается, с одной стороны, от настроений реставраторов, у которых, по выражению князя П. А. Вяземского, «глаза на затылке»*, а с другой — от канона славословящих революцию радикалов, от всех ее «приятелей». Учитывая совершающуюся революцию и все то «новое», что в результате ее появилось, мы решительно отказываемся не только радоваться ей, но и признавать какие-то ее мифические «завоевания», ради которых стоило и надо было ее делать. Смешно думать, что истории можно скомандовать «отставить!»; но отвратительно лицедреть людей, которые на «плевок в глаза» говорят, что это де «Божья роса»... Падши, поклониться и восславить позор и падение России?.. Никогда!.. Но это нежелание поклониться идолу революции и всему тому скудоумному интеллигентскому мировоззрению XIX века, которое отчасти и подготовило крах исторической России, *ни в какой мере* не противоречит глубокой и горячей вере в возрождение России и в новую, уже возрождающуюся Россию. И лишь слабой и бездоказательной демагогией является высказываемое иногда мнение, что решительно отрицать реставрацию может лишь тот, кто не только *признает* факты, но кто еще и *поклоняется* им (пресловутое «фактопоклонство»!).

Однако эту демагогию очень многие принимают всерьез. Люди, придерживающиеся дореволюционного трафарета, считают прямо-таки логически обязательным то положение,

---

* Таких реставраторов у нас, впрочем, очень мало.

что все решительные противники реставрации тем самым обязаны присягнуть революционному знамени, обязаны поклониться кумирам и идолам революции, принять самую душу ее. Мы никогда этой присяги не принесем! Мы утверждаем без всяких оговорок, что какова бы ни была прежняя Россия, — в 1917 году над нею стряслась величайшая *беда*, приведшая ее к небывалому физическому и моральному *падению*...

Но разве это связано непременно с намерением произвести «реставрацию»?! Или разве противник реставрации должен быть непременно поклонником революции?! Приведу несколько примеров.

Есть ли, например, у японского патриота, проклинающего землетрясение, лишившее его семьи и крова, логическая необходимость — тупо, слепо и упрямо направлять свою ладью на мель или на скалу, образовавшуюся *вследствие* землетрясения на месте прежнего причала? «Проклинаю», мол, «землетрясение и потому не желаю признавать изменений, от него происшедших»!..

Или: должны ли все те, кто квалифицирует изнасилование как акт уголовный, избивать на этом основании всех детей, от этого акта происшедших? «Осуждаю акт, значит, искореняю и его последствия».

Или обратно: обязаны ли мы логически, мы, не только воспринявшие все отрицательные последствия татарского ига, но иногда несущие в своих жилах самую кровь монгольских насильников (а таковы многие из нас, и даже с чисто русскими именами), — благословлять на этом основании татарское иго и «отрицать» подвиги Александра Невского, Михаила Черниговского, Дмитрия Донского, Осляби, Пересвета и всех, кто стоял за Русскую Землю?! «Принимаю последствия — значит, благословляю и причины»...

Казалось бы, все это достаточно бесспорно и известно нашим противникам слева... Но если так, то почему же они каждый раз, когда мы по заслугам квалифицируем «великую» и «бескровную», приписывают нам или стремление к реставрации, или отвержение послереволюционной России? Почему,

когда мы зло называем злом, а ночь — ночью, когда мы вспоминаем, что в таком-то, например, году наш ребенок чуть не умер от тифа или чумы, нас уверяют, что мы его, уже оправляющегося после болезни, — должны ненавидеть?..

Чтобы понять это, надо слегка видоизменить наш вопрос: надо спрашивать не *почему* это делается, а *для чего*...

Цель совершенно ясна: чтобы «спихнуть» нас в глазах беспартийной массы в число людей, не считающихся с фактами, в число людей, у которых поэтому «нет будущего» и которые заведомо обречены на неуспех. Это главный козырь всех демагогов. Но маневр этот слишком ясен и наивен. И мы неустанно будем изобличать его и парировать.

Всех «приятелей» революции можно разделить на удачных и незадачливых, на пользующихся ее взаимностью и «отвергнутых поклонников». К первым принадлежат господа большевики. Они действительно могут говорить о своих «завоеваниях»: они «завоевали» *Россию*. Ко вторым же относятся все те, кто прославляет революцию, очевидно, в надежде — терпением заслужить ее будущее расположение; кто, сидя не в Москве, а в Париже, устраивает в ее честь «получествования» и «полупраздники». Именно — *полу*-чествования и *полу*-праздники. Ибо радоваться без всяких оговорок — уж очень невыгодно политически и очень уж нелепо. И именно потому эти «юбилеи» и справляются в каких-то полупраздничных тонах. С одной стороны, говорится, что собрались не для скорби и не для радости; а с другой, что все-таки есть чему и радоваться... Так же говорится и о том, как *произошла* революция: не то *они* ее делали, не то она «сама сделалась»... Но если она «сама сделалась», так чем же *они* в то время занимались? фотографией? Если это был «неизбежный процесс», то для чего же они участвовали в партиях «содействия неизбежному»? Странная это партия — «партия содействия солнечному затмению»...

У людей не хватает, прежде всего, мужества для того, чтобы прямо сказать: «мы так ненавидели прошлое, что лишились рассудка, с жира бесились, ждали революции, желали ее,

содействовали ей; а теперь мы видим, что совершили *преступление*, каемся в нем и ищем только способа, как бы искупить нашу вину»... Этого они, конечно, и не скажут. Они будут восхвалять революцию, не решаясь даже и это сделать открыто: будут восхвалять потому, что *восхваление революции есть их личное оправдание*; а *открытое* восхваление и радость — доступны только большевикам, подлинным и единственным завоевателям.

Жизнь идет вперед; и прошлого не вернешь.

Но если господа демагоги, спекулирующие в политической борьбе понятием «реставрации», *действительно боятся ее* — то это означает, что они сами считают ее *возможною*. Нельзя же, в самом деле, бояться призраков!. А мы, прежде всего, *не верим в ее возможность* и потому отказываемся обсуждать вопрос: «что бы было, если бы было то, чего не будет». И если есть русские патриоты, очарованные былой красотой, славой и мощью императорской России, которые верят в эту возможность, хотят устроить все «точь-в-точь по-прежнему», как было, и растрачивают свои силы на эти бесплодные мечтания, — то только об этом, в сущности, и сто́ит говорить с ними. Ре-ставрация означает точно — вос-становление, т. е. поставление всего на прежнее место; полной реставрации поэтому вообще не бывает. Но что же мы видим в России, пережившей десять разрушительных лет? Ведь если мы возвращаемся в свой дом тотчас же после того, как в нем побывали воры, то и тогда редко удастся все восстановить и расставить по-прежнему; можно поднять опрокинутый стол, задвинуть ящик стола, открыть форточку для проветривания... Но чаще бывает так, что не только опрокинут стул, но и разбита ваза-уникум, какой не купишь в посудном магазине; унесены старинные часы, подарок деда, которых ничем не заменишь... И это еще лучший исход... А теперь, а в России? Надо же видеть действительность как она есть!

Международные воры, собравшись со всех концов мира, как мухи облепили русскую рану. Квалифицированные специалисты по взлому, грабежу, расхищению и порче чужого

имущества и сбыту краденого — вот уже десять лет сидят в Кремле, поминутно, еще до всякого ухода «хлопая дверьми». Они не только уничтожают, продают, расхищают и портят национальное русское имущество, но еще непрерывно отравляют души наших детей, захваченных ими еще в колыбелях. Десять безумных, «великих» по безмерности разрушения лет!.. Вырублен сад, сожжен дом, развезен по кирпичику фундамент, *умерли близкие...* «Сокол в рощу улетел, на кобылку недруг сел»... О каком же внешнем, механическом восстановлении может быть речь?! Историю нельзя попросить вернуться на десять лет назад и начать вновь двигаться с того места, которое мы ей укажем. Русские патриоты не могут и не должны обманывать себя сказкой. Перед ними иная задача, — не механической реставрации, а *возрождения*.

Быть может, кое-кому еще и теперь кажется заманчивой сказка о спящей царевне и роль королевича в этой сказке. Однако заставить заснувшего петуха допеть свое «...ре-ку», продолжив начатое сто лет тому назад «ку-ка...», — ведь это только сказка. Не говоря уже о том, что вряд ли найдется теперь хоть один «королевич», который захотел бы разбудить *всех* придворных в остановившемся царстве, особенно тех, кто по умыслу или по легкомыслию виновен в том, что злая волшебница (революция) проникла в замок и наколола своим (коммунистическим) веретеном прекрасную руку царевны.

Даже на кладбище, этой обители смерти, непрерывно идет живая жизнь; даже там, под землей, где для нас только одна смерть, идут неуклонно процессы разложения старого, но и *создания нового*. А изнемогающая, но борющаяся, поверженная, но живая *Россия — не кладбище!*

Если бы даже завтра были свергнуты большевики, то все равно в *старую*, дореволюционную Россию нельзя было бы попасть, сев на самый скорый поезд. Чтобы «приехать» в старую Россию, надо было бы сесть на фантастическую «машину времени» Уэллса, повернув рычаг назад. «Возвратиться» в нее можно лишь на крыльях воспоминаний (пусть даже *благородных!*)...

Что же делать? Примириться со всем настоящим? Не только трезво считаться с ним (фактоприятие), но и благословлять его (фактопоклонство)? Повторить историю хама; распахать старое кладбище; истопить последние кресты с могил павших братьев; радоваться «завоеваниям» революции; бормотать что-то несвязное о «старом режиме» и «проклятом царизме»; уподобляясь самодовольным евразийским петухам, любовно копать в коммунистической куче навоза, отыскивая в ней мнимые жемчужные зерна; заколотить осиновый кол в свежие могилы казненных большевиками бесстрашных героев, чтобы заслужить от палачей звание «реального политика»?!

Нет! Не такова наша задача!

Проблема познания действительности нам вовсе не чужда. Трезвость и изучение фактов — наш долг. Но проблема познания не устраняет гораздо более важного и существенно-го: *оценки событий и действенных выводов*. И здесь мы должны сказать, что от противника реставрации не только не требуется прославления революции, но наоборот: чтобы изжить болезнь, надо страстно с нею бороться. Да, конечно, — бороться *разумно*; но это уже вопрос о выборе средств. И этого, по-видимому, многие не понимают.

Доктор, желающий вывести организм из болезненного состояния, не может быть только диагностом; он не может быть и бесстрастным ее спутником; он должен быть психологически ее страстным врагом и борцом с ней...

Кто думает, что пожар всегда «служит к украшению Москве», кто не испытывает горечи при виде зарева России, кто или от усталости, или по слепоте, или для самоутешения принимает «зареву» за «зарю», — тому как раз психологически очень трудно впрячься всем своим существом в строительство новой России, в дело ее возрождения. Конечно, пепел от пожара очень часто служит хорошим удобрением и нередко на пожарище гуще зеленеет свежая поросль. Пусть так. И конечно нелепы и просто глупы раздающиеся иногда (и слева, и справа) разговоры о том, кого «пустят», а кого «не пустят» в Россию после ее освобождения. Но, несомненно, однако, что

поджигателям вообще очень трудно стать пожарными, а тем более строителями нового дома: нужны другие навыки, другие привычки и иной пафос. Недаром в новой России строительство ведется сейчас руками не присяжных пироманов, а старых спецов-строителей...

Нам же, находящимся здесь, *всем* пора, казалось бы, понять, что вместо дней «полурадости» нам нужен общий день *покаяния* за все, содеянное всеми нами с Россией, нелукавого покаяния за все наше прежнее безумие. Это, и только это на-строение есть и субъективное условие, и объективная предпосылка для действенного служения Родине.

Н.А. ЦУРИКОВ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ЗАГОВОР 1000 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Вдохновителем и первым организатором движения был глазной врач Абдалла Ибн Маймун. Он родился в начале IX века по Р. Х. в Ахвазе и происходил из интеллигентной персидской семьи. Формально Абдалла считался мусульманином, а в действительности по своим убеждениям примыкал к материалистам и атеистам. Их было довольно много в те времена не только среди арабской и персидской интеллигенции, но и среди буржуазии и знати.

Ахваз, теперешний Хувистан, — страна, находящаяся к востоку от нижнего течения Тигра, входил тогда в состав Арабского халифата, однако старые персидские традиции еще крепко держались среди его жителей и в душе персы презирали завоевателей — арабов.

Кончался первый блестящий век владычества арабской династии халифов-Аббасидов, наступали времена упадка. Одной из причин упадка было *разложение правящего класса* государства, арабского военного дворянства, потомков людей, завоевавших Сирию и Персию. Суровая, фанатичная вера, военный склад ума измельчали, исчезли и перестали быть

модными. Багдад — столица Арабской империи, напоминал собой Париж XVII века: люди философствовали, веселились, вольнодумствовали и суеверничали. Так было на верхах; средние же слои и низы жили, как их отцы, в сфере все захватывающего религиозного интереса, и рационализм образованных людей доходил до них лишь в форме фермента, не уничтожавшего религиозную жизнь, а заставлявшего ее только *бурно бродить*.

Большим местом господства Аббасидов были династические споры: их права на халифат оспаривались потомками Али, зятя Магомета; а вокруг этого запутался целый клубок вопросов мусульманской догматики и мистики, а также и национальный вопрос — персы против арабов. Конечно, большую роль играли, как всегда, и социальные проблемы. Население той части халифата, которая раньше была независимым персидским царством, особенно беднейшее, не забыло еще тех уравнилельно-коммунистических мероприятий (в том числе и общности жен), которые в начале VI столетия осуществлялись проповедником новой веры Маздаком с одобрения царя Кавада из национальной персидской династии Сассанидов. Правда, эти эксперименты экономически и морально сильно расстроили Персидское государство и были не только прекращены, но и завершились *истреблением* почти всех маздакистов; однако опыт показывает, что мечты о «черном переделе» и «поравнении имущества», раз запавшие в душу крестьян, городских низов и беспочвенных теоретиков, не так-то легко выветриваются.

В описываемое время* власть багдадских халифов еще производила впечатление прочности, а страна уже была покрыта *сетью тайных обществ*, политических и религиозных. Они появились еще до выступления Абдаллы ибн Маймуна; но он с бесовской хитростью систематизировал пропаган-

* См. литературу вопроса, особенно: S. de Sacy. Exposé de la religion des Druzes; M.J. Goge. Carmathes du Bahrain; *Его же*. La fin des Carmathes; *Его же*. Carmathes et Fatimides; T.J. de Boer. Geschichte der Philosophie im Islam; E.G. Browne. Literary History of Persia; M.A. Nicholson. Literary History of Arabs; а также Nöldeke. Encyclopédie de l'Islam; и др.

ду, обосновав ее на *правдоподобном и постепенном обмане*, и дал ей прочную организацию. Арабский историк XIV века Макризи дает следующую характеристику персидского революционера: «Абдалла прекрасно знал все религии и все секты. Он составил систему учения, разделив ее на семь степеней знания или посвящения. Прозелит должен был последовательно проходить через них до тех пор, пока, сбросив иго всякой религии, он не становился настоящим материалистом, не признающим ни существования Бога, ни каких-либо законов нравственности».

Так как пропаганда обращалась к людям разных рас, убеждений и религий, то инструкция предписывала агитаторам *особый подход* при обращении к каждой группе населения. В применении к мусульманам способ постепенного овладения человеческой душой был примерно следующий.

Тайный эмиссар движения (дай), подходя к намеченному им лицу, вступал с ним в разговор на религиозные темы, стараясь смутить совесть будущего прозелита всякими каверзными вопросами. Одновременно дай намекал, что он обладает знаниями, которые дают ему возможность разрешить все сомнения собеседника.

Так шли встречи; потом, неожиданно, пропагандист замолкал и скрывался. Тогда те, для кого все это было не пустым разговором, а удовлетворением глубокой внутренней потребности просвещения, сами отыскивали дая и просили, умоляли, требовали успокоения. Им отвечали, что истина открывается не всем, а только избранным и верным.

Какие нужны доказательства верности? — Присяга и материальные жертвы.

Если искатель истины соглашался, то он получал посвящение и принимался в общество.

Вначале все сводилось к тому, чтобы заставить адепта *слепно верить* только руководителям общества и никому другому; но основные догматы ислама открыто не затрагивались; таким образом, пребывание на низших степенях тайного общества едва ли более смущало мусульманина IX века, чем

участие в тайных «орденах» и в масонских ложах соблазняло православного русского в XVIII и XIX веках. Можно думать, что три первые степени системы Абдаллы по своей видимой безобидности приблизительно и соответствовали трем общеизвестным степеням — ученика, подмастерья и мастера — в современном масонстве. Далее совершался перелом.

Четвертая степень уже являла собой начало явного отступничества от правоверного мусульманства, так как в ней прозелиту открывали, что Магомет — не последний и не *высший* пророк.

Учение *пятой степени* шло еще дальше. Посвященному в нее внушалось презрение к общепризнанным толкованиям догматов и обрядов и указывалось на необходимость *искания везде скрытого смысла*. Самих обрядов пока не трогали, но намекали, что правила жизни, установленные Магометом, могут быть со временем отменены. Здесь делали остановку.

Если считать, что первые 3 степени представляли собой группу низшего, а 4-я и 5-я степени — группу среднего ведения, то теперь начиналась область высшего знания. Допуск в нее производился с большим выбором.

Шестая степень. В ней уже без обиняков указывалось на ненужность молитвы, постов, паломничества, вообще всяких догматов и обрядов, основатели всех религий объявлялись обманщиками, а «мудрецы» — единственными обладателями истины. Членам общества внушалось теперь полагаться лишь на *силу разума* и относиться с недоверием ко всем религиозным преданиям.

В общем, можно сказать, что адепты шестой степени по своему миросозерцанию должны были напоминать собой наших атеистов и деистов XVIII века или позитивистов XIX. Дальше почти никого не пускали. Из истории общества видно, что даже не все дай имели посвящение выше 6-й степени и *многие из них думали, что здесь конец учения*.

Они ошибались: не вольнодумство было последним словом тайной мудрости заговорщиков. Действительно, в *седьмой степени* от рационализма поворачивали назад к *мистике*,

но проповедовался уже не Единый Бог, а *дуализм*. Этот принцип развивался затем подробно в *восьмой* и *девятой* степенях, о существовании которых мы дополнительно узнаем от Макризи и его предшественника Новаири. Сообщения обоих арабских историков об этом не совпадают в некоторых подробностях, но все-таки ясно, что дуализм верхами общества воспринимался в формах очень близких к учению манихеев, т. е., в сущности, утверждалась извечность и *принципиальное равенство добра и зла*, Бога и Дьявола. От такого дуализма не трудно перейти к *чистому сатанизму* и впоследствии этот шаг часто делался.

С точки зрения религиозной психологии, переход от неверия 6-й степени к спутанной, а иногда и прямо *черной вере* трех высших степеней является чрезвычайно интересным и знаменательным фактом. Он указывает на ту связь, которая существует в человеческой психике между атеизмом и каким-то странным мистицизмом. У одного из современных немецко-еврейских вольнодумцев, недавно умершего Ф. Маутнера, мы находим в предисловии к его книге «Атеизм и его история на Западе» поразительные слова: «то, что я, созидая, стараюсь предложить между строк моей разрушительной книги, т. е. мое кредо, это — некая *безбожная мистика*, которая, может быть, вознаградит за длинноту сомнений».

С большой силой и глубже, чем кто-либо, проникает в эту область Достоевский, вскрывая бесовский характер такого мистицизма. То, что он писал, не только пророчески объясняет нам настоящее, но и служит ключом к пониманию многого в далеком прошлом. В свете идей Достоевского точно живая встает перед нами мрачная фигура персидского заговорщика. Петр Верховенский — мелкий бес перед ним. Дерзанию Абдаллы нет пределов, запретного для него не существует; для достижения поставленной цели, для овладения властью, для *господства над телами и душами людей* приводится в движение и человеческое благородство, и человеческая подлость. Нужно использовать верность и преданность — и создается идея *грандиозного самозванства*: перс объявляет себя арабом,

потомком Фатимы, дочери Магомета, жены его сподвижника Али. Не всем и не сразу об этом говорят: *таинственность* должна сделать успех более верным, поэтому открытое выступление оттягивается, и Абдалла, не успев сам использовать своего плана, умирает в неизвестности, но таинственный Обайдалла, царствовавший потом в Африке, был, вероятно, его внуком.

Для начала и развития деятельности Абдалле нужны были большие средства, и их ему дала человеческая низость, величайший из пороков — *зависть*. Была объявлена коммунистическая программа, началось большевицкое движение, и в распоряжение социального реформатора стали поступать большие средства от доброхотных, а чаще от недоброхотных даятелей.

Вот что рассказывает арабский писатель, шериф Акху Мохсин, о коммунистическом законодательстве одного из главарей Хамдан Кармата. В каждом поселении, где утверждалась власть секты по его приказанию, все имущество сносилось в одно место и устанавливалось общее пользование. Дай выбирал человека, заслуживающего, по его мнению, доверия, и последний принимал в свое заведование всю частную собственность жителей: скот, драгоценности, домашнюю утварь и т. д. На обязанности эконома лежало снабжение нуждающихся всем потребным, например одеждой, из этого запаса. После того как такое устройство жизни прочно устанавливалось, Хамдан Кармат давал даям предписание в определенную ночь собрать всех женщин данного местечка в одно здание, где они тоже предоставлялись в общее пользование всех мужчин. По мнению учителя, это было последней, высшей степенью дружбы и братского единения.

Несмотря на такие крайности, дело велось очень тонко. Сам Абдалла держался в тени и спокойно жил у себя на родине, в Хузистане, тайно руководя оттуда своими последователями. Его роль долгое время не была ясна, но под конец все-таки обнаружилась, и правительство халифа приказало арестовать вдохновителя смуты. Он спасся бегством, сначала

в Басру, а потом в северную Сирию, в город Саламию, куда давно уже переехал его сын Ахмет. Это было около 875 года. Дальнейшая судьба революционного вождя окутана туманом: как и когда он умер — точно неизвестно, но в 897 году во главе движения стоял уже не Абдалла, а Ахмет.

После смерти инициатора жизнь его широко задуманного предприятия пошла по трем путям. В Сирии заговорщики выступили открыто, но успеха не имели. Ахмет был убит под Дамаском; погибли и другие вожди, и около 900 года движение было там окончательно задавлено.

Иная судьба ждала африканскую ветвь общества. Преемник Ахмета Обайдалла, о котором уже упоминалось, спасся после сирийского разгрома и добрался до теперешнего Марокко. Там он нашел преданных последователей и с их помощью в 909 году занял положение независимого монарха. Это был первый халиф из династии Фатимидов. Ей постепенно подчинилось большинство африканских мусульман; в Багдаде же усидели Аббасиды.

Третий жребий выпал на долю революционеров на юге. В самом начале X века выбитые из Месопотамии и Персии, они под начальством главного дая Персии, бывшего торговца мукой Абу-Саида захватили Бахрейн, полуостров на восточном берегу Аравии. Здесь члены общества образовали государство большевицкого типа. Их стали называть карматами, по имени одного из старых вождей Хамдан Кармата, хотя последний сам в Бахрейн не попал. Большой силы эта разбойничья община не представляла; едва ли она когда-либо могла выставить в поле самостоятельно, без помощи бедуинов, более 2000 всадников, а между тем сосед карматов Багдадский халифат, государство с миллионами жителей, с возможностью мобилизовать сотни тысяч человек, не только не был в состоянии уничтожить бахрейнскую шайку, но неоднократно ставился ею в очень тяжелое, почти отчаянное положение. Загадка эта для нас, русских, наблюдающих взаимоотношения Европы и московских коммунистов, затруднений не представляет. Сила большевиков всех времен и народов заклю-

чается не в них самих, а лишь в безволии или недомыслии их противников и в поддержке со стороны. Так и теперь, в XX веке, Третий Интернационал правит Россией, между прочим, и по милости европейской буржуазии, ибо большая ее часть, хотя и боится большевиков, но страдает безволием, а радикальное меньшинство ее чувствует с большевиками неизъяснимое сродство душ.

Нечто подобное происходило и в Западной Азии в X веке. Весь Багдадский халифат был наполнен *тайными дружьями карматов*. В городе Басре в это время существовал кружок философов и ученых, известный под именем: «Братьев Чистоты». По своей литературной деятельности и по другим признакам братья напоминали французских энциклопедистов XVIII столетия. Они имели отделы своего общества во многих городах и возглавляли радикальную буржуазию страны. И так как сохранились документы, удостоверяющие связь, по крайней мере идейную, между «Братьями Чистоты» и карматами, то можно думать, что передовая интеллигенция страны скорее мешала, чем помогала своему правительству в его борьбе с последователями Абдаллы. Внешнюю поддержку заговорщикам оказывали халифы-фатимиды. Положение их было двойственное: с одной стороны, каждый халиф-фатимид был главою богобоязненного и буржуазного государства, с другой — гроссмейстером атеистического и коммунистического тайного ордена, куда входили и карматы. Второе звание приходилось держать в секрете от своих подданных, но отказаться от него тоже было невыгодно. Карматы слушались фатимидов, а те тайно поддерживали карматов; однако отношения были слишком сложными для того, чтобы можно было избежать конфликта. Действительно в 917 году бахрейнские большевики обратили оружие против своих высоких покровителей. Связь порвалась. К этому времени изменилось и рационалистическое настроение арабской и персидской интеллигенции. Слепое преклонение перед рассудком пропало у многих, вероятно, под влиянием жизненных уроков (это мы видим и на себе). Два раза, в 920 и в 924 годах, город Басра, од-

но время центр интеллектуальной жизни страны, подвергался жестокому разгрому со стороны карматов. Когда они грабили, то едва ли разбирали, чью собственность социализировали — обскуранта или своего идейного единомышленника — радикального интеллигента.

Буржуазная сознательность является не сразу, тому пример современная Европа; но под конец она все-таки возникает. Возникла она и в халифате. Одновременно происходил в нем еще один процесс, неблагоприятный для последователей Абдаллы: расхлябанное арабское дворянство стало вытесняться новым военным дворянством: грубыми и примитивными, но твердыми офицерами турецкой наемной гвардии.

Так усиливались противники большевицкого государства; а в нем самом шел неизбежный развал. Талантливые вожди вымерли. Их единоначалие заменилось коллективной властью; партийная дисциплина пала, разбойничья солидарность сменилась раздорами, коммунистические лозунги потеряли свою притягательную силу, а таинственный вождь оказался просто соседним монархом, халифом в Каире. К этому присоединилось еще и то, что экономическая база социалистической общины, а именно эксплуатация примыкающих буржуазных государств, перешла в руки конкурентов-бедуинов: последние отняли у обессиленных бахрейнских большевиков право взимания дани. Карматское государство возникло приблизительно в 900 году, а уже около 980 года его значение было ничтожно, но оно продолжало влачить свое существование еще в течение 100 лет. В конце XI века карматы были уничтожены окончательно.

Так бесславно кончился и этот коммунистический опыт. Он не был первым в истории человечества, а современный нам московский не будет последним. Все они обречены на неудачу, так как основываются на злобе, зависти, ненависти, вообще на зле; а зло не созидательно.

Масштаб бессовестного русского эксперимента неизмеримо больше арабского, но если сравнить замыслы обоих идеологов, Ленина и Абдаллы, то по широте задачи второй превосходит первого.

Цель Ленина (по крайней мере, видимая) — ввести везде коммунизм, а уничтожение религии и морали есть лишь средство для этого; намерение же Абдаллы обратное: он хотел *вытравить веру и совесть* из людских душ, коммунизм же должен был только облегчать достижение главной цели.

Абдалла опаснее Ленина. Марксист из Симбирска — человек определенной эпохи, совратитель худших людей; а перс своим тонким методом обволакивания души, постепенного отвода как раз лучших людей от добра к злу, создал *школу соблазна универсального значения*. Имя зловещего врача почти забылось, но ядовитое дыхание его метода чувствовалось в течение многих веков и у многих народов. Оно чувствуется и сейчас.

СТРАННИК¹¹⁸

УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ

Урок неожиданный и кровавый...

А. С. Пушкин

Ошибка не беда, если она чему-нибудь научает; и беда не катастрофа, если она таит в себе исцеляющие уроки.

Революция застала русских людей в состоянии политической неопытности, непонимания, без идеи и без воли. Отсюда — всеобщая растерянность и беспомощность; отсюда же та видимость чуть ли не всеобщей национальной «бесхарактерности» и почти «предательства», которая навсегда останется загадкой для иностранцев. Русские люди *не разумели* происходящего и *не умели* бороться. А революционеры явились к ним с той *организационной изощренностью*, которая вынашивалась на Западе веками: ибо большевики сочетали организационную технику иезуитизма и инквизиции с политической техникой макиавеллизма, тайных орденов, полицейского сыска и западноевропейского революционного пролетариата.

Этой социально-организационной изощренности мы не могли противопоставить ничего равно сильного и в то же время духов-

но-достойного. В этом одна из самых основных *причин* «успеха» революции.

Оставаться в этом состоянии наивного неумения мы впредь не можем и не смеем. Мы должны привыкнуть *учиться у событий и строиться на ходу* — одни в кипящем котле большевицкого ига, другие в изгнании и нищете. Нам необходимы *реальные выводы и волевые решения.* Иначе мы не спасем Россию и не восстановим ее.

Вот некоторые, основные выводы и уроки.

1. Политика не есть что-то такое, что делается кем-то «другим» — для нас и за нас, без нашего участия и без нашей ответственности. Рады мы или не рады, — но времена, когда люди *так* жили и *так* думали, прошли безвозвратно.

Это совсем не значит, что каждый из нас призван постоянно во все вмешиваться, кипеть в несытом честолюбии, все бранить и самовольно командовать. Но это значит, что каждый из нас призван *иметь свое собственное убеждение в вопросах политического добра и зла;* и что каждый из нас обязан *вкладывать свою волю в ход государственных событий:* то убежденным словом, то обдуманым молчанием (это иногда труднее!); то невозвращающим повиновением, то открытым, прямым неодобрением; то храбрым поступком, то организующей инициативой; то грозным обличением, то участием в тайном, патриотическом союзе.

Мы обязаны раз навсегда *повернуться волею к русским событиям* и даже в вынужденном бездействии *всегда копить волевой заряд.*

Если бы враги России заранее знали, что мы *так* живем, тогда они, наверное, и не начали бы вовсе революцию; а если бы они ее все-таки начали, то их попытка была бы быстро и радикально прикончена.

2. Задача этого постоянного волевого напряжения не в том, чтобы «добиваться политического успеха для себя» (как делают правые и левые карьеристы), и не в том, чтобы «отстаивать свой классовый интерес» (как учат демократы разных толков); но в том, чтобы *строить и заряжать центр национально-патриотической власти.*

Этот центр, оторвавшись от наших, заряжающих и поддерживающих его, воля, — становится мнимым, бессильным и обреченным. Наоборот, вбирая в себя отовсюду наши волевые лучи, он как бы накаляется от них и именно благодаря этому становится лучеиспускающим политическим центром страны. Правителю *необходима* воля подчиненных: он должен чувствовать ее, знать о ней, доверять ей, опираться на нее и располагать ею. Тогда только он может реально повелевать, организовывать и заставлять.

Подданный, не посылающий своего волевого луча правителю, — неверен ему, изменяет ему; все равно — из лени, из продажности или по интриге. Современный демократически-парламентарный строй с его партийностью — систематически приучает граждан отзывать свои волевые лучи от ненравящегося правителя и интриговать против него.

Подданный, внушающий правителю ложную иллюзию, будто «весь народ» или определенные сильные организации поддерживают его, — готовит правителю гибель и предает его; все равно — из легкомыслия, из лести или ради субсидии. Именно так временщики и льстецы не раз губили своих государей.

Понятно, что первая задача революционеров всегда состоит в том, чтобы подорвать доверие к власти: этим останавливается посылка волевых лучей; этим *прерывается в человеческом бессознательном живое действие государственной присяги*. Власть изолируется, и дни ее оказываются сочтенными.

Если бы русское императорское правительство или революционное Временное правительство — пребывали в фокусе этих волевых лучей, то падение их было бы исключено. И понятно, что члены Временного правительства, всю жизнь проработавшие над организацией волевой измены царю, не могли и не умели создать новый лучевой фокус в стране...

3. Волевая поддержка национального правительства есть, таким образом, священная обязанность граждан. Эта поддержка требует прежде всего — *организации общественного мнения* и направления его в духе *верности, прямоты и энергии*.

Честолюбцы, желающие захватить власть, стремятся всегда отравить общественное мнение *недоверием к правительству и противопоставить власть народу*. При этом они стараются сделать это в формах политически- и уголовно-ненаказуемых: насмешкой, карикатурой, салонной сплетней, злостной критикой в печати и в публичных собраниях, скрытой клеветой. Они приписывают правительству то эгоистические, классовые и противогосударственные намерения; то безнравственные и свирепые распоряжения; то глупости, бездарность, продажность и даже измену. Обычно это сопровождается целой фалангой обидных кличек и намеков, а иногда и «разоблачений», выдержанных в «благородном» тоне.

Бороться со всем этим можно только при двух условиях: при наличии *честной, патриотической печати, абсолютно независимой от каких бы то ни было правительственных субсидий*; и при наличии *кадра честных, незапятнанных и авторитетных политиков, ученых и военных, крепко доверяющих друг другу, поддерживающих власть и способных к энергичным, решительным выступлениям*.

Вне этих условий *всякая* страна захлебнется в грязи сплетен, продажности, неизбывных интриг и всеобщего взаимного недоверия и, рано или поздно, окажется во власти тайных революционных организаций.

Если бы такая лояльная, непродажная и ненаемная печать и такой политический кадр поддерживали русское императорское правительство за последние двадцать лет перед европейскою войною, то нынешняя революция совсем не имела бы места.

4. Государство держится только *единением* между властью и народом. Кто противопоставляет власть — народу, тот готовит революцию и гражданскую войну. Именно это-то и делали все революционеры.

Вся работа их возбуждала, разъединяла и натравливала: класс на класс, невоенных на армию, нечиновников на чиновников, обывателя на полицию и весь народ на правительство. Они учили народ не доверять никому, кто *им* не избран и *ему* не угодает; они видели все спасение в *выборах*, а вы-

борами они углубляли и закрепляли классовое и партийное разъединение в стране. И все время заранее готовили *вторую, новую, революционную власть* (то «союз союзов», то «совет рабочих депутатов», то «земсоюз» и «земгор») ...

Этим они давно уже начали и повели гражданскую войну на погибель России.

В действительности же власть и народ должны быть *живым единством*. Только в этом спасение. Но этого не обеспечивает *никакая* политическая форма *сама по себе*: ни «демократическая», ни «деспотическая», ни республика, ни самодержавие. Разве народ не обожал Цезаря Августа и Наполеона, и не свергал, и не убивал византийских царей? И сколько республиканских режимов в истории разложилось и погибло от народных волнений и непрерывного штурма власти?

В действительности прочность и сила государства зависят от трех условий: от *воли и прозорливости правителя*; от *религиозной укорененности* народного характера и правосознания и от *государственного смысла и энергии национального интеллигентного кадра*. При наличии этих условий — самая зыбкая и опасная политическая форма (федеративная демократическая республика) не легко и не скоро разложит страну; при отсутствии их — самая достойная и художественная форма (монархия чести) быстро разложится и рухнет.

Если бы эти три условия были налицо в России до революции, то мы не дожили бы до позорного ига коммунистов.

5. Политическая жизнь есть не только деятельность власти для народа, но и *самодеятельность народа навстречу власти*.

Государственная жизнь совсем не сводится к тому, что власть полицейски опекает толпу политических рабов или политических лентяев (воззрение крайних правых); но она не состоит и в том, что массы, возбужденные жадностью и честолюбием, то и дело «избирают себе» якобы «большинством голосов» угодливых приказчиков, именуемых «министрами» и «президентами» (практика левых партий).

В каждом народе к здоровой политической самодеятельности способно и предрасположено не большинство, а мень-

шинство. Задача власти в том, чтобы находить это меньшинство, увеличивать его численно и вовлекать его в государственное строительство. Выделение этого кадра должно идти и сверху (назначением), и снизу (выборами). Задача этого кадра в том, чтобы организовывать *самодетельность* народа навстречу власти и организовывать *служение* власти навстречу народу. И еще в том, чтобы воспитывать в *народе* дух *национального консерватизма* и сообщать *власти* дух *державного реформаторства*.

В России такой кадр только еще начинал слагаться. А широкие круги интеллигенции делали как раз обратное: одни раскачивали в *массе* стихию бессмысленного и разрушительного *дерзания*; другие стремились закрепить инертный консерватизм *власти* и доводили его до *безвольной косности* и *безыдейного упрямства*.

Вот почему русская масса обнаружила в революции — пассивность в добре и активность во зле. И вот почему предреволюционная власть была сильна в обуздании, а в творчестве — нерешительна и лишена великих замыслов (П. А. Столыпин был исключением).

6. Эпоха смуты и междоусобицы является всегда суровым испытанием в народной жизни. Здесь должен заговорить инстинкт национального самосохранения; он должен повести народ к *самоорганизации* и к *борьбе на жизнь и на смерть* за воссоздание единой национальной власти. В такие эпохи народу необходим *пчелиный* инстинкт самопожертвования и *муравьиный* инстинкт совокупного действия. А вождям его — *воля, идея и гениальная шпага*.

Из двух борющихся людей — ближе к победе тот, кто борется *без оговорок и на смерть*, а не тот, кто «борется» с оговорками и с осторожностью (все это, конечно, при прочих равных условиях). Один вкладывает в борьбу *все*; другой опасается вложить в борьбу слишком много. Один твердо предпочел смерть — поражению; другой готов в любой момент предпочесть поражение — смерти. Всем этим исход борьбы бывает уже предreshен.

Это освещает весь ход русской революции.

Императорское правительство не решилось бороться с революцией на смерть; и потому пало. Временное правительство было прямым воплощением всяких оговорок и осторожностей; и потому было сметено. Большевики побеждали потому, что по-разбойничьи лезли на смерть, искусно уговаривая противника не бороться насмерть. Смертная борьба белых армий давала им победу за победой. Белые *не* победили потому, что ни русские народные массы, ни русская интеллигенция — *не созрели еще для смертной борьбы с большевиками*. И ныне близится день, когда *изжившие свой заряд большевики не будут в состоянии бороться насмерть, а смертная ненависть к ним поведет русского крестьянина и русского белого патриота к борьбе безоговорочной и беспощадной*.

Мы должны блюсти в себе эту священную готовность!

СТАРЫЙ ПОЛИТИК

Часть II

СИЛЫ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ

Длительность русской революции объясняется не только особыми условиями *русской истории и русской жизни* (размеры страны; разбросанность населения; культурная, организационная и собственническая отсталость простого народа; волевая растерянность власти и интеллигенции и др.); и не только *особыми свойствами коммунистов* (отбор хищных, цепких и жестоких людей, лишенных совести, чести и патриотизма), — но еще и тем, что в других странах имеются *интернационально-сплоченные силы мировой революции* и не имеется ни организованного в мировом масштабе *кадра для борьбы* за религию, родину, собственность и культуру, ни сильной и вдохновенной *волевой идеи*. Поэтому русскому патриоту надлежит дать себе ясный отчет в силах мировой революции, признать необходимость и возможность борьбы с ними и неутомимо ковать *свою идею и свои силы*. Нам надо помнить, что русская революция есть *мировая проблема* и что борьба за нее уже ведется в мировом масштабе. Чего же мы стоим — без волевой идеи и без организованного кадра?

Вот краткие сведения о силах мировой революции.

Силы мировой революции состоят из *социалистов, коммунистов и анархистов* — всех оттенков и толков, независимо от того, что одни течения (коммунисты и анархисты) стремятся осуществить революцию в кратчайший срок в виде кровавого переворота, а другие течения (социалистические) хотели бы растянуть революцию на более долгое время и осуществить ее в виде нескольких не «слишком» кровавых полупереворотов. Все вместе они образуют *единое движение*, направленное против религии, родины и собственности, а потому и против культуры. Авангард же этого движения образуют атеисты, антинационалисты и политические революционеры всех стран,

взрыхляющие почву для социалистов так, как сами социалисты готовят кадры для торжества коммунизма.

Какими же числами измеряются силы мировой революции? Велики ли эти силы? Возможна ли с ними борьба? Приведем близкие к истине, приблизительные статистические данные.

Все население земного шара определяется за 1923/1924 год приблизительно в 1 млрд. 820 млн. людей. Из них около 780 млн. (в среднем 43%) придется на *взрослых* людей (старше 20 лет). В то же самое время (т. е. на 1 января 1923 года) все революционные рабочие союзы мира, всех трех партий, насчитывали в своем составе около 25 млн. людей. Это составляло *не более чем 3,2% всего взрослого населения Земли*. При этом надо иметь в виду, что наряду с революционными рабочими союзами существуют и *не-революционные*, численностью около 16 млн. на весь мир, и что эти 41 млн. (25+16) составят лишь совсем малую часть всего мирового пролетариата. Это означает, что «пролетарий» и «социалист», «пролетарий» и «революционер» — *далеко не одно и то же*.

Главным очагом социализма и организованной революционности является *Европа*. В ней живет около одной четверти всего человечества; и эта четверть человечества (25%) дает миру свыше 65% всех имеющихся организованных сил рабочей революции, тогда как на остальные три четверти земного населения приходится всего около одной трети революционного кадра. Это объясняется скученностью европейского населения (плотность его почти в 9 раз больше, чем в Америке и Африке), развитием капиталистической промышленности в Европе и распространением полуобразованности в массах; ни одна из этих причин сама по себе не была бы достаточна для объяснения этого явления.

Согласно последним исчислениям* 25 европейских государств (кончая лимитрофами), при населении в 476 млн., име-

* См.: *Вл. Войтинский*. «Весь мир в цифрах». Книга I. Земля. Население. Народное богатство. Кн. II. Труд. Под ред. проф. Берлинского Университета В.И. Борткевича. На нем. языке вышло пять книг: кн. III. Сельское хозяйство. Кн. IV. Промышленность. Кн. V. Транспорт и торговля. Подготавливаются еще две: кн. VI. Государство. Кн. VII. Данные моральной и политической статистики.

ют в своем составе около 208 млн. людей (44%) «хозяйственно самостоятельных», т. е. с самостоятельным источником существования. Из этих 208 млн. хозяйственно взрослых людей 92 млн. (тоже около 44%) зарабатывает на свое пропитание продажей своего труда, «нанимаясь» и получая заработную плату или жалованье. Это и есть европейский пролетариат, *из состава коего вербуются основная сила мировой революции.*

Из всей массы европейского пролетариата (92 млн.) организовано в рабочие и профессиональные союзы не более 34 млн. (36%). По наиболее правдоподобию подсчету это организованное ядро распалось к 1 января 1923 года на следующие течения: 18,5 млн. принадлежало к так называемому «Амстердамскому Интернационалу» (социалисты-меньшевики); 5,33 млн. принадлежало к «Третьему Интернационалу» (коммунисты, «Профинтерн»)*; около 825 тыс. числилось в анархистах; и около 10 млн. не преследовало революционных целей. Это дает *на Европу революционно-рабочий кадр в 24³/₄ млн.: т. е. почти 12% европейского хозяйственно-взрослого населения; почти 26% европейского пролетариата.*

Наиболее пролетаризованными европейскими странами являются: Великобритания (77% хозяйственно-взрослого населения); Бельгия (73%); Дания (71%); Швейцария (66%); Швеция (64%); Австрия (63%); Нидерланды (62%); Германия (61%); Чехословакия (59%); Финляндия (58%); Венгрия (55%); Норвегия (50%); Франция (48%); Португалия (46%); Италия (45%); Югославия (40%). Наименее пролетаризованными странами в Европе являются Болгария, Литва, Латвия, Эстония (23%) и Греция (22%). В России в 1921 году на каждые 100 человек хозяйственно-взрослых приходилось около 13 человек пролетариев. Этот процент за последние годы непрерывно и бурно растет, ибо *коммунистическая революция пролетаризует широкие слои беднейшего крестьянства.*

Далеко не весь пролетариат в Европе организован. Однако важно отметить, что за время войны и послевоенных бро-

---

* Сами коммунисты исчисляли свои силы, конечно, гораздо выше, насчитывая вместе с «сочувствующими» от 10 до 15 млн.

жений (1913—1920 гг.) количество организованных рабочих в Европе более чем утроилось; это относится особенно к Германии, Великобритании, России, Италии и Франции. Наиболее организован европейский пролетариат в Германии (58% общего количества пролетариев) и в Австрии (56%) — т. е. *более половины*. Затем идет Италия (42%); Чехия (36%); Бельгия и Великобритания (по 34%); Нидерланды (33%). Менее одной трети пролетариев организовано в Польше (32%), в Дании (30%), в Греции (28%) и в Швеции (25%). *Менее одной пятой* пролетариата организовано в Швейцарии (18%), в Испании (17%), в Литве и Эстонии (по 15%), во Франции, Венгрии и Норвегии (до 14%), в Португалии (9%), Финляндии (5,5%), Югославии (3,8%) и Румынии (2,5%).

Само собой разумеется, что нигде пролетариат не организован так, как в стране коммунистического принуждения: советская власть показывает для СССР чуть ли не 100% организованных пролетариев...

Все это означает, что основная масса европейского пролетариата (58 млн. из 92) остается *неорганизованной и пассивно предоставляет организованному меньшинству (около 36%) говорить за себя и действовать от своего имени*.

Мы видели уже, что и в Европе далеко не весь организованный пролетариат — настроен революционно. Целый ряд союзов: христианских (свыше 3 млн.), национальных, чисто профессиональных, союзы «социального мира», «независимые» и т. д. — насчитывает во всей Европе около 10 млн. Их удельный вес является совершенно подавляющим в Италии после фашистского переворота; он очень велик в Польше и в Нидерландах; он заметен в Чехословакии, во Франции, в Германии и Великобритании.

В общем, три красных течения распределяются по отдельным европейским странам так. *Социалисты* Второго Интернационала (Амстердам) совсем не имеют рабочих союзов в СССР; зато к ним принадлежит основная масса организованных рабочих в Великобритании (4½ млн., 78% всех английских организованных рабочих) и в Германии (8½ млн., 76%

всех немецких организованных рабочих). Влияние их среди организованных рабочих особенно велико в Дании (308 тыс., 100%), в Швеции (293 тыс., 90%) и в Австрии (около 1 млн., 93%), они имеют также перевес в Югославии, Бельгии, Венгрии, Швейцарии и Франции. В Португалии, Греции, Финляндии, Норвегии, Литве и Эстонии их влияние ничтожно или равно нулю.

Анархисты-синдикалисты владеют в Европе всего-навсего пятью- или шестьюстами тысячами рабочих умов. Главное гнездо их — Испания (300 тыс.); 100 тыс. рабочих поддерживают это течение во Франции, 62 тыс. в Германии, 50 тыс. в Италии, 32 тыс. в Швеции, 22 тыс. в Нидерландах и 7 тыс. в Чехии*.

Коммунисты, помимо своего основного гнезда в России (от 4½ до 5 млн. рабочих «Профинтерна»)**, имеют значительный кадр в Чехии (319 тыс., до 21% всех чешских организованных рабочих); до 150 тыс. во Франции (до 10% организованных французских рабочих); до 84 тыс. в Норвегии (преобладание!); до 48 тыс. в Финляндии; до 34 тыс. в Болгарии; до 24 тыс. в Румынии; и около 5 тыс. в Латвии. В этом кадре, конечно, не сосчитаны все тайные комячейки, все «сочувствующие», все «примкнувшие» неоткрыто и т. д. Так, напр., имеются сведения, что среди немецких металлистов до 40% рабочих, т. е. свыше 500 тыс. человек сочувствуют коммунистам. Сами коммунисты исчисляли свой европейский кадр помимо России на 1 января 1921 года в 1200 тыс. примкнувших и в 4342 тыс. «сочувствующих».

Все это позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Пролетариат сам по себе не есть революционный класс, но при скученности и при тяжелых условиях жизни он является средою, легче всего поддающейся революционной заразе.

* Вне Европы анархисты имеют 143 тыс. рабочих в Аргентине, 80 тыс. в Соединенных Штатах и 30 тыс. в Мексике.

** По их подсчету, до 6 млн.

2. Главным гнездом революции на земном шаре является Европа.

3. Революционный кадр рабочих составляет незаметное меньшинство в составе всего человечества, чрезвычайное меньшинство в составе европейского населения и значительное меньшинство в составе европейского пролетариата.

4. Революционный кадр рабочих не имеет ни основания, ни права говорить от лица пролетариата в целом — ни по духу, ни по числу.

5. Ему дает «преобладание» — во-первых, разрушительная и демагогическая *волевая идея* («революционный социализм»); во-вторых, *организационная сплоченность*; в-третьих, *безволие, безыдейность и распыленность других классов*.

РЕДАКЦИЯ

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Стихийно возрастала тяга народная к школе в последние предвоенные десятилетия. Бесперывно ширившаяся школьная сеть ломилась под ее напором и все же неизменно оказывалась слишком тесной. То были пышные всходы *пятидесятилетних посевов*; итоги упорной работы друзей просвещения в раскрепощенной России.

Бесперывно, хотя и незаметно, рос русский народный учитель. Количественно и качественно. Это наглядно показал I Всероссийский съезд по народному образованию в Петербурге в декабре 1913 года. Из 7000 добровольных участников на нем оказалось 6000 съехавшихся со всех концов России народных учителей, почему и самый съезд, — прощальный смотр, — получил название «Съезд учителя».

Русский народный учитель, в лице своих руководителей, располагал всеми достижениями заграничного опыта и знаний, до самых смелых и передовых. В то же время участники съезда слишком хорошо отдавали себе отчет в отличии условий русской деревенской жизни от заграничных. И это обсто-

ительство, служа препятствием к использованию педагогического опыта других, огорчало. Вызывало досаду и сетования.

Школ не хватало. Но принятый Государственной Думой закон о всеобщем обучении обеспечивал непрерывный приток нужных на постройку средств. Не хватало книг и пособий. Но и тут условия быстро улучшались, а самый недостаток объяснялся *не столько скудостью притока, сколько стихийностью роста школы*. Чувствовался недостаток подготовки самих учителей. Но навстречу этой нужде шли учительские съезды и поездки. Участились даже поездки за границу и русского народного учителя уже можно было встретить изучающим развалины Акрополя или Римские катакомбы. Не сладко было скудное житее учителя. Но и тут принятый Государственной Думой закон обеспечивал пятилетние прибавки, доводившие жалованье народного учителя до 600 рублей в год.

Все это бодрило. А главное, в русском народном учителе жила *вера в приносимую им пользу*, в свое дело, являвшееся служением идеалам правды и добра. Эту веру и идеалы, — душу русского народного учителя, — передали в наследство последующим поколениям первые учителя-добровольцы, среди которых были граф Л. Толстой, барон Корф (основатель земской школы) и лучшие из учащейся молодежи, увлеченные в 1857—1858 годах преподаванием в воскресных школах. Эту традицию закрепили творцы русской народной школы, у колыбели которой стояли *Пирогов, Ушинский, Рачинский*. Пусть далеко не все из почти стотысячной армии народных учителей были на высоте по своей подготовке и склонностям. Ядро русского народного учительства, определявшее его духовный облик, состояло все же из самоотверженных подвижников просвещения. Особенно выделялась своими педагогическими качествами получившая доступ к преподаванию в народной школе с 1861 года русская женщина, *подвижница по природе*. Чистая и чуткая, беззаветно преданная делу, она стала светильником, направлявшим русскую народную школу по пути, который ей указал Пирогов, когда он предлагал учить ребят — *«Быть человеком!»*.

Советская власть поставила другую задачу. «Быть коммунистом», «классовым» партийцем, шпионом, предателем, — вот чему должна учить народная школа прежде всего. И как бы чувствуя, что старый русский народный учитель на это не способен, она нашла нужным переименовать его в «школьные работники». Отсюда, по всем правилам советского словообразования, вышел знаменитый «шкраб», как теперь зовут школьного учителя. О нем пишет в «Бедноте» учитель из Полтавской губернии так: «Шкраб, раб — народный учитель... У нас называют шкрабов рабами, и, пожалуй, есть много истины в этой игре слов. Учитель наш раб всевозможных начальств, которое платит ему мизерное жалованье и требует много работы. Учитель раб местных «культурно-просветительных» органов, которые «используют» его. Учитель раб неумелых политпросветов, политпереподготовок... Учитель — раб в своей школе с побитыми, поломанными партами, без учебников, без литературы...»

Другой учитель, Черниговской губ. («Красное Знамя»), не получая всю весну и лето жалованья, исчерпав все возможности к поддержанию существования вплоть до пастушества и чтения Псалтиря над покойниками, обратился с просьбой о выдаче содержания, хотя бы частичного. Ему сказали в Нежине, — и это не было плодом уездного остроумия, но являлось официальным ответом на официальное заявление, — буквально следующее: «Теперь вся скотина на пашне, придется и вам до осени побыть на подножном корму, — денег нет...»

На школу у советской власти *денег нет*. Школы не ремонтируются, о новых постройках нечего и говорить. Школа лишена всего самого необходимого. Жалованье учителям, сведенное совсем на нет в пору «интегрального коммунизма», было с нэпом увеличено примерно *до 4 руб. в месяц*. Когда же в 1925 году советская власть решила купить упорно противодействовавшего разложению школы народного учителя, ему обещано было 28 руб. в месяц. Но это осталось на бумаге и сейчас, по самым новейшим данным, жалованье учителям ед-

ва доходит до половины довоенного, и к тому же часто безнадежно запаздывает.

Приниженный, доведенный до крайней нужды, теряющий веру в свое дело, лишенный всяких пособий, народный учитель должен насаждать в школе «Дальтон-планы», к которым, как ко всякой «планетаршине», равнодушна советская власть. А наряду с этим, поставленный под надзор всяких политических соглядатаев, пользующихся детьми для слежки, он обязан учить ребят «быть коммунистами», он должен *содействовать их духовному растлению*.

Поистине ужасна трагедия русского народного учителя, в котором сохранились светлые старые традиции и не умерла воля к противодействию советскому насилию над делом здорового воспитания детей. Только этим упорным и самоотверженным противодействием можно объяснить, что до сих пор еще уцелели в русской народной школе здоровые клеточки и ткани, которые служат залогом ее возрождения при перемене условий. Но еще ужаснее личная драма русской народной учительницы, этой светлой подвижницы, на которую похотливое советское начальство смотрит не иначе, как на доступную наложницу. Сколько случаев диких насилий над нею можно привести даже из советской печати!..

Неудивительно, что все, кто может, бегут от школы, *предпочитая любое занятие учительству*. И, несмотря на громадную нужду в учителях, среди русских народных учителей, по советским данным этого лета, свирепствует большая и длительная безработица.

Так изуродовала советская власть условия работы русского народного учителя, которые перед самой войной быстро улучшались. Одного не смогла эта власть добиться: совершенно убить живой и светлый дух русского народного учителя, растлить и вытравить высокие школьные традиции, которые были переданы ему, как знамя, прежними поколениями строителей великой культурной России.

Б.А. НИКОЛЬСКИЙ

ЧТО ДАЛА РЕВОЛЮЦИЯ РУССКОМУ РАБОЧЕМУ?

Большевицкая революция была не только *политическим переворотом* (захват государственной власти), но и *социальным* (передел имущества) и *коммунистическим* (захват пролетариатом всей частной собственности). Поэтому она, помимо *власти*, должна была дать русским рабочим всевозможные *материальные блага* во всей их полноте. В начале революции именно эти посулы имели решающее значение в глазах одурманенных коммунистической словесностью народных масс.

Коммунизм, уничтожая «капиталистическую эксплуатацию» рабочих, должен был радикально улучшить их материальное положение, как по сравнению с *русским прошлым*, так и по сравнению с современным положением промышленных рабочих *во всем остальном мире*.

Нижеследующие краткие данные, почерпнутые исключительно из советских источников, должны дать ответ на вопрос о том, в какой мере эта цель была достигнута за 10 лет большевицкого господства и экспериментирования над Россией.

Заработная плата. Первые же годы коммунистического хозяйничанья привели к тому, что заработная плата русских рабочих при «военном» (т. е. последовательно и сурово проводимом) коммунизме упала до уровня, какого она *никогда еще не достигала ни в одной капиталистической стране*. В январе—марте 1921 года она равнялась в среднем 13% довоенной платы (3 руб. 36 коп. в месяц в так называемых бюджетных рублях, из которых 23 коп. деньгами, остальные натурой)*.

В последующие годы, по мере того, как большевики под давлением хозяйственной необходимости отказывались от демагогической *болтовни в стенах своих предприятий*, заработная плата постепенно росла.

Этот рост — по сравнению с средней довоенной платой промышленного рабочего и с учетом *покупательной способ-*

---

* Ср.: Ковалевский. 10 лет экономической политики пролетариата. «Плановое хозяйство». 1926. X. С. 27.

ности червонного рубля (*реальная* заработная плата) — советская статистика изображает следующим образом*:

Заработная плата (месячная) в % к 1913 году:

1913	100,0
1922/1923	49,2
1923/1924	67,1
1924/1925	82,6
1925/1926	93,7
1926/1927 (1-е полугодие)	100,0

Итак, по данным самой советской статистики, *потребовалось 10 лет* для того, чтобы довести заработную плату русских рабочих до уровня, на котором она находилась в пору — с точки зрения большевиков — *«злейшей» эксплуатации русских рабочих частной промышленностью*. В то же время сами большевики признают, что в большинстве капиталистических стран Европы и Америки *реальная* заработная плата промышленных рабочих *повысилась* по сравнению с довоенным временем.

Но и эта заработная плата оказывается для коммунистических хозяев русской промышленности экономически *непосильной*. Отсюда постоянные разговоры о том, что рост заработной платы угрожающе обгоняет плановые предположения; отсюда же хронические задержки выплаты заработной платы и т. п.

Рабочее время. Если «мы» и не могли еще поднять заработок русского рабочего выше довоенного, — говорят большевики, — зато мы одни во всем мире осуществили 8-часовой рабочий день. Официальная статистика даже указывает, что средний рабочий день в промышленности СССР составлял в 1926 году *7,6 часа в день*.

Но в эту среднюю не включены *сверхурочные работы*, массовым применением которых большевики обходят 8-часовую норму. В своем докладе на IV пленуме ВЦСПС (Всесоюзного

---

* Рабинович. Движение зарплаты и производительности труда. «Экономическая жизнь». № 179 (9 августа 1927 г.).

Центрального Совета Профессиональных Союзов) Каплун сообщил следующие сведения о применении сверхурочных работ на Украине в 1926 году (по отчету «Труда», № 132, 10 июня 1926 г.):

«На Украине по всем производствам в марте т. г. 30% рабочих работали сверхурочно и на каждого приходилось в месяц 28 сверхурочных часов. По металлургии сверхурочно работало 70% всех рабочих и на каждого рабочего приходилось 40 часов. *Положение явно неблагоприятное*».

О широком применении сверхурочных работ имеются также данные по горной промышленности («Вопросы труда», март 1927 г., стр. 86—88), причем автор статьи указывает на то, что кроме «официальных» сверхурочных работ на советских фабриках и заводах широко практикуются и «неофициальные» сверхурочные работы, никакой статистикой не регистрируемые: «такие замаскированные сверхурочные работы, являясь по существу наихудшим видом сверхурочных работ, статистическим учетом не охватываются. Поэтому цифры, приведенные выше, *нужно считать преуменьшенными*».

Несмотря на то, что, по признанию самих большевиков, 8-часовой рабочий день на практике не был еще везде проведен, советская власть объявила в юбилейном октябрьском манифесте о предстоящем введении в СССР 7-часового рабочего дня (для промышленных рабочих). Истинные мотивы этой меры были двоякого рода. Во-первых, как это явствует из речи, произнесенной Рыковым в Харькове на съезде украинской коммунистической партии («Экономическая жизнь», 26 ноября 1927), сокращение рабочего времени и связанный с ним переход от работы на две смены к работе на три смены должен был явиться средством поглощения хотя бы части той массы безработных, которая доставляет все больше забот советской власти. Во-вторых, проведением этой меры преследовалась цель оживить стынувшие симпатии европейских рабочих к коммунистической диктатуре в России, хотя при этом большевики не скрывали от самих себя, что практическое проведение этой демагогической меры связано для них с

целым рядом затруднений финансового и иного свойства (отсутствие квартир для третьей смены, там, где она должна быть введена). Об этом прямо заявил известный коммунист Манцев, председательствовавший на посвященном этому вопросу собрании в Москве 1 декабря 1927 года: «Семичасовой рабочий день, прежде всего, является лозунгом в борьбе рабочего класса. Проводимый у нас практически, он *вызывает большие симпатии в пролетариате Запада...* Практическое же осуществление у нас 7-часового дня, конечно, встречает большие затруднения» («Экономическая жизнь», 2 декабря 1927 г.).

Первый опыт проведения 7-часового рабочего дня на 16 текстильных фабриках московского района, произведенный в январе 1928 года, показал, насколько значительны эти затруднения, и уже через несколько дней народный комиссар труда Шмидт должен был заявить, что *«опытом этих нескольких предприятий надо ограничиться в текущем году»* («Труд», 21 января 1928 г.). Таким образом, практическое проведение этой демагогической меры откладывается, по-видимому, на неопределенное время.

Несчастные случаи. Хотя большевики и утверждали всегда, что частная промышленность не принимала достаточных мер для охраны жизни и здоровья рабочих, но в коммунистической промышленности число несчастных случаев (считая на 1000 занятых рабочих) больше, чем в дореволюционное время; и, кроме того, оно обнаруживает тенденцию к росту — по мере того как все более изнашивается так «дешево» доставшееся большевикам в наследство от буржуазного строя оборудование фабрик и заводов. Каплун в статье «Охрана труда и рационализация производства» («Экономическая жизнь», № 104, 11 мая 1927 г.) приводит следующие поквартальные данные: «Третий квартал 1925 г. давал на 100 000 проработанных человеко-дней в среднем 30 травм с утратой трудоспособности; четвертый квартал — 32,5; первый квартал 1926 г. — 38,8, второй квартал — 45, третий квартал — 46,3, а четвертый — 48,0. Таким образом, мы видим, что за 1½ года число учтенных несчастных случаев возросло примерно в 1½ раза».

Жилищные условия. В области жилищных условий коммунистическая власть наиболее наглядным, осязательным образом улучшила, казалось бы, условия жизни рабочих в смысле всеобщего «поравнения»: дома были «национализированы» или муниципализированы; с рабочих, как с привилегированного класса, взималась относительно ничтожная квартирная плата; кроме того, из десятков тысяч домов были выселены (или уплотнены «до отказа») их прежние «буржуазные» обитатели и на их место вселены были рабочие.

Результат этого «квартирного передела» был один и тот же и для старых и для новых рабочих жилищ: вследствие отсутствия ремонта и ухода — дома стали разрушаться и *жилищная площадь на одного рабочего уменьшаться*. Большевики считают минимальной «санитарной» жилищной нормой 8 кв. м на человека. Между тем фактическая средняя жилая норма по городам СССР составляет всего 6 кв. м на человека. Это — в среднем; в отдельных же случаях она уменьшается до «гробовой нормы» (выражение, принятое в советской печати).

Большевики разрабатывают грандиозные планы строительства рабочих жилищ. Но произведенные ими разрушения таковы, что они сами признают, что даже при условии осуществления разработанного ими пятилетнего плана жилищного строительства (т. е. при условии, как показал опыт, весьма маловероятном) — *жилищная нужда в русских городах может только ухудшаться*. Вот что писали об этом недавно московские «Известия» (П. Кожаный. «Борьба за здоровое рабочее жилище», № 148, 2 июля 1927 г.):

«Для сохранения жилой нормы в 6 кв. м (вместо санитарной 8 кв. м) пришлось бы в течение нынешнего пятилетия израсходовать не менее 4½—5 миллиардов рублей. По пятилетке Госплана СССР на рабочее жилищное строительство в течение этого пятилетия (1927—1931) может быть отпущено 2290 млн. руб. Ясно, что в ближайшие годы нас ожидает дальнейшее уменьшение фактической душевой жилнормы».

Если денежная заработная плата советского рабочего, по ее покупной способности, и приближается к дореволюци-

онной, то это возможно было до сих пор только благодаря тому, что рабочие почти ничего не платят за свои квартиры, ибо «расходы на квартирную плату составляют в среднем по СССР около 4% всего бюджета трудящихся» («Правда», № 178, 7 августа 1927 г.). Это важно запомнить, это значит, что если бы большевики установили квартирную плату, *соответствующую расходам* по содержанию и восстановлению домов, т. е. *прекратили бы проедание и расхищение доставшегося им нового капитала*, то автоматически понизилась бы на 20—25% реальная заработная плата.

Безработица. Растущая безработица представляет собою в полном смысле слова язву советского хозяйства. Дореволюционная Россия не знала безработицы как массового и хронического явления. Быстро развивавшаяся промышленность в период 1900—1914 гг. с легкостью поглощала избыточное население деревни. Не то теперь. «Безработица — это огромное зло, которое большой тяжестью висит на нашем государстве», — говорил Куйбышев в своем докладе XV партийной конференции. Тот же коммунист правильно определил в своем докладе основную причину этого роста безработицы: «Наша безработица объясняется земельным перенаселением, объясняется тем, что новые и новые кадры выталкиваются из деревни, благодаря происходящему там расслоению, благодаря тяжелому положению, в котором находится крестьянство вообще».

Да, советская безработица — это *нашествие на город избыточного сельского населения*.

Эта армия безработных непрерывно растет и насчитывает сейчас круглым числом *1,5 млн. человек* (на 1 октября 1926 г. — 1 070 000, на 1 мая 1927 г. — 1 428 000, см. «Правда» от 7 июня 1927 г.).

Если к осени 1927 года безработица «зарегистрированная» несколько сократилась, то это отчасти является следствием «некоторых ограничений регистрации в отношении впервые ищущих труда», введенных с весны 1927 года и имевших целью ограничить прилив новых безработных из деревни (см.:

Я. Гиндин. План борьбы с безработицей на 1927—1928 годы. «Правда», 23 октября 1927 г.).

Как же обеспечивает коммунистическая власть эту массу безработных, которых она бессильна занять производительным трудом? В своих демагогических выступлениях за пределами СССР (например, на состоявшейся в мае 1927 года в Женеве мировой экономической конференции) большевики неизменно выставляют *для других* требование о том, чтобы безработные были обеспечены пособиями: 1) *все*, 2) *в размере полного среднего заработка*.

Это мерка для других. Но сама советская власть далека от осуществления у *себя* этих требований.

Во-первых, пособие по случаю безработицы получают *менее половины* зарегистрированных безработных (а это еще далеко не все). Из зарегистрированных на 1 мая 1927 г. 1 428 000 — пособие получали около 600 000 («Правда», 7 июня 1927 г.). По другим данным эта пропорция еще меньше. Из числившихся в ноябре 1926 года 1 254 000 безработных на пособия составляло всего 330 500 (см.: Минц. Современное состояние безработицы в СССР. «Статистическое обозрение», 1927 г., март, с. 33).

Во-вторых, меньшинство безработных, получающих пособие, далеко не получает его в размере полного среднего заработка. В начале 1927 года безработные были разделены на 3 категории: I категория получает 33% среднего заработка, II — 20% и III — 20% («Известия», 2 апреля 1927 г.). В червонных рублях средняя норма пособий составляет 18 руб. (в месяц) по первой категории и 12 руб. — по второй.

Кроме принимающей все более грозные размеры безработицы большевикам приходится считаться с *небывалой текучестью рабочего состава*. Происходит непрерывное переселение рабочих с одного завода на другой. «На некоторых заводах Донецкого бассейна состав рабочих в течение одного года обновлялся *три раза*» («Экономическая жизнь», 16 августа 1927 г.). На заводах Югостали «в мартеновских цехах некоторых заводов в течение 5 месяцев состав рабочих *менялся три раза*» («Экономическая жизнь», 27 августа 1927 г.).

Это массовое пролетарское *бродяжничество* свидетельствует, с одной стороны, о неудовлетворенности русских рабочих под советским игом, об их попытках постоянной переменой места работы улучшить свое положение. С другой стороны, оно является лишним подтверждением того, что в огне «пролетарской» революции погиб и рассеялся старый класс опытных, квалифицированных рабочих, сравнительно оседлых, обладавших также известными *традициями* и навыками, которых нет у молодежи коммунистического набора. Словом, подтверждаются слова Дзержинского, сказанные им больше года тому назад в его предсмертной «исповеди»: «у нас исчерпался запас квалифицированной рабочей силы, и мы сейчас стоим вплотную перед необходимостью его восстановления».

Революция, произведенная под знаменем «рабоче-крестьянской власти», не только растратила доставшиеся ей капиталы, не только хищнически растратила жилищный фонд, она *«растратила» русского рабочего.*

В.Ф. ГЕФДИНГ

ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(Исторические материалы)*

1. Если ты ведешь политическую борьбу за поработленную Родину, и эта борьба заставляет тебя совершать поступки, которые твой враг признает политическими преступлениями, то ты должен *заранее подготовиться* к тюрьме, ссылке и, может быть, казни. Готовиться после ареста будет поздно; все должно быть продумано и предусмотрено заранее.

---

* Этот документ был доставлен в редакцию нашим сотрудником при письме:

«Милостивый Государь, г. Редактор!

На днях мне переслали нижеследующую, циркулирующую по рукам записку. Не признаете ли возможным напечатать этот интересный документ в качестве исторического материала, столь характерного и поучительного для переживаемого нами трагического времени? Привожу его в копии.

С истинным уважением

Старый Политик».

2. С самого начала и до конца помни, что арест и тюрьма не только не освобождают тебя от необходимости соблюдать все правила конспирации, но *усугубляют эту необходимость*. На воле подбор людей — случайный; а в тюрьме — и тюремщики, и заключенные присутствуют *не* случайно. Тюремщики прямо *обязаны* сообщать о тебе все, что обнаружится. Среди арестованных же всегда имеются и неопытные обыватели, и легкомысленные болтуны, и малодушные перебежчики (тщательно скрывающие свою «эволюцию»), и искусно притворяющиеся, мнимо-арестованные агенты.

3. Поэтому *никогда никому* не рассказывай в тюрьме настоящих причин и оснований твоего ареста. Не предавайся дешевому тщеславию; не хвастай; как бы ни был «симпатичен» твой сосед, — не признавайся ни в чем, не откровенничай, не изливайся. Будь спокоен и уравновешен. Молчи о твоём деле и сочувственно слушай, что говорят другие: скоро вся камера придет к тебе с рассказами и за утешением. А ты будь осторожен до конца.

4. Пока ты сидишь в общей камере, — старайся незаметно создать вокруг себя атмосферу корректности, справедливости, чести, организованности. Не подчеркивая, дружелюбно, но твердо — организуй и воспитывай. Никогда не раздражайся; ни с кем не ссорься. Подбери себе двух таких же соседей и создай моральный и физический авторитет в камере. Через несколько дней все будут вас во всем слушаться. А ты продолжай блюсти неподчеркнутую замкнутость.

5. Арестованные всегда томятся: обстановкой, вынужденным безделием и беспокойными мыслями. Помоги им держать хребет и создай им живое отвлечение. Организуй час утренней уборки; час вольной гимнастики; час послеобеденной тишины; час портняжной взаимопомощи; час общеобразовательных лекций (лучше *не* на общественно-политические темы); если возможно — час хорового пения (хотя бы вполголоса). Непременно проведи систему раннего ложения («необходимо беречь нервы!») и час молитвенной тишины перед сном. Проведи волевого, тактичного, честного старосту. Никого не

понуждай: быстро вовлекутся сами. И новые сами будут при-
мыкать. Самые свирепые сторожа быстро начнут уважать вас
(их победит инстинкт порядка). Весь этот дух камеры быстро
обозначит *мнимо-арестованных*: изолируй их, не оскорбляя; и
они скоро уберутся сами.

6. Не пиши ничего конспиративного из тюрьмы на волю;
перехваченная записка есть неопровержимая улика против
тебя и против адресата. Передавать можно только устно; и то
через людей абсолютного доверия и конспиративной опы-
тности. Неосторожные письма погубили не одного борца.

7. Заранее внутренне приготовься к долгому одиночному
заключению, суровому — без передач, без свиданий и без де-
нег. Для этого научись подолгу молчать и изживать душевные
муки и смятения *не в беседах, а наедине с собою*. Ничто не по-
может в этом так, как ежедневная молитва.

8. Одиночное заключение содержит в себе пытку *про-
странством и неподвижностью*. Тебе поможет легкая воль-
ная гимнастика (аккуратно два раза в день, по полчаса, не
до утомления) и дыхание (система Кофлера: лежа на спине,
с вытянутыми руками и закрытым ртом, дыхание через нос
до наполнения легких, выдыхание через сжатые зубы на букву
«с-с-с»; то и другое *как можно медленнее*, с перерывами, при-
бавляя каждый день).

9. Одиночка есть пытка *бездействием*. Создай себе внут-
реннюю занятость: читай наизусть любимых поэтов.; сочиняй
сам стихи, хотя бы плохие; решай математические и шахмат-
ные задачи; отыскивай ко всему родовые и видовые понятия;
делай мнемонические упражнения (только легкие). Особенно
же: ищи самые чистые моменты твоей жизни и живи в них во-
ображением и чувством; подолгу пребывай мыслью с твоими
любимыми Святыми и героями; укрепляйся в мысли о бес-
смертии твоей души и о существенной реальности духовного
начала; постоянно, до самозабвения, уходи мыслью в благодать
Божию, в священное естество России и в бесконечность все-
ленной. Тогда ты быстро научишься совсем не смущаться при
мысли о смерти и казни.

10. Научись заранее обходиться без *курения*; иногда курильщики, умные и честные люди, бывают готовы на всякое унижение из-за папиросы. Только внутренняя сосредоточенность поможет тебе легко переносить муки *голода*: вспомни великих постников и отшельников.

11. В одиночке к тебе придут *соблазны*. Первый соблазн *страха*: воображение начнет рисовать тебе твои опасности (сцены погони, допроса, казни) — бывшие и будущие, возможные и невозможные, заставляя тебя все снова и снова «бороться» и «одолевать», как в кошмарах. Останови эту болезненную игру усилием воли: мания преследования таит в себе для многих сладкую отраву; она может совсем разложить твою душу; не поддавайся ей. Дай воображению другую пищу. Не пытайся предпрешать своих ответов на допросе: в нужную минуту ответы придут сами. Отдай на волю Господа и жизнь свою и ее срок; и страх исчезнет.

12. Второй соблазн *самоосуждения и сомнения в избранном пути*: ты увидишь тактические ошибки, сделанные тобою в прошлом, они покажутся тебе «роковыми», чуть не «преступлениями»; отсюда родится тоска о том, что ты, может быть, уже «погубил кого-нибудь», смятение и сознание, будто ты «не должен был ввязываться в борьбу». Оставь это мнительное малодушие: оно есть действие не совести, а *страха* и *утомления*. Не ошибается только тот, кто не действует; бездействующий же совершает не ошибку, а преступление. Ошибки стоит продумывать не для самотерзания, а только для того, чтобы их больше не делать. Бог видит огонь твоего сердца и твоей воли; а Родина не судит твои ошибки.

13. Третий соблазн *искренности*. Тебе, может быть, придется лгать на допросе, и эта ложь может показаться тебе *трусостью* и *унижением*: вспыхнет искушение открыто «во всем» сознаться. Не поддавайся этому соблазну: врагу твоей Родины ты не повинен ни откровенностью, ни искренностью; крепко зажди в душе чрезмерную впечатлительность; помни, что ты обороняешь не себя, а *дело*; будь прозрачен перед Богом и совестью — и загадочен перед лицом врага; в случае же неуда-

чи — предоставь «изобличающему» тебя следователю его дешевое торжество. Спокойно и мужественно обороняй Родину вынужденною ложью.

14. Четвертый соблазн — *компромисс*. Его предложат тебе враги, уговаривая и угрожая; обещая «помилование» и «спасение»; доказывая тебе твою мнимую неправоту и изображая свою силу, свою *идейность* и свою *справедливость*. Не верь им; им надо вовлечь тебя в предательство, унижить, использовать и морально раздавить; а в случае нужды они все-таки убьют тебя, компромисс есть *договор*; а тебя увлекают обманом в покорность и гибель. Компромисс есть *взаимная* уступка: а тебя увлекают в одностороннюю сдачу. Обманешь ли ты шулера, который даже не скрывает своего шулерства? Что можешь ты «уступить» ему из дела твоей Родины? Спокойно держись до конца; ясно и твердо смотри в глаза врагу. Все в воле Божией.

15. Если вернешься с допроса в одиночку измученный — не делись ничем ни с соседями, которые начнут перестукиваться с тобою, ни с новым «сожителем», которого внезапно подсадят к тебе в камеру: это навверное шпион. Одинокó береги свою тайну. У тебя есть исходы: молчаливая молитва и тихие ночные слезы (закройся с головою!) облегчат твою душу.

16. Если тебя будут подвергать душевным пыткам — подолгу держать под револьвером, водить на расстрел и не расстреливать, убивать других в твоём присутствии, оставлять тебя в мертвецкой с трупами и т. д. — то, вернувшись в одиночку, дай полную волю слезам, стонам и крику: душевное потрясение ломит тебя, если ты его не изживешь. Но помни, что только способность к высшим молитвенным напряжениям (до экстаза) может обеспечить тебе духовную победу в этих испытаниях.

17. В предвидении всех возможностей — заранее изучи яды: их *добывание*, их *хранение*, их *действие*: в любой момент тюремного заключения ты должен быть *властен и над своею смертью*.

Копию снял

СТАРЫЙ ПОЛИТИК.

РЕВОЛЮЦИЯ И ВЫХОД ИЗ НЕЕ

(Для памяти)

О, этот век, воспитанный в крамолах,
Век без души, с озлобленным умом!

Ф.И. Тютчев

С прекращением страха Божия начинается разнуздание
всех страстей и господство такого образа мыслей, который за-
топит мир потоками крови.

Лейбниц

Люди наших дней рождены для порицания: от всего Ахил-
леса они видят одну лишь пятую.

Эбнер-Эшенбах

Все разрушать и все опорочивать — легче, чем самому соз-
давать что-нибудь положительное.

Бисмарк

Добрые болтуны, неряхи словесные!.. Вы хуже негодяев,
вреднее.

Лесков

Каждое сословие имеет свою чернь.

Граф В.А. Соллогуб

Никто не судит с такою резкостью, как необразованный;
он не признает ни доказательств, ни опровержений, и вооб-
ражает, будто он всегда прав.

Фейербах

Полунаука, самый страшный бич человечества, хуже мо-
ра, голода и войны, неизвестный до нынешнего столетия. По-
лунаука — это деспот, каких еще не приходило до сих пор ни-
когда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, перед
которым все преклонилось с любовью и с суеверием, до сих

пор невыносимым, перед которым трепещет даже сама наука и постыдно потекает ему.

Достоевский

На допросе он нес свой вздор и выставял себя предтечей других, сильнейших и грозных новаторов, которые, воспитываясь на ножах, скоро придут с ножами же водворять свою новую вселенскую правду.

Лесков

Мы сделаем такую смуту, что все поедет с основ... Рабы должны быть равны... Не надо образования, довольно науки!. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство... Одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь — вот чего надо! А тут «еще свеженькой кровушки», чтобы попривык... Я мошенник, а не социалист... Мы провозгласим разрушение... Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал...

Достоевский

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет,
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать;
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек.

Лермонтов

Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды
И злоба, и корысть!..

Пушкин

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый...

Пушкин

От лихих гостей
Нет нам обороны,
На главах у нас
Черные вороны...
На главах у нас,
Затмевая звезды,
Галок стаи вьют
Поганые гнезда...

Ой, орел, орел,
Наш отец далекий!
Опустися к нам,
Грозный, светлоокий!
Ой, орел, орел,
Внемли нашим стонам!
Доле нас срамить
Не давай воронам...

Граф А. К. Толстой

Если мы сплотимся, то мы выбьем и дьявола из ада.

Бисмарк

Собором и черта поборем.

Русская пословица

Спасти русских могут только русские.

*** <И.А. Ильин>

Честно служи твоему веку; но никогда не служи злему гению твоего времени.

Лафатер

Что самому воровать, что вору стремянку держать — одно.

Русская пословица

Важнее всего того, что ныне наполняет мир шумом, было бы вот что: вновь пробудить народ ко всему доброму и прекрасному, к верности и усердию, к чувству родины и отечества.

Розеггер

Что нам теперь нужно, как хлеб насущный, — это царственное настроение ума.

Лиэнхард

Спасение от гражданской войны — в забвении.

Публий Сириец

Справедливая реформа и прямодушный образ действий — вот наилучшая политика.

Завалишин

Надо открыть дорогу таланту... — это действительно истина, даже полная истина. Только этим может завершиться революция.

Карлейль

По путям жизненных бед и ужасов Господь ведет нас к новому порядку вещей. Нельзя вернуть события назад. Вперед же! И пусть рухнет все то, что не может более стоять.

Пертес

Живите, государи мои, люди русские, в ладу со своею старою сказкою. Чудная вещь — старая сказка! Горе тому, у кого ее не будет под старость.

Лесков

ОТВЕТЫ РЕДАКЦИИ

Среди тех, кто остался в России, есть много именно таких, которые «сознательно готовились к подвигу», и еще больше таких, чья жизнь сама развернулась в подвиг, помимо их изначального намерения; есть такие, которые действительно вначале «струсили», а потом окрепли и утвердили свою верность России; есть множество религиозных исповедников, гонимых за веру. Именно к ним, к тем, кто любит Россию, обращена статья «Вы наши братья» («Русский Колокол», № 2). Есть героизм активный; хвала ему! Но есть героизм мученический и исповеднический; позволительно ли христианину забывать об этом? Мученик не должен порицать меченосца; это была бы сентиментальная фальшь. Но позволительно ли меченосцу хулить мученика? *Нет* в жизни единого и единственного пути для служения и для борьбы. Меч не каждому по силам; и если бы «тогда» ушли «все», т. е. и те, кому меч не по силам, то белые армии оказались бы только перегруженными небоеспособным и изнемогающим человеческим материалом. — Но к обывателю, как таковому, и к предателю, как таковому, эта статья совсем и не относится.

Н. В. Ш. в Нище. К. С. в Люцине

Строя организацию, нельзя доверять «всем»; но нельзя и «никому» не доверять. Необходима осторожность; но такая, которая не обижала бы и не отталкивала бы людей. Вновь принимаемый должен непременно проходить период *неподчеркнутой испытваемости*, например, *обязательный для всех* стаж «члена соребнователя». Вы правы: мы живем в эпоху обостренного взаимного недоверия. Но тем необходимее, тем драгоценнее установить *кадр безусловного взаимного доверия*. Надо учиться распознавать людей. Наш журнал вернется еще к этому.

В. П. Ferrière aux étangs

Мера собственности должна быть *творческою*, т. е. она не должна быть ни слишком малою (например, ничтожный клочок земли, на котором нельзя вести интенсивного хозяйства), ни слишком большою (например, огромное лесное хозяйство, непосильное для частного владения и потому лежащее втуне). В каждой стране есть *своя* мера собственности, необходимая для хозяйственного цветения. — Ранг должен быть не только *справедливым* (т. е. соответствовать способностям и заслугам), но и *подвижным*, т. е. открытым *всякому* достойному (отрицание кастовых и сословных награждений), и открывающим ему перспективу *честного восхождения*. — Каждый «инородец» в России может стать и быть *русским*, нашим верным братом и соотечественником. Для этого он должен только поставить свою *русскость* выше своего *расового, племенного и провинциального* самочувствия, эта формула такова: «я — русский; и притом — армянин». Но не такова: «я — армянин; и свои армянские дела недурно обделываю в России».

А. Б. Болгария. Мина Перник

РЕДАКЦИЯ

№ 5

Часть I

Великий духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В этой духовной стихии исчез и обновился мир.

Греческое вероисповедание, в отличие от всех прочих, дает нам особенный национальный характер.

Гордится славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие.

Россия слишком известна русским.

Клянусь вам моей честью, что я ни за что не согласился бы ни переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какую нам послал Господь.

А.С. Пушкин

О ГЕРОЕ

Светлой героической памяти
Петра Николаевича Врангеля

Мы знаем, мы хорошо знаем, что нужно нашей Родине. России нужен *герой*, за которым радостно пойдут все сильные, все благородные и верные; пойдут служить, спасать и строить, забывая о себе и памятуя только о всенародном деле. России нужен могучий человек, *рожденный для властвования*; зоркий, как орел; благородный, как совесть; свободный, как

вдохновение. Вождь, призванный к единоначалию, способный к непререкаемому велению; с государственной мудростью и гениальной шпагою. В этом исход: это необходимая и драгоценная *форма* всероссийского спасения и возрождения; и доколе она не создается и мы не будем готовы влиться в нее, — дотоле будет тянуться партийная суетня, то злодейская до неистовости, то безвольная до преступности.

Напрасно думать, что время героев и героизма прошло безвозвратно; оно не прошло и не пройдет никогда. Не истощились и не истощатся силы Божественной благодати, посылающей людям свои дары мерою щедрою, но неравною; и пока длится человеческая история, до тех пор силою вещей будут выдвигаться великие люди, отмеченные духовными дарами и энергией и призванные нести общее бремя. Так всегда было, так всегда и будет; и в этом законы истории неизменны и непреходящи.

Люди неравны от природы: им дается неодинаковая *воля* и неодинаковая *прозорливость*. Бессмысленно и губительно — подчинять волевого безвольному; нелепо и вредно — давать им в жизни одинаковый вес. Суждения близорукого и прозорливого неравноценны; и нельзя требовать от зрячего, чтобы он шел за слепцом. Нелепо думать, что слепцы сумеют найти прозорливого, «выбрать» его и подчиниться ему: не найдут — ибо слепец совсем и не знает, что такое прозорливость, и не верит в нее; а если случайно найдут, то замучают или растерзают его из зависти и злобы. Люди неравны от природы; и это неравенство *обязывает более сильных и более зорких к ответственным выводам, решениям и поступкам.*

Но люди неравны не только от природы: они отличаются друг от друга по своему *нравственному уровню* и по своим *целям*. Не может трус вести храброго; не может совестный подчиняться бессовестному; беда, если подлецы поработят благородных; но вести призван тот, *у кого личная страсть насыщена всенародным делом.* Бессмысленно ожидать, что трусы и жадные сумеют и захотят выдвигать доблестных; напротив, они всегда будут готовить им гибель — клеветою, интригою

и предательством. И это возлагает совершенно определенные *обязанности* на всех более честных и верных родине.

Героический вождь всегда дается народу свыше. Он является «всегда точно молния с неба» (Карлейль). Но для свершения своего дела он должен быть еще *узнан, принят и возведен*. И вот, если что-нибудь оскудело в человеческой истории, то не таинственная и благодатная сила природы, дарующая народу героя и вождя, а способность толпы узнавать величие чужой души и готовность негероев радостно подчиняться герою. Современный человек толпы развеивает и растрчивает лучшие силы своей души: веру в Бога, инстинкт национального самосохранения, вкус к духовному качеству, чувство своей личной ограниченности. Он самоуверен и притязателен; он плоскодум; он верит в химеру равенства; он убежден, что количество выше качества. Дар Божиею милостью не трогает его пошлой души; повиновение «лицу» кажется ему унижением; он предпочитает льстеца вождю; и самую рабскую из своих черт — неспособность преклоняться перед духовным величием — он принимает «за чувство внутренней свободы». Он идет мимо героя и не видит его; а если узнает о нем, то встречает его хулою и злобою. Душа его опустошена и бесплодна; и потому она корыстна и продажна. И всеобщее голосование ведет лишь к сложению двусмысленных нулей.

Герой — не Бог, а человек. Правда, он силен сверхчеловечески; но он не всемогущ; и действие его подчинено законам природы, общества и истории. И если его народ одержим бесом глухим и немым; и если окружающая его «общественность» болеет праздным честолюбием и жалким, демократическим сомнением, — то самые великие и вдохновенные напряжения его не дадут плода и лишь превратят его жизнь в муку и скорбь. Народ должен *принять* героя; его зовущий голос должен быть услышан, понят и почувствован. Воля героя, — как некая горящая купина; но горение ее должно передаться другим и охватить всех. Прозорливость его безошибочна и спасительна; но она нуждается в доверии и повиновении. Дела его — подобны его совести; но они нуждаются не в инсинуации и не в клевете...

В человеческих делах есть таинственная сила — *личной веры* в вождя и *личной любви* к нему. Не всякий, в кого люди верят, силен; и не всякая любовь вдохновляет того, к кому она направлена. Но человеку с сильной и ведущей волей необходимо личное доверие для того, чтобы он мог развернуть все сокровища и все возможности своего духа. Оно необходимо ему не столько для того, чтобы укрепить его веру в его собственные силы — ибо у призванного вождя эта вера бывает почти всегда на уровне его реальных, великих сил; — сколько для того, чтобы душа его почувала весь раскрывшийся ей необъятный простор общественного созидания и ответила на это всею полнотою доступного ей напряжения. Доверие заряжает волю вождя; повиновение — несет ее к победе. Доверие и повиновение превращают его в живой, творческий центр страны; они как бы удесятворяют его силы и извлекают из его воли лучи неизмеримого напряжения и неопишуемой значительности. А вырастающая из этого *личная любовь* к вождю дает ему ту творческую уверенность, то удовлетворенное равновесие, которое необходимо ему для того, чтобы окрылилось и углубилось его вдохновение.

В этом таинственном процессе духовного заряда и разряда вождь, — кто бы он ни был: полководец, правитель или монарх, — срастается со своею страной в *великое и вдохновенное единство*; и единение это оказывается тем более жизненным и плодотворным, чем более *искреннего доверия и волевой преданности* вождь встречает на своем пути. Напрасно люди рассудочные, слепые и завистливые пытаются противопоставлять вождя народу и уверяют, будто его власть покоится на «узурпации», будто он «деспот» и «тиран». Петр Великий не противостоял России, а носил ее в себе и нес на своих плечах ее историческое бремя; и лучшие русские люди его времени, служившие ему за совесть, были не «его холопами», а подлинными слугами и строителями *России*. Армия, обожавшая Суворова и всегда бестрепетно ходившая с ним на смерть, состояла не из униженных рабов, а из русских людей, *возвысившихся* до волевой преданности Родине и ее гениальному полковод-

цу. И русскую культуру творили не подпольные убийцы Царя Освободителя, «отвергавшие» «личное начало» и подготовлявшие *революционную диктатуру*, а те мудрые и преданные слуги России, которые умели служить Родине, служа Царю, и которые дали миру реальное и вечное доказательство того, что *единовластие — не враг культурной свободы*.

Преклонение перед благородной и сильной волею героя и вождя — *не унижает душу, а возвышает ее*. Унизительно пресмыкание, а не доверие; позорна лесть, а не преданность; отвратительна интрига, а не прямое и честное служение. Но прямое и честное служение совсем не требует ни слепоты, ни тупой покорности, ни отказа от внутренней, духовной свободы; напротив: ведущий ждет от ведомых *разума и совета; честной идейности и мужественной правды; служения за совесть*, а не бессовестного и раболепного прислуживания. Истинный вождь есть мастер и *художник власти*; он не покушается ни на чью внутреннюю свободу, но только полагает конец честолюбивой болтовне и ненасытному партийному и личному интриганству. Свобода не в политическом разнуздании, а в верности своим убеждениям; и не в отсутствии подчинения и обязанностей, а в незыблемости личных прав. И раб не тот, кто умеет служить за совесть и повиноваться с достоинством, но тот, кто при слове «вождь» уже яростно трясет воображаемыми цепями, и в ком *геройство Божией милостью* вызывает лишь зависть и злобу...

Герой нужен России: *верный Ей художник власти!* Человек, который не колеблется, не приспособляется и не бежит навстречу событиям; но заранее, издалека предвидит эти события и лепит из них свое будущее служение. И власть идет к нему сама, как музыка к вдохновенному музыканту, как стихи к великому поэту. России нужен *могучий слуга*, который призван *служить властью*; который видит зраком орлим и ведет дланью мощною и бестрепетною; который сам горит и потому других зажигает; в котором живет пафос государственной прозы и национальная идея, способная овладеть нашей исторической трагедией.

Такой человек необходим России и он будет ей дан: если не теперь, то позднее. А нам, в ожидании его и в предвидении его, нам надлежит готовить свою зоркость и свою *совесть* для того, чтобы распознать его и встать вокруг него несокрушимою, верною стеною. Ибо «одно из двух: или мы научимся узнавать истинных героев и вождей, взирая на них; или же нами неизменно и навеки будут управлять негеройские люди» (Карлейль)... те самые, которые для истинного героя имеют одну хулу. Да не будет этого в нашей России!

РЕДАКТОР

ВЕЛИКИЕ СТРОИТЕЛИ РОССИИ

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Русская вера и Русская Церковь слили в «православное христианство», как *единый русский народ*, все, разделившиеся по княжествам и землям-народоправствам, части восточно-славянского населения великой Русской равнины. Эта же вера и эта же церковь дали и идеальную основу единому русскому *национальному государству*, которое ковалось князьями и царями Московскими и которое вылилось в величайшее политическое явление всего славянского мира, получившее имя «*Россия*».

Какое же значение в деле создания национальной России, или, лучше сказать, русской национальной стихии, имел *русский монастырь*? — Русские обители были не только колонизаторами пустых земель, как монастыри цистерцийцев в Центральной Европе, но и очагами, взрастившими русскую народность.

Временем развития русского отшельничества была особенно эпоха татарского ига. В эту эпоху на Руси основалось около 180 монастырей. Пленение Русской Земли «языком, не знающим Бога», совершилось, и ответом народа на укрепление «безбожной», «агарянской» власти было прежде всего развитие религиозного чувства и рост преданности Правосла-

вию, вере отцов, соединявшей все новые и старые поколения русские, живущие и умершие, в единой *русской* Православной Церкви, которой «врата ада не одолеют», как твердо помнил русский человек.

Для защиты нашей веры, бывшей и основой и хранилищем нашей народности, русский народ должен был создать себе ряд оплотов. В них и около них должны были сохраняться и возрастать сокровища его веры и народности. На них он обопрется под игом власти, чуждой Святой Руси, и с помощью этой опоры переживет ниспосланные ему тяжелые испытания. Такими оплотами и были те без малого две сотни монастырей, которые возникли в века татарского ига. А в их ряду первое место занимает Свято-Троицкая обитель, основанная преподобным Сергием Радонежским.

Это место она занимает не только по своему громадному значению для тех сторон жизни, которые поддаются конкретному и осязательному изучению историка, т. е. для общей истории России, для истории монашества, просвещения, православной веры и Русской Церкви. Не меньше ее значение и для тех глубин народной жизни, которые так мало доступны фактическому изучению, — для переживаний души в дни беспредельно-безысходной скорби и бьющей бурным ключом радости, в години счастья и горя-злосчастья, которые переживали в ее стенах и под ее сенью многие миллионы русских людей с середины XIV до первых десятилетий XX века, всех сословий и состояний, от нищего до величайшего богача, от русского страдника¹¹⁹ до русского царя. Все они несли в эту обитель свое горе и свою радость. Все они пролили свои слезы тоски и счастья в старом Троицком соборе у раки преп. Сергия. Все они шли туда с надеждою и верою, моля о помощи, и с теплою благодарностью за нее, молясь за себя и близких, или за всю свою Родину, за общую и единую для них всех, ставшую великою, созданную тяжким трудом и талантом поколений русского народа, Россию.

Кто же был основателем Троицкой обители? — К счастью, о нем наши источники сохранили достаточно полные

и достоверные данные, позволяющие историку совершенно отчетливо обрисовать его личность. Эти данные не только в отрывочных известиях летописи, но и в целом обширном жизнеописании его, составленном его современником и собеседником, иноком Троицкого монастыря Епифанием Премудрым, написавшим также и «похвальное слово» преподобному Сергию.

И, что особенно важно, это жизнеописание, переделанное позднее, дошло до нас не только в переделках, но и в своем первоначальном виде. Этого мало. Сохранился и ряд предметов, которыми постоянно пользовался преподобный Сергей во время своей жизни: богослужебные сосуды и облачения, его келейные иконы-«моленья», служебник, с которым в руках он совершал богослужения, и другие предметы.

Родился преподобный Сергей около 1314 года в имении своего отца, боярина Ростовского княжества. Варфоломей, как звали преподобного Сергия в миру, вместе с двумя своими братьями, старшим Стефаном и младшим Петром, провел свое детство в самой теплой домашней обстановке, которую создали в своей семье его родители, Кирилл и Мария, люди «благородные, благоверные и благочестивые», как их характеризует жизнеописание. Семья живет в полном довольстве. Сыновья были научены грамоте и «книжному почитанию». С раннего отрочества Варфоломей познал сладость молитвы, полюбил ее и нередко целые ночи проводил «со слезами молящегося Богу». Когда ему было около пятнадцати лет, над боярином Кириллом разразилась беда. Новая власть, власть Ивана Калиты, под которую попал Ростов, столкнулась с ростовским боярством. В числе пострадавших от нее был и боярин Кирилл. Он должен был покинуть Ростовское княжество и, разоренный, с семьей, переселился в Радонеж, удел Калинина сына Андрея.

Наступило время жизни в бедности и лишениях для прежде богатой и довольной семьи. Но ее внутренняя семейная теплота от этого не исчезла, и семья по-прежнему была полна взаимных любви и ласки ее членов, помогавших друг другу

нести тяжесть скудной жизни. Оба брата Варфоломея с годами женились и создали свои собственные семьи. Варфоломей чем дальше, тем больше чувствовал себя не в силах бороться со своим стремлением к отшельничеству. Он просит родителей отпустить его «во иноческое житие». Но они ответили: «чадо, пожди мало и потерпи о наю; се бо в старости, паче же в скудости и в болезни есмы, и ныне несть кому послужити нам... токмо послужи нам мало, да егда наю, родителя своя, проводиши до гроба, тогда свою мысль сотвориши; егда нас гробу предаси и землю погребеши, тогда свое хотение исполниши». И Варфоломей «с радостию» дает им обещание не покидать их. Но проходит некоторое время, и вот отец и мать Варфоломея сами постриглись в монашество в Хотькове. Свою часть скудного после них наследства Варфоломей отдал своему женатому брату Петру, а сам, вместе с успевшим уже овдоветь и постричься братом Стефаном, пошел искать «пустыню», где бы поселиться для постоянной молитвы и иноческого подвига.

Не так скоро они остановились в выборе места для своей жизни в сплошном бору, по которому блуждали. Наконец решили поселиться там, где теперь стоит Троицкий Собор Лавры — «сотворша молитву, и начаста своима руками лес сещи, и на раму своею (т. е. на своих плечах) бревна изношаше на место». Сначала устроили себе «кушу и хизину», а затем келью и церквицу. Идут в Москву, к митрополиту Феогносту, просят священников для освящения церкви. Просьба исполнена, и церковь освящена во имя Св. Троицы. Начинается пустынножительство братьев. Кругом дремучий лес, «пустыня» подлинная и суровая. На большое расстояние от поселения отшельников нет никакого жилья. «Отвсюду теснота и недостатки, не имущем ни откуда ни ястия, ни пития, ни прочих, яже на потребу; не бе бо приходяща, ни принося ни откуда, не бе бо окрест пустыни тоя близь тогда ни сел, ни дворов, ни людей, живущих в них». Стефан не выдержал тяжести такой жизни и ушел на Москву, в «градской» Богоявленский монастырь. Варфоломей остался один «в пустыни

безмолвствовати», «един единствовати». Но он стремится к пострижению в монашество, и ему удалось упросить игумена Митрофана прийти к нему для его совершения. Иночество принял Варфоломей двадцати трех лет от роду, 7 октября 1337 года, в день свв. мучеников Сергия и Вакха, и получил в нем то имя Сергия, с которым он затем вошел в состав русской народной святыни как один из основных ее столпов.

Два года преп. Сергий проводит в полном уединении; «един живой, без всякаго человека». Как же он проводит эти два года? Современный ему жизнеописатель об этом говорит: «и кто может сказати труды его, ли кто доволен (т. е. в силах) изглаголати подвиги его, како претерпе, един живой в пустыне?» Кто и как может найти выражения, чтобы ясно и образно описать «того уединение, и дерзновение, и стенание, и прошение, и всегдашняя моления, еже присно к Богу приношаше; слезы теплыя и плач душевный, воздыхание сердечное, бдение повсенощное, пения трезвенная, молитвы непрестанныя, стояние неседальное, чтение прилежное, коленопоклонание частое, алкание, жаждание, иже на земли легание, нищета духовная, всего скудость, всего недостатки: что ни вспомяни, того несть».

Целых два года преп. Сергий живет наедине со своею «церквицею», среди дремучего бора. Непогоды осени и суровый, русский мороз зимы. Страх ночи и одиночество дня. Зовы мира, покинутого отшельником, вторгающиеся в молитвенное его настроение воспоминаниями пережитого и призывами к земному счастью. Пища — вода из источника и хлеб, который, надо думать, время от времени присылал из Радонежа преп. Сергию его брат Петр. Постоянными посетителями преп. Сергия были только звери — «место то было прежде лес, чаща, пустыни, идеже живяху зайцы, лисицы, волцы, иногда же и медведи посещаху». Но «свирепое устремление» их сменилось привычкою к отшельнику и даже дружбою с ним. Сам гневливый хозяин глухой чащи русских лесов, медведь, подружился с отшельником и стал ежедневно навещать его, лакомясь куском черствого хлеба из его рук.

Два года жизни наедине с Богом и самим собою. Два года строжайшего надзора за каждою своею мыслью, за каждым своим движением, за каждым чувством, за каждым настроением, хотя бы и самым мимолетным. Два года неуклонного направления себя целиком к одной только цели — жизни во Христе и подвигу в Нем. Руководством преподобному Сергию служили только две бывшие у него книги — Евангелие и Псалтырь. Но именно эти книги во все два без малого тысячелетия существования христианства и были для христианина теми якорями, которые помогали ему держаться и не тонуть среди волн «житейского моря, воздвигаемого напастями и бурей».

«Может град укрыться верху горы стоя» (Мф. 5,14). Не мог скрыться в своем уединении и преп. Сергий. Случайный проход отдельных людей мимо его церкви и кельи познакомил их с ним, а через них пошла о нем и молва. Начинают посещать преп. Сергия и иноки. Находятся в их числе желающие вместе с ним жить и подвижничать. Около его кельи строят они другие. Кельи обносятся тыном, «монастырскою стеной». Возникает иноческая обитель. Ей необходим игумен, как ее глаза, руководитель и священнослужитель. Первым игуменом был приглашен тот самый Митрофан, который совершил в 1337 году пострижение преп. Сергия. Но через год он скончался. Братия стала молить самого преп. Сергия принять на себя игуменство. Его отказ заставил перенести дело на решение митрополита; и правивший временно митрополией, за ездившего тогда в Царьград св. Алексея, епископ Афанасий возложил на преп. Сергия игуменство как «послушание».

Несложен перечень внешних фактов жизни преп. Сергия как игумена «обители Святыя Живоначальная Троицы». Но сколько скрывается внутренней работы и переживаний под каждою из рубрик, в которые можно свести эти факты! Сколько содержания в простых словах «постоянная молитва», и до какой высоты духа и прозрачной чистоты помышлений поднимался в ней этот «отшельник, дотоле на Руси невиданный!», «Проклят всяк, творяй дело Господне с небрежением».

Но до какой высокой ступени святости восходил преп. Сергей в священном служении перед алтарем! — его жизнеописание приводит недостижимые для обыкновенного человека образцы. Как много сказано словами жизнеописателя, что преп. Сергей руководил братиею, «мала же некими словесы наказая братию, множайшая же паче делесы сам образ быва-ше братии», т. е. что он не словами учил, как учат, к сожале-нию, многие руководители и учителя, а своим примером, сам и *был* тем, к чему призывал других. Что же удивительного в том, что «под крепкою рукою его в повиновании и в послушании» жить и спастись стекались все новые и новые иноки? Что же удивительного в том, что он создал «одно сердце и одну душу» в Троицкой братии и сделал введенное им строжайшее общежитие единственно возможным в основанной им обители? Долгое еще время в монастыре постоянно была нужда и недостатки даже в пище и одежде — «все худостно, все нищенско, все сиротинско». С этим борется братия трудом, и сам преподобный Сергей был всегда образцом и примером. Просить милостыню было им строжайше запрещено.

Но не для одной братии своей обители трудился преп. Сергей. Миряне текут к нему со своими нуждами, недугами и горями. Для всех них у него были готовы молитва и духовная помощь, слово утешения и совета, ломоть хлеба и кусок холста или крашенины, которые он отрывал от своей нищеты — «бе рука его простерта к требующим, яко река многоводна и тиха струями». И потянулся православный люд к Троицкому игумену. Печаль и радость, заботы, надежды и беды моря «всенародного множества» — потекли через святые врата Троицкой обители, а с ними вошли в нее и нужды слагавшегося национального русского государства. Князья идут туда за советом, благословением и молитвою в делах государственных. Дмитрий Донской, выступая со своею ратью в поход на татар в августе 1380 года, спрашивает молитв и благословения преп. Сергия и получает не только их, но и двух иноков в состав своего войска, Ослябю и Пересвета, геройски погибших на Куликовом поле и ставших национальными героями русского

народа. Благословляя великого князя Дмитрия в этот поход, преп. Сергей говорил ему: «подобает ти, господине, пещися о врученном от Бога именитом ти стаду; пойдй противу безбожных, и, Богу помагающе ти, победиши и здрав в свое отечество с великими похвалами возвратишися».

К моменту принятия Дмитрием ответственного решения о переходе войском Дона для битвы с татарами явился к великому князю «борзоходец» Троицкого игумена с его посланием, давшим Дмитрию мужество для этого решения. Молитвы преп. Сергия и крестные ходы в Троицкой обители сопровождали Донского и русские рати во все время похода и в страшные часы Куликовской битвы, которые игумен провел в напряженной молитве. Душою он был 8 сентября 1380 года на Куликовом поле вместе с русскими «православными христианами» и, по словам его жизнеописателя-современника, «вся предсказоваше братиям бывшая святыи: победу и храбрство великого князя Дмитрия Ивановича, преславно победу показавша на поганых, и от них избиеных сих по имени сказа, и приношение о них всемилостивому Богу принесе». С преподобным же Сергием в его обители молились Донской и его ратные люди, возвращаясь с Куликова поля в Москву, благодаря Бога за победу и спасение «всей земли Русской». Но не только в этот решительный, поворотный час национальной истории русского народа, в час заложения краеугольного камня русского национального государства, стоял преп. Сергей с благословляющею рукою и святою молитвою за создававшуюся Россию. Он же явился примирителем удельных князей в их столь губительных для народа ссорах и тяжбах, предупреждая кровопролития и налаживая «вожделенный мир» и согласие, уча об единстве русских «православных христиан» как народа, несмотря на его разделение по княжествам.

В истории русского монашества преп. Сергию принадлежит одно из самых выдающихся мест. Ведь именно он был создателем строгого общинножития в Центральной России. Ведь именно он положил в ней начало постройки монастырей вдали от городов, в которых они до него ютились. Ведь

именно он вынес иноческую обитель в русскую пустыню, т. е. в беспредельный простор покрытой лесами Русской равнины. Ведь именно по образцу Троицкого монастыря создавались те сотни обителей, очагов и средоточий «русской веры» и русской народности по всему громадному миру сельской и деревенской народной России, которые ее вскормили как «Землю Свято-Русскую» и осветили своим светом. Кроме Троицкого сам преп. Сергей основал еще восемь монастырей, по просьбам князей или св. митрополита Алексея. Его ученикам обязаны своим возникновением целые десятки обителей. От них пошли новые ряды этих хранилищ русской святыни и народности, оплотов русского «христианского», крестьянского мира в его национальной стихии.

При всем том, что соединено со святым именем преп. Сергия для русского народа и его национального сознания, кто же, если не он, должен был сделаться самым дорогим народному сердцу из всего собора русских святых, как молитвенник и хранитель святой Руси во все времена ее существования, ибо по народному верованию «праведницы и по смерти живи суть»?

Бедная, «сиротинская» при своем возникновении, Троицкая обитель с годами и столетиями выросла в один из самых больших и богатых монастырей. Сгоревшую через шестнадцать лет после кончины преп. Сергия († 25 сентября 1392 года), т. е. в 1408 году, построенную им «церквицу» — заменил Троицкий собор, стоящий как самый чтимый храм Лавры до настоящего времени. Около него вырос ряд других монастырских храмов. Дорогие богослужебные сосуды и облачения, иконы и паникадила украсили эти храмы. Громадных размеров достигла драгоценная библиотека монастыря. До крупных пределов богатства дошли и его материальные средства. Деревянный тын, которым обнес преп. Сергей кельи братии, уступил свое место крепким, каменным, крепостным стенам. Но, изменившись в своей внешности, Троице-Сергиев монастырь неуклонно продолжал делать свое большое православное, народное русское дело.

Во все последующее время своей истории он продолжал оставаться святою сенью русской народной молитвы. Сотни тысяч, вернее сказать, миллионы нищих и убогих были им согреты, накормлены и одеты. Русская письменность получила из состава его иноков длинный ряд своих выдающихся представителей. Монастырские стены не раз служили защитой русским людям, укрывавшимся за них в дни и месяцы вторжений вражеских ратей. В годы «разрухи», охватившей «державу Российского царства» в начале XVII столетия, Троице-Сергиева Лавра не только кормила и укрывала спасавшийся за ее стены народ, но отразила толпы польских наездников, а затем призвала русский народ на подвиг борьбы с поляками и «ворами» для спасения «превеликого», «царствующего града Москвы» с ее святынями и для спасения русского народа и его национального государства, стоявших на краю гибели. И именно к преп. Сергию погибавший тогда русский народ напряженно взывал о помощи и о ходатайстве пред Богоматерью и Христом. Именно его святой и прозрачно чистый образ «святозарна старца» несли тогда перед ратными стягами русских людей, шедших на спасение Москвы и Родины. С возгласом «Сергиев» они и бросились в кровавую сечу, решившую спасение России.

Прошли страшные годы черной смуты. «Превеликая Россия» успокоилась, залечила свои раны и сильною поступью вступила на путь своего могучего развития в последующее время. Чем дальше, тем больше росла и Троице-Сергиева Лавра, в новое время с перенесением в ее стены *Московской Духовной Академии* ставшая и первоклассным центром русской богословской науки.

Но как бы ни развивалась в дальнейшее время созданная преп. Сергием Троицкая обитель, над всею ее историею царит один образ, образ ее святого основателя. Почему же это так? — Потому что русский народ чувствует, если и не всегда ясно определяет в этом образе нечто, что делает его для него особенно дорогим и родным. Это нечто: сам преподобный Сергей — свеча из чистого воска всего лучшего, что жило и живет в народе,

что скопила народная душа и из чего она благоговейно слила эту свечу, как свою жертву Богу и свет для народа, свечу, горящую чистым и ровным светом пред Св. Троицею. Все идеальное, что жило в народе, соединилось в этом драгоценном воске: вера в Бога и смиренное служение Ему во всепоглощающей любви к Нему, любовь к Божьему созданию — человеку, «братолюбие», «нищелюбие», забвение себя для других, «простота без пестроты», «правда» и беспредельная верность своему «возлюбленному земному отечеству» — России.

И.И. ЛАППО

ИДЕЯ ОБНОВЛЕННОГО РАЗУМА

Прежде всего, снимай с очей
ума твоего покровы, содержащие
его в ослеплении.

Феофан Затворник

Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.

А.С. Пушкин

Не разум губит современное человечество, а бездуховность и безверие. Религию подточила не наука, а близорукая и самодовольная слепота дурной «учености». Не философия вредна и ядовита, а безответственность и пошлость мнимых «мудрецов».

Разум совсем не враждебен вере. Наука совсем не исключает и не «отвергает» религию. Философия есть источник не соблазна, а *очевидности в вещах божественных*.

Я знаю, что многие не видят этого; что большинство людей совсем и не думает об этом; что меньшинство, касающееся этого своею мыслью, думает иначе. И тем не менее я утверждаю, что весь смысл современного духовного кризиса, переживаемого человечеством, состоит в том, что оно *выстрадывает себе новый уклад души и духа*; такой уклад, в котором разум вернется к вере и вера засияет всеми лучами разума; такой уклад,

в котором наука найдет свою настоящую почву в *духовном опыте*, а религия, питающая и укрепляющая этот духовный опыт, станет условием подлинной учености; такой уклад, в котором философия опять найдет свой религиозный смысл, а молитва опять понесет человеку свои философские дары.

Медленно движется время; медленно и трудно слагаются и приносят свои плоды новые душевно-духовные сдвиги; слишком много страстей и ожесточения, слишком много инерции, пассивности в человечестве. Но *идея нового духовного уклада* уже светит нам и зовет нас. Его рождение и образование уже совершается: он не ждет разрушения и гибели старого уклада. Новый дух уже крепнет в страданиях, зреет в грозах и бурях. И от нас, от нас зависит — волею служить ему, волею идти ему навстречу...

Современный духовный кризис состоит в том, что *разум отпал от веры* и перестал быть разумом, а стал плоским *рассудком*. А плоский рассудок прилепился к вещественному, утвердился в своей отвлеченности, забросил свои святыне колодцы и источники и объявил себя верховным, самодовлеющим, единственным *источником истины и культуры*. Этим все уже было предопределено; и нужны были только сроки для того, чтобы кризис развернулся и бездна зазяла.

Что видит такой «ум»? Только то, о чем говорят ему телесные глаза и уши, осязание и мускульные ощущения. Все остальное, чего нельзя ни свесить, ни смерить — все было «похерено». Что осталось? Материя; без жизни, без тайны, без духа, без цели, без Бога. Материя и ее слепая механика (современное естествознание); да еще анализ «возможного» движения и «возможных» связей «возможных» качеств и количеств (современная математика). Здесь находили «доказательность», «очевидность» и «истину» — первоисточник знания и обязательный прототип науки. И наука стала *безбожной теорией о богопустынном мире*. А сам человек оказался *частью* этого богопустынного мира — не только *носителем* безбожных теорий, но и безбожно рассматриваемым *объектом*. Изучая себя и направляя свою жизнь — он погасил в себе все

божественные лучи и засыпал мусором свои святые колодцы. Самомнение рассудка утверждало его в этой безбожности; а безбожность закрепляла и раздувала его самомнение. Беда увеличивалась еще от того, что *теоретическое* отрицание тайны и глубины проникало и *в жизнь*, и практически уводило человеческие души от глубин, вело к оскудению и измельчанию жизни, делало души плоскими и пошлыми *на самом деле*. Зловредный фантом *безбожной и противорелигиозной науки* — насаждал жизненное скудочувствие и плоскодумие; а рассудочный плоскодум не только утверждался в «научном» безверии, но становился прямо *воинствующим безбожником*.

Такова здесь связь явлений: цельное и исключительное доверие к *вещественному опыту* и к *отвлеченному рассудку* породили уход от религии, — сначала *безбожную*, а потом и *противо-*религиозную науку. XVIII и XIX века свободно и упорно культивировали *такую* ученость. И надо признать и выговорить прямо, что при наличности и при водительстве *такой* науки — вопрос большевицкой «культуры» и пропаганды был лишь вопросом *времени*, а вопрос комсомольских кошунств был лишь вопросом темперамента и приличия. Буйный и грубый атеизм современных коммунистов, лежащий в основании *всех* их доктрин и *всей* их практики, — по существу своему уже содержится целиком в атеистических теориях и сочинениях двух последних веков: ныне он только доводит дело до конца и вступает на путь политической воинственности; ныне *делается* то, что тогда только *думалось* и *говорилось*.

Этим не исчерпывается, однако, сущность современного духовного кризиса. Правда, разум, оторвавшись от духовного и религиозного опыта, стал *рассудком* и повлек человечество по путям теоретического безбожия, духовного оскудения и практического бесстыдства. Но этот отрыв *подорвал и веру*.

Религиозная вера, не удержав разум, упустив его — оказалась в расхождении с ним; оказалось, будто вера утверждает такое, что «разум» отрицает; причем, однако, «разум» спорит, «доказывает» и убеждает, а вера только провозглашает и настаивает. «Разум» не боится обсуждения и «обоснования», на-

против, он ищет «света» — и в смысле гласности, и в смысле анализа, и в смысле «беспристрастия»; тогда как вера уклоняется от споров, не имеет доказательств и убеждает только тех, кто заранее уже убежден, т. е. тех, кто уже решил вопрос *до* всяких рассуждений, кто, следовательно, держится за «*пред-рассудки*». Вера — верит, а не доказывает и не обосновывает; и никакие длиннейшие и тончайшие рассуждения не могут породить веру; верующий человек не нуждается в доказательствах и не «критикует» своей веры; он верует *иррационально*, не только *без* «разума», а хотя бы и *против* «разума», без оснований, слепо, всуе; и потому сама вера незаметно стала приравнивать себя *сue-верию*. А разве суеверие «культурно»? И разве оно не унижительно? Разве это не наивность, не темнота, не отсталость, не варварство? Не... «опиум для народа»?..

Долгое время веру спасало то, что ей свойственно верить *без* доказательств и без обоснований. Но рано или поздно «научный прогресс» — успешно познаваемая закономерность материи и блестяще-ясная стройность рассудка — должны были сказать нечто убедительное и соблазнительное и тому человеку, который хранил в себе святыню «иррациональной» веры. И его ум должен был признать: и успехи позитивной науки (физика, химия, астрономия, геология), и практическое завоевание природы (техника), и «неотразимые» доводы «свободного» «разума». Возникало *две истины* — истина религиозная (Бог, сверхчувственное, благодать, тайна, таинство, чудо) и истина научная (материя и энергия, чувственное, закон природы, эксперимент, состоятельная гипотеза). *Две истины* — несогласные одна с другой — «взаимно исключающие одна другую» — и все же *обе истины...*

Великий раскол в человеческом существе приносил свои плоды: *ткань духа раздиралась от верхнего края до нижнего*. Ибо дух не в силах признавать сразу две непримиримые истины: он будет или обманывать себя, признавая только одну; или — насиловать себя, до тех пор, пока не потеряет вообще всякую способность признавать что-нибудь за истину. И *дар веры*, чудный и могучий Божий дар, *отойдет от него*.

Не дано человеческому духу *верить* в две взаимно противоречивые *истины*. Ибо *вера* *цельна* по самому естеству своему; а *истина* *едина и единственна* по своей сущности. Расколовшаяся вера — или соединится и срастется вновь; или совсем отлетит от души. Она может вся уйти на сторону науки; она может вся окопаться на стороне религии. Но она *не может* остаться при двух истинах, как предлагали когда-то Бэкон, Монтень и Шаррон¹²⁰.

И вот, исторически, она у одних уходила вся на сторону науки и становилась *рассудочной убежденностью*: эти люди признавали одну-единственную истину — *безбожную теорию о богопустынном мире*; и тем готовили в душах пути для современного воинствующего безбожия: ибо достаточно было, чтобы эта рассудочная убежденность приобрела черты прямолинейности, нетерпимости и ожесточенности для того, чтобы вспыхнула стихия большевизма.

У других вера уходила вся на сторону религии и становилась *иррациональной* (безразумной и противоразумной) *убежденностью*: они признавали одну-единственную истину и отменяли науку, считая ее делом праздного любопытства, чернокнижия, религиозного бунта и окаянной ереси. Закрыв глаза, осудив естественную, *от Бога данную* любознательность человека и отвергнув изучение *Божьего мира, религиозно необходимое для его одухотворения*, они пытались запретить науку, помешать ее росту и расцвету, заставить ученых под пыткой отречься от их гипотез и открытий. И этим они только углубляли раскол, закрепляли злосчастный разрыв человеческого существа и ожесточали рассудок: *они побуждали его завершить свою религиозную слепоту* и тем готовили себе в будущем воинственного и одержимого врага.

А третьи пытались, — или, признавая рассудочную науку, как-нибудь не отвергнуть «противонаучную» веру; или же, соблюдая веру, как-нибудь не отвергнуть противорелигиозную науку. Их чувство *принимало* неверную постановку вопроса (*или* рассудочная наука, *или* противонаучная религия) и искало разрешения то в бесцветных и бледных примирениях,

то в простом обывательском совмещении. Их очевидность не была — ни достаточно религиозно-дерзновенна, чтобы объявить науке смертную борьбу; ни достаточно чувственно-плоска для того, чтобы успокоиться на безбожии и богопустынности. Она *двоилась* в их душе; и от этого *слабела и вырождалась*. И тем подготовляла все разновидности современного безразличия, релятивизма («все относительно»), агностицизма («ничего нельзя знать достоверно»), синкретизма (сращение разноречивого) и т. д.

Судьба этих трех течений состояла в том, что *холод рассудочного отрицания* все более *креп* и разливался все далее и шире. Явный и тайный, сдержанный и воинственный нигилизм отравлял души на всех возможных путях, увеличивая и число своих прямых последователей, и число *теплопрохладных* «примирителей»; — и в то же время он все ограничивал число *горячих до изуверства*, угашая их пыл, колебля их твердость и исключительность, ослабляя их силу — и душевно, и социально...

Вся эта духовная трагедия возникла, сложилась и назрела за пределами России, в Западной Европе. Католическая Европа знает время, когда человеческий разум был объявлен началом дьявольским, а ученые-естествоиспытатели, не думавшие вовсе посягать на учение Церкви, обрекались гонениям, тюрьмам, пыткам и казням. Католическая церковь боялась ереси и не верила в разум. Она не верила в то, что разум есть *сила Божественная*, и опасалась, что свободное изучение природы даст человеку внецерковный источник противохристианской очевидности. И потому она не нашла в себе ни силы, ни глубины, ни ширины, ни мудрости, ни гибкости для того, чтобы разрешить, возглавить и *христианизировать дух нарождающегося естествознания*. Она не только не благословила изучение чудес и тайн Божьего мира, но пыталась наложить на это изучение запрет и остановить его. Она не захотела и не сумела *пропитать это изучение изнутри* — *духом религиозного благоговения; чувством приближения к Божией тайне; характером мистического откровения; волею познать величайшее*

дело Божие; заданием: одухотворить мир вещественный через подчинение его — власти христиански-мыслящего и зиждущего человека...

Изучение мира все-таки пошло своим чередом. Но осуществилось оно не *боговдохновенным разумом*, а богопокинутым рассудком. И плоды этого откола и извращения мы собираем с тех пор в течение веков вплоть до современного духовного кризиса.

Нам трудно представить себе во всех подробностях, какова была бы та *иная наука*, которая выросла бы из *цельного и целостного* (а не разорванного и расколотого) *человеческого существа*. Мы можем, однако, с уверенностью сказать, что это была бы наука, насыщенная *духом и интуицией*; что она всегда ощущала бы *живую тайну мира*, его величие и священность, и потому она была бы методологически гораздо более осторожна, гибка, скромна и ответственна (особенно в исследовании души); что она умела бы не только дробить предмет, расчленять его и идти от кусочков, но умела бы и *видеть целое*, идти от целого и переходить к частям; что она была бы несравненно проницательнее, утонченнее, художественнее, и потому продуктивнее (теоретически и практически); что она предпочитала бы живое *показывание* предмета всякому отвлеченному «построению» и «рассуждению»; что она имела бы верховную религиозно-нравственную *цель* и в верном служении ей утверждала бы свою *духовную свободу от всякой земной пошлости и дурной тенденциозности*; что она сохранила бы единение с такими глубинами человеческого существа — познавая *их* и познавая *ими*, — к которым современная рассудочная наука не знает, как и подступиться. Вопросы психологии, душевного и духовного лечения; вопросы воспитания, характера и морали; вопросы политики и истории — все было бы *поставлено иначе*, все давало бы человеку не рассудочную беспомощность, не слепую веру в количество, в механику и в равенство (со всею вытекающею отсюда демагогией), а *властную прозорливость и видящую власть*.

Люди испытывали бы *религиозную значительность истинного знания; священную ответственность ученого; духовную природу науки*. А наука была бы дорóгой, не уведящей от Бога, а ведущей к Богу.

История культуры пошла другим путем. Запад отделил ум от веры и пошел за неверующим умом. А когда западное христианство спохватилось, то безбожный ум ушел так далеко, что вернуть его было уже некуда и невозможно. И «победа» этого западного безбожного ума состоит не только в обилии «верных гипотез», в создании могучей техники, в критическом разъедании самых корней христианства (протестантское богословие) и в создании тайных, но очень влиятельных противохристианских организаций, — но главным образом в том, что *стихия тепло-прохладной раздвоенности* захватила и *церковные умы, и «верующие» души...*

Дух современного культурного человечества глубоко разъеден этою «двойною бухгалтерией» в вопросах *истины*: он знает *две истины* и потому в истинном смысле *не знает ни одной*. Религиозность его не умеет быть целью; а жадность его научилась цельности и бесстыдству. Наука его не умеет быть благодатною, мудрою и ведущею; а самочувствие его богато тою заносчивостью, которая свойственна полуобразованному уму, ослепленному «наукой» и полунаукой, но *не измерившему ее пределов...*

Трудно сказать, трудно предвидеть — победит ли в себе эту раздвоенность западное человечество; и если победит, то когда и как. Но надо признать и установить незыблемо, что идти за ним по этим путям и дорогам — *русский народ и русская интеллигенция не должны*. Всему человечеству и нам, русским, в частности и в особенности — необходим *новый уклад души и духа*; уклад, не основанный на внутреннем расколе и не ведущий к нему; уклад здоровой и глубокой *целостности*. И к этому укладу нам надлежит воспитывать и себя, и своих детей.

Для этого мы должны прежде всего усвоить ту истину, что разум совсем не враждебен вере; что наука совсем не исклю-

чает и не опровергает религию; что вера нуждается в разуме, ибо *разум ведет к Богу*.

Именно так учила о соотношении веры и разума великая восточно-православная аскетика. Она не только не противопоставляла «ум» — «сердцу» или «созерцанию», но утверждала их органическое единство.

«Боголюбивый ум есть свет души», — учит Антоний Великий. «Мы люди тем, что истинно умны в душе, т. е. боголюбивы». «У кого ум боголюбив, тот просвещен сердцем и зрит Бога умом своим». «Как тело без души мертво, так душа без ума бездейственна и Бога достоянием своим иметь не может».

«Ум есть кормчий сердца, — пишет Макарий Великий, — ум есть всадник; он впрягает колесницу души, сдерживая бразды помыслов».

Действие молитвы, по свидетельству блаженного Диадокха, таково, что от нее «благодать Божия вселяется в самую глубину души, т. е. в ум». Ибо молитва есть «умное ума действие таинственно на жертвеннике душевном» (Григорий Синаит); а «чистота сердечная» есть не что иное, как «блюдение и охранение ума» (Исихия Иерусалимский).

«Не знающий истины и веровать не может. Ибо ведение по естеству предваряет веру» — такова основополагающая формула Марка Подвижника.

Ум мыслится здесь, как глубочайшая способность воспринимать Бога, видеть Его, светить душе и вызывать в ней любовь и веру. Ум утверждается здесь, как *источник религиозной очевидности* и необходимой для нее *душевной чистоты*. Ибо *вера без ума есть именно безумная вера*; и история без конца свидетельствует о том, что *безумная вера прилеплялась к самым нечистым и соблазнительным предметам и людям*... И история России за последнюю четверть века подтверждает это достаточно.

Полтора тысячелетия прошло с тех пор, как великие восточно-православные боговидцы выстрадали и высказали это учение. И ныне в их заветах человечество должно искать и будет искать спасения и исцеления: ибо исцеление его состоит,

прежде всего, в том, чтобы ум его стал *боголюбив* и *религиозен* и чтобы *вера* его стала *умным действием* его ума, сияющего из душевной *глубины*.

За эти полтора тысячелетия возникла, окрепла и развернулась позитивная наука. И то, что теперь предстоит человечеству, есть не радикальное отвержение этой науки, как таковой, а обновление строящего ее ума и освещение добытых научных познаний изнутри. Верное останется *верным*; но духовно осмыслившись и осветившись от Целого — оно станет *истинным*. Религиозное чувство окрылит, углубит и утончит ум; и религия, по слову Бэкона, воистину станет тем «ароматом», который не допускает науку до порчи и гниения. А разум очистит, оградит и укрепит веру; и наука станет разновидностью единого, жизненно-религиозного делания. Фантом безбожной науки со всеми его соблазнами отойдет в прошлое; а безразумная и противоразумная религиозность не будет отпугивать человеческого ума... Человечество опять найдет пути к *умной очевидности в вещах божественных* и призыв Франциска Ассизского «оставаться неучем из любви к Господу Богу» не будет находить отклика в сердцах. Истина опять станет — единой и единственной, и никто не будет думать вослед за «премудрым» Рутилием, что христианское учение «пагубно для умных людей».

Трудно предвидеть, когда и как победит в себе эту раздвоенность западное человечество. Но в духе *русской православной культуры* — с ее свободолобием, с ее шириною, глубиною и гибкостью, с ее великой традицией мироприятия и мироосвящения, с ее непосредственностью, искренностью и склонностью идти в великом до конца, — имеется все то, что необходимо для создания нового духовного сдвига и нового уклада.

К этому обновлению готовят нас годы крушения и страдания.

И оно должно сиять нам впереди путеводною звездой.

И.А. ИЛЬИН

РУССКАЯ ДЕРЖАВА

На хуторе Царя почти никто не видал, но Его все знали, и Он вошел в жизнь Сергуньки Самохоткина с его детских лет.

Сергунька дальше хутора и его степей не бывал. Окружная станица далеко; он знал свой хутор и свою станицу по имени, знал, как ее «дразнят»*. Не по-хорошему дразнили станицу. «Порочная» она была — архиерея, мол, встречали некогда станичники; надо звон делать, а звонить некому, так будто — кобель на колокольне звонил. Спрашивал Сергунька отца: правда ли так было?

— У, пустобрехи! — скажет отец и задумается. Видит Сергунька, что и ему неприятно, что станица так осрамилась.

В хуторской школе узнал Сергунька, что есть еще Войско Донское, Донская область, урядник инструктор обучал; и что *есть Россия*. Про Россию рассказывал батюшка. Хорошо рассказывал. Но понять было невозможно. Очень уж большая Россия. Если на коне ехать, — в год не проедешь с одного конца на другой. И города есть большие, и реки, и горы огромные. Только, не видев ничего, кроме степи, да синего неба, да овражистой балки, трудно было это все Сергуньке вообразить. И слагалось в мысли: Россия огромная, и в ней — Царь.

Царя поминали часто. И в песне и в присказке. Он вошел в жизнь и как будто «слился» с Богом. И Бог — Царь Небесный; и Царь, как Бог в Своем Российском царстве — земной Царь.

Прислушается Сергунька в церкви, что поют и читают — и там часто Царя поминают. Священник особо и благостно молится: «О Благочестивейшем, Самодержавнейшем, Великом Государе Нашем, Императоре Николае Александровиче».

Все слова непонятные, трудные, а торжественные, благостные, как-то сливающиеся с молитвою, с пением, с запахом ладана, с золотыми ризами священника и солнечными лучами, что сквозными потоками входили через овальные стекла хуторской церкви.

---

* На Дону каждая станица имеет свое прозвище, связанное с какой-нибудь старой легендой. Если прозвище и легенды не обидные — станица беспорочная.

Поднимали дух эти слова. От них уносилась ввысь душа и тепло становилось на сердце.

Царские портреты висели рядом с «Богами». Отец ездил в Криворожье на ярмарку и привез их оттуда. В золотых узких рамах, под лаком. Помнил Сергунька, как привезли их; сладко пахло от них клейким лаком. Царей было двое: Император Александр III Александрович в темном мундире и при голубой ленте и Наследник Николай Александрович в голубом казачьем мундире. Теперь лаковый запах выветрился, и рамки, засиженные мухами, стали бурыми. Про Императора Александра III Александровича говорили, что он «в Бозе почил». И то, что он не умер, а «в Бозе почил» — казалось Сергуньке таинственным и значительным.

Еще видал Сергунька Царское изображение на золотых десятирублевках и пятирублевках, на рублях и полтинниках, на почтовых марках. Царь и двуглавый орел, Царь и Россия — так и вошли с этими изображениями в понятие Сергуньки, как что-то огромное, прекрасное и святое. Как в церкви.

Во всем хуторе видал Царя, Александра Николаевича, только старый дед Бодрухин. Он служил в лейб-гвардейском полку. Ходил в Туретчину освобождать болгар, а раньше в Санкт-Петербурге видал часто Царя. Он рассказывал про воскресные разводы перед Государем. Как являлись Государю офицеры на ординарца, как скакали и джигитовали мимо Царя казаки и кавказцы.

— Пистолет зарядят порохом и песком. И лист насупротив Государя положат бумажный, большой. И скачут мимо, а подле листа нагнутся и в лист стреляют. Лист вдребезги. Одни ключья. Кони тогда были!.. Таких нет теперь... Ну... умные! Она животная-то понимает, что перед Царем. Она — старается... Другая, на репетициях какая ндравная: и на дыбки становится и сигает — одна не сшибет, а Царь придет — таковá смиренная — не узнаешь...

От этих рассказов дышало чем-то великим и важным. Как в Библии, когда читают про жизнь при Боге, как Господь говорил с людьми.

Задумается Сергунька. Мать подойдет к нему, погладит по вихрастой головке и скажет:

— О чем ты?

— О Царе, мачка, думаю. Какой он есть?

— До Бога высоко, до Царя далеко, — скажет, вздыхая, мать. — Всю-то жизнь прожили, никогда не сподобились Царя повидать...

Осенью отец едет на ссыпку, везет продавать хлеб. Вернется чуть хмельной. Вечер теплый, медвяно и сладко пахнет со степи зерном. Тихо спускается солнце. Отец сядет на рундуке у хаты, Сергунька рядом с ним. Отец обнимет его рукою и мурлычет вполголоса:

Русский Царь живет богато:
Войско водит в сапогах.
Ваша ж рать — есть оборванцы,
Ходят даже без чувяк!..

От отца пахнет дегтем, махоркой и чуть водкой. Этот запах сливается с крепким запахом степи. Сергунька спрашивает отца:

— Он богатый, Русский Царь?

— Ужасно какой, Сергунька, богатый...

Так творилась незаметно в простом детском сердце мистерия о Царе. Радостью и светом озаряла тоску повседневной жизни на далеком хуторе. Грязные, вонючие скотские базы, овечьи кошары, нудно пахнувшие по утрам, вечная без роздыха возня с животными, птицами, с грязной землей, борьба с непогодой и зимнею стужей — все покрывалось мыслью: «Царь-то это, поди, знает... Думает о нас... Ценит...»

Как Бог на небе, так Царь на земле. И без них было бы нельзя жить. С тоски, со скуки удавились бы люди.

Сергуньку на приеме записали в гвардию. Отец с гордостью оглядел высокого несуразного парня с розовым безусым лицом и голубыми в черных ресницах глазами и сказал:

— Ну, брат!.. Царя сподобишься повидать. Счастливым, знать, ты уродился.

Стали готовить «справу». Ездили к станичному портному, шили обмундировку гвардейскую с желтыми петлицами, на ярмарке искали «справного» коня.

За заботами и хлопотами, за поездкой в Арчеду в гвардейский лагерь, где обучались малолетки, как-то забылась тоска предстоящей разлуки. Столько было впечатлений!..

Семь дней ехали по чугунке в красных вагонах с конями вместе. Нескладно пели песни, смотрели на каменные большие здания станций, на простор сжатых полей, на далекие села, на широкие реки и стали смутно понимать, что такое Россия...

Петербург... Вот Он!.. И Царь тут живет. Казалось — вылезешь и встретишь Его? Нет, не встретишь Его. Разве можно Его так просто увидеть...

Хмурые сырые красные казармы. Вставать до света. При свете ламп одеваться и обуваться и идти на конюшню убирать лошадей. Ученья, корм лошадей, обед и опять ученья; и вечером молитва перед образом с горящей лампадой, мертвый сон усталого тела и пробуждение от грозных криков дежурного: «Вставать! вставать!»

Дни сливались с днями, одинаково занятые, — только поспевай все исполнить. Взводный и фланговый покрикивали; приказный и старые казаки наставляли; приходили господа офицеры и командовали, учили и поправляли.

Не заметил и сам Сергунька Самохоткин, как из несуразного парня, не знающего, куда девать руки и как поставить ноги, стал он бравым, расторопным казаком. Уже перевели его за бравый вид и хорошую посадку на коне из задней шеренги в переднюю и дали ему пику.

— Теперь на смотр Царя, как меня, увидишь! — сказал ему хорунжий.

На словесных занятиях хорунжий спрашивал:

— А кто у тебя Государь Император?

И когда Рыбалкин, тупой казак, ответил:

— Миколай Александрович... — хорунжий поставил его на два часа в боевую.

И за дело. Надо было отвечать:

— Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович.

В этих длинных, непонятных словах тоже было что-то от Библии, от Бога, от рассказов деда, от слов матери со вздохом: «до Бога высоко, до Царя далеко...».

Как-то вдруг, после Пасхи, стали часто ходить всем полком на ученья, ездить под музыку. Сказали: «На 28 апреля назначен Высочайший смотр войскам Гвардии и Петербургского военного округа на Марсовом поле».

— Ну вот, Самохоткин, и увидишь ты Царя! — сказал Сергуньке хорунжий.

И сказал это так, что Сергуньку теплом обдало. Точно милость ему объявил...

В этот день встали рано. Раньше обыкновенного. Уже весна на дворе. Солнышко встает рано, а встали до солнца. При огне. Сразу пошли на конюшню. И накануне с вечера особенно тщательно убирали коней, хвосты им заплетали. С утра каждую пылинку с них снимали. Пришли взводные кузнецы и рашпилем опиливали спереди подковы, чтобы блестели, — «бронзу» наводили.

Шли на Царский смотр!

После уборки, в бледном утреннем свете столовой ели особый завтрак. Не хотелось есть так рано, но старые казаки говорили: «Поешь, а то не скоро обедать будешь. Уморишься. Сомлеешь...» После завтрака каптенармус и взводные раздавали парадные мундиры; все подбеляли ремни портупей, а потом мылись, раздевшись до пояса, ледяною водою и мылом растирали лица, подбивали чубы и медными гребешками расчесывали волосы. Одеваясь, помогали друг другу. И было — торжественно, празднично и необычно, как перед Светлой Пасхальной Заутреней.

Что за чудные были новые папахи, с голубым верхом, волнистого черного курпея, с серебряными звездами и отличиями. Удивительного небесного цвета мундиры с желтыми жгутами и оловянными пуговицами с двуглавым орлом — Рос-

сия!.. Шаровары темно-синего сукна. Сапоги в черной смазке с круглыми подборами и тупыми каблуками. С подошв лак не сошел. Новые, ненадеванные!

На Царский смотр!

Когда построились, сели на коней и под торжественно грозные звуки «похода» принимали полковой штандарт, не в кожаном, как всегда, чехле, а распушенный, в серебряных и широких георгиевских лентах, с тяжелыми кистями — точно колокола зазвонили в душе у Сергуньки малиновым звонком. Штандарт — полковая святыня... За ним и Бог, и Царь, и Россия!..

Вышли на Невский. Все было не такое, какое было вчера. Солнце озаряло пеструю линию домов. Тучки набегали на него. Свежий ветер с Невы полыхал и нес запах морской волны.

На углу Садовой пехотная колонна преградила дорогу полку. В стройном пении медных труб, в треске барабанов ровно и плавно проходили пехотные ряды. На солдатах все было новое. В долгом движении отделений с круто поднятыми ружьями и выравненными штыками было что-то грозное и несокрушимое... Русская армия!

Понятны становились Сергуньке церковные молитвы о победоносном, христолюбивом Российском Воинстве. Оно шло перед ним, как Христова рать — Царское войско! По сторонам столпился народ. Раздавались восторженные вскрики:

— Ах, молодцы измайловцы! Ну, молодцы!

— Какая прелесть казаки! — сказала одна девушка.

Купец в дрожжах на рысак снял шапку перед знаменем. Стали снимать и другие. Дворник снял фуражку и долго крестился на знамя. Оно шло, несомое великаном знаменщиком, и подле шел офицер в золотых эполетах.

— Что за красавец народ в нашей России, — сказал кто-то в толпе подле Сергуньки.

Почудилось от этих слов дыхание чего-то мощного, прекрасного и удивительного — имя чему *Россия*.

Долго стояли на Дворцовой площади позади кирасирской дивизии. Золотые кирасы, золотые каски с золотыми и

серебряными орлами (тоже Россия!), алые и черные пики с бело-красными и сине-желтыми флюгерами — все это было так необычно, прекрасно и величественно... Оно подготовляло — увидеть Царя.

Издалека, от самой Невы, донесся какой-то странно волнующий гул. Он не походил ни на какие звуки, слышанные раньше Сергунькой. От него подобрались, насторожились и настремили уши кони, точно тоже услышали что-то необычное.

Он шел, все нарастая из-за высоких домов, шел оттуда, где сейчас должен был быть Царь. Сергунька хотел спросить у соседа, что это такое? Не смел — нельзя говорить во фронте. Он скоро понял: это войска кричали: ура! Кричали многие тысячи людей. Царь ехал мимо них. Этот крик был грозный и вместе с тем радостный, легкий, воздушный, точно прозрачный. Он приближался. И вот — вспыхнул уже тут, рядом, у Адмиралтейского бульвара, где в зеленую дымку молодых почек кутались тополя и липы.

На площади раздалась команды. Дрогнули пики с флюгерами, вспыхнули серебряными звездочками копыта на них, и торжественно заиграли «поход» кавалергардские трубачи. Сквозь кирасы и пики, сквозь конские головы Самохоткин увидел, как к полкам приблизилось много пестро одетых всадников. Должно быть, там был и Государь. Внезапно оборвали трубы; и Самохоткину в мертвой тишине, нарушаемой прозрачным топотом копыт, послышался чей-то голос. Должно быть, голос Царя. И сейчас же дружно ответили кавалергарды. Трубачи заиграли знакомый Сергуньке гимн, и люди впереди него закричали: ура!..

Последние раздалась команды в их полку. Командир на рыжем жеребце проскакал на фланг и встал между трубачами и правым флангом 1-й сотни. Кричали «ура» лейб-казаки. Трубачи подняли трубы и заиграли поход.

Сергунька увидал полного бритого человека, ехавшего на большой совершенно белой лошади. На нем была алая куртка, расшитая золотом, и белые лосины.

«Уже не Царь ли это? — подумал Сергунька. И сейчас сообразил: — Нет, Царь не такой».

И тут же увидел Царя.

Он ехал на стально-сером коне, чуть позади коляски, запряженной четырьмя белыми лошадьми по две в ряд. В коляске сидели императрицы.

Сергунька их почти не видал, он смотрел радостно-восторженными глазами в лицо тому, кто, казалось, прямо смотрел на него. Он узнавал Его по портретам в их домашней хате; но более того — он *чувствовал* Его. С приближением этого всадника Сергунька точно ощущал благостные молитвы «о благочестивейшем, самодержавнейшем», он точно понимал теперь значение слов — «до Царя далеко» — хотя вот он! как он был близок!

Он услышал и не понял слов Государя, так был взволнован. Крикнул ответ и закричал «ура», как учили, и не чувствовал, как текли по его лицу слезы...

И вот уже далеко Царь, смолкли по знаку шашки крики, повернули направо по шести и пошли рысью вдоль канала, звонко стуча подковами по камням мостовой.

На крытом и широком мосту, в сквозной тени деревьев долго стояли, ожидая своей очереди.

Впереди было видно широкое поле, усыпанное желтым песком и уставленное войсками. Кое-где блистали, голубея, длинные узкие лужи налетевшего ночью дождя. Оттуда доносились бодрые звуки музыки. Их то закрывала человеческая завеса идущих полков, и тогда они слышались приглушенные, притушенные, неясные, то вдруг, когда проходил полк, они врывались на мост и раздавались по всей Садовой, яркие, звучные и зовущие.

Стало видно, как собрались на середине площади трубачи всей дивизии на серых лошадях. Засверкали золотые кирасы и белые орлы кавалергардов, и стало видно, как проходили они мимо Государя Императора шагом в грозно радостном рокоте литавр и пении труб. Черными опахалами висели хвосты гнедых лошадей из-под широких красных вальтрапов.

Там пела музыка и точно плела звуками сложный золотой узор, и в этом узоре являла свой прекрасный лик великая Россия...

Оттуда, где под старыми липами Летнего сада пестрели полные людей трибуны, точно серебряный голос пропел сигнал: «рысь».

— Рысью, размашистой, но не распушенной для сбереженья коней!

И стало видно, как, освобождая место Сергунькиному полку, мягко подрагивая в такт музыки, пошли по полю сотня за сотней алые лейб-казаки.

Сергунькина сотня выстроила фронт. Свалили пики «на бедро». Сергунька, двигаясь рысью в общем фронте, подравниваясь одним глазом, видел, как сверкнули шашки в руках у командира полка, полковника, сотенного и офицеров, и стал вдруг близок к нему Государь. Он Его сразу увидал впереди большой и блестящей свиты, он Его сейчас же узнал и слышал теперь ясно Его голос:

— Спасибо, молодцы!

Опять залило горячим огнем счастья всю грудь Сергуньки, он радостно крикнул ответ Государю. И уже нет ничего. Впереди широкое поле; хвосты вороных лошадей и красные мундиры лейб-казаков, скачущих, загибая мимо памятника; розовое здание с белыми колоннами и широкий просвет с голубою Невой...

Все, что было потом, уже было не то. Строились для атаки всею массою кавалерии поперек поля, наматывая на кулак поводья, чтобы вовремя остановить лошадей... Потом шли домой...

Когда слезали во дворе казарм с лошадей и приложили пики на плечо, вели их в конюшни, Сергунька ощущал в своем сердце, что случилось в нем что-то новое. Он понял нечто необъятно-великое, точно вся та карта Российской Империи, на которую он тупо смотрел в классе, вошла в него и стала такою необъятной, как о ней говорил хорунжий:

— Солнце не заходит.

После уборки лошадей и позднего обеда сдавали в цейхгауз парадные мундиры, папахи, амуницию и вальтрапы, потом поили и задавали корм лошадям, подметали дворы, сносили навоз в лари. Все было обыкновенное, будничное. Но уже в этом будничном точно засветился яркий огонь *величия России и ее Царя*, засветился, чтобы никогда не угаснуть.

Вечером, в сотенной канцелярии, Сергунька на листе почтовой бумаги, купленной в полковой лавочке, пытался изобразить все то, что он пережил в этот день, когда первый раз увидел Русского Царя.

Он писал домой. На хутор, где никогда не видали Государя, где женщины и многие казаки не видали чугунок. Он писал туда, где, точно нахохлившаяся наседка, стояла белая хата под крутою и лохматою соломенною крышей, где в этот апрельский день — бездонно-голубое небо, сладко воркуют голуби, вся степь в зеленых прямоугольниках молодых хлебов и в пестром ковре цветущих трав, где в этот вечерний час на дворе чуть ладанно пахнет соломенным дымом и дымом углей, а сбившиеся на ночь овцы несут тепло пахучей овчины. Он точно видел весь хутор с тополями у церкви, с высокими журавлями колодцев. Ему казалось, что Царь видит хутор, и ему хотелось, чтобы и хутор увидел Царя.

Но как описать — неопишемое?! Оно было прекрасно, когда священник возглашал: «Благочестивейшего, Самодержавнейшего, Великого Государя Нашего, Императора Николая Александровича... да помянет Господь во царствии своем!..»

Оно было понятно, когда ласково говорила мачка, глядя его по голове: «до Бога высоко, до Царя далеко».

Оно казалось простым, когда жидким тенорком, неся запах махорки, дегтя, овчины и водки, напевал отец:

Русский Царь живет богато:
Войско водит в сапогах...

Но как передать это все своими словами?

Сергунька начал с поклонов. Прочитал, проверил... Не пропустил ли кого?. Кажется, все. Помянул и батюшку, отца Клавдия... Все...

Долго думал. Потом написал:

«...Без Бога нет Царя. Без Царя нет армии, а без армии нет России».

В этих простых, величественно-мудрых словах вылилось у Сергуньки всё. И то, что он впитал в себя с раннего детства на хуторе, в семье, в церкви и в школе и что было ему непонятно и далеко, и то, что он сейчас на Царском весеннем смотре, в прозрачных криках «ура», в волнующем виде красоты вдруг понял и сознал навсегда.

Santenу. 1928

П.Н. КРАСНОВ

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Кем и как создана эта страна-великан, Российская империя, не имеющая себе равных не только по сплошь занимаемому месту на карте, но и по разнообразию, — то сказочному богатству, то суровой убогости, — природных условий? Ответ на этот вопрос дает почти двенадцативековая колонизационная работа, органически связавшая русскою культурою Мурманск с Памиром и Тихим океаном, Белое море — с Черным.

Работа эта еще далеко не закончена. И вдумчивая оценка ее дает, следовательно, не только ключ к пониманию прошлого, но и позволяет наметить те вехи, по которым *будут проложены пути грядущей России*.

Из всех европейских народов восточным славянам, впоследствии ставшим «русскими», досталась на заре истории самая незавидная доля. Земли приморские, земли удобные и природой защищенные, не говоря уже о жемчужинах благодатного юга, оказались крепко занятыми тогда, когда появились они на предгорьях Карпат. И соседи, ранее осевшие на этих землях, приняли их враждебно: сразу же стали теснить на

восток и на север, тогда как славяне с самого начала стремились на запад и юг, к морю и солнцу, туда же, куда стремились и все их более счастливые соперники.

Нет возможности определить, какова была поначалу живая сила русского народа. Но если даже основываться на гораздо более поздних данных, достаточно уже надежных, то окажется, что в 1648 году, когда русская колонизационная волна, пробежав около 10 000 верст, докатилась до самой крайней точки своего проникновения на восток — мыса Дежнева, — численность населения России приближалась к 12 миллионам. В то же время Франция уже насчитывала около 19 миллионов.

Русскому продвижению на Дальний Восток может быть противопоставлено по стихийной мощности только североамериканское движение на «дальний Запад». Но и это последнее (растянувшееся примерно на 5000 верст) происходило в XIX веке и стало быстро развиваться только тогда, когда по рекам поплыли пароходы, а по железным колеям побежали паровозы. А главное: оно питалось непрерывным притоком извне свежей силы со всей Европы. За столетие, по данным американской статистики, в Северную Америку переселилось таким образом свыше 38 миллионов отборных искателей счастья и приключений. Русская же колонизация, колонизация *внутренняя*, протекавшая с наибольшим напряжением задолго до применения силы пара, — происходила в стране, которая всегда остро «болела безлюдьем».

Русская колонизация вылилась в движение, сознательно направленное к определенным целям, только к XVIII веку, когда по почину Петра Великого правительственная власть принялась деятельно руководить заселением огромных пространств, уже занятых вплоть до Ледовитого и Тихого океанов, и способствовать ему. До тех пор бессознательная, стихийная тяга русского народа на север, на юг и восток являлась, по существу своему, продолжением того первичного расселения по «великому водному пути из варяг в греки», про которое Соловьев сказал: «тихо и незаметно проходило оно для истории, потому что здесь было не завоевание

одного народа другим, а *мирное занятие земли, никому не принадлежавшей*».

Вызванная к жизни и направляемая в течение многих столетий стремлением населения уйти от опасностей, укрыться за естественными гранями; шедшая до XVIII века неизменно по пути наименьшего сопротивления, русская колонизация проявлялась, таким образом, не в распространении господства над чужеродными племенами, а в овладении пространством большею частью пустынным. *Ее стихия* — не в борьбе с людьми, а в *преодолении безлюдья*. Осмысленная поисками безопасности, она являлась процессом *органическим, естественным и необходимым*. Она была делом *всенародным*, свидетельствующим об *историческом чутье и государственных задатках* у того, тогда сравнительно малочисленного, основного русского ядра, которое сумело выделить достаточно энергии и предприимчивости, чтобы создать в крайне неблагоприятных условиях государство — «одну шестую часть суши», с его «неисчислимыми природными богатствами» и с населением, достигающим даже после всех произведенных над Россией за последние лихие годы перекроек — 150 млн. душ (вместо 12 млн. после Смутного времени).

Первым колонизатором, с самого основания русского государства, когда земля «великая и обильная» только начала заселяться, — был *удельный князь*. Он строил города-укрепления, укрывая и привлекая к ним засельников всякими льготами. Он заботился о хозяйственном благополучии жителей, дорожа их присутствием в своем уделе. Особенно отличались в этом отношении князья Владимиро-Суздальские, к которым поэтому и валило население, спугнутое уже в XII веке со степи одолевавшими кочевниками — печенегами и половцами. В их разумной и удачливой колонизационной политике лежит одна из причин усиления и значительного культурного расцвета этой области перед самым нашествием татар. Тою же хозяйственной заботливостью о населении объясняется выдвижение и рост Московского княжества уже при татарах.

Боярским и торговым людям, — новгородцам, — принадлежит первенство в заселении Поморья и в продвижении к Ледовитому океану, в погоне за товарами для новгородского обмена. «Терпя нужду на своей неродимой земле, тянулись они с XII века за богатством на далекий север, с *великими усилиями* проложив туда несколько путей» (Платонов). За ними шли уже другие поселенцы: монах и крестьянин.

Монашеская колонизация, развившаяся в XIV веке, в пору бедствования от татар, характерна тем, что здесь двигательной силой служило стремление уйти от заселенных мест в «пустыню», в поисках мира духовного. Пустынные обители, искательницы безмолвия и тишины, пошли от Троице-Сергиевского монастыря разветвлениями-колониями по рекам Костроме, Шексне, Вычегде к Белому озеру, а затем перекинулись далее на Соловки, по Белому морю в бассейн реки Онеги. «Это движение, — говорит Ключевский, — имело очень важное значение в древнерусской колонизации. Монахи расчищали лес, разводили огороды, пахали, как и крестьяне. Вокруг монастыря образовывались мирские крестьянские селения. Таким образом, движение пустынных монастырей есть движение будущих сельских приходов, которые в большинстве были первыми в своей округе».

Но настоящим закрепителем занятых пространств, где бы они ни лежали, на дальнем севере или востоке, являлся *крестьянин-хлебопашец*. Там, где он оседал, — независимо от долготы и широты, — решительно и прочно основывалось русское колонизационное движение: «Всюду, где было брошено хлебное зерно свободного пришельца-землевладельца, — там русское господство развивалось и укреплялось навсегда» (П. Головачев. «Сибирь»).

Таким образом, с самых древних времен русскими колонизаторами были: *власть, служилые и торговые люди, монах и крестьянин*. Двигательными силами в их продвижении являлись: искание безопасности и счастья на новой земле, — поиски товаров и уединения. И во всех случаях средством для закрепления владения и господства над захваченными зем-

лями упорный, хотя и «незаметный для истории», *мирный, оседлый труд*. Вот почему главным и решающим элементом в русской колонизации являлись не руководители, не высшие классы, а народные низы. *Не мечом, а зерном закреплялись за Российской империей ее «неисчислимые богатства»* на протяжении десятков тысяч верст.

С XVIII века в связи с постепенным закрепощением крестьянства и появлением раскола в колонизационном движении принимает все большее участие новая сила — всевозможная «вольница», бежавшая на разные «украины» в погоне за свободной жизнью — «воровские» и «гулящие» люди, «землепроходцы» и «бродники». Ими пополнялось *казачество*, сыгравшее видную роль при овладении Сибирью.

Мирное продвижение в Сибирь наблюдается уже в XVI веке, когда русские люди в погоне за ценнейшими мехами доходили до местности, называвшейся Мангазеею и лежавшей между низовьями Енисея и Обской губой. Падение Казани в 1552 году, — последней татарской твердыни, преграждавшей широкий путь на восток, — усилило и облегчило это продвижение. А предприимчивость даровитых русских купцов XVI века — Строгановых, и подвиги первых казачьих атаманов Ермака и Кольца, увлеченных Сибирью, указали их преемникам новые пути проникновения на Дальний Восток, открывшийся с разгромом Орды.

Быстрота, с которою каким-то вихрем пронеслись преемники Ермака, казачьи добровольцы-охотники от Урала до Тихого океана, прямо изумительная. В 1581 году погиб Ермак. А в 1602—1604 годах тобольские казаки уже плывут по притокам Оби, Кати и Томи; в 1632 году доходят до Лены, по которой продвигаются сверху донизу. В 1648 году казак Поярков, а в 1647 году Хабаров достигают Амура; в 1639 году Иван Москвитин с томскими казаками появляется на Тихом океане, а казак Семен Дежнев в 1648 году огибает будущий Берингов пролив.

Весь длинный путь от Камы до Тихого океана был, следовательно, проделан в какие-нибудь полвека (1581—1639), при этом с трудностями прямо неопишемыми.

Но не эта беспримерная во всей истории человечества *казачья удаля* решила судьбы Сибири. Продвигаясь быстро и смело с горсточками храбрецов-охотников по течению рек, порою прямо наугад, казаки только выполняли, временами с неравным боем, задачу *разведчиков*. За ними следом посылались Москвою *воеводы и дружины*. Затем тою же властью посылались государственные «хлебопашенные» *крестьяне*, первая партия которых, в 30 семейств, была направлена из Сольвычегодска в 1590 году. Но и правительственная власть была еще в то время слишком слаба (особенно после Смутного времени), чтобы вести дело колонизации последовательно и планомерно. Не она руководит движением, а *движение* ею.

Истинными засельниками Сибири долгое время являлась та *безымянная вольница*: беглые крестьяне, преступники, сектанты, что скоплялись в XVI и XVIII веках на северо-востоке и на Южном Урале; землепроходцы, которые, уходя от крепостной земли, уносили с собой мысль о «проведывании новых земель». Без этого людского потока, сильного не столько числом, сколько энергией, русская правительственная власть до Петровского времени оказалась бы не в силах справиться с сибирскими необъятными пространствами, освоить и осилить этот суровый край.

Гений Петра немедленно сказывается и в области колонизации. С его легкой руки начинается научное обследование Сибири. В 1720 году снаряжается экспедиция Мессершмидта, а затем Беринга. Последнему, между прочим, поручается завести хлебопашество в Охотске. Затем в 1733–1738 годах отправляется Камчатская экспедиция, стоившая жизни Берингу и Деллилю; в 1740 году — Палласовская; в 1774 году — Лепехинская. Все эти опасные научные предприятия, требовавшие самоотверженного, настойчивого труда, стоившие здоровья, а иногда и жизни исследователям, составляют одну из самых светлых страниц сибирской истории. Огромное значение их в том, что, начиная с Петра, разрозненные, случайные усилия отдельных русских людей получают со стороны власти

поддержку, которая выражается прежде всего в *научной* постановке руководства всем движением.

Петру Великому принадлежит почин и в оказании планомерной *военной* поддержки русскому колонизационному движению, достигшему к концу XVIII века пределов возможного распространения по линии наименьшего сопротивления. Уже в 1652 году собранный Хабаровым отряд охотников натолкнулся при Амуре на высланные китайским богдыханом маньчжурские войска. В 1689 году по Нерчинскому договору России пришлось уступить Китаю почти весь захваченный Амурский участок. На Алтайском направлении русские засельщики к тому же времени также встретились с упорным и опасным противодействием киргизов-кочевников, пришедших в этом крае на смену татарам.

Петр, восстановивший своими Азовскими походами, а затем походами на Хиву и Персию русское продвижение на юг и юго-восток, понял, что без помощи регулярной военной силы дальнейшая колонизация не только должна будет приостановиться, но что и достигнутое уже — окажется под прямой угрозой, как в Киргизском крае. Поэтому наряду с упомянутыми походами Петр начинает проводить в Степной области «линии» крепостей. С тех пор русская колонизация перестает быть мирным расселением и становится завоевательным; она начинает походить на колонизацию европейских держав, выражающуюся в *установлении господства* над покоренным населением.

Но к этому времени на севере и востоке, на десятки тысяч верст были достигнуты уже *естественные грани* — моря и горы. Была закреплена на большом протяжении наша теперешняя граница с Китаем. И эта многовековая работа по установлению государственной границы на природных рубежах была выполнена *самим народом*, не подгоняемым властью, а наоборот, толкавшим властью вперед. Сам народ на протяжении столетий *самотеком* растекался по необъятным российским равнинам. Служилые люди и «воры», казачья вольница и духовенство, преступники и аскеты — вот кто, двигаясь вперед

то к безопасности, то к простору и воле, то к уединению, являлся теми «империалистами», что сделали возможным расширение Российского государства до пределов, в которых оно стало в 1721 году *империей*.

Образчиками имперской «завоевательной» колонизации в Европейской России явились Новороссия и Бессарабия. В 1783 году был присоединен Крым. А менее чем через сто лет, в плодороднейших пустырях, где под высоким покровительством Блистательной Порты, поддержанной всею Европою, промышляли недобрым делом кочевники; где красовались вскоре знаменитые «потемкинские деревни» (оказавшиеся быстро превзойденными действительностью), была создана богатейшая житница, с оборудованными портами, железными дорогами, с земством и университетом. То же произошло позднее с Бессарабией, которую из дикой пустыни за несколько десятилетий русская колонизация (уже энергично руководимая властью) превратила в цветущий хлебородный сад.

Завоеваниями империи в Азии (помимо Приамурья и Приморья) явились наши *среднеазиатские владения*, упершие Россию в Памир. Они переместили нашу государственную границу в этом отрезке из незащищенных степей на трудно преодолимые *природные заграждения*. Стремление опереться на них являлось главным побуждением в продвижении. Но нельзя не отметить, что это продвижение определилось и особенно усилилось, выразившись в ряде героических походов, с тех пор и в меру того, как Европа, в своем стремлении «поддержать равновесие», нанесла России ряд серьезных дипломатических и военных поражений (Крымская кампания, Берлинский конгресс) на ее естественном и исконном пути к европейскому Югу.

«Провиденциальной миссией России явилась колонизация среди полуварварских народов Азиатского континента. И в этом отношении русский народ достиг выдающихся успехов. Русский человек идеальный колонист. Как колонист-земледелец он никем не превзойден» — так отзывался иностранец, друг России (г. Саролеа). А вот в каких выражениях говорит о нашей среднеазиатской (военной) колонизации лорд

Керзон, недоброжелательное отношение которого к России достаточно известно: «Добродушие и терпимость покорителей пересилили предубеждение покоренных. Никогда Англии не удавалось превращать так удачно своих бывших врагов в сотрудников». И *никогда*, — надо добавить, — *русская власть не возводила в систему различие по цвету кожи*, лишая инокожных покоренных самых основных *прав* общежития перед лицом белых покорителей. Если у русской власти в данной области встречались и ошибки, порою очень прискорбные, — то они вытекали из случайных злоупотреблений, а не из системы классификации людей по цвету кожи, совершенно чуждой русскому человеку.

Русская колонизация, до середины XVIII века являвшаяся процессом мирного и органического проникновения, заполнения захваченных ею пустынных пространств русским содержанием, русскою культурою, — *осталась такою же до конца*; даже тогда, когда ей пришлось принять некоторые черты, вытекающие из государственного господствования. Вслед за завоеваниями мирно вливалась русская стихия, постепенно проникая и *сливаясь со стихией туземною*. Разумные представители власти этому немало способствовали, неразумные — мешали. Но изменить векового уклада русской колонизации, сложившегося в условиях мирного проникновения, — они *не могли*.

Трудно в немногих словах подвести даже беглые итоги тех культурных достижений, к каким привело распространение русского колонизационного движения на «одну шестую часть суши», из которой, — не надо этого забывать, — *очень значительная доля приходится на совершенно непригодные для культуры пространства*.

Самым характерным является как раз то, что при приобщении этих пространств к культуре русский колонизатор *не останавливался ни перед какими препятствиями*. Казачьей удали и самоотверженным трудам *русских ученых* нисколько не уступали и *русские инженеры* — строители путей сообщения, которым выпала главная заслуга в деле преодоления пространств и безлюдья.

Постройка в 1880 году генералом Анненковым в знойной пустыне, в безводных песках *Закаспийской* железной дороги, «одного из тех сооружений нашего времени, что наиболее способствовали цивилизации» (по отзыву иностранца), — постройка, явившаяся с технической точки зрения совершенно исключительной. Прокладка *Великого Сибирского пути* и *Восточно-Китайской железной дороги* (под влиянием которой население Маньчжурии с 1,5 млн. увеличилось до 12) — общим протяжением около 10 000 верст. Наконец, осуществленная уже во время войны постройка *Мурманской* железной дороги, самой северной в мире, за Полярным кругом, в царстве вечной ночи и мерзлоты, в совершенно невероятных по трудности технических условиях. Таковы главнейшие из сооружений — образцы русских достижений.

«Когда на берегу Ледовитого океана засвистит наконец первый паровоз, — Россия вправе будет заявить, что ею *исполнена еще раз титаническая работа*», — писал английский «Таймс» в 1915 году. Русский паровоз уже в 1916 году засвистел на берегах Ледовитого океана. Русская техника в лице строителя Мурманской железной дороги инженера В. В. Горячковского *поставила свой мировой рекорд* в деле приобщения к культуре самых диких, самых недоступных местностей. История этой постройки, проложившей около 250 верст железной колеи по сплошным и непроходимым болотам, выполненной к тому же в необычайно короткий срок, после того как лучшие иностранные специалисты оказались вынужденными отказаться от нее, — является показателем того, что дала уже в прошлом и что сможет принести еще в будущем русская колонизация. Ни вечный мрак полярной ночи, ни непроходимые топи и лютые холода, ни безводные пески не могли остановить распространения русской колонизации и культуры, которая в противоположность рядовому колонисту — *шла обычно по линии наибольшего сопротивления*.

Русскому народу всячески преграждали путь в его распространении к благодатному югу — путь, который его всегда манил. По нужде, по воле враждебных сил русский народ дол-

жен был без конца двигаться от очагов культуры в непроходимые дебри. Но в эти дебри он неизменно переносил с собою очаги культуры.

Не счесть усилий и жертв, потраченных поколениями русских людей на эту неблагодарную, часто невидную работу. Не счесть и той пользы, тех всходов на хорошо уже подготовленной почве, какие должны принести России в будущем эти труды и эти жертвы, — при условии, конечно, что новые поколения поймут и оценят, сэберегут и используют преимущества, созданные безвозвратно ушедшими...

Упорною, героическою работою миллионов тружеников созданы грани великой России, открывающие беспредельные возможности для хозяйственной предприимчивости и мирного производительного труда. От будущих работников зависит использовать к обоюдной выгоде всех разместившихся за этими горами племен и народностей огромные богатства Русского Севера и Юга, Востока и Запада, органически связанных воедино русской колонизацией.

Б.А. НИКОЛЬСКИЙ

СТАРЧЕСКИЕ ЗАВЕТЫ

I

Недавно я посетил Петра Ивановича. Старик ученый, подобно всем нам изгнанный из России, волею судьбы заброшенный в глухие горы и живущий переводами, великолепными переводами, которые он посылает в какой-то университет в Америку... Старик всегда поражал меня своим простым здравым смыслом. Теперь, удалившись невольно от мира, он стал глядеть на все как-то особенно просто и определенно. Порою кажется, что он черпает мысли из глубины окружающей его дивной природы.

Старик, долго не выдавший знакомого лица, обрадовался мне. Он угостил меня скромным ужином, и вечером в его уютной комнате, под тихое завывание ветра, полилась наша мир-

ная беседа. Разговор невольно коснулся нашего беженства, далекой Родины и ее печальной судьбы. Я жаловался Петру Иванычу на удивительную безысходность нашего положения. Все мы хотим спасти Россию, но как? и когда? Да ведь часто некогда не только действовать, но и думать. Так трудно дается даже необходимый кусок хлеба.

— Так-то оно так, — задумчиво сказал Петр Иваныч, — все мы действительно хотим и все говорим, что по первому зову бросим всё и куда-то пойдем спасать Россию. А вдумались ли вы, — пойдет ли действительно большинство по этому первому-то зову? Бросит ли с трудом нажитые крохи, жену, детей, близких, чтобы идти на возможную смерть и верные страдания?

— Да, — сказал я с убеждением, — я думаю, что большинство пойдет.

— Пойдет, — ответил Петр Иваныч, — если будет знать наверное, что предприятие увенчается успехом. Но можно ли требовать этого от судьбы? не слишком ли многого мы от нее ожидаемся?

Нет, — продолжал он, — вы посмотрите на это с другой стороны. Вы — беженец. Представьте, что вам завтра предложат идти не в победоносный поход с барабанным боем и развернутыми знаменами, а *незаметно и скромно* провезти из Лондона в Вену маленькую бумажонку, за которой, вы знаете, будут сильно охотиться те, кому эта бумага мешает. Возьмется ли вы за это дело, где вас, возможно, ждет пуля, кинжал или иная незаметная и бесславная смерть? Способны ли вы будете *умолчать и не хвастаться* в случае удачи? Готовы ли вы к тому, чтобы неожиданно бросить все, что вам дорого, и рисковать своей жизнью? Готовы ли вы исполнить *непонятное* для вас поручение, не расспрашивая о нем? Есть ли у вас такой начальник, в мудрость и опыт которого вы верите и приказания которого вы исполните без праздного любопытства? А что сделает беженская масса, если у большинства нет такого лично признанного начальника, нет рулевого, дающего курс кораблю?

Или другое: скажем, завтра в России — переворот. Устанавливается какая-то новая власть, при которой можно работать. И вот вам предлагают место школьного учителя в пригородном селе. Святая задача — исправить вконец испорченную молодежь. Кругом зеленые, — не примирившиеся с новою властью чекисты, скрывающиеся в лесах и грабящие население. Войск мало. Крестьяне относятся с недоверием. Дети — форменные хулиганы. О том, чтобы взять туда семью, не может быть и речи. Опасность и страх на каждом шагу. Готовы ли вы в любую минуту, скажем — через час, бросить всех и все и ехать туда, куда призывает долг?

Это я вам привел только два примера, но подобных примеров могут быть тысячи.

Готовы ли ваши *мысли*? Настроены ли вы так, чтобы действительно серьезно пожертвовать всем для Родины, и не на словах и мечтах, а в грубой действительности? Вот задача: *очищение своих мыслей молитвой и усилием воли* как единственно действительный способ; направление сердца «горе» согласно великому призыву церкви; постоянная *жертвенная готовность* в ущерб всем привязанностям, имуществу и самой жизни; *добровольное подчинение единой воле* раз избранного начальника; и *умение молчать*. Это задачи, который всякий беженец может и должен поставить себе и свято исполнить.

И уверяю вас, — добавил старик, — что пока известный процент русских не очистит и не приготовит подобным образом свои мысли, будь то мужчина, женщина, старик или юноша, — до тех пор, повторяю, и заветный час призыва к служению *не настанет*. Это *неизменный нравственный закон природы*.

Есть сказание, — продолжал он, — что где-то в старину была страна, попавшая в великое бедствие; и было предсказано, что лишь тогда она освободится, когда найдется человек, который добровольно даст себя замуровать живым в стену строящейся крепости. Один юноша нашелся, — и страна была спасена¹²¹. Но то был маленький народ, а наша Родина велика и обильна. Многое количество людей должно подобным же образом возвыситься, — и только тогда настанет срок.

Укрепить себя, исправить свои мысли: вот ваша работа; вот ваша задача. *Всякий может ее делать в любой обстановке.*

Старик замолчал. Луна озаряла снежные вершины суровых гор. И мне казалось, что и сердца людей должны стать такими же высокими, такими же белыми, такими же крепкими и суровыми, как эти исполины. После зимнего подвига, под весенним солнцем, растопится их ледяная крепость, и устремятся их чистые льды прозрачными ручьями в долину. Но то будет весной. Во время же зимней стужи закуемся в ледяную броню. Ведь наша заветная «весна» еще не наступила.

Много думал я после вчерашнего моего разговора с Петром Ивановичем; заснул поздно, но спал отлично. Дивное утро в чудной местности, прозрачный горный воздух и яркое солнце освежили и ободрили меня. Петр Иванович уже ждал меня за утренним кофе, в уютной комнате у большого окна с видом на глубокую долину. Мне столько хотелось от него узнать, что я тут же стал продолжать интересующий меня разговор.

— То, о чем вы вчера говорили, — сказал я, — мне кажется очень правильным. Но подумайте, как трудно даже над собой работать, когда кругом столько разделений. Много ли нас, беженцев? А смотрите, сколько партий, сколько группировок, и заметьте — всё непримиримых. Молиться ходим и то в разные церкви, друг друга не признающие. Ведь столько препятствий, что за ними не видишь даже, куда и как идти.

Старик ничего не ответил. Он только молча пил кофе и ясным взглядом смотрел на расстилавшуюся перед нами долину. Наконец он поставил чашку и повел такую речь:

— Я расскажу вам бывший со мною случай, — начал он, — быть может, он лучше многих рассуждений объяснит вам мою мысль.

Мне помнится, в бытность мою на Кавказе жил я в Кисловодске. Не в самом городе, а внизу в станице. Я очень любил гулять по долине Подкумка; но туда надо было дойти. Сначала, когда хаты станицы кончаются, тянутся левады — сады,

огороженные заборами; и мне всегда казалось досадно, особенно в жаркий день, что заборы эти мешают мне ходить по прохладным левадам. Затем надо было с большим трудом обходить по грязи огромную лужу, и это тоже было очень скучно. Но вот сады кончаются, и тянется долина — пустая, покрытая «степью», то есть непаханная, с мелкими камнями; и лишь серебряный рукав Подкумка да окружающие горы разнообразят эту картину. Но я ее любил; в ней было столько какой-то первозданной задумчивости. Там на дороге есть гора, называется она Красивый Курган. Она действительно красива: не очень высокая и островерховая, как курган. Я подолгу любовался ею и тихо радовался, на нее глядя.

И вот, раз дошел я до «Крутого спуска»; так называется извилистая дорога, круто поднимающаяся на Боргустан — высокий гребень, которым оканчивается плоскогорье. Медленно и с трудом я взобрался наверх... и остановился восхищенный. День был ясный. Передо мной расстилались цепи гор, а там, далеко, тянулся снежный хребет Кавказа, столь близкий своей яркой белизной. От Эльбруса и до Казбека все переливалось ледяным сиянием. Я забыл усталость и забыл все. Только глаза не могли оторваться от чудной картины, созданной Богом.

Насладившись вдоволь, я сел на землю и стал думать о том, как я сюда взошел. И все вспомнил: заборы и препятствия, красивый курган и крутой, тяжелый подъем. С любопытством взглянул я вниз в долину, желая посмотреть, где все это осталось. И что же?... Вдали мелкими точками белели хаты станицы; о препятствиях и заборах не было и помину: с такой высоты их вовсе не было видно. Красивый Курган с горы тоже не был замечен — как мелкая выпуклость, он слился с долиной. Подъем еще ясно различался у самого обрыва, а внизу он терялся в прозрачном тумане. Уйди я немного дальше — я забыл бы и про обрыв. Мелочи ушли, и видно было только главное направление долины. Понимаете ли? — спросил он.

Вот и в нашей жизни все так же. Препятствия кажутся неодолимыми. Мелкие радости слишком долго останавлива-

ют наш взгляд. Тяжелые затруднения, как трудный подъем, смущают нашу решимость. Но *поднимитесь хоть немного на гору*, и вы увидите, что подниматься уже не так трудно, что препятствия как-то странно уменьшились и что красивые мелочи, в общем, все же *мелочи*, а *надо смотреть наверх, к Богу*. У Него и сам подынешься, и только Он укажет, как спасти гибнущую Родину.

Но вы скажете: как же подняться в жизни? Есть много способов. Поднять нужно *себя*. Прежде чем поднимать других — нужно *самому подняться*. Надо стараться периодически сбрасывать с себя гири — низкие страсти, притягивающие к земле. Нужно облегчать свою душу *молитвой*. Нужно возвышать себя исполнением долга и делами любви и милосердия, не мечтами об этом, но — подчеркиваю, *делами*; и все это *в обычной жизни*. Такое уж теперь тяжелое время, что тот, кто не хочет завязнуть в болоте современного ужаса, — *должен возвышаться*. Вот как поднимаются на Божью гору. Надо помнить, что мелким вещам и препятствиям нужно уделять лишь мелкую мысль. Высокая и сильная мысль — только к Высокому и Сильному — к Богу.

— А как же разделение в Церквах? — спросил я.

— Церковь, — сказал Петр Иванович, — есть верный путь на вершину, с опытными проводниками. Дорога наверх утомительна и идет по обрывам. Вы, может быть, думаете, что знаете дорогу, но берегитесь, чтобы не упасть. Идите с Церковью; даже с опытными проводниками некоторые обрываются, но без них идти не советую. Вы только не сомневайтесь, что ваша Церковь есть путь вернейший и кратчайший. Вы можете личным примером и другим показать, что ваш путь скорее приведет к заветной цели. *Пример — единственно сильное убеждение*. Но не ругайте и не проклиняйте тех, которые к той же цели идут другими дорогами. Напротив, помогайте им; они вам друзья; они идут туда же. Пожалейте, что их путь длиннее вашего, но не опрокидывайте их в бездну только потому, что они, в силу привычки, пожелали идти по своей дороге. Если они искренны, верьте, что и они дойдут, — и тогда все

будут вместе. Чуждайтесь и опасайтесь *только тех, которые сознательно идут по дорогам, ведущим вниз*. Эти вам, безусловно, не по пути. Божья любовь и внутренняя совесть укажут вам разницу. Но главное — *подымайте себя*, — тогда верней ее увидите.

Говорят, что знаменитый митрополит Московский Платон, быв однажды спрошен о разделениях в Церквах, заметил, что он надеется, что земные перегородки не дорастают до неба.

Помните только одно: для того, чтобы правильно рассуждать о разделениях и препятствиях — нужно знать. Чтобы знать, как следует — нужно подняться выше, дабы не путать важного с мелочью. А пока вы внизу — верьте тем, которым вы доверились и которые, стоя выше — лучше и видят. А их выбирайте *по указанию своей совести*.

Но пойдёмте гулять, — добавил, — мы поднимемся на гору, и я вам на практике докажу правильность моей теории.

И мы пошли.

Г.А. ШЕРЕМЕТЕВ¹²²

(Окончание следует)

Часть II

РУССКАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СПОСОБНОСТЬ

Организационная способность русского народа есть одна из труднейших загадок человеческой истории. Народ, создавший государство, — по размерам территории *второе* в мире, а по численности населения *третье**; одолевший все препятствия сурового климата, континентального массива, лесов, болот и степей, пестрой разнородности, разноязычия и разноверия**, незащищенности границ, татарского ига и непрерывных вековых войн***; и при всем том не только не расстративший своих душевно-духовных сил, но сохранивший свой национальный лик и явивший его другим народам в величии и красоте — должен был бы обладать исключительным организационным даром и умением... И в то же время этот народ обнаруживает на протяжении всей своей истории склонность к внутренним несогласиям и распрям, которые в среднем раз в сто лет принимают форму смуты, междоусобия или революционной резни... Междоусобствовали русские люди в период уделов; ссорились и ходили друг на друга под татарским игом; разложили и чуть не погубили свою страну в великой Смуте; резались в годину Разина; бунтовали беспрерывно при Петре Великом; опять резались в годину Пугачева; раскачивали резню в лице декабристов и народовольцев; и в начале двадцатого века в два приема раскачали ее так, что мировая история не может вспомнить подобного кровопролития...

Как же совмещается в русской душе эта способность к организационному творчеству (и в большом, и в малом масштабе) — с этой тягой к расправе и смуте, к разложению и анархии? Почему наши враги, хулители и предатели могут с такой

---

* См. «Русский Колокол», книгу первую, статьи: «Русская территория» и «Население России».

** См. «Русский Колокол», книгу вторую, статью «Историческое бремя России».

*** См. «Русский Колокол», книгу третью, статью Б. А. Никольского «Войны России».

развязной уверенностью твердить о нашей организационной бездарности и немощи? И что мы можем ответить им, ликующим и грозящим в час нашего развала и лихолетья? Ведь у соседей наших даже басня (несправедливая) по этому поводу сложена, будто «один немец — ничто, два немца — организация, три немца — порядок; один русский — талант, двое русских — распря, трое русских — скандал и хаос...». Где же правда?

Установим с самого начала, что русская душа действительно таит в себе большую организационную способность или, если угодно, удобо-организуемость.

Первым доказательством тому является *русская армия*; Россия, обороняясь и закрепляя свои рубежи, провоевала всю свою историю. С армией, неподдающейся крепкой спайке на фронте и в тылу, — она не просуществовала бы и ста лет; она не одолела бы татар, не отразила бы поляков, шведов и турок, не выдержала бы военных напряжений XIII и XIX веков. Это доказывает, что русский народ, *добиваясь организации, радея о ней, умеет организовываться отнюдь не хуже своих соседей*.

Ясно также, что за русской армией в течение всей истории стоял слагавший ее, обучавший, водивший и кормивший ее русский *государственный центр*; тот самый центр, который своим искусным политическим домоводством собрал Россию воедино*, который замирял и замирил ее, который блюл русские интересы, осторожно направлял великий процесс русской колонизации**, ограждал и насаждал ее земледелие, промышленность и торговлю, строил русские дороги*** и каналы, укрепил и потом освободил русские сословия и, наконец, создал и взрастил русское просвещение.

Не смешно ли говорить о русской организационной бездарности и немощи?

* См. «Русский Колокол», книгу третью, статью И. И. Лаппо «Московские князья-собиратели».

** См. «Русский Колокол», книгу пятую, статью Б. А. Никольского «Русская колонизация».

*** См. «Русский Колокол», книгу пятую, статью А. И. Бунге «Великий Сибирский путь».

Однако столь же неосновательно и слепо было бы утверждать, что удобо-организуемость русского человека всецело зависит от *приказа* и *принуждения государственного центра* и что, предоставленные сами себе, русские люди быстро превращаются в общественную пыль. Вся история России не соответствует этому.

Так, Россия искони знала *местное и сословное самоуправление*, начиная от древних торговых городов, «вервей» и «погостов» (XII век); восходя к тяглым «обществам» и «мирам», «черным сотням» и «слободам», к казачеству с его великим колонизационным движением на окраинах Юга и Востока; кончая позднейшим самоуправлением — дворянским, купеческим, мещанским, крестьянским и, наконец, *земством* и *городом* последнего века. Столетиями вынашивало это самоуправление свой особый уклад — в избрании, в разверстке, в учете и в круговой ответственности, а в дальнейшем — во внутреннем самообложении и в удовлетворении ряда важнейших местных интересов и нужд. Оно вырабатывало и свое *обычное право*, имевшее особенное значение в *крестьянском самоуправлении*.

Однако и помимо этого организаторства, так или иначе оформленного государством, Россия знала самоуправление *церковное* — *приход, монастырь* и *церковный собор*. Просмотреть монастырскую культуру на Руси — религиозную, нравственную, умственную и хозяйственную — значило бы поистине просмотреть слишком многое.

С древнейших времен, еще с XII века, Россия выработала, далее, замечательную — одновременно *строгую* и *гибкую* — культуру *артелей*, истинное создание народного организаторского таланта. Этой формой деловой самоорганизации Россия была пронизана сверху донизу: артели рабочие, биржевые и комиссионные — слагались и работали повсюду веками, никем не насаждаемые и едва регламентируемые законом. Только этим долгим опытом и объясняется возможность того бурного расцвета *кооперативного* дела, который Россия переживала за последние десятилетия.

Нельзя не упомянуть о русском *хоровом и музыкальном* организаторстве. Знатоки хорового дела прямо указывают на исключительную способность славяно-русского племени к многоголосовому пению, которое ведется *по слуху, верно и без подготовки*. Для человека, понимающего душевно-духовную сущность пения и музыки, одно это наблюдение само по себе могло бы предрешить вопрос о способности русского человека к самоорганизации. Отсюда достижения русских хоров, знаменитая культура киевских распевов, расцвет церковного пения при Иоанне Грозном, позднейшие хоры (Славянского, Архангельского, Императорской капеллы, синодальный, чудовской, московского Большого театра) и русские симфонические оркестры.

К этому ряду явлений необходимо отнести и русские *частные театры*, особенно Московский Художественный театр, это истинное чудо организации; многочисленные *частные* (средние и высшие) *учебные заведения*; благотворительные общества, московские университетские клиники, и многое, и многое другое.

Нужна поистине партийная или вражеская ослепленность для того, чтобы все это замалчивать или отрицать...

Однако наша основная загадка этим, конечно, не разрешается. Ее разгадку и объяснение надо искать в следующем.

Организационная способность русского человека *не воспитана, не закреплена характером и чувством долга* и отнюдь *не механизирована* (как у некоторых европейских народов). Русский человек *первобытен и органичен* в своем организаторском деле. Поэтому он создает успешно там, где он *верит и любит*, где он *имеет талант и вдохновение*. Но там, где он не заинтересован, где он безразличен, холоден или не чувствует призвания, там он быстро распускает внимание и волю, становится ленив и небрежен и слабохарактерно предается страстным и корыстным влечениям. А так как жизнь отнюдь не состоит из одних удовольствий и человеку всегда нужны *огромные усилия для самопонуждения*, то соблазн двинуться по линии наименьшего сопротивления, по линии корысти и

страстей — становится для русского человека слишком часто легким и близким. От этого обсыпания и разложения его удерживали обычно только три силы: *вера в Бога, вера в вождя и государственное понуждение*; четвертую силу, *силу личного характера и правосознания*, и пятую силу — *силу высокого и устойчивого общественного мнения* — в России только еще *предстоит создать*.

Религия строила Россию: *вера* крепила характер и чувство долга, будила добрую волю и совесть, подвигала на героизм; *приход* учил добросовестной организации; *монастырь* учил трудолюбию, жертвенности, бесстрастию и нищелюбию.

Сильные вожди строили Россию: активные, дальнзоркие, распорядительные, требовательные, упорядочивающие, неутомимые, вдохновенные. Русский человек даровит и терпелив; он цепок, изворотлив, вынослив и способен удовлетворяться малым. Но ему нужно *верить в ведущего* для того, чтобы *вдохновляться* и тем делом, *которое само по себе его не вдохновляет*; для того, чтобы *закрепить свою нерешительность решением вождя*. Вот почему русская душа всегда видит сны о *волевом гиганте*, верить в которого есть *счастье* и служить которому есть *спасение*. И делятся русские люди не на «верящих в вождя» (монархистов) и «не верящих в вождя» (республиканцев), а на таких, которые верят в *злодейского вождя*, и на таких, которые верят в *благородного вождя*; все же остальные — суть сами неудавшиеся «вожди», требующие «равенства» из зависти и честолюбия.

Так разрешается наша основная загадка. *Безвдохновенная лень* и *голодное честолюбие* суть две основные силы, которые подрывают русскую организационную способность. Эта способность сама по себе велика; а величие ее исторического призвания единственно в своем роде. Но для того, чтобы эта способность проявилась в полной мере, необходим *живой, творческий интерес к делу, вера, любовь и вдохновение*. Нет этих условий — и начинаются соблазны и колебания. А если к тому же поколеблется религиозное чувство, отпадет государственное понуждение и своевременно не найдется *благородного*

вождя, то разнуздание злых страстей и организационное распадение станет неизбежным. Понятно, что появление *злодейского вождя* завершит эту трагедию.

Отсюда ясны и пути спасения.

СТАРЫЙ ПОЛИТИК

РУССКАЯ ВООРУЖЕННАЯ СИЛА В 1914 ГОДУ

Численность русской вооруженной силы в мирное время к 1914 году достигала 1 423 000. С объявлением общей мобилизации призывалось еще 3 115 000 людей, которые представляли собой весь запас военнообученных людей до 38-летнего возраста включительно. Из них около 2 100 000 предназначалось для доведения воинских частей до штатов военного времени, а также для формирования новых частей; остальные 1 000 000 шли на формирование запасных войск и учреждений глубокого тыла.

Кроме призыва чинов запаса армии, наш мобилизационный план предвидел еще призыв ополчения. Последнее разделялось на два разряда.

В первый разряд зачислялись все чины запаса армии после 38-летнего возраста до 43-летнего включительно. Это составляло около 400 000 получивших воинское обучение людей, но уже преклонного возраста. Кроме того, в первый разряд ополчения зачислялись молодые люди, которые за излишеством не попадали при очередном призыве в войска. Они получали совершенно недостаточное обучение во время нескольких краткосрочных учебных сборов.

Во второй разряд ополчения попадали лица, освобожденные от поступления при призыве в войска согласно широко предоставленным нашим законом льготам. Ратники второго разряда никакого воинского обучения не получали. Точный учет чинам ополчения велся лишь для лиц, прошедших через армию, и для четырех младших возрастов первого разряда. Поэтому общую численность ополчения можно

определить лишь приблизительно цифрой от 7 000 000 до 10 000 000.

Мобилизационный план не обнимал всего ополчения в той же подробности, как запас армии. Предполагалось возможным ограничиться лишь ополчением первого разряда. Из этого ополчения формировались ополченские дружины, предназначенные для несения тыловой службы и, главным образом, для гарнизонной службы внутри империи на замену ушедшей полевой армии. Это составляло около 800 000 людей.

Ополченские дружины были вооружены старыми, нескорострельными ружьями 1878 года, так называемыми берданками. *Никакой боевой силы они собой не представляли.* Те из них, которые были притянуты на театр военных действий, применялись лишь как *рабочая сила* или *этапные части*. В этом отношении наше ополчение *резко отличалось* от ландштурма Германии и Австро-Венгрии. Там части ландштурма смогли принять участие в боевых действиях с первых дней войны. В Германии из ландштурма по преимуществу и составила та завеса, которая закрыла ее границу (Grentzschutz)...

У нас из ополчения первого разряда должны были также формироваться запасные батальоны второй очереди, на что предназначалось еще 1 000 000 ратников.

Таким образом, наш мобилизационный план охватывал всего около 6 500 000, причем *телеграммой и Высочайшим указом об общей мобилизации поднимался только запас армии*, т. е. 3 115 000, тогда как ратники ополчения первого разряда призывались впоследствии особыми Высочайшими манифестами.

Наши перволинейные войска в отношении *боевых качеств и тактической подготовки* были на *должной высоте*.

Неудачи японской войны не поколебали традиций старых частей, знамена которых участвовали во многих победах прежних времен. Ценою крови на полях Маньчжурии против первоклассного неприятеля был куплен *боевой опыт новой тактики*. В 1914 году в рядах наших войск находилось боль-

шое число командиров, офицеров и унтер-офицеров, прошедших лучшую военную школу — *школу войны*.

Пехота в значительной мере отрешилась от пережитков в виде массивных цепей и стремилась обосновать свои боевые действия на *работе звеньев*. *Стрелковое дело* было поставлено *выше, чем в любой армии мира*. В этих отношениях русские перволинейные войска оказались лучше подготовленными, нежели противники. Самому автору приходилось неоднократно быть свидетелем в первых боях, насколько наши пехотные полки были более «современными». Не только австро-венгры, но и немцы появились в этих боях с массивными построениями в виде густых цепей и представляли выгодные цели для нашей полевой артиллерии, а также для ружейного огня наших стрелков. Этим отчасти искупалось в первых боях невыгодное для нас различие в огневой силе наших дивизий и таковых же противника.

Наша полевая артиллерия в смысле умения использовать свойства современной скорострельной пушки превосходила не только артиллерию противника, но и французскую, всегда занимавшую почетное первое место. В этом нам пришлось лично убедиться. В 1910 году автору пришлось присутствовать во Франции на артиллерийских упражнениях в Майлли (Camp de Mailly). Он был крайне удивлен тем, что увидел: все стрельбы велись на небольших дистанциях (3 версты); командиры батарей управляли огнем, не применяя телефонной связи; вследствие этого они не отдалялись далее 50 метров от батарей, а последние не могли вполне использовать закрытые позиции. Русская полевая артиллерия после японской войны далеко шагнула вперед. Она обучалась стрельбе на *все дистанции; закрытые позиции и телефонная связь* являлись *нормой*, а не исключением, как во Франции.

Интересно привести здесь оценку того впечатления, которое произвела на немцев первая боевая встреча с нашими войсками на Гумбиненском поле сражения. «...7 (20) августа, впервые после полутора столетия, — пишет германский полковник Рудольф Франц («Der Große Krieg 1914—1918», heraus-

geg. von M. Schwarte. S. 289), — встретились в большом сражении пруссаки и русские. Русские показали себя как очень серьезный противник. Хорошие по природе солдаты, они были дисциплинированы, имели хорошую боевую подготовку и были хорошо снаряжены. Они храбры, упорны, умело применяются к местности и мастера в укрытом размещении артиллерии и пулеметов. Особенно же искусны они оказались в полевой фортификации: как по мановению волшебного жезла вырастал у них ряд расположенных друг за другом окопов...»

Сравнивая *тактическую подготовленность* нашей перволинейной кавалерии с немцами, нужно отдать справедливость, что последняя была более «современной». Русская конница не смогла окончательно отрешиться от устарелой «доктрины шока». Но в Австро-Венгрии и у держав Согласия дело обстояло во много раз хуже; так, например, французские кавалерийские дивизии выступили в 1914 году, имея в своем составе каждая кирасирскую бригаду *в кирасах*; эти бригады предназначались для нанесения *coup de collier* в минуту ожидаемого шока!

Мы считаем себя вправе утверждать, что в 1914 году *кадры русских войск* должны быть поставлены на первом месте, как по сравнению с нашими бывшими союзниками, так и с бывшими противниками.

Н.Н. ГОЛОВИН¹²³

РОССИЙСКОЕ КОННОЗАВОДСТВО ДО РЕВОЛЮЦИИ

Нет другого государства, в котором лошадь имела бы такое важное хозяйственное и даже государственное значение, как в России. Причиной этому являются: преобладание сельского населения над городским; ограниченное применение для тяги других животных (мулы, ослы, волы, верблюды); мало-развитая сеть железных дорог и каналов; глубокий снежный

покров и плохое состояние грунтовых дорог, препятствующее широкому применению механических двигателей; наконец, необходимость содержать огромную армию и, в частности, самую большую в мире конницу.

Российская империя по количеству лошадей (в 1913 г. 37,5 млн.) занимала *первое* место среди всех государств, но по густоте конского населения она значительно уступала большинству европейских стран и даже С.-А. Соединенным Штатам, что объясняется суровым континентальным климатом, огромной площадью тундр, болот и лесов, а в местностях, благоприятных для конеразведения, преобладанием крестьянских «карликовых» зерновых хозяйств, страдающих как недостатком кормовых средств, так и недостатком простора, необходимого для воспитания молодняка. Разумная аграрная реформа и связанная с нею общая интенсификация сельского хозяйства оказали бы в этом отношении благотворное влияние, что с несомненностью доказали, увы, недолго просуществовавшие, сметенные революционным ураганом «столыпинские» хутора.

Тем не менее конское богатство империи было огромно: недостатка в лошадях не ощущалось, несмотря на значительное, с 90-х годов прошлого столетия, сокращение табунного коневодства (киргизов, калмыков, кабардинцев) вследствие распашки степей. Качество лошадей заметно улучшилось под влиянием мероприятий государственного коннозаводства и некоторых земств. За период 1908—1912 годов цены на лошадей поднялись на 62%, что объяснялось заменой ими волов на Юге России, значительным поднятием ремонтных цен (бывших до того убыточными для производителей), поднятием общего благосостояния страны и усилением вывоза лошадей, который в 90-х годах колебался между 50—59 тысячами, но затем, постоянно увеличиваясь, достиг в 1913 году 107 тыс. голов. При дальнейшем рационализировании сельского хозяйства цифра эта несомненно сильно возросла бы, в чем убеждает нас пример маленькой Дании, экспортирующей ежегодно 24 000 лошадей.

Россия — страна по преимуществу мелкого землевладения и землепользования, поэтому естественно, что 90% конского состава принадлежало крестьянам, казакам и колонистам; остальные 10% распределялись между крупными землевладельцами, городами и армией. Но обеспечение крестьян лошадьми было далеко не однообразно, как по областям (в Европейской России на 100 душ сельского населения 18,1, в Сибири 51,8 лошади), так и в каждой данной местности. Возьмем для примера славившуюся своими лошадьми Тамбовскую губернию. В 1898 году у частных землевладельцев было 57,5 тыс. лошадей, из коих 66% взрослых; у крестьян 600 тыс., взрослых 67%; обе группы имели одинаковый процент молодняка и как будто в одинаковой степени занимались конеразведением. В действительности же безлошадных дворов было 30,4%, с 1—2 лошадьми 46,2%, с 3 и выше 23% и только последняя группа была коневодческой. Уродливое явление безлошадных сельских хозяев — результат аграрного перенаселения, дробления крестьянских наделов, невозможности использовать труд лошади вне своего хозяйства. Некоторые местности славились своим крестьянским коневодством, например, губернии Воронежская и Тамбовская, Лукояновский уезд Нижегородской губернии, Суздальский уезд Владимирской губернии, Елисаветградский уезд Херсонской, Кузнецкий уезд Томской, немецкие колонии Таврической губернии.

Подворное коневодство удовлетворяло потребности сельского населения, давало дешевую экспортную и городскую лошадь, артиллерийскую, а в некоторых казачьих войсках и строевую казачью.

Частных конных заводов было до 3000. Общее поголовье их, сравнительно с численностью крестьянских лошадей, было, разумеется, незначительно, но государственное значение их было огромно. Они производили ремонтную кавалерийскую и отчасти артиллерийскую лошадь, высшие сорта городской и экспортной и, что важнее всего, они были источником, откуда государственное коннозаводство, земства и казачьи управления получали породистых жеребцов для

удовлетворения ежегодно возраставших потребностей подворного и степного коневодства. Следуя за переселенцем, жеребцы, родившиеся на Дону, в центральных и малороссийских губерниях, шли в Закавказье, Семиречье, Забайкалье. Многие конные заводы играли роль разбросанных по всей стране опытных и показательных зоотехнических станций, имевших плодотворное влияние на окрестное коневодство. К сожалению, размеры настоящей заметки не дают возможности перечислить наиболее выдающиеся заводы, но не могу не упомянуть о совершенно своеобразной коннозаводческой организации (переходные формы от частного коннозаводства к казенному), подобной которой по замыслу и размерам *не было в мире*, о так называемом Донском частном коннозаводстве в Задонской степи Донской области. Здесь в 60-х годах 845 тыс. десятин войсковой земли, частью непригодной для хлебопашества, были заарендованы военным ведомством и переданы тоже на арендном праве коннозаводчикам с обязательством под правительственным надзором производить и сдавать по дешевой цене определенное число ремонтных лошадей. Достигнутые результаты были блестящи. Задонские «зимовники» от 25 тыс. маток давали ежегодно 7 тыс. сурово воспитанных, однородных, мощных коней, отвечающих всем современным кавалерийским требованиям. Донские группы на выставках Всероссийской Конской в Москве в 1910 году и Областной Сельскохозяйственной в Киеве в 1913 году вызвали восторг посетителей, и не одних только русских. У управляющего прусским государственным коннозаводством обер-ландшталмейстера фон Эттингена, преемника и ученика известного ипполога графа Лендорфа, глаза разбежались при виде донских маток, но все его попытки приобрести последних в значительном количестве — разбились о несогласие как коннозаводчиков, так и заинтересованных правительственных органов.

Стремясь удовлетворить на самых льготных основаниях потребность населения в хороших производителях, государственное коннозаводство содержало при 44 заводских ко-

нюшнях свыше 7000 жеребцов, распределенных от Западной границы до Забайкалья и от Вологды до Тифлиса. Жеребцы эти приобретались частью у коннозаводчиков, частью поступали из исключительно для этой цели учрежденных государственных конских заводов. В момент объявления войны последних было 12. Из них наиболее известен Хреновской в Воронежской губернии, приобретенный в казну в 1845 году от наследников графа Орлова-Чесменского, создавшего путем удачного сочетания кровей арабской, благородной датской из знаменитого королевского завода и рысистой голландской — всемирно известного орловского рысака. Созданная графом порода была в течение почти целого века главным улучшающим элементом в России, а в период 1860—1880 годов русские рысаки в качестве ценного заводского материала вывозились во Францию, Венгрию и другие страны.

В Хреновском кроме рысаков разводились иностранные тяжеловозы; всего содержалось свыше 300 маток. Группа Беловодских заводов, состоящая из заводов Деркульского, Стрелецкого, Лимаревского и Ново-Александровского, производила чистокровно английских лошадей, арабских и полукровных этих пород; в них числилось свыше 500 маток. Яновский в Холмщине имел 110 чистокровных и высококровных английских. Завод чрезвычайно ценных скаковых лошадей имени М. И. Лазарева, пожертвованный в казну его вдовой, находился под Полтавой. Асхабадский рассадник знаменитой ахалтекинской породы имел 30 маток. Насколько эти лошади ценятся знатоками, видно из того, что ахалский жеребец, купленный в 1913 году вышеупомянутым фон Эттингеном, был зачислен в Германии в производители Тракенского государственного завода.

Кроме того, «степные рассадники» Оренбургский, Орский и Кустанайский имели около 1,5 тыс. маток степных пород.

Можно с гордостью констатировать, что затраты правительства на государственное коннозаводство и работа нескольких поколений коннозаводчиков и коневодов не пропали даром.

Насколько высоко стояло в империи конское дело, видно по тому, что в последние, предвоенные годы ремонтное войско, имевшей в своем составе без малого 400 тыс. лошадей, *не представляло никаких затруднений*. Регулярная кавалерия состояла из 400 эскадронов по 148 коней в каждом, кроме запасных кавалерийских полков, в которых выезжались молодые лошади; казачьих сотен 1-й и 2-й очереди было 800, затем пограничная стража, артиллерия, пехотные, пулеметные, конно-ординарческие и иные команды. Во время войны страна выставила добавочно не менее 2 млн. голов и, по общим отзывам, русская лошадь, как кавалерийская, так и артиллерийская, вполне оправдала возлагавшиеся на нее надежды, оказавшись притом более выносливой и менее требовательной по сравнению со своими западноевропейскими собратьями.

Н.Б. ЩЕРБАТОВ ¹²⁴

О КАЧЕСТВЕ РУССКОГО ДОВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Отсталость русской промышленности и невозможность для нее конкурировать с заграничными товарами сделались настолько общим местом, что настоящая попытка объективно подойти к нашему довоенному производству и установить качественную высоту многих его продуктов может показаться кому-нибудь неожиданной и странной. Однако давно уже пришло время спросить себя, не проглядели ли мы в нашем прошлом в поисках «лучшего будущего» таких достижений, которые стали видны нам только теперь, только здесь, на чужбине? И вот, беспристрастный исследователь русского народного хозяйства несомненно ответит: «да, проглядели».

Мы проглядели беспримерные успехи, которые в конечном итоге способны были выдвинуть Россию на одно из первых мест в ряду промышленных государств мира. На этих качественных успехах мы и остановимся.

«Громадным протяжением своей территории, разнообразием своего производства, богатствами своих недр, в особенности же необычайным ростом своего населения, Россия призвана стать великой промышленной страной». Так писал почти накануне великой войны известный французский экономист Эдмонд Тэри*, командированный своим правительством в Россию для изучения на месте некоторых вопросов, связанных с русским железнодорожным строительством. Наблюдавший им хозяйственный подъем страны, успевшей уже оправиться от последствий несчастной русско-японской войны и революционного брожения 1905–1906 годов, казалось, вполне оправдывал его предсказание. Четыре прекрасных урожая — 1909, 1910, 1912 и 1913 годов, позволившие за пятилетие 1909–1913 годов вывезти хлеба на 826,2 млн. пудов больше, чем за предшествующее пятилетие 1904–1909 годов, и выручить за него круглым счетом на 1 млрд. 76 млн. рублей больше предшествовавшего пятилетия, дали особенно решительный и благотворный толчок всему русскому народному хозяйству и заложили прочный фундамент для дальнейшего развития русской промышленности и нового промышленного строительства. При этом чрезвычайно характерно, что промышленное строительство, благодаря обилию и дешевизне в стране денег, *могло уже обходиться без помощи иностранного капитала*. И в этом было отличие эпохи предвоенного строительства от эпохи промышленного подъема 90-х годов, созданного почти исключительно приливом иностранного капитала. По подсчетам известного финансового и банковского деятеля Эпштейна, за период времени с 1909 по 1913 год увеличение оборотных средств русского народного хозяйства выразилось в сумме 2 млрд. 238 млн. рублей, так как «почти вся эта грандиозная сумма помещена в активных банковых операциях». Отмечая этот небывалый рост капиталов, Эпштейн указывал, что «вызвавшие в свое время полную революцию в мировом народном хозяйстве калифорнийские и австра-

---

* См.: Edmond Théry. «La Transformation économique de la Russie». Paris, 1914. P. 87.

лийские прииски в течение трех лет после своего открытия, а именно за 1851—1853 гг., дали всего золота на 560 млн. рублей, т. е. *в четыре раза меньше роста наших оборотных средств в 1909—1912 гг.*».

Успехи промышленного развития России совсем не ограничивались увеличением количества производимых продуктов. Рука об руку с этим увеличением шел и *технический прогресс* в производстве. Промышленность «рационализировалась», как принято теперь говорить. Это выражалось в увеличении мощности механических двигателей, в замене паровых двигателей там, где это было возможно и выгодно, двигателями внутреннего сгорания или электрическими, в быстром вытеснении сварочного производства железа литым, бессемеровской стали мартеновской, сельфакторных веретен в текстильной промышленности ватерными и т. д. и т. д. Чтобы дать хотя бы слабое представление об этом процессе, укажу на то, что общая мощность механических двигателей в русской промышленности (исключая горную, военные заводы и транспорт) с 853 тыс. лошадиных сил в 1900 году дошла в 1908 году до 1 млн. 206 тыс. лошадиных сил, поднявшись, таким образом, за 8 лет почти на 50%. При этом на 1 промышленного рабочего у нас в 1908 году приходилось 91,9 лошадиных сил, тогда как в Германии, значительно опередившей нас в своем промышленном развитии, всего лишь 72,9 лошадиных сил.

Технические успехи нашей промышленности не могли, разумеется, не отражаться и на *качестве производства*. Столь популярная сейчас у большевиков и в созданных ими условиях совершенно безнадежная «борьба за качество» велась, и притом с большим успехом, в довоенное время. Не написана еще история русской промышленности, не разобраны еще богатые архивы прежних русских предприятий, и, Бог знает, коснется ли их когда-нибудь рука исследователя. Только воспоминания да некоторые оглашенные в печати отрывочные данные позволяют восстановить картину этой «*борьбы за качество*», резко изменявшей характер русских товаров в течение каких-нибудь полутора десятков лет и заставлявшей

старую русскую поговорку «не обманешь — не продашь» считать уже пережитком седой старины. Огромную роль в этом процессе играл такой щедрый, но и такой требовательный заказчик, как казна. Под влиянием *казенных заказов* совершенствовались изделия крупных металлургических заводов, суконных фабрик, кожевенных заводов, улучшалась добыча и сортировка каменного угля и т. д. Но еще большее значение имел *крестьянский рынок*, искавший, прежде всего, добротного, прочного товара, который мог бы заменить не слишком изящные, но достаточно прочные кустарные изделия. Наш рядовой крестьянский потребитель был еще слишком беден для того, чтобы позволить себе роскошь покупать товары, хотя бы и дешевые, но недостаточно добротные. Каждая покупка представляла в его жизни целое событие, к которому он готовился с чрезвычайной серьезностью и вдумчивостью. Это хорошо известно всем, кто сколько-нибудь соприкасался с крестьянской жизнью. И это относилось не только к товарам, предназначенным для длительного употребления, но и к чисто потребительным, как, например, пищевым. И наблюдать это отношение к покупке можно было не только у крестьян Европейской России, но и на тех окраинных рынках, которые принято было считать колониальными. Мне лично пришлось однажды в глуши Киргизской степи, на Ботовско-Куяндинской ярмарке быть свидетелем процедуры покупки чая киргизами. Это была картина, реальности которой едва ли поверит западноевропейский купец и покупатель. На тощей быстрой лошаденке приезжает на ярмарку уполномоченный аула, долго-долго присматривается в лавках к товару, долго и упорно торгуется и, наконец, забрав образцы чая, скачет с ними нередко за несколько десятков верст в аул, чтобы там, испробовав чай с сородичами, решить окончательно, на каком сорте его остановиться или у какой фирмы его купить. И, решив, скачет опять на ярмарку и производит, наконец, желанную покупку... Вот с какого рода требовательными и разборчивыми потребителями приходилось иметь дело русской довоенной промышленности и русской торговле.

Завоевывая с таким трудом внутренний русский рынок и вытесняя понемногу домашнее и кустарное производство, готовое всегда при малейшем несоответствии фабричных изделий требованиям крестьян-потребителей вытеснить эти изделия с завоеванных ими позиций, русская промышленность непрерывно совершенствовала свои изделия. Так еще с 90-х годов непрерывно улучшалось производство богородских, костромских и иваново-вознесенских текстильных фабрик; так совершился мирный переворот в кожевенном деле после того, как кожевенные заводчики, выписав из Германии патенты и машины, начали изготавливать исключительную по своим качествам кожу.

Гораздо меньшую роль в процессе улучшения качества русских товаров играл *иностраный рынок*. На иностранный рынок шли преимущественно русское зерно, масло и сырье. И иностранным экспортерам, закупавшим эти товары на внутреннем русском рынке, сплошь и рядом даже выгодно было поддерживать худую славу русских товаров, ибо она позволяла покупать их дешевле и зарабатывать при этом на очистке и сортировке. Так поступали хлебоэкспортеры, закупавшие наш хлеб на основе германо-нидерландского контракта со скидкой на сорность зерна выше средней, но без премий за чистоту его. Так действовали и датские экспортеры сибирского масла, пока не были вытеснены со своих позиций сибирской маслodelьною кооперацией, завязавшей в конце концов непосредственные торговые связи с импортирующими наше масло странами.

Впрочем, и в области заграничной нашей торговли за последнее перед войной десятилетие наметились серьезные перемены, заставлявшие иностранные рынки подвергнуть пересмотру вопрос о качестве русских товаров. Начала устанавливаться непосредственная связь русского сырьевого рынка с мировым; в связи с этим заметно улучшалась сортировка русских товаров; появились специальные русские марки, создавшие известность русским фирмам, и т. д. Все это давало уверенность, что и на международном рынке русские товары скоро займут подобающее им место.

Теперь отмечу те из русских товаров, качеством которых мы могли особенно гордиться.

Укажу, прежде всего, на наше *текстильное производство* — льняное, хлопчатобумажное, шерстяное, суконное, шелковое. Исключительная прочность, носкость, разнообразие выделки и рисунков — вот те качества русских текстильных изделий, которые мы теперь, познакомившись ближе с заграничными фабрикатами, особенно можем оценить. Впрочем, наши *льняные ткани* давно уже получили заслуженную известность и за границей. Еще в начале прошлого столетия русское *парусное полотно* считалось самым лучшим; и английские купцы, по словам Тенгоборского, дабы удобнее ввести в употребление в Америке их собственные изделия, подделывали на своих парусных полотнах знак русской фабрики Брюзгина*. Ярославские холщовые ткани пользовались до самой последней поры известностью не только в самой России, но и за границей, и были даже премированы на международных выставках. А нам, русским, хорошо, конечно, памятли тонкие льняные ткани товариществ Сосипатра Сидорова, Локалова, Брунова, Зотовых и многих других фирм, о которых только за недостатком места приходится здесь умолчать.

Менее известны за границей, но зато нам самим хорошо известны по своим качествам наши прежние хлопчатобумажные ткани — особенно ситцы. Морозовские ткани, Прохоровские, Цинделевские, Третьякова и Коншина и проч. — всех не перечислишь — представляли собою товар такого высокого качества, который на многих заграничных рынках, можно смело сказать, представляет исключение. Качество наших прежних хлопчатобумажных изделий на ряде выставок, как в России, так и за границей, получило высокую и вполне заслуженную оценку. Наши хлопчатобумажные ткани находили большой спрос на рынках Монголии, Китая и Персии, особенно на этом последнем, к требованиям которого они

---

* См.: А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», ч. III, стр. 276.

специально приспособлялись и на котором весьма успешно конкурировали с английскими фабрикатами.

Далее упомяну о *шерстяных тканях* и *сукнах* — Торнтоновских, Четвериковских, о *шелковых тканях* Брашнина, Сапожникова и др. Покупая теперь за границей разного рода материи, не один русский со вздохом вспомнит все эти прежние русские изделия, отличавшиеся необычайным разнообразием цветов, рисунков и отделки...

А прочная, не знавшая износа, легкая, изящная и дешевая русская *обувь* как ручной работы, так и механического производства фабрики «Скороход»? А *валяная обувь*, мягкие валяные сапоги или, по сибирской терминологии, «чулки»? А чудесные бурковые сапоги?

И, наконец, чисто русское, хотя и на привозном сырье, производство *резиновых галош*, исключительно добротных. Галоши «Треугольника», «Проводника», «Богатыря», вырабатывавшиеся на этих трех заводах в количестве до 41 млн пар в год, — не имеют за границей себе равных.

Далее *чай*... Продукт ввозной, но благодаря искусной сортировке, приспособившейся к изменчивому качеству урожаев чая, ко вкусам потребителей различных районов и даже к свойствам воды в разных местностях России, ставший *чисто отечественным продуктом*. И притом, действительно, утонченным по вкусу и дешевым продуктом, так как средний ходовой чай, стоивший номинально 1 р. 60 коп. фунт, обходился потребителю, благодаря конкуренции между чаоторговцами, всего в 1 р. 25 коп. фунт. Это так называемые байховые чаи К. и С. Попова, Губкина и Кузнецова, «Караван», Высоцкого и других. А чрезвычайно портативные кирпичные чаи, находившие особенно большой спрос у киргизов-кочевников, монголов? Выделка этих чаев достигла в России такого совершенства, что они почти не уступали средним сортам байховых чаев...

Русское *кондитерское производство* стояло на такой высоте, что конкурировать с ним было невозможно. Знатоки вопроса указывают на целый ряд интереснейших причин и объ-

яснений этого обстоятельства: 1) природный национальный вкус, который присущ русскому человеку не только в высших проявлениях (искусство), но и в элементарных проявлениях (качественные особенности русских кушаний, русского чая, русского табака); далее, 2) та же требовательность потребителя — хорошо разбиравшегося в товаре и не любившего себе отказывать; 3) отсутствие суррогатов на внутреннем рынке — лучшая мука, лучший сахар, дешевые миндаль и фисташка, привозившиеся с юга; полная неизвестность маргарина; 4) ароматность ягод и плодов, выращавших на почве, невыпаханной и не испорченной искусственными удобрениями, в климате континентальном и интенсивном; 5) выписка из-за границы *лучших* полупродуктов (какао!) и быстрое воспроизведение всех заграничных рецептов и изобретений на высшем уровне; и, наконец, 6) сравнительная дешевизна рабочих рук, позволявшая применять во многих утонченных отраслях *ручную*, а не механическую работу. Отсюда эти неподражаемые достижения фирм Эйнема, Сиу, Абрикосовых, Крафта, Прохорова, Флей и других, изделия которых были много раз премированы на заграничных выставках и обложены там ввозной пошлиной.

В связи с этим надо отметить русское *хлебопекарное производство*. Россия создала целую своеобразную культуру черного и белого хлеба, неизвестную в других странах. Выпекание черного хлеба различных видов — в зависимости от сорта муки, от способа замешивания, закваски, примесей и т. д., доведено было до высшего мастерства. Русский пшеничный хлеб отличался исключительной пышностью и нежностью, какой нет в западноевропейском хлебе; это объясняется тем, что наша лучшая крупчатая мука, получаемая из так называемых твердых пшениц, неизвестных на Западе, содержит в себе много клейковины, благодаря которой тесто отличается особой всхожестью, а выпекаемый хлеб — рыхлостью. И здесь мы имели исключительное разнообразие сортов и вкусов: весовой пшеничный хлеб, французская булка, калач, розан, подковка, делянка, с маком, с солью, с изюмом, бесчислен-

ные сорта плюшек, баранок, сухарей, шницелей, куличей, пирогов с начинкой, сладких пирожков — все созданное русским вкусом, русской изобретательностью и традицией.

Нельзя не упомянуть о русской культуре *горчицы и табака*. Европейская репутация русских папирос достаточно известна. Интересно отметить, что крымский листовой табак был настолько высок качеством, что он вывозился в Египет (18,5% египетского табачного ввоза), где из него и вырабатывались прославленные египетские папиросы.

Россия вырабатывала великолепный *сахар* рафинад, один из лучших в мире. Всегда стояла у нас на высоте древняя культура выделки, сортировки и хранения *мехов*. Славилась наша *крымские виноградники* (Удельного ведомства, Первушина, князя Голицына) и *вина*: Крым насчитывал до 800 сортов дивного винограда. И было бы совершенно несправедливо умолчать о нашей высокой культуре всевозможных наливок, солений, мочений, варений и смокв.

Особого внимания заслуживают наши *кустарные изделия*, отличавшиеся не только прочностью, но и изяществом вкуса, кто не помнит нашу кустарную парчу, кружево, вышивки, изделия из дерева, из камня, металла и уральских самоцветов?

И, умалчивая (за недостатком места) о многом другом, вспомним только еще об изумительном русском *фарфоре* — государственного фарфорового завода и других заводов, а также о работах экспедиции заготовления государственных бумаг...

Но и этого краткого перечня достаточно для того, чтобы сделать надлежащий вывод: качество русского производства крепко недооценивалось нами до революции; впоследствии оно будет восстановлено и послужит отправным пунктом для грядущего промышленного усовершенствования и хозяйственного расцвета России.

А.М. МЕЛКИХ¹²⁵

ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ ПУТЬ

Сибирь с ее безграничным пространством (13 351 500 кв. км), занимающим большую часть Российской империи, но скудно населенным, с ее разнообразными, неисчерпаемыми естественными богатствами — издавна привлекала к себе внимание русского народа и русского правительства как край, требующий колонизации и представляющий огромное поле для распространения русской материальной и духовной культуры на востоке. Главнейшим препятствием к достижению этих целей являлась отдаленность Сибири, трудность сообщения и сношений с нею.

Поэтому вопрос о постройке железной дороги в Сибирь возник очень давно. Еще в конце 50-х годов граф Муравьев-Амурский, один из энергичнейших насадителей русской государственности на Дальнем Востоке, задумал соединить сперва колесным, а затем рельсовым путем залив Де Кастри с рекой Амуром. В то же время частными лицами (Дуль, Сафронов) разрабатывались проекты проведения железнодорожного пути через всю Сибирь. Разработка подобных проектов продолжалась и в 60-х годах. Рашет, Богданович и другие стремились соединить бассейны Волги и Оби для пользы Уральской горнозаводской промышленности. В результате работ целого ряда правительственных комиссий впоследствии высочайше утвержденное положение от 19 декабря 1875 года, которым решено было приступить к сооружению дороги до Тюмени. Однако финансовые затруднения, новизна дела и технические трудности воспрепятствовали проведению в жизнь намеченного плана. Но вопрос о Сибирской железной дороге не был все же снят с очереди. Продолжались изыскания и расследования; работали комиссии. Только в царствование императора Александра III суждено было осуществиться грандиозному сооружению Великого Сибирского пути. 17 марта 1891 года Высочайшим рескриптом на имя наследника цесаревича Николая Александровича вопрос о постройке этого пути был решен окончательно, а 19 мая того

же года наследник цесаревич, возвращаясь из дальнего восточного путешествия, заложил во Владивостоке первый камень нового пути. Для общего руководства делом постройки железной дороги образован был особый комитет Сибирской железной дороги во главе с наследником, сохранившим личное председательство и по восшествии на престол. Управление делами этого комитета было поручено статс-секретарю А. Н. Куломзину, бывшему тогда управляющим делами комитета министров, а делопроизводство ведалось канцелярией комитета министров.

Постройка велась очень быстро и 1 января 1906 года *величайшее железнодорожное сооружение мира* было закончено. Главные части пути строились в среднем по 586 верст в год, что составляет *предел скорости постройки*. До тех пор самая быстрая постройка в России была 440 верст в году (Закавказская железная дорога); однако скорость постройки Сибирской железной дороги была в то время предельной не только для России, но и *во всем мире*. Канадская-Тихоокеанская железная дорога от Монреаля до Ванкувера длиной в 4690 верст строилась ровно 10 лет, т. е. по 469 верст в год. На Канадской дороге 40 туннелей и 5 больших мостов, что, конечно, очень замедляло и затрудняло постройку. Но и Сибирская дорога пересекает 28 больших рек, притом таких, как Лена, Енисей, Иртыш, Обь и т. д. Общая длина всех мостов Сибирской железной дороги — 45,5 версты, причем имеется более 8 верст кессонных мостов. Сибирский Великий путь имеет длину в 5649 верст (не считая Китайской Восточной дороги — 1389 верст, линия Харбин—Маньчжурия—Пограничная) и состоит из трех линий: 1) собственно Сибирская — 3137 верст, 2) Забайкальская — 1679 верст и 3) Уссурийская — 830 верст. Часть Сибирского пути — Кругобайкальская линия длиной в 190 верст по *качеству и трудности* работы превосходит все выстроенные до сих пор рельсовые пути. Трудность работ состояла в том, что они производились в почти неприступных местностях по скалистым обрывам, нависшим над Байкальским озером, и при очень суровом климате. Притом сообщение по озеру бы-

ло возможно лишь в тихую погоду. На Кругобайкальской дороге — 33 туннеля. Неудивительно, что постройка этой линии производилась очень медленно и обошлась в 212 430 руб. верста, в то время как постройка всего Сибирского пути обошлась государству в 385 млн., т. е. по 70 188 руб. верста. С окончанием постройки Сибирского пути стал возможен прямой проезд без пересадки из Москвы во Владивосток пространством 8122 версты, совершавшийся всего в течение 12 суток 13 часов (301 час) и стоивший в вагоне II класса всего 169 руб.

Значение постройки Великого Сибирского пути для Сибири ярко иллюстрируется необыкновенным ростом городов и сел в местах, прилегающих к железной дороге, так, например, число жителей:

	1897 г.	1910 г.
Омск	37 400	129 700
Томск	51 200	111 400
Хабаровск	15 000	43 500
Владивосток	28 400	85 700
Чита	11 500	76 400

Не менее показательным является возникновение и рост совершенно новых городов и поселков, вызванных к жизни проведением железной дороги. Таковы, например, были в 1910 году города, о существовании которых до проведения пути в 1897 году еще не подозревали: Новониколаевск на Оби, с 63 600 жителями, Никольск-Уссурийск — 34 600 жителей, Татарск — 7600 и др.

О том же значении для края Сибирского пути свидетельствует и сильный рост перевозок. В 1904 году перевезено было пассажиров 1 418 000, а в 1909 году — уже 4 314 000; грузов: в 1904 году — 152,4 млн. пудов, а в 1909 году — 215,7 млн. пудов.

Так совершилось одно из величайших завоеваний цивилизации и культуры, доселе известных миру.

А.И. БУНГЕ

БОРЬБА С ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЕЙ

Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого *все великое может быть сказано только по-своему и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, духа и уклада*. Денационализуясь, человек теряет доступ к *глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни*: ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны — в них заложены, в них живут целые века всенародного труда, страдания, созерцания, молитвы и мысли. Изгнание обозначалось у римлян, как «воспреещение воды и огня». И действительно, человек, утративший доступ к духовной воде и к духовному огню своего народа, — становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, *обезличенным интернационалистом*. Горе ему и его детям: они становятся историческим песком и мусором.

Национальное обезличение грозит русским людям — и в подъяремной России и в зарубежье. И там и здесь мы должны всеми силами беречь наши колодцы и огни.

«Национальность», вообще говоря, определяется не сознанием и не произволом человека, а *укладом его бессознательного* и притом именно — его *бессознательной духовности*. Скажи мне, как ты *веруешь* и *молишься*; как проявляются у тебя *доброта, геройство, чувство чести и долга*; как ты *поешь, пляшешь и читаешь стихи*; что ты называешь «*знать*» и «*понимать*»; как ты любишь свою *родину*; кто твои любимые *вожди, гении и пророки*, — скажи мне все это, а я скажу тебе, какой нации ты сын; и все это зависит не от твоего сознательного произвола, а от духовного уклада твоего бессознательного.

А этот уклад складывается, формируется и закрепляется (прежде всего и больше всего) *в детстве*. И воспитание детей есть именно *пробуждение их бессознательного чувствилища к национальному духовному опыту*, укрепление в нем их сердца, их воли, их воображения и их заветных помыслов.

Бороться с угрожающим нам национальным обезличением русских детей (и в зарубежье, и под советским ярмом) надо

именно на этом пути: надо сделать так, чтобы *все прекрасные предметы, впервые пробуждающие дух ребенка* и вызывающие в нем умиление, восхищение, преклонение, чувство красоты, чувство чести, любознательность, великодушие, жажду подвига, волю к качеству, — были *национально-русскими*; и далее: чтобы дети *молились и думали русскими словами*; чтобы они *почували в себе кровь и дух своих русских предков* и приняли бы *любовью судьбу, путь и призвание своего народа*; чтобы их сердце и воля отзывались *трепетом* на дела и слова *русских святых, гениев, героев и вождей*. Получив в дошкольном возрасте такой духовный заряд и имея возможность не покидать этого пути (хотя бы внутренне, в семье), — наши дети, где бы они ни находились, развернутся в настоящих и верных русских людей.

1. Язык. — Язык уже вмещает в себе таинственным и сосредоточенным образом всю душу, все прошлое, весь духовный уклад и все заветные помыслы народа. Все это ребенок должен получить вместе с молоком матери (буквально!). Особенно важно, чтобы *пробуждение самосознания и личностной памяти* у ребенка (обычно — на третьем-четвертом году жизни) происходило на его родном языке. При этом важен не тот язык, на котором говорят при нем другие, а тот язык, на котором *обращаются к нему*, заставляя его *выражать* на нем его собственные внутренние состояния. Поэтому в зарубежье, если невозможно иметь русскую няню, — следует *воспретить* иностранной няньке разговор с ребенком до тех пор, пока ребенок не научится говорить по-русски. Родители же и русские знакомые должны говорить с ребенком *только* по-русски; и притом чаще, больше и, по возможности, без всякой примеси иностранных слов и советского жаргона. Это относится и к чтению: пока ребенок не зачитает бегло по-русски, не следует учить его *никакому* иностранному чтению. В дальнейшем же в семье должен царить *культ родного языка*: вся семейная жизнь должна протекать по-русски; всякие следы «волапюка» должны строго изгоняться; очень важно ежедневное чтение вслух классиков, по очереди, хотя бы понемногу; очень важно

ознакомление с церковнославянским языком, хотя бы элементарно и в чтении; существенны семейные беседы о *преимуществах* русского языка — о его богатстве, благозвучии, выразительности и т. д.

2. Песня. — Ребенок должен слышать русскую песню еще в колыбели. Пение принесет ему первый душевный *вдох* и первый духовный *стон*: они должны быть русскими. Пение помогает рождению и изживанию чувства в душе; оно превращает пассивный, беспомощный и потому обычно тягостный *аффект* — в активную, текучую, творческую *эмоцию*: ребенок должен бессознательно усваивать *русский строй чувств*. Пение научит его *первому одухотворению* душевного естества — *по-русски*; пение даст ему первое *не животное* счастье — *по-русски*. Русская песнь глубока, как страдание; искренна, как молитва; сладостна, как любовь и утешение; — в наши черные дни, как под игом татар, она даст детской душе исход из грозящего каменения и озлобления. В дальнейшем необходимо добыть русский песенник и постоянно заселять детскую душу русскими мелодиями, — наигрывая, напевая, заставляя подпевать и петь хором. Всюду, где в зарубежье имеется русская колония, надо создать русский хор — церковный и светский. Хоровое пение *национализирует и организует* жизнь.

3. Молитва. — Молитва есть страстная и сосредоточенная обращенность души к Богу. Каждый народ совершает это обращение по-своему; и только для поверхностного взгляда православие русского, грека, румына и американца — одинаково. Живое многогласие и многохваление мира требует, чтобы каждый народ молился самобытно; и эту *самобытную молитву* надо вдохнуть ребенку с первых лет жизни. Молитва даст ему *духовное счастье*; пусть он переживает его *по-русски*. Молитва даст ему источник *духовной силы* — *русской силы*. Молитва научит его сосредоточивать чувство и волю на лучшем — по-русски. Молитва даст ему религиозный опыт и поведет его к религиозной очевидности — *по-русски*. Ребенок, научившийся молиться, сам пойдет в церковь и станет ее опорой, — *русской опорой, русской*

церкви. Он найдет пути — и в глубину русской истории, и на простор русского возрождения. Неправославный может быть верным и доблестным русским гражданином; но человек, безразличный к православию или враждебный ему, — вряд ли найдет доступ к священным тайникам русского духа и русского миропонимания.

4. Сказка. — Сказка будит и пленяет мечту. Она дает ребенку первое *чувство героического* — чувство испытания, опасности, призвания, усилия и достижения; она учит его мужеству и победе; она учит его созерцать *человеческую судьбу*, сложность мира, отличие добра и зла. Она заселяет его душу *национальным мифом* — тем хором образов, в котором народ созерцает себя и свою судьбу, исторически глядя в прошлое и пророчески глядя в будущее. В сказке народ схоронил свое вожденное, свое ведение и ведовство, свое страдание, свой юмор и свою мудрость.

Национальное воспитание невозможно без национальной сказки. Ребенок, никогда не мечтавший в сказках своего народа, — отрывается от него и вступает на путь интернационализации. Приобщение же чужеземным сказкам помимо родных — ведет к денационализации.

5. Жития святых и героев. — Чем раньше и чем глубже воображение ребенка будет пленено живыми образами *национальной святости* и *национальной силы*, тем лучше для него. Образы *святости* — пробуждают его *совесть*; а *русскость* святого — вызовет в нем чувство соучастия, приобщенности, отождествления, даст его сердцу и его воле радостную и гордую уверенность, что «наш народ оправдался перед лицом Божиим», что алтари его святые и что он имеет право на почетное место в мировой истории («народная гордость»). Образы *героизма* — пробуждают его великодушие, его правосознание, его жажду подвига и служения, терпения и борьбы; а *русскость* героя (от Мономаха до Петра Великого, от Ломоносова до Пушкина, от Суворова до Врангеля) — даст ему непоколебимую веру в силы своего народа. Все это есть школа национального характера.

Преклонение перед святым и героем *возвышает душу*: оно дает ей сразу — и смирение, и задание, и верный путь, и чувство собственного достоинства. И так национальный герой — ведет свой народ и из-за гроба.

6. Поэзия. — Стихи имеют магическую силу — они подчиняют душу, пленяют ее гармонией и ритмом, заставляют ее искать законы и формы. Как только ребенок начнет говорить и тем более читать, так классические национальные поэты должны дать ему *первую радость стиха* и постепенно раскрыть ему свои сокровища. Сначала пусть слушает; потом пусть читает сам, учит наизусть, декламирует. Ни один народ не имеет такой поэзии, как русская: здесь мудрость облекается в прекрасные образы, а образы становятся звучащей музыкой. Русский поэт — одновременно национальный пророк и национальный музыкант. И русский человек, с детства влюбившийся в русский стих, — никогда не денационализуется.

7. История. — Русский ребенок должен с самого начала почувствовать и понять, что он *сын великого народа*, с величавой и трагической историей, с великими страданиями и крушениями, и с еще более великими достижениями (срв. письмо Пушкина к Чаадаеву от 19 октября 1836 г.). Его национальное самочувствие должно быть ограждено от двух опасностей: от *националистического самомнения* и от *всеосмеивающего самоуничтожения*. Преподаватель истории не должен скрывать от ученика слабых сторон национального характера; но в то же время он должен указать ему все источники национальной силы и славы. В частности, особенно ядовит тот тон разлитого сарказма, который введен в трактование русской истории Ключевским. Этот тон несомненно поколебал и развел верное национальное самочувствие в нескольких поколениях русской предреволюционной интеллигенции. История учит *духовному преемству и сыновней верности*; а историк, становясь между прошедшим и будущим своего народа, должен сам любить его судьбу и его путь и верить в его призвание. Тогда он будет не только истинным ученым, но и истинным национальным воспитателем.

8. **Армия.** — Армия есть сосредоточенная волевая сила моего государства, оплот моей родины, воплощенная храбрость моего народа, организация служения, самоотверженности и чести — вот чувство, которое должно быть передано ребенку его национальным воспитателем. Успех своей армии он должен переживать как *свой* успех; его сердце должно сжиматься от ее неудачи; ее вожди должны быть его героями; ее знамена — его святынею. Сердце человека принадлежит тому делу и той нации, чью армию он считает *своею*. И в этом отношении Россия переживает ныне величайший соблазн: ибо основная масса ее армии служит *не* ее делу; а то дело, которому эта масса служит, есть дело погубления и растрепания страны. Вот почему настоящая русская армия пребывает — *в прошлом, в зарубежье и в будущем.*

9. **Другие искусства.** — В меру возрастания и в меру возможности надо открывать ребенку доступ ко *всем* видам *национального искусства* — от архитектуры до живописи, от пляски до театра, от музыки до изящной литературы*. Тогда душа его всесторонне раскроется для восприятия того, что впервые дали ей русская песня и русская поэзия. Понятно, что наиболее доступным, наиболее увлекающим и непосредственно национализирующим видом искусства останется русская пляска со всей ее свободой, ритмичностью и драматизмом.

Русская душа даровита, разносторонняя, широка, гибка и переимчива. В этом ее дар; но в этом и ее опасность. Ее сторожит у дверей соблазн мнимой «всечеловечности» и действительного обезличения. И потому ей необходима любовь и воля к национальной самобытности. Воспитание есть дело именно любви и воли; осторожного и органически-целостного, но продуманного, планомерного и долгого усилия.

И ныне Россия нуждается в этом, как еще никогда.

РЕДАКЦИЯ

---

* В ближайшей книжке «Русского Колокола» редакция даст практические указания по имеющейся в зарубежье литературе пособий.

ЖИВЫЕ СЛОВА ПЕТРА ВЕЛИКОГО (1672–1725)

(Для памяти)

Великий Петр! Твой каждый след
Для сердца Русского есть памятник священный...

Князь П. А. Вяземский

Сынишка твой Петрушка, в работе пребывающий.

*(1689 г. Подпись на письме к матери, Наталии Кирилловне
Нарышкиной)*

Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую.

*(1697 г. Надпись на печати, коею он запечатывал свои письма
из-за границы)*

Весело слушать, когда подданные открыто говорят своему
Государю правду; вот чему надо учиться у англичан!

*(1697 г. После посещения инкогнито английской
Палаты Лордов)*

Коли они таковы, то пусть веруют, как хотят; над совестью людей властен один Христос. Если нельзя их обратить от суеверия рассудком, то не пособит ни огонь, ни меч, а мучениками за глупость быть — ни они той чести не достойны, ни государству пользы не будет...

(О купцах-раскольниках, — узнав, что они честны и прилежны)

Победы от Бога, но мы должны употреблять все силы, чтобы их получить. Я взял тебя в поход, показать тебе, что я не боюсь ни трудов, ни опасностей; ты должен следовать моему примеру, должен любить все, что служит ко благу и чести отечества, и не щадить трудов. Если советы мои разнесет ветер, и ты не захочешь делать того, что я желаю, то я не признаю тебя своим сыном и буду молить Бога, чтобы он наказал тебя в этой и в будущей жизни.

(1704 г. Сыну, царевичу Алексею Петровичу, при взятии Нарвы)

Чего боитесь?! Царя везете!.. С нами Бог!!

(Растерявшимся лодочникам во время морской бури)

Пришел час, когда решается судьба отечества. Вы не должны думать, что сражаетесь за Петра, а за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за веру нашу православную и за церковь. А о Петре ведайте, что ему жизнь недорога, жила бы только Россия в славе и благоденствии.

(1709 г. Из приказа перед Полтавской битвой)

Если случится последнее, то вы не должны почитать меня своим Государем и ничего не исполнять, что мною хотя бы то собственноручным повелением будет требуемо, пока я сам не явлюсь между вами. Если же я погибну, то выберите между собою достойнейшего мне в наследники.

(1711 г. Из письма к Сенату, в предвидении возможного турецкого плена на Пруте)

За здоровье тех, кто любит Бога, меня и отечество!..

(Из застольных тостов Петра Великого)

Я заезжаю к тебе не затем, чтобы тебя беспокоить! Так не в чем тебе и извиняться...

(Слова, сказанные при посещении шелковой фабрики Полуярославцева — хозяину, который не знал о прибытии Царя, проспал и прибежал извиняться)

К чему уничижать звание, безобразить достоинство человеческое? Менее низости, более усердия к службе и верности ко мне и государству — таков почет, подобающий Царю...

(Слова, сказанные при запрещении писаться в обращении к Царю уничижительными именами, падать перед Царем на колени и снимать зимою шапки перед дворцом.)

По тем же соображениям Петр Великий в Воинском Уставе запретил бить солдата)

За мое отечество и людей моих я живота своего не жалел и не жалею; как могу тебя, непотребного, пожалеть? Ты не-

навидишь дела мои, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю.

(1715 г. Царевичу Алексею Петровичу)

Хотя что добро, и надобно, а *новое* дело, — то наши люди без принуждения не сделают...

(При насаждении новых отраслей промышленности)

В твоём порицании дел моего отца и в похвале моим — больше брани на меня, чем я могу стерпеть...

(1717 г. Ответ Мусину-Пушкину)

Вот ты больше всех меня бранишь и так больно досаждаешь мне своими спорами, что я часто едва не теряю терпения; а как рассужу, то и увижу, что ты искренно меня и государство любишь, и правду говоришь, за что я внутренно тебе благодарен.

(1717 г. Ответ князю Я. Ф. Долгорукому)

Понеже иного дела не имеете, точию одно правление, которое, ежели неосмотрительно будете делать, то пред Богом, а потом и здешнего суда не избежите.

(1717 г. Из письма к сенаторам с выговором за беспорядки в управлении)

Знаю, что меня считают тираном. Иностранцы говорят, что я повелеваю рабами. Это неправда: не знают всех обстоятельств. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Эти указы содержат в себе пользу, а не вред государству. Надобно знать, как управлять народом. Английская вольность здесь не у места, как к стене горох. Честный и разумный человек, усмотревший что-либо вредное или придумавший что-либо полезное, может говорить мне прямо, без боязни. Вы сами тому свидетели. Полезное я рад слушать и от последнего подданного. Доступ ко мне свободен, лишь бы не отнимали у меня времени бездельем. Недоброхоты мои и отечеству, конечно, мной недовольны. Невежество и упрямство

всегда ополчались на меня с той поры, как задумал я ввести полезные перемены и исправить грубые нравы. Вот кто настоящие тираны, а не я. Я не усугубляю рабства, обуздывая озорство упрямых, смягчая дубовые сердца; не жестокосердствую, переодевая подданных в новое платье, заводя порядок в войске и в гражданстве, и приучая к людскости; не тиранствую, когда правосудие осуждает злодея на смерть. Пускай злость клеветает, — совесть моя чиста. Бог мне Судия! Неправые толки в свете разносит ветер...

(Из частной беседы)

По мне будь крещен или обрезан — едино, лишь будь добрый человек и знай дело.

(Из собственноручных записей)

Едва ли кто из государей сносил столько бед и напастей, как я. От сестры был гоним до зела: она была хитра и зла. Монахине несносен: она была глупа. Сын меня ненавидит: он упрям.

(1718 г. Во время следствия над царевичем Алексеем Петровичем)

Надлежит Бога благодарить всеми силами, но, надеясь на мир, не ослабевать в воинском деле, а стараться об общей пользе, дабы народ получил облегчение.

(1721 г. Из речи Сенату после заключения победоносного Ништадтского мира со шведами)

Наш народ — яко дети, которые никогда за азбуку не примутся, пока не приневолены будут; которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел. Не все ль неволею сделано? А уж за многое благодарение слышится!

(Из Устава 1723 года)

Лучше десять виновных освободить, нежели одного невинного к смерти приговорить.

(Из закона о судебном процессе)

Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом.

(Слова, записанные Остерманом)

Руби все дотла!

(1724 г. Ответ обер-фискалу Мякинину, докладывавшему дела о казнокрадстве и спросившему: «Обрубить ли только сучья, или подложить топор на самые корни?»)

Сие едино жажду мою утолит; сие едино услаждает меня!

(1725 г. Предсмертные слова, сказанные пересохшим языком; перед последним причащением Св. Тайн)

№ 6

Часть I

По жестким глыбам сорной нивы,
С утра до истощенья сил,
Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил!
    Довольно, дикою враждою
    И злым безумьем окружен,
    Боролся крепкой я борьбою...
    Я утомлен, я утомлен!
Пора на отдых. О, дубравы,
О, тишина полей и вод,
И над оврагами кудрявый
Ветвей сплетающихся свод!
    Хоть раз один в тени отрадной,
    Склонившись к звонкому ручью,
    Хочу всей грудью, грудью жадной,
    Вдохнуть вечернюю струю...
Стереть бы пот дневного зноя!
Стряхнуть бы груз дневных забот!.. —
Безумец! Нет тебе покоя,
Нет отдыха! Вперед, вперед!
    Взгляни на ниву: пашни много,
    А дня немного впереди.
    Вставай же, раб ленивый Бога!
    Господь велит: иди, иди!
Ты куплен дорогой ценою,
Крестом и кровью куплен ты:
Сгибайся ж, пахарь, над браздою!
Борись, борец, до поздней тьмы!..

Пред словом грозного призванья
Склоняюсь трепетным челом...
А Ты безумного роптанья
Не помни на суде Твоем!
Иду свершать в труде и поте
Удел, назначенный Тобой,
И не сомкну очей в дремоте,
И не ослабну пред борьбой.
Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Покуда не прорежу нивы,
Господь, для сева Твоего.

А. С. Хомяков

О РЫЦАРСКОМ ДУХЕ

Сердце чисто созижди во мне, Боже,
и дух прав обнови во утробе моей.

Пс. 50, 12

Во всей великой смуте наших дней, среди крушений, бед и утрат, в раздорах и соблазнах — мы должны помнить одно и жить одним: поддержанием и насаждением *духа рыцарственного служения*. Прежде всего — в нас самих; а потом — в наших детях, в наших друзьях и единомышленниках. Мы должны беречь этот дух, как святыню; мы должны укреплять его в тех, кто доверяет нам, кто советуется с нами, кто ищет нашего руководства; мы должны подсказывать его нашим руководителям и пастырям, настаивая и даже требуя. Ибо этот дух есть как бы воздух и кислород русского национального спасения; и там, где он иссякает, немедленно начинается атмосфера гниения и разложения, явного или скрытого большевизма.

Десятилетия, переживаемые нами, таковы, что людям, привыкшим держаться на безразличных и теплопрохладных позициях и не могущим или не желающим окрепнуть и совершить выбор, — приговор оказывается подписанным заранее: они обречены болоту и унижениям, а жизненные силы их бу-

дуг использованы мировыми соблазнителями. Всюду, где *нет* воли, — за видимым безволием рано или поздно выступит воля сынов погибели; всюду, где *совесть молчит*, а жадность раздваивает душу, — большевизм уже побеждает; всюду, где *грубое властолюбие одних раздражает несытое честолобие других*, — готовится соблазн, распад и торжество врага. Всюду, где слабеет или исчезает дух рыцарственности, — беда уже ждет у двери. Так обстоит ныне; так будет и впредь.

На каком бы посту ни стоял человек, этот пост (если только дело его само по себе не позорно) имеет свою *идею*, осмысливающую его дело, освящающую его, не как службу, а как *служение*, как служение *единому Божьему Делу на земле*. В отличие от самого субъекта, имеющего свои личные интересы, симпатии и вожделения, Божие Дело имеет свои *Предметные пути, необходимости и требования*. И вот, личные интересы человека и Предметный интерес его дела каждый миг могут разойтись и поставить человека перед искушением своекорыстия. Каждый миг человек может оказаться в положении торговца, не знающего, на что решиться, или в положении предателя, предпочитающего *свой* интерес — *Предметному*.

Дух рыцарственности состоит в *стойкой верности Предметному пути*.

Есть люди, совсем не видящие Дела и не постигающие Предметных требований. Они знают только *свое* — личный успех; а все остальное есть для них *лишь средство*. Вся их деятельность оказывается *прислуживанием и предательством*, и от деятельности этих карьеристов, льстецов, взяточников и временщиков всегда гибли и *будут гибнуть* все человеческие организации и учреждения. *Продажность* есть их девиз — все равно, за что бы они ни продавали Дело, за деньги, за честь или за власть, и все равно, что бы ни скрывалось в душе за их предательством — откровенный нигилизм (как у большевиков) или сентиментальная бесхарактерность и оправдывающаяся софистика (как у предбольшевицкого обывателя).

Есть другие люди, знающие о требованиях Дела и Предмета, но относящиеся к ним с формальным безразличием,

как к тяжелому и неприятному долгу или постылой неизбежности — без любви, без вдохновения, без творчества. Их деятельность — есть «*служба*», а их служба есть отбывание очередного «приказа» или «номера»; они работают, как наймиты, в лучшем случае только не клянушие свой труд, или же как рабы, тяготящиеся каждым своим усилием. Судьба Дела им безразлична. Требования Предмета, как он бы ни назывался — Церковь, Родина, Правосудие, Армия, Наука, Искусство, — только затрудняют их и тяготят. Божьему Делу на земле они не преданы. И от деятельности этих бесчувственных машин, этих индифферентов и поденщиков — все человеческие организации и учреждения начинают *внутренно пустеть* и *замирать*, разочаровывая и раздражая всех, кто приходит с ними в соприкосновение, вызывая нарекания и накапливая атмосферу разрушительного протеста.

Ныне России, как никогда, нужны люди, способные не к прислуживанию и не к службе, а к *служению*. Люди, не только видящие Дело и постигающие требования Предмета, но *преданные* Божьему Делу на земле; люди, не только не безразличные и не бесчувственные, но вдохновляющиеся и вдохновляющие других; люди, не уступающие интересов Дела ни за деньги, ни за честь, ни за власть, ни по просьбам, ни за одолжения, — *неподкупные* в полном и высшем смысле этого слова.

Это люди, для которых долг не каторга и обязанность не постыла; потому что в их душе обязанность покрыта личной преданностью и долг потонул в страстной заинтересованности Делом.

Это люди, которых всякий личный успех, конечно, радует; но для которых личный успех всегда остается лишь средством, служащим победе Божьего Дела. Это люди, не боящиеся ответственности именно потому, что они вкладываются в Дело целиком и совсем не ищут во что бы то ни стало личной удачи и преуспеяния. Это люди характера и гражданского мужества. Люди *волевой идеи*. Добровольцы русского национального Дела. Призванные организаторы России.

Дух рыцарственности и состоит прежде всего и больше всего в *добровольном и волевом принятии на себя бремени и опасностей во имя Божьего Дела на земле*. И надо признать, что если жизнь ожидает этого от нас всегда, и даже в самое благополучное время предлагает нам такие бремена и связанную с ними ответственность и опасность *на каждом шагу*, — то после русского военного крушения и революционного разгрома все возрождение и восстановление России будет целиком зависеть от того, найдется ли в нашей стране кадр людей, выдержанный в таком духе и способный к такому служению. Кадр *неподкупный* — и потому ничего не продающий ни иностранцам, ни внутренним врагам России; *верный любовью и совестью* — и потому способный собрать вокруг себя доверие и преданность во всех сердцах, верных родине, *рыцарственный* — и потому призванный к *служению* и к организации публичного спасения.

Сущность рыцарства, необходимого России, состоит прежде всего не в *посягательстве*, а в *самоотречении*. Ни одна из современных политических партий не рыцарственна, ибо все они посягают на власть и на сопряженные с нею выгоды*. То, что нужно России — это кадр людей *с обновленной и облагороженной политической мотивацией в душе*. Новый режим смогут создать только новые люди, «новые» не в смысле возраста, или имени, или все растлевающего «революционного стажа», — но в смысле *направления воли и силы воли: Предметного* направления и *несломимой* силы. Тот, кто за эти годы крушений, бед и утрат не сумел найти в своей душе *новых* источников для политического разумения и для политической деятельности — религиозных, патриотических и рыцарственных; кто по-прежнему мыслит Россию (все равно, справа или слева) как поле для своей карьеры и для своего частного преуспевания, — тот *враг России*, несущий ей в своем сердце яд и гибель, какими бы программами и лозунгами он

---

* Сравни превосходную и точную формулу Е. В. Спекторского: «Современная политическая партия это не более как частное предприятие для захвата власти и всех сопряженных с этим выгод» («Христианство и культура», стр. 256—257).

при этом ни прикрывался. Вне рыцарственного духа национального служения — все бесцельно, все тщетно, все вредно; вне его — никто ничего не освободит и не возродит, а создаст только новый раздор, новую смуту и новую гражданскую войну на погибель России и на радость ее исконным и всемирным врагам.

Вот почему правы все те, кто держится в стороне от всякой зарубежной и советской «политики», от всех этих беспочвенных (в зарубежье) и предательских (в подъяремье) «комбинаций» и «компромиссов», от всей партийной стряпни и грызни. Однако, это удаление отнюдь не должно означать отрицания государственности; оно вовсе не совпадает с политическим бессмыслием и безволием. Напротив: все значение его состоит в *накоплении* политического смысла и политической воли, в *Предметном очищении души*, в *сосредоточении* ее разумения и ее благороднейших сил. Это воздержание от легкомысленной и скороспелой, суетливой и интригующей партийности необходимо именно для того, чтобы положить начало новому *идейному* и *волевому* подходу к государственности вообще и к русской государственности в частности, — *рыцарственному* подходу.

Для этого надо начать с установления неоспоримой аксиомы, гласящей: *русское крушение было вызвано и обусловлено тем, что в русских людях было недостаточно рыцарственности*, а отсюда уже проистекли все эти, погубившие Россию ошибки и преступления, все эти потоки безволия, малодушия, жадности, трусости, продажности, предательства и свирепости. И ошибки эти, и преступления будут повторяться до тех пор; и потоки этого криводушия и малодушия будут изливаться до тех пор, — пока Россия не проложит себе путь к духовному и религиозному обновлению; пока не встанут и не сомкнут свои ряды люди рыцарственного уклада и характера. И когда это совершится, тогда они создадут и укрепят новую государственную традицию, ныне развеянную и утраченную, но зачатую много веков тому назад в духе русского Православия и выношенную в столетиях борьбы за русское националь-

ное величие. Это — традиция *религиозно укорененного государственного добровольчества*, вновь возродившегося на Руси десять лет тому назад.

Это основное. Это самое важное. Не будет этого — не будет и России, а будет раздор и хаос, позор и разложение.

Вступить же на этот путь, начать это обновление мы можем и мы должны теперь же, сегодня же, не колеблясь и не откладывая.

РЕДАКТОР

К РОДНОЙ МОЛОДЕЖИ

I

Славные русские девушки!*

Ваше обращение ко мне за добрым словом напутствия и смутило, и обрадовало меня. Я не смею считать себя «духовным вождем»: я только русский писатель, и отвечаю Вам, как ответил бы друзьям-читателям, сердечно мне близким, — искренно отвечаю. Обрадовало же потому, что почувствовалась мне в Вашем письме душевная потребность — вдумчиво относиться к жизни, как бы перекреститься, в нее вступая. Эта серьезность на заре жизни — следствие пережитого, *нашего*, русского страдания. Страдание углубляет, умудряет. И в этом уже залог будущих нравственных побед. Это уже и теперь — победа.

Были времена — и были у русской молодежи «мучительные» вопросы и запросы, идеалы, искания. Русская душа — жаждающая душа, ищущая *дела*, подвига, душа стремительная и страстная. Русская молодежь всегда была неспокойна духом, пытлива, идеалистична, порывиста неудержимо в исканиях лучшего — *для всех*. Выбирала себе «вождей» и, увлеченная, шла за ними, порой безоглядно. Это было тогда, когда

---

* Ответ на письмо воспитанниц выпускного класса Мариинского Донского института (в Белой Церкви, Югославия).

была сильная Россия, богатевшая и материально, и духовно, счастливая, что бы там иные ни говорили, *вся* счастливая, имевшая налицо все данные для блага *всего* народа, имевшая все возможности, в путях духовного и материально-культурного роста своего, явиться примером для всех народов. И она осуществляла эти возможности. Это предрекали ей великие наши духовидцы. Теперь это прошлое — становится уже очевидным. Но наряду с *верными* водителями влияли и водители ложные, смотревшие куда-то *за* Россию, поверх России, задававшиеся целями над-национальными, увлекавшие «великими» горизонтами и прельстившие многих, проглядевших негромкое, но великое дело «дня сего», не манившее блеском молний далеких горизонтов, — дело укрепления и создания *нации*, своей нации, себя еще не сознавшей и потому совершенно не готовой на «мировое дело». И вот, чудеснейшие, идеальнейшие свойства парящей русской души, кипевшие в русской даже мало-мальски культурной молодежи, совершенно не постигавшей огромного целого — народа, великого неокультуренного ядра, — способствовали невольно великому разгрому, разоренью, разложению, растрепанию России, временному омертвлению ее, утрате ее для многих, ее даже и не узнавших.

И вот, *новая* русская молодежь... и снова *ищет!* Как же не радоваться, что Вы, юные, новая поросль русская, после таких испытаний, таких блужданий по чужим мировым дорогам, после стольких утрат, после *таких* ударов по Вашим юным, по Вашим нежным и неокрепшим душам, какие не выпадали на долю никакого из других народов нашей истории, — Вы живы духом, Вы всматриваетесь пытливо в жизнь, не отвергаете ее, так незаслуженно-неповинно Вас побивавшую; что хотите вступить в нее так благоговейно, хотите понять ответственность и назначение свое в ней, *верите* в нее, уповаете, что она примет Вас и назначит *дело*, которое Вы выполните свято. Это скрыто в Вашем письме ко мне, но выговорено это в одном Вашем простом, но чудесном слове — *напутствие!*

В добрый путь, милые русские девушки... в добрый и светлый путь! Я знаю, знаю, что копите Вы в себе смелую волю к жизни. Я верю, что первую Вашей думой о жизни, Вам открывающейся, самой глубокой и затаенной думой, думой-целью, — является Вам *родное*, русское, мысль о неизвестной родине, — о неизвестной чувствами внешними, но чуемой-знаемой душою, — о возвратимой России, *нашей*, истинной, заложенной в нас от предков, святой и чистой, омывшейся от грехов России! И потому-то Вы, на пороге ли высшей школы или жизни самостоятельной, трудной от бесприютя, наученные страданиями, ищите доброго напутствия и совета. Идите, благословясь. Я слышу в Ваших простых словах — голос исканий. Не угас русский святой огонь, русский духовный пыл, стремление к истинному и доброму. Нерусские девушки не спрашивают об *этом*. Им не нужно «благословения» и «слова»: накатанные у них дорожки, привычные. А Вы... Вы, русские бездорожницы, вышли искать Россию, град Китеж потонувший! Идите смело — и найдете. Я тоже ищу ее, и верю в нее, и верю, что найду ее. Я ищу ее в образах и думах. Быть может, *такой* и найду ее, бесплотной... но Вы найдете и осязаемую! Вы, юные, найдете. Вы только пустились в путь. Я чувствую Ваши *живые* души. В Ваших глазах надежда: Россия *будет*, мы жить будем, по-нашему жить будем, *у себя* жить будем, в России жить и творить будем! В Вас силы молодые, пытливые, но кругом — столько путей неясных, предрассветных! И Вы правы, Вы чутко-правы, прося напутствия. Вы — религиозны, Вы — кровь отцов: *молились* они *перед походом*. И Вы — в походе. И я хочу Вам сказать: идите и помните, что *мы сильны!* Помните непрестанно, что мы велики, что *мы от великого народа*, что мы чудесны и нашей историей, уделившей нам миссию охранять культуру, что мы велики *великим страданием нашим* и великой *победой нашей* — всем тем чудесным, что *русский гений* давал, дает и будет давать миру! Только теперь начинаем мы познавать себя. Только теперь начинает чувствовать это мир, начинает приоткрывать чудеснейший Лик России. Лишенные родины, мы всюду несем *ее*. Бога —

во имя *ее* несем. Наше искусство, проявление божеского в человеке, в славе идет по свету. Наши идеи, наше богопознание и богоискание, наше «святое беспокойство» *за* мир и человека — волнуют чутких во всех народах. Мы же — философы мировые, мы — бродило. Наша наука, лишенная даже почвы родины, может гордиться родными именами. Наши муки служат *великой сдержкой человеческому безумию*, примером небывалым. Мы пали, но мы восстанем! Мы мучаемся, но мы творим. Мы, невольные постояльцы мира, — учим! В рассеянии, мы готовим смену — Вас, чудесная наша молодежь, сильных в лишениях, знающих все дороги-бездорожья, но чувствующих *единое*, национально чувствующих, жаждущих создавать новую Россию, — мы уже видим ее в мечтах.

Эти мечты и воля претворить их в *живое* — в Вас есть. Ждете напутствия? Все, что могу Вам сказать, — в Вас есть! *Вы любите Россию*, русские девушки. Вы ее носите в себе. Вы, столько перетерпевшие, муками освященные, Вы — чистые, Вы — святые! И святое несете в сердце. Многие из Вас потеряли и растеряли отцов, матерей, братьев... мученицы из Вас многие — многие, и все — сироты, без родины. Но Вы верите, что Россия *есть*, что она будет *Ваша*. Ваше сиротство кончится. *Такое*, что выпало нам на долю, не может пройти бесследно. *Такое* будет возмерено *такой* же безмерной мерой, — таинственный закон жизни, — *грядущей радостью*. И это будет. И Вы это увидите. Пусть эта вера напутствует Вас всегда. Готовьте себя — России. Как готовить? Вы это знаете, должны знать.

Великое выпадает на долю Вам. Россия осквернена до сердца. Вы, русские девушки, станете русскими женщинами. Вам предстоит великое: создавать новую, *чистую*, русскую семью, обновлять, очищать от скверны родной народ. Вы понесете народу Бога, понесете в жизнь *правду*, — все то ценнейшее, чем возвеличена русская женщина: выполнение долга, самоотверженность, милосердие, чистоту, духовность, кротость, готовность к подвигу, верность и глубину любви... *Теперь*, когда Россия осквернена до сердца, когда все обещано, рас-

тлено, Ваша, великая миссия — *нести чистоту, утверждать нравственность, дать здоровое поколение, воспитать его, научить жизни в Боге*. От Вас, чистых, охраненных от скверны, чем там заражены миллионы подобных Вам русских девушек, плененных, духовно ослепленных, — *от Вас зависит величайшее дело духовного возрождения нового поколения России*. С Богом в душе, с Церковью, с верой, с памятью о загубленном, чудесном чистом, Вы будете стойки, Вы будете свято-горды: Вам, русские зарубежные девушки, а с Вами вместе и тем, кто сохранил себя там, — великое Вам назначено. Как и что делать — подскажет Вам ум и сердце. Чтобы лечить — надо знать. Думайте о России, знайте о ней. Познавайте ее, бывшую, незапятнанную. Познавайте и смрадную, на гноище ее. Набирайтесь знаний, готовьте себя здесь к работе *там*: школьной, учебной, воспитательной, духовной, просветительской, проповеднической, лечебной, всякой, какая кому по склонностям, по силам. Но прежде всего: живую, человеческую душу в себе храните, чтобы творить с любовью. Вашему поколению выпадает великая работа — освящать, очищать Россию. Мужчине — строить, Вам — *освящать*. Не отдых, а непрерывный труд. Искупление будет продолжаться: слишком грехи велики. Слишком много утрачено ценнейшего, слишком много осквернено. И верьте, Ваши усилия, — если хотим России, — могут произвести величайший духовный взрыв — творящей энергии народа. И Россия, показавшая миру великую бездну падения, покажет чудо великого возрождения, величайших высот духовных. Россия это может! Это чудо будет наградой Вам. Верьте — и это будет. Верьте и делайте. И Вы увидите это чудо. Это будет, это может быть счастьем и целью Вашего поколения. Это чудо будет и оправданием России. И да благословит Вас Бог!

Севр, 20 мая/2 июня 1928 г.

И. С. ШМЕЛЕВ

О ПРИЯТИИ МИРА

Его Высокопреосвященству
Архиепископу Анастасию Иерусалимскому

Миром хотят завладеть безбожные и свирепые люди. Движимые завистью и жадностью, попирая все божеские и человеческие законы, они пытаются *переродить человеческий род соблазном и страхом*, погасить его духовность, растлить его душу, ослепить его сердце, извратить его природный инстинкт и создать не виданную еще мировую организацию пошлости — царство кощунственно наслаждающихся злодеев и трутней.

И вот пришел час, когда каждый христианин должен поставить перед собою основной вопрос: борется он с этими людьми или *отдает им мир* на поток и разграбление, на растление и позор? И если борется, то за что именно и во имя чего? А если *не* борется, то чем он оправдывает это непротивление перед Богом и перед своею совестью?

С самого начала отведем все попытки уклониться от этого вопроса, все двоедушные и лукавые (а в сущности трусливые и лживые) старания избежать ответа и потом все-таки сделать вид, будто ответ дан. В действительности все, кто двоится и лицемерит, все фактически *дают* ответ; но не тот, который они произносят, а тот, который заключен в их криводушии и лицемерии: они *уже сломлены и поработаны*, как бы они сами ни называли свою поработанность — «аполитичностью», «лояльностью», «нейтралитетом» или «непротивлением»...

Посягание коммунистов заставляет каждого христианина решить, уступает он им власть над миром или отстаивает мир и обороняет? И понятно, что это выдвигает в его сознании более глубокий и коренной вопрос: *приемлет он мир* или *отвергает* его? Имеет ли христианство миссию в «этом», земном мире, или оно *не* от мира сего и *не для* мира сего, и судьбы *человеческой земли и земного человечества* ему безразличны? Ибо христианину, отвергающему мир, действительно не за что бороться и нечего отстаивать; а христианин, приемлющий мир,

должен признать, что ныне для него пришел час величайшей и ответственной борьбы.

Мы знаем, что в христианстве имеется древняя «мироотречения» традиция; и признаем, что тот, кто следует этой традиции, имеет основание не вмешиваться в судьбы земли и земного человечества. Он имеет «право» предоставить историческому процессу идти своим ходом и вести людей к гибели, к разрушению и растрению, во власть «змия», «обольщающего народы» (Апок. 20,7); но это «право» он имеет только тогда, если он принимает и «обязанности», вытекающие из мироотречения, т. е. если он действительно *угашает* в себе самом земной человеческий состав и доживает свой удел, как бы *не присутствуя* на земле и томясь о скорой смерти, как почти бестелесный дух...

Да, в христианстве имелась древняя традиция, отвергающая *весь этот мир*, каким он создан и живет, а вместе с ним и самый способ земного человеческого существования. Традиция эта, порожденная *эсхатологическими* местами Евангелия и Апокалипсиса (не указывающими, впрочем, никаких определенных сроков грядущего конца); окрепшая под влиянием *греческой* философии (стоики и неоплатоники); и дошедшая до крайних выводов под влиянием формального, внешнего законничества, присущего *иудаизму*, — *никогда не выражала последнего и глубочайшего отношения христианства к Божьему* (именно к Божьему) *миру*. Было бы чрезвычайно поучительно проследить через всю литературу христианской аскетики, как платонически-стоическое (и чуть ли не буддистское) отвращение от мира и осуждение его — уживается в ней (не примиряясь) с христианским (иногда почти пантеистическим) учением о благодатной устроенности мира, о его божественной ведомости и о всеприсутствии Божиим. Два совершенно различных мирозерцания как бы стоят рядом, не вытесняя друг друга, а подсказывая человеку два совершенно различных жизненных пути: *мироотвержение* и *мироприятие*.

Первый путь был последовательно продуман и прочувствован до конца. Царствие Божие не только не *от* мира се-

го, но и не *для* мира сего. Мир внешний и вещественный есть лишь временный и томительный плен для христианской души. Мир и Бог противоположны. Законы мира и законы духа непримиримы. Двум господам служить нельзя, а господин мира есть диавол. «Этот» век и «будущий» — два врага. И смысл христианства состоит в бегстве *от* мира и *из* мира, т. е. в мучительном гашении своего земного человеческого естества. Надо возненавидеть все мирское и отдалить его от себя, иначе оно само отдалит нас от Бога. Все мирские блага, «все сотворенное» надо почитать чужим и не желать их. Христианин не должен вступать в брак, не смеет приобретать собственность, не должен служить. Мало того: ему подобает молиться «да прейдет мир сей» и да сократятся его дни. Сам же он должен обречь свою плоть увяданию или «умерщвлению» — под страхом «лишиться последнего благословения». Ему подобает стыдиться того, что у него есть тело и телесные потребности. Он должен приучиться видеть врага в своей плоти и гнушаться ею: здоровое тело должно быть ему нежелательно; оно должно стать на земле, как изваяние или «истукан», и сам он должен жить так, как если бы его совсем «не было в мире сем».

Таковы последовательные выводы из мироотреченности.

Что остается делать в мире такому христианину? За что ему бороться? Что отстаивать? И разве нападающие злодеи не являются его прямыми благодетелями, напоминающими ему о его забытом призвании и о его неисполненных обязанностях? И если Христос пришел в мир, и учил, и страдал для того, чтобы *увести своих учеников из мира* и научить их презрению и ненависти ко всякому мирскому естеству, то как же может христианин бороться с теми, кто отнимает у него все это запретное и зловедное? Родину ли будет он отстаивать? Но родина у христианина одна — *в небесах*. Собственность и правопорядок? Но христианин отрекается от собственности — и внешне, и, главное, внутренне. Какая может быть у отшельника забота о правопорядке? Какая печаль столпнику от того, что гибнет хозяйство, что исчезает наука, что горят или распродаются музеи? И может ли христианин отвергать или

ниспровергать коммунизм, если верно, что «общее владение вещами есть дело сладчайшее?...».

Если *это* есть христианство; если *таковы* заветы Сына Божия и заповеди Евангелия, — то мы, христиане, должны отдать коммунистам все земное на поток и разграбление, и вместе с Афинагором и Тертуллианом «презирать мир и помышлять о смерти...». Но не будем тогда лицемерить и крикнуть душою: отвергнем мир не на словах, а *в реальной жизни*; отвергнем не только *борьбу* из-за мирских благ, но и *самые эти мирские блага*; не будем, как трусливые шакалы, наслаждаться земною падалью, пока не придет сильнейший зверь, и отбегать от нее при его приближении, поджав хвост и взывая к «принципиальной мироотречности...». Отвергающий что-нибудь из религиозных побуждений отвергает не тогда, когда у него отнимают, и не потому, что у него уже отняли, — но отказывается сам, по собственному почину, заранее и навсегда... Как жалки, как лживы эти «христиане», вспоминающие о «христианской мироотречности» только тогда, когда приходит час бороться за родину и духовную культуру...

Но для нас дело совсем не сводится к обличению этой сентиментальной фальши. Мы должны признать и установить, что мироотречное христианство не имеет другого исхода, как идейно и религиозно *сложить свое оружие* перед наседаящей ратью коммунистов и предоставить диаволу свободно распоряжаться «диавольским достоянием». Исходя из идеи мироотречения, с коммунистами бороться нельзя и победить их невозможно. Но и этого мало. Если христианство отвергает «мир» — материю, природу, тело, хозяйство, собственность, государство, науку, искусство и всю земную человеческую культуру, — то оно не может ни вести человека в этот мир, ни учить и вдохновлять человека *в этом мире*: оно может только *уводить* его из этого мира; *благословить его на земную жизнь и вдохновить его к этой жизни* оно не в состоянии. Это значило бы, что земная жизнь дана человеку не для того, чтобы он в ней *жил и творил, славя Бога своею жизнью и своим творчеством, а для того, чтобы он не принимал ее и учился медленному*

самоумерщвлению. Это значило бы также, что идея «христианской культуры» содержит в себе внутреннее противоречие и что истинный христианин не имеет на земле ни призвания, ни цели.

И когда окидываешь взглядом историю культурного человечества за последние века и видишь этот огромный, роковой процесс отхода масс от церкви и христианства, то иногда невольно спрашиваешь себя, не объясняется ли этот процесс, между прочим, и тем, что христианство доселе не побороло в себе этого мироотречного уклона, который учит радостно уходить от мира и из мира, но не учит радостно входить в мир и радостно творить в нем?..

Однако надо признать, что вся живая и глубокая традиция христианства не остановилась на этом уклоне и не приняла его как основной и определяющий. Она отвела аскезу значение *драгоценного средства*, но лишила его значения *единственного и последнего пути*. Она приняла мир, благословила человека в мире и стала учить его не только умиранию, но и жизни, и творческому труду.

Как же не принять мира, когда «Богом создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое» (Кол. 1,16), когда «не нуждающийся ни в каких благах Бог для человека устроил небо, землю и стихии, доставляя ему через них всякое наслаждение благами» (Антоний Великий); когда в мире «нет ни одного места, которого не касалось бы Промышление» Божие, «где бы не было Бога», и желающий «зреть Его» должен только смотреть «на благоустройство всего и Промышление о всем» (он же); когда мир и создан-то для того, «дабы все небесное и земное соединить под главою Христом» (Еф. 1,10), а ныне «Бог во Христе примирил с собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения» (2 Кор. 5,19)?.. Вся «эта сотворенная природа» есть не что иное, как великая «книга», в которой человек, «когда хочет», может читать «слова Божии» (Евагрий), постигая и убеждаясь, что и твари предстоит однажды освободиться «от рабства тлению» (Рим. 8,21)...

Христос принял мир и воплотился не для того, чтобы научить нас отвергать мир, кощунственно понося и презирая создание Божие; но для того, чтобы дать нам *возможность* и указать нам *путь* верного, *христианского мероприятия*; чтобы научить нас верно принимать и творчески нести бремя вещественности (плоти) и бремя душевного разъединения (индивидуальности); чтобы научить нас *жить на земле в лучах Царствия Божия*. Мы не выше Христа, а Христос принял земную жизнь и вернул ее в благодатном сиянии. И тот, что принимает мир, тот включает в свой жизненный путь *творческое делание* в этом мире, т. е. совершенствование в духе — *и себя самого, и ближних, и вещей*.

Человеку «от природы», следовательно, от Бога дан некий способ земного бытия: трехмерная телесность; душа с ее различными функциями и силами; индивидуальная форма жизни и инстинкта; сила любви и размножения; голод и болезни; сопричисленность к вещам и животным, на положении их разумного и благого господина; раздельность и множественность людей; климат, раса и язык и т. д. Из этого, данного нам способа земной жизни вытекает множество неизбежных для нас жизненных положений, заданий и обязанностей, которые мы и должны принять, осветить и освятить Божиим лучом и изжить практически, в трудах, опасностях и страданиях, приближаясь к Божественному и одолевая противобожественное. Своим воплощением и воскресением Христос не отверг этот способ бытия, а *принял его и победил его*. И нам надлежит идти Его путем и творить Его дело, как волю Отца, — но не по «букве», а «от сердца», и не «по закону», а в «свободе» и в «обновлении духа» (Рим. 6—7).

Это значит, что нам надлежит приять — и полевые лилии, и птиц небесных; и плотничество, и осла; и золото, с ладаном и смирною; и хлеб, и рыбу, и вино, и радость брака; и подать — церковную и государственную, и власть Пилата, данную ему свыше; и вервие для торгующих в храме; и трепет вещающего и грозного слова; и пение ангельское, несущее смертным весть о Боге. Нам надлежит принять все это, как дар и

урок; как христианское средство, ведущее к христианской цели; как жизненное творчество. И принять все это мы должны «как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии» (1 Пет. 2,16).

В первые века нередко думали, что надо *принять Христа и отвергнуть мир*. «Цивилизованное» человечество в наши дни — *принимает мир и отвергает Христа*. А в средние века Запад выдвинул еще иной соблазн: сохранить имя Христа и приспособить искаженный иудаизмом дух Его учения к лукаво-изворотливому и властолюбивому приятию не преображаемого мира.

Верный же исход в том, чтобы *принять мир вследствие приятия Христа*; чтобы исходя из духа Христова — благословить, осмыслить и творчески подчинить мир; *не осудить его внешний* строй и не обессилить его *душевную* мощь, но одолеть и тот и другой любовью, волею и мыслью, трудом, творчеством и вдохновением.

Это и есть идея *православного христианства*.

Основное искание Православия — освятить каждый миг земного труда и страдания — от крещения и молитвы роженицы до отходной молитвы, отпевания и сорокоуста; и в молитве перед началом учения; и в «даждь дождь земле алчущей, Спасе»; и в освящении пшеницы, вина и елея; и во всех таинствах; и в чине священного коронования, и в присяге государю; и в чине освящения знамен и благословения воинских оружий... Православие было искони мироприемлюще: и в отшельнике, примиряющем князей, и в епископе, наставляющем своего государя; и в хозяйствующем монастыре, и в монастырском осадном сидении; и в православных патриархах, и в православных старцах, и в православных юродивых, и в исповедничестве православного духовенства, замучиваемого в России в наши дни; и в этой дивной молитве сеятеля: «Боже, устрой, и умножь, и возрасти на долю всякого человека трудящегося и гладного, мимоидущего и посягающего...»; и в нашем искусстве — от Дионисия до Нестерова, и от сладкогласия киевских распевов до «Жизни за Царя» Глинки, и до

благоуханнейшей всенощной Рахманинова. И когда митрополит Филарет вступает в поэтическую переписку с Пушкиным; и когда поколение за поколением читает на старейшем русском университете, как призыв и обетование: «Свет Христов просвещает всех»; и когда православный старец посылает своего послушника Борисова на Новую Землю писать «чудеса природы Божией» и его «светские» полярные ландшафты потрясают сердца европейцев своею значительностью и величием; и когда мы отдаем себе отчет в том, что дали русскому просвещению и русской интеллигенции Троицкая Лавра и Оптиная Пустынь, — то православное миропрятие предстает перед нами во всей своей верности и глубине.

Русское Православие не мыслит мира внехристианским или «светским», напротив — христианское просвещение и просветление мира является его прямым заданием. Ему «есть дело до всего, чем живут или не живут люди на земле»*, и при том потому, что оно имеет в этом мире великую и священную миссию.

Царствие Божие не от мира сего. Но о нем возведено миру и человечеству, и поэтому его *идея* высказана для мира сего, как призывание и обетование. Неверно думать, что Царствие Божие *существует для мира сего*; но «мир сей» существует как величайшее поле для посева и взращивания Царствия Божия. Евангелие Христово (т. е. благая весть) состоит не в том, что земля и небо противоположны и не соединимы, ибо земля обречена греху и люди суть дети греха; но в том, что *Небо уже сошло на землю* в лице Богочеловека, что «приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4,17), что возможность и реальность *негреховного миропрятия* и *миропросвещения* даны и удостоверены. Евангелие несет миру не проклятие, а обетование; и человеку не умирание, а спасение и радость. Оно учит не бегству из мира, а *христианизации* его. Поэтому мироотвержение есть или условно-временная, очистительная установка монаха, который ищет религиозного уединения и сосредото-

---

* См. статью Православного «Православие и государственность» в № 2 «Русского Колокола».

чения; и тогда он отвергает не *Божий мир*, а *свои страсти* и страстные содержания своего опыта; или же мироотвержение есть слепота и гордыня, посягание на хулу и ересь, непринятие Евангелия и путь от духовного скопчества к телесному.

И вот, хозяйство, государство, наука и искусство суть как бы те духовные руки, которыми человечество *берет мир*; и задача христианства не в том, чтобы слепо и грубо отсечь эти руки, а в том, чтобы пронизать их труд изнутри живым духом, явленным во Христе. Христианство имеет в мире свое великое *волевое* задание, которого не постигают люди безвольные и сентиментальные; не постигая его, они сеют соблазн, и идут, и ведут по ложным, по трусливым, по лукавым путям. Ныне же, когда вредный фантом безбожной науки*, когда страшная сила религиозно-бессмысленного государства, когда внутренняя обреченность безыдейного хозяйничанья, когда растлевающая пошлость бездуховного искусства наполняют Божию землю расплясавшимися харями, — христианство не может ни отвернуться от этого сатанинского действия, провозглашая «нейтралитет», ни укрыться за словесное «мироотвержение» и «непротивление».

Оно должно найти в себе *веру* и *волю* для христианского мироприятия и для борьбы за свое поле и за свой посев. Должно найти, и найдет. И тогда начнется исцеление.

И. А. ИЛЬИН

ПРИЧИНА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революция есть болезнь, которая поражает только нездоровые, расслабленные организмы и не прививается к здоровым и сильным.

Была ли Россия здоровым организмом? Да, была — двести лет тому назад. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на ее рост в течение XVIII века и на главные составные элементы ее того времени.

---

* См. статью «Идея обновленного разума» в № 5 «Русского Колокола».

Во главе страны стоял самодержавный царь и назначаемое им правительство. Правящим сословием, из которого пополнялась вся высшая и средняя администрация, а также вся военная иерархия, и которое составляло (совместно с духовенством) весь культурный слой страны — было поместное дворянство; это было сословие, хозяйственно обеспеченное землей и рабочими руками (крепостные крестьяне), сильное своею службою и своими традициями и находившееся само в крепостном подчинении государству (обязательная служба). Третью основу, на которой покоилось государство, составляли крестьяне, из коих около 54% принадлежало помещикам, работая на них и тем обеспечивая им возможность службы.

Эти три элемента были связаны в одно целое крепким цементом — православной верой, в то время живой и непоколебимой во всех слоях русского народа.

Мы и не думаем идеализировать сословно-крепостной уклад XVIII века. История справедливо указывает и на фаворитизм двора, и на взяточничество приказных, на произвол администрации, на несправедливый суд, на темноту народных масс, на тягости и отрицательные стороны крепостного уклада. И тем не менее государство росло; земля его благодаря подушной подати Петра Великого распахивались, как никогда прежде, Россия крепла, вела успешные войны и закреплялась в своих естественных рубежах.

Первый удар по русскому духовному организму был нанесен еще в начале XVIII века — подчинением Православной Церкви государству. При Екатерине II были изъяты церковные имущества (1764 г.), а при Павле I духовным лицам стали давать ордена, как чиновникам. Постепенно духовенство обратилось в чиновников духовного ведомства; а Церковь утратила свою самостоятельную, духовно-учительную и обличающую власть; но печальные плоды этого обнаружились не сразу, а много лет спустя.

От Петра III (1762 г., манифест о вольности дворянской) и Екатерины II (1785 г., жалованная грамота дворянству) на-

чалось и разложение дворянского сословия: оно было освобождено от обязательной службы и всяких податей, тогда как помещичьи крестьяне остались в прежнем бесправном положении с одними обязанностями.

От бездеятельной и сытой жизни дворянство начало разлагаться духовно и морально, но это обнаружилось также не сразу. Если мы проследим по русской литературе процесс упадка, то он становится ясным. Наши прадеды, люди начала XIX века — еще почти все крепкие и сильные; но наши деды тридцатых годов уже люди со странностями, хотя между ними и встречаются еще сильные характеры. Возьмите Онегина, Печорина, Собакевича, Манилова, Ноздрева, Чацкого и т. д. Наши отцы Обломов, Райский, Кирсановы, Рудин, Верховенский-отец и другие уже безусловно проявляют признаки вырождения. Про это поколение поэт Некрасов сказал: «Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано». Что же касается до наших предреволюционных современников, героев Чехова и Арцыбашева, то это уже сплошь невращенные и безволие.

В прежнее время вся русская интеллигенция выходила из дворянства, но и до наших дней дворянство давало тон и вождей русской интеллигенции.

Наконец, манифест 19 февраля освободил крестьян от крепостной зависимости, но не превратил их в граждан, так как не сделал их полноправными собственниками, а прикрепил их к общине.

После освобождения крестьян малоземельное дворянство захирело экономически и ушло в города, постепенно выделяя из себя *интеллигентный пролетариат*; а крестьянство, ведя по старине экстенсивное хозяйство и страдая вследствие этого от аграрного перенаселения, медленно скупало помещичьи земли и, не удовлетворяясь ими, расслаивалось и выделяло из себя численно возрастающий *рабочий пролетариат*.

В то же время царь и правительство постепенно *обособлялись от народа*. Прежде дворянство, тесно связанное с крестьянами, служило посредником между правительством

и народом; теперь же централизованная бюрократия стеной отделила низы от верхов. Еще император Николай I с грустью констатировал, что Россией правят столоначальники. Таким образом, мы видим, что все три основы, державшие Россию, и самый связывавший их цемент подверглись разложению, а *новые формы не создавались*. А между тем жизнь шла вперед и отжившие формы должны были бы безболезненно переходить в новые, согласно требованиям времени.

Из крепостных крестьян должны были выкристаллизоваться *консервативные земельные собственники хлеборобы*. Из поместных дворян в соединении с купечеством должна была сорганизоваться крепкая, *национальная и патриотическая буржуазия*, которая стала бы культурным и почвенным элементом в стране. Дворянство, как сословное органическое целое, после освобождения крестьян от крепостной зависимости, в значительной степени утратило прежний смысл своего государственного существования, хотя оно, конечно, сохраняло свое значение как культурный слой с традициями чести и государственного служения. Однако, крупные землевладельцы, независимо от сословия, сохраняли свое хозяйственное и государственное значение и притом именно постольку, поскольку они вели столь необходимое во всякой стране *культурное интенсивное хозяйство*.

Отсюда уже ясно, что при наличности эволюции государственный организм не потерял бы сил и здоровья; и революции не было бы. Всякая страна выделяет из себя нездоровые соки, но отравить они могут только больной организм, как это и было у нас. За последние пятьдесят лет перед революцией Россия была тяжким хроником, несмотря на кажущееся экономическое благополучие. Ибо *болезнь гнездилась в душе народа*.

У нас революцию сделал и захватил власть численно ничтожный пролетариат (конечно, при сочувствии и попушении крестьянства), но удалось это ему только потому, что он был хорошо организован. Если бы мы имели ко времени революции реорганизованным на новых началах хоть один из выше-

указанных элементов, то революция была бы подавлена в самом начале. Крестьяне-собственники не дали бы разыгаться революции, как это было во Франции в 1870 году и в Венгрии и Финляндии в 1918 году. Организованная буржуазия подавила бы революцию, как это произошло в Германии; и, наконец, сильное правительство, органически связанное с народной толщей, несомненно, могло бы подавить петроградское восстание, если бы были приняты должные меры.

Таким образом, мы пришли к заключению, что революция произошла оттого, что *Россия своевременно не успела преобразоваться из государства патриархально-бюрократического в буржуазно-крестьянское*, согласно современным условиям жизни.

При таком хозяйственно-социологическом объяснении русской революции (намеченном здесь лишь вкратце) было бы наивно и несправедливо возлагать ответственность за происшедшее на каких-нибудь отдельных лиц или деятелей.

Так, винить в происшедшем русских царей невозможно; ибо, если даже допустить, что они не рождались гениями, провидящими судьбы своей страны на десятки лет вперед, то ни они сами, ни монархический образ правления не могут быть ответственны за это. Всегда и всюду бывает так, что если царь не гений, то он и его правительство идут по той дороге, по которой их направляет *равнодействующая общественного мнения*, конечно, при условии, что указуемый путь не будет гибельным или явно абсурдным. И этому «закону равнодействующей» самодержавный монарх подчиняется идейно и психологически нисколько не менее конституционного короля.

Винить в происшедшем народные массы (крестьян и рабочих) было бы также несправедливо уже в силу того, что при нормальном положении дела *они не ведут, а всегда бывают ведомы*.

Война не была причиной революции: она была лишь могучим *фактором, проявившим* отсутствие внутренней спайки и устойчивости в стране.

Другое дело — общественное мнение в России и вдохновлявшая им за последние десятилетия литература. Идеи «крестьянина собственника» и «патриотической буржуазии» были им совершенно чужды. Наша литература восхваляла идиллию крестьянской общины, а собственников называла кулаками и мироедами. Она клеймила буржуазию и восхищалась пролетариатом до босяков включительно, а более всего занималась разрушением веры, семьи и морали.

Интеллигенция, вдохновлявшая нашу литературу, и должна себя признать главной виновницей в происшедших печальных событиях, а все остальные подсобники ее и враги национальной России (внутренние и внешние) — только использовали создавшуюся обстановку в своих целях.

Правительство не могло идти по той дороге, куда звала его интеллигенция (демократическая республика и социализм), так как это было равносильно *государственному и национальному самоубийству*; а потому оно, не зная что делать, топталось на месте до самого своего свержения. Один Столыпин, чутьем большого государственного человека и патриота, понял верный путь и пошел по нему. Но разве один в поле воин? Революционная интеллигенция покушалась на Столыпина до тех пор, пока не убила его; а заместителя ему не нашлось.

И теперь, как и при Столыпине, можно утверждать, что Россия не выздоровеет, не успокоится и не начнет цвести до тех пор, пока в ней не образуется класс крепких крестьян-собственников, национальная патриотическая буржуазия и твердое правительство, возглавляемое монархом и поддерживающее живую связь с народом, через отвечающее народному духу представительство. Когда эти формы начнут намечаться, когда народ снова вернется к вере своих прадедов, тогда можно будет сказать: *революция окончена и Россия спасена*.

Д. В. НЕНЮКОВ¹²⁶

ВЕЛИКИЕ СТРОИТЕЛИ РОССИИ

СВЯТОЙ МИТРОПОЛИТ АЛЕКСЕЙ

Святитель Алексей, в миру Симеон-Елевферий, родился в Москве, в 90-х годах XIII столетия. Он был старшим сыном черниговского боярина Феодора Бяконта, переехавшего на службу к московскому князю Даниле Александровичу и занявшего в Москве видное положение.

Восприемником Елевферия при крещении был сын Данилин, тогда еще юный Иван Калита. С самого раннего детства будущий святитель жил вблизи семьи московского князя. Какие же впечатления детства и ранней юности должны были стать для него особенно яркими? — Кровавая борьба Москвы с Тверью, когда Юрий Данилович и тверской князь Михаил Ярославич «сопростася о великом княжении», когда они ходили в Орду «в споре и в брани велице», когда «бысть замятна в Суздальстей земле во всех градах». Эта борьба полна жестокости и заискиваний у хана. Убийство Михаила Тверского в 1318 году татарами, убийство Юрия Московского в 1324 году Михайловым сыном, Дмитрием Грозные Очи. Ужас Русской Земли перед татарами — «вооружаются на люди твоя смиренные, святителю преблажене Петре, сыны агаряны», пелось в древнем каноне свт. Петру митрополиту.

Итак, страшные опасности для родной Москвы, а за нею для всей Земли Русской — вот с чем вступал в свою сознательную жизнь старший сын боярина Бяконта. Дальше — правление в Москве его крестного отца, Ивана Калиты, который сначала замещал своего брата Юрия, отвлеченного другими заботами, а затем после его смерти сам сделался князем Московским, а позднее и великим князем Владимирским; и была «тишина» при нем от татар для Московского удела и были лады с Ордою. Да разве не открывало все это глаза молодому Бяконтову сыну, москвичу, развитому и мыслящему, любящему свою Родину и стольный град ее, — на задачи ее князя и на

обязанность помогать ему в его деле всеми силами, для князя и для «православного христианства», т. е. для народа?

На 20—21-м году Елевферий постригся в монахи с именем Алексея в московском Богоявленском монастыре; это совершилось еще при митрополите Петре. Целых 20 лет проводит Алексей в этом городском монастыре, в иноческом подвиге, в чтении книг и самоуглублении; «начало премудрости, еже себя разумети», учила русская книжность, повторяя глубокую мысль древнего греческого философа. Но Богоявленский монастырь не в «прекрасной пустыне». Он в самом городе Москве. Его иноки постоянно видят князя и знают об его заботах; «житейское море» шумит и плещет своими волнами у самых монастырских ворот. Иноки постоянно видят и кормчего корабля Русской Церкви, ее митрополита. Церковные и земские задачи и опасности всегда перед его глазами. А сам тогдашний митрополит, святитель Петр, отдавал свои силы не только Церкви; он советовал и князю Москвы, которая, после его кончины, молитвенно к нему взывала: «избави присный град свой Москву и князя победителя сотвори на враги». Образ свт. Петра, подвижника, пастыря, молитвенника за Русь и Москву, советника и «отца» ее князя, *радетеля за «державу» его* — должен был запечатлеться у инока Алексея на всю его жизнь и стать для него образцом.

Преемник свт. Петра на митрополичьей кафедре Феогност, родом грек, и князь Иван Калита — выделяют Алексея из рядов иноков московских монастырей. В 1340 году, сразу после смерти Калиты, при князе Семене, он был сделан наместником митрополита, с заведованием митрополичьим судом и имуществами кафедры. Постоянно при митрополите, Алексей в среде греческого окружения Феогноста усваивает греческий язык, читает греческие книги. В то же время он все больше и больше входит и в земские задачи митрополичьего престола той эпохи, подходя к ним не только как церковный деятель русской епархии греческого патриархата, но и как русский человек, москвич по рождению. Копится опыт жизни, опыт церковного и земского делания. Ум собирает наблю-

дения и знания, сердце делает свои горестные и радостные заметы. Недаром в русской письменности того времени читалось, что, сотворивши человека, Бог «вложи ему очи видети и уши слышати и ум световати». Жизнь подготавливала Алексея к тому исключительно высокому положению, которое он занял, ибо «на высоком месте сидеть — пространные надобно очи иметь», как говорилось в русском народе.

В декабре 1350 года Алексей уже епископ Владимира Клязьминского, намечен в преемники митрополита Феогноста, и московские послы отправлены в Константинополь за согласием на это патриарха. 11 марта 1353 года Феогност скончался. На той же неделе умерли два сына великого князя Семена. Прошло еще около шести недель, и, «минувшим сорочинам» митрополита Феогноста, «преставися» великий князь Семен Иванович. В Москве, как и вообще на Руси, свирепствовала чума, черная смерть — «тогда бяше мног плачь зело и лютое кричание, с горким рыданием: ктоже плакашеся своих мертвец, родители по чадах своих, а чада по родителех своих, и братья по своей братьи, и други по друзех, и жены по мужех своих и сердоболя вся по сродницех своих, прочий бо вси плакахуся о душах своих».

Из Царьграда между тем, с вернувшимися московскими послами, в Москву был прислан Алексею вызов приехать для поставления на митрополию всея Руси. Алексей отправился в путь, а новый московский князь Иван Иванович использовал эту его поездку, поручив ему заехать в Орду и исхлопотать там для него ярлык на великое княжение.

Почти два года продержали Алексея в Константинополе на испытании. Дары громадной стоимости были доставлены из Москвы в патриархию за поставление русского, а не грека, русским митрополитом. Их действие присоединилось к личным достоинствам Алексея, и он получил от патриарха настольную грамоту на митрополию Киевскую и всея Руси. Но патриархия не легко соглашалась на передачу ее в руки русского человека — она была слишком обширна, многочисленна и богата. Поставление Алексея было объявлено лишь

исключением, которое на будущее время не может считаться прецедентом. Сверх того, новому русскому митрополиту было предписано приезжать в Константинополь каждые два года для получения непосредственных указаний патриарха или, по крайней мере, присылать за ними своего представителя. В Византии отчетливо понимали опасность для нее нового пути, по которому может пойти дальнейшее развитие Русской Церкви. «Священная христианская полития», «христианское общежитие», как его понимали в Византии, требовало, чтобы все епархии Константинопольского патриарха были объединены одним высшим руководством, а национализация Русской Церкви шла вразрез с этим требованием. Она должна была вместе с тем и грозить выходом многолюдной и многодоходной русской митрополии из ряда епархий, на которые назначались греческие ставленники, а также уменьшением доходов самой патриархии. Наконец, выросло опасение слияния задач и целей Русской Церкви и Русской Земли, или, по крайней мере, Московского княжества.

А последнее уже совершалось. Святитель Алексей становился *политическим руководителем Москвы*. Князь Семен Иванович в своей духовной наказывал своим братьям Ивану и Андрею: «слушали бы есте отца нашего, владыки Олексея, также старых бояр, — хто хотел отцю нашему добра и нам». А великий князь Иван Иванович, как говорят греческие акты, умирая в 1359 году, «не только передал на попечение митрополиту своего сына, но и вручил ему заведование всею властью, не доверяя никому другому».

Сын великого князя Ивана, Дмитрий, остался после смерти своего отца девятилетним ребенком. Вскоре умерла и его мать, княгиня Александра. Он был «един в области великого княжения». Ему, будущему победителю татар на Куликовом поле, заменил и отца и мать — митрополит Алексей. Охрана жизни князя-ребенка и его воспитание, сохранение его удела и отстаивание его прав — встали перед митрополитом Алексеем как его обязанность. А рядом с этим — управление Московским княжеством среди опасностей, его тогда окружав-

ших. Первою из них была возможность утраты великого княжения. Между тем мысль о том, что великое княжение есть преемственное, от Владимира Святого и Ярослава Мудрого, мысль о значении великого князя для Русской Земли, — жила прочно, несмотря на то, что фактически ее осуществление не удавалось из-за того, что враждебные друг другу княжества-уделы вели каждое свою особую политику. И митрополит Алексей, стоя во главе тогдашнего правительства Москвы и объединив около себя его боярство, *отстоял великое княжение за малолетним своим питомцем-князем*. Хлопоты в Орде об ярлыке на великое княжение, вооруженная борьба с соперником, Дмитрием Константиновичем Суздальским — все это было сделано и пережито, и в конце концов суздальский князь «отступися великого княжения князю великому Дмитрию Ивановичу» и последний «сиде на великом княжении, на столе отца и деда своего». После окончания этой длительной борьбы суздальский князь Дмитрий даже выдал свою дочь Евдокию замуж за шестнадцатилетнего Дмитрия Московского.

Итак, первая задача была разрешена — великое княжение осталось за московским князем. Но за нею выступали другие. Вотчинно-удельный уклад, в котором жили тогдашние княжества, придавал им особые интересы, не слившиеся еще в единый интерес целой Русской Земли. Они приходили в столкновение и приводили князей к соперничеству и борьбе. А между тем идея великого княжения не умирала, как не умирало и *чувство единства Русской Земли*, хранимое и питаемое Русскою Церковью. Великое княжение, силою истории, стало уже закрепляться за Москвою фактически, хотя только Дмитрий Донской перед смертью, в своей духовной, впервые объявил его своею «отчиною». Но в дни св. Алексея это сознание не вылилось еще в окончательную формулировку, которая только готовилась. И митрополит Алексей служил ее утверждению *и как иерарх*, стоявший во главе единой Русской Церкви, *и как политический деятель Москвы*. В звании митрополита он выступает посредником в споре тверских князей, обратившихся к его авторитету, и дает тверскому владыке

Василию благословение на переговоры с ними. В 1367 году юный московский князь, по совету святителя Алексея, заложил «город Москву камень», т. е. обратил московский Кремль в первоклассную крепость того времени. А в 1368 году «князь великий Дмитрий Иванович со отцем своим, преосвященным Алексеем митрополитом» пригласили «на Москву» тверского князя Михаила Александровича и учинили ему суд «на миру в правде», после которого «изымали» его и «поимали» бояр, с ним приехавших...

В Суздальской земле споры Дмитрия и Бориса Константиновичей из-за Нижегородского княжения, после смерти их брата Андрея, вызвали посредничество Москвы. После неудачных уговоров митрополит Алексей применил церковное оружие к утвердившемуся в Нижнем князю Борису. Он присоединил Нижний Новгород и Городец к своей собственной, митрополичьей епархии и послал преподобного Сергия звать Бориса на суд великого князя в Москву. Борис ответил отказом, и игумен Сергей, «по митрополичьему слову Алексееву и великого князя Дмитрия Ивановича», запер нижегородские церкви и воспретил в них богослужение. К этому церковному воздействию присоединился поход московской рати на Нижний, и Борис должен был смириться. Внутри самого Московского княжества стали ухудшаться отношения великого князя и его двоюродного брата Владимира Андреевича из-за «удельных» земель, и митрополит Алексей посредничал при заключении ими договоров. Так, в междукняжеских столкновениях того времени святитель Алексей стоял за московским князем, как его *«отец»*, *«советник и руководитель»*, и весь свой громадный авторитет пастыря «православного христианства» и главы русского епископата влагал в дело установления внутреннего мира на Руси, залогом которого были: признание главенства великого князя и мощь Москвы, становившейся ее центром.

В то время центр политической и духовной жизни Северо-Восточной Руси действительно переносился в Москву. За московским князем закреплялось великокняжеское достоинство. Со всех концов Русской Земли в Москву давно уже

съезжалось *боярство*, сливавшееся здесь в правящий класс и приносившее с собою не только свой наследственный, вековой опыт службы и свои силы, но и кровные связи с боярскими родами других княжеств. Это боярство постепенно проникалось интересом Москвы и ее князя. Недаром житие великого князя Дмитрия влагает в уста умиравшего князя такие слова его к своим боярам: «с вами царствовах, Землю Русскую держав... великое княжение свое велми укрепих, мир и тишину Земли Русской сотворих, отчину свою с вами соблюдох, еже ми предал Бог и родители мои». Лучшие и опытейшие представители государственного делания собрались уже в Москве. Она становилась и создательницей основных *кадров военной силы* Русской Земли, а ее Кремль, обнесенный каменными стенами, сделался главною русскою *крепостью*.

В то же время росло и *духовное значение* Москвы. Престол митрополии «Киевской и всея Руси», фактически перенесенный в 1299 году митрополитом Максимом во Владимир-на-Клязьме из опустошенного татарами Киева, был закреплен там патриаршею грамотою 1354 года, хотя и с оставлением за Киевом титулярного значения митрополичьего престола. Но митрополиты со времени кончины святого Петра, канонизованного уже в 1339 году, имели свое постоянное пребывание в Москве. Она стала их *резиденцией*, и это было окончательно закреплено митрополитом Алексеем, занимавшим такое исключительное место в ее правительстве. Число каменных храмов и монастырей в Москве росло и росло. Уже при Иване Калите были построены каменные храмы во имя Спаса Преображения, Иоанна Лествичника («что под колоколами»), Михаила Архангела и Успения Богородицы. При князе Семене они были расписаны иконными фресками. До митрополита Алексея в Москве были уже четыре монастыря: Данилов, Спасский, Богоявленский и Петровский. Он построил еще четыре: Чудов, или Чудовской (по преданию — на месте ханской конюшни, подаренной ему исцеленной им ханшею Тайдулой), Спасский, Андроников, Алексеевский (первый женский монастырь в Москве) и Симонов. Продол-

жая дело свт. Петра, митрополит Алексей заботливо обращал Москву в город русской святыни, собрание которой, как и собрание Русской Земли, велось московскими князьями и русскими митрополитами.

Выраставшее значение Москвы как общерусского центра, конечно, должно было обратить против нее все центробежные силы, которые были тогда так велики еще на Руси. Они действовали и в отдельных княжествах. Они были заложены и в тогдашнем собрании Русской Земли около двух центров, Москвы и Литвы. Борьба Москвы с отдельными русскими княжествами и с Литвою была неизбежна. Особенно грозною являлась борьба с последнею, ибо государственное объединение ею русских земель около себя отзывалось и в отдельных княжествах, давая им опору в противодействии общерусскому делу Москвы. В княжение Дмитрия Ивановича начались вековые столкновения с Литвою за русские земли, отчину Владимира Святого и Ярослава Мудрого. На литовско-русском престоле сидел тогда один из наиболее выдающихся литовских князей, сын Гедимина Ольгерд. Он явно ставил своею задачею собрание всей Русской Земли, иными словами — разрушение дела Москвы и торжество над нею. Но походы Ольгерда на Москву, с осадюю ее, сожжением московских посадов, с личною опасностью для митрополита Алексея, в «граде затворившегося», не обратили, однако, Москвы во владение Ольгерда. Она отстояла и себя, и свое дело.

Собрание русских земель в Литовско-Русском государстве и борьба его с Москвою не могли не отражаться и на Русской Церкви. Возможно ли было сохранение ее единства при том *государственном* значении, которое она имела? Князь Галича и Волыни, Юрий Львович, еще в начале XIV столетия добивался в Царьграде учреждения особой митрополии для своих владений. С захватом Галичины Польшею — вопрос о выделении ее из состава митрополии «всей Руси» становился еще более острым. Не могла мириться с подчинением жившему в Москве митрополиту и верховная власть Литовско-Русского государства, особенно при митрополите Алексее, руко-

водителе московской политики, так определенно шедшей по пути создания на Руси единого великого княжения. Ольгерд официально обвинял святителя Алексея в том, что он «благословляет москвитян на пролитие крови» и не заботится о Западной Руси, его государстве. Жалуется патриарху и тверской князь Михаил Александрович на «посяганье» Москвы на Тверь и на отлучение его митрополитом от Церкви. Польский король Казимир грозит насильственным обращением своих русских подданных в латинскую веру, если они будут оставаться под церковною властью митрополита Алексея. Патриарх должен был напомнить последнему, чтобы он «назирал всю Землю Российскую и имел ко всем князьям любовь и отеческое расположение, чтобы любил не некоторых только из них... но имел всех их сынами своими и всех одинаково любил». Но последовать этому увещанию святитель Алексей *не мог*. Он не мог этого сделать не только как москвич по «возлюбленному ему земному отечеству», но и как пастырь «православного христианства», видевший в объединении Руси около Москвы *спасение от кровавых войн между частями одного и того же русского народа*, и незыблемую основу для развития и безопасности *национальной Русской Церкви*. Патриархия уступила требованиям Ольгерда. Сначала для нескольких литовско-русских епархий, а затем и для всей «Малой России», хотя и без Киева, был назначен особый митрополит в лице Романа. После его смерти в 1361 году временно митрополия «всей Руси» опять воссоединилась под церковною властью святителя Алексея. Но в 1371 году для Галичины был возведен в сан митрополита епископ Антоний, а в 1375 году на Киевскую и Литовскую митрополию был поставлен Киприан с оговоркою, однако, что он получит всю Русскую митрополию после приближающейся уже смерти митрополита Алексея.

Как настоятель Русской Церкви, святитель Алексей должен был находиться в сношениях и с Ордою. Уже со второй половины XIII века ханы выдавали свои ярлыки русским митрополитам, утверждая права Русской Церкви. В самой Орде жило так много христиан, что еще в середине XIII столетия в

ней была создана Сарская епархия русской Церкви. В Сарае приходилось бывать митрополиту Алексею и по церковным делам, и по делам Московского княжения. В 1357 году он отправился в Орду по вызову хана Чанибека, для исцеления его ослепшей жены Тайдулы. Перед отъездом святитель Алексей отпел молебен в Успенском соборе, и во время богослужения у раки святого Петра «свеща сама о себе возгорется». Эту свечу митрополит, «раздробив», роздал «народу на благословение», а часть ее «воску» взял с собою в путь. Хан вместе со своими сыновьями, окруженный татарскими князьями и вельможами, встретил святителя «с великою честью», а ханша, уже видевшая его во сне, ожидала его с изготовленными для него «ризами святительскими». Совершив «архиерейское молебное пение» и возжегши свечу из взятого с собою воска от раки святого Петра, митрополит окропил святою водою ханшу, и слепая прозрела. Так описывают это исцеление летописные и отдельные жития святого Алексея. Житие дает и объяснение этой поездки святителя. Не только угрозу хана великому князю Ивану «землю» его «пленишь» в случае неприезда митрополита в Орду оно упоминает, но говорит, что хан и Тайдула имели в святителя Алексея «веру, яко послушает его Бог молящаяся». Оно прибавляет и слова самого митрополита: «аще кто с верою просит, не презрит его Бог».

Но святой Алексей вместе с тем служил и родной Москве, закрепляя расположение к ней в Орде. Это *не значило, конечно, что святитель примирился с «агарянской» властью*. Когда он умирал «в старости честне и в старости глубоце» 12 февраля 1378 года, он призвал к себе великого князя Дмитрия «и наказаше его словесы духовными», а князь «любезно приемлет в сердце наказание словес отца своего и учителя». Что же было первым крупным делом Дмитрия после преставления святого Алексея? — Поход на «окаянных» татар и поражение их на Воже 11 августа 1378 года, т. е. тот бой, который предварял Куликовскую битву 8 сентября 1380 года.

«Видев себе от старости изнемогша и к концу уж приближающаяся», святитель Алексей был озабочен мыслью о своем

преемнике на митрополии, которому он передаст ее и свое церковное и русское дело. Кого же он им намечал? — Того, кто был самым святым, самым чистым человеком во всей Русской Земле, — преподобного Сергия, игумена Троицкого монастыря. Так часто бывает, что деятели боятся ставить около себя людей, равных им или более крупных, чем они, по своим достоинствам и дарованиям, боятся сравнения себя с ними. Святитель Алексей был чужд такой зависти, «мятеж души подающей». К содействию преподобного Сергия он постоянно обращался при своей жизни; его он, хотя и тщетно, убеждал, приближаясь к смерти, принять престол митрополита всея Руси. Не свою личность, а свое великое дело святителя и русского человека он всегда имел в своих заветных мыслях, и оно было сокровищем его жизни.

И. И. ЛАППО

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ВООРУЖЕННОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ БЕЛЫХ

Красные: «Смело мы в бой пойдем
За власть советов!
И как один прольем
Мы кровь кадетов!..»

Белые: «Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую!
И как один умрем
За дорогию!..»

(Из песен гражданской войны)

I

Неудача, постигшая вооруженное выступление белых, привела к укреплению коммунистической власти в России более чем на десятилетие. И потому историк, исследующий пути и судьбы русской революции, должен будет всесторонне изучить те причины, которые вызвали неудачу Белого оружия.

Вооруженное выступление белых не есть самостоятельный и обособленный эпизод в истории русской революции: это есть одна из стадий большого патриотического движения — *Белого* движения. Этих стадий было несколько: зарождение, развертывание (т. е. именно вооруженное выступление — наиболее активная стадия движения), исход его из России, организация его за рубежом и... — как сложится дальнейшее развитие Белого движения, сказать, конечно, трудно, но несомненно, что последняя стадия его далеко еще не пройдена.

Я хотел бы заранее оговориться о тех органических недостатках, которые неизбежны в моем очерке. Именно, я должен признать, что мое «я» совершенно поглощено Белым движением, вошло в него, осталось в нем и будет в нем находиться до последнего момента моего существования. Поэтому абсолютно беспристрастным по отношению к Белому движению я быть не могу... Но именно поэтому беспристрастное решение вопроса о том, почему мы, белые, тогда не победили и были вынуждены покинуть пределы России, приобретает для меня действительное значение, становится актом единой, продолжающейся борьбы.

Я не буду говорить здесь о моральном значении Белого оружия... Не будь этого вооруженного сопротивления, история могла бы считать, что всё в стране сочувствовало коммунистическому перевороту, что никто не нашел в себе мужества протестовать против того, против чего порядочный человек не протестовать не мог...

В тот момент, когда так называемый «пролетариат» в 1917 году захватил власть в столицах, в Москве и Петербурге, и начал распространяться по другим большим городам, — окраины страны, хотя и были уже развращены революцией, но не знали еще большевизма. Это давало белым возможность уходить на окраины и формировать там свои кадры; но это вело и к тому, что окраины, «не изжившие еще» (как тогда говорили) большевизма, не знали и не понимали, чем он им грозит, и потому не нашли в себе сил для поддержки белых выступлений до конца.

Белое движение, как вооруженная борьба, зародилось сначала на *южной* окраине России и лишь потом вспыхнуло в других местах. Борьба велась дольше всего там, где она началась ранее всего, на юге, где 15 ноября 1917 года (по новому стилю) генерал Алексеев поднял в Ростове-на-Дону знамя протеста. Этот фронт просуществовал почти день в день три года. На востоке, считая с момента переворота адмирала Колчака до его убийства (с ноября 1918 года до 7 февраля 1920 года), борьба длилась год и три месяца. На севере фронт генерала Миллера жил с августа 1918 года по февраль 1920 года, т. е. почти полтора года. И менее года просуществовал западный фронт генерала Юденича — с конца 1918 года по октябрь 1919 года.

Мое краткое исследование я делю на три части. Первая — это разбор данных, которые, с моей точки зрения, неправильно «принято» считать за причины неудачи белых; вторая — исследование факторов, которые, не составляя непосредственно самих причин, как бы ложатся в основу последних, и третья — изучение того, что я считаю действительными причинами неудачи вооруженного выступления.

Начну с первой, и в частности с оценки *стратегического* положения сторон в гражданской войне и тех *промахов*, которые были допущены с обеих сторон как в области широкой — стратегии, так и в более узкой форме — *тактики*.

При одном взгляде на карту России в момент существования всех белых фронтов бросается в глаза их общее положение: в середине сплошное ядро красных сил, базирующихся на центр страны и ее богатства, и вокруг — кольцо белых сил, имеющих за собою почти во всех случаях только море. А как известно, центральная власть всегда сильнее окраинных протестов...

В стратегии возможность *сплошного окружения* надо считать, конечно, большим преимуществом, и потому, с чисто теоретической точки зрения, можно было бы считать положение белых более выгодным, чем положение красных внутри охватывающего их *кольца*. Однако преимущество охвата бы-

ло только кажущееся: для того, чтобы создать действительное кольцо, у белых не хватало многого. Во-первых, *одновременное* существование всех белых фронтов длилось *менее года*, т. е. срок существования западного фронта, тогда как движение было разбросано на неизмеримых пространствах; во-вторых, и в это время «кольцо» не только не замыкалось, но в нем были огромные пробелы и прорывы, например, в виде промежутка между правым флангом Юденича и левым флангом Деникина, промежутка, занятого далеко не благожелательными к белым польскими войсками; в-третьих, не было единого управления всеми белыми силами, и не потому, что этого «не хотели» руководители отдельных белых фронтов, но потому, что не было физической возможности создать единое командование. Стоит только вспомнить, что генерал Деникин для связи с адмиралом Колчаком (он считал себя подчиненным ему) должен был пользоваться из Екатеринодара телеграфом — или через русского посла Демидова в Афинах, или через Париж. Все попытки установить иную связь кончались неудачей. Посланный Колчаком ротмистр Толстой-Милославский пропутешествовал ранее, прежде чем добраться до юга, едва ли не четыре месяца; поехавший с юга к адмиралу Колчаку генерал Гришин-Алмазов так и не достиг своей цели, — он погиб в Каспийском море от руки большевиков. Так было и в сношениях между другими фронтами... Только летом 1919 года на короткий промежуток времени в Царицыне была установлена прямая связь фронта Колчака с фронтом Деникина в лице уральского разъезда, но эта тоненькая ниточка держалась только одно мгновение; и к тому же в этот период восточный фронт переживал уже период неудач...

Этим стратегическое преимущество передается красным: оно давало им возможность, подобно Германии в европейскую войну, вести борьбу по внутренним операционным линиям и по кратчайшему пути перебрасывать свои войска с одного фронта на другой для того, чтобы наносить тот или иной заранее намеченный удар. А размеры белых сил были таковы, что им *сжимать* было труднее, чем красным *рвать*... У белых

не было превосходства сил для окружения ни в стратегическом, ни в тактическом масштабе (например, окружение большевиков в Ставрополе слабыми добровольческими частями и прорыв красных в степь на восток осенью 1918 года).

Нельзя, однако, не упомянуть, что белые не проявили решительного стремления исправить недостатки своего стратегического положения. Вспомним споры на юге России из-за так называемой «правой» стратегии (выдвижение направо, на восток, к Волге) и «левой» стратегии (выдвижение налево, на запад, на Украину). Я лично всегда был сторонником «правой» стратегии, так как она вела к объединению фронтов Восточного и Южного, а следовательно, создавала если не кольцо, то хотя бы охватывало красных.

Несомненно, что «ошибки» делались, как всегда, с обеих сторон; что они были и у белых. Но считать их непосредственными причинами неудачи вооруженного выступления белых нельзя, ибо во всякой войне бывают и стратегические, и тактические ошибки, но одни они к поражению ведут очень редко...

И враги, и друзья Белого движения, и более левые, и более правые, — указывали не раз, как на причину неудачи, на так называемое *отсутствие положительной идеологии* на Белой стороне.

Справа белых обычно упрекают в том, что они не провозгласили чисто монархического лозунга. Я должен сказать, что я открыто исповедую монархические убеждения, и не только теперь, но исповедовал их и на южном фронте Белой борьбы, и притом в качестве ответственного руководителя монархической газеты («Россия» и «Великая Россия» в 1918—1919 гг.). Но именно поэтому я представляю себе, что провозглашение монархического лозунга было возможно только в единственном случае и только на фронте адмирала Колчака: именно, если бы удалось искусным военным выдвижением предотвратить преступление 17 июля 1918 года, вследствие чего на восточном фронте оказался бы император Николай II и его семья... Другого случая я не знаю. Ибо во всех остальных слу-

чаях *всякое провозглашение* монархического лозунга привело бы не к объединению, а к *разъединению бойцов*, сражавшихся в боевой линии и объединенных *родиной, честью и врагом*. Именно пребывание в армии научило меня (ибо первое время и я сам в донесениях генералу Алексееву, из Харькова, и лично, настаивал на провозглашении монархического лозунга) тому, что этот вопрос решающего значения для *действительных борцов* не имел; беречь его — значило бы вносить страстность в среду тех, кого надо было всеми силами от этого оберегать.

Самый опыт жизни белых фронтов показал, как мало значило провозглашение этого лозунга для успеха или неуспеха армии. Ведь были опыты формирования белых армий под чисто монархическими лозунгами: созданная при помощи немцев Астраханская армия, оперировавшая и в большей своей части погибшая под Царицыном, и Южная армия под главенством генерала Иванова, оперировавшая в Воронежской губернии, — носили на себе цвета Дома Романовых, но не поглотили собою других формирований, а сами растворились в них. Не спасла Белого дела и земская рать генерала Дидерихса, объявившая монархический лозунг в борьбе с красными на Дальнем Востоке!.

Упрек в отсутствии «определенной идеологии» делался белым и слева. На этом упреке долго останавливаться не стоит. Самый состав армии совершенно исключал возможность навязывания ей «демократических» лозунгов; эти лозунги на протяжении русской революции достаточно уже причинили горя русскому офицерству, которое в большинстве и составляло ряды белых формирований. Однако и здесь история дала живое доказательство бессилия соответствующих лозунгов: демократическая армия Учредительного собрания на Волге развалилась не столько от натиска противника, сколько от своей собственной «демократичности», т. е. от комитетов, «сознательной» дисциплины и прочих прелестей революционной эпохи.

При обсуждении этих упреков необходимо помнить о том, как родились белые фронты. На окраины стихийно кинулись

все те, кто в душе своей затаил протест против совершившегося насилия над страной, кто стремился донести этот протест до белых рядов и жил им в период вооруженной борьбы на фронте... Для всех белых исповедуемая ими идеология *освобождения* России всегда была в достаточной степени *положительной*, что они и доказали, упорно продолжая эту борьбу, несмотря на натиски как слева, так и справа. Иного и быть не могло, ибо только это и именно это соответствовало настроению главной части белых, русского офицерства! Ведь в белые ряды шли не потому, что искали собственного спасения, нет, туда шли именно те, кто хотел *бороться*...

Только часть таких сильных людей в силу известных обстоятельств оставалась в самой гуще красных для борьбы с ними на месте, изнутри. Все остальные или сразу попадали в белые ряды, или же присоединялись к ним по мере продвижения белых фронтов к центру страны. Те же, кому красная власть угрожала, но кто не чувствовал в себе силы для борьбы, имели возможность уйти за границу хотя бы через Финляндию, немало офицеров и солдат, не стремившихся к борьбе за Родину, было вывезено также немцами из Киева...

Нет, упреки в отсутствии идеологии, в неприятии правых или левых лозунгов, не указывают причины наших неудач. Это только демагогический прием в демагогических выступлениях, не больше!

Необходимо остановиться также и на тех *элементах*, из которых состояли белые армии: таковы ее *начальники* и *армия* в своей массе.

В отношении военной подготовки, боевого опыта и технических знаний у руководителей армии — все преимущества были, конечно, на стороне белых. В этом отношении вождей можно было бы разделить на три группы: старые начальники русской армии; начальники, выдвинувшиеся из рядового офицерства, и, наконец, начальники, выдвинутые волной революции и революционной борьбы.

В числе лиц, принадлежавших к *первой* группе, белые армии имели в своих рядах почти всех выдающихся русских

вождей европейской войны. Мы видим в рядах белых двух верховных главнокомандующих Алексеева и Корнилова; мы видим главнокомандующих армиями фронта — Деникина, Драгомирова и Иванова; мы видим в рядах белого генералитета почти исключительно лиц с высшим военным образованием, или с теоретическим цензом, в лице генералов Врангеля и Краснова, или, кроме того, и со служебным — Каледин, Марков, Дроздовский, Богаевский, Лукомский, Казанович, Май-Маевский, Юденич, Флуг, Миллер, Эрдели, Марушевский, Мурузи, Сахаров, Дидерихс, Каппель и др.

Что касается второй и третьей группы, то в этом отношении я не вижу никакого различия между красными и белыми рядами: если у красных были Гиттис и Тухачевский, офицеры по службе и образованию, то у белых были Покровский и Шкуро; если у красных командовали порожденные революцией матрос Дыбенко и вахмистр Буденный, то в белых рядах командовали Пепеляев, фельдшер Гайда, вышедшие из казачьих низов генералы Топорков и Павличенко...

Итак, обе последние группы были представлены на *обеих* сторонах. Но преимущество образования и старых навыков было, конечно, у белых, хотя бы уже потому, что в красные ряды только с течением времени вошли Селивачев, Балтийский, Парский, Сытин и Гутор... Тут время работало против белых!..

Но и тут, как в вопросе о настроениях окраин, в преимуществах белых вождей таились и их недостатки: все они были опытные и порой ученые военачальники, но большинство из них обнаруживало *отсутствие необходимой творческой гибкости и решительности* в совершенно исключительной обстановке. Исключений было мало, их имена говорят сами за себя...

Что же касается главной массы белых армий, то здесь, в особенности с начала вооруженного выступления белых, все преимущества были на их стороне. Нет лучше состава для армии, как тот, который *идет на борьбу в силу одухотворяющей его идеи*, а таким и был состав белых с самого начала борьбы. Вот

почему в период первых выступлений ничтожных сил в Сибири, в начале продвижения на юг фронта генерала Миллера, в первых шагах отряда генерала Родзянко на западе и в операциях Добровольческой армии на Северном Кавказе, когда ей приходилось снабжать себя патронами и снарядами, добывая их у красных, конечно, с боя, — мы всюду видим успехи; и потому же с выходом всех фронтов на Русскую равнину мы видим, что все они, постепенно захлебываясь в пространстве и во времени, приходят к отступлению...

В тот период у красных были только насильно мобилизованные, так как партийных коммунистов, добровольно пополнявших ряды, было мало, а мобилизованные, конечно, представляли собою материал, с боевой точки зрения, отрицательный. Но с течением времени, которое, как я уже говорил, благоприятствовало красным, обстановка менялась: надо было пополнять убыль в таявших рядах и белым пришлось также прибегнуть к мобилизации, т. е. к принудительному привлечению населения в свои ряды... Других способов не было. Конечно, это развращало белые ряды, так же как и та масса выжидавших, которая вливалась в ряды победителей, какими и были сначала белые, и, превращая полки их в дивизии, а дивизии в корпуса, на самом деле не давала никакой реальной силы, потому что при первых же неудачах покидала боевые ряды.

Для характеристики, как трудно давалось пополнение рядов, я приведу одну попытку, свидетелем которой я был сам. Я имею в виду прибытие в Екатеринодар из Франции так называемого «легиона чести». Украшенные трехцветными знаменами, французскими военными крестами и медалями, осененные репутацией людей, которые единственные из всех русских, находившихся во Франции, не изменили принятой присяге, — они пришли и дополнили собою ряды Южного белого фронта и... в первом же бою перешли на сторону красных, оставив у белых только своих офицеров... Правда, перешли не все: офицерская пулеметная рота соседнего по фронту с «легионом чести» полка вовремя заметила «маневр» легио-

неров и уменьшила число перебежчиков... Легионеры стремились домой и почему-то думали, что их не задержат для пополнения красных рядов, как задерживали в белых линиях...

И опять, делая вывод, я должен прийти к заключению, что первоначальное преимущество белых *с течением времени переходило на сторону красных*, которым мобилизованный материал давал лучшие результаты. О причинах этого — в дальнейшем.

Итак, во всем доселе рассмотренном можно, конечно, найти известные данные для того или иного объяснения белых неудач, но все это, конечно, не могло быть решающим.

Несравненно больший вес имели иные факторы, которые возможно считать основанием причин неудачи белых. К ним я теперь и перейду.

Я начну с характеристики тех, кого белые называли тогда «*союзниками*» и надежду на которых принято, быть может и не без основания, ставить в упрек белым...

Генерал Деникин в своем труде называет политику держав Антанты *своекорыстной*. Мне кажется, что это и есть самое правильное определение этой политики. «Союзников» нельзя, конечно, считать *предателями*, ибо в конце концов они, после мира в Бресте, ничего реального России, как таковой, не обещали; а наши русские национальные интересы были им совершенно чужды, и они расценивали их совершенно невысоко. Они были действительно *своекорыстны*, т. е. они соблюдали только свои собственные интересы и далее этого не шли.

Всем хорошо памятна роль «союзников» в Сибири: вся «помощь», вся «поддержка» белым длилась только до тех пор, пока державам Согласия угрожали германцы и пока надо было во что бы то ни стало создать только угрозу восстановления русско-германского фронта. На этом-то фронте и оказались — и чехословаки, сыгравшие впоследствии такую плачевную роль в ликвидации фронта адмирала Колчака, и японцы, и американцы, поляки, юго-славяне, и даже французы с их генералом, санкционировавшим впоследствии предательство по отношению к русскому вождю...

И на северном фронте, как и на Волге за чехословаками, формировались русские силы за англичанами и французами; и там так же, как и в Сибири, «союзники» оставались лишь до тех пор, пока события на полях Франции не сделали русский фронт просто излишним... Тогда англичане ушли; правда, они предложили русским уйти вместе с ними, но когда те, стремясь к освобождению Родины, естественно отказались, то англичане перед уходом вместо того, чтобы передать запасы и снаряжение русским, *утопили все в море*... И после их ухода снабжение северного фронта велось со дна моря... Легко себе представить, в каком виде море возвращало все то, что оно получило от «союзников».

Нельзя не вспомнить также роль английского флота при наступлении белых на Петроград, — когда русские силы при атаке Красной Горки были оставлены ими без всякой поддержки... Нельзя не вспомнить также «первую Одессу» и «первый Крым», внезапно оставленные «союзниками» в нелепый и ничем не вызываемый 48-часовой срок! Не надо забывать и той психологической загадки, что первые танки были получены большевиками под Березовкой у Одессы от французов, бежавших перед красными потому, что, по их сведениям, в рядах большевиков оказались немецкие инструктора, т. е. те самые враги, победу над которыми «союзники» как раз в это время праздновали на западном фронте!..

Достаточно вспомнить те обещания, которые давали от лица своего правительства французский консул Энно в Одессе и французский офицер Эрлиш в Екатеринодаре... Теперь многое тайное стало уже явным. В «Архиве русской революции»* напечатана секретная сводка сношений главного командования на юге с командованием французским: где же те «дивизии», которые были обещаны французами на смену уходивших с Украины немцев? Вся «помощь» ограничилась только снабжением, данным англичанами, которые, однако, в то же время не преминули поддержать враждебные Деникину кавказские новообразования...

* Том XVI.

Политика «союзников» была именно своекорыстной: им была нужна противогерманская Россия, а потом?.. есть основания предполагать, что они продолжали «поддержку» лишь в силу того, что *российская неразбериха была просто выгодна для них...*

Вспомним и Крым последнего периода, периода командования генерала Врангеля. Англичане закончили свое «содействие» уже в Новороссийске. А французы... Если считать «помощью» словесное «признание» и присылку комиссара Мартеля, то, конечно, они помогли. Но если в помощи видеть что-либо более реальное, то она бесспорно была миражем.

Вывод ясен: «союзники» работали *на себя* и «помощь» их белым была далеко не так реальна, как это принято изображать.

Однако, говоря так о «союзниках», я считаю себя обязанным вспомнить тех англичан, которые были с нами в самом пекле боевых линий. Так, в Киеве в конце 1919 года я помню англичан, которые, зная по-русски только одно слово «ура», ходили в атаку с русскими ротами, оставшимися без офицера. Они *поняли*, что такое большевики, но убедить в этом своих соотечественников, оставшихся на родине, они не могли. Нельзя не вспомнить и тех французов, которые, будучи на месте действия, не смогли отказать в помощи белым при эвакуации Крыма... Быть может, их изменило то, что они *увидели* в России? Но вопросы помощи решались не на местах боя, а в Лондоне и Париже, в министерствах иностранных дел.

Останавливаясь на взаимоотношениях с иностранцами, я должен сказать, что в политике белых тоже не все было благополучно и удачно, и в такой борьбе, когда надо было пользоваться всем, быть может, даже пренебрегая известными последствиями, мы не умели привлечь и использовать всю иностранную помощь — и великодержавную и окраинную...

Так, нельзя не пожалеть, что наши старые дипломатические представители, сохранившие на местах свое положение и располагавшие прежними средствами, порою признавали русские белые фронты и силы лишь с оговорками, «постоль-

ку — поскольку», неудачно применяя эту формулу проклятия, порожденную революцией!

Но и в сношениях с лимитрофами было много промахов. Так, непризнание адмиралом Колчаком или же просто генералом Юденичем — фактически уже осуществленной самостоятельности Финляндии и Эстонии, быть может, было основной причиной неудачи белых на западном фронте; непризнание же поляков генералом Деникиным сделало их постоянными противниками белых. Возможно, что несколько иначе следовало разговаривать и с «украинцами». Я говорю, конечно, не о Петлюре, ибо мало кто возьмется определить, где кончалось «украинство» Симона Петлюры и где начинался большевизм Льва Троцкого. Но «украинцев» гетмана было целесообразно признать...

И опять, переходя к очередному заключению, я должен повторить, что взаимоотношения с «союзниками» при наличии их своекорыстия и наших упущений все-таки нельзя рассматривать, как основную причину неудачи вооруженного выступления белых...

В чем же она?

А.А. фон ЛАМПЕ ¹²⁷

(Окончание следует)

СТАРЧЕСКИЕ ЗАВЕТЫ

II

Мы возвращались домой. Высокие и суровые горы вполне гармонировали с теми высокими мыслями, которые развивал Петр Иванович. Все и в природе, и в разговоре было красиво и интересно.

— Что же, — сказал я, — по-вашему, нужно делать? Что главное в жизни?

— Вот, — ответил Петр Иванович, — мы с вами и дошли до самого существенного. Человек в начале жизни живет, не задумываясь над ее сущностью. Затем неясные и случайные

мысли об этом все чаще и чаще приходят ему в голову. И, наконец, наступает возраст (у разных людей он приходит в разное время), когда человек ставит себе окончательный вопрос: что же главное в моей жизни? что мне прежде всего остального нужно делать?

Видите ли, человек не создан для того, чтобы жить скотом. На то имеются настоящие скоты.

Но что же у нас есть, кроме тела? Разум. Это великий дар, и им люди могут многого достичь. Он может, при правильном направлении, привести в порядок нашу внешнюю жизнь, — и он же, взявши неправильный курс, может ее совершенно разрушить. Он может побудить нас делать добрые или злые поступки. Он может разработать и увеличить наши земные знания. Он же может и заглушить и упрочить в нашей жизни божественные впечатления, не рожденные им, но полученные им откуда-то. Но откуда?

Вам никогда не случалось, — продолжал он, — разумом обдумывать положение, или, скорее, предстоящее вам действие? Рассуждения ума были правильны. Заключение — последовательно. Вы взвесили все «за» и «против». И ясно вышло, что вам надо пойти налево. Вы уже готовы идти туда. Но какой-то внутренний голос настойчиво требует, чтобы вы шли прямо. И заметьте, — этот внутренний голос обыкновенно бывает прав. Паскаль сказал: «*Le coeur a des raisons, que la raison ne connait pas*»*. Что это за сердце, о котором говорит Паскаль? А что такое совесть, о которой он же писал, что она есть «закон законов»? Что в нас способно любить, хранить верность, или толкать на благородное самопожертвование для спасения слабых? Все это — одно. Это *духовная часть* человека, которая выше тех двух частей, умственной и телесной.

В книге Бытия очень образно описано, как Господь вдунул в человека «дыхание жизни». Этот наш *дух жизни* может почувствовать Бога так, как никогда наш ум не будет в состоянии Его понять. Что есть сильное тело без благородства души? Что есть сильный ум без любви? Будет ли это нас утешать в

---

* Сердце имеет разумные основания, которых разум не знает (*фр.*).

минуту смерти? Или же без этого духа жизни мы, на пороге смерти, окажемся, как корабли без руля. И этот чудный дар, это наше высшее «я» мы унижаем, то таская его по скотским развлечениям, то погружая его в умственные поклонения призракам и предрассудкам.

Вот где главное: *нужно в себе возвысить этот драгоценный дух жизни*. Но как?.. Отвечу вам словами Бурже¹²⁸: «Воспитывайте в себе две великие добродетели, две силы, вне которых — всё гниль и агония: *любовь и энергию воли*». Это можно делать во всяких обстоятельствах.

— Но позвольте, — возразил я, — любовь я понимаю. Она возвышает дух. Но при чем же тут энергия воли? Не противно ли это христианскому учению? Ведь христианин должен обладать смирением и помнить, что без Бога он ничего не может сделать.

— Мне кажется, — возмущенно сказал старик, — что у вас самое превратное понятие о христианском учении. Возвышение духа есть главная цель христианина. Но это очень нелегко и требует борьбы с низшей природой. И вы, конечно, правы, что без помощи Божией мы бы и не достигли победы. Поэтому мы ее и просим, по Евангелию: «Просите и дастся вам». Но для чего просим? *Для борьбы* — сначала с собой, а по достижении силы — со злом. В Писании прямо приказано: «Противостаньте диаволу, и убежит от вас» (Иак. 4,7), то есть если не будете бороться и не противостанете, то он при вас и останется. В другом месте Евангелия вы читаете: «С сего времени Царствие Божие благовествуется, и всякий усилием входит в него» (Лк. 16,16). Если вы не будете усиливать побороть свои низменные инстинкты, то никто за вас этого не сделает. Всякому из нас Бог дает в нашей земной жизни свою жизненную задачу, которую мы и обязаны исполнить. Это наш долг. Тому, кто Бога ищет и старается понять Его волю, Он постепенно и откроет, в чем этот долг заключается. А между тем всякий из нас не зря попадает в ту или иную обстановку, и долг его — терпеливо и мужественно пробиться через такую жизнь.

Всякий, искренно просящий у Бога духа и силы — их получит, «Блаженны нищие духом» (то есть просящие духа, как нищие), «ибо таковых есть Царство Небесное». Но не надо ограничиваться одной просьбой. Горе тем, которые, получивши силу, не употребляют ее на совершенствование, на помощь людям и борьбу со злом. Сила, не находя выхода, постепенно разрушает держателя; много отсюда физических и душевных недугов.

Представьте, что вы — учитель. В вашем классе есть слабый ученик, который старается решить данные ему математические задачи, но не может. Вы ему помогли раз, и два, и три. Если он воспользуется вашей помощью, вы ему будете помогать и дальше. Но если он перестанет работать, возложив все надежды на вас, вряд ли вы станете решать все его задачи. Какой толк? Я полагаю, что Бог готов помогать каждому из нас, готов дать нам духа и силы. Но Он не будет решать за нас нашу жизненную задачу. Его воля в том, *чтобы мы сами ее решали*.

Поэтому смело говорю: просите у Бога помощи, развивайте в себе любовь, *развивайте в себе энергию воли*. Без этого вы размякнете и пропадете.

Есть писатель Винэ, который утверждает, что все добрые намерения мира не стоят одного волевого решения сделать добро. Другой писатель, Эрбэ, пишет, что энергия воли увеличивается через упражнение. И как он прав! Мы должны развивать в себе энергию воли. Мы должны бороться со злом и в себе, и в мире.

— А как же, — возразил я, — сказано в Евангелии: «не противься злему»?

— Это вы всё насчет непротивления? — удивился Петр Иванович. — Вы знаете, что по-славянски значит «не противься»? — это значит: не против себя. То есть если Богу было угодно испытать своего раба терпением, — вы должны, ради Бога, перенести все, нанесенные вам лично, обиды, простить и не мстить. Но как можете вы прощать *чужие* обиды? Если вы, сильный мужчина, идя по лесу, увидите, как разбойники мучают и убивают женщину, и пройдете мимо, сказав

разбойникам: «Я вам прощаю», — то на Страшном Суде, на жалобу убитой женщины, Господь вряд ли вам скажет: «Хорошо, добрый и верный раб!» Разбойники грабят нашу Родину, развращают молодежь, мучают и убивают стариков и детей, насилюют женщин, уничтожают самое имя России, разоряют церкви. И я должен, по-вашему, им простить и не мешать? Простить может только Бог. *Простить свои обиды я должен. Но помешать злу я обязан.* Это мой долг спасти Родину и защищать тех, которые сами защищаться не могут. Если на вашу мать нападут разбойники, неужели вы ее не станете защищать? Родина — ваша мать. Нет сил бороться? Откройте окно и кричите о помощи.

Когда мучили Христа, Он все терпел и молчал. Но раз, увидевши осквернение храма, Он взял веревку и изгнал из него торгующих. Христос во всю Свою земную жизнь боролся со злом, обличал лицемеров, изгонял бесов и, наконец, окончательно победил ад и смерть крестными страданиями и великим воскресением.

Если в ваше отсутствие ваш слуга простит долг принесшему вам обратно деньги должнику, вряд ли вы его похвалите. И Бог не похвалит вас за произвольное прощение чужих грехов. Нет, бороться со злом — необходимо.

— Но как? — спросил я.

— Нужно бороться со всем, — сказал Петр Иванович, — что противится нравственному закону, будь то своя или чужая злая воля, свои или чужие злые слова или поступки. Свою злую волю нужно пресекать внутри себя — в своих чувствах; не разрешать им принимать дурное направление и развивать противоположные чувства. Свои злые слова или действия — уничтожать обратным словом или действием, как бы это ни было неприятно. В борьбе же со злом в мире, помните, что осуждать нужно *не злобных*, а *зло*. Судить злобных будет Бог. А вы часто и не знаете, почему человек впал в такое состояние. Сами можем упасть. Но мешать злему делу надо всюду, где только представится возможность. И мешать можно двояко: во-первых, препятствовать злобным людям действием,

словом, кто чем может; во-вторых, стараться распространять вокруг себя как можно больше добра всем несчастным и требующим помощи, не упуская ни одного случая. Отличать же зло от добра следует не с личной точки зрения, а с точки зрения нравственного закона и совести. Горе тому, кто станет пресекать зло, *руководствуясь завистью, расчетом, партийностью или чем-либо подобным*. Он рано или поздно понесет ответственность за свой поступок. Это неизбежный нравственный закон...

На этом разговор оборвался. Мы подходили к дому. Наскоро закусив, я спешил на станцию; мне нужно было не меньше часа, чтобы спуститься с гор до железной дороги. С грустью прощался я со стариком. Он не решился расстаться со мною у порога и пошел проводить меня до перекрестка дорог. Там, около придорожного распытия, осененного елями, мы простились.

— Пишите мне, — сказал старик, — и приезжайте снова. Позвольте на прощанье сказать вам следующее: любите, веруйте, надейтесь и будьте сильны. Как сильный человек, будьте терпимы к чужому мнению, — *только слабость нетерпима*. И помните, что *никого, ничего и никогда не заставишь полюбить насильно*. Храни вас Бог, — закончил Петр Иванович.

И мы расстались. Когда я дошел до последнего поворота, за которым уже скрывалось плоскогорье, я еще раз оглянулся. Старик все еще стоял у распытия и махал шляпой. Так он и запечатлелся в моей памяти: на фоне русского елового леса и у подножия Креста. Родина и Сила.

Г.А. ШЕРЕМЕТЕВ

ПЛЯСКА ОПУСТОШЕННЫХ ДУШ

Во всех концах земного шара под завывающие и трескучие звуки джаз-банда, утром, днем и вечером, в бальных залах, в кафе или на улицах — пляшут люди до изнеможения, выплясывая из себя, из своей души негритянскую судорогу. Моло-

дые девушки в бальных платьях и юноши в строгих черных костюмах с благословения и одобрения родителей производят в течение многих часов подряд совершенно неприличные движения, и эта *однообразная механичность* и, главное, *хладнокровная неустойчивость* этих непристойных движений — производит странное, даже жуткое впечатление. «И непонятно, и стыдно стороннему глазу: будто рассыпалась крепкая стена и выпало, обнаружилось, разлилось по равнодушно холодным улицам сокровенное, тайное, о чем молчат»*. Будто стыд отжил и бесстыдство справляет свой праздник.

Нет такой вещи, к которой не мог бы привыкнуть человек. И к зрелищу непристойных движений, размеренных судорожным ритмом, современное человечество постепенно привыкает. И как быстро заразила эта болезнь весь мир! С какой неустойчивостью отдается молодежь (да разве одна молодежь?) этому увлечению! Какова бы ни была художественная программа вечера, если после не ожидаются «танцы», молодежь смотрит и слушает все с холодным невниманием, а иногда даже со скукой и враждебностью — скорей бы кончилось и начались бы «танцы»... Искусство не утешает и не радует современную — больную и опустошенную душу. Но именно поэтому ее танец *перестает быть искусством* и становится чем-то средним между болезнью и развратом.

На самом деле танец совсем не есть незначительное дело или пустое занятие. По существу своему он есть *искусство*, а по своим историческим и духовным истокам — он есть *священный обряд*. По слову греческого писателя Лукиана — «пляска доставляет не только наслаждение, она воспитывает, обучает и обнаруживает общую красоту души и тела». «Пляска вместе с музыкой и поэзией образует хоровод живого искусства», — пишет Вагнер. И разве они оба не правы?

Танец проделал сложный исторический путь. Его древнейшая форма — пляска первобытных язычников вокруг деревянного идола ради отогнания и умиловливания демонов. У многих народов мы видим круговращательные танцы вок-

* Слова писателя Днепрова, записавшего свое впечатление от новых танцев.

руг жертвенного костра (символика солнца). Культ древесных духов и символика древа мира находили свое проявление в пляске вокруг дерева. На той же символике круговращения основаны и русский хоровод, и спартанский хормос, и славянское коло, и немецкий обычай танцевать вокруг положенного на холме колеса. Так древний танец знаменовал собою священное единение с миром и с Божеством.

И в суровые времена средневековья танцы были принадлежностью церковного ритуала. Танцы исполняются иногда и теперь в Севильском соборе в Испании. Ритуальный танец практикуется и в некоторых сектантских учениях, например в хлыстовщине, и, думая об этом, невольно вспоминаешь и дервишей, и буддийских монахов, и священную пляску шаманов. Всего не перечесать.

Самые сильные и глубокие чувства свои, самые страстные желания, мечты, страхи и вожделения, для которых *нет слов и звуки недостаточны* — человек всегда выражал в танце, ибо танец, минуя сознание, изливает прямо из бессознательного, знаменуя то молитву, то подземное кипение страстей. Вот почему мы встречаемся с танцем в мрачную эпоху «черной смерти», когда во время и после свирепствовавшей чумы народ пытался танцем отвратить бедствие, изжить свой страх и забыться во что бы то ни стало; отсюда, с одной стороны, связь тогдашнего танца с религиозно-покаянными бичеваниями, с другой стороны — его неистовая, судорожная форма, превратившая его постепенно в сущую эпидемию (так называемая «пляска святого Витта»). Предшествуемые музыкантами, из села в село, из города в город, шли толпы людей, неся с собою заразу танцующей судороги; неистовая музыка, неистовый ритм и дергающиеся, кружащиеся, скачущие люди, с затынутыми поясами*, с остановившимися, вытаращенными глазами, с пеною у рта, — до истощения, до обморока. А потом отправлялись дальше.

Ясно, что танцы бывают здоровые и больные; *оздоравливающие* душу в своем естественном, пластическом выражении

---

* Для того чтобы сдвинуть внутренности.

радости, печали и молитвы, и *разлагающие*, развинчивающие человеческую душу. Я часто наблюдала, как у детей под влиянием какого-нибудь бурного настроения появляется импровизированная пляска, ими самими тут же составляемая для выражения внезапно нахлынувших чувств. И у детей, и у взрослых тело, в своей мощной мимике, воплощает и радость, и смерть, и молитву, и отчаяние — и само становится в танце то живым иероглифом духа, то *орудием саморазнуждания*.

Народные и характерные танцы создаются в долгой, исторической, географической и этнографической эволюции — духом целого народа. Так, новозеландцы и индейцы прибегают к танцам для воинственного возбуждения толпы: танцы исполняются с оружием в руках, с дикими криками и страшными гримасами. Испанская пляска изобилует резкими, угловатыми движениями, изломанными линиями, стиль этой пляски — жгучий, лихорадочный, полный душевного зноя, родившегося под южным, горячим солнцем...

А в нашей родной русской пляске — все богатство нашей души и нашего легкого, свободного, искреннего темперамента: начиная от элегического лиризма и певучей плавности и кончая самой лихой, отчаянной удалью. Однако нет в нашей национальной пляске — *бесстыдства**, а потому нет и *бесформенности*. Наш танец всегда скромен, целомудрен и оформлен — даже в бурном веселии и в задыхающемся ритме, и его победное шествие по Европе в художественной обработке Даргомыжского, Серова, Чайковского и других создает волну сущего оздоровления. О нем писал Марсель Прево: «он снова является к нам с севера, блестящий, сверкающий, как драгоценный камень, брызжащий светом и гармонией». А Камилл Моклэр отмечал: «кажущийся примитивизм этого танца затмевает модернизм, точный до близорукости». Но лучше всего почувствовал и передал красоту нашей пляски Краснов (в ро-

* Вопреки мнению монсеньора де Эрбиньи (L'âme religieuse des russes), слышавшего в католическом мире «знатоком» России, на самом же деле сочетающего наивную неосведомленность в русской культуре с презрительной враждою ко всему русскому. Отсюда, между прочим, и его суждение о «неприличии» русского национального танца. (Примеч. ред.).

мане «С нами Бог»): «Это было свое, родное, русское... Полетела, поплыла, понеслась непостижимая, зовущая, целомудренная, страстная, стыдливая и здоровая, без вина пьянящая русская пляска...» Именно — стыдливая и целомудренная, и в движениях, и в ритмах, и в одежде; в противоположность современным «танцам» и «танцорам», окончательно забывшим о том, что есть нечто, что *ценнее разоблаченного реализма жизни: это мечта и стремление к красоте*. И настоящий танец выражает *мечту о любви*, которая всегда прекраснее любви, так, как стремление всегда лучше достижения. А в современном танце нет мечты и не найдешь красоты.

Современные танцы — не искусство. Они не созданы теми народами белой расы, которые ими ныне столь болезненно увлекаются. Они чужды им, их духу и их культуре. Жест и ритм этих танцев проник к нам, в наши души от негров или от австралийских дикарей и охватил все страны наподобие эпидемии. В частности, чарльстон есть несколько видоизмененный танец австралийских туземцев, так называемый «корробори»: мужское «корробори» имеет воинственный характер, а женское — сладострастный; оно исполняется перед линией танцоров мужчин для возбуждения их страсти. Заимствовав эти танцы, белая раса эстетически и духовно *подчинилась черной*. И напрасно думать, что это увлечение — невинное и пройдет без последствий. Танцующий эти «танцы» — не только выплясывает *из себя*, из своей *души* овладевший ею негритянский миф и негритянскую сладострастную судорогу, но он в то же время и *наплясывает их себе в душу*. Это не только *разряд* национально и духовно опустошенной души, но и *заряд* ее новым и чуждым ей укладом. И там, где танцы белой расы выражали живущие в ней здоровые и культурные состояния души (почтительность, скромность, галантность, радость, решительность и лихость, например в мазурке), — современные «джимми», «танго», «чарльстон» и т. д. ничего не выражают, кроме сладострастного обезьянства. И танцующие эти «танцы» различаются только в том, что одни из них (пустые) только еще *наплясывают это обезьянство себе в душу*, воспро-

изводя до одурения эти неприличные жесты, а другие (уже заряженные им) бесстыдно *выплясывают его из себя*...

В эволюции европейских танцев отразилась эволюция общего европейского мировоззрения. И может быть, в модных танцах ярче, чем в чем-либо другом, проявился характерный для всей нашей современности и особенно для современного искусства уклон к первобытному разнузданию страстей, к звероподобному состоянию, к разложению духа и воли, к какому-то утонченному смакованию грубого бесстыдства. Словом — к *духовному большевизму*.

Я знаю, что большевики «запретили» современные танцы. Неслыханные лицемеры, уничтожившие в России миллионы людей, они протестуют против единичных случаев смертной казни; и заменив таинство брака животным действием, насаждая разврат и воспитывая в нем молодежь, они запрещают современные «танцы», чтобы прослыть республиканскими пуританами... Но главный мотив их запрета, конечно, не в этом. Им *не нужны* современные «танцы»: то разложение и бесстыдство, которым эти танцы насыщены, они *уже осуществили и продолжают делать всерьез*. Систематически пробуждая и насаждая звериное в людях, убивая божественное начало в человеке, они *берегут накопленную обезьянью энергию для революционной «политики» и потому запрещают ее растрату*. И если современные танцы являются пляской звероподобных людей, то в советской стране происходит в настоящее время такой же танец, но только со свирепой серьезностью и доктринерским ожесточением. Разнузданный и хулиганский, он сотрясает весь мир и напоминает собою и шабаш ведьм, и пляску смерти. И естественно, что эта пляска находит себе отражение и в большевицком искусстве, особенно в поэзии.

Микроб большевизма, развеваемый по всему миру, делает свою разрушительную работу, опустошая, растлевая и убивая души. И из опустошенных душ вместо прекрасного искусства танца рождается звероподобное кривлянье.

Е.М. ГАУГ¹²⁹

Часть II

БЕСПРИЗОРНЫЕ ДЕТИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Беспризорные дети, несомненно, самое тревожное, самое тяжелое последствие большевицкого владычества. Беспримерное и невиданное в Европе со времен, вероятно, Тридцатилетней войны явление беспризорных детей как *особого социального класса*, как неизбежной принадлежности повседневного большевицкого быта, является, быть может, самым суровым осуждением большевицкой власти, самым жестоким изобличением ее.

Вначале большевики объясняли детскую беспризорность как наследие «царизма» и капиталистического строя, цинично называли беспризорных детей «издержками социальной революции», «теми щепками, которые летят, когда лес рубят». Но размеры бедствия постепенно стали устрашать даже этих несмущающихся людей, и в течение целого ряда лет столбцы столичных и провинциальных газет были покрыты множеством статей, самими заголовками свидетельствующих о непрекращающейся остроте вопроса. «На помощь детям», «7 миллионов беспризорных детей погибает», «Армия беспризорных растет», «Пятно нашей жизни», «Детская беспризорность — угроза общественной жизни» и т. д. и т. д. Число беспризорных детей, по единодушному свидетельству всех занимавшихся этим вопросом, громадно. Надежда Крупская, вдова Ленина, пишет в московской «Правде» от 21 ноября 1924 года: «У нас 7 миллионов беспризорных детей зарегистрировано. В детских же домах и других подобных учреждениях их в лучшем случае 800 тыс. Где же остальные? Мы мало думаем об этом ужасном явлении и еще меньше делаем для ликвидации его. Неужели мы действительно так тупы, что не можем найти иного средства, кроме звучащих насмешкой слов: «марш к родителям или в детские дома!» Ведь у этих де-

тей нет ни того, ни другого». У других исследователей этого вопроса мы встречаем другие цифры. Так, д-р Василевский в своем сочинении «Голгофа ребенка» говорит о 2 млн. сирот и 4 млн. полусирот. Встречаем также цифры в 5, 4 и 3 млн. Числа постоянно расходятся, что объясняется как общей неточностью, свойственной всем большевицким данным, так и тем, что правительственные органы и частные авторы исходят из различного понятия беспризорности. Газета «Труд» дает следующие данные о социальном составе беспризорных детей. Согласно исчислениям, помещенным в № 116 этой газеты, *почти 75% беспризорных детей* всего СССР — этой «крестьянско-рабочей республики» — были *детьми рабочих и крестьян*, и процент этот в 1926 году *повысился* сравнительно с 1925 годом. Беспризорных детей рабочих в 1925 году было 29,3% всего числа, в 1926 же году этот процент достиг уже 37,4%. Круглых сирот в общем числе беспризорных было 67%, полусирот — 27,5% и имеющих обоих родителей — 3,5%. По возрасту беспризорные дети распределялись так: от 3 до 7 лет — 15%, от 8 до 13 лет — 57,1%, от 14 до 16 — 20,9% и старше этого возраста — от 6 до 7%.

В советских органах находим следующие описания жизни беспризорных детей. «Голодные, оборванные, дрожа от холода, бродят по нашим городам беспризорные дети. Они спят в погребках, в общественных уборных, в выгребных ямах, подвалах, на чердаках, под вагонами. Их гонят отовсюду, толкают, бьют. Их лица разъедены цингой, люпусом, тела покрыты ранами и нарывами. Многие из них так бессильны, что не могут даже просить милостыню» («Харьковский коммунист», 18.05.1926). «Беспризорные дети — настоящая опасность на улицах наших городов. Когда голод становится невыносимым, а милостыни им не подают, они начинают красть, обманывать, грабить... Для более успешного достижения своих целей беспризорные объединяются в шайки и постепенно становятся настоящими преступниками» («Правда», 21.5.1927). Преступность среди беспризорных очень велика, и рост ее очень увеличивается. «Бандитизм принял у беспризорных ко-

лоссальные размеры» (Циркуляр Нар. Ком. Юстиции, № 36). Журнал «Психиатрия и неврология» сообщает, что преступность среди детей в Петербурге увеличилась по сравнению с довоенным временем в 10 раз. Состояние здоровья их крайне плохо. «Большинство из них, — говорит тот же журнал, — болеет заразными болезнями, как-то: туберкулезом, чесоткой и половыми болезнями». Московская «Правда» пишет в № 46: «Достаточно взглянуть на отчеты комиссии по детскому вопросу, чтобы убедиться, что сифилис, гонорея, кокаинизм, алкоголизм и противоестественные пороки со всеми их последствиями невероятно распространены среди беспризорных». Доктор Соломонович определяет число кокаинистов среди беспризорных в 40—60%.

До сих пор, несмотря на все старания советской власти, не удалось «очистить» улиц больших городов или хотя бы только Москвы от беспризорных. «Сколько раз уже, — жалуется в «Правде» от 20.5.1927 Калинина, жена председателя СССР, — очищали улицы Москвы от беспризорных, но они всё там. На каждом углу — это настоящий кошмар. И число банд все увеличивается». «Беспризорные дети — одна из характернейших черт городов советской России. Это настоящая бродячая Русь» («Труд», 22.4.1927).

Вначале советская власть старалась бороться с беспризорностью и была преисполнена самых розовых надежд. «В советской России нет места беспризорности, не должно быть детей улицы», — писал журнал «Социалистическое строительство», № 8 и 9 за 1919 год. «В советской России каждый ребенок имеет право развиваться в условиях живого творчества и свободного труда». Осуществление этих задач было возложено на «Отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних». По истечении 7 лет со времени организации этого учреждения Надежда Крупская пишет в «Правде» (№ 55, 1926) об охране беспризорных как о задаче, которую *еще предстоит* разрешить: «Необходимо, чтобы кто-то позаботился о том, чтобы ребята деревенской и городской бедноты не гибли от недостаточного питания, не дрогли и не

простужались. Нужна защита детей от жестокого обращения, спаивания и эксплуатации. Мы должны заботливо растить молодое поколение, а у нас это дело в забросе». Согласно данным, опубликованным в 1925 году (время наиболее широкого развития деятельности Отдела социально-правовой охраны), в ведении его состояло 5411 учреждений — детских домов, колоний, городков, изоляторов и т. д., в которых содержалось свыше 600 000 человек. Основным орудием борьбы с беспризорностью большевики считали «детские дома». На эти учреждения возлагались особые надежды. Они должны были доказать, что общественный уход за детьми дает гораздо лучшие результаты, чем частный индивидуальный, ненаучный и нерациональный уход некоторых отдельных любящих, но невежественных родителей, не обладающих теми силами, средствами, способами и приспособлениями, какими обладает организованное общество (Гойхбарг. «Брачное и семейное право в советской республике»). Однако Надежда Крупская так характеризует детские дома: «В детских домах воспитываются бандиты какие-то, живут там мало неженатые бездельники, лодырничают, безобразничают» («Правда», № 275, 1925). Луначарский в отчете своем пишет: «Дело в наших детдомах обстоит очень плохо. Преподавание, поскольку оно вообще существует, совершенно неудовлетворительно; практическая подготовка еще хуже. Хотя на содержание детских домов затрачиваются ежегодные суммы, большинство из них находится в крайне печальном состоянии. Почти повсюду неудовлетворительное питание, недостаточная одежда, одна пара сапог приходится на 20 детей, одно пальто на 10 детей, одна кровать на двух-трех. В результате этого переполнения и антисанитарных условий являются массовые заболевания детей различными заразными болезнями». (Отчет народного комиссара просвещения за 1925 год, стр. 25–27.) В речи своей, произнесенной 14 апреля 1927 года на Всероссийском съезде Советов, Луначарский заявил: «Нам нужен целый ряд лет борьбы для избавления от бедствий беспризорности. В детских домах дети достигли 17–18-летнего возраста, и

мы не знали, что делать с ними. Они остались у нас на руках и можно было опасаться, что станут заключаться браки, а затем появится на свет новое молодое поколение, — некое *коренное население детских домов*. «Каких людей готовят нам детские дома? — способных к труду или лентяев? — рабочих или паразитов?» — спрашивает «Комсомольская правда» от 22 января 1928 года.

Неудача с детскими домами побудила большевиков начать *сокращение их деятельности*. На 1 января 1928 года доктор Эпштейн определяет число детских домов уже только в 1852, и в них всего 160 250 детей. Но жизнь в этих учреждениях, описанная в статьях д-ра Эпштейна в «Комсомольской правде» 22 и 24 января 1928 года, нисколько не улучшилась.

На смену детским домам явилась новая радикальная мера: раздача беспризорных детей в обучение отдельным ремесленникам и кустарям. Таким образом, *было официально признано крушение теории о преимуществах коммунистического воспитания и об образовании нового человека*. Однако и эта мера не дала желательных результатов. И та же Надежда Крупская писала по этому поводу: «Не успели еще эту меру провести, отправить ребят по этапу для распределения по волостям, а уже в газетах стали появляться описания судебных дел об истязании детей, взятых на воспитание. Не организовав контроля, не отобрав детей ни по здоровью, ни по склонности, мы стремились к одному: разгружать детские дома» («Правда», № 275).

Таким образом, борьба с беспризорностью не дала *никаких результатов*. Об этом свидетельствуют многочисленные признания занятых борьбой с беспризорностью лиц. Так, Богуславский пишет: «Характерным для современного положения беспризорности является «стабильность» его (устойчивость)», «вследствие этого грозит образование *постоянного состава беспризорных*». «Известия» от 25 января 1928 года пишут: «Местные организации удалили с улицы множество беспризорных детей, и тем сильно уменьшили число этих бродячих существ; несмотря на это, беспризорность продол-

жает быть массовым явлением, бросающимся в глаза каждому и требующим принятия самых решительных мер».

Немецкий писатель, недавно посетивший Россию, приходит к заключению, что только *ссылка, пулемет или отравы* являются решительными средствами для ликвидации беспризорности. Так, по крайней мере, по его заявлению, говорили ему *многие представители советской власти*.

А.И. БУНГЕ

РУССКИЙ КОНЬ ПОД ВЛАСТЬЮ СОВЕТОВ

Судьба русского коневодства, процветавшего до революции*, показательна для всей русской культуры за последние десять лет.

К сожалению, приходится пользоваться статистическими данными почти исключительно из советских источников, всегда имеющих тенденцию прикрасить советскую действительность.

«В составе статистических органов советской власти имеются значительные кадры очень опытных и научно высококвалифицированных статистических сил. Несчастье, однако, заключается в том, что вся советская статистика превращена в служанку автократии, что она работает под гнетом чисто политических заданий» (Таллинн: «Господин Урожай»// «Современные Записки». XXVI). Это же авторитетно подтверждает сам товарищ Каменев: «В СССР даже цифры втянуты в политическую борьбу».

По мнению советского экономиста Огановского, в 1925 году в Европейской и Азиатской России, по сравнению с 1916 годом (т. е. в разгар войны после целого ряда поставок лошадей по военно-конской повинности), — не хватало 26,3% лошадей; в конце же 1927 года Огановский и народный комиссар земледелия Смирнов пытаются доказать, что «контингент рабочих лошадей недовосстановлен на 17,3%». Действительность же, не-

* См. мою статью «Российское коннозаводство до революции» («Русский Колокол», № 5).

сомненно, гораздо безотраднее. Официальный обзор сельского хозяйства 1925 года («Экономическая жизнь», № 224—225) определяет количество безлошадных по всей России в 60%. По данным «Бедноты» (27.XI.1927) — в одной лишь РСФСР имелось в 1926 году 30,4%, или 4,6 млн. безлошадных хозяйств. В Воронежской губернии 53% не имеют вовсе рабочего скота. По мнению спецов, необходимо в одну Черноземную область ввозить ежегодно 100 000 лошадей! На Украине переписи 1922 и 1925 годов дали следующие удручающие цифры:

	безлошад.	1 лош.	2 лош.
1922 г.	39,9	34,6	25,5
1925 г.	57,6	31,2	11,2

Заметим при этом, что в прежних губерниях Волынской, Подольской и Киевской лошадь мелка, малосильна и может быть использована лишь в парной упряжке.

Итак, на Украине 57% хозяйств не имеют вовсе лошадей, коневодческие дворы, т. е. имеющие 3 и более лошадей, исчезли, и *положение идет к худшему, а не улучшается*. Еще хуже обстоит на Дону, где в 1920 году советская власть получила в наследство 1 млн. 200 тыс. голов лошадей, а в 1925 году их числилось всего 110 тыс. За восьмилетнее хозяйничанье коммунистических советов народилось небывалое еще явление — наличие *безлошадных казачьих хозяйств*, достигших, по советским данным, 42%, а по свидетельству самого казачьего населения — 70%. Между тем за 10 лет с 1907 по 1917 год, несмотря на войну, количество лошадей увеличилось на 680 400 голов. На Северном Кавказе, по данным краевого исполкома, в 1925 году имелось 50% лошадей довоенного времени. У киргизов Уральской губернии, по свидетельству коммуниста, советского чиновника Шаги-Ахметова, убыло за последние 10 лет 66% лошадей и 58% верблюдов. В Челябинском уезде сравнительно с 1916 годом, по сообщению члена комиссии Наркомзема коммуниста Савченко, осталось в 1924 году 64% лошадей, вследствие чего площадь по-

сева сократилась на 50%. Одной из многих причин недосева 1927/28 года во многих губерниях является недостаток лошадей, благодаря которому не мог быть использован огромный запас рядовых сеялок, имевшихся на организованных прокатных пунктах.

Естественно возникает вопрос: как это удалось довести русское коневодство до такого уровня?

«Черный передел» земель, давно задуманный социалистами-революционерами и осуществленный по их рецепту большевиками в 1917—1919 годах, имел ближайшим результатом не только гибель культурного помещного землевладения и связанного с ним коннозаводства, но и разорение от 4 до 5 млн. крепких крестьянских и казачьих хозяйств. «В порядке внутри крестьянского перераспределения у этих более обеспеченных групп было изъято около 50 млн. гектаров», — утверждает бывший народный комиссар земледелия А. П. Смирнов. С весны 1918 года начались своеобразные коммунистические опыты в крестьянских хозяйствах: всемогущие «комитеты бедноты» забрали у имевших несколько лошадей крестьян избыточное против минимальной потребности количество и передали начинающим собственное хозяйство, беспосевным и малосеющим. Нередко такие «перегруппировки» лошадей происходили сразу в масштабе целого ряда уездов, например в Тверской губернии. Можно себе представить, как гибли несчастные лошади, попавшие от хозяйственных крестьян нередко в руки всевозможных хулиганов, крестьян лишь по паспорту, выгнанных из столиц безработицей и голодом! Затем голод 1920—1921 годов и бескормица чрезвычайно неблагоприятно отразились на конском составе губерний Тульской, Рязанской, Тамбовской, Нижегородской. По свидетельству иностранного наблюдателя (Leites. «Recent Economic Developments in Russia». 1922), лошади продавались за 1,5 фунта соли и 3 коробки спичек, а потребление конины было в большом ходу не только в городах, но и в селах. Даже в государственном Починковском заводе Нижегородской губернии много ценных лошадей иностранных тяжеловозных пород пало от ис-

тошения. Лучшим доказательством того, насколько оскудела Россия количественно и качественно, служат ежегодные покупки ремонтных кавалерийских лошадей в Восточной Пруссии и Венгрии. За артиллерийскими лошадьми пришлось два раза посылать комиссии в Канаду!

Основные причины современного плачевного состояния коневодства в России можно было бы формулировать так.

1. Чрезвычайный недостаток породистых случных жеребцов как результат сокращения государственных и разгром частных конских заводов.

2. Уничтожение большинства крестьянских коневодческих хозяйств.

3. Развал земской ветеринарии и отсутствие планомерной борьбы с эпизоотиями (сап, сибирская язва). В Псковской губернии, прежде очень благополучной в ветеринарном отношении, за 9 месяцев 1926 года пало 18 660 голов домашних животных.

4. Убыль молодняка от расплодившихся в огромном количестве волков, даже в местностях, где они давно перестали появляться. Обезоруженное население совершенно беззащитно.

5. Чрезвычайное развитие конокрадства, нередко сопровождаемого убийствами. Бороться с этим злом крестьянам не под силу, тем более что во многих местах милиция подозревается в соучастии со злоумышленниками.

6. Невозможность в трудовом, «карликовом», зерновом хозяйстве, являющемся теперь преобладающим во многих губерниях, содержать лошадей при отсутствии постороннего заработка.

В Западной Европе мелкие хозяйства, не имеющие возможности содержать лошадь, заменяют ее коровой. В России препятствуют этому глубокий снег, весенняя и осенняя распутица, длинноземелье, большие расстояния. Лошадь нужна не только для сельскохозяйственных работ, но и для поездок в город, волость, на ярмарку. В западноевропейской деревне для этих целей лошадь в значительной степени заменяется велосипедом, но и это при русских условиях невозможно.

С уничтожением частновладельческих хозяйств крестьяне наиболее густонаселенных земледельческих губерний от Западной границы до Волги лишились обычного заработка. В былое время их лошади большую часть года работали вне своего хозяйства. Даже в наиболее обеспеченных инвентарем имениях доставка сельскохозяйственных продуктов на станции и пристани, свеклы и картофеля на заводы, также часто некоторые полевые работы (свозка снопов, вывозка навоза) производились крестьянскими подводами. Теперь же, получив ничтожную прибавку земли, крестьянство лишилось привычных заработков и не приобрело новых. Газета «Правда» в № 76, 1924 года писала: «До революции крестьянство главным образом производящей полосы получало от заработков у крупных землевладельцев *1 млрд. рублей*. В настоящее время с ликвидацией крупного землевладения этих заработков нет». Добавим со своей стороны, что не менее 60% этой суммы падало на оплату гужевых перевозок.

Бывший комиссар земледелия Клименко характеризует положение крестьянства как «тяжелое», т. к. основа интенсификации сельского хозяйства — сельскохозяйственная промышленность (главным образом свеклосахарная и винокуренная) на 50% разрушена («Коммунист», 12 дек. 1924). Между тем именно свеклосахарная промышленность предъявляла наибольшие требования к гужевому транспорту. Осенью к перевозке свеклы привлекались не только все местные подводы, но также целые таборы из других губерний, нередко за 150—200 верст (например, из Обоянского уезда Курской на юг Полтавской). Для заводов, расположенных вдали от железной дороги, а таких немало, крестьянские лошади в течение круглого года перевозили на станцию и обратно сотни тысяч пудов сахара, патоки, мела, каменного угля, целые волости жили извозом. Теперь же производство сахара сократилось в видах экономии (главным образом, за счет бездействующих заводов, отдаленных от железной дороги), результатом чего явилось обращение многолошадных дворов в безлошадные. Для черноземного крестьянина получается заколдованный

круг: содержание даже одной лошади на 2—4 десятинах не оправдывается, а чтобы вспахать их как следует плугом, нужна четверка! Одной из главных причин общеизвестной большой урожайности экономических посевов была сравнительно с крестьянскими более глубокая вспашка.

Объяснять печальное состояние коневодства в России «наследием проклятого царизма» и последствиями войн великой и гражданской, как это склонны делать большевики, — совершенно нелепо. Читателям «Русского Колокола» известно, как богата была лошадьми Российская империя, коневодство же других государств, тоже пострадавших от войны и ее последствий, но избегших коммунизма, с изумительной быстротой восстановило свой конский состав. Так, в Италии, Бельгии и Польше уже в 1925 году не было столько же лошадей, как в 1913 году. Франция, потерявшая с 1913 по 1918 год свыше 1 млн. голов, быстро залечивает свои раны и в настоящее время, вероятно, уже достигла довоенного уровня. В Германии, несмотря на выдачу в 1920—1923 годах 400 тыс. лошадей союзным государствам, согласно условиям Версальского мира, все же в 1925 году их насчитывалось на 100 тыс. больше, чем в 1913 году. То же самое наблюдается в Швейцарии, Канаде, Аргентине. Широко распространенное после войны мнение, что лошадь архаична и не может соперничать с механическими двигателями, оказалось столь же неверно, как аналогичные предсказания, сделанные в первой половине прошлого века в связи с постройкой железных дорог. В городах лошадь успешно борется с грузовиками. Опыт показал, что для перевозок на короткие расстояния, с частыми остановками, «овсяной двигатель» выгоднее бензинового (уголь, пиво, молоко, хлеб). В Лондоне и Мюнхене пивоваренные заводы возвращаются к лошадям. В Бостоне одна угольная фирма в 1926 году заменила грузовики 5656 лошадьми, в Нью-Йорке, самом большом 9-миллионном городе мира, 73% перевозок производится лошадьми; в Берлине их числится 45 тыс., городское управление Филадельфии содержит 1737 лошадей.

Главной же причиной увеличения количества лошадей является требование на них со стороны сельского хозяйства. Вследствие повсеместного вздорожания рабочих рук значительно возросло применение сельскохозяйственных машин и орудий (пропашники, конные грабли, жнеи и т. п.), более приспособленных для конной, чем для воловьей тяги. К этому присоединилось разочарование в моторной пахоте, оказавшейся не всегда выгодной для крупного землевладения и совершенно неприменимой для мелкого. Так, в Германии в хозяйствах менее 50 гектаров, составляющих 73% сельскохозяйственной площади, они не имеют никакого значения. Советская «тракторизация сельского хозяйства» потерпела полную неудачу. В заседании ВЦИК XIII созыва председатель Автономной советской социалистической республики немцев Поволжья Курц сообщил, что наличность 625 тракторов, вопреки расчетам, не восполнила потерю 54% лошадей и 47% рабочего скота, вследствие чего получилось 240 тыс. десятин недосева. Потерпел неудачу с тракторами и сам д-р Нансен, не побрезговавший взять концессию на большие имения в Саратовской губернии и Поволжье. В журнале «Пакс» он рассказал, как вместо ожидаемых доходов он потерял 120 тыс. шведских крон (Нобелевская премия) и 107 тыс. английских фунтов...

Таково, в общих чертах, состояние русского коневодства под властью советов.

Н.Б. ЩЕРБАТОВ

КАК РАСПОЗНАВАТЬ ЛЮДЕЙ

(Советы организаторам)

1. Организовывать людей значит распределять между ними *полномочия и обязанности*, устанавливать для них *единое и строго определенное подчинение* и, главное, ставить *верных людей на подходящие для них места*. Отсюда уже ясно, что ор-

ганизатор должен очень хорошо разбираться в людях, — кто чего стоит и кому что можно поручить, он должен быть твердо уверен в том, что каждый из членов его организации: а) искренно *хочет* сделать свое дело, б) имеет для этого необходимые *силы и способности* (душевные и телесные, здоровье), в) умеет *подчиняться и требовать*, г) *понять данную ему задачу*. Для всего этого необходимо прежде всего *научиться распознавать людей*, не умеющий этого — будет делать одни ошибки и губить дело.

2. Это особенно необходимо для нашей будущей деятельности в России, где мы найдем целый кадр людей, закаленных в злобе, лжи и предательстве, множество людей с раздавленным самочувствием и сломленной волею, множество людей с невоспитанным и неукрепленным характером, и сравнительно незначительное меньшинство людей крепких и верных. Их надо будет безошибочно распознать, соединиться с ними, создать единую организацию и крепко повести дело спасения России.

3. Чужая душа есть тайна. Нет никаких материальных или рассудочных мерил для ее механического измерения и определения. Но живая и проницательная интуиция может получить в виде подспоря ряд ценных указаний или правил, все они дают только руководящую нить для душевно-морального диагноза; ни одно из них не самодовлеюще, и только все вместе они могут помочь верному освещению чужих «потемок». Но главное: *только доброкачественный человек может опознать и установить чужую доброкачественность, ибо только у него имеется живое мерило личной совести*. Для злодея все наши указания бессильны и бесплодны.

4. Каждый человек произвольно, от природы как бы «зашифрован» в своем *теле* и в своих *поступках*; и притом так, что в них прикровенно дана *вся* его душа. Надо научиться дешифровать ее.

Отсюда первое правило: для распознавания человека *дело и тело значат больше, чем слово*.

а) Важнее всего *реальные поступки человека*, а в поступке важнее всего — его *намерение* (чего именно хотел) и *мотив* (почему хотел именно этого). Слова ясно освещаются и осмысливаются только лучами, идущими от поступков. Как бы «ярки» и «убедительны» ни были слова человека, не суди по ним окончательно, не зная его дел. Дела же человека узнаешь, только съев с ним вместе пуд соли. Отсюда: во всякой организации неизбежна и необходима известная *постепенность доверия*, как бы лестница приобщенности. Малоизвестному человеку поручай только ясное, маленькое и безвредное дело; и всегда с проверкою. В лишнее же не посвящай никогда никого.

б) В теле человеческая душа *вся* скрыта и *вся* проявлена: в строении головы, руки и ноги, в выражении лица, в глазах и смехе, в позе, в походке, в почерке и походе. Ныне кое-что из этого уже исследовано научно и установленные обобщения могут быть использованы. Но продумать их, усвоить и затем применять должен каждый сам. Здесь можно дать лишь некоторые намеки.

У каждого лица есть свое преобладающее, устойчивое выражение. Какое? Как изменяется оно (становится ли глупым, грубым, безвольным, трусливым, жадным, пошлым — или наоборот?) в минуту гнева, испуга, неудачи, растерянности, наслаждения, торжества, смеха. Достоевский указывает на то, что черта, вносимая в это выражение смехом, особенно существенна для души смеющегося. — Научись различать глаза откровенного человека и скрытного, прямого и хитрого, призванного повелевать и сломленного, верного и предателя, добродушного и злого, глаза лживые, хищные, безжалостные, чувственные. — Научись замечать, что делает человек с твоей рукой в рукопожатии: *берет* твою или, скорее, *дает* свою? коротко и определительно, или вяло, долго и нерешительно? дает ли одни свои пальцы или берет одни твои пальцы? жмет или предоставляет жать? как бы желая что-то выразить

или как бы желая что-то скрыть и ускользнуть? — и ты скоро начнешь уверенно отличать безвольного, цепкого, жадного, эгоиста, скрытного, лживого, льстивого, целомудренного и развратного. — Многое даст тебе исследование почерков. Здесь все имеет свое значение — стояние и падение букв, их размер, их дописанность и недописанность, слабый и сильный нажим, перерывы между буквами, расстояние между строчками, закрытость букв, завитки, обрывы, подчеркивания и росчерки. Нужно только не фантазировать, а изучать, копить опыт, вчувствоваться и проверять. Начинать же надо с почерков хорошо известных тебе людей. — Научись замечать походку людей: легкомысленно-подпрыгивающую, безвольно-шмыгающую, категорически-ударяющую, мелко-семенящую, растерянно-отступающую, деловито-уравновешенную и т. д. — Научись расценивать манеры людей — то развязно-самоуверенные (иногда от большой застенчивости), то скованно-сдержанные, то хвастливо-рисующиеся, то льстиво-вкрадчивые. Ряд ценнейших указаний даст тебе хирология, то есть научное изучение руки (*не* хиромания, т. е. гадание по руке). И так далее — В первом разговоре всегда сажай человека лицом к свету и старайся больше узнать о нем, чем сообщить о себе.

5. Прежде всего, старайся установить *верность* человека, т. е. его *искреннюю убежденность* и *стойкость в убеждении*.

Есть множество людей, вообще не способных к убеждению; им нет места ни в какой организации, они всегда побегут за силою или за выгодною, доказывая ее «правоту» и «общепользность». Таких людей нетрудно узнать: они ко всему тепло-прохладны; для них все «условно» и «относительно»; они ни в чем не цельны и не окончательны; зло их не возмущает; добру они сочувствуют только тогда, когда оно побеждает; они отличаются странною «терпимостью», которую сами охотно выдают за «справедливость» и «многосторонность», они любят «примирять» противоположности и охотно «разговаривают» с людьми враждебных лагерей; убежденные люди раздражают и обижают их своею убежденностью; их ум лишен воли; их

чувство беспринципно; они не верят ни во что и спешат «застраховаться» — и у Бога, и у дьявола.

В частности, не верь аффектированным людям, которые склонны проявлять больше чувства, чем в самом деле имеют (лгут и себе, и другим); избегай гомосексуальных: их духовный фарватер может всегда измениться неожиданно для них самих; всегда проверяй, склонен ли человек иронически отнестись к своей собственной святине; полезно бывает мягко, но неожиданно поставить человеку в лоб роковой вопрос, пристально глядя ему в глаза; полезно бывает дать почувствовать, что ты ему не очень веришь, и спокойно, не обижая, но и не помогая, следить, *как* он выкарабкивается; полезно бывает спросить: «что ты сделаешь, если в порядке организации тебе прикажут совершить полезную гнусность?».

Помни: фальшивый тон может обессилить всякие клятвы и уверения; человек виден не в душевном равновесии, а в страсти и в волнении, слушай человека своею *совестью* и верь больше всего тем *осадкам*, которые всплывут в твоей душе *по окончании* разговора.

6. Старайся установить волевою силу человека. Воля не вспышка и не порыв; воля не цепкий и инертный инстинкт. Воля есть способность — *убежденно, стойко и долго ломиться в одну сторону, борясь с препятствиями**. Волевой человек всегда склонен к наступлению; он всегда как будто заряжен и прицеливается; он обычно смотрит в будущее; если он пессимист, то пессимизм его не робок и не растерян, если он оптимист, то оптимизм его скрывает за собою план действий, он скупает с безвольными людьми и слегка презирает их.

Признаки безвольного человека: он не подчиняет себе обстоятельств, а приспособляется к ним, принимая их за «события» и всегда готовясь изогнуться и шмыгнуть под них; он всегда склонен отложить неприятное дело и не берется за него с самого начала; он боится ответственности и предпочитает не брать ее на себя; он колеблется долго и бесплодно; в сомнениях

* См. мою статью «О политической работе» в № 1 «Русского Колокола».

и в трудную минуту он ищет *авторитета*. Такие люди нередко чинят карандаш не *от себя*, а *на себя*; не проталкивают нитку в иголку, а надевают иголку на нитку.

7. Старайся оценить ум человека и его *интуицию*.

Ум есть начало *творческое*, поэтому у умного человека всегда *много своих мыслей*. Ум есть способность к *расплетанию* (анализ!), поэтому ум вносит во все ясность, точность и определительность. Ум есть *сила суждения* (синтез!); поэтому он всегда ищет и находит верные объяснения и жизненные комбинации.

Однако ум не самодовлеющ; без *интуиции* он пуст, слеп и заносчив: вредный выдумщик и логический фразер. Именно опытом и интуицией человек *берет* предметы и реальную жизнь, предвидит и спасает. Полуинтеллигент не понимает этого и именно потому он впадает в рассудочность и в теоретический догматизм; он верит в полунауку и не верует в Бога.

Так же точно — ум без совести циничен, ум без веры пошл и растлевающ; ум без чувства сух, мертв и свиреп, ум без воли бесплоден и всеразлагающ. Лишенный всего этого ум оказывается *ограниченным* и тупым, не способным по-настоящему ни к творчеству, ни к расплетанию, ни к суждению.

Признаки глупого человека: он быстро удовлетворяется своим собственным суждением; он не подозревает пределов своего ума и легко впадает в самодовольство, он переоценивает свою интуицию и часто говорит общеизвестности; он не видит сложности и все упрощает; ему все «очень просто», — он недалёковиден, легкомыслен и лишен чувства познавательной ответственности; он не изобретателен и слепо доверчив; в сомнении и в трудную минуту он теряется и ищет трафарета. Глупые бывают часто хитры. Хитрость не ум, а суррогат ума; она есть инстинктивная изворотливость, отсюда ее неблагородство, ее беспринципность и интриганство. Настоящий ум не интригует: он слишком ясен и благороден для интриги и

слишком уважает себя. Поэтому интриган лишен настоящего ума; он мелок, низок и ограничен.

Заметь: человек с оригинальным и сильным умом всегда создает «свои» слова и формулы; человек с хорошей интуицией всегда отличает *главное* от *неглавного* и потому говорит по существу, с верными и осмысленными интонациями; человек, много хвастающий и все разговоры сводящий к себе, имеет слабую способность суждения; резонер всегда ограничен; настоящая интеллигентность определяется не памятью, не учеными словами, не апломбом, не велеречием и не изворотливостью в споре, но способностью к самостоятельному, зоркому наблюдению и анализу событий.

8. Человеческую душу нельзя ни определить, ни исчерпать; но именно поэтому настоящий организатор должен непрерывно наблюдать за ее проявлениями, вникать, думать и обобщать.

В частности, выбирая энергичных и действенных людей, полезно иметь в виду следующее:

сентиментальные люди часто бывают злобны и обыкновенно безвольны;

люди, таящие свои чувства в глубине (аффективные), обычно бывают молчаливее, устойчивее и выдержаннее тех, которые бурно проявляют свои чувства (эмоциональные);

заряд активности бывает обыкновенно сильнее в тех, кто *не изживает* своего темперамента в страстных похождениях;

люди художественно одаренные (особенно к поэзии, к музыке и к живописи) менее приспособлены к решительному и безоглядному действию;

люди, мнительно относящиеся к своему здоровью, не суть люди действия;

люди забывчивые и неаккуратные — более страстны, менее уравновешены и потому менее пригодны к долгой волевой борьбе;

лжец *на словах* — обманет и предаст и *на деле*;

к власти призваны не честолюбивые, а властолюбивые, но и из них не все;

проталкивающийся вперед всегда подозрителен, но это не значит, что держащийся в задних рядах тем самым заслуживает доверия;

люди, затаивающие обиды и накапливающие «подпольные» чувства, не заслуживают доверия и всегда чреватые сюрпризами;

большая обидчивость и мстительность очень часто скрывают за собою ограниченность и даже глупость;

всегда спрашивай о человеке: «от чего он приходит в состояние волнения или аффекта?» — и в этом направлении ищи его главную движущую страсть. Страстный игрок и пьяница всегда подлежат отводу;

не суди о человеке окончательно, пока не узнаешь и не оценишь характера его жены (или возлюбленной).

9. И еще одно: не верь в окончательность и безошибочность твоих суждений о людях; всегда утончай и углубляй свои наблюдения; всегда проверяй свои суждения чужими, будь всегда готов признать свою ошибку, не позволяй подкупать себя похвалою, лестью, вкрадчивостью или женским кокетством, блюди нужную меру недоверчивости, не позволяй своей подозрительности стать чрезмерною и увести тебя в манию преследования.

СТАРЫЙ ПОЛИТИК

О СИЛЕ ХАРАКТЕРА

(Для памяти)

Если древо не будет колеблемо, то оно крепких корней не пустит: в затишье деревья слабокоренны.

Лесков

Кто хочет создавать в мире, тот пусть начинает с себя самого; пусть он в себе выработает те чистые силы, из которых потом смогут расцвести новый мир и новая эпоха.

Прельвиц

Характер есть совершенно оформленная воля.

Новалис

Превысокое владительство — собою владеть.

Русская пословица

Нет положения, которого нельзя было бы облагородить творчеством и терпением.

Гёте

Будь господином своей воли и слугою своей совести.

Эбнер-Эшенбах

Человек, желающий служить правде и справедливости, должен быть готовым остаться в одиночестве.

Берсье

Сохранить чистоту и приобрести зрелость — вот труднейшее и высшее жизненное искусство.

Флекс

Нет ничего такого в моральном мире, что не удалось бы тебе, если только ты вложишь в дело верную и сильную волю.

Вильгельм Гумбольдт

Последний предел — естественность доброделания, когда закон уже не лежит бременем.

Феофан Затворник

Пусть человек делает свое дело, результат же составляет предмет заботы Иного Деятеля.

Карлейль

Слушай свое сердце, и что в нем простонет, про то и говори; а с сорной земли сигающих на тебя блох — отрясай.

Лесков

Хороший человек, если только он последователен и решителен, сильнее, чем сто дурных людей.

Фихте

1929

№ 7

Часть I

Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу.

В.О. Ключевский

РОССИЯ ЗОВЕТ

С виду распавшаяся, порабощенная и униженная, а на самом деле по-прежнему великая и глубокая, священная и щедрая, — из прошлых веков в будущие века, — безглагольно, но властно зовет нас к новым усилиям и подвигам наша родина, Россия.

Нам ли не услышать ее зова? Нам ли усомниться в ней?

Во всей мировой истории не было еще *такой* национально-государственной задачи, столь сложной, столь напряженной, столь громоздкой. Этот суровый климат; эта равнина, открытая со всех концов; эти навязывающиеся отовсюду территориальные глыбы; эти сотни чужих народов и диких народцев; эта оторванность от моря и плаваная; это отсутствие культурного наследия (что дал нам Древний Рим? где наши средние века?); эти все сметающие, трехсотлетние погромы татар; эти

бесконечные оборонительные войны* — и из этих беспримерных трудностей, одолевая их и подчас изнемогая от них, выросла младшая из великих мировых держав, величайшая по своему земному объему и самобытнейшая по своей духовной культуре. Ни одно государство в мире не создало в столь короткий срок — столь великой державы и столь замечательного духовного цветения. Но именно этим и объясняется наша судьба: с одной стороны — *пробелы, упущения и первобытность в культуре наших масс* (где у них религиозно отстоявшийся характер? где проработанность души долгом? где закреплённый и уравновешенный инстинкт собственности? где правосознание? где национальное самочувствие?); с другой стороны — *завистливое и опасливое отношение к нам всех западноевропейских держав*. Наш рост, наша жизненная сила, наше распространение — тревожили их и не давали им покоя. *Все они хотели нашей слабости*: одни для обезвреживания «соперника»; другие для обессиления его «непрогрессивного» духа; третьи для его торгового, промышленного и земледельческого покорения. Все хотели разыграть нас в свою пользу и ослабить нас; и все они вливали в наши раны, пробелы и упущения — все скопившиеся в них самих яды: яд безбожного мировоззрения; яд рассудочности и материализма; яд демократического республиканства; яд социализма и коммунизма. И закончилось все это беспримерной в истории попыткой привить русскому человеку в час его переутомленности и недомогания — сыворотку духовного беснования, умонастроение западноевропейского босяка, хулигана, «апаша», «люмпенпролетария»... От этого вливания и от этой прививки Россия действительно заболела коммунистическим буйством; и ослабела. И ныне никто из них не желает нашего возрождения и нашего расцвета — в силу тех же самых побуждений; и по-прежнему они боятся сильной России и предпочитают Россию слабую и урезанную, порабощенную и распадающуюся.

---

* «Русский Колокол», № 1: «Русская территория» и «Население России»; № 2: «Историческое бремя России»; № 3: «Московские князья-собиратели» и «Войны России»; № 5: «Русская колонизация».

Но разве ими, разве при их помощи строилась и создавалась Россия? Не мы ли, наоборот, избавили их от татарского нашествия и от наполеоновского завоевания? Не от их ли вторжений оборонялась Россия с запада на протяжении всей своей истории? На них ли нам ныне возлагать наши надежды?

На протяжении всей своей истории Россия строилась *сама* — часто заимствуя, но никогда не завися; участь, но не покоряясь; не принимая шведской помощи даже тогда, когда поляки сидели в Кремле; черпая силы в собственных недрах — в глубине своей *веры* и своего *инстинкта самосохранения*. Так будет и ныне. Нам не поможет никто. Избавление придет от нас самих.

Избавление России будет делом *русских*; и того, чего мы сами не сделаем (в подъяремы и в зарубежьи), того не сделает за нас *никто*. В этом мы должны быть твердо и окончательно уверены; и эта уверенность должна наполнить наши сердца не чувством уныния, бессилия и беспомощности, а чувством *национальной гордости* и *религиозно-государственной* ответственности. От этого бремени мы не можем отказаться. Окажемся мы достойными его или нет — оно все равно останется лежать на нас.

Но для того, чтобы понести его и справиться с ним, мы должны *оживить в своей душе тот древний и неиссякаемый инстинкт национального самосохранения*, который вел и строил Россию на протяжении столетий и спасал ее в самые страшные часы. Мы должны почувствовать себя *сынами* того самого народа, который поднял *такое* бремя и создал *такую* державу и культуру в столь короткое время; того народа, который на заре своей жизни *перемолол татарву* и который в расцвете своей жизни *бесследно перемелет коммунистов*. Мы должны почувствовать, что в каждом из нас реально живет неиссякаемая, бесконечно крепкая сила русского инстинкта, русской чести и русской даровитости. Мы должны вспомнить, чему нас научила вся наша история: *в страдании трезветь и молиться; духовно богатеть, живя в крайней внешней скудости; побеждать, отступая; брать врага изводом и измором; возрож-*

даться из пепла и на костях; и быстро доводить возрожденную жизнь до расцвета. И эти основы мы должны закрепить непоколебимою верою в величие и силу русского духа, явленного в наших пророках и гениях. Вместе с Ломоносовым мы должны увидеть и убедиться по нашей истории, что «Россию сам Господь блюдет»; и вместе с Достоевским мы должны исповедать, что «Россию спасет Господь, как спасал уже много раз»; но спасет именно нашим духом, нашею верою, нашими руками и, может быть, нашею кровью. И, веря в это и предвидя это, мы должны теперь же вместе с Суворовым сказать: «горжусь, что я — русский».

Правда, ныне Россия в унижении. Нам ли не чувствовать всю остроту этого унижения — и в нашей собственной выброшенности, бездомности и несправедливости; и в поругании Кремлевских святынь; и в соловецком томлении наших братьев и героев; и в порабощении русской науки; и в извращении русской армии и русского суда; и в поругании русского семейного очага; и в каждом русском беспризорном ребенке. Но Россия *была иною и будет иною.* И тот, кто хочет чувствовать себя русским и вести борьбу за свою родину, тот должен *жить величием прошлого и крепко строить величие будущего,* преулавливая его черты и готовя к нему себя и своих детей. В нас должно ожить, нами должно зажить бывшее величие России; не для того, чтобы нами овладела *мания самовозвеличения,* но для того, чтобы пробудились в каждом из нас те силы, которые Россию создавали и создали.

Более всего нам необходимо ныне *чувство собственного национального достоинства.*

Суровые испытания, посланные нам, могут действительно казаться подчас безмерными и непосильными. Но русскому ли народу жаловаться на «непосильность» исторических испытаний? В этих испытаниях Россия первая *изживает и первая изживет мировую заразу.* Ею болеют, ею разъедаются все европейские народы, каждый по-своему; и каждый из них будет переживать кризис болезни и начнет буйствовать в свой срок. Но первую справится с нею Россия. Коммунистический

опыт будет иметь огромные последствия: все поруганные и отвергнутые им начала — христианской веры, патриотизма, национальности, чести, верности, семьи, частной собственности, монархии — предстанут в новом свете, откроются в новом блеске, оправданные, обоснованные и всенародно принятые за совесть, по свободному убеждению. В России идет великий процесс *отрицательного опыта* и *глубинного оздоровления*. И сколько бы лет ни тянулся еще этот процесс — его исход заранее предначертан и обеспечен: *Россия восстанет*; и не чужою помощью, не руками тех, кто ее доньше топил или расхищает, а собственной своею силою, молитвенно накопленной в дремучих лесах.

Верить в это возрождение, неустанно готовить себя к нему и неустанно работать над ним — *зовет нас Россия*. Она ведь не «где-то там»; она с нами и в нас. Мы не только из нее произошли и от нее пошли; мы *из нее состоим* и *ее собою составляем*, а она *живет нами, в виде нас*, живущих для нее и ради нее. Но именно поэтому мы носим ее в себе, как некое бесценное сокровище: *все ее прошлое* и *все ее будущее*. И жестокий опыт настоящего не может лишить нас этого сокровища.

Трудная и черная обстановка, в которой мы ныне живем, как бы формулирует поставленную нам духовную задачу: утвердить и осмыслить нашу *русскость*, наш *патриотизм*, нашу *самобытность*, нашу *верность* — *в тяжчайших условиях жизни*. Пережить эпоху гонений — и не только не поколебаться, но закалиться, утвердиться и окрепнуть. Принять и низину, и суму, и тюрьму — и соблюсти наш огонь и нашу любовь до конца. Увидеть другие места и другие народы — и научить их самую нашу национальную гордостью *уважать* нашу родину, *читать Россию*, а не презирать ее, как «исторический навоз», и не бояться ее, как чуждую и опасную силу. Пусть научатся чтить ее в нашем лице, пока не поймут, что *здоровая Россия необходима им самим для их собственного устройства и равновесия*; что только Россия, снедаемая изнутри коммунизмом — опасна миру, а исцеленная — она будет по-прежнему оплотом мирового равновесия.

Вот почему, рассеянные и нищие, мы должны чувствовать себя так, как чувствует себя странник, которого могут и не приютить, которого могут и не заметить, но который таит и несет в своей одежде бесценное сокровище, коему только не наступил еще час обнаружиться. Но знает он, что этот час придет; и только и мыслит о том, как ускорить его наступление и как достойно подготовиться к нему...

Это сокровище — наша Россия. Никто не заменит ей нас; и зов ее — из прошлых веков в будущие века — звучит только для нас.

РЕДАКТОР

К РОДНОЙ МОЛОДЕЖИ

II

Милые юные друзья!*

Кончая свое обучение в славянском городке, свой Крымский кадетский корпус, русский Корпус, вы просите доброго напутствия... Что сказать вам? Жизнь многому научила вас, жизнь без родины, тоска и боль по родине, все тяжкое, страшное, что выпало вам на долю, что вы перенесли и несете с честью и мужеством. Вот, выходите вы на новые дороги — в высшие ли школы, или — в практическую жизнь, в работу... Первое скажу: готовьтесь быть *верными гражданами-сынами России, деятельными и честными, крепкими в творчестве будущего строительства*. Россия разорена, опозорена, ославлена, ослаблена, осквернена, растлена. Вы знаете, должны знать, что *там*: и потому вы уже знаете, что ей нужно. Вы знаете наше прошлое. Вы знаете, на чем стоит и строится добрая, *человеческая* жизнь. Знаете и другое: как убивается эта жизнь. Вы должны знать, что лишь силами *всего* народа, ведомого, достойнейшими и сильными, строится и благоденствует, и хранит честь свою всякое христианское государство. Так было и с

---

* Ответ на письмо воспитанников выпускного класса Крымского кадетского корпуса (Югославия). См.: «Русский Колокол», № 6.

Россией. И еще вы знаете, видели своими глазами и выстрада-
ли сердцем: народ, ведомый разрушителями, осквернителями
божеских и человеческих законов, падает и духовно умирает,
а добытое веками, чудесное, — обращается в пыль и грязь.

Вам выпадает на долю заново строить, воссоздавать и ох-
ранять Россию, истинную, *свою*, Великую Россию. Снова как
будто приходится *начинать русскую историю*. Значит, прежде
всего, надо быть сильными, надо быть государственными,
российско-государственными, национальными, иметь вер-
ную цель, иметь идеалы совершенства, хранить в душе и в уме
тот Лик, ту светлую Россию, какою хотите ее видеть, какою
носили ее в сердцах лучшие из ее сынов, — гения ее, о котором
вам говорит священная наша летопись. Ваша школа, конечно,
вложила в ваши юные души, показала вам этот былой, чудес-
ный, ныне столь искаженный Лик. Вы должны оживить его,
воссоздать: раскрывать, обновлять, охранять. Вы — мужчи-
ны, вы — русские, с великою кровью предков, великих пред-
ков, создавших Великую Россию из пустыря, раскинутого на
четверть мира. И вот, выпадает вам — быть воинами-строи-
телями, как встарь. От всего сердца желаю вам крепости ду-
ха и тела, *выработки характера*, непреклонного, деятельного,
уверенного, настойчивого, несокрушимого. Прежняя русская
интеллигенция — это мы знаем и по творениям лучших наших
писателей, и по истории общественной русской, и по разгрому
России, — была часто безвольна, мечтательна, жила миражами
и полетами легкой мысли, смотрела часто *поверх* России, зна-
ла Россию мало, искала вождей *в чужом*, — и довела Россию,
помогла довести Россию до провала, не сумела себя использо-
вать *для* России, при всех дарованиях своих, при всех чудесно
благоприятных средствах великого народа. Выковывывайте себя
в российских граждан, в *стальных мужей*. Перед глазами у вас
много примеров достойнейших, много таких испытанных,
кого возьмете в пример, — Белая армия России с ее вождями,
погибшие доблестно герои, великие духом мужи, как, напри-
мер, — мученик, великий гражданин России — князь Павел
Долгоруков! И еще, второе, важнейшее, помните: узнавайте и

научайтесь любить душу народа нашего, узнавайте, ищите ее и в его истории, и в изображениях ее, — подлинной, русской души народной — в творениях наших писателей — великих! Узнавайте народ, его достоинства и его слабости: с ним вам придется работать, воссоздавать Россию.

Между русской общественностью и очень часто между русскою властью и народом — не было духовной связи, не было национальной спайки, и потому героическое дело лучших и деятельнейших сынов России, в минуту смертельной опасности, дело спасения, дело героев, жертвовавших собою безоглядно, не дало видимого плода, не отвоевало России от ложных вождей, от исчадий ада. Обманутый, увлеченный посулами, сбитый с толку народ, не познавший *общего*, своего, национального, не помог истинным сынам России, лучшим из своих братьев, и понес — и не по своей вине! — страшнейшую из страшнейших кару: вы знаете, в каких тисках, в каком разорении и угнетении, в какой грязи и в каком бесчестии теперь наш народ, ненавидящий самозванных правителей — насильников из неведомого ему, таинственного III Интернационала! И потому, говорю вам от сердца, — учитесь быть близкими народу, учитесь с народом быть и делать, когда наступит пора; полюбите его — вы из него же вышли! — поймите его темноту, его тоску и стыд — да, он в тоске и стыде, только не говорит об этом! — не вменяйте ему страданий ваших, страданий за Россию: он неповинен, русский народ, трудовой народ, в бесчестии России. Он безответствен. И еще помните: он — великая сила, он — страшная сила, которая *все* может! Если коммунисты, большею частью чужие ему по крови, посулами и ложью и разжиганием ненависти так долго его водили и держали в ярме, и он волей-неволей помогал им, то *что* же будет, если вы, кровные его, будущие его водители — а вы получите это право, вы, молодое поколение, ибо явитесь перед ним *своими*, образованными, культурными, братьями, — что же будет, если, поняв свой народ и сумев раскрыть в нем чувства познания своей родины, *своей* России, — а оно уже рвется из него тоскою и стыдом! — *что* будет, какой *взрыв*

*энергии творящей, величайших подспудных духовных сил об-
явится в народе нашем!*

Вспомним нашу историю, те черные години, когда, получая и находя вождей достойных, народ наш *делал* свою историю, сбивал пришельцев-насильников, заполнял и оживил пространства, подымал испепеленную Россию из праха в блеск! Вам предстоит великая, чудеснейшая работа: поднять, сотворить Россию! Наш народ — *великий* народ! Это — в его истории. В народе нашем силы несокрушимые. Смотрите: *жива* Россия! Народ, без вождей, в ярме, — и он отстоял *свое*, инстинктом своим, духом своим отстоял самое главное, без чего он не смог бы жить: Бога! *Народ отстоял Церковь*. Народ отстаивает и свое другое: *землю*! Жив русский крестьянин, как ни изводили его, как ни обируют его, как ни губили голодом, как ни старались ввести в ярмо и обратить в скотину. Народ-земледелец — на земле, со своим укладом, со своим бытом, со своим *правом*, не писанным, со своим русским духом, со своими святынями, со своими небесными Вождами, с Сергием и Николой, с Царицею Небесной, с Ильей-Пророком, со *своей* совестью, со *своим* покаянием, со *своей* чистотой в грязи, со своей верой в Россию, в бессмертную, вечную Россию, — *жив!* Он, крестьянин, мужик, он один — весь, как один, — *сохранил внутренний*, скрытый от злых, *нетленный, священный Лик*, не зная даже о нем, но чуя его, *нося его в себе*! Смотрите: *подспудно, жива Россия*! Разъедающий коммунизм — его лишь оцарапал, великана. Народ заживит царапины. *Для* него, ибо он *смотрит в века*, и время считает по-своему, по *вечной* земле своей, для него *все это* — только царапины. Он *не знает* былого, он слишком богат внутри и потому нам видимое, нами оплакиваемое, для него, считающего на крупные, — *это все страшное* — лишь царапины. По нем равняться приходится, его психологию брать за мерку и не падать духом! С ним строить, с ним верить надо! Начинать, не страшась, артелью, всенародно, с Богом! И он — покажет себя, он горы сдвинет, он тот же, двухсотмиллионный будет, он *все* воздвигнет, и воскресит, и подарит, воротит России гениев! Вы сами это увидите, верю я. Вы увидите:

сбросит ярмо народ и быстро залечит язвы. И вот, вам-то тогда придется стать первой культурной сменой, бок о бок с талантливейшими, с сильнейшими из него, из целого народа, с *достоинейшими* из его сынов, с вашими братьями по крови, быть может даже, с *былыми грешниками*, — придется быть признанными его водителями. Народ бросится к тем, пойдет крепко за теми, которые покажут ему чудеснейшее — *познание своей, светлой, живой России, чуждый Лик Ее.* С теми пойдет он, кто возьмет в полон его душу, разбудит в нем народную его *гордость*, сознание своей, русской, национальной *мощи*, кто великую потребность его утолит — оправдаться же, наконец, перед целым светом, показать себя! Наш народ горд, он *может* быть свято гордым, достойно гордым! Нашему народу *все* доступно; до самых тончайших чувств, лишь бы его *раскрыть!* Таким знают народ, чуют народ, таким показали нам величайшие наши писатели. *Россия догонит мир!* С таким народом — догонит и обгонит. И вам придется участвовать в этом славном, в этом чудесном беге — на силу, на ловкость, на *правду*, на *геройство*, на высокое, русское, на гражданство, на *достоинейшее*, оправданное историей, место в мире, *великодержавное!*

Вы идете учиться дальше? Идите радостно и вольно, идите с верой: великое дело ждет вас: Россию ставить, Россию вести, Россию охранять с боем! А с таким народом, как наш, — вы это знаете от боевых отцов ваших, вы это знаете из светлых страниц истории, — *с таким народом можно творить чудеса.* И *будут* чудеса. И вы будете участвовать в чудесах этих. И будете сами творить чудеса эти — со всем народом, в братстве-отцовстве с ним. Вы своими познаниями, опытом страданий, чуткостью душевной, добытой муками, вы сумеете отворить подпочвенные силы и дать им ход. И будет прекрасная, сильная, крепкая, чистая, *белая Россия!*

Рассеянная по чужим народам, — смотрите! — наша нищая молодежь и сейчас творит чудеса! Тысячи кончили университеты, техникумы, военные школы, работают руками и мозгом, выковывают волю, познают всякие народы и могут сравнить и сделать выводы. Приобретают важные навыки.

Новому поколению нашему, вам, друзья мои, суждено быть *бывалым*, необычайным, по мировому опыту, поколением России. Ни один народ, имеющий государственность, не имеет *такого* опыта, *такой* судьбы. С таким поколением, которое живым выйдет из гноя и тлена коммунизма, которое прошло все страны и народы и *не погнулось, не потеряло человеческого лика и русского духа*, которое *крепко волей*, которое — стальное, — с таким поколением Россия явится именно той «птицей-тройкой», которая умчится, и не в неизвестное куда-то, а *по верно проложенной дороге*. И будут «в священном трепете» взирать на нее народы, — по слову провидца Гоголя: «Русь, куда мчишься?» *Знает* Она, — куда. Будет знать. К — Солнцу! К Солнцу Правды, всечеловеческой, ибо уже познает она *свое*, отстоит, впитает; — и не страшным, а благодатным для Нее станет — *всечеловеческое!*

Приветствую вас, юные, крепкие, сироты без Родины, — сироты пока, до срока, до близкого срока... — не склонившихся под напором бед, а твердо идущих — *дальше!* Идите с Богом, *Россия будет!* Вы для Нее живете, для Нее страдали, и Ее вы получите в награду и в работу, воссоздадите, укрепите, — и сумеете защитить, вы добрая, сильная, славная наша молодежь!

21 мая (3 июня) 1928 г.

И.С. ШМЕЛЕВ

Севр

МУЗЫКА МЕТНЕРА

Музыкальная мысль — это мысль, высказанная умом, проникающим в самую суть вещей, вскрывающим самую затаенную тайну их, именно — мелодию, которая лежит сокрытая в них.

Карлейль

Человек слушает музыку не одним внешним слухом, но гораздо более слухом своей души и своего духа. Недостаточно «слышать» внешние звуки; надо, чтобы они вошли в душу,

овладели ею, чтобы душа их запела. Но и этого мало: надо, чтобы от этого пения вострепетала духовная глубина человека, та, которая молится, прозревает и творит; и, вострепетав, начала молиться, прозревать и творчески внимать звукам. Тогда только музыка действительно осуществляется в жизни как *художественное* и *магическое* событие; тогда человек может сказать, что он *слушал* и *слышал* эту музыку.

И, Боже мой, сколько радости, умудрения и целения предстоит тому, кто *услышит* музыку Метнера, этого самобытного и глубочайшего русского художника*. Какое богатство духовного содержания откроется ему, какие потоки пения омоют его душу, какие ритмические образы и события захватят его, какими молитвами прозрения и благодарности обогатится его дух!..

Быть может, все это откроется ему не сразу, особенно если он привык слушать музыку ради чувственного опьянения звуками или аналитически разлагать ее, не предаваясь ей, или еще — если сложное и богатое голосоведение не раскрывается ему сразу, а от концерта он ждет только праздного отдыха и легкой забавы. Но если он слушает музыку *поющей* душой и ищущим *духом*; если он понимает, что настоящее искусство не снижается и не льстит, что оно вправе требовать известных усилий и углубления, если он знает, что Пушкина и Шекспира надо перечитывать по многу раз, а Баха и Бетховена слушать без конца для того, чтобы действительно началось целение и умудрение, — то он может быть уверен, что величайшее доверие к музыке Метнера и неутомимое вслушивание в нее обеспечит ему неоценимую награду. Каждое следующее слушание или самостоятельное проигрывание дома (хотя бы при слабой технике) даст ему новую красоту и глубину. Эта музы-

---

* Н. К. Метнер родился в Москве в 1880 году. Окончил Московскую консерваторию по классу В. И. Сафонова в 1900 году. Первое сочинение его появилось в 1902 году. В 1907—1908 гг. и в 1915—1921 гг. был профессором Московской консерватории. С 1921 г. живет за границей, ныне под Парижем. Печатался у Юргенсона, Беляева и в Российском музыкальном издательстве; ныне печатается у Циммермана (Лейпциг). Доселе напечатан 51 опус. Кроме России концертировал в Польше, Германии, Франции, Англии и Америке.

ка подобна книге, которую никогда не дочитаешь и которую любишь тем более, чем чаще ее читаешь, книге, которая, радуя, учит; уча, облагораживает душу, и облагораживает душу именно тем, что говорит всегда о *самом главном* и говорит *необходимое и главное*.

В первый раз музыку Метнера лучше всего слушать в его собственном исполнении. Оно до такой степени выразительно и одухотворено и в то же время властно и законченно, что овладевает душой даже при большой развлеченности и утомленности. Оно не «излагает» и не «рассказывает», а скорее «показывает»; но показывает не картинно, а скульптурно или архитектурно, как живое пластическое событие. Однако скульптура и архитектура дают всего один миг, неподвижно закрепленный навсегда, а музыка дает жизнь и действие. И вот, слушавшие Метнера знают это состояние: музыка его, исполняемая им самим, заставляет пережить присутствие особой, *объективной и живой реальности*, которая живет не в нем (хотя, конечно, прежде всего в нем), но и не в нас (хотя, несомненно, — вот, и в нас)... Как будто выступает и развертывается нечто третье, главное, наряду с чем все остальное меркнет и забывается, — некая *властно и законченно выговаривающая себя сила*, диктующая вам в душу *свою волю, свой ритм, закон и судьбу своего бытия*. Вы прикованы и потрясены, вы еще «спрашиваете» и уже покорились; эта сила уже проникла в вас и вылепливает из вас новый способ жизни; затаив дыхание, вы начинаете ждать *ее* развития и *ее* завершения, как *своей* судьбы... Но вот финальное разрешение — и вы стоите перед событием, вторгшимся в вашу жизнь, стрясшимся в ней, перед выжженным в вашей душе властным и мудрым музыкальным речением: «так есть», «такова необходимость», «так виждь, страдай и ликуй...». И может быть, слушая в первый раз, вы невольно спросите себя: «Что это было? разве *это* бывает? разве *так...* можно?» — с тем, чтобы тотчас же и раз навсегда понять, что это-то и есть настоящее искусство: *духовная одержимость, нашедшая себе точный и прекрасный язык и художественное исполнение*.

Слушая Метнера, вы поймете и поверите, что настоящее искусство владеет *магическою* силою, властною и грозною, способною разверзать души и «отверзать зеницы» (Пушкин)*. Вы поймете, как велика *ответственность* художника и какая сила *целомудренного трезвения* необходима ему для того, чтобы говорить на языке «озарения богов». Вы поверите раз навсегда, что музыка есть не забава, а *служение* и *молитва*, в которой «Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим. 8, 26). И тут, может быть, впервые, откроется вам все ничтожество и бессилие современного («модернистического») искусства, сладострастного и бесформенного, но крикливого и притязательного**.

Да, музыка Метнера поет о *главном* и говорит о нем *необходимое* и *священное****. Она поет о самом страшном и последнем; но то, что она поет о нем — *благодатно* и *победно*.

---

* Ср. особенно исполнение им сонаты F-mol, opus 5; трагических отрывков A-mol и G-mol, opus 7; двух сказок C-mol, opus 8; сонаты C-dur, opus 11; двух сказок B-mol и H-mol, opus 20; сонаты E-mol, opus 25; сонаты-баллады Fis-dur, opus 27; сказки Gis-mol, opus 31; концерта C-mol, opus 33; сказок C-dur и Cis-mol, opus 35; трагической сонаты C-mol, opus 39 и др.

** См статью «Кризис современного искусства» в № 2 «Русского Колокола». О сущности и атмосфере модернизма в музыке в русской литературе имеется замечательная книга Вольфинга «Модернизм и музыка» (М., 1912).

*** Это не значит, что сочинения его «программны» в обычном смысле этого слова, т. е. что автор пытается «помочь» немзыкальному слушателю, «подсказывая» ему зрительные образы или драматические сюжеты (напр., «буря на море» или «Франческа и Паоло» и т. д.). Однако в известном, *углубленном* и *утонченном* смысле *всякая* музыка — от элементарной народной песни до отвлеченной и «беспрограммной» симфонии — *имеет программу*, т. е. некое пропетое *душевно-духовное содержание*, *определенное* при всей его словесной невыразимости, *законченное* при всей его таинственности и безобразности, как бы *сказуемое духовное тело*. И никакие ссылки на «иррациональность» и «отвлеченность» музыки (теория Ханслика и другие) не могут ничего изменить в этом, ибо содержание, недоступное для мысли, остается *содержанием*, и притом *определенным* содержанием (но «определяется» оно не мыслью и не словом, а чувством и духом); и самая «отвлеченная» музыка отвлечена от мыслей и чувственных образов, *а не от своего собственного, ею самого сказуемого содержания*. Музыка глубока, но *точна* и *определятельна*; ее определения — не логические и не словесные, но они *зрелы* и *законченны*. Бессодержательная музыка есть нелепость: все равно, что «узор без рисунка», что «скульптура без плоскости», футуристический набор звуков вместо стихотворения, пляска св. Витта вместо танца.

Пушкин, Гоголь, Тютчев и Достоевский знали путь русской души и понимали ее задание. Ей, от природы отзывчивой и страстной, судьба искони дала испытать и вседозволяющий простор, и лесную дебрь и чудь, и зимние сны, и весеннее половодье, и хаос метели, и безумие ветра. Она испытала это все, она приняла все это в себя, и стихии мирового естества стали сродни ей. В ней самой вострепетала и раскрылась *бездна*, и *мятеж* стал ей вечным соблазном. Отсюда ее беспредельный размах, предназначающий ей задание *запредельного взлета*: ибо *бездну целит только Господь*.

Но не тем целит Он ее, что «запрещает» ей, как Христос иногда, жалея людей, запрещал бесам; и не тем, что подавляет или убивает ее, как св. Георгий дракона: запрет и подавление могут лишь временно облегчить муку, но не могут *исцелить язву мира*. Он целит ее тем, что, таинственно нисходя в нее («во Ад»), *вызывает в ней самой исконную жажду осанны*.

Русской душе *от природы* дана эта разверстая бездна, эти зовы «древняго» и «родимого» хаоса (Тютчев), эта «безглагольная речь» стихий (Баратынский). Слабым — соблазн и гибель; сильным — задание и обет. И сильная русская душа всегда исходила от *самого страшного* и искала *самого высокого и последнего*, в глубокой бессознательной уверенности, что осанна *не из бездны — неокончательна, нецельна и неисцеляюща*. Русский творческий гений ищет не солнца *над* бездной, не рая *после* ада и в *противоположность* аду (Данте); из этого он исходит, с этого он *начинает*... Он ищет солнца *в* бездне и *из* бездны; и то обретая его (Пушкин, Тютчев), то не обретая его (Гоголь, Достоевский, Лермонтов, Врубель), не успокаивается ни на чем ином...

И как мог бы он не принять духовный опыт своего народа, как мог бы он не поднять и не понести его бремя? Как мог бы он успокоиться на наивной лучезарности греческого Олимпа? На детской святости Фра Беато Анжелико? На благоуханных идиллиях Моцарта? На наивном благородстве Шиллера или на мудрой наивности Бетховена? Как мог бы он успокоиться в мире, где предки задыхаются от черных грехов своего по-

томка и где в адской пропасти «мертвецы грызут мертвеца»?.. (Гоголь). Не может ли он восхотеть *меньшей* лучезарности, *меньшей* святости, *меньшего* благородства и *меньшей* мудрости: ведь он ищет *солнца из бездны, формы в хаосе, закона для вседозволенности, власти над дебрию, пророчества в безумии...*

Русский творческий гений ищет *целения миру*. Его творчество есть молитва о *даровании благодати мраку*. Может ли он отойти от этого задания, если оно силою судеб вросло в его *национальное* естество?.. Но можно ли вообще поднять это бремя? Посильно ли оно человеку без Божьего озарения и окрыления? И мудро ли, что духовно слабые, пытаясь поднять это бремя, срываются в бездну (Скрябин и весь русский музыкальный и поэтический модернизм)? И не естественно ли, что подлинные русские достижения учительны и водительны для *всего* человечества?..

В этих великих и страшных традициях русского духа и русского искусства живет и дышит музыка Метнера. И живет — *побеждая*. И сама чувствует свою силу и победоносность, и радостнее всего поет о *благодати** и *победе*.

Метнер — ясновидец дебри, хаоса и бездны**. Они открыты ему, а его душа доступна им. Но никакими соблазнами они его не заражают: ни соблазну *идеализации*, ни соблазну *подмены*, ни соблазну *смещения* не подвержена его душа. Энергия

---

* Ср.: «Ангел» Лермонтова, романс, opus 1, № 1; третья часть сонаты F-mol, opus 5 — Largo divoto; сонатную триаду, opus 11; «Одиночество» Гёте, романс, opus 18, № 3; «Я потрясен...» Фета, романс, opus 24, № 5; соната-баллада, opus 27; «Муза» Пушкина, романс, opus 29, № 1; «Воспоминание», романс, opus 32, № 2; сказка D-mol, opus 34, № 4; сказка C-dur, opus 35, № 1; «Ангел» Пушкина, романс, opus 36, № 1 и др.

** Ср.: opus 1, № 5, Andante; opus 2, № 3, Scerzo infernale; opus 5, вторая часть сонаты Allegro C-mol; opus 6, № 3, «Elfenliedchen» Гёте, романс; opus 15, № 7, «Meeresstille» Гёте, романс; opus 20, № 2, сказка H-mol, Minaccioso; opus 22, соната G-mol; opus 24, № 1 и № 4 «День и ночь» и «Сумерки» Тютчева, романсы; opus 25, № 2, соната E-mol с эпиграфом из Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной...»; opus 29, № 3, «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» Пушкина, романс; opus 34, № 1, сказка H-mol и № 3, сказка A-mol, Allegretto tenebroso; opus 35, № 4, сказка Cis-mol; opus 37, № 1, № 4, № 5, «Бессонница» Тютчева, романс; «Вальс» Фета, романс; «О чем ты воешь...» Тютчева, романс; opus 38, № 7, Danza Silvestra и др.

его духа выносит и вынесла все то, от чего уже *погибло* и еще *погибнет* столько слабых душ. Хаос не разложил его, и бездна не поглотила его. Напротив, он *заклял их и овладел ими*. И вот, дебрь покорила его ритму, и хаос запел дивные, молитвенные мелодии, и бездна озарилась и гармонизировалась.

Я знаю, что этому трудно поверить, это надо испытать и пережить. Надо самому услышать душою и духом это *орфическое заклятие темных сил и их преобразование*, эти первозданные гармонии неподвижной морской бездны*, этот танец воздушной нежити, легкомысленно проснувшейся и томящейся в глубокомыслии мирового сна**, эти вой, вздохи и стоны ветра, молитвенно пропетые в сонатной форме***, этот «темный язык» «зовущей и пророчащей» ночи****, эти неопиcуемые, мифические ритмы, в которых сказочная нечисть пытается излить свою душу, пытается любить, плясать и участвовать в солнечном празднике Орфея*****, эти взрывы мрачного ропота, почти кощунства, преображающегося в серафические хоралы*****, это магическое и благодатное слияние с беспредельностью сумеречного мира*****, это тютчевское откровение о «пылающей бездне» и «звездной славе»...***** Здесь ночные стихии мира и души находят свой музыкальный язык; они *поют*, они слагают *гармонии*, они несомы могучими и законченными *ритмами*. Музыкальное просветление хаоса дается и осуществляется — *им самим*. Бездна раскрывается со всеми ее «страхами и мглами» и сама поет — свои вихри, угрозы и томления*****. Это потрясающе — слышать хоралы стихий, гармонию бездн и ритмы хаоса, потрясающе и благодатно,

* Opus 15, № 7, «Meeresstille» Гёте, романс.

** Opus 6, № 3, «Elfenliedchen» Гёте, романс.

*** Opus 25, № 2, соната E-mol.

**** Opus 29, № 3, «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» Пушкина, романс.

***** Ср., напр., сказки: opus 34, № 1, H-mol и № 3, A-mol; opus 38, № 7, Danza silvestra.

***** Соната, opus 5, Allegro и Largo divoto.

***** Opus 24, № 4, «Сумерки» Тютчева, романс.

***** Opus 45, № 3, «Как океан объемлет...» Тютчева, романс.

***** Opus 24, № 1, «День и ночь» Тютчева, романс.

ибо нет строя и закона более строгого, чем музыкальный, а музыка есть дар Божий, есть живой голос осанны, данный человеку свыше. И внять осанну хаоса есть для человека высшая радость и глубочайшее утешение...

Музыка Метнера как бы говорит, утверждая и удостоверяя: «Слушайте! *И самая бездна* томится по благодати — по солнцу, по закону, по гармонии! *И самой бездне* — благодать дана таинственно и творчески!...» Стонет и томится тварь, томятся и стонут «преисподняя земли»... Но кто верно, предметно вслушается в этот стон и в это томление, тот услышит в них первозданное пение, гармонию и ритм...

Именно — *первозданное*. Музыка Метнера изумляет и радует не только богатством своих мелодий, их разливом, их долгим, как бы неисчерпывающимся дыханием*, но и их неизъяснимою *первоначальностью*. Здесь возможны даже прямые иллюзии и ошибки: так, иногда может казаться, что вы слышали эту мелодию... Но где? Когда? От кого?.. В детстве?.. Во сне?.. В бреду?.. Вы напрасно будете ломать себе голову и напрягать свою память! Вы ее не слышали *нигде и никогда*: в человеческих ушах она появилась впервые... Но вы как будто «долго ждали» ее, и «ждали» вы ее потому, что вы «знали» ее *не в звуке, а в духе*. Ибо *духовное содержание* этой мелодии — общечеловечно, исконно, первозданно и без конца томилось о том, чтобы в пении разрешить свою связанность. И вот оно разрешилось в широкую, поддонную, из древней глубины льющуюся и бесконечно простую мелодию... Как будто запело в нас *вековое* томление наших предков... Или как будто *предвечные* напевы

---

* Творческую силу мелодии правильнее всего измерять льющеюся долгою ея дыхания и ея способностью к самораскрытию и видоизменению. Таково мелодическое богатство Баха и Бетховена, таково многое у Шопена (см. хотя бы его «Фантазию») и у Рахманинова (напр., *Moment musical*, opus 16, № 3, H-mol; первые темы Второго и Третьего концертов и др.). Ср. у Метнера: opus 1, № 1; вторая тема сонаты, opus 5; Сказка B-mol, opus 20, № 1; сонату G-mol, opus 22; opus 24, № 4 и № 6; сонату, opus 25, № 1, C-mol, темы первой и особенно второй части; Сказку, opus 26, № 3, F-mol, *Narrante*; сонату-балладу, opus 27, *Fis-dur*; импровизацию, opus 31, № 1, B-mol; Первый концерт, opus 33, C-mol; Сказку, opus 34, № 2, E-mol; романс «Ночь» Пушкина, opus 36, № 5; *Sonata reminiscenza*, opus 38, № 1 и другое.

и хоралы, слышанные нами до рождения и сохранившиеся в нас в виде «чудных желаний»*, нашлись и наконец пропелись въяве**. И пропелись в величайшей простоте и целомудрии... ***

Да, эта музыка *целомудренна*: она не дразнит, не зазывает на сладость, не гонится за эффектом, она ничему не потакает, она абсолютно не демагогична. Напротив, она в лучшем и духовном смысле глубоко *аристократична*. Она всегда сдержана строгой, внутренней необходимостью; мало того, она часто дышит прямою *отрешенностью*: как бы молитва мира, идущая к Богу *мимо* человека и мимо поднимаемой им душевно-личной и общественной пыли...

Музыка Метнера сочетает в себе *подлинную стихийность* (хочется сказать — *неистовость*) с кованой, *завершенной необходимостью*.

Но и этому не следует верить на слово, в этом надо удостовериться самому. И духовно-музыкальный анализ тем, тональностей, гармонии, ритмов и контрапунктов — вплоть до этих *пауз*, насыщенных зарядами задыхающегося отчаяния или требования****, вплоть до малейших форшлагов или с виду «случайного» бекара, таинственно превращающего минор покаяния и отчаяния в мажор прощения и утешения***** — обнаружит и подтвердит глубокомысленную художественность его музыкаль-

* «Ангел» Лермонтова, романс, opus 1, № 1.

** Ср., напр., «На озере» Гёте, романс, opus 3, № 3; opus 8, № 2, сказка C-mol, вторая тема; opus 9, № 2 и № 3, сказки C-dur и G-dur; соната D-mol, opus 11, № 2; «Einsamkeit» Гёте, романс, opus 18, № 3; основную тему «Сумерек» Тютчева, opus 24, № 4; основную тему «Только встречу улыбку твою...» Фета, opus 24, № 6, opus 25, № 1, соната C-mol, тема второй части; opus 30, соната A-mol, вторая тема; сказка C-dur, opus 35, № 1; opus 36, № 3, «Лишь розы увядают...» Пушкина, тема романса и другое.

*** Ср., напр., особенно вторую тему сонаты C-dur, opus 11; или вторую тему сонаты G-mol, opus 22; или сказку G-dur, opus 9, № 3, Allegretto vivo, odoroso.

**** Ср., напр., в сонате, opus 5, часть вторую и третью или в романсе «Мечтателю» Пушкина, opus 32, № 6, паузы перед «Постигло страшное безумие любви» и перед «Но мрачная любовь».

***** Ср., напр., финал романса «Воспоминание» Пушкина, opus 32, № 2; аккомпанемент, заключительно контрапунктируя основную тему покаяния, снизу вверх, из октавы в октаву, дает сначала la beka и модулирует тем в мажор, а затем восстанавливает la bemol и возвращается к рыдающему минору; оплаканные строки жизни прощены и смыты в таинственной глубине (объективно!) именно

ной ткани. В ней *все* необходимо. Да и может ли быть иначе, если беззаконная бездна дана, а ее благодатное преобразование задано?

Однако это преобразование отнюдь не формально — ни в смысле духовном, ни в смысле чисто музыкальном. Музыкальная форма модернизма, как известно, не выдержала безбожного заигрывания с хаосом и сладострастного кокетства с инстинктом: она треснула и разложилась. Но музыкальная форма Метнера выдержала напор стихий: и сумасшедшие смерчи и мятежи бессознательного не только не разложили ее, но творчески *покорились ей*. Это объясняется (помимо его исключительного духовно-музыкального дарования) тем, что музыка его по истокам своим *целомудренна* (даже в самой страсти) и до конца *религиозна* (даже в самом мятеже): она молится — и вопрошая, и сомневаясь, и бунтуя, и отчаиваясь. И самое отчаяние ее скрывает за собою столь огненное чаяние, что только *пустые* небеса не ответили бы на него дарованием утешения; подобно тому, как сомнения Блаженного Августина и Декарта самую огненность своею были уже *действием религиозной веры и философского ведения...*

Победность музыки Метнера отнюдь не сводится к ее «формально-музыкальной» выдержанности и законченности (классическая сонатная форма, прозрачное голосоведение, пренебрежение гармоническою разнузданностью и т. д.). Правда, хаос побежден уже одним тем, что *принял* во всей своей неистовости закон прекрасного благозвучия. Но победа эта есть прежде всего и по существу своему победа *духовно-содержательная и мелодическая*.

Метнер написал доселе четырнадцать сонат*. Каждая из них, развертываясь, как всегда, в двух основных (противо-

---

потому, что для кающейся души (субъективно!) они еще не смыты (в этом и состоит сущность покаянного очищения)...

* Opus 5, соната F-mol; opus 11, № 1, соната As-dur; opus 11, № 2, соната D-mol; opus 11, № 3, соната C-dur; opus 21, соната H-mol для скрипки и рояля; opus 22, соната G-mol; opus 25, № 1, соната-сказка C-mol; opus 25, № 2, соната E-mol; opus 27, соната-баллада Fis-dur; opus 30, соната A-mol; opus 38, № 1, соната воспоминаний A-mol; opus 39, № 5, трагическая соната C-mol; opus 41, соната-вокализ

стоящих и в то же время сопринадлежащих) темах, являет живую драму (иногда — трагедию) *борьбы за светлый исход*, за цельную и радостную осанну. Обычно вся соната со всеми ее частями излагает *единую* драму и бывает несомно *единым* духом. Страдая и утверждаясь, то внемя второй теме и поддаваясь ей, то не внемя ей и преломляя ее ход, основная тема, содержащая обычно духовную проблему всей сонаты, ищет себе то видоизменение (мелодическое, ритмическое, модуляционное, гармоническое), которое должно дать ей *самоутверждение, радость и расцвет*. Она совершает свое восхождение в борьбе и усилиях; она идет к *апогею* или через духовную ассимиляцию со второй темой, или же через посредство третьей, содержащей иногда основное откровение*. Видоизменяемость этих восходящих тем совершенно исключительна; и ясно, что именно эта способность их к контрапунктическому, модуляционному и ритмическому обновлению обеспечивает им преобразование и торжество.

Метнер — певец *духовной победы и преобразования*; и вся так называемая «музыкальная форма» есть в его руках лишь *путь* естественного движения темы к ее апогею, лишь *средство* для духовного преобразования этой проблематической (мятущейся и страдающей) темы. Мастер мажора (и в частности, до мажора**, этой завершенной и царственно утверждающей тоналльности, столь ответственной и иногда страшной), Метнер знает все пути борьбы и страдания, ведущие к этому ладу, ибо, поистине, мажор, не выстраданный в миноре, есть лишь пустая тень мажора. Метнер *приемлет мир*, приемлет его со всеми его стихиями, мглами и страхами как даруемый Творцом. Его мажор рождается из глубины минора, но именно поэтому он

C-dur; opus 44, вторая соната для скрипки и рояля G-dur. Считая еще два концерта в сонатной форме и сказку C-mol, opus 8, № 2, — семнадцать.

* Ср., напр., в сонате-балладе opus 27, Fis-dur; ср. также сонату, opus 11, № 3, C-dur.

** Ср., напр., дивный по красоте и простоте домажорный финал трагической сказки, opus 9, № 2, Allegro alla serenata; ср. также особенно мироприемлющую сонату C-dur, opus 11, № 3; эпитафию, opus 113, № 2; «Заклинание» Пушкина, романс, opus 29, № 7; также особенно сказку opus 35, № 1, C-dur, Andante maestoso; «Арион» Пушкина, романс, opus 36, № 6 и другое.

подчас так до конца потрясает и освобождает душу слушателя*. Ибо радость вообще измеряется мерою предшествующего страдания, и полнота ликования добывается именно преодолением отчаяния.

Вот откуда у Метнера эти торжествующие, победные, ликующие финалы: эти *колокольные трезвоны***, эти радостные, *самозабвенные пляски*. Так празднует только прощенная и до дна преображенная стихия, и, слушая ее, чувствуешь и веришь, что осуществились величайшие обетования, что ликует как бы вся тварь, освободившаяся «от рабства тлению» (Рим. 8, 21); слышишь, как славословит тот самый голос мрака, который таил в себе мятеж и бурю... И слыша это, сам произносишь с самого дна своей души хвалу и благодарение...

Но вот преодоленный и преображенный мрак отпадает и исчезает. Начинается *чистая радость солнцу* и неописуемые в словах *прозрения в потустороннее*.

Нескончаемые гирлянды плясок одна одухотвореннее, одна упоительнее другой; так, как если бы пали или раскрылись некие от века проклятые и заваленные ворота, и из них на солнце, к голубому небу, к цветам и облакам хлынули хороводы прощенных и вдохновенно празднующих душ. Танец «грациозный», танец «празднующий», «симфонический», «цветочный», «ликующий», «благоуханный», «дифирамбический»***... О, если бы их услышал Фра Беато Анжелико, умевший лишь чинно «выступать» со своими праведниками в райских селениях!.. Если бы их слышали грустные грации Боттичелли**** или девственные жрицы Греции!.. Если бы они слышали эти *радостно и невинно танцуемые молитвы*...

* Ср., напр., мажорный финал в катастрофическом стихотворении Тютчева «Бессонница», opus 37, № 1, Es-mol.

** Ср., напр., финал сонаты, opus 5, F-mol; финал сонаты, opus 11, № 3, C-dur; финал сонаты opus 27, Fis-dur; финал «Музы» Пушкина, opus 29, № 1 и другое.

*** Ср. opus 38, № 2, Danza graziosa, A-dur; Danza festiva, D-dur; opus 40, № 1, Danza col canto D-mol; № 2, Danza simfonica G-mol; № 3, Danza fiorata D-dur; № 4, Danza giubilosa G-dur; № 5, Danza ondulata E-mol; № 6, Danza dytirambica D-dur и др.

**** Я имею в виду левую группу танцующих дев в картине «Primavera» (Флоренция, Uffizi, № 8360 по каталогу 1922 года). Зато представление о танцах Метне-

Но если настоящая радость рождается из преодоленного страдания, то истинное *прозрение* дается именно через легкое и радостное *одухотворение*. Глубокие и тонкие стихотворения Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Фета, Гёте и Эйхендорфа раскрываются в «романсах» Метнера именно как *прозрения*. Как будто редет густая завеса, отделяющая здешний мир от нездешнего, и в воспоминании о дожитой песне ангела*, и в растворенном слиянии с тихой и благоуханной беспредельностью**, и в восприятии «неизреченных глаголов» откровения***, и в экстазе любви, одолевающей грань загробного мира****, и в очевидности бессмертия души*****, и в предчувствии «нетленной славы и красоты иной жизни»*****... Невыразимое в словах, неопределимое мыслью, неуловимое даже для воображения начинает испытываться как подлинное, реальное, как данное в живом и осязательном откровении. То, перед чем бессилён язык, передается, например, непрерывной лестницей модуляций; уход мелодии в другую тональность, иногда в постепенном хроматическом повышении, даёт реальное ощущение того, что привычный план бытия истаивает, как туман, и что душа вступает в новые, высшие планы, где «чистый пламень пожирает несовершенство бытия»***** и где воистину цветет несказанное*****... О, если бы каждому из нас суждена была *такая смерть!*..

ра может дать хоровод ангелов в верхней части картины Боттичелли, именуемой «Madonna col bambino, quattro Angeli e i Santi Barnaba, Michele, Battista, Agostino, Caterina e Ignazio» (Флоренция, Uffizi, № 8361 по каталогу 1922 года).

* «Ангел» Лермонтова, романс, opus 1, № 1.

** «Сумерки» Тютчева, opus 24, № 4.

*** «Я потрясен...» Фета, романс, opus 24, № 5; ср. «Муза» Пушкина, романс, opus 29, № 1.

**** «Заклинание» Пушкина, романс, opus 29, № 7.

***** «Цветок» Пушкина и «Лишь розы увядают...» его же, романсы, opus 36, № 2 и № 3.

***** Элегия Пушкина «Люблю ваш сумрак неизвестный...», романс, opus 45, № 1.

***** Элегия Пушкина, opus 45, № 1.

***** «Лишь розы увядают...» Пушкина, opus 36, № 3.

Но пусть каждый сам слушает эту музыку. Выразить ее содержание словами — нельзя.

И вот, у того, кто услышит музыку Метнера и увидит раскрытые в ней духовные обстоятельства, постепенно сложится уверенность, что за этой музыкой живет особое *понимание искусства*, особый *способ творить* и особое *метафизическое восприятие мира*. Это не «философия» в обычном смысле этого слова, т. е. не теоретическое «учение», не «система», ни тем более отвлеченная выдумка. Но это, несомненно, тот подлинный и предметный *духовный опыт*, который необходим философу для его философии и вне которого он становится отвлеченным выдумщиком. Этот опыт необходим не только философу: *поэт* изливает его в образах и словах, *художник* в чувственных образах и красках, *герой* в волевых деяниях, *отшельник* в молитвах и созерцаниях. *Музыканту этот опыт звучит и поет*, и эти звуки и песни композитор записывает, как песни и звуки самого открывшегося ему и испытанного им Предмета. Настоящее искусство, как и настоящая философия, не выдумываются и не зависят от произвола и усмотрения автора. Они рождаются в духовном восприятии и переживании Предмета — отрешенном, самозабвенном, требующем *всей души* и нередко выпивающем ее силы до конца. *Дух человека имеет свое музыкальное восприятие, свой таинственный духовный слух, коим он слышит и веяние Творца, и вздохи его мира*. Задача его в том, чтобы *верно петь из глубины этого восприятия*. И если он это осуществляет, он сам становится тою «семиствольною цевницею», тем дивным «тростником» (Пушкин), который «оживляется» «божественным дыханием» мировой музыки...

Сто лет тому назад Шопенгауэр уловил и описал эти объективные источники музыки¹³⁰. В середине XIX века граф А. К. Толстой утверждал те же истоки в поэзии*. И вряд ли мы ошибемся, если скажем, что творческий опыт, подобный этому, вынашивает и слагает музыку Метнера. Вот откуда у

* Ср. его стихотворение «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель...»; в письмах его к жене эта идея развита прозаически.

слушателя это ощущение «объективного присутствия» в его музыке: она дает самое реальность и насыщает Предметом все наличное поле художественного восприятия.

За те пятнадцать лет, в течение которых я слушаю и изучаю музыку Метнера, мне не раз приходилось слышать и читать, как рассудочники и теоретические разлагатели музыки изумлялись зрелой *форме* его произведений: слушая внешним ухом и анализирующею мыслью, они останавливались перед «стройностью» и музыкальной «закономерностью» его сочинений, не понимая, что художественно совершенная «форма» может быть осуществлена только цельным, живым и *творчески могучим содержанием*. Ибо в действительности, на самом деле — никакой отдельной и самостоятельной музыкальной «формы» *нет*, а есть лишь *тема* и органически-естественное развитие того *духовного заряда*, который в ней живет. Так обстоит в *музыке*, но так же обстоит и в *поэзии*, и во *всяком искусстве*. Надо, чтобы было *что* сказать и чтобы это «что» — было *от Бога*. И не потому ли на свете так много выдумывающих и завистливых «Сальери» и так немного вдохновенно творящих «Моцартов», что большинству авторов *духовно нечего сказать?*

За творчеством Метнера живет и дышит не только душа большого русского национального художника, за ним живет еще *особый способ музыкального и художественного созерцания и творчества*, который может и должен *создать школу*. И эта школа, это течение будут, поистине, призваны к тому, чтобы очистить и оздоровить атмосферу музыкального модернизма.

1928. X. 4—16.

И.А. ИЛЬИН

Menaggio

«ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН»

(Пословица)

«Один в поле и тот — воин».

*Девиз Виленского
военного училища*

I

Мысль давно уже не новая, но все еще звучащая для многих кошунством: русские пословицы отразили в себе не только мудрость, но и лукавство, не только достоинства, но и пороки нашего народа.

Но, вправду, сделайте нравственную оценку таких пословиц, как: «с волками жить — по-волчьи выть», «рыба ищет, где глубже, человек, где лучше», «нужда стыда не знает», «пропадай моя и честь, как нечего будет есть», «грех воровать, да нельзя миновать», «не пойман — не вор», «не обманешь — не продашь», «своя рубаха ближе к телу», «дело не медведь — в лес не уйдет», «кончил дело — гуляй смело» и т. д. Не ясны ли в них лукавые, скверные мысли, не являются ли они оправданиями зла и не слышны ли в них подчас идеи безволия, непротивленства, понурого и безнадёжного отказа от самосовершенствования, — вместо волевых идей, которые должна бы внушать народная мудрость?..

И не вернее ли этих пословиц часто созвучные им, но противоречащие им истины, которые в ответ на дурные советы сами собою напрашиваются: «среди волков будь человеком», «к высокому и светлому знай верный путь», «идеал недостижим, но есть к нему дорога», «коли нечего есть — береги свою честь», «дело, что медведь — так к лесу и тянет», «кончил дело — за новое смело» и так дальше и так дальше?..

Но есть среди таких лукавых пословиц одна, которая опаснее многих других, как оправдывающая самое страшное зло — безволие, как открывающая дорогу ужасному и безнадёжному: «с волками жить — по-волчьи выть», как *соблазняющая* своею ложью и смиренностью к отказу от подвига и

воли — во всем: и в испытаниях личного геройства, и в проявлениях гражданского мужества, и в деяниях государственного и общечеловеческого значения. Та пословица: «один в поле — не воин».

Разве не соблазнительно оправдать при случае этой пословицей свой отказ от жертвы душой «за други своя» или свой позорный «вой по-волчьи»? И разве не соблазнительно, завистливо или враждебно, развенчивать всякое геройство и подкреплять «народной мудростью» доказательства бессилия, бесправия и даже неестественности одиноких воинов в поле — вождей, противопоставляя им силу, право и естественность «самодвижущихся» обществ, не знающих иных воинов, кроме ими самими выдвигаемых для выполнения «созревших» в обществе идей?

И разве, наконец, не соблазнительно даже и для самого, и самого настоящего, одинокого воина в поле, — в минуту прославления за совершенное дело ответить, во имя скромности: «один в поле — не воин» и тем напомнить о своих сотрудниках, хотя бы и о тех, которые заведомо вставляли палки в колеса во время работы или которых надо было гнать палками в дело?

В ответ на все эти соблазны оправдывающей зло пословицы безволия — должна звучать непреклонной волевой идеей созвучная и противоречащая ей, достойная прописей истина: «один в поле — и тот воин».

Не будем беспощадны к памятнику «народной мудрости» и не будем глухи к оправданиям. — Пусть будет сказано, что эта пословица дана для указания линии поведения лишь самым заурядным труженикам, а не как пропись для народных вождей, и что для вождей припасены другие слова. — Пусть она даже хороша, когда звучит призывом к общей работе и к помощи вождям, или становится основой товарищества. — Она даже относительно верна, красива, но и бесконечно скорбна и печальна, если слышна иногда как крик отчаяния в лебединой песне не достигшего цели героя. Но все же она есть полномерно злая ложь, когда ею прикрывается отказ от

простейшего и страшнейшего личного подвига, требующего готовности «положить душу за други своя...».

На глазах охваченной состраданием и скованной страхом перед необходимым подвигом толпы человек бросается с моста в ледоход и либо спасает несущегося на льдине ребенка, либо с ним погибает.

Кто из бывших только что в оковах идеи безволия («один в поле — не воин») не сознает ее лживости; кто решится громко произнести пословицу независимо от достижения цели свершившимся подвигом? Кто бросит вслед утопающему или навстречу выплывающему: «один в поле — не воин»!

Да цена подвига и не зависит — ни от гибели или случайного спасения души героя, ни от достижения или не достижения им жертвенной цели: одинокий в поле воин и *погибая остается воином*, как перестает быть воином — раньше своего опасения или даже случайной гибели тот, кто поддается идее безволия. И даже самая безнадежность достижения успеха или победы одиноким подвигом не может остановить «одинокого воина в поле», его одинокого шествия путями победы к красоте, добродетели и правде. Иначе — мы не знали бы иных героев личного подвига, кроме случайно сохранившихся в «кем-то» воодушевленной и двинутой на подвиг толпе. Не знали бы мы таких «одиноких воинов в поле», как Георгий Победоносец, вышедший на бой с драконом; или как Тезей, отправившийся уничтожить Минотавра; или таких, как наш Архип Осипов (1840 г.) или серб Стеван *Синджелич* (1809 г.), принесших себя в жертву при взрыве пороховых погребов для общей гибели во славу своего окружения; или как поднятый на штыки майор *Горталов*, давший Скобелеву слово не уйти из редута. Не знали бы и ни одного из тех бесчисленных личных подвигов, которые свершаются повсюду на войне во исполнение долга присяги, везде и всюду требующей от воина «претерпения до конца», — и там, где все пали духом, и там, где все покорились идее безволия («один в поле — не воин»), и там, где все погибли, — обещая только за эту степень геройства — «спасение».

И еще большая ложь и зловерность сокрыта, быть может, в безвольной пословице «один в поле — не воин», когда она оправдывает участие в *гражданских* грехах, прикрываемых пословицей «с волками жить — по-волчьи выть»: участие в нечестности, во взяточничестве, покровительстве близким не по их заслугам, в мотовстве, разврате, клеветничестве, — во всех пороках общественной жизни...

«Он вечный обличитель лжи, запрятавшейся в пословицу: «один в поле — не воин», — говорит Гончаров о Чацком в своем очерке «Милльон терзаний», и видит в Чацком не представителя «лишних людей», а «искренного и горячего деятеля» — одинокого передового воина в поле, «застрельщика» и неизбежную жертву. По Гончарову, «Чацкий неизбежен при каждой смене одного века другим» и «начинает новый век». Увы, Гончаров близок к истине, если намекает этими словами на появление таких одиноких воинов чуть ли не «раз в столетие»; и он только не досказывает, что носителями «лжи» являются *Фамусовы* и *Молчалины*, наполняющие общественность в течение столетий.

Чацкий ничего не сделал и бежал от «волков», унося с собою лишь «миллион терзаний», но он остался одиноким «пылким и отважным» бойцом, отвергнувшим соблазнительное покровительство пословицы безвольных; он не изменил перед «волками» своей волевой идее.

Чацкий — частный случай, его миссия была лишь выйти одиноким воином в борьбе с царившими в Москве пороками Екатерининского века. Но кто бы в какие века ни выступил, с какою бы то ни было общественной миссией, — он не может быть миссионером и идти с девизом: «один в поле — не воин». Девиз всякого миссионерства: «один в поле — и тот воин», при полном сознании, что за служение этому девизу неизбежна расплата тем или иным «миллионом терзаний».

Тема еще не исчерпана, она шире, чем это может казаться.

Противопоставление пословицы и девиза неизбежно вызывает — и в раздумьи, и тем более в споре, между сторон-

никами той или другой из двух идей, — противопоставление значения общества значению личности и приближает к теме одного из основных современных споров, в которых люди ищут опоры в освещении исторических фактов для указания верных путей государственности.

Личность ведет Общество или Общество создает Личность, выполняющую его волю?

Личность или Народ направляет и творит историю?

Имеет Личность значение в истории и в жизни Общества или нет? Какова роль и значение отдельной Личности в жизни человечества? Может ли Личность быть Одиноким Борцом в жизни?

Может ли Одинокий быть Воином в поле?

Или правда, что Один в поле не воин?

А дальше, — указание тех или иных «верных» путей: кому же править и кто может править?

Сторонники идеи *пословицы* разрешают все эти вопросы одним ответом: *Великий человек только выражает идеи, зарожжденные Обществом*. Отсюда всё. Отсюда Гений — «назревшая» производная данного Общества и эпохи; отсюда — Великие становились Великими лишь тогда, когда народы бывали «готовы» к их восприятию; отсюда — объяснения *подвигов* и *деяний* подготовленностью событий, самодвижением масс, увлекающих Личность, а если угодно, то и случайностями и счастьем или несчастьем; отсюда же — обратное: Личность — ничто, один в поле не воин!

Но есть и возражения.

Нет, Гений не есть производная ни своего Общества, ни своей эпохи; Гений *опережает* век и *дарует* современникам и потомкам новые идеи и потому он так часто и погибает под ударами современников, и прославляется не ими, а потомками и иноплеменниками в юбилейные сроки поминок его рождения или смерти. — В чем же он был бы Гением-Создателем новой эпохи в той или иной сфере жизни, — если б он лишь выявлял «назревшие» идеи, а не поворачивал жизнь вопреки и наперекор идеям Общества и времени?

Нет, Гений не прикован к эпохе, и Человек-Гений каждого века был бы Гением и в минувших и в грядущих веках; но только в иных достижениях!

Если бы Великие свершали свои подвиги и деяния только тогда, когда Народы «были готовы» к их восприятию, — их пути были бы всегда усыпаны розами. Или, может быть, виноваты сами Гении, сожженные на кострах и на Крестах распятые, в том, что они преждевременно произвели на свет идеи, которые еще не дозрели в Обществе? Но не абсурдны ли такие предпосылки? Так можно договориться до того, что каждый, кто погиб за идею, — за то и погиб, что шел против основной «здравой» мысли общественности: «один в поле — не воин»

Нет, и не инстинкты, и не разум масс, и не случайности, и не счастье или несчастье решали судьбы народов, а те немногие, — то избранники, то самозванцы, — которые водят массы за собой. — «Сегодня счастье, завтра счастье... надо же когда-нибудь и умение», — говорил гениальный Суворов. Неужели же и те Личности, перед непостижимостью, величием и превосходством коих человечество падало ниц, находя одно объяснение их Существа в их божественности, — неужели и те Личности были порождением Общества и не были одинокими Воинами в Поле?!

Нет, жизнь творят не коллективы, а Творцы, — те, кто восходят и над толпами, мятущимися или прозябающими с воплем «один в поле — не воин», и над бесталанными или боящимися силы и света соблазнительями Общества скверными идеями.

Великий Петр был «подготовлен»?! Его реформы «назрели»? Он выявил лишь «скрытые» идеи Общества?.. А стрельцы, а сторонники двора Евдокии, а сын? — Да где же тогда «розы» на его путях? И кто тогда, да и зачем же «Россию вздернул на дыбы» и «бросил ей вызов», на который она «ответила Пушкиным»?

Ибо, если все было приурочено к эпохе Петра, — то Великим стал бы и брат его Иоанн, если бы ему было суждено

остаться на престоле? И сын его Алексей ничего не изменил, если бы не его, а отца «извели» в 1718 году?

Кутузов в двенадцатом году, как и Наполеон, лишь «воображал», что водит армии, перемещаясь с ними не то по воле «рока», не то по собственным «интуициям народных масс»?..

Но не был ли он парадоксально Одиноким Воином на Бородинском поле, зная еще там, что нельзя не почитать «Старушку» боем, и не зная, что всерьез, на жизнь и на смерть драться нельзя и что Москву наперекор Обществу надо оставить для гибели Наполеона!?

Галилей, Колумб, Ян Гус, Жанна д'Арк... Это они-то не одинокие Воины в Поле?

Кем был Христос в пустыне? Где розы на Его путях?

И не думал ли про себя тот, кто насмешливо диктовал, или тот, кто послушно выписывал четыре буквы над Распятием, что «один в поле — не воин»?..

Спустимся к обыденному. Для нас вопрос, вытекающий из сопоставления *пословицы* и *девиза*, сводится к вопросу личной совести: идти ли за толпой, вопреки голосу совести и правды, или, хотя бы и одиноко, и не розами, а терниями, идти туда, куда зовет голос совести и правды?

«Один в поле — и тот воин» — *девиз* совершенствования, смелости, самостоятельности, воли, веры, прямоты и правды!

«Один в поле — не воин» — *пословица* оправдания общего греха, общей бездеятельности, стадности, боязни жизни, пословица укрывательства от страшной правды и убаюкивания совести.

Безвольные или страшащиеся чужой воли — против *девиза*. Он страшен и тем, которые хотят сами безответственно и тайно править Обществом, опасаясь воли и силы Личности. Напрасно! — *Истинная Личность выступит в свое время и сделает то, что ей дано: поведет за собою Общество.*

Каждое волевое объединение должно быть составляемо из людей, исповедующих девиз «один в поле — и тот воин», хотя бы даже и само объединение ставило своею основой Товарищеский призыв: «один в поле — не воин», ибо только таким

подбором обеспечивается действие до конца, до гибели последнего борца; а значит и до действительной и полной потери надежды на успех. — До израсходования последней силы ни один борец, даже и оставшийся одиноким, не имеет права на выход из строя, ибо торжество врага над преклонившимся знаменщиком полнее, нежели над павшим. Зная, не оскверненное сдачей, может еще взять над новыми бойцами и воодушевить их на возобновление борьбы; сдача же знамени, хотя бы и последним воином, губит идею.

Каждая Белая армия — соединение одиноких воинов в поле.

Каждая эмиграция, по природе своей, — соединение одиноких воинов в поле.

Наше зарубежное горе в том, что среди нас имеется примесь доли вечных «беженцев», бессознательно исповедующих идею «один в поле — не воин»; и еще примесь людей, *сознательно* отравляющих этой идеей наши ряды.

Будем отстаивать волевую идею девиза: «один в поле — и тот воин»!

15 (28) октября 1928 г.
С. Товарник

Б.В. АДАМОВИЧ ¹³¹

ИДЕЯ ПАПЫ В КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

(Отрывок из лекций о католичестве)

Как далеки мы еще, к сожалению, от объединения с католиками во многом важном и существенном в строе жизни церковной... Наряду с проявлениями горения духовного в свя-
тых, наряду со многими проявлениями высоко-церковного, истинно-вселенского благочестия и в массе верующих, — какой, однако, в католичестве нередко материалистически-внешний подход к глубинам, к самому существу жизни церковной! И это не только на практике, на практике все мы грешим; но — *в принципах*, в самых *основах* римско-католической офи-

циальной доктрины. Ибо многие из этих основ католической официальной доктрины носят на себе печать *законнического* восприятия благодати и самой сущности церкви.

С особой силой раскрывается это в католическом учении о *папской власти*, этом основоположном камне всего здания римско-католического богословствования, этом *центральной догмате Рима*, который отчетливо и определенно отделяет Рим от Православного вероучения.

Особое ударение, особый пафос вкладывается римскими богословами в это учение о папской власти. Ибо, повторяю, это — *фундамент* всей римской системы, как таковой; это — учение о *видимом главе церкви*, о «заместителе» или «наместнике» Христа (Vicarius Christi), практически нередко заслоняющем Невидимого Главу — Христа; учение, противоречащее самым основам апостольского учения о жизни церковной и о церковном познании...

Согласно апостолу Павлу, познание истины дается *братям*, «укорененным в любви» «вместе со всеми святыми» («дабы вы, укорененные и утвержденные в любви, вместе со всеми святыми, могли постигнуть...» Еф. 3, 18–19). Согласно ватиканскому догмату познание истины дается *Папе самостоятельно*, вне связи с Церковью, «из самого себя, но не из согласия Церкви» (ex sese et non autem ex consensu Ecclesiae). Монархизм юридический, земной монархизм Рима заменил учение о Церкви, как о благодатном Телес Христове под единым невидимым Главою Христом. Психологическая причина этого вскрыта со всею определенностью Хомяковым; причина эта: рационалистическое маловерие (или малодушие), стремящееся невидимого Главу Христа заменить видимым его наместником. Бремя свободы Христовой, участие в соборной жизни Церкви всею полнотою личности нашей — оказалось не под силу римскому католицизму, и он возложил все бремя ответственности на одного Папу. Папа заменил все тело церковное в конечном познании истины; критерием истины стал не Дух Святой, живущий в Церкви, а голос епископа, восседающего на римской кафедре. Тем самым *познание истины сде-*

лалось актом внешним для верующих: они должны принимать то, что за них решает официальный возглавитель Церкви в Риме, — незыблемый, непогрешимый, не связанный в своей непогрешимости с Церковью (*ex sese!*), а потому и внешний авторитет.

Вся Церковь, таким образом, резюмируется, концентрируется в Папе; поэтому для римского католика он — единый источник всей епископской власти на земле, он — «*episcopus universalis*».

По католическому воззрению, он — не первый среди равных ему по благодати братьев-епископов, нет: он — источник епископского служения; епископы — лишь делегаты, лишь уполномоченные, лишь представители Папы. А раз так, то папская теория лишает принципиального обоснования и внутреннего содержания и епископат, и самую Церковь, превращая Церковь из *живого, Духом Божиим руководимого, братского организма* — в *собрание безгласных подданных, в юридически, а не мистически-жизненно обоснованное целое, в депотически управляемое церковное государство*.

Церковь становится церковным государством — вот подходящая адекватная формула, раскрывающая внутренний смысл римского учения*. Недаром из уст одного просвещенного германского католика мне пришлось слышать следующие слова по поводу изложенного ему мною православного учения о Церкви: «у вас учение о Церкви — мистическое, а у нас, — тут он приостановился на одно мгновение, — юридическое...»

Не соответствуют ли, адекватны ли грубо законнические, человеческие представления *тайнам Божиим*, совершающимся в Церкви? Это юридическое представление о Церкви не соответствует ни опыту жизни церковной, ни учению

---

* Поэтому римские богословы и говорят о «монархии Петра» (напр. Беллармин: «*probator Petri monarchia ex loco Evangelii*» Mt. 16) и склонны рассматривать жизнь Церкви с точки зрения земного государства и в категориях земного государства, напр., тот же Беллармин, этот столь авторитетный в католичестве и столь показательный для римской точки зрения ученый богослов и теоретик Церкви. См. его «*Disputationes de controversiis christianae fidei*». 1586—1593. Tomus II. Controversia I. lib. III. De ecclesia militante. P. 2.

апостольскому, ни преданию отцов. Совсем другие тона звучат, например, из Послания апостола Павла к Ефесянам и из толкования к нему Златоуста. Тело Церкви «созидает само себя в любви» «при действии в свою меру каждого члена» (ср. Еф. 4, 16). И далее говорит апостол: «Бог все покорил под ноги Его» (Христа) «и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1, 22–23). Церковь есть *Полнота* Его, Наполняющего все, т. е. полнота Главы всего, Христа. Другими словами: в безмерном снисхождении Своей любви Он сделал так, что мы, члены Тела Его, — Ему, самодовлеющему Ему, Владыке и Господу, не имеющему ни в чем нужды или потребности, но все наполняющему Собою, *становимся нужны* для полноты Тела Его, которое есть Церковь. «Таким образом, — заключает Златоуст, — только тогда достигает глава совершенной полноты, только тогда получится совершенное в полноте Тело, когда мы все будем объединены и теснейшим образом связаны друг с другом» (Слово Третье, на Послание к Ефесянам). Итак, все мы, члены Тела Христова, призваны к живому, органическому участию в жизни Церкви, дабы, держась единого Главы — Христа, «все тело, составами и связями, будучи соединяемо и скрепляемо», росло «возрастом Божиим» (Кол. 2, 19).

Вот это — церковное учение! Впрочем, учение о Церкви, как о великом организме, как о мистическом Теле Христовом, не умерло всецело, — как ни противоречит оно монополизации со стороны Папы жизненных функций Церкви, — и в католицизме. Фактически и для римского католика жизнь Церкви есть все-таки в значительной степени жизнь органическая, несмотря на все притязания курии, на весь внешний юридикзм. Ибо участие в таинствах и в жизни молитвенного общения не есть ли тем самым участие в великой органической жизни? Но в сознании это было затемнено. Впрочем, теперь, в последнее время, идея *Церкви — великого организма*, с особой силой пробуждается в католических душах, преимущественно в Германии, особенно в кругах, близких к бенедиктинскому ордену, а также в руководимой ими верующей

молодежи. «Церковь как зачаток обожения мира»* — так озаглавливает Ханс Андрэ свою замечательную книжку о Церкви как о великом организме, растущем и имеющем объять всю тварь, весь космос. Романо Гвардини, католический философ, профессор Берлинского университета** и руководитель католического юношеского движения***, пишет горящую и зажигающую духовным огнем книжку «О смысле Церкви»****. В ней мы читаем такие слова: «я постольку являюсь христианскою личностью, поскольку я — член Церкви, и поскольку *Церковь жива во мне******. Когда я обращаюсь к ней, то я в некоем, особенно глубоком смысле говорю не «ты», но «я». Если я понял это, то Церковь для меня уже не духовная полиция, а кровь от крови моей, полнота, из которой я живу» (стр. 33). Невольно вспоминаются слова Хомякова о том, что Церковь не авторитет, «как не авторитет Бог», не авторитет Христос, ибо авторитет есть нечто для нас *внешнее*. Не авторитет, говорю я, а истина, и в то же время — *жизнь христианина*, внутренняя жизнь его; ибо Бог, Христос, Церковь — живут в нем жизнью более действительною, чем сердце, бьющееся в груди его, или кровь, текущая в его жилах*****.

Первая глава у Гвардини называется: «Пробуждение Церкви в душах». Мистическая сущность Церкви, как живого великого Тела Христова, противопоставляется чисто внешнему, юридическому о ней представлению, которое, по признанию Гвардини, возобладало, было в течение последних столетий под влиянием «духа рационализма». «Церковь представлялась прежде всего религиозно-утилитарным и правовым учрежде-

* Hans Andre. «Die Kirche als Keimzelle der Weltvergottlichung». 1921.

** Временно приглашенный — «Gastprofessor für katolische Weltanschauung».

*** «Katolische Jugendbewegung».

**** Romano Guardini. «Vom Sinn der Kirche». 1922.

***** Курсив мой. — *Н. А.*

***** Впрочем, признание того, что Церковь есть все-таки авторитет (папская власть), и следовательно некоторый внешний, юридический подход к Церкви сохраняется и у Гвардини. Надо отметить также, что еще сто лет тому назад знаменитый католический богослов Мёлер (Möhlér) писал в своей книге о «Единстве Церкви» вдохновенные слова о Церкви как о великом организме, живущем жизнью Духа Божия. Это было в 1825 году; но тогда, до Ватиканского Собора, это было легче.

нием. Ее мистическая сущность, все то, что стоит в глубине, за осязаемыми целями и установлениями, что выражается в понятии Царства Божия, мистического Тела Христова, не ощущалось непосредственно^{*}. А в другой книжке своей «Liturgische Bildung» (1923) тот же Гвардини пишет: «со времен Тридентского собора, вместо более древнего представления о Церкви, как о мистическом организме («corpus mysticum») — все более стало выступать на первый план церковно-юридическое представление об организованном обществе...».

«Конечно, и в нем есть правда, но он затрагивает лишь самую *внешность* церковной полноты бытия. К тому же оно обладает меньшей религиозной плодотворностью... Оно не дает пробиться, как следует, глубочайшим источникам религиозной жизни. Покуда это внешнее представление о Церкви преобладает, до тех пор в сознании церковном отсутствует то жизненное начало, которое веет в духе литургии. Но есть признаки, что эти временно отесненные на второй план элементы церковного сознания пробуждаются^{**} и что вместе с ними пробуждается органическое чувство жизни, присущее им. На это указывает все направление нашего времени, устремленное к живому и органическому. И великое предвозвещают такие книги, как книга Андрэ... Сам Гвардини и сподвижники его по религиозному обновлению германского католицизма из глубин церковной традиции, а особенно из богатств церковной литургии («литургическое движение»!), — аббат бенедиктинского монастыря Мариа Лаах д-р Ильдефонс Хервеген, а также весь круг лиц, связанных с Мариа Лаах: патер Томас Михельс, патер Атанасиус Винтерзиг, профессор Хер-

^{*} Стр. 5.

^{**} Ср., например, замечательные места в книге католического богослова Роберта Гроше (1926): (Robert Grosche, Universitätsprediger in Köln. «Der Kolosser brief in Homilien erklärt». 1926): «В течение долгого времени у нас было утрачено видение внутренней церковной сущности. У нас отсутствовала предпосылка для такого мышления. Язык св. Павла замер и превратился в почти мертвые формулы; под ними мало что подразумевали. У нас вообще почти уже отмер «óрган для общественности» (по смыслу: соборности)... «И вот начало общения снова открылось нам. Мы увидели Церковь»... «Ныне мы снова видим Церковь, как зримое Тело Христово»... «Христос есть Глава, а мы Его члены». Стр. 20—21.

ман Плац, д-р Гетцени, монахи Бейронские (также бенедиктинцы) и многие другие* — свидетельствуют о том, что католическая Церковь есть *организм*, и что она стремится в их лице осознать себя, прежде всего, как таковую. Но вместе с тем сами они свидетельствуют и подчеркивают, что *надо раскрывать католикам глаза на то, что Церковь есть организм*; что сухое юридическое представление о Церкви затемнило в умах восприятие ее, как живого мистического целого.

И более того: сами они непоследовательны в своей точке зрения и сохраняют идею *папского решающего авторитета*, несовместимую с восприятием Церкви как организма. Так, например, книга профессора Адама «Сущность католицизма»**, весьма замечательная, говорит с высоким подъемом и благочестием о Церкви как о живом организме; и тут же (как, впрочем, и Гвардини) отстаивает непогрешимый авторитет Папы: ему Адам приписывает, в согласии с римским учением, центральное значение в Церкви, т. е. авторитет, который «относится» к этой органической жизни, вырастает из нее. Допустим на миг, что это так: но каким же образом он может решать тогда «из самого себя, но не из согласия Церкви», согласно ватиканской формуле? Это — типичная католическая ошибка, зиждущаяся на внутреннем противоречии и вытекающая из стремления примирить непримиримое: *органическое учение о Церкви и власть Папы, не зависящую от согласия Церкви****.

В богословских беседах с католиками мы можем и должны апеллировать к этому затемненному у них, но не отрицаемому ими вполне, учению о Церкви, как о мистическом Теле Христове. На эту общую с католиками почву следует нам

* Ildefons Herwegen, pater Tomas Michels, pater Athanasius Wintersig, prof. Hermann Platz, doctor Getzeny.

** Prof. Adam. «Da Wesen des Katholizismus». 1925.

*** Ср., например, еще рассуждения в старой книжке вюрцбургского профессора Хеттингера «Die kirchliche Vollgewalt des apostolischen Stuhles», 1887. И здесь попытка говорить о непогрешимости Тела Церкви ведет к подмене этой непогрешимости — «непогрешимостью единовластного и полновластного Главы — Папы». См. стр. 125.

становиться, чтобы показать им, что их учение о непогрешимости папской власти и папских функций в Церкви — противоречит *общецерковному, апостольскому*, а потому, как мы видели, фактически нередко и *их собственному учению* о Церкви. Учение ап. Павла о Церкви — казалось бы, общая для нас с католиками предпосылка; более того, оно в самом деле есть для некоторых католиков глубоко ощущаемая и горячо исповедуемая истина, как и для нашей Церкви. Но в своей дальнейшей системе римский католицизм *не остается верен* этому, своему собственному и общему с нами, обоснованию жизни церковной.

Отклонение от этого русла древнецерковного восприятия Церкви как единого живого организма, где истина раскрывается Духом Божиим, братьям, укорененным в жизни любви и в жизни Духа, под единым невидимым Главою, Христом, отклонение от этого исконного непреложного *мистического* учения Церкви о собственной своей сущности — облегчается для римского католицизма тем, что *сам Папа*, сама папская *власть* воспринимается им (в ущерб истинному, основному восприятию ее) — *мистически*. То, что принадлежит Церкви — берется у нее и этим украшается Папа: (ex sese et non autem ex consensu Ecclesiae). Более того: *то, что принадлежит Христу, переносится на Папу*. Этим и объясняются те восторженные, возвышенные характеристики папской власти, которые мы встречаем у римских католиков.

Так, один из видных французских католических прелатов-богословов, монсеньор Прюнель, пишет про Папу в своем курсе о религии: «Папа, единственное в мире существо, которому воздают почти божеские почести»; и еще несколько дальше: «блистание его сверхчеловеческого величия...»*. «С каждым папою Христос пребывает вполне и совершенно в таинстве и в авторитете», — учит уже Фома Аквинский. В Папе продолжается Боговоплощение или соединение Божества с человечеством, занимающее середину между соединением ипостасным и нравственным, — так учит, например, Дирин-

* Monseigneur Prunel. Cours supérieur de religion.

гер, католический богослов послеватиканского периода*. Сам Христос поставил его за Себя; потому к нему надо относиться так, как относились бы к Самому Христу, если бы он остался на земле, — провозглашает католическая римская газета Чивильта (Civiltà)**. Полна восторженных восхвалений религиозно-мистического величия папской власти, например, книжка известного французского католического писателя Каррера***. Но особенно типично пастырское послание, обращенное, после избрания Папы Пия XI (1922), к духовенству своей епархии одним из самых святых и замечательных представителей современного католичества, недавно скончавшимся приматом Бельгии кардиналом Мерсье. Кардинал Мерсье был великий праведник и великий светоч христианского мира, соединявший высокую просветленность и мудрость духовную с горячей любовью христианской, изливавшейся и на ближних, и на дальних, высокий молитвенник и истинный, всем подвигом жизни своей, ученик Христов. Поэтому особенно показательны в устах такого святого человека следующие слова его пастырского послания, в которых он описывает чувства трехсот миллионов католиков по поводу избрания нового Папы:

«В глубинах своей совести и в полноте личной своей свободы они принесли ему в полный дар веру свою и подчинение своего интеллекта и своей воли, и сыновнюю любовь, готовые скорее, если надо будет, претерпеть смерть, чем нарушить — я не говорю, одно из его приказаний, но даже малейшее из желаний его». И далее он говорит о римско-католическом духовенстве: «Епископы и священники все верят и склоняют головы свои, и повинуются, не ожидая приказа со стороны, заранее подписываясь под программой, содержание которой они даже не хотят знать: так велико их убеждение, что новый глава будет верным последователем своих царственных предшественников, что в вопросах веры и христианской нрав-

* Последние две цитаты заимствую у А. Лебедева «О главенстве Папы». СПб., 1887. Стр. 47—48.

** См.: Janus. «Der Papst und das Consil». Стр. 43.

*** Carrère. Le Pape. 1925. Книга написана, впрочем, не без риторизма.

ственности он не только не будет ошибаться, но и не может ошибаться»*.

Это обращение кардинала Мерсье к подведомственному ему духовенству только верно передает мистическое ощущение благоговейной веры и благоговейного подчинения, возбуждаемое в римском католике Римским Папой. Римский Папа, и его власть, и его «непогрешимый авторитет» — составляют предмет *мистической веры* со стороны католиков. Церковь воспринимается ими не только в неразрывной связи с Папой, но и *через Папу*.

Итак, это не «только» честолюбие и славолубие со стороны пап и их присных, или дух раболепства со стороны верующих: то есть некое *мистическое* приписывание Папе свойств всей Церкви; это есть глубоко-искреннее, глубоко-благоговейное отношение к папской власти, исполненное у верующих католиков самых трогательных и горячих тонов, но вместе с тем это есть со стороны папской власти (хотя бы и не сознательная для участвующих в ней) *религиозная и мистическая узурпация*. Папа нередко получает от верующих, и принимает, и — мало того — приписывает себе то, что не принадлежало бы ему даже, как и наместнику Христа, если бы даже и был таковой, но что принадлежит лишь самому Богу и Господу. Но нужен ли «наместник» Христу, сказавшему: «вот Я с вами во все дни до скончания века»?

«Как Христу по воскресении дана власть на небеси и на земли, так и Папе безусловно принадлежит власть светская и духовная», — пишет папа Иннокентий III в булле «Novit». Знаменитый католический богослов XVI века кардинал Беллармин пишет про папу: «Папа в прямом и абсолютном смысле слова выше вселенской Церкви»**. И из этого принципа выводится следующее нечестивое суждение, оскорбительное

* Цитирую по английскому переводу, приведенному в статье д-ра Белла (dr. Bell, Denn of Canterbury) «The Malines conversations» в журнале «The Church Quarterly Review». April, 1928.

** См.: «Disputationes de controversiis christianae fidei», 1586—1693. II tomus. Controversia I, liber II, caput. 17: «Summus potifex simpliciter et absolute est Supra ecclesiam universam».

для нравственного чувства и несовместимое с достоинством и свободой христианина: «Если бы даже Папа впал в заблуждение, предписывая пороки и запрещая добродетели, то церковь все же была бы обязана верить, что пороки — добро, а что добродетели — зло, если бы она не захотела погрешить против своей совести. Ибо церковь обязана в сомнительных вещах соглашаться с судом высшего иерарха (папы) и делать то, что он предписывает, и не делать того, что он запрещает. И чтобы случайно не поступить против совести, она обязана считать за добро то, что он приказывает, и за зло то, что он запрещает»*.

Это есть отказ от христианской свободы, отказ от личной ответственности перед лицом Бога. Но Господь охраняет нашу нравственную свободу и высоко дорожит ею. Здесь римская доктрина (Беллармин всегда был и до сих пор является особенно авторитетным и компетентным излагателем римской доктрины) требует от верующего того, что идет вразрез с духом Евангелия. «Вы куплены дорогою ценою, — писал ап. Павел христианам, — не делайтесь рабами человеков». А здесь как раз — христиане, Церковь делаются рабами. Это — *дух рабства*. Недаром кардинал Казтан осмелился произнести кощунственное слово, в котором, однако, как в увеличительном стекле, ярко выступили некоторые несомненные тенденции римского католицизма: «Церковь есть рабыня Папы»...

Отсюда, при постоянных ссылках на церковную традицию — *фактическое презрение* к ней, произвольная однобокая выборка из нее того, что удобно, того, что годится для защиты папских притязаний. Ибо Папа — выше Церкви, выше традиции, выше Отцов! Епископ Корнелий Муссо хорошо выразил это мирозерцание в проповеди, произнесенной им в Риме в конце XVI века**: «что говорит Папа, то мы должны принимать, как если бы это говорил сам Бог. В делах божественных мы считаем его Богом; и в таинствах веры я поверил

* Там же. Tomus I. Controversia III: De summon pontifice. Liber IV, caput. 5.

** Приведено у Döllinger: «Das Papsthum» (bearbeitet von Friedrich), 1892, s. 212.

бы одному Папе более, чем тысячам Августинов, Иеронимов, Григориев...»

Всем сердцем нужно нам желать, чтобы это искажение учения о Церкви было преодолено истинно вселенским, истинно католическим сознанием дремлющим, но все же не умершим в католичестве... Трудно сейчас еще надеяться на это, но невозможное человекам возможно Богу.

Н.С. АРСЕНЬЕВ

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ВООРУЖЕННОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ БЕЛЫХ

II

Гораздо ближе можно подойти к этим основным причинам, остановившись на изучении *тыла* белых, к чему я и перейду.

Достаточно только одного беглого взгляда, чтобы бросилось в глаза то, неблагоприятное для белых, обстоятельство, что если у красных тылом, районом снабжения, неисчерпаемым источником людского резерва, столь необходимого на войне, была *вся Россия*, — то тыл белых почти неизбежно свешивался в море, только временами во время успехов белых отходя от него. Таким образом, белым до самого конца приходилось добывать свои пополнения, как когда-то первым добровольцам свои первые патроны и снаряды, — отбивая их у противника.

Следовало бы подробно остановиться на устройстве тыла белых, так как, быть может, это привело бы ближе к цели моего исследования. По мере возможности я и постараюсь это сделать.

Если красные для урегулирования своего тыла прибегали к очень простому, но действительному средству, то есть к террору, к пулемету, которые всегда и на всякий тыл действовали отрезвляюще, то белые должны были применять иные

меры, более подходящие к той закономерности, которую они неизбежно несли с собою. У белых были губернаторы; между ними были и плохие и хорошие; но не было стражников, то есть верхи тыловой администрации просто лишены были исполнителей, ибо все то немногое, что было в распоряжении белых вождей по части людского материала, конечно, в первую голову поглощалось боевой линией... И, как следствие, получалось — что при полном произволе в тылу красных там царил относительный порядок, а при полной законности в тылу белых — тыл их был, безусловно, далек от порядка...

Я не могу останавливаться на подробном рассмотрении всего того, что делалось в белом тылу — я не могу перечислять все меры по аграрному вопросу, финансовому и иным законодательствам; каждый из участников вооруженной борьбы белых может по своей специальности дать немало материала для разработки этих вопросов; я лично хочу остановиться только на обстоятельствах, непосредственно влиявших на положение белого тыла, и на том, почему это было так, а не иначе. Последнее вытекает уже из моих указаний на методы сторон в этой напряженной борьбе.

Были *восстания*, но в этом отношении оба тыла, обе стороны были в одинаковом положении — восстания были и тут и там; и в этом отношении образцом может служить разбойник Махно, который, несмотря на все свое моральное тяготение к красным, с одинаковым увлечением дрался и против них, и против белых.

Был бич тыла *тиф* — но был он и тут и там. И белые, и красные, занимая районы расположения противника, натыкались на бесконечное количество трупов, на мертвые поезда, не имевшие в своем составе ни одного живого человека...

Бичом белого тыла была красная пропаганда. В этом вопросе красные преобладали, так как она была поставлена у них лучше, чем у белых, да и надо признаться, что лозунги, проводившиеся ими в жизнь, были всегда бесконечно более заманчивыми для массы, чем то, что могли предложить ей пропагандисты белого фронта... Дальше, чем «грабь награбленное»,

«все дозволено» и настоящего обещания рая на земле, все равно идти было невозможно!

Пропаганда была могучим фактором, разрушавшим белый тыл; восприимчивость к ней толпы, имевшей свой рупор в городских базарах, была поразительна; но на толпу эту — и не только на толпу, но и на так называемые общественные круги в белом тылу — не меньше красной пропаганды действовала и другая работа — работа русской интеллигенции — отчасти и несоциалистического толка, но, конечно, главным образом работа самих социалистов...

Если первые, то есть радикальные интеллигенты действовали порой просто бессознательно, повторяя старые зады и насвищенные годами теории, то вторые действовали, конечно, совершенно сознательно.

В своем дневнике, в записи, относящейся к 10 июня 1919 года, И. А. Бунин рассказывает, как вся Одесса с замиранием в сердце прислушивалась к тому, что делается на фронте, и нервно гадала, удастся ли добровольцам сломить сопротивление красных и занять город, или же Одессе суждено оставаться под красным игом: «Вечером я у Р... и опять: я ему об успехах добровольцев, а он о том, что они в занятых областях «насилуют свободу слова» — кусаться можно кинуться». Да, надо согласиться: разговаривать с этими людьми было невозможно!

Обращаясь к деятельности социалистов в белом тылу, надо раз навсегда установить следующее: лозунг Керенского и комп<ании> *«Ни Ленин, ни Колчак»*, при настойчивой работе социалистов против всякого личного и собирательного «Колчака», *всегда говорил о работе за Ленина!*

И в действительности, работая против Колчака, можно было помогать только его противнику, не сознавать этого не могли даже социалисты!

Для наглядности обратимся к фактам. В Сибири почтенная работа социалистов, о которой с гордостью, достойной лучшей участи, прямо и открыто говорит в своей брошюре член Учредительного Собрания Солодовников*, велась по

---

* «Сибирские авантюры и генерал Гайда».

строго продуманной программе и, пройдя через открытое восстание, устроенное социалистами во Владивостоке, дошла до прямого предательства и выдачи адмирала Колчака и его министра Попеляева в руки большевиков, конечно, на смерть и на издевательство...

Что мы видим на Севере? Конечно, постоянную борьбу за власть и всяческие попытки насаждения столь несвойственных здоровой армии и массе офицерства и добровольцев социалистических лозунгов. Нельзя винить престарелого и лично порядочного Чайковского за то, что ему, несмотря на нахождение его во главе правительства, вместе с его «министрами» типа Бориса Соколова и общественными деятелями образца Скоморохова, это насаждение не удалось... они сделали со своей стороны решительно все для разложения белого тыла и фронта и... для торжества красного противника.

То же самое происходило на Западе, с «работавшими» там Кирдецовым, впоследствии сменовеховцем, имевшим тогда несомненное влияние на белую прессу, с «министром» Ивановым и т. д.

И менее всего на Юге! Менее всего потому, что в этом случае на Юге определеннее всего высказались вожди. Я не могу до сего времени установить более или менее точно, действительно ли правильны сведения о том, что в 1917 году в Ростов приезжал и делал попытки проникнуть к генералу Алексееву пресловутый главковерх Керенский; быть может, это и так, однако и он понял, что среди преданных им же на растерзание черни офицеров ему делать нечего. Но достоверно, что Савинков там был, и несомненно, что он делал шаги для того, чтобы быть принятым верхами белых в свой круг для «совместной работы»; вопрос был решен категорическим отказом генерала Деникина, тогда еще не главнокомандующего, не соглашавшегося даже присутствовать на одном заседании с Савинковым.

Была и еще одна попытка, которая, как мне кажется, могла дать для социалистов положительные результаты в смысле возможности наложить руку на деятельность белого командо-

вания. Я имею в виду попытку группы членов Учредительного Собрания, выпустившей в Екатеринодаре газету «Родная земля». Во главе группы был Григорий Шрейдер, который имел развязность начать говорить добровольцам о генерале Корнилове, о том, что, следуя его заветам, добровольцы должны идти влево и т. д. С этой провокацией пришлось бороться решительно: в один прекрасный день, когда Шрейдер разразился дифирамбами по адресу генерала Корнилова, — в редактируемой мною с В. В. Шульгиным газете «Россия» было просто перепечатано без всяких комментариев августовское воззвание городского головы Петербурга Григория Шрейдера, призывавшего петроградский пролетариат подняться на выступившего против Временного правительства изменника Корнилова... Результат этого выступления был неожиданный и для нас — Шрейдер был выслан из пределов, занятых Добровольческой армией, его газета закрылась и его группа потеряла всякое влияние.

Однако я слишком долго останавливаюсь на этом вопросе — вероятно, слишком он наболел у каждого из нас, чтобы пройти мимо него...

Вывод один — социалисты были всегда *естественными врагами белых* и тем самым, несомненно, *помогали красным*, для которых они были во многих отношениях *«своими»*...

Подходя к заключению в вопросе о добровольческом тыле, я останавлиюсь еще на двух ходячих упреках, которые иногда выдвигаются против белых со стороны некоторых кругов, как русских, так и иностранных.

Во-первых, вопрос о *грабежах*. Я останавлиюсь на нем только потому, что о нем *говорят*... Да, грабежи в тылу Белой армии были, отрицать это нельзя и никто отрицать это и не предполагает! Надо только к этому вопросу подойти с несколько иного конца, чем это делалось до сего времени.

Я лично принимал участие в японской войне, имевшей безукоризненно налаженный тыл (хотя бы потому, что войска все время на него отходили); я принимал участие в великой войне, на европейском фронте ее — и должен установить

следующее. Всегда и всюду, при самой дисциплинированной армии, при самом налаженном тыле, даже при психике, нравственно непоколебимой неудачами или революцией, — грабежи были, есть и будут... Да и что в этом удивительного? Природа войны настолько ужасна, обыденность ее настолько жестока, что человеческая натура, в основу которой, как мы, к сожалению, хорошо убедились, заложено столько гнусного, не может не отозваться на соблазн «безнаказанного преступления»... Несомненно, что солдат, вошедший в дом местного жителя с винтовкой в руках, чувствует себя полновластным господином и ведет себя именно так, как, с его точки зрения, подобает вести себя в этом звании. Если все это в полной мере применимо ко всякой войне, что лично для меня несомненно, то в какой же мере это подтверждается в войне *гражданской*, особенно жестокой, хотя бы уже потому, что в ней каждый *сам* себе выбирает свой фронт борьбы и естественно усматривает в каждом, кого он видит по ту сторону боевой линии, в том числе и в обывателе, никакого участия в этой борьбе не принимающем — врага, которого он «имеет право» использовать для своего, хотя бы и минутного, благополучия...

Я, конечно, ни в коем случае не хочу сказать, что с этим фактом не следует бороться, — конечно, следует, и эта борьба на Юге России велась, — от приказов генерала Деникина до расстрелов генерала Врангеля включительно. Борьба необходима, но не надо закрывать глаза и на то, что результатом этой борьбы будет всегда не уничтожение, а только *уменьшение* размеров зла!

Я не могу не вспомнить, что даже в голой Маньчжурии, при строгой дисциплине тогдашней армии, солдаты умудрялись грабить, хотя объектов, кроме никому не нужных мелочей китайского обихода и объекта «натурального» грабежа у грязных и чуждых китайцев, — не было!

Характерно и несомненно то обстоятельство, что при успехе армии, при ее поступательном на противника движении, грабежей всегда меньше, — они всегда увеличива-

ются при отходе и довольно понятно, *почему*. Особенно это заметно в отходах гражданской войны, когда перед каждым, потерявшим меру дозволенного и недозволенного, бойцом уже открывается перспектива «черного дня», который грозит ему не на время, а на всю жизнь... И все-таки добровольцы генерала Врангеля, покинувшие Крым, пришли в лагеря Галлиполи, Лемноса и Кабаджи *голыми нищими*... Такими же голыми нищими были и участники белой борьбы на всех ее фронтах.

Я не буду останавливаться на том, что и у красных грабежи, конечно, были, как они бывают, по моему убеждению, всюду — это, конечно, не оправдание для белых.

И делая сводку всему мною сказанному о грабежах — я повторяю: они были, но, конечно, не они были причиной неуспеха.

Если я не прошел мимо обвинений в грабежах, то я не могу игнорировать и того, что принято распространять о *погромах*.

В этом отношении я буду более чем краток: я совершенно определенно утверждаю, что в районах действия белых армий *еврейских погромов*, т. е. организованного уничтожения и ограбления евреев, ибо только их имеют в виду, — *не было*... Утверждаю это, и постараюсь доказать, считая, что и генерал Деникин в своих воспоминаниях (т. V, стр. 146) впадает в ошибку.

Скажу, прежде всего, что все сведения о погромах, якобы имевших место на Юге России, т. е. в районах «черты оседлости» евреев (остальные фронты проходили по местам, где почти отсутствовало еврейское население), — *тенденциозно преувеличены*. Всем, конечно, памятно, что, по газетным сведениям, о случаях так называемой «армянской резни» значительное количество раз писалось, и взывалось к цивилизованному миру, и всегда в одинаковых выражениях, гласивших о том, что каждый раз армян вырезали *всех поголовно*... Нечто подобное происходит и с еврейскими погромами на юге России. Так в Берлине мне пришлось слышать от одного докладчика, что петлюровцами в Проскурове было уничтожено...

60 000 евреев! Не надо доказывать, насколько это правдоподобно для города тысяч в 15 жителей!

Я не противоречу себе, сначала говоря о том, что погромов в Белой армии *не было*, а потом о том, что *сведения преувеличены*... Я только считаю, что моей задачей не может являться разбор вопроса о том, учинялись ли погромы отрядами Петлюры, Григорьева и других украинцев, или отрядами их противника-единомышленника Буденного!

Но если согласиться со мною, что в Белой армии *еврейских погромов* не было, то откуда же идет дым, от какого огня?

Очень просто, я утверждаю, что не было *еврейских погромов*. То, что стараются выдать за *еврейские* погромы, есть не что иное, как проявление тех инстинктов, о которых я говорил в отделе моего исследования о грабежах... Были нарушения дисциплины, были покушения на имущество, а иногда и на жизнь местных жителей, были грабежи и даже убийства; это было. Я лично знаю о случаях в районе Киева, Фастова, Белой Церкви, которые потом были специальной прессой раздуты в *еврейские* погромы... Это были удары по населению; за это были расформированы 2-я Кубанская пластунская бригада и Осетинский конный полк; должен был быть расформирован Волчанский отряд есаула Яковлева... Однако от этих проявлений отрицательного типа страдало как *еврейское, так и христианское население захваченного беспорядками района*... Но о несчастных христианах, конечно, никто не кричал в мировой прессе. Может быть, случайно еврейское население иногда страдало больше: но ведь в этих местечках *евреев* просто *численно было больше*, и они были *богаче* — естественно, что они страдали от этих бесчинств (против которых все время резко выступало белое командование) больше, чем христианская часть населения...

Вывод один — сведения об *еврейских* погромах, учиненных у белых, это только ничем не прикрытая демагогия и выигрышный способ борьбы с белыми, который широко практикуется и по сей день и красными, и их социалистическими единомышленниками... не больше!

Заканчивая часть моего доклада, посвященную вопросу тыла (которого, между прочим, совершенно не было у белых в период командования армией генералом *Врангелем*, ибо тогда весь Крым был, в сущности говоря, военным районом), я скажу только, что тыл, как и всегда на войне, был, конечно, тяжел для обеих сторон. Для приведения его в порядок надо было проявлять *во много раз больше принуждения* и, быть может, *жестокости*, чем это могли проявить белые; конечно, красные же не стеснялись применять и гораздо большую меру жестокости. Напомню, что добровольцы генерала Алексеева 23 февраля 1917 года уходили из богатого Ростова без гроша денег и полуголые. Я знаю случаи, когда один из горчичных «королей» Царицына дал на добровольцев... две сорокарублевые керенки... возможно ли было что-либо подобное в районах, занятых красными!?

Таким образом, я подошел постепенно к главной части моего исследования, к рассмотрению тех причин, которые я считаю непосредственными причинами неуспеха вооруженного выступления белых. Мне кажется, что из всего того, что я сказал до сих пор, они уже настолько ясны, что мне остается досказать и уточнить совсем немного.

Что же именно я считаю непосредственными, истинными причинами неудачи вооруженного выступления белых? Что именно было тем роковым обстоятельством, которое отделило от нашей Родины ее освобождение и в конечном результате привело Белое освободительное движение к его современной, если можно так назвать, заграничной стадии?

Первой и основной причиной я считаю настроение населения тех областей, по которым шло наступление белых.

В самом начале моего исследования я уже отчасти остановился на характеристике этого явления. Украины, естественно привлечшие к себе взгляды тех русских людей, которые не захотели подчиниться установленной в центре диктатуре, *не знали большевизма*, т. е., вернее, не знали результатов практического его применения к шкуре обывателя. Они не испытали прелестей советского рая и не смогли дать полного напряже-

ния, чтобы предотвратить надвигавшиеся на них испытания и мучения.

Население этих областей, конечно, знало войну, которая утомила всю Россию, население знало и революцию, которая дала так называемые «свободы», принесенные ею! Население с легкой руки солдат, знавших на фронте только декларацию *прав*, но не *обязанностей* солдата, знало только о своих правах и совершенно не представляло себе, что права эти все еще связаны с какими-то обязанностями.

На территории этого населения шла настоящая война, гражданская война с ее выстрелами, которые не всегда попадают только в тех, кто борется на линии огня; с ее репрессиями не только по отношению к людям и их имуществу, но и к самим селениям, которые иногда в процессе боя беспощадно и неизбежно сравниваются с землей... Население должно было поступиться своими правами, своими удобствами. Армия белых не была той снабженной и организованной армией, которую мы привыкли представлять себе, произнося это слово; немедленно по соприкосновении с населением она вынуждена была брать у него подводы лошадей, запасы и, наконец, и самих людей!

Война на данной территории всегда несет с собою много лишений и страданий. Война, а в особенности гражданская, *сама себя кормит и пополняет!* И конечно, население не могло приветствовать этого; оно, как я уже сказал, думало не об обязанностях, а только о правах, и от белых ожидало только немедленного восстановления порядка и нормальных условий жизни, со своей стороны совершенно не думая оказывать этому хотя какое-либо содействие.

Вся сумма этих *неприятностей*, приводимых затянувшейся войной, очень остро переживалась населением; в то же время его усиленно развращала красная и социалистическая пропаганда обещаниями избавления от всех этих напастей, обещаниями полного благополучия и полного господства, как известно, соблазнившими не одну только Россию, но смущающими и доселе немалую часть населения всего мира...

Все это сводилось к тому, что неудобства, приносимые белыми, *восстанавливали население против них*.

Отсюда постоянно оппозиционное настроение, начиная от интеллигентских благоглупостей, о которых говорит приведенная мною выдержка из дневника И. А. Бунина, и кончая социалистическим противодействием, а также распространением среди населения нелепых теорий о готовности белых «насадить старый режим» (чего, конечно, не было), и о «возвращении земли помещикам» (что прорывалось только в чаяниях и вожделениях отдельных лиц, дорвавшихся до своих владений и не понявших, что между прошлым и настоящим прошла революция). Вот почему так легко верили красной пропаганде, изображавшей полуголод и голодное (и в прошлом, и в настоящем) русское офицерство, составлявшее кадры белых армий, как «помещиков», «банкиров» и т. д.

Недостатки, о которых я говорил — в сфере административного управления, финансовых мер и аграрных распоряжений, — принимались за *злонамеренность*; и в результате население, не только в лице крестьянской массы, но порой и городской интеллигенции, как это ни странно сейчас слышать, сначала не шло дальше пожелания приходившим белым: «Помоги вам Пресвятая Богородица», и совершенно не хотело принять на себя хоть часть этой «помощи», а потом начинало мечтать об избавлении, которое, конечно, должно было прийти с красной стороны, ибо иного ничего не было!

В конечном результате получалось совершенно нелепое, но одинаково типичное для всех белых фронтов положение:

Когда уходили красные — население с удовлетворением подсчитывало, что у него осталось...

Когда уходили белые — население со злобой высчитывало, что у него взяли...

Красные грозили и грозили весьма недвусмысленно взять все и брали часть — население было обмануто и... удовлетворено. Белые обещали законность, брали немного — и население было озлоблено...

Белые несли законность, и потому им ставилось всякое лыко в строку...

Таким путем из главной, основной причины неуспеха вооруженного выступления белых я прихожу к той, *которая вытекает из первой: отсутствие у белых методов действий, которые требовались жестокой обстановкой гражданской войны и небывалой разрухи.*

Если красные «работали» дубиной по обывательским головам, несли революционный режим, грабили «награбленное», уничтожали остатки старого режима и... казнили и убивали за все без исключения, за всякий намек на сопротивление, то белые, быть может в силу своего наименования (данного им, как и их противникам, самою жизнью), «работали» в белых перчатках, насаждали законы, призывали к их исполнению, и тем самым *сами же связывали себе руки и не получали сочувствия уже распущенного и развращенного демагогией населения.*

Красные обещали *все*, белые только то, что полагалось *по закону*...

Красные в виде аргумента и меры убеждения имели террор и пулеметы; белые угрожали... *законом.*

Красные отрицали решительно все и возвели в закон произвол; белые, отрицая красных, конечно, не могли не отрицать и применяемые красными методы произвола и насилия... Белые не сумели или не смогли быть фашистами, которые с первого момента своего бытия стали бороться методами своего противника! И быть может, именно неудачный опыт белых и научил впоследствии фашистов?..

Население ничего не требовало от красных, так как единственно, что оно могло, попавши в их руки, желать — покой, оно требовать, конечно, не решалось! От белых же население требовало... чуда, требовало для того, чтобы дать им свою поддержку, в которой не отказывало с самого начала Белого движения; оно требовало, чтобы белые единым мановением белой руки смыли с России всю кровь... Это, конечно, было неосуществимо; белые не только не были чудотворцами, они

не были и фокусниками, хотя бы в небольшой части того, насколько это было присуще красным!

На этом, в сущности говоря, я мог бы закончить мое исследование, так как считаю мою задачу, в мере мне доступной, выполненной! В заключение только суммирую все мною сказанное и сделаю самые краткие выводы.

Условия стратегии и тактики, ошибки и промахи, сделанные белыми в этой области, вопросы идеологии белых, качества их вождей и армейской массы — все это при всем том, что я упоминал на протяжении моей работы, ни в коем случае не было причиной неудачи вооруженного выступления белых. В этом отношении несколько выделяется только то, что мною было приведено в доказательство отсутствия необходимой гибкости в характере белых вождей!

Политика «союзников» в русском вопросе, их всегда в корне своекорыстное поведение, неумение или нежелание белых использовать «новорожденных иностранцев» в лице лимитрофных государств и даже украинцев и, наконец, *тыл*, всегда и всюду в той или иной мере разложенный, — все это скорее приближается к тому, что послужило причиной неуспеха белых, быть может, и потому, что все то, что портило белый тыл, вытекало в свою очередь из тех причин, которые я считаю главными причинами неуспеха — *неизжитость населением большевизма и индифферентизм, охватывавший население*, когда оно убеждалось, что порядок не восстанавливается белыми по мановению волшебного жезла. Устранить эту последнюю причину, исправить ее злоносные последствия мешали основные качества белых, которые не смогли *принудить* население относиться к себе иначе! Я говорю именно о принуждении, так как из всего того, что я уже высказал, явствует, что иные меры, так охотно применявшиеся белыми, меры законные — успеха не имели!

Мне кажется, что если бы истории угодно было поставить нас перед повторением возможности восстановления белых фронтов в России, последние две причины, непосредственно приведшие к проигрышу кампании, — не могли бы иметь

места! С одной стороны, население узнало, что такое большевизм, на горькой практике минувших годов, с другой стороны — белые, перенеся горечь поражения, несомненно, стали бы действовать иначе! Это, несомненно, уменьшило бы расстояние между ними и населением, разделявшее обе стороны во время существования белых фронтов!

Нельзя не обратить внимания еще на одно обстоятельство. При всем разнообразии белых фронтов или, вернее, областей, в которых им приходилось действовать, при разнообразии условий времени, лиц и обстановки, все белые фронты без исключения пережили одинаковые стадии бытия; и это, мне кажется, подтверждает те обобщения и выводы, которые я попробовал для всех них.

На самом деле не показательна ли *одинаковость* в их судьбе? Все они проходили буквально через одно и то же...

Сбор со всех сторон. Энтузиазм первых кадров... Приведу по фронтам — переворот адмирала Колчака на Востоке, выступление капитана II ранга Чаплина на Севере, успехи ничтожных сил генерала Родзянко на Западе и движение в сплошной массе противника армии генерала Корнилова на Юге...

Наступление, успех... Выдвижение к Казани и Волге на Востоке, выдвижение передовых отрядов к Вологде на Севере, подход к Петрограду на Западе и линия Саратов—Воронеж—Курск—Киев—Могилев-Подольский — на Юге...

Неурядицы тыла... восстание во Владивостоке — в Сибири, правительственные осложнения на Севере, то же самое на Западе и Махно на Юге...

Союзники... противодействие чехословаков на Востоке, уход англичан на Севере, английский флот под Петроградом на Западе, первая Одесса и первый Крым на Юге...

Отход... разложение...

Предэвакуационный развал, январь—февраль 1920 года... выдвигаются адмирала Колчака на Востоке, восстания в Архангельске и Мурманске — на Севере, попытки арестовать генерала Юденича на Западе и офицерские выступления в Новороссийске, и Севастополь — на Юге!

Только Крым генерала Врангеля со всеми своими особенностями, которые не входят в рамки исследования, и с его беспримерной эвакуацией избежал общего шаблона!

Мне кажется, что из всего сказанного можно сделать один и немалый вывод: *белые* могли бы победить красных, если бы они сами, в своих методах, в своей деятельности... стали тоже красными. Но несомненно и то, что они могли быть только белыми! За ними осталось их незапятнанное прошлое, их беспредельная любовь к родине, их горький опыт былых неудач... И я хочу верить, что они добьются столь необходимых им материальных и политических возможностей и, оставаясь сами собой, *победят как белые!*

А.А. фон ЛАМПЕ

Часть II

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ В РОССИИ

Железнодорожное строительство в России началось в 1832 году. Как и во всех прочих государствах Европы, началось оно робко, нерешительно. К железным дорогам относились с недоверием, видели в них еще не испытанное, быть может, опасное новшество. Крымская война 1853—1854 года, во время которой недостаток железных дорог и путей сообщения вообще чувствовали очень остро и <он> был одной из главнейших причин наших неудач, дала решительный толчок железнодорожному строительству. К участию в этом строительстве был привлечен частный капитал и в течение приблизительно 15 лет (1861—1876) было открыто для общего пользования 19 813 верст железных дорог, принадлежавших 43 частным железнодорожным обществам. Казне принадлежало только 62 версты. Железнодорожная сеть была разделена между различными обществами, преследовавшими свои частные цели; тарифы находились в хаотическом состоянии; казне приходилось постоянно выдавать субсидии и гарантировать известный минимальный доход... Все это вызвало в конце 1880-х годов резкое изменение нашей железнодорожной политики. В железнодорожном строительстве настала новая эпоха, неразрывно связанная с именем С. Ю. Витте. Было приступлено к сооружению большой *казенной* железнодорожной сети и в то же время к *выкупу* частных железных дорог. Железнодорожное строительство достигло наивысшего подъема к пятилетию 1894—1899 годов, когда было построено 14 887 верст, т. е. по 2977 верст ежегодно, цифра небывалая ни до, ни после этого периода. Наряду с постройкой новых казенных дорог производился и выкуп частных: в собственность государства за время 1887—1901 годов перешло 20 497 верст частных железных дорог. Все же часть их продолжала находиться в руках частных обществ, состоявших под контролем государства. На

1 января 1914 года (последний довоенный год) из общего числа железных дорог общего пользования (кроме Финляндских и Восточно-Китайских ж. д.) — 69%, т. е. 64 457 верст принадлежало казне, а 31% частным обществам.

Необходимо установить и признать, что русская железнодорожная сеть никогда не находилась в настоящем соответствии с населением империи и особенно с размерами ее территории; оборудование ее также никогда не соответствовало потребностям транспорта. По числу верст рельсовых путей на 10 000 жителей Россия занимала 16-е место среди 20 европейских государств, а по числу верст железнодорожного пути на 100 кв. верст площади (1 верста рельсового пути на 100 кв. верст площади) — последнее. По сравнению с другими государствами густота русской железнодорожной сети была в 5 раз меньше, чем густота германской и французской и в 7 раз меньше железнодорожной сети Северо-Американских Соединенных Штатов. Среднее ежегодное количество железных дорог, построенных в период с 1864 до 1913 года, равнялось всего 1300 верстам. Были периоды, когда строилось гораздо больше, как уже указанный выше период 1894—1899 годов, но в последующие годы *рост железнодорожной сети решительно отставал от экономического развития страны* и в последнее предвоенное пятилетие 1910—1914 годов при исключительном экономическом подъеме в стране цифра постройки новых дорог равнялась всего 3466 верстам, т. е. по 693 версты в год в среднем, т. е. она не превышала цифру ежегодных построек в 80-х годах прошлого столетия. «Наш общий грузооборот, по меньшей мере, в 2—3 раза обгонял пропорциональное увеличение сети», — пишет проф. Н. И. Фомин.

Густота нашего железнодорожного движения, по расчетам инженера Фомина, росла с головокружительной быстротой. В период 1908—1914 годов грузовое движение возрастало в среднем на 6,5% ежегодно, в то время как соответственный рост этого движения в Германии, Франции и в Соединенных Штатах равнялся всего 2,5—3%. Недостаток железнодорожной сети вызывал *острую потребность в новом строитель-*

стве. Железнодорожное строительство должно было стать, по словам профессора Гриневецкого, осью всей экономической политики России на долгие годы. Размеры этого необходимого строительства исчислялись авторитетными лицами в различных цифрах от 4000 верст ежегодно (генерал Петров) до 8000 (проф. Гриневецкий). Комиссия инженера Борисова составляла в 1915 году план железнодорожного строительства на 5 лет, наметив постройку 30 000 верст железных дорог, т. е. по 6000 верст ежегодно. Помимо недостаточности железнодорожной сети, как на недостатки русского железнодорожного хозяйства указывалось на устарелость паровозного парка, недостаток товарных вагонов, отсутствие новейших технических приборов и т. д.

Несмотря на все эти недочеты, организация русского транспорта была *во многих отношениях очень хороша*. Русские железнодорожные тарифы, организованные по дифференциальной системе с учетом громадных русских расстояний, были *самыми дешевыми в мире*. Русские пассажирские вагоны были *самыми удобными*; железнодорожное хозяйство имело *прекрасно организованную отчетность и статистику*, отчасти сохранившиеся, несмотря на всю разрушительную работу большевиков.

Мировая война явилась строгим экзаменом для русских железных дорог, и нельзя не признать, что испытание это было ими *выдержано прекрасно*. Небывалая по размерам мобилизация прошла блестяще, без особого нарушения обычного железнодорожного движения. Мобилизация совпала с громадным урожаем 1914 года в Сибири, который, несмотря на войну, по мере надобности был перевезен в Европейскую Россию. Общий размер перевозок в 1916 году был гораздо выше довоенного. В 1914 году общее количество перевезенных грузовых вагонов равнялось 369 млн, в 1915 г. — 470 млн., в 1916 г. — 590 млн. вагонов. Захват неприятелем наших западных окраин, отрезанность России от ее портов заставили приступить к постройке новых дорог. Началась постройка Мурманской и Амурской железных дорог, которые, несмот-

ря на свое небольшое хозяйственное значение, в техническом отношении представляли громадные достижения. В течение войны строилось свыше 16 000 верст жел. дорог, а на 4100 верстах было открыто временное движение. «В общем, — пишет немецкий исследователь Серафим, — нужно признать, что весь организм русских жел. дорог без ущерба выдержал все тяготы войны, что, несомненно, свидетельствует о его прочности и здоровье».

Еще больше удостоверила *прочность и основательность постройки* русских железных дорог и их подвижного состава — демобилизация 14-миллионной армии, когда стремившиеся домой солдаты возвращались на крышах вагонов, буферах, подножках, уничтожали расписание поездов и т. д. И все это вынесли русские железные дороги. *Не вынесли они только коммунистического хозяйства большевиков.* Уже в конце 1918 года, через год после начала большевицкого хозяйничанья, инженер Тюменев заявил: «Агония жел. дорог началась еще в ноябре 1917 года. Железнодорожное хозяйство не существует более, как планомерно функционирующий организм». Не говоря уже о первой поре большевицкого господства, о временах так называемого «военного коммунизма», которые достаточно охарактеризованы вышеприведенными словами Тюменева, — данные на 1 января 1927 года, после нескольких лет социалистического строительства, свидетельствуют о сильном развале железнодорожного хозяйства, несмотря на то, что во главе Комиссариата путей сообщения большевиками ставились для упорядочения дела их наиболее видные и энергичные деятели, как Троцкий, Дзержинский. Довоенный подвижной состав русских железных дорог состоял из 20 320 паровозов, 580 000 товарных и 22 000 пассажирских вагонов. Состав этот был недостаточен, что видно из сравнения его с подвижным составом Германии, в котором числилось 20 920 локомотивов и 751 700 вагонов, хотя железнодорожная сеть Германии (61 150 км) была почти на 15% меньше русской. Состав этот понизился на 1 января 1927 года до 11 200 паровозов, 390 000 товарных вагонов и 16 400 пассажирских. Про-

цент негодных к службе паровозов доходил порой до 55%, вместо тех 15%, которые считались нормальными в прежнее время. В еще более печальном положении находилось *верхнее строение пути*. Довоенная смена шпал, когда процент перележавших шпал был незначителен, равнялась приблизительно 19 млн шпал в год. За последние же два года, несмотря на то что число перележавших шпал исчислялось специалистами в 46%, менялось ежегодно по 15 млн шпал; в предыдущие же годы цифра эта была еще меньше. Довоенной нормой смены рельсов считалось 3% всего протяжения пути ежегодно, что составляло бы для нынешней железнодорожной сети (уменьшившейся на 9548 верст, отошедших к Польше и рандштатам) 1600 верст ежегодно. При коммунистах же в 1921—1922 годах было заменено 675 верст, в 1922—1923 годах — 699 верст, в 1923—1924 годах — 864, в 1924—1925 годах — 1300. А. Халатов, специалист по транспорту, такими словами характеризует современное железнодорожное хозяйство: «Запущенность путевого хозяйства достигла такой степени, что требует к себе огромного внимания под угрозой оказаться несостоятельной в отношении безопасности движения в связи с увеличивающимися размерами движения». Количество перевезенных грузов в 1926 году равнялось 7140 млн пудов, что составляет несколько менее перевозок 1913 года. Количество пудо-верст в 1926 году несколько превысило количество 1913 года (около 4%), что объясняется увеличенной средней дальностью пробега. Усиленная работа дорог, плохое состояние железнодорожного пути, малое пополнение подвижного состава новым, падение дисциплины и трудовой морали железнодорожных служащих вызвали *громадный рост несчастных случаев*. Число несчастий в 1923—1924 годах равнялось 6,06 на 100 000 поездо-верст против 1,53 в 1913 году, т. е. увеличилось ровно в 4 раза, причем в этих данных еще не учтено уменьшение скорости курьерских и скорых поездов. Согласно приведенным инженером Чеховским данным, число несчастных случаев на те же 100 000 верст равно в Англии — 0,10, во Франции — 0,37 и в Германии — 0,77, причем и это число считается неестественно

выросшим после войны. *Новое железнодорожное строительство фактически почти приостановилось.* Советское правительство все еще не может закончить достройку линий, начатых во время войны. По смете на 1927 год на новое железнодорожное строительство ассигновано 30 млн. рублей (в 1913 году на эту цель было израсходовано около 400 млн.). Тот же самый инженер Борисов, исчислявший в 1915 году потребность нового железнодорожного строительства в 30 000 верст в течение 5 лет, стал теперь несравненно скромнее и предлагает в течение будущего пятилетия построить без малого 3700 верст, т. е. всего около 700 верст ежегодно. Финансовое положение железных дорог также очень печально. 1926 год, несмотря на большой подъем грузооборота, закончился для железных дорог *недобором в 135 млн.* Коэффициент эксплуатации, т. е. соотношение эксплуатационных расходов к валовой выручке, равнялся в 1925 году 80%; в 1926 году он был еще выше, тогда как в 1913 году коэффициент этот был ниже 60%.

Судьба железных дорог в руках большевиков *очень показательна.* Железные дороги, как мы знаем, составляют ту отрасль государственного хозяйства, руководство которой всегда делалось по определенному общему плану, и как показал опыт других стран, особенно Германии, *эта отрасль государственного хозяйства может вестись государством удачно.* Большевицкое хозяйничанье расстроило прекрасный механизм русской железной дороги, что доказывает, что *присущие коммунизму органические дефекты разрушительны даже в этой, наиболее подходящей сфере.* Серафим заканчивает свою книжку «Das Eisenbahnwesen in Sowjet Russland» словами: «Так же мала может быть речь об окончании в ближайшем будущем железнодорожного кризиса в советской России, как и об улучшении ее финансового положения».

Первым условием коренного улучшения железнодорожного дела в России, как и всякого улучшения ее политической и хозяйственной жизни, является ломка всего коммунистического режима. После освобождения от пут коммунизма русские железные дороги воскреснут очень скоро. На здоровом

жизнеспособном организме быстро затянутся раны и русская железнодорожная система, созданная почти вековой работой, воскреснет к новой жизни.

А. И. БУНГЕ

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС В ГОРОДАХ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Одним из самых тяжелых наследий, которые оставит России после своего крушения большевизм, несомненно, явится жилищный кризис в городах. Тяжесть его будет заключаться не только в том, что для ликвидации его потребуются долгие годы и громадные средства, но и в том, что те кошмарные жилищные условия, которые создались в результате расхищения и «проедания» доставшегося большевицкому режиму в наследство жилищного фонда и вследствие совершенно недостаточного его восстановления, — являются и надолго еще явятся одним из основных факторов понижения *морального уровня и духовной культуры* народа.

Если *семья* является в жизни народа основной культурной ячейкой, то одним из условий ее нормального существования является *самостоятельное, по возможности изолированное от постоянного соприкосновения с внешним миром, с чужими людьми жилище*. «Мой дом — мой замок», — говорят англичане, и отнюдь не случайно то обстоятельство, что Англия с ее высоким уровнем личной и семейной морали является страной *домиков-особняков*, где подавляющее большинство населения, включая и рабочую массу, живет в отдельных домах, хотя бы в 2—3 комнаты.

Конечно, не одни жилищные условия разложили семью в советской России, но достаточно представить себе конкретно жизнь в современной московской квартире, как она часто описывалась в советской литературе и газетах и изображалась в карикатурах, чтобы понять, что в этой кошмарной обстановке, где самые интимные стороны семейной жизни проте-

кают чуть ли не на глазах у людей совершенно посторонних, где отдельные семьи отделены друг от друга часто даже не тонкой стеной-перегородкой, а кисейной занавеской, не может быть речи о нормальной семейной жизни. Нетрудно представить себе также, что означает эта обстановка для *умственных работников*, совершенно исключающая всякую возможность какого бы то ни было *уединения и сосредоточения*.

Что же сделали большевики с городскими домами, которыми они не замедлили овладеть после переворота?

То, что с первых дней революции было осуществлено в порядке анархическом местными советами, революционными комитетами и т. п. в виде фактического устранения домовладельцев от заведования домами, выселения так называемых буржуазных семей и вселения на их место рабочих, а иногда просто подонков городского населения, — было затем оформлено декретом ВЦИКа от 20 августа 1918 года «Об отмене частной собственности на недвижимости в городах».

Первоначальным «завоеванием революции» явилось не только революционное перераспределение жилой площади, но фактическая, а затем и на «законном основании» произведенная — *отмена квартирной (арендной) платы*. Фактическая отмена произошла вследствие того, что при прогрессирующем обесценении бумажного рубля номинальная квартирная плата оставалась неизменной, в результате чего «к ноябрю 1919 г. комната, стоившая тогда в месяц 20 рублей, была в 10 раз дешевле фунта хлеба, на вольном рынке стоившего тогда 200 рублей, или стоила столько же, сколько стоили тогда 20 спичек или 3 папиросы»*.

Поэтому, когда декреты 1920 и 1921 годов (Собр. Узак. за 1920 г. № 85, ст. 422 и за 1921 г. № 6, ст. 47) совершенно отменили квартирную плату, то советский закон только плелся в хвосте всеобщего развала и «революционного правотворчества» масс.

---

* И. Кобленц. Жилищное право. 2-е изд. М., 1924. С. 40. (Институт советского права).

Создалось положение, которое цитированный выше комментатор советского жилищного права наивно, но правильно характеризовал в следующих словах: *«не было, в сущности, лиц, кровно заинтересованных в долговременном сохранении в целостности домов»**. Отмена права собственности начинала, как всегда и всюду, за себя мстить: *пострадавшими являлись в конечном счете не только «экспроприированные» — бывшие домовладельцы, — но и «экспроприаторы»,* или, вернее, те, в пользу которых (теоретически) должна была пойти эта экспроприация. При этом в высшей степени характерно то, — и здесь как в малой капле воды отражается великая ложь социализма, — что те, кого уничтожение собственности на дома должно было в первую очередь облагодетельствовать, отнюдь не чувствовали себя «заинтересованными в долговременном сохранении домов», — пользуясь выражением комментатора советского закона, причем это в одинаковой мере относилось как к «буржуазным», так и к «пролетарским» обитателям домов, перешедших в «собственность народа». Вот что свидетельствует об этом советский автор: «Не только не хватало личной заинтересованности, но, наоборот, в буржуазных слоях населения широко было распространено убеждение, что если значительно улучшить данное жилище, то его скорее отнимет какое-нибудь учреждение или лицо. Прежние жильцы из буржуазного класса из этих соображений *боялись делать ремонт***»; вселенные новые жильцы из рабочего класса или совработники не делали ремонта, не считая данную квартиру окончательно закрепленной за ними; даже иногда замечалось несознательное отношение к квартире в смысле хищнического отношения к ней, расхищение ее оборудования и т. п.».

Результаты этого положения не замедлили сказаться в виде: 1) небывалого «проедания», т. е. *разрушения жилищного фонда* и 2) создания такого *жилищного кризиса*, особенно в больших городах, которому не было и нет прецедента в новейшей истории. Советская статистика и советская экономи-

* Там же. С. 42.

** Курсив мой. — В. Г.

ческая и общая литература не скупятся на данные, рисующие создавшиеся отношения.

Что касается первого, т. е. *процесса разрушения наличных жилищ*, то «Экономическая жизнь» приводила об этом в начале 1928 года следующие данные: «Жилища изнашиваются и разрушаются ненормально быстро. По данным ГУКХ (Главного управления коммунального хозяйства), к началу 1927 года износ муниципализированного жилищного фонда определялся в среднем в 35%, а по некоторым отдельным городам даже значительно выше. Так, по Ленинграду, где ориентировочная оценка произведена была с большой тщательностью, износ муниципализированных домовладений определяется в 39,4%, в Костромской губернии — в 39,8%, в Новгородской — в 40,3% и т. д.»*.

Жилищную нужду населения обострило еще то обстоятельство, что из национализированной и муниципализированной площади очень значительная часть отошла под безмерно разбухшие *коммунистические учреждения и канцелярии*. «К моменту переписи 1923 года положение в этом отношении представлялось в следующем виде: в среднем по всему Союзу учреждениями было занято 33,8% жилого фонда; по отдельным же категориям городских поселений процент занятых учреждениями домовладений колеблется так: в Москве — 17,7% (по площади 30%), в Петрограде — 18,5%, в губернских городах — 25,4%»**. Есть, однако, города, где советские учреждения захватили львиную долю жилой площади, значительно превышающую среднюю норму (25%) для губернских городов. Так, в Воронеже под учреждениями было занято 48,7% национализированных строений, в Орле — 52,4%, в Вятке — 56,8%, в Петрозаводске — 76,3%. Сокращение советских учреждений и числа служащих, произведенное в 1923–1926 годах, отразилось на некотором уменьшении площади, занятой учреждениями. «Хотя эти данные (1925 и 1926 годов) трудно

* Н. Козеренко. Как бороться с жилищным хищничеством // Экономическая жизнь. 1928, № 6.

** Н. Козеренко. Что может дать сокращение аппарата управления // «Экономическая жизнь». 22 января 1928 г.

сравнимы с данными переписи 1923 года, но они, во всяком случае, показывают, что даже и после некоторого сокращения, происшедшего в 1926 году, *учреждениями все еще занято больше трети национализированного жилищного фонда**.

Наконец, вследствие острого аграрного кризиса и отлива крестьянства из деревни образовалась необычайная *скученность населения в больших городах* и в промышленных центрах вне городов. Обширный и интересный материал для характеристики жилищного кризиса дает произведенная в связи с общей переписью населения СССР 17 декабря 1926 года перепись жилищ, результаты которой были недавно опубликованы**.

Когда изучаешь данные о распределении жилищной площади в Советской России, то невольно обращает на себя внимание единица счета, здесь применяемая. В других странах при жилищных переписях основной счетной единицей являются обыкновенно комната или квартира, причем высчитывается, сколько человек приходится в среднем или по отдельным категориям на каждую из этих единиц. Счет на квадратные единицы площади имеет лишь второстепенное, подсобное значение. Наоборот, в Советской России основной счет ведется на квадратные метры или аршины, приходящиеся на каждого жителя. Это само по себе очень показательно. Счет на квартиры и комнаты, как мы еще покажем ниже, является в условиях коммунистического строя как бы недостижимой роскошью, *советский житель обречен на существование не в квартире или комнате, а на таком-то числе квадратных метров*.

Советское законодательство и экономическая литература исходят из того, что необходимой средней «санитарной» нормой жилой площади является 8 кв. метров (=16 кв. аршин) на человека (4 аршина в длину и 4 аршина в ширину).

* Там же.

** В дальнейшем мы пользуемся, главным образом, результатами этой переписи в том виде, как они опубликованы в следующих статьях: А. Гишман. Жилищный фонд и жилищные условия наших городов // «Статистическое обозрение». Июль 1928. С. 76—84 и Л. Выгодский. Жилищный вопрос в отражении всесоюзной переписи // «Экономическое обозрение». Сентябрь 1928. С. 134—147.

Данные переписи 1926 года показывают, что большевики не только не достигли этой идеальной нормы, но за последние годы продолжают от нее *удаляться*, ибо *жилищное строительство в городах не поспевает за износом старых домов, не говоря уже о новом приросте населения*.

Средняя жилая площадь на одного человека (для населения, проживающего в квартирах) составляла по всей России 5,9 кв. метров. Это — средняя для *всей* России. Выше ее жилищная площадь оказывается в тех городах, в которых в результате большевизской революции *жизнь* по тем или иным причинам *замерла*, и *население сократилось*. Таковы Петербург (9,7 кв. м), Киев (7,1 кв. м), Одесса (7,4 кв. м). Остальные крупные города имеют площадь на человека *ниже средней*, причем она колеблется в пределах 5,9—4,1 кв. м. Кроме крупнейших городов (Москва и Харьков), где население особенно сильно возросло вследствие сосредоточения здесь бесчисленных советских учреждений с их громадными штатами, особенно неблагоприятны провинциальные промышленные центры, как например Иваново-Вознесенск (4,3 кв. м), Сормово (4,6 кв. м) и т. д. Советская печать (см. особенно орган профессиональных союзов «Труд») пестрит сообщениями о кошмарных жилищных условиях, в которых живут промышленные рабочие. Из огромного числа таких сообщений приведем следующее, относящееся к Уральскому горнопромышленному району: «На Урале отмечаются случаи, когда на площади двух сажень ухитряются жить по 17—18 рабочих. Этот секрет объясняется системой «трех смен». Сдача помещений «под ночлег» (в течение круглых суток) стала весьма выгодным делом»*. Недаром в рабочей среде, как свидетельствует советская печать, для характеристики аналогичных жилищных условий в Донецком бассейне вошло в обиход крылатое словечко: «гробовая норма».

Сравнение данных переписи 1926 года с данными аналогичной переписи, произведенной в 1923 году, показывает, что за это время произошло не увеличение, а наоборот, сокращение жилой площади, приходящейся в среднем на одного

---

* Жилищный вопрос и текучесть рабочей силы // «Труд». 19 января 1928 г.

жителя. Она сократилась за это время с 6,3 кв. м до 5,9 кв.м на человека, т. е. на 6,4%. «Это — самый важный и самый печальный вывод из сопоставления результатов двух последних жилищных переписей, так как указанная средняя является наиболее точным показателем жилищных условий»*.

Что же делала советская власть для того, чтобы остановить дальнейшее разрушение и «проедание» жилищного фонда, и для того, чтобы устранить созданный уничтожением права собственности и другими коммунистическими мерами жилищный кризис? Она, во-первых, вновь ввела и стала неуклонно *повышать квартирную плату* и, во-вторых, *строила новые дома***, преимущественно для рабочих.

Упомянутый в начале декрет 1920 года о полной отмене квартирной платы недолго оставался в силе. Нужно было как-нибудь содержать дома, убирать нечистоты, чинить крышу, когда она начинала протекать, или водопровод, когда он портился. Но вновь введенная декретами 1921 и последующих годов квартирная плата была построена по классовому и подоходному принципам. Она разнилась, во-первых, в зависимости от социального состояния нанимателя, оставаясь на очень низком уровне для «привилегированного сословия» — рабочих, и достигая максимума для «париев» — торговцев, промышленников и т. д. Служащие и лица свободных профессий занимали среднее положение между этими двумя категориями. Во-вторых, в пределах отдельных категорий она увеличивалась с ростом дохода данного лица. Что касается формы эксплуатации домов, то большая часть их теперь сдается на определенных условиях в аренду жилищным товариществам, образуемым из числа обитателей данного дома***.

Первые годы квартирная плата была заведомо недостаточна для производства даже текущего ремонта, не говоря уже о

* Л. Выгодский. Жилищный вопрос в отражении всесоюзной переписи // «Экономическое обозрение». Сентябрь 1928 г. С. 139.

** Вопрос о советском домостроительстве я рассмотрю в особой статье. Автор.

*** См.: Р. Сифман. Аренда городских домовладений // «Статистическое обозрение». Сентябрь 1928 г. С. 101—104.

капитальном, и процесс разрушения домов продолжался по-прежнему. Таково было положение, впрочем, еще в 1928 году. «Квартирная плата, как известно, в общей своей сумме недостаточна для покрытия всех расходов по эксплуатации жилых помещений. По подсчетам ГУКХ, даже и после повышения ее в 1926 году она дает приблизительно только половину необходимой для этого суммы». Автор цитированной статьи приходит поэтому к выводу, что считать вопрос о «проедании» жилищного фонда ликвидированным вряд ли есть основания*. Ввиду этого в начале 1928 года состоялось постановление президиума ЦИК СССР о необходимости ввести с 1 апреля 1928 года новые нормы квартирной платы в интересах *приближения ее к себестоимости эксплуатации жилищ*.

Что касается «классового принципа», положенного в основу квартирной платы, то с того момента, как жилищным товариществам или домоуправлениям волей-неволей пришлось в собственных интересах заботиться о самоокупаемости домов, *эта мера ударила по тем самым рабочим, которых она должна была облагодетельствовать*. При том условии, что квартирная плата сообразовалась с социальным положением жильцов, создавалась большая неравномерность в доходности отдельных домов. Чем больше в данном доме проживало пролетариев, тем безнадежно убыточнее была его эксплуатация вследствие недостаточности квартирной платы. Напротив, чем больше в доме проживало лиц иных категорий, тем легче было сводить концы с концами. Поэтому многие домоуправления и товарищества стали относиться враждебно к вселению к ним слишком большого числа плохо платящих пролетариев и старались регулировать социальный состав жильцов таким образом, чтобы обеспечить достаточную для «рентабельности» дома пропорцию высокоплатящих жильцов.

Во всем этом замечательно не только то, что жизнь мстила за поругание здравого смысла и законов экономики коммунистическими экспериментаторами, но и то обстоятельство,

---

* Н. Козеренко. Очередные нужды жилищного строительства// «Экономическая жизнь». 18 января 1928 г.

что с резкой критикой «классовой» системы квартирной платы и с требованием введения равной для всех платы выступил не кто иной, как ВЦСПС (Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов), который в данном своем выступлении, столь резко противоречащем коммунистическим канонам, несомненно, *отражал настроения и требования рабочей массы*. Существующая система, говорит ВЦСПС в своем заключении по этому вопросу*, приводит к неравномерной доходности домовладений и к худшему содержанию жилищ с меньшей доходностью, т. е. как раз тех, в которых живут рабочие с низкими заработками. «Кроме того, эта система очень слабо защищает рабочих от вытеснения их в худшие жилища, так как домоуправления и частные домовладельцы всячески стараются избавиться от невыгодных жильцов. Нужно систему квартирной платы построить так, чтобы все категории жильцов оплачивали квартиру по действительной себестоимости эксплуатации и амортизации жилищ».

Получается, таким образом, положение, при котором облагодетельствованные социалистическими классовыми привилегиями рабочие просят *избавить их от этих привилегий* и настаивают на введении того, что является настоящим капиталистическим принципом.

Возможны ли более наглядные доказательства разрушительности и нежизненности социализма?

В.Ф. ГЕФДИНГ

ЭВОЛЮЦИОНИРУЮТ ЛИ КОММУНИСТЫ?

Люди, утомленные борьбой и лишениями; люди, плохо уразумевшие мировой смысл нашей русской катастрофы; люди, страдающие честолюбием, соблазненные и соблазняющие, — нередко указывают ныне на то, что «коммунисты эволюционируют» и что *поэтому должно «эволюционировать» и наше отношение к ним*: они де — «уже не прежние коммунисты»; они «многое» «поняли» и «во многом» «изменились»;

* ВЦСПС о квартирной плате// «Труд». 23 марта 1928 г.

одни из них умерли (Ленин, Красин, Иоффе, Воровский, Фрунзе, Склянский, Войков); другие «силою вещей» вынуждены были «прекратить» имущественный передел и начать «хозяйственное строительство» в России; та же «сила вещей» заставила их «признать» частную инициативу (нэп), покончить с продовольственной разверсткой, разрешить крестьянам наем рабочих, ввести строгую дисциплину в красной армии, «примириться с Церковью» (митрополит Сергей), повести «нормальную торговлю» с западноевропейскими державами. Выступили новые фигуры; появились новые приемы; сложились новые задачи и цели. Простая справедливость заставляет де нас признать, что «там» совсем не все так уж безусловно «гадко, гнусно, ужасно»; там есть «иное», «новое» и его надо оценить по-«иному», по-«новому». Не пора ли «принять создавшееся положение»? Не пора ли влиться в строительство «новой России»? Ведь коммунисты несомненно «эволюционируют»...

Одни говорят так потому, что пытаются обмануть *самих себя*; другие потому, что пытаются обмануть *других*. И те и другие кривят душою и сползают в пропасть. И вот почему.

1. Все мы живем во времени; во времени чувствуем и поступаем; подвергаемся разным влияниям, заражаемся, болеем и умираем. В этом общем смысле все «эволюционирует»; и наряду с бактериями, ядовитыми насекомыми и хищными зверями «эволюционируют» и коммунисты. Утверждать такую «эволюцию» значит выговаривать общее место, ничего не говорящий трюизм, замечание избитое и поверхностное, из которого нельзя сделать *никаких практических выводов*. Да, бактерии «эволюционируют»; значит ли это, что я должен содействовать им? Ядовитые насекомые — тоже «эволюционируют»; вытекает ли из этого их безвредность и полезность? «Эволюционируют» и хищные звери; что же мы не торопимся подражать их хищности? Итак: дело не в «эволюции вообще», а в особой *качественной* эволюции, в *качественном перерождении коммунистов* — их *целей, их намерений, их приемов, их мирозерцания и Бого-зерцания*, т. е. всего их духовного ук-

лада и нравственного естества. Но утверждать *такую* эволюцию — значит говорить явную ложь.

2. На самом деле коммунисты *качественно не* эволюционируют и ожидать от них такой эволюции было бы *наивно и глупо*. Свойственный им уклад души вырабатывался *десятилетиями*, еще в эпоху императорской России; он передавался от родителей к детям, закреплялся в революционном подполье и, постепенно накаляясь, доходил до *одержимости*, до состояния слепоты и глухоты ко всему инородному, до состояния ненависти и презрения к противоположному восприятию мира. Коммунистическое течение медленно слагалось в *изуверскую политическую секту*, в организацию заговорщиков-фанатиков; они создавали то, что в науке называется «*коллективным психозом*», и сами становились его жертвами и орудиями. Ими владеет судьба всякого демагога, который сначала разжигает чернь, а потом сам становится ее орудием; который сначала создает как бы тот резервуар страстей, из которого он сам в дальнейшем черпает свою собственную ожесточенность. Но коммунисты еще позаботились и о том, чтобы *закрепить* этот коллективный психоз, создать под именем «партии» кадр ожесточенных душ и скрепить его: а) совместным преступлением (раздел чужого имущества, гражданская война, террор, убийство царской семьи); б) страхом перед грядущей неминуемой карой; в) жадностью мировой добычи и мирового господства; г) взаимным шпионажем. Вследствие всего этого коммунистический уклад на основе своей перестал быть явлением *органическим*, способным к перерождению, и стал явлением *механической слепоты*. Из катастрофы рожденные, катастрофе служащие, они могут найти свой конец *только в катастрофе*. Такие явления, не эволюционирующие, а катастрофические — знает и внешняя природа (например, распадение звезд, ураганы, извержение вулканов).

3. Коммунисты и ныне верны своей цели: *растлить мир духовно для того, чтобы поработить его политически; в имущественном переделе и в гражданской войне выдвинуть повсюду новую безбожную «элигу», которая закрепит за собою мировую*

власть системой подкупа, террора и шпионажа. Этой цели они будут верны до конца. Россия есть их плацдарм, их трамплин, их орудие: как бы их «питательный бульон». Если они строят в России, то строят этим не Россию, а мировую революцию. Если они организуют армию, то не Русскую армию, а армию мировой революции; и сами всегда открыто выговаривают это. Если они торгуют с Западом, то для того, чтобы продержат свой плацдарм. Интерес России не есть их интерес, и их интерес противоположен интересам русского народа. Если в России заметно кое в чем медленное улучшение, то не благодаря коммунистам, а вопреки им, и несмотря на их деятельность. И в подъяремной Православной Церкви они видят только своего врага, из которого они пытаются сделать свое орудие (соглашение с митрополитом Сергием). Их власть есть не русская власть, а власть над Россией, власть ее врага и ее погубителя.

4. В России эволюционирует качественно не коммунизм, а русский народ. А коммунисты, всячески задерживая эту качественную эволюцию русского народа, видят себя вынужденными приспособлять свои меры к совершающимся в народной толще переменам, т. е. по-новому изловчаться, по-новому растлевать, по-новому обманывать, по-новому натравливать друг на друга («бедноту» на «кулаков»), по-новому налаживать аппарат сыска и доноса. Это есть, конечно, тоже «эволюция»; но не эволюция к лучшему качеству, а эволюция к новым видам сатанизма; эволюция не сущности, а внешних проявлений; эволюция не целей и намерений, а внешних приемов и средств.

Но русский народ, живя и страдая под коммунистами, несомненно, эволюционирует к лучшему. Страдания его выросли из самых заблуждений, страстей и деяний, им совершенных; и в страданиях своих он выстрадывает кривые пути своего прошлого; религиозно очищается и углубляется его душа; здорoveет его инстинкт национального самосохранения и инстинкт собственности; медленно, но верно спадает с его души гипноз страха и соблазна. Проходит соблазн, исчезает разбойничья установка души; он медленно научается уважать себя и презирать своего соврагителя; и медленно собирается с

силою для надлежащего отпора коммунистам. *Русский народ понемногу переходит в наступление на не эволюционирующих, но изворачивающихся коммунистов.*

И только близорукость или бессовестность способны принимать и выдавать этот процесс *национального возрождения за качественное перерождение коммунистов.*

СТАРЫЙ ПОЛИТИК

ПРОРОЧЕСКИЕ СЛОВА

(Для памяти)

Существует Бог в мире, и божественная санкция должна таиться в недрах всякого управления и повиновения, должна лежать в основе всех моральных дел людских.

Скептический мир — неискренний мир; скептицизм — безбожная неправда мира! Из него зародилось целое племя социальных язв — французская революция, чартизм и все, что угодно; он составлял главную основу их неизбежного существования.

В основе всякого требования, обращенного человеком к человеку, лежит божественное право или же дьявольское бесправие.

Я предсказываю, что мир еще раз станет искренним, верующим миром, что в нем будет много героев, что он будет героическим миром! Тогда он станет победоносным миром; только тогда и только при таких условиях.

Человек не может вообще *знать*, если он не *поклоняется* чему-либо в той или иной форме. Иначе его знание — пустое педантство, сухой чертополох.

Всемирная история есть история великих людей. История этих последних составляет поистине душу всей мировой истории.

Великий человек является всегда точно молния с неба; остальные люди ожидают его, подобно горючему веществу, и затем сами воспламеняются пламенем.

Увы, это так: только тот может узнать героя, кто до известной степени сам герой.

Великие души всегда лояльно-покорны, почтительны к стоящим выше их; только ничтожные, низкие души поступают иначе.

Ум человека заключается не в том, чтобы уметь «говорить» и «делать логические выводы», а в том, чтобы *видеть* и *убеждаться*.

Разве мысль, истинный труд, самая высочайшая добродетель — не порождение *страдания*? Истинная мысль возникает как бы из черного вихря. Действительное усилие, усилие пленника, борющегося за свое освобождение, — вот что такое мысль. Нам повсюду приходится достигать совершенства путем страдания.

Все достоинство оригинальности — не в новизне, а в искренности. Верующий человек — оригинальный человек; во что бы он ни верил, он верит в силу *собственного* разума, а не в силу разума другого человека.

Ничто не обладает такой долговечностью, как правдиво сказанное слово.

Молчание, быть может, самое полезное из всего, что каждому из нас остается делать в эти чересчур звонкие времена.

Ибо, действительно, мир изобилует олухами, а вы добились *всеобщего* голосования!

Первая обязанность человека все еще и до сих пор заключается в *подавлении страха*. Мы должны освободиться от страха: мы не можем вовсе действовать, пока не достигнем этого. До тех пор, пока человек не повергнет страха под пяту ног своих, поступки его будут носить раболепствующий характер, они будут не правдивы, а лишь правдоподобны; самые мысли его будут ложны, он будет думать совершенно как раб и трус.

КАРЛЕЙЛЬ

№ 8

Часть I

Никогда не должно выходить на брань без главной побеждающей мысли; это как бы победоносное знамя... Она имеет силу воодушевлять и возродить человека под собою; и потому надобно как можно чаще приводить ее в сознание и доводить до чувства.

Феофан Затворник

ЕДИНЕНИЕ И РАЗДОР

Россия пала *от раздора* и может восстать и возродиться только через *единение*. Нам, русским, нет иного пути к спасению; и чем скорее мы уразумеем это, чем скорее мы сумеем обуздать свои страсти и сосредоточить свою волю на *единой и общей* цели, тем скорее восстанет и возродится Россия.

Нелегко нам этого достигнуть теперь, когда к основным источникам нашей национальной раздорливости присоединилось еще особое душевное заболевание — *психоз гражданской войны*, овладевший русскими душами и отнюдь не изжитый ими; теперь, когда равнинная центробежность наших душ и их славянская страстность потрясены и возбуждены тем потоком злобы, ненависти, преступлений, разрушений, обид и утрат, который именуется *коммунистической революцией*. И тем не менее единение необходимо; и рано или поздно оно будет достигнуто.

Русскому человеку всегда трудно давалось единение. Сама природа от века как бы благоприятствовала раздорам на Руси: равнина широка и просторна, и кажется, нет ей конца; безмерны русские степи; бесконечны дебри русских лесов. От древности водилось у нас так, что двое, не ужившись, легко разлучались и разбредались: ведь «Божий свет на волю дан»; и чего ради насиловать себя, добиваться примирения? «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше»; а далекие дали так и зовут своим простором. И вот, каждый бросает другого и легко уходит «куда глаза глядят»; и разошедшиеся наверное не встретятся больше никогда. В основе нашей вековой расплывающейся колонизации — много этой *неуживчивости*; этого то активного, то пассивного *своеволия*; этой русской бродяжливой *неусидчивости* (новгородская вольница, казачество, старообрядческие выселения и т. д.).

Русская природа всегда благоприятствовала обособлению и разброду людей, той первобытной *индивидуализации*, которая сама по себе еще не дает человеку ни духовности, ни характера, но лишь приучает его ставить выше всего свой «нрав» и произволение, приучает его подчиняться только внешней налагаемой на него и наказующей его силе. Русские люди все «индивидуальны» в этом смысле; каждый живет со своим «вкусом», «укладом» и «образцом», с самобытным «характером», который слишком часто оказывается упрямой бесхарактерностью. Каждый считает свои личные воззрения единственно верными; и не дай Бог — не согласиться и заспорить...

Природная русско-славянская *страстность* довершает это дело и затрудняет нам соглашение и согласие. Мало кому из нас присущ *дар терпимости*; и кто с нами не согласен — тот уже кажется «или подлецом, или дураком». Русский человек от природы *сектант*, т. е. (буквально) «страстный приверженец» какого-нибудь «мнения»; а если к тому же ему дан темперамент, а сила суждения его невелика, — то как же не стать ему изувером или фанатиком? Недаром один наблюдательный иностранец, изучавший русскую историю, говорил, что в каждом русском — или спит, или буйствует маленький «никита пустосвят»¹³².

Тысячу лет тому назад один византийский император отметил в своих записях, что русские производят впечатление «предателей», потому что в страстной ненависти друг к другу они *легко предают общее дело*; но, замечает он, если присмотреться внимательнее, то видишь, что это не предательство, а *страстное и слепое* преследование своего *личного мнения*: разойдясь во взглядах, русские не умеют уступать и соглашаться, они начинают ненавидеть и презирать друг друга и готовы из-за этой ненависти забыть общего и настоящего врага.

Изменилось ли что-нибудь с тех пор? Разве не княжеские раздоры предали Русь монголам и разве не трещали кости князей под досками пировавшей татарвы? Не побоищем ли «кончанским» и «уличанским» решал Великий Новгород свои дела в последней инстанции? Не доносили ли князья друг на друга в Золотую Орду? Не раздирали ли Московское княжество — Шуйские и Глинские? Не бояре ли пустили на Русь самозванца? Не страдала ли Россия в смуте в низовых бунтах и в дворянских переворотах XVIII века? И кто может перечислить все исторические явления русской раздорливости...

Но все это было лишь полбеды: *недуг*, а не доктрина; *слабость*, а не преднамеренность; вспышки страстей, а не планомерная система. Последние же 50 лет нашей истории принесли нам с Запада настоящую *доктрину раздора, теорию гражданской войны, систему* классовой зависти, ненависти и травли насмерть. Революция превратила наше гибельное предрасположение — в *догмат*; она развязала все центробежные страсти в русской душе; она сознательно подготовила *невиданный в человеческой истории раздор*, который и привел Россию к коммунистическому порабощению и обнищанию.

Но она сделала еще одно. Тот поток злобы, ненависти, преступлений, разрушений, обид и утрат, который излился от нее на Россию, — заразил русские души *психозом гражданской войны*. Этот психоз выражается не в том, что русские люди сознательно проповедуют гражданскую войну против коммунистов или планомерно ее готовят; это можно было бы делать и без психоза. А в том, что *русские души полны не-*

изжитой обиды и ненависти, какой-то обостренной уязвленности и честолюбивой притязательности, которая только и ждет повода или объекта для того, чтобы сорваться со всех цепей и разгореться в новое ненавидящее сектантство, все равно — партийно-политическое, церковное или чисто личное. Надо признать, что пробужденная, но не утоленная ненависть, несмотря на всю ее неспособность к жизненному творчеству, могла бы все же оказаться условно-целесообразной в борьбе за освобождение России и за свержение коммунистов. Но для этого она должна была бы стать осмысленной, обузданной, направленной на верный предмет и подчиненной волевому плану. Ненависть нельзя проповедовать; но раз она исторически дана, ее можно и должно преобразить в священное негодование и в самоотверженную борьбу со злодеями. Однако об этом мало кто думает. Одни проповедуют сентиментальное непротивленчество; другие изживают запас своей ненависти во всевозможных частных раздорах, не только не осмысленных единою и главной борьбою с национальным врагом России, но обычно выгодных именно этому врагу и только ему. Люди раскалываются по всякому поводу на партии или группы и быстро накаляются во взаимной ненависти до черноты в глазах; и, накалившись, рады верить всякой инсинуации, клевете и сплетне друг про друга. И сами проповедники аполитизма и непротивленчества не только не воздерживаются от этих раздоров, но нередко являются сущими носителями и распространителями этой черной и губительной заразы.

Кажется, будто сам дьявол распускает по ветру семена раздора и ненависти; кажется, будто люди только и ждут того, чтобы отдаться чувствам взаимного подозрения и презрения, чтобы растерзать и до конца дотерзать национальное тело России. И замечательно, что этот психоз ненависти и раздора разъедает души тем сильнее, чем дальше главный враг, чем больше людям дано свободы и безопасности, чем легче, казалось бы, им опомниться, побороть свои страсти и установить единение для общей борьбы с общим врагом.

Россия может восстать и возродиться *только через единение*; и пока русские люди не поймут этого и не обуздают свою тягу к несогласиям и распрям, до тех пор они, отдаваясь *духу междоусобия*, будут губить и предавать национальное дело России. Напротив, как только их сердца почувствуют, как только их мысль постигнет, что *во всех делах* — и больших, и малых, и местных, и общерусских, и личных, и общественных, и для нынешнего дня, и на века вперед, — **существенно общее, национально-русское, а разъединяющее — несущественно**, так начнется оздоровление и воссоздание России как в зарубежье, так и под ярмом. Русские люди, где бы они ни находились и что бы они ни строили, обязаны постоянным и зорким усилием воли *извлекать свои страсти из того, что их разъединяет* перед лицом единого и общего врага; они *не смеют* отдавать свои силы на междоусобную распрю; они должны помнить, что *их страсть и их воля принадлежат не им, а России*, и что они *не имеют права* растрачивать их на всеразлагающую взаимную свару и травлю.

Россия пала от русской раздорливости и революционной травли. И тот, кто пребывает в этом духе, служит ему и не может преодолеть его в своем сердце, — тот *продолжает дело революции и сынов гибели*. Горе нашему поколению, если оно сойдет в могилу, прослужив этому духу до конца! Не добром помянет его возрожденная Россия.

РЕДАКТОР

НАЧАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА БУДУЩЕЙ РУССКОЙ АРМИИ

I

«Пребывая в мире, нельзя забывать о делах воинских, чтобы не случилось с нами того, что с монархией греческой». Так сказал свыше 200 лет тому назад наш Великий царь Петр I, отвечая на радостные поздравления его птенцов с заключением Ништадтского мира, закончившего долголетнюю войну

со Швецией и утвердившего Россию на берегах Балтийского моря.

Эти мудрые слова Великого Петра не следует забывать нам и теперь, ибо несомненно, что, несмотря на существование Лиги Наций, различных официальных, полуофициальных и частных всякого рода организаций и отдельных лиц, борющихся за вечный мир и проповедующих его; несмотря на недавние договоры о ненападении; несмотря, наконец, на недавние международные постановления считать войну вне закона; защита существеннейших интересов народов и государств, решение ими их основных исторических задач, обеспечение национального их роста и всестороннего развития — могут быть достигнуты, по выражению создателя Германской империи Бисмарка, лишь *«кровью и железом»*.

Для достижения указанных целей война есть *единственное* и притом *нравственно-законное средство*. И это потому, что хотя она для данного и, быть может, ближайшего одного-двух поколений несет ужас личного горя, несчастья и печали, экономическое расстройство, ослабление материальных сил, понижение морали и огрубение нравов, но в то же время она... благоприятствует развитию и выявлению лучших сторон человеческой души, пробуждает героизм, жажду нравственного подвига, готовность жертвовать собою для других и ради высших национальных целей, она научает многому полезному, она заставляет народы более напряженно работать в производительном труде и, давая возможность отдельным государствам и народам достичь их национальных стремлений и задач, способствует, в конце концов, развитию *материального и морального прогресса* человечества вообще.

Вечный мир возможен только на кладбище. Все живое стремится, с одной стороны, сохранить себя, а с другой стороны, обеспечить существование и получение наивысших во всех отношениях благ для себя и для своего потомства, и за них *готово бороться* всеми силами.

И никакие Лиги Мира и тому подобные организации, никакие договоры, признающие войну преступлением, не

заставят народы отказаться от *права на эту борьбу, от права на войну*, когда дело дойдет до их жизненных и высших национальных интересов.

Недаром ныне, когда больше, чем когда-нибудь, идут разговоры о вечном мире, проповедуются учения, организуются разные союзы и заключаются всевозможные договоры против войны, все государства напрягают свои силы к тому, чтобы быть готовыми к войне, быть лучше других подготовленными к ней, — одни для сохранения и обеспечения своего настоящего положения, другие для достижения своих национальных стремлений и потребностей, третьи для получения первенствующего и даже мирового значения в соответствии с материальной и духовной мощью народов, их составлявших.

Раз это так, то вопрос о *подготовке к войне* во всех отношениях, об *организации победы* над теми, кто сможет и захочет помешать осуществлению тех или иных из указанных выше задач, приобретает *действенное* и притом *весьма важное значение*.

Особенное значение этот вопрос приобретает *для нас, русских*.

Историческая жизнь России на путях осуществления ее материальных и духовных национальных интересов 11 лет тому назад была остановлена и даже повернута на много лет назад. Россия потеряла даже свое более чем тысячелетнее имя.

Национальный дух народа, его русская стихия, сознание своего исторического предназначения и своего значения среди других народов, ощущение своей физической и моральной мощи, своей даровитости и талантливости, верная оценка своей духовной организации, отличной от таковой других народов, не сегодня-завтра заставят русский народ сбросить всякого рода путы, его ныне связывающие, *вернуться на прежний исторический путь*, к решению национально-органических своих задач, и прежде всего для того, чтобы возвратить России ее славное и дорогое для нас имя, занять среди других государств подобающее ей место, развернуть во всю ширь ее материальные возможности, дать выявиться в полной мере ее духовным богатствам и, в конце концов, выполняя миссию,

возложенную на нее свыше, и руководясь истинами Православия, вести человечество к духовному совершенствованию.

Без борьбы внутренней и внешней, т. е. без войн гражданской и международных, добиться этих целей не представляется возможным.

Таким образом, России уже в ближайшем будущем предстоит войны и притом многочисленные и очень тяжелые.

Чтобы победить в этих войнах, России нужна *организация соответствующих общих и специальных средств* и нужно *умение использовать эти средства* в определенном направлении.

То и другое составляет задачу военного искусства.

Военное искусство как по своим задачам, так и по своей цели представляется искусством чрезвычайно *сложным и трудным*; и, несомненно, поэтому как организация средств войны, так и использование их для ведения ее — не могут производиться *без определенной системы, без какого-либо плана, случайно, без направляющей идеи*.

Такая система, такие руководящие идеи в военном искусстве, как, впрочем, и во всяком другом, могут быть установлены лишь при наличии *основных положений, принципов или законов*, основанных на природе вещей и на естественном взаимоотношении явлений, вытекающих из этой природы.

Наличие таких принципов (законов) признается *всеми великими практиками* военного искусства — *великими полководцами*, а также *всеми первоклассными теоретиками* военного дела — *выдающимися военными учеными*.

Великие полководцы силою своего гения *интуитивно постигали* эти принципы, сознательно на практике *устанавливали их наличие* и давали блестящие образцы их *использования*.

Выдающиеся военные ученые, изучая деяния великих полководцев, а также других военачальников, исследуя возможно большее число войн, в свою очередь *убеждались в существовании законов* военного искусства, *вскрывали их сущность, точно формулировали их, делали познание их доступным для всех* и наглядно *доказывали*, во-первых, что принципы военного искусства *постоянны и неизменны* и что только *применение их*

различно в зависимости от сложившейся обстановки, и во-вторых, что только следование принципам военного искусства и умелое применение их соответственно обстановке — приводило к боевой удаче, а нарушение принципов, забвение их — приводило неминуемо к неудаче.

И эти положения справедливы при всякого рода войнах, при самых разнообразных условиях вооруженной борьбы, при боевых действиях различного характера — будут ли эти войны международные или гражданские, ведется ли вооруженная борьба в местности обыкновенной, в горах, степях, в местности лесистой или болотистой, происходят ли боевые действия в поле, под крепостями, на разного рода укрепленных позициях, большими или малыми силами, наступлением или обороной, регулярным способом или партизанским.

К сожалению, как показывает опыт многочисленных войн, люди далеко не всегда относятся с надлежащим уважением к определенно установленным и практикой и теорией военного дела принципам военного искусства. Одни — по крайнему невежеству; другие — полагая, что принципы пригодны только в известных случаях, при боевых действиях определенного характера; третьи — считая, что в военном искусстве вообще не может быть никаких принципов и что для искусного в деле военных действий нужен только навык и некоторая талантливость.

Такое отрицательное, в том или ином виде, отношение к принципам приводит при военных действиях, прежде всего, к крайнему напряжению усилий действующих войск, требует необычайного героизма с их стороны и вызывает массу кровавых жертв, и если иногда делает частные успехи, то в конечном результате завершается полной неудачей.

Примеры такого отношения к принципам военного искусства особенно часто, и притом до самого последнего времени, как показывает беспристрастная история, можно подметить в русской армии.

Вот почему наши войны при встрече с более или менее серьезным и «строгим» противником всегда были излишне кровопролитны; вот почему боевые действия у нас сплошь и

рядом велись без системы, без руководящей идеи, на авось, кустарно, не считаясь с потерями, руководствуясь убеждением, что мы «шапками закидаем»; вот почему наши успехи обычно были случайными, а наши неудачи — естественными и потому частыми; вот почему нашим военачальникам приходилось учиться уже на войне и войною, платя за свои уроки реками безрезультатно пролитой крови.

Готовясь ныне к войне, мы должны, прежде всего, проникнуться мыслью о несомненном существовании принципов военного искусства, о громадном значении их, о необходимости их изучить и научиться применять их при всякой обстановке. Мы должны раз навсегда оставить мысль, что можно, особенно при современных условиях, вести войну и отдельные боевые действия без следования принципам военного искусства. Мы должны твердо усвоить себе, что только при уважении к принципам военного искусства можно воевать и добиваться победы, по слову Петра Великого, «с легким трудом и малою кровью».

Нам тем легче исполнить все это, что наша отечественная история дает богатый материал для изучения военного искусства с этой точки зрения.

Изучайте походы и сражения Святослава Киевского, Дмитрия Донского, великого князя Московского Иоанна III, царя Иоанна IV, Петра Великого, Миниха, Салтыкова, Румянцева, Суворова, Кутузова, Дибича¹³³, Скобелева, Гурко¹³⁴ — и вы познаете, в чем состоят принципы военного искусства, каково их значение, как их применять при различной обстановке и что дает в результате искусное следование им.

Изучайте наши первые войны с Наполеоном, войны царствования императора Николая I, японскую войну 1904—1905 годов и великую мировую войну и вы познаете, к чему ведет сознательное или бессознательное пренебрежение принципами военного искусства, сколько лишней крови было пролито при этих условиях за достижение частных успехов, почему в этих войнах постигла нас конечная неудача, однако, также оплаченная многочисленными напрасными жертвами.

Во всякой борьбе одерживает верх, побеждает *сильнейший*.

Это закон природы.

В соответствии с этим и в зависимости от сущности других факторов вооруженной борьбы главным принципом военного искусства является так называемый «*принцип частной победы*».

Принцип этот требует *быть сильнейшим на решительном (важнейшем) пункте в решительную минуту*.

Удар, произведенный при таких условиях на этом пункте в момент наиболее благоприятный для нас и наименее благоприятный для противника (решительный), приводит к успеху на этом пункте. Вследствие же причин материальных специального характера, а также нравственных и психологических этот частный успех влечет за собою физическую и духовную невозможность сопротивления на других пунктах поля борьбы и, в конечном результате, приводит к общему успеху, *общей* победе в данном сражении.

Быть сильнейшим — это, значит, иметь *численное превосходство* и обладать более высокими *качествами*.

Но из двух свойств, которые дают возможность быть сильнейшим, наибольшее значение имеет *качество*, а не *количество*, ибо именно оно дает: наибольшее искусство действий и владения средствами борьбы, напряжение усилий, порыв, стремительность, настойчивость, упорство, энергию, стремление к наибольшей согласованности действий, способность проявить жертвенный героизм вплоть до отречения от себя в пользу общего дела и до готовности положить душу свою за други своя; иными словами — качество дает все то, что делает человека сильнее.

С другой стороны, количество всегда в ущерб качеству, в особенности в случаях, где стихийно должна проявиться деятельность человеческого духа.

Поэтому для осуществления столь необходимого для общего боевого успеха принципа частной победы нет нужды непременно быть превосходнейшим в числе (преобладать количеством). А потому, стремясь быть сильнейшим и принимая во внимание, что действовать во всех отношениях легче менее

многочисленными, а значит, и менее громоздкими, более подвижными и удобнее управляемыми массами, нужно стараться обладать преимущественно *превосходнейшим качеством*.

Из этого можно и должно сделать заключение, что для того, чтобы быть сильнейшим на решительном пункте в решительную минуту, *нет* необходимости иметь численное превосходство *и на всем поле сражения*, хотя бы оно простиралось на многие десятки верст, ибо и здесь должно отдать преимущество качеству над количеством.

А отсюда прямой логический вывод, что и *на всем театре* войны можно с успехом бороться с противником, не имея численного над ним превосходства, но обладая войсками, превосходящими его войска качественно.

Наряду с этим нужно признать, что в настоящее время больше, чем когда-либо, в силу причин социальных, экономических и духовных и вследствие развития идей, с одной стороны, антигосударственных, а с другой стороны, националистических — содержать вооруженные силы, численно громадные, для всякого государства гораздо труднее, тяжелее и менее материально выгодно, чем относительно незначительную армию, но зато хорошо подготовленную.

Таким образом, все говорит за то, что не только нет надобности, но и гораздо полезнее в целях достижения конечной военной цели войны — одержания полной победы над врагом — и гораздо выгоднее, с точки зрения материальной и моральной тяжести для государства и народа, иметь в качестве средства для вооруженной борьбы не «*вооруженный народ*» и не «*полчища*», а относительно *небольшую армию*, каковую только и можно отлично подготовить, т. е. придать ей во всех отношениях *высокое качество*, это первенствующее свойство, дающее возможность быть сильнейшей на всех и на отдельных театрах войны, на каждом поле сражения и в решительном пункте его в решительную минуту.

Относительность при определении «*незначительной*» армии зависит от многих причин и пределы ее различны для разных государств.

Она зависит: от величины самого государства; от численности народа, его составляющего; от географического положения государства; от протяжения и характера его границ; от естественных его богатств; от промышленного и экономического его развития, его государственного смысла, силы и качества патриотизма; осознания им своей провиденциальной миссии; от его духовного развития, в частности от его религиозности и просвещенности вообще.

Все эти данные, обуславливая максимальную численность *«небольшой»* армии, в то же время должны определить и ту *военную систему*, которая может обеспечить формирование, организацию, пополнение, снабжение всем необходимым и боевую подготовку армии, дающую ей наивысшее качество.

Качество армии, в соответствии с природой человека, складывается из элементов *материальных* и *духовных*.

К *первым* относятся: физическое здоровье, сила и крепость каждого воина; все необходимое для жизни армии во все периоды ее существования и деятельности (обмундирование, снаряжение и т. д.), всякого рода оружие для ведения действий вообще и боя в частности; обученность отдельного бойца и целых частей различной величины; владение оружием как в одиночку, так и в совокупности; искусство выполнять раздельно и согласованно различного рода действия, вызываемые боевою обстановкою; навыки, способствующие, при наименьшей затрате физической силы и энергии, выполнению всего того, что может быть потребовано на войне силою вещей, волею руководителей всяких степеней и обстоятельствами. Сюда же нужно отнести и организацию войсковых частей, ибо она способствует искусному пользованию оружием и выполнению необходимых боевых действий.

К *духовным* элементам качества относятся: способность преодолевать чувство самосохранения, сильная воля, твердость характера, храбрость, энергия, настойчивость, уверенность в себе, душевный подъем, стремительность, мужество, дисциплина, ясность сознания, хладнокровие, душевное рав-

новесие, терпеливость, воодушевление, бодрость, готовность жертвовать собою для других и для общего дела.

Как бы ни были совершенны *физические свойства* человека, он не в состоянии будет использовать их на войне и особенно в бою, если он потеряет способность преодолевать *чувство самосохранения*; как бы богато ни были *снабжены* каждый воин в отдельности и вся армия в общем различного рода предметами снабжения, хотя бы и наивысшего качества, они не принесут им пользы, если воин в то же время утратит *волю, духовную энергию и твердость*; как бы совершенно ни было в армии *оружие*, оно будет для нее совершенно излишне, если наряду с этим воины в бою потеряют *ясность сознания и уверенность в себе*; никакое *умение владеть оружием*, никакое *искусство производить различные боевые действия* и никакие *полезные навыки* не приведут к успеху, если армия сверх этого не будет обладать *храбростью, мужеством, душевным равновесием, хладнокровием, спокойствием*; никакая самая лучшая *организация*, даже вполне отвечающая принципам военного искусства, не выполнит своего назначения, если в армии не будет подлинной *воинской дисциплины*.

К этому нужно прибавить, что армия не в состоянии будет преодолеть всех тех *физических тягот, неудобств и неприятностей* и тех *моральных испытаний*, которые сопровождают войну постоянно и непрерывно, если солдаты ее не будут обладать *силою воли, настойчивостью, упорством, терпеливостью...*

Наконец, только обладая *высоким душевным подъемом, захватывающим воодушевлением, сильною стремительностью, горячим порывом, неиссякаемой энергией и бодростью, жаждой победы* во что бы то ни стало, *готовностью жертвовать собою* за других и для победы, армия может выказать *наивысшее напряжение всех своих физических и духовных сил* для преодоления наисильнейшего сопротивления врага, опирающегося на все свои материальные средства и воодушевленного желанием не уступить до конца.

Таким образом, все материальные элементы находятся в зависимости от духовных и первые теряют *всякое значение* при отсутствии или даже недостаточности вторых.

Поэтому, несомненно, *духовная, нравственная сторона* имеет преимущество над *материальной*.

Дух преобладает над материей.

Ревель

А.К. БАИОВ¹³⁵

(Окончание следует)

О ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Какие бы еще социалистические или коммунистические потрясения ни были суждены человечеству, — ныне можно уже с уверенностью сказать, что они поведут не к отвержению, а к *новому осмыслению и обоснованию частной собственности*. Внимательно наблюдающему глазу ясно, что наивысший подъем социалистических надежд и иллюзий уже *отошел в прошлое*; перевал остался за плечами; и хотя новые «победы» и «завоевания» социализма совсем еще не исключены, однако коммунистический эксперимент в России нанес всему движению тяжелый и непоправимый удар. Лучше всего это чувствуют и сознают социалисты, это выражается не только в той жалкой растерянности и обескураженности, в которой пребывают *русские* социалисты *небольшевики*, но и в той злобе, с которой пишут и говорят *иностранные* социалисты о коммунистах в России; и, что еще замечательнее, это те признания, которые ныне можно слышать от иностранных социалистов, — конечно, в «совершенно доверительном» порядке: они начали догадываться о *хозяйственной неосуществимости* социалистического строя, о *нежизненности* и *химеричности* всей их программы; и иногда они выговаривают это с большою отчетливостью. Публично они этого, конечно, не признают; напротив — они считают необходимым продолжать прежнюю пропаганду и усиливать давление на имущие классы, ссылаясь на «инерцию массового психоза» и на невоз-

можность «уступить массы коммунистам»... Но это означает только, что демагоги становятся пленниками и заложниками толпы, тогда как в душе их нет уже ни пафоса, ни веры.

Еще недавно, перед революцией, русское «общественное мнение», отчасти совращенное, отчасти подавленное и запуганное социалистами, склонялось перед ними как перед носителями «новой справедливости»: сочувствовать социализму считалось чуть ли не признаком политической порядочности; отстаивать частную собственность считалось проявлением классовой жадности, негуманности и реакционности. Казалось, что защищать частную собственность *идейно и принципиально* вообще нельзя: конечно, можно быть «капиталистом» и бороться за *свое* имущество или богатство, — чтобы его не отняли; но по существу... *что же можно сказать в защиту принципа частной собственности по существу?* разве этот принцип не означает — торжество «эгоизма и своекорыстия»? самое вопиющее «неравенство и несправедливость»? роскошь и нищету? эксплуатацию и угнетение? и потом — «безобразную конкуренцию», перепроизводство, кризисы, безработицу, вырождение рабочего класса, «капитализм» и «милитаризм»?! Только «продажные идеологи буржуазии» могут защищать *принцип частной собственности* и вытекающий из него *хозяйственный и правовой строй*; все же идейные и бескорыстные люди «мыслят социалистически»...

С тех пор русское общественное мнение получило необычайный по суровости и по разрушительной силе урок, и время социалистической запуганности прошло для него безвозвратно. И если за 11 лет революции вопрос об обосновании частной собственности не сдвинулся с места, то это объясняется отнюдь не прежним гипнозом социализма, а скорее, идейным бесплодием русского зарубежья.

Идея частной собственности отнюдь не выдумана произвольно лукавыми и жадными людьми, как, по-видимому, думали и Руссо, и Прудон. Напротив, она вложена в человека и подсказана ему *самою природою* подобно тому, как от природы человеку даны индивидуальное *тело* и индивидуальный *инс-*

тинкт. Человек от Бога и от природы создан так, что он (телом своим) есть вещь среди других вещей и непрерывно нуждается в этих других вещах (ходит, лежит, дышит, согревается, питается, лечится и т. д.). Для того чтобы жить, человек должен *заниматься этими вещами, приспосабливать их к своим потребностям, посвящать им свое время, отдавать им свой труд* (телесный и душевный), *совершенствовать их, вкладывать в них себя и свои ценности* — словом, *превращать их в объективное выражение и продолжение собственной личности.*

Эту связь свою с вещами, это вкладывание себя в них — человек может свести к самому скудному минимуму; одни делают это от лени и беспечности (напр., итальянские лаццарони), другие ради высшего духовного сосредоточения (индийские йоги, христианские аскеты). Но совсем обойтись без этого — человеку не дано. У человека же, создающего *хозяйственную культуру*, это общение с вещами становится основной формой деятельности.

Хозяюствуя, человек не может не *сживать* с *вещью*, вживаясь в нее и вводя ее в свою жизнь. Хозяин отдает своему участку, своему лесу, своей постройке, своей библиотеке — не просто время и не только труд; он не только «поливает потом» свою землю и дорабатывается до утомления, до боли и ран на теле; он *творчески заботится* о своем деле, вчувствуется в него воображением, изобретает, напрягается волею, радуется и огорчается, *болеет сердцем*. Он не только творит и определяет судьбу своих вещей, но он и сам связывает с ними *свою судьбу*, веря им и свое настоящее, и свое будущее (свое, своей жены, детей, потомства, рода). *Все страсти человеческие* вовлекаются в этот хозяйственный процесс — и благородные, и дурные, — от религиозно-художественных побуждений до честолюбия, тщеславия и скупости; *все интересы человеческие* связываются с успехом и неуспехом дела — от инстинкта самосохранения до удовлетворения самых высших и духовных потребностей. Человек связывается с вещами — не только *материальным интересом*, но и *волею к совершенству*, и *творчеством*, и *любовью*.

Все это не пустые слова и не отвлеченные выдумки. Называя свою землю «матушкой» и «кормилицей», пахарь действительно *любит* ее; садовник не просто «копается в саду», но *творчески чувствует* жизнь своих цветов и деревьев: строя себе дом, человек создает свой *интимный угол*, свой *священный очаг*, как бы свое новое «я»; все истинные коневоды были *художественно влюблены* в свое дело; и погромщик страшен не убытками, а завистью и ненавистью к чужому достижению и *совершенству*, *презрением* к чужому *творчеству*. Человеку дано — *художественно индивидуализировать* не только свое отношение к людям, но и свое отношение к внешним вещам, к природе, к зданиям, к быту, к клочку земли. Человеку дано — *художественно отождествляться* не только с друзьями и с образами любимых поэтов, но и с розами в саду, и с насаженным его руками лесом, с колосащеюся нивою и с построенною им фабрикою. Только люди религиозно мертвые и художественно опустошенные, люди механического века, люди рассудочные и бумажно-кабинетные — могут думать, что хозяйственный процесс складывается из *эгоистического корыстолюбия* и *физического труда* и что он состоит в том, что «корыстолюбцы» «высасывают кровь» из «чернорабочих»; трудно сказать, чего больше в этом воззрении — отвлеченной выдумки, морального ханжества или лукавой демагогии; но несомненно, что живая и глубокая сущность хозяйственно-творческого процесса просмотрена и упущена в ней совершенно. Расцвет и обилие создаются не «голодом» и не «жадностью»; и не просто *здоровым инстинктом* и *интересом*; но *всею душою* и *всем духом* — призыванием и вдохновением, «любовью, честью, гордостью, сметкой, волей»...* тем «творчеством», которое привязывает к месту» и в котором «наклонности и обязанности» сливаются воедино**. У каждого человека сочетание этих побуждений и сил выражено по-своему; но каждый участвует в творческом общении с вещами — *всем своим существом*; и успех его твор-

* Как это прекрасно выражено у И.С. Шмелева. См. его рассказ «В ударном порядке» в сборнике «Про одну старуху», стр. 123.

** См. чудесные формулы у князя С.М. Волконского. Родина. Особенно в главе «Павловка», стр. 33, 36 и др.

чества обуславливается не только усилиями его *инстинкта*, но и напряжением его *духа*.

Итак, хозяйственный процесс есть *творческий* процесс; отдаваясь ему, человек *вкладывает свою личность в жизнь и в совершенствование вещей*. Вот почему хозяйственный труд имеет *духовную* природу: религиозную — ибо в основе его лежит *религиозное приятие мира**; нравственную — ибо он есть проявление *любви* и осуществление *долга*; художественную — ибо он заставляет человека *вчувствоваться* в жизнь вещей, *отождествляться* с ними и совершенствовать их способ бытия**; и, наконец, познавательную — ибо он ведет человека к *изучению* тех законов, которые правят вещами и их судьбою. Эта *лично-инстинктивная* и *лично-душевная* связь человека с вещами — имеет одновременно и *хозяйственно-производственное* и *духовно-творческое* значение; и потому оно непременно должно быть признано, закреплено и ограждено *правом*, осмыслено как необходимое, справедливое и ненарушимое *полномочие*. Человеку *необходимо* вкладывать свою жизнь в жизнь вещей: это неизбежно от природы и это драгоценно в духовном отношении. Поэтому это есть *естественное право* человека, которое и ограждается законами, правопорядком и государственною властью. Это и есть *право частной собственности*.

Право частной собственности *властно* и *исключительно*, хотя, конечно, *не* безгранично. Безграничного права вообще нет: всякое полномочие где-нибудь кончается, именно там, где начинается *чужое* полномочие и, соответственно, — *моя* обязанность, и *моя* запретность. В разных государствах эти границы частной собственности (и по объекту права, и по содержанию) могут быть вычерчены в законах различно. И тем не менее в своих установленных пределах право част-

* См. мою статью «О приятии мира» в № 6 «Русского Колокола».

** Эту священную, одновременно естественную и художественно-благодатную природу хозяйственного труда особенно глубоко чувствовал граф Л.Н. Толстой. К сожалению, он усматривал ее (то преимущественно, то исключительно) в *физическом* труде, являясь в этом отношении последователем нигилистов и предшественником большевизма. См. особенно его революционно-нигилистическую «Сказку об Иване-дураке».

ной собственности *властно** — ибо только один собственник вправе решать, насколько, когда и как он вложит свою личность в жизнь и судьбу своей вещи; и в то же время это право *исключительно* — ибо в пределах своих полномочий собственник вправе исключить, отвести всякое третье лицо от распоряжения данной вещью (простым непозволением или запретом**).

Этот круг *исключительной власти над вещами* необходим *каждому* человеку, чтобы он *хотел* и *мог уверенно и целно* вкладываться в эти «свои вещи», то расширяя их круг трудом и законным приобретением, то сужая этот круг распродажей, дарением и уничтожением. Когда хотят наказать каторжника, то этот круг сводят нарочно к минимуму или угашают почти совсем. Когда вводят и поддерживают сельскохозяйственную общину с ее периодическими переделами, то этим превращают собственника в *условного и временного пользователя* участком и подрывают в нем и трудовой интерес, и душевную волю к уверенному и целостному самовложению в землю (т. е. волю и способность к качественному, интенсивному хозяйству). Когда над какой-нибудь группой собственников или над целой страной повисает угроза *принудительного* отчуждения или, тем более, *безвозмездного* отчуждения — то это пресекает и убивает *творческое* доверие собственника к ве-

* Конечно, не в публично-правовом смысле, потому что это есть власть не над другим человеком, а над собою и над вещью.

** Эти аксиомы несколько не поколеблены аргументами известного немецкого юриста Отто Гирке, которыми он, приближаясь к социалистам, пытается обосновать «социальное право» собственности («Die soziale Aufgabe des Privatrechtes»). В построениях Гирке напор общества на частного собственника как бы вьедается в право собственности и выедает из него не только ряд содержательных полномочий, но и самую существенную природу собственности. Именно в этом порядке Гирке сочувствует коммунистическим воззрениям массы на землю и превращает земельную собственность в «ограниченное право пользования» (стр. 21, 22); это, пожалуй, уже больше, чем **«одна капля** социалистического масла; которою он хотел «пропитать» свои воззрения на гражданское право (стр. 13). Я думаю, что подобное социалистическое разложение и выветривание права частной собственности предстоит в наши дни всякому эмпирическому юристу, не установившему различия между «социальным» и «социалистическим» и не положившему в основу своего исследования естественно-правовую идею частной собственности.

щам и к людям и разрушает весь хозяйственный процесс. Социализм и коммунизм отвергают естественное право людей иметь частную собственность и тем практически равняют их с *каторжниками* или ставят их душевно и духовно в положение *хозяйственных кастратов*. Бесспорно, у человека всегда остается возможность устраивать общественную жизнь нелепо, противоестественно и пагубно; но нелепое и пагубное неизбежно приносит злые и гибельные плоды; оно оказывается *нежизнеспособным* и ведет только к *растрате сил* и *разрушению культуры*, что и доказал социалистический опыт в России.

Все это означает, что принцип частной собственности *не* есть дело человеческой выдумки и что поддержание его *не* предоставлено на усмотрение человеческого произвола. Ограждение частной собственности, ограничение ее, пользование ею — зависит от человека; но самое существование частной собственности, ее принцип, ее институт — зависят не от человеческого усмотрения, а от того способа земного бытия, который дан человеку от Бога и от природы*.

Ныне мы можем с уверенностью сказать, что только тот способ владения и распоряжения вещами имеет будущее, который *поощряет человеческий инстинкт — творчески предаваться хозяйственному самовложению в вещи; изживать в этом самодеятельно и интенсивно; уверенно и без опасливых оглядок создавать свое лучшее*. Таков строй частной собственности. Напротив, те способы владения и распоряжения вещами, которые подавляют человеческий инстинкт, застрашивают

---

* Эта идея о естественности и природной необходимости частной собственности развита, между прочим, и в католической литературе в замечательной энциклике Папы Льва XIII от 15 мая 1891 года, направленной против социализма. Лев XIII следует в основном за Фомаю Аквинским, который, в свою очередь, следует в основном за Аристотелем. Интересно отметить, что в современной католической литературе и практике можно найти немало двусмысленных и полусоциалистических суждений и голосований по вопросу о частной собственности; поэтому профессор Песль, в сущности, совершенно прав, указывая на то, что энциклика Папы Льва XIII выражает отнюдь не воззрение католической церкви, а только личное мнение гениального человека, занимавшего папский престол. См.: Prof. Dr. L. Pesl. Kirche und Bodenreform. S. 51 и др.

его, обессиливают и кастрируют, — осуждены с самого начала и лишены будущего. Таковы социализм и коммунизм. Понятно, что все это имеет особенное значение именно для *частной собственности на средства производства*. Частная собственность является тою формой человеческого труда, которая наиболее благоприятствует творческим силам человеческого инстинкта и человеческого духа, освобождает их, развязывая, вызывая к жизни и побуждая их к труду. И в этом отношении частная собственность не может быть заменена *ничем*: ни приказом и принуждением (коммунизм), ни добродетелью и нравственностью («христианский социализм»). В течение некоторого времени возможно принуждать человека *вопреки* его инстинкту; возможно также стать «добродетельным» *вопреки* своему инстинкту; но противоестественное принуждение и противоестественная добродетель обречены с самого начала на крушение. Человеческий инстинкт *необходимо принять в том виде*, в котором он дан нам от Бога и от природы: в его индивидуальном способе жизни и в его инициативной *самодетельности*. Инстинкт можно и должно обуздывать, воспитывать, облагораживать. Но никакой земной произвол и никакое рассудочное умничанье не может переделать, переплавить, перековать тот лично-творческий способ жизни, который присущ человеку. Пусть социалист упускает это из виду; пусть коммунист опровергает и «отменяет» это в своих декретах. Но именно потому им и обеспечен самый жалкий провал.

Если воспретить человеку творить *по собственному почину* и побуждению — то он вообще перестанет творить; ибо творчество или свободно и самопочинно, или оно пресекается вообще. Любить, созерцать и молиться можно только *свободно*, исходя из своей *собственной потребности*. Этот закон действует не только в религии и в искусстве, но и в жизни семьи и в хозяйстве. Ибо и семья, и хозяйство вырастают из *любви* и всегда остаются *живым творчеством*. Из безразличия родится не творчество, а мертвое, механическое отправление, индифферентное и формальное отбывание «очередного номера». Даже тогда, когда безразличный человек исполняет свою обя-

занность, он работает без всякого одушевления; вдохновение незнакомо ему; творческая глубина его инстинкта остается холодной, не напрягается и бездейственно молчит. *Брак без любви* не создает ни здоровой семьи, ни здорового поколения; он духовно и общественно *вреден*. И точно так же — *хозяйство без свободного, внутреннего побуждения*, без личной инициативы и частной собственности, бюрократически ведомое безразличными чиновниками, не создает ни благосостояния, ни даже достаточного и доброкачественного продукта: оно общественно и государственно *вредно*.

Идея социализма есть поистине одна из самых несчастных и безнадежных идей в человеческой истории: исключить из хозяйственного процесса начало инстинктивной самостоятельности, начало личного интереса, начало духовной свободы и начало доверчивого самовложения в вещи. Все это рушится с отменой частной собственности; и то, что остается, есть лишь безразличная нерадивость, пустая притязательность, продажный бюрократизм и самая жалкая бесхозяйственность. Вот почему коммунисты, упразднив частную собственность в России, не только не подорвали и не скомпрометировали ее как принцип, но *реабилитировали* и *обосновали* ее. И если где-нибудь иллюзии социализма изжиты, и если где-нибудь социализм на долгие времена лишен всяких перспектив, то это именно в России, где вот уже 11 лет коммунизм воспитывает умы и сердца к частной собственности.

Если бы теперь, после революции, кто-нибудь начал исповедовать и проповедовать вредность собственности и спасительность социализма, то с ним или совсем не стали бы спорить, или ответили бы ему кратким, но исчерпывающим обоснованием частной собственности. И он услышал бы следующее:

1. Частная собственность вызывает в человеке инстинктивные побуждения и духовные мотивы для напряженного труда, для того, чтобы не щадить своих сил и творить лучшее. Она развязывает хозяйственную предприимчивость и личную инициативу и тем воспитывает характер.

2. Она дает собственнику чувство уверенности, доверие к людям, к вещам и к земле, желание вложить в хозяйственный процесс свой труд и свои ценности.

3. Частная собственность научает человека творчески любить труд и землю, свой очаг и родину; она закрепляет его оседлость, без которой невозможна культура; она питает и напрягает его государственный инстинкт, она раскрывает ему художественную глубину хозяйственного процесса и научает его религиозному приятию мира.

4. Частная собственность пробуждает и воспитывает в человеке правосознание, научая его строго различать «мое» и «твое», приучая его к правовой взаимности и к уважению чужих полномочий, выращая в нем верное чувство гражданского порядка и гражданской свободы.

5. Наконец, частная собственность воспитывает человека к *хозяйственной солидарности*, не нарушающей *хозяйственную свободу*; ибо каждый собственник, богатея, обогащает — и свое окружение, и самое народное хозяйство; и конкуренция собственников ведет не только к борьбе, но и к творческому напряжению, необходимому для народного хозяйства. Самый путь к организации мирового хозяйства идет не через социалистическое рабство, а через культивирование той солидарности, которая вырастает из частной собственности.

Все это отнюдь не значит, что общественный и правовой строй, основанный на частной собственности, не имеет своих великих трудностей, проблем и опасностей. Но проблемы эти коренятся не в частной собственности, а глубже: они вырастают, как указал еще греческий философ Анаксимандр, из самого способа бытия, присущего человеку от природы. Бессмысленно вводить социалистический строй, обреченный на гибель своею противоестественностью; и нелепо вообразить, что естество человека можно переплавить в социалистическом духе: ибо если даже можно совратить человека и превратить его в безбожника, в труса и предателя, то *инстинкт* его все же останется *личным* и *самодетельным*.

Частная собственность необходима человеку — и хозяйственно, и духовно; и он вернется к ней из всех своих социалистических блужданий и после всех своих коммунистических злодейств. Вернется и будет искать выхода на христианских путях: *труда, изобилия, щедрости, неуравнивающей справедливости и свободной солидаризации.*

И.А. ИЛЬИН

ВЕЛИКИЕ СТРОИТЕЛИ РОССИИ

СВЯТИТЕЛЬ СТЕФАН ПЕРМСКИЙ

Миссионером старой Руси был почти исключительно инок русского монастыря. Он умирал для мира с его мирскими стремлениями, стяжанием, честолубием, плотскою любовью и ненавистью, с его семейным счастьем, со всем тем, из-за чего люди так много борются и страдают в земной жизни. «Аще зерно пшеничное впадет в землю, не умрет, то едино пребывает; аще ли умрет мног плод сотворит» — это твердо усвоил русский инок. Но он разумел тут смерть, как она понимается миром. Не смерть с погребением тела, а лишь конец его господства над человеком, когда плоть остается существовать только как оболочка духа, воспривавшего в себя Христа и целиком отдавшегося служению Ему, не ведая иного господина кроме Него; — вот та смерть «зерна пшеничного», к которой стремился инок. «Умертви бо ся всему миру, оживе же Христу, и мног плод принесе, его же породе духом и упасе преподобием и правдою», — говорят жития.

Подвигу распространения христианской веры отдала себя значительная часть русских иноков. Из их общей массы мы знаем лишь небольшое число имен. Остальные, сделав свое святое дело, остались неизвестными. И длинный ряд племен, славянских и инородческих, получил Святое Благовестие из уст миссионера Святой Руси. А идеальный образ его дает нам личность св. Стефана Пермского.

Родился св. Стефан (мирское имя его неизвестно) в Устюге, около 1345 года, и был сыном «некоего христолюбца

мужа верна христианина, именем Симеона», бывшего одним из «клириков» соборного храма. «Еще детищем сый», он был отдан отцом учиться грамоте, которою быстро овладел, стал канонархом и чтецом в соборной церкви. В кругу своих сверстников он выделялся блестящими дарованиями. С увлечением он читал книги. А их тогда в Устюге было много и при соборе, и в монастырях Архангельском и Гledenском Троицком. Эти книжные собрания дали возможность св. Стефану еще в Устюге научиться «всей грамотней хитрости (т. е. искусству) и книжной силе».

После 10—12 лет дьячества и изучения книг в Устюге св. Стефан решается принять монашество — «пострижеся в чернецы в граде Ростове, у Святого Григория Богослова в монастыри, нарицаемем в Затворе, близ епископии, яко книги многы бяху ту доволны суща ему на потребу, почитания ради, при епископе Ростовстем Парфении». Иноческий подвиг, таким образом, для св. Стефана с самых первых шагов его в нем соединился с дальнейшим углублением в сокровищницу церковной письменности. Самый этот подвиг слился с изучением ее и вылился в подготовку к дальнейшему подвигу, подвигу Святого Благовестия. Что же читает св. Стефан? — «Всяку повесть божественную восхотяще слышати; словесь же и речий и научений, и повестей старческих не отступаше; жития же святых отец подража всегда почиташе, яко от того болшему разуму навываше». Как он читает? Конечно, не так, как в наше время читает большая часть интеллигенции и полуинтеллигенции, т. е. поверхностно просматривая книгу, спешно пробегаая ее, пропуская строки и целые страницы. В старину «почитатель» (т. е. читатель) книги относился к ней иначе. Он смотрел на нее с глубоким уважением и почтением, а в чтении ее видел серьезное и большое дело разработки и увеличения «таланта», ему «от Бога дарованного». Так читал книги и св. Стефан — «прилежно же имяше обычай почитати почитание книжное, и не бедно учения ради умедливаа в учении, но да дондеже до конца по истине разумеет о коем-ждо стисе слова, о чем глаголет».

Св. Стефан был и искусным переписчиком книг — «свя-тые книги писаше хытре и горазде и борзо». Находясь постоянно в общении с ними, читая и переписывая их, он, естественно, проникся тою духовною атмосферою, которую они в себе хранили. Заветы Христа, живые в Св. Писании, претворялись в жизненные образцы их осуществления, которые он находил в житиях святых, или получали толкование и разъяснение в святоотеческих творениях. Изучение греческого языка открыло св. Стефану греческую письменность и вместе с тем развило его филологические способности и приучило его к сравнению славянских переводов с их греческими оригиналами, а стало быть, и к работе переводчика вообще. Среди этих занятий совершилось поставление св. Стефана во иеродиакона, а затем в иеромонаха, а одновременно с тем созрело и окончательно определилось его решение отдать себя всецело делу Святого Благовестия, распространению веры Христовой среди не знающих ее.

Еще в детстве и юности он знал язычников-зырян, которых поселения примыкали к самому Устюгу. Зыряне — ветвь финского народа пермяков, который делился на вычегодских пермяков, или зырян, и на пермяков камских. Зыряне жили в восточной половине нынешней Вологодской губернии, по реке Вычегде и ее притокам, вдаваясь и в пределы нынешней губернии Архангельской, по реке Печоре с ее притоками. В XIV столетии зырянские поселения начинались уже под Устюгом. Главным их городом было теперешнее село Усть-Вым, при впадении реки Выма в реку Вычегду. Но этот народ говорил своим, зырянским языком. Письма он не знал, еще не выработав в своей примитивной жизни. Таким образом, проповедник веры Христовой среди зырян должен был овладеть их языком, чтобы они понимали его, и, кроме того, создать для них искусство письма, чтобы дать им в руки Евангелие и обеспечить православное богослужение на понятном, родном языке.

Св. Стефан был готов к апостольскому подвигу, как верный раб своего Господина, готов в своей отданности всем

своим существом возложенному на себя подвигу, в своем служении «единому Богу точию» со всепоглощающею бес-предельною любовью к Нему; был готов и богато накопив сокровища знания Св. Писания, учения Церкви Православной, ее организации, богослужебных обрядов и церковных служб. Но для служения апостольскому делу среди зырян он должен был вооружиться всем необходимым для осуществления своей святой задачи именно в *их* среде, должен был развить свое старое знакомство с их языком настолько, чтобы вполне овладеть им. Этого мало. Необходимо было перевести на зырянский язык Св. Писание и богослужебные книги, а для этого нужно было предварительно создать зырянское письмо, т. е. составить зырянский алфавит и выработать его начертания, буквы. И все это сделал св. Стефан. Он овладел зырянским языком как родным. Он составил и зырянскую азбуку (ее буквы напоминают еврейские и глаголические), сам же выполнил и работу переводчика книг, необходимых для успеха проповеди и его закрепления. Так он окончательно приготовил себя к своему апостольскому подвигу.

Но церковная дисциплина требовала, чтобы приступил он к своему делу не самовольно, а с ведома и благословения соответствующей канонической, епископской власти. Зырянская земля, раньше бывшая в подчинении Великому Новгороду, в дни св. Стефана входила в состав территории Московского княжества, и стало быть, и в состав Московской митрополичьей епархии, в пределах которой действовала епископская власть митрополита, жившего в Москве. К нему за благословением на проповедь и обратился св. Стефан. Это было в 1378 году, когда после кончины св. Алексея (13 февраля 1378 года) митрополией заведовал, до поставления нового митрополита, архимандрит придворного Спасо-Преображенского монастыря (Спас-на-Бору) Михаил, предназначенный на митрополичий престол, но затем скончавшийся на корабле в Босфоре, не доехав до Царь-града за посвящением к патриарху. И архимандрит Михаил, и великий князь Дмитрий Иванович (Донской), своим светлым и ясным умом вполне

понимавший значение начинаемого св. Стефаном дела, отнеслись к нему чрезвычайно сочувственно. Св. Стефан получил и благословение на проповедь среди зырян, и щедрую помощь всем необходимым для ее начала. И вот он вступает в пределы зырянской земли — «вниде в ня, яко овца посреди волк и начат учити я о Бозе».

После молитвы св. Стефан начинает свою проповедь: «по молитве дерзновения наполнися». Его учение поначалу привлекает немногих. Естественная и обычная картина начала проповеди, так прекрасно закрепленная евангельскою притчею: «се изыде сеяй да сеет. И сеящу ему, ова падоша при пути, и приидоша и позобоша я. Другая же падоша на каменных, идеже не имеяху земли многи, и абие прозябоша, зане не имеяху глубины земли. Солнцу же воссиявшу присвянуша, и, зане не имеяху корения, изсохоша. Другая же падоша в терние, и възиде терние и прдави их. Другая же падоша на земли до рей, и даяху плод, ово убо сто, ово же шестьдесят, ово же тридесят. Имеяй уши слышати, да слышит». Те, кто уверовали, слушая его проповедь, приходят затем к нему для беседы постоянно. Остальные относятся со враждою. Они даже выходят на него с оружием и дреколием, угрожая ему смертью.

Но св. Стефан в такие часы близости смерти молитвенно возглашал: «десница Господня сотвори силу; не умру, но жив буду; исповем дела Господня». Он встречал разъяренных язычников с неизменными спокойствием и кротостью, и они отходили от него, поражаемые ими.

С началом своей проповеди св. Стефан выстроил в Усть-Выме прекрасный деревянный храм во имя Благовещения. «Днесь спасению нашему початок и вечней тайне явление» — так читался тогда благовещенский тропарь, и построением этого храма св. Стефан ознаменовывал начало спасения зырян. Привезенные из Москвы иконы, облачения, сосуды и церковная утварь доставили возможность обставить богослужения в храме со всею высокою красотою и торжественностью, которые издавна были так развиты нашею родною Церковью и в которых всегда было так много обаяния и ду-

ховной прелести. Эти богослужения и самый храм получили значение могучей силы, привлекавшей к св. Стефану все новые и новые ряды зырян, приходивших к нему, как к своему просветителю, и принимавших от него крещение.

Что же особенно действовало на зырян-пермяков в деятельности св. Стефана, в доступной их развитию и пониманию области, и, производя на них глубокое, неотразимое впечатление, заставляло их искать от него крещения и вступать в ряды его паствы?

Это прежде всего его *личность*. Он горел святыми верою и подвигом. Он весь был кротость, любовь и самопожертвование, но в то же время он был и всегда готов умереть за свое святое дело, являя собою высокий образец несокрушимой твердости в служении ему. Разрушая кумирни и уничтожая идолов, он сожигал их сокровища и ничего из них не брал себе, и это бескорыстие крайне удивляло и поражало язычников, даже не представлявших себе раньше его возможности. С языческими жрецами св. Стефан постоянно вступал в прения. Он их искал старательно, притом особенно в присутствии народа, получавшего возможность воочию убеждаться в преимуществах нового учения и в духовной силе его проповедника. Таких прений было много. Особенно сильное впечатление на народ произвело прение св. Стефана с пользовавшимся громадным влиянием в Пермской земле Памом, которого «волшвением управлен быти Пермстей земли» и которого современник св. Стефана Епифаний Премудрый называет в ней «волхвом начальником». Пам убеждал народ, по словам Епифания: «отеческих богов не оставливайте, а жертв и треб их не забываете, а старьи пошлины не покидывайте, давнии веры не пометайте, иже твориша отцы наши, тако творите, мене слушайте, а не слушайте Стефана, иже новопришедшего от Москвы; от Москвы бо может ли что добро быти нам?» Народ потребовал прения Пама со св. Стефаном. Решено перед народом «прити искушение (т. е. испытание) веры»: вместе обоим пройти через огонь (зажгли отдельно стоявший в городе дом) и вместе же пройти через две проруби в Вычегде. Помолившись,

св. Стефан обратился к собравшимся толпам народа с речью, а затем взял Пама рукою за одежду и трижды пригласил его идти вместе в огонь. Пам отказался. То же произошло и перед прорубью. Разъяренный народ бросается на Пама и хочет его убить, но св. Стефан его спасает — «не посла бо меня Христос бити, но благовестити, и не повеле ми мучити, но учити с кротостию и увещати с тихостию, по рекшему: покажет мя праведник милостию своею и обличит мя».

Учительство св. Стефана было постоянным и непрестанным. В нем он не позволял себе чувствовать утомления. Но оно было и чрезвычайно плодотворным, ибо «доброго ради исповедания и чудного ради наказания его, изрядного ради учения его, дасться ему дар благодатный и слово разума и мудрости». Он учил, «от Ветхого и Нового Завета износя словеса, научая, вразумляя, наказая, обращая пекыйся о людях заблуждших, хотя их отрешити от соузы диявольские и от прелести идольские». Конечно, много пришлось пережить и вражды, оскорблений и лишений, но он среди них неустанно и непреклонно продолжал свое апостольское делание, «аки твердый камень, утвержденный верою» и «в толицех подвизах и искушениях и бедах моляся Богу молитвою и постом алча и жажда: жажда спасения Пермского, многи досады от них приемая и за то не гневаясь на ня о всех сих приключившихся ему, ни оскорби, ни поропта, не круподушен сый, не злопомнив, но паче приложися к любви опасения их и желая обращения их, всех уча и наказуя, моля и кротя старцев их яко отца, средовечные же яко и братию, уныя и младыя дети яко чада присная».

После утверждения христианства в центре Пермской земли народ с разных мест сам стекается в Усть-Выме, ища там новой «московской» веры, слухи о которой уже широко разошлись. Кроме Благовещенской церкви в Усть-Выме были выстроены две других во имя Николы Чудотворца и Архангела Михаила. Но св. Стефан совершает свой подвиг, не живя постоянно в Усть-Выме. Он обходит зырянские селения, проповедует там, крестит народ и строит церкви. Число

христиан в Пермской земле растет, все больше становится и приходских храмов — св. Стефан уже целых пять лет проповедует Христову веру среди зырян. Создается настоятельная необходимость для слишком отдаленной от Москвы Пермской земли в особом епископе и епархиальном управлении. И св. Стефан отправляется в Москву просить о назначении епископа для зырянской земли. Эта просьба была встречена сочувственно и митрополитом Пименом, и великим князем Димитрием. Был выдвинут ряд кандидатов на новую епископскую кафедру. В конце концов, однако, было решено, что на нее должен быть возведен сам св. Стефан, и в начале 1383 года в Москве было совершено поставление его во епископа для земли Пермской. Четырнадцать еще лет (1383—1396) в сане епископа продолжал св. Стефан начатое им дело обращения язычников-зырян, теперь уже не только лично, но и путем руководства другими миссионерами, организуя в то же время зырянскую землю в епархию Русской Церкви. Не раз, конечно, приходилось ему по делам ее предпринимать и тяжелые, в обстановке того времени, путешествия в Москву. Во время одного из них он в Москве и скончался 26 апреля 1396 года, успев за свою жизнь крестить половину пермского народа зырян. Распространение христианства среди другой половины пермяков (в нынешней Пермской губернии) продолжали его преемники по Пермской епископской кафедре, и окончательно вся Пермь была крещена в 1462 году четвертым преемником св. Стефана, епископом Ионою. В Москве св. Стефан был и погребен, в придворном Спасском монастыре, и его мощи до последнего времени почивали, и после упразднения этого монастыря, в его храме, известном под именем Спаса-на-Бору, в Московском Кремле.

Св. Стефан, просвещая зырян светом Христова учения, давал им и письменность, и книжное просвещение — «научи их грамоте их Пермстей, юже бе дотоле новосложил но и всем их новокрещеным мужем и юношам и отрокам младым и малым детищем заповеда учити грамоту, часословец яве и осмогласник и песница Давида, но и вся прочая книги». До-

статочно усвоивших грамоту и «четье-петье церковное», как выражались у нас в старину, он поставлял во священники и дьяконы, назначал к церквам чтецами и певцами, «петие им перепевая и перелагая, и писати научая их пермские книги, и сам спомогая им, преводяще с русских книг на пермские книги, и сия предаст им, и тако оттоле друг друга учашу грамоте и от книг книгу сами преписующе, умножаху исполняюще». Плоды его трудов и благословенный успех его делания не могли не радовать святителя Стефана — «и сия видя, преподобный радовашеся душею и благодарственно не престаяше ночь и день, моля за спасение и обращение людей, всегда уча люди, да стадо Христово растет и умножается по вся дни, а неверных стадо умаливается и убывает и оскудевает». Он радовался «о Боге», как «верный раб Господина своего».

Деятельность св. Стефана получила полное признание и высокую оценку его современников и ближайшего их потомства. Нельзя сказать, чтобы в новейшее время о ней достаточно знали сколько-нибудь широкие круги общества. Но старая Русь всегда хранила о св. Стефане благоговейную память. Русская Церковь в дни приснопамятного митрополита Макария на Московском соборе 1549 года причислила его к лику святых. Сохранилось воспоминание и о том, как высоко его ценил великий своею святостью современный «подвижник, дотоле невиданный» на Руси, преп. Сергей Радонежский, чья личность воплотила в себе всю дивную духовную красоту подвига веры и любви старой, Святой Руси. На Поклонной горе, в десяти верстах от Троицкой Сергиевской обители, в XVII столетии была построена каменная часовня, в которой водружен большой крест. Эта крестовская часовня, часовня «у креста», была цела до последнего времени. Житие преп. Сергия, написанное его современником, так рассказывает о событии, в память которого была поставлена позднее часовня. Св. Стефан шел в Москву по делам своей новообращенной паствы, и у него не было времени зайти к своему другу и сомолитвеннику в его Троицкий монастырь. На этом месте он остановился, «сотвори *Достойно есть* и обычную молит-

ву, и поклонися святому Сергию на ону страну, идеже житие имкяше, рек сице: мир тебе, духовный брате!». Преподобный Сергей тогда находился в трапезе с братией. Как раз в это время «на трапезе святыи востав, мало же постояв, и молитву сотвори и поклонився рек: радуйся и ты, пастуше Христова стада, и мир Божий да пребывает с тобой!».

Чистая, горящая верою и блистающая святостью личность, полное бескорыстие, постоянное учительство словом и примером и любовь к людям, начинание дела с проповеди и только уже после достаточно широкого ее успеха создание епархии и епископской власти, просвещение и перевод на язык новообращенных Св. Писания и церковных книг — вот основные черты и методы деятельности св. Стефана. Он давал новообращенным веру Христову и просвещенный Святым Благовестием разум. И делал все это в «кротости», «смирении», «безгневию», «любовь равну имея ко всем человеком», «работающе Господеви со страхом и радующеся Ему с трепетом».

Но что же давала русская православная миссия делу строительства России? — Она создавала *единство веры ее населения*, ее племен и народов. Как миссионерская деятельность св. Бонифация готовила империю Карла Великого в западной половине Европы, так самоотверженный труд св. Стефана и других русских миссионеров *готовил рождение Московского царства*, духовно объединяя население Восточной Европы, выковывая в нем *крепкую сталь единого мирозерцания*, создавая прочный народный фундамент для «Российского Царствия». Не только вера и церковное управление мощно влагались в выработку русской, «российской» национальной стихии, сливая в ней различные инородческие племена и русское население земель и княжеств. Церковь и обряд входили в повседневный *быт*, делали его общим в его православном, церковном освящении, с его праздничными богослужениями, обрядами, крестными ходами, иконами, духовным стихом, церковною книгою. Старый духовный стих пел: «Свята Русь земля всем землям мати — по ней строятся церкви апос-

тольские, они молятся Богу распятому, самому Христу Царю Небесному». Вера «русская» начинает именоваться и «верою московскою». А «Свята Русь земля» превращалась в Православное Царство, в «государства Российского Царствия».

И.И. ЛАППО

ИСПОЛНЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОГО ДОЛГА

Русский человек всегда мечтает о необыкновенном, и большинство если и исполняет свой повседневный долг, делает это вяло и неохотно. Исключение составляют лишь люди высокой духовности: они знают, что путь к необыкновенному не только начинается, но и до самого конца сопровождается тщательным исполнением простых, как будто скучных и серых вещей. На самом деле они совсем не скучные и не простые, но заурядные люди этого не замечают и непременно хотят перешагнуть через нижние и промежуточные ступени, сразу выскочить вверх, не подняться на гору, а без труда взлететь на нее. Вот почему эти люди ставят себе и другим максимальные, непосильные задачи, а затем либо срываются и ушибаются при бесплодных попытках прыгнуть выше лба, либо, что бывает чаще, проводят жизнь в бесполезных мечтах (маниловщина), постепенно падают духом, опускаются и зарывают в землю даже тот малый талант, который был им дан. В этом лежит одна из причин, почему эмиграция меньше делает для освобождения России, чем можно было бы от нее ожидать и требовать.

Но не столько вины в заурядных людях, сколько в тех, которые отмечены печатью большого таланта, если они пользуются им только для себя и не отдают его на служение матери-Родине. Осуждают и справедливо осуждают тех русских богачей, которые ничего не делают для России, но разве талант, будь то музыкальный, художественный, артистический, будь то талант изобразителя или ученого, разве он дается человеку за заслуги?

Так же, как и деловые способности и удачи, как и случайность рождения от богатых родителей, так же падает с Неба и дарование певца, писателя, композитора, исследователя.

Все люди, достигшие жизненных успехов, равны: никакая гениальность не ставит человека выше нравственного закона и родины. Никто не имеет права сказать: «я великий служитель науки или искусства, и поэтому — я вне человеческих подразделений, я не белый и не большевик».

Ведь это все равно, что объявить добро и зло для себя безразличным, почитая разницу между ними ниже себя. К сожалению, такие случаи бывают, а заграничное русское общественное мнение своей постыдной снисходительностью потворствует нашим избранникам судьбы, находящимся в забвении ума.

Вот это подсознательное сомнение в обязательности для гениев и талантов повседневных правил житейской морали приводит иногда и хороших людей к странным уклонам мысли.

Мне пришлось раз услышать такую фразу: «Можно быть святым, не будучи честным с буржуазной точки зрения. Щепетильность в денежных делах — мелочь; на нее можно не обращать внимания и не нужно останавливаться на ней, идя к великой цели».

Человек, сказавший это, сам был бессребреником и педантично честным — тем более ужасно было то, что он сказал. Такое стремление не идти по тяжелому и узкому пути совестливого и внимательного отношения к мелочам жизни, а пытаться сократить дорогу, идя целиком, заводит многих в дебри, а иногда и в бездну.

Как в первые века христианства вокруг ясного, светлого, глубокого и в то же время трезвого учения Церкви возникали смутные гностические секты, так и сейчас в эмиграции около прямого пути, как ядовитые грибы, вырастают полуполитические, полумистические учения, — чем пряней и неправдоподобнее, тем заманчивей, — и привлекают к себе молодежь.

В подъяремной Руси большевики завели обучение «политграмоте»: через нее в подрастающее поколение систематически внедряется духовная и жизненная ложь. Очевидно, нам

нужно завести *школы жизненной правды*, особенно ее азбуки — *исполнения повседневного долга*. Раньше лучшей его школой была *армия*; и если чувство долга, несмотря на наш характер, все-таки держится в эмиграции, то это потому, что влиятельнейшая часть ее живет военными традициями. Но подрастает новое поколение, не прошедшее чрез армию, и ему трудно будет обороняться от всяких нашептываний. Необходимо отцам и старшим братьям осознать опасность, прийти на помощь следующему поколению и всеми мерами препятствовать превращению его в такую же *толпу политиканов и фантазеров*, какой было большинство русского дореволюционного общества, не понимавшее высокого значения и смысла будничных обязанностей дня, этих первых испытаний верности великой идее долга.

В настоящее время сама жизнь с особой очевидностью, властно, в неразрывной связи, ставит перед нами две стороны будничного долга. Первая сторона обращена к семье, к своим детям. Здесь цель — устройство и не только устройство, но и упечение своего экономического положения.

Вторая, важнейшая сторона — *родина*; цель — *освобождение России от большевицкого ига*. Успешное разрешение первой задачи поможет разрешению второй.

Опыт других эмиграций показал важность для всяких освободительных действий наличности *состоятельных эмигрантских групп*. Известна, например, роль богатого зарубежного купечества в деле освобождения Греции от турок в начале XIX столетия. И нам, чтобы шире развернуть борьбу с коммунистами, из *голытьбы нужно превратиться в домовитых людей*. Такой процесс образования новой буржуазии из среды пролетаризированного русского беженства уже начался и протекает, в общем, следующим образом.

Первыми стали достигать жизненного успеха члены артистической среды: музыканты, певцы, киноартисты. За ними последовали художники, изобретатели, ученые и, наконец, в самое последнее время новые купцы и промышленники из лиц самых разнообразных профессий и состояний.

Представители старой русской торгово-промышленной буржуазии лишь в единичных случаях оказались за границей обладателями сколько-нибудь значительных капиталов и, несмотря на жертвенность и патриотизм отдельных лиц, их совокупная экономическая мощь слишком незначительна, чтобы ее можно было класть в основание финансового плана борьбы за освобождение России.

Без притока свежих людей и средств не обойтись. Возникновение заграничной ветви новой русской буржуазии важно еще и потому, что она невольно усвоит некоторые черты западной буржуазии, а последняя является средой, где *культ повседневного долга* достигает высшего своего развития. Пойдя в этом отношении на выучку к Западу, мы позаимствуем у него недостающую нам часто *последовательность, выдержку, упорство и трезвость мысли*.

Все это — очень много, но для русского характера недостаточно: нам нужно еще нечто высшее — *религиозное освящение долга*, даже низшего — простых будничных забот; иначе полезные западные навыки лишь механически пристанут к нам и соскочат, как только мы попадем назад в родную стихию.

В этом пункте рельефно выступает разница между русской и западной, например немецкой, психологией. Немец говорит: «*Verdammte Pflicht und Schuldigkeit*», что в буквальном переводе означает: «проклятый долг и повинность», но по-настоящему слово «*verdammte*» здесь непереводимо. В нем выражается какое-то внутреннее возмущение насилием, которое долг производит над личностью человека, и одновременно чувствуется *преклонение* перед авторитетом долга, сознание *бесполезности сопротивления* его непреодолимому могуществу.

Это «*verdammte Schuldigkeit*», в сущности говоря, переложение на язык немецкого фельдфебеля и монтера, того «категорического императива», который был положен Кантом и Фридрихом Великим в основу воспитания германского национального характера.

Другое встречаем у нас.

Если в тяжелую минуту немецкому солдату нужно кричать: «Pflicht», то русскому солдату нужно кричать: «присяга».

Такое религиозное трактование долга, и только такое, делает чудеса с русским человеком, переворачивает его анархическую природу.

Не любит он стесняться в мелочах и в формах; а как только вносится в них высший религиозный смысл, так культ чинности, порядка, соблюдения правил вдруг становится любезным, родным и понятным. Внешняя и внутренняя муштра *русского старообрядческого обихода* в своем плане была несколько не слабее муштры прусского гвардейского полка в его плане. И все-таки старообрядцы не менее других слоев русского населения поддались соблазну большевизма.

Почему это произошло?

От забвения, или, вернее, непонимания широкими массами русского народа, одним из слоев которого являются старообрядцы, *идеи долга во всей ее полноте*.

Природа долга не проста, а тройка.

Долг перед собою (семья).

Долг перед родиною.

Долг перед Богом.

Третье — неизмеримо главнейшее и единственно самодовлеющее, а первое и второе — лишь ступени для третьего: но установлены и они Богом, и человеку равно заповедано как не творить из них себе кумира, так и *не отбрасывать их совсем*.

Нужно любить Бога больше родины, родину больше семьи, но этого нельзя достигнуть, если совсем разлюбить родину и семью. Больше, чем ноль, может быть очень малым, и абсолютная ценность его тогда ничтожна. Так обыкновенно и случается: отсутствие любви к близким и к родине засушивает любовь к Богу.

Разные люди по-разному относятся к долгу: западные европейцы часто останавливаются на второй ступени, дальше не идут, из родины делают себе кумир. Русские этого греха не совершали: наоборот, они почти устранили родину из своего

сознания как объект долга. Россия всем казалась такой могучей и необозримой, поэтому туманной и далекой, а одновременно столь властной и давящей, что *забота о ней пропадала*.

Под конец многие сделались только патриотами своей деревни, а все кругом стало чужим. На практике выпадение чувства долга к России и подмена его преувеличенным чувством значения общины, «мира» («против мира сам царь не волен») привели к тому, что насилие всем миром над слабым соседом, будь то одиночный помещик, хуторянин или даже целая деревня, принималось как законный акт войны с внешним врагом и за грех не почиталось.

В результате даже у верующих людей искажалось правильное понимание религиозного долга, ибо *нельзя соблюдать больших Божьих установлений, не соблюдая меньших*: разрушили низшую ступень, любовь к родине, — не устояли на высоте и в любви к Богу.

Если русские низы пренебрегали долгом к родине, то русские верхи пренебрегали долгом к самому себе. Это не означает, что никто из них не заботился о своем интересе, напротив того, очень заботились, иногда даже больше, чем нужно, но *занятие производительным трудом не уважалось в принципе*.

Честно ли кто наживал, или бесчестно — почиталось почти за одно, да, в сущности, *мало кто и верил, что можно честно наживать*. Поэтому ни свою, ни чужую старательную, трудовую жизнь, направленную на достижение хозяйственного успеха, никто за исполнение долга не считал, если даже эта жизнь велась с большим соблюдением совести.

Таким отношением *был вынут дух из труда*.

Стал труд бессмысленным и завладел им коммунизм.

Дикий и разрушительный сам по себе, он явился бичом Божиим, невольным орудием наказания и вразумления.

Сейчас большинство эмигрантов поставлено на мелкую, будничную работу, и дурман красочной видимости старой блестящей жизни отнят. За это время многие из нас на своем опыте узнали следующее: когда делаешь самые скучные вещи — моешь посуду, бьешь камни на дороге, бегаешь по го-

роду комиссионером, когда делаешь все это, относясь к своим обязанностям, как к Божьему поручению, как к службе на постах, куда нас развели Божьи разводящие, то в работу вносишь тщание, сугубую честность, внимательность; и тогда надоедливый труд освящается и одухотворяется в наших глазах: не просто работаешь, а *Божье повеление делаешь*. Подумаешь об этом, и серая горькая жизнь сразу сверкнет радугой. Слаб наш дух, пропадает радуга, опять горечь и усталость, но ненадолго: знаешь — по дороге стоят маяки. Удивительна сила Божьей идеи: она привязывает крылья к гилям жизни, дает смысл и значение тому, что без нее кажется тяжелым, ненужным и беспросветным, пустыню покрывает цветами.

Велик и глубок сейчас опыт жизни у нас: только в Библии найдешь еще высший опыт.

Такое одухотворение нудных по видимости дел приносит не только пользу душе, но помогает и в земной деятельности: давно уже подмечено, что *группы населения с интенсивной религиозной жизнью быстро поднимаются материально*. Это влечет за собой опасность излишнего обмирщения, но эмигрантский жизненный строй до известной степени нас спасает.

Мы живем если не в состоянии войны, то и не в обычных условиях нормальной европейской жизни, где область повседневного долга как-то обособляется от области долга перед родиной и перед Богом.

Наш обиход постоянно напоминает о единстве долга; и то же самое, наверное, даже еще в большей степени, происходит и в России.

Если внимательно вникнуть в смысл судьбы русского мужика под властью коммунистов и судьбы русского интеллигента в изгнании, то *нельзя не удивиться целесообразности наложенного на каждого из них наказания*. Мужик как будто в России, а меньше в ней, чем мы за рубежом: русский дух в России под запретом и право дышать им приходится ежеминутно отвоевывать. Исполнение долга к родине продвинуто вниз на одну ступень, поставлено наряду с повседневным домашним долгом.

Нам назначено другое. Лезли мы раньше на какую-то новую, косую, умственную Вавилонскую башню: а теперь, когда она повалилась, лежим на земле и в мелочах жизни Бога находим.

Властной рукой Справедливости русские верхи и низы из разных темных углов мудрствования, куда они разошлись, возвращены к началу пути долга и поставлены рядом *духовно*; хотя *пространственно* они пока и в разделении.

В этом установлении одинакового понимания долга, как у мужика, так и у интеллигента, лежит залог освобождения и спасения России.

Нужно желать и стараться, чтобы и после освобождения пути понимания никогда больше не расходились.

СТРАННИК

МЕЛКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В РОССИИ

I. Два освобождения

За последние пятьдесят лет в России не было вопроса, о котором больше говорили бы и писали и который меньше знали бы, чем русский «аграрный вопрос». И доселе в нем совершенно не разбираются не только иностранцы, но и большинство русских, сущих в рассеянии. А между тем каждому русскому следовало бы относиться к вопросам, связанным с землей и с сельским хозяйством, с тем же вниманием и разумением, с которым всякий англичанин относится к вопросам мореплавания. Ибо благополучие России так же зависит от состояния ее сельского хозяйства, как существование Англии — от ее господства на морях.

Ныне в России царит полный развал сельского хозяйства, земельный хаос и общее разорение*. После революции русская национальная власть, как бы она ни сложилась, должна будет строить все заново. Ей понадобятся работники и стро-

---

* См. во втором отделе заметку Редакции: «Что дала революция русскому крестьянину?»

ители осведомленные, понимающие ошибки прошлого и задачи будущего. И вот, все находящиеся в эмиграции должны привезти с собою на родину полезные знания и наблюдения из разных стран, чтобы судить о России и русских делах, исходя из более обширного кругозора. Но они должны так же верно знать о том, *что было в России и что стало после*. Будущим строителям русского государства и русского земледелия и посвящаются эти строки.

Русские крестьяне были освобождены от крепостной зависимости 19 февраля 1861 года со сравнительным «опозданием» по ходу русской исторической жизни на 99 лет. 18 февраля 1762 года манифестом о вольности дворянства дворяне были освобождены от обязанности служить государству и тем самым отпала видимая необходимость прикрепления крестьян. По мысли Петра Великого, крепостное состояние было формой служения государству: закрепощались *все* сословия, — но только различно. Крепостной крестьянин работал на своего помещика с тем, чтобы дать ему самому возможность отправлять свою службу, которая в принципе длилась всю жизнь. Логическим последствием манифеста 1862 года должен был бы явиться ряд правительственных мероприятий, направленных к постепенному освобождению крестьян. Начало этим мерам положил Павел I (1797 г.). Однако в общем и целом крепостное право не только не ослабело в руках освобожденного дворянства, но закрепилось и нередко принимало даже уродливые формы. Естественно, что сознание необходимости покончить с бесправным положением крепостных стало достоянием лучшей части русского общества. Русская литература еще с конца XVIII века неустанно выставляла на вид моральный вред крепостного права (Радищев, Пушкин, Гоголь, граф Соллогуб, Н.И. и И.С. Тургеневы, Григорович и др.). Поучительно, однако, отметить, что по сравнению с Западом отмена крепостного права в России (со всеми вытекающими из этого состояния последствиями) запоздала не так сильно. Так, например, крепостное право было уничтожено в Дании в 1788 году, но барщина существовала до 1850 года; в Пруссии и

Баварии оно было отменено в 1807–1811 годах, в Мекленбурге в 1824 году; полицейская же и судебная власть помещиков (с правом телесных наказаний) существовала почти во всей Германии до 1848 года; в этом году крепостное право было отменено и в Австро-Венгрии (особенно сурово оно было в Галиции)*.

В России крестьяне были освобождены позже, но сразу и наделены землей в несравненно большем количестве, чем на Западе. В общем, при освобождении в России имелось около

* Исследователь, который захотел установить причины сравнительно поздней отмены крепостного права в России, должен был бы поставить перед собою целый ряд исторических вопросов: имела ли в России в то время достаточно сильная, независимая и сверхсословная власть, необходимая для такой формы, или трон был ослаблен переворотами 1725, 1730, 1740, 1741, 1761, 1801 и 1825 годов? был ли преодолен законодательный хаос и был ли организован законодательный аппарат, необходимый для такой реформы? были ли сколько-нибудь на высоте финансы России? закончился ли период консолидационных войн, вызвавших к жизни самое крепостное право? возможна ли была такая реформа при отсутствии в стране интеллигенции и правосознания, реформа без интеллигенции или против тогдашней интеллигенции? не нуждалась ли Россия для проведения такой реформы в образовании, в университетах, в Сперанском, Карамзине, Пушкине, Жуковском, Грибоедове, Гоголе и Лермонтове, как судьях старого и воспитателях нового правосознания? Государство организуется всегда и всюду образованным классом; были ли тогда силы образованного класса достаточны хотя бы уже в количественном отношении для того, чтобы организовать новый строй? И еще: обнаружилась ли в то время и когда именно чисто хозяйственная несостоятельность крепостного права и смогло ли бы помещичье хозяйство при тогдашних условиях зернового рынка управиться без дарового труда, наемными силами, когда даже вся Западная Европа пробавлялась барщиной? Исследователь этих вопросов отметит, что декабристы, например, хотели освободить крестьян без земли и увенчать пролетаризованную таким образом Россию республикой дворян-заговорщиков; можно представить себе, в какие бедствия была бы повергнута этим Россия, не забывшая еще Пугачева. Недаром Пушкин и Гоголь указывали на то, что только полновластный государь мог бы дать крестьянам настоящую свободу, что впоследствии и совершилось. Это означает, что необходима была предварительная эмансипация русской императорской власти от дворянского террора, от давления заговорщического и притязательного дворянства; и в то же время необходимо было культурное и государственное созревание самого дворянства. Замечательно, что император Николай I понимал морально-государственную необходимость реформы и подготовлял ее в течение своего царствования (комитеты 1826, 1835, 1839, 1840, 1846, 1848, 1849 годов); он прямо называл крепостное право «началом зла» и жаловался на свое государственно-политическое одиночество. (Примеч. редакции.)

22 ¼ млн. крестьян мужского пола, из коих было около 11 млн. крепостных, около 10 ½ млн. казенных, менее 1 млн. удельных и 137 тыс. дворовых и депутатских. Тогда последняя категория (менее 1% общего числа) была освобождена без земли. Крепостные получили 3,2 десятины на душу, казенные — 6,4 десятины, удельные — 5,3 десятины. В общем, у помещиков было изъято по выкупу около 35 млн десятин, что составляло ⅓ всех их владений и более половины имевшихся у них земель *сельскохозяйственного* назначения. Крестьяне же получили всего около 106 млн. десятин; в среднем около 14 десятин на двор.

Подготовительные к освобождению крестьян работы совпали с моментом схватки двух течений русской общественной мысли: *славянофилов* и *западников*. К несчастью России, чуть ли не единственный вопрос, по которому у них не было разномыслия, был вопрос о крестьянской общине, за сохранение которой горячо ратовали оба лагеря. Славянофилы считали русский народ — народом избранным, совершенно самобытным; его исконное занятие — земледелие, якобы неразрывно связанное с общиной; она есть наследие старины и должна служить и впредь лучшей социально-экономической базой, залогом самобытного развития России. Западникам же сельская община представлялась преддверием к социализму, зародышем будущего социалистического государства. Герцен слепо верил в общину и невероятно идеализировал ее. Влияние же его на русское общественное мнение и даже на правительство в 50-х годах и в начале 60-х годов было огромно. «Только на общинных началах и только на них может развиваться будущее России», — утверждал Герцен. «Умрите за сохранение равного права каждого крестьянина на землю!» — восклицал Чернышевский.

В редакционных комиссиях течение за сохранение общины взяло верх, и Положением 1861 года она была узаконена; а последующее законодательство и административная практика укрепили ее еще сильнее. Под влиянием славянофильских и социалистических течений существенно изменился и

самый характер общины. Земледельческая община до первой половины XIX века была тягловая (тягло состояло из мужа, жены и коня), и цель ее заключалась вовсе не в *обеспечении* всех земель, а в *хозяйственной эксплуатации земли*; и лишь впоследствии она была превращена в социалистическую душевую с понятием *душевого надела*, в котором и заключалась мысль о *праве на землю всякой «души», как таковой*. В подворное владение земля была дана лишь в двух малороссийских губерниях (Черниговской и Полтавской), в трех юго-западных, в Бессарабии и частью в Белоруссии и Литве.

С половины 60-х годов в официальных сферах крестьянское дело совершенно неосновательно считалось вполне законченным и не требующим дальнейшего вмешательства государства. Таково же было отношение и к сельскому хозяйству вообще. Созданные в 1864 году земские учреждения, обладавшие тогда весьма скудными средствами, по сравнению с возложенными на них задачами занимались почти исключительно народным образованием, медициной и местными путями сообщения. На экономическую сторону жизни земства стали обращать внимание лишь с конца 80-х годов, в большинстве же губерний лишь с начала XX столетия. Отсутствие агрономического руководства и организованного кредита; развитие сельского ростовщичества; полнейшая зависимость крестьянина по самым жизненным вопросам (передел земли, раскладка повинностей) от решения мира, представляемого сходом всех домохозяев; неправосудие подкупных волостных судов, решение которых было окончательным, — все это создало для крестьянина-общинника невозможные условия в развитии его благосостояния. Всеобъемлющая власть помещика была в пределах крестьянского быта заменена другой, почти столь же всеобъемлющей. По поводу этой замены московские профессора В.И. Герье и Б.Н. Чичерин писали в 1873 году: «Помещик нередко представлял собою угнетение, но он же представлял и попечение, мир же никогда не представляет попечение, а весьма часто составляет искушение... В чисто земледельческих местностях все более или менее подводится под один уро-

вень, и уровень вообще весьма низкий. Никто не умирает с голода, но все находятся в положении, близком к нищете, и если ряд более или менее урожайных годов поднимает иногда общее благосостояние, то одного неурожая достаточно, чтобы его снова расшатать; а поправляется крестьянин нелегко».

Итак, принцип самостоятельного свободного труда земледельца на собственной земле, провозглашенный Положением 19 февраля в качестве основы будущего социально-экономического строя России, *не был проведен в жизнь*.

В связи с этим производительность крестьянских земель после 1861 года не улучшилась, а чрезмерные налоги, падавшие на них (особенно в северных губерниях), значительно превышали чистый доход с земли, что и было установлено правительственной комиссией 1872 года. Недостаток собственной земли, из которой не менее одной трети находилось под паром; плохое удобрение; сокращение, вследствие распашки, лугов и пастбищ — все это заставляло арендовать землю, часто на невыгодных условиях, при системе отработки; а эта система мешала надлежащим образом возделывать *свою землю* и затрудняла улучшение как помещичьего, так и крестьянского хозяйства. Нередко землевладельцы были вынуждены, во избежание обострения отношений, соглашаться на подобные обоюдно невыгодные сделки, так как другого выхода не было: население увеличивалось, хозяйства дробились, а фабрично-заводская промышленность до 80-х годов развивалась слабо и не предъявляла значительного спроса на рабочие руки: переселение же в Азиатскую Россию до 1839 года было запрещено.

С начала царствования императора Александра III правительство вынуждено было обратить внимание на общий упадок крестьянского хозяйства, особенно в восточных губерниях; последствием этого упадка явилось огромное накопление недоимок. Результатом целого ряда сенаторских ревизий на местах было понижение выкупных платежей, отмена подушной подати и соляного налога; но все понимали, что кроме этих паллиативов требовались энергичные меры для подня-

тия уровня крестьянского хозяйства. К сожалению, ни правительство, ни русская общественность не отдавали себе отчета в том, что основное зло заключается в *отсутствии у крестьянина граждански упроченного права личной собственности на землю*. Само собою напрашивалось исправление ошибок 1861 года: уничтожение, вместе с общиной, кастового обособления крестьянства; учреждение всесословной волости; разрешение крестьянам (хотя бы на первое время с некоторыми ограничениями) продавать землю; борьба законодательным путем с чересполосицей; способствование хуторскому расселению. К несчастью, правительство, с одной стороны, под влиянием социалистических учений, вкоренившихся в умах русской интеллигенции, с другой стороны — недальновидных псевдоконсервативных соображений, — пошло совершенно иным путем. *Увеличение крестьянского землепользования*, удовлетворение «*земельного голода*» было признано самой главной, неотложной задачей. В 1882 году был учрежден государственный Крестьянский поземельный банк, выдававший покупателям крестьянам 90% покупной стоимости земли. Логическим последствием этого был закон 1893 года о неотчуждаемости наделной земли, согласно которому все сословия, за исключением крестьян, были лишены права приобретать какую-либо часть огромной категории наделной земли, категории тем более значительной, что впоследствии закон этот был распространен и на некоторые земли, приобретенные в собственность при содействии Крестьянского банка.

Последствия этого закона были двоякие. С одной стороны, он *задерживал образование всесословного класса мелких земельных собственников*, обладающих некоторым капиталом, без которого *немыслимо культурное хозяйство*. С другой стороны, он *насиленно прикреплял крестьян к земле*, лишая их возможности продать землю и посвятить свои силы другим отраслям промышленности. Общинник вообще не мог продать состоявшую в его пользовании землю, а подворный крестьянин мог продать ее только крестьянину же, что значительно ее обесценивало. А между тем, вследствие развития с 80-х го-

дов фабрично-заводской и южной горнозаводской промышленности, а также вследствие большого роста городов, среди крестьян сильнее прежнего обнаружилось влечение к другим отраслям труда; и по указанным причинам оно не могло получить нормального удовлетворения. Последствием этого явилось образование многотысячной рабочей массы, кочующей между городом и деревней; это тормозило как образование класса *действительных землевладельцев*, так и образование класса *квалифицированных рабочих*, столь необходимых нашей промышленности.

Сильно страдали от этого и *деревенские нравы*. Не культура города, а *разнузданность* фабричного предместья и шахт Донецкого бассейна проникла в сельские местности, лишенные к тому же всякой полицейской силы для обуздания хулиганов. Кошмарную, но верную картину деревенских нравов северных губерний на пороге XX века дает И. Л. Родионов в своей пророческой и в свое время недостаточно оцененной книге «Наше преступление».

С 1889 года правительство изменило свое отношение к переселению: оно не только было разрешено, но и всемерно облегчено. Переселенческая волна, усиливаясь из года в год, достигла своего максимума в 1907 году, когда через Урал переехало 600 тыс. душ. Явление это, полезное для развития окраин, не уменьшило, однако, все увеличивавшуюся безработицу среди крестьян Европейской России: крестьянство по-прежнему не могло использовать всю свою рабочую силу, так как хозяйство оставалось экстенсивным, а население страны увеличивалось на 2½ млн. в год*. Все вышеупомянутые мероприятия не могли существенно изменить к лучшему положение крестьян; крестьяне видели спасение в бесконечном расширении площади своего землевладения и, «количественно» понимая аграрный вопрос, мечтали о поглощении и растворении помещичьего землевладения. Недовольством их искусно воспользовалась революционная пропаганда. В кон-

---

* Замечательный экономический анализ этого явления читатель найдет в № 4 «Русского Колокола» в статье профессора В.А. Косинского.

це 1905 года в целом ряде губерний произошли крупные крестьянские беспорядки, выразившиеся в захвате частновладельческих земель, в разгроме усадеб, хозяйственных построек и винокуренных заводов, в массовых поджогах, в бессмысленно жестоком уничтожении животных. Для восстановления порядка правительству приходилось прибегать к военной силе. Неудивительно, что темная крестьянская масса под влиянием агитации не видела другого исхода: но прискорбно, что Государственная Дума, пресса, оппозиционная общественность, даже большинство профессуры оказались несколько не дальновиднее крестьян. Партия народной свободы («кадеты»), гвардия русской интеллигенции, считала необходимым и требовала немедленного «принудительного отчуждения по справедливой оценке» большей части пахотных частновладельческих земель. Даже такой выдающийся экономист, как профессор А. И. Чупров, поддался общему гипнозу и в 1907 году скорбел о неудаче кадетского проекта*.

Нельзя не согласиться с известным кооператором С. Н. Прокоповичем, что «для передовой части русского общества» характерна была «симпатия к ... экономическому равенству при недостаточном знакомстве с условиями крестьянского хозяйства» («Крестьянское хозяйство». Берлин, 1924). И невольно вспоминаются слова правительственного сообщения от 21 июня 1906 года, в котором тогда еще указывалось и предсказывалось, что отчуждение всех частных земель «не увеличит крестьянского достатка, разорит все государство и обречет само земельное крестьянство на вечную нищету и даже голод». Но кто тогда понимал это и верил этому?

Революционное движение 1905 года побудило правительство всесторонне обсудить вопросы сельского хозяйства. По инициативе председателя Совета Министров П. А. Столыпина, невзирая на энергичные возражения части прессы, было признано, что *корень зла в общине* и что увеличивать благосостояние крестьян следует не путем уничтожения культурных имений, необходимых государству, а распространением на-

* См.: А. И. Чупров. «Мелкое земледелие и его основные нужды».

чал частной собственности и культуры на наделные земли. Понятно было, что для увеличения урожайности земля не может переделаться, а должна быть собственностью земледельца. Согласно Высочайшему указу от 9 ноября 1910 года, превращенному после его одобрения и дополнения законодательными учреждениями в закон 14 июня 1910 года, каждый крестьянин приобретал право не только *выйти из общины*, но и требовать *выдела* ему к *одному* месту участка земли, равного по ценности отдельным участкам, которыми он доселе пользовался. Этот закон был равносильен *новому освобождению* крестьян, но с тою разницею, что он освобождал крестьянина не от власти помещика, а от оков *социалистической общины* и притом самое освобождение ставил в зависимость от его собственной воли. Это было право на самоосвобождение. Это была ставка на *личную инициативу*, на энергию, на характер. Эта была ставка на сильного и хозяйственно предприимчивого крестьянина, которому было тесно в общине; который хотел частной собственности на землю и *нуждался* в ней.

Крестьянство отозвалось на этот призыв. Возникло стихийное народное движение, но уже не разрушительное, а созидательное. К 1 января 1911 года в Европейской России свыше 3 млн. крестьянских дворов вышло из общины; эти крестьяне сделались собственниками 27 млн. десятин. Недостаток землемеров не давал возможности удовлетворять всех желавших выйти из общины.

Аграрная Россия встала, наконец, на верный путь; и жестоко ошибаются те, кто думает, что революция погасила это движение. Она его только отсрочила.

Н.Б. ЩЕРБАТОВ

Часть II

РУССКАЯ АРМИЯ В ВЕЛИКУЮ ВОЙНУ

(Несколько цифр)

С самого начала мировой войны русской армии пришлось играть «жертвенную» роль. Каждый раз, когда нашим бывшим союзникам приходилось плохо, они просили помощи у нашей родины. Россия же могла противопоставить высокой военной технике наших бывших врагов *только свое многолюдие*. Из этого единственного источника своей военной силы она черпала щедрою рукою и во имя достижения общей победы лила потоки крови своих сынов.

Какова же цена русской крови, которой оплачена победа наших бывших союзников?

Установить точные цифры боевых потерь русской армии в минувшую войну не представляется возможным. Большевизм погубил громадную часть документов важнейшего исторического значения. В подобных условиях можно искать только приблизительные величины.

Наши кровавые боевые потери (не считая пленных) с начала войны до 1 октября 1917 года по данным нашей Ставки достигали 4 750 000. Эта цифра была мною записана в первых числах октября, когда я готовился к поездке в качестве главного представителя России на конференцию Верховного союзного командования, назначенную на ноябрь месяц 1927 года в Версале.

Но это число оказалось не полным итогом, так как некоторое число раненых, вернувшихся в строй непосредственно из войсковых санитарных учреждений, не могло быть точно учтено. После многих дополнительных изысканий я пришел к заключению, что общий итог кровавых потерь, понесенных русской армией в войну 1914—1917 годов, достигает не менее 5,5 млн.

Статистические исследования кровавых потерь в мировую войну, сделанные западноевропейской наукой, позволяют ус-

тановить для этой войны следующее распределение потерь: убитые — 23% общего числа потерь; умершие от ран — 6%; раненые, потерявшие трудоспособность полностью или частично — 11%; раненые выздоровевшие — 60%.

Придерживаясь этого распределения, мы получим для русской армии следующие данные в круглых цифрах: убитых — 1 300 000; умерших от ран — 350 000; инвалидов — 600 000; раненых — 3 850 000 (из них инвалидов — 600 000).

В большинстве издаваемых ныне советских трудов число наших убитых воинов исчисляется всего в 775 000. Но в этих трудах все так называемые «без вести пропавшие» совершенно произвольно отнесены к категории военнопленных. Большевики всеми способами стараются дискредитировать русскую армию и этим показать, что они неповинны в развале. Этого они и достигают, доводя цифру русских военнопленных до 3 300 000, а в некоторых трудах до 3 900 000. Насколько такая цифра противоречит истине, показывают нижеследующие данные.

По нашей просьбе в германских и венских военных архивах был произведен тщательный подсчет количества взятых русских пленных. В результате этих подсчетов оказалось, что общее число захваченных германскими и австро-венгерскими войсками в войну 1914—1917 годов русских пленных должно исчисляться в 2 420 000. Если к этой цифре прибавить попавших в болгарский и турецкий плен 20 000 человек, то мы получим общий итог в 2 440 000.

Небезынтересно здесь указать, что русская армия, потеряв такое огромное число пленных, сама взяла в плен в течение этой же войны 2 000 000 врагов.

Большая часть наших воинов, попавших в категорию «без вести пропавших», должна была быть отнесена к числу убитых. Во Франции так и поступили: к числу 674 000 «зарегистрированных» убитых французы прибавили 225 300 «без вести пропавших».

Работая над установлением общей цифры пленных, мне пришлось натолкнуться на данные, совершенно неожидан-

ные. Я уверен, что такими же неожиданными они окажутся и для многих.

Из 1 400 000 русских, бывших в германском плену, пытались бежать (по данным германских архивов) около 260 000. Из них 60 000 удалось бежать, а 200 000 было поймано.

Большое количество пойманных понятно. Нашему полуграмотному солдату прохождение неприятельской страны было несравненно труднее, нежели совершающему побег французу, англичанину или немцу.

Дабы дать хотя небольшое представление, какими приемами приходилось руководствоваться нашим убежавшим пленным при своих странствованиях, могу повторить здесь рассказ одного из наших финансовых агентов, г-на М., бывшего во время войны в Швейцарии. Находясь в одном из ее пограничных городов, он был ночью разбужен хозяином гостиницы. Этот хозяин просил г-на М. поговорить с двумя странными субъектами, которые не понимают ни по-немецки, ни по-французски. Оказалось, что это были убежавшие из плена русские солдаты. Самым интересным в их рассказе было то, что, уже перейдя границу, они в течение нескольких дней скрывались в лесах, ибо не знали, ушли ли они из вражеской страны или нет. Однако в конце концов они решили, что границу перешли. «Но почему же вы это решили?» — спросил г-н. М. «Мы заметили, что на коровах колокольчики, у немцев же эти колокольчики отобраны», — ответили они.

Итак, 260 000 русских пытались убежать из германского плена. По отношению к общему числу наших пленных, захваченных Германией (1 400 000), это составит: 18,5%.

Такого процента попыток не дала ни одна нация.

Громадное число попыток бежать из германского плена опровергает довольно распространенное мнение о малоразвитом чувстве любви к Родине в русских народных массах. Правда, этот патриотизм, если можно так выразиться, «сырой», малосознательный, но сила его несомненна.

Н.Н. ГОЛОВИН

ЧТО ДАЛА РЕВОЛЮЦИЯ РУССКОМУ КРЕСТЬЯНИНУ

Судьба русского крестьянина в революции глубоко поучительна и в государственном, и в хозяйственном отношении. С виду дело обстоит так, что его вековые вожеления осуществились: *вся* (или почти вся) земля *безвозмездно* перешла к крестьянам; и «высших сословий», вызывавших в массе и зависть, и нарекания, не стало. И в то же время русское крестьянство никогда еще не переживало такой нищеты, никогда еще не имело впереди таких темных и трудных перспектив, как ныне. Если когда-то, после отмены крепостного права, «порвавшаяся великая цепь» «ударила одним концом по барину, другим по мужику», то коммунистическая революция, как обрушившийся обвал, раздавила и разорила — и помещика, и крестьянина. Недаром один мудрый русский ученый еще в 80-х и 90-х годах прошлого века твердил русским народникам-радикалам: «землю отберете, но крестьянина и Россию разорите».

Подведем сначала итоги этому разорению и потом установим государственный и хозяйственный смысл свершившегося.

Что получило русское крестьянство от революции?

1. *Безвозмездную земельную прирезку.*

Эта земельная прирезка составила к 1920 году в среднем по 29 губерниям Европейской России менее $\frac{2}{5}$ десятины на крестьянскую душу (или, что то же, менее 20% уже имевшейся земли). В малорусских губерниях эта прирезка была больше. Установлено, что размер этой прирезки глубоко разочаровал крестьян, наивно переоценивавших размеры помещичьего землевладения*.

2. *Погашение всей дореволюционной земельной задолженности — недоимок, долгов по купчим крепостям, банковских*

* О действительных размерах его см. в статье проф. В.А. Косинского «Очерки по русскому аграрному вопросу»// «Русский Колокол», № 4. Приведенные нами данные о земельной прирезке можно найти у советского писателя Книповича. «Очерк деятельности Народного Комиссариата земледелия за 3 года» (Москва, 1920).

платежей, частных закладных и т. д. Понятно, что вместе с этими платежами погасли и все прежние юридические основания («титулы») собственности, исчезла и всякая окончательность, прочность и бесспорность владения. *Объем* владения несколько увеличился; возмездность уступила место *даровщине*, но *крепость* владения была в корне подорвана.

3. *Значительную часть оборудования бывших помещичьих хозяйств.*

Эта часть живого и мертвого инвентаря, доставшаяся крестьянам, была значительно уменьшена, *во-первых*, погромами первого революционного года; *во-вторых*, устройством советских государственных хозяйств («совхозов»), удерживавших постройки и инвентарь для себя*; *в-третьих*, усиленным насаждением аграрных коммун («колхозов»), снабжавшихся инвентарем преимущественно**.

Этим революционные приобретения крестьянства исчерпываются. Говорить о «политических» и «гражданских» правах, якобы приобретенных крестьянством от революции, — могут только неосведомленные или бессовестные люди. В советской России крестьянин не имеет права ни купить, ни продать, ни подарить землю, ни заложить ее.

Что же потеряло русское крестьянство от революции?

1. *Огромный клин приобретенной земли.*

Если у крупных землевладельцев (считая свыше 50 десятин) было изъято не более 40 млн. десятин, то у крестьян было изъято и переделено не менее 45—50 млн. десятин***. При переделе нередко урезывались как «кулацкие» все хозяйства свыше 10 десятин. Вследствие этого уже к 1919 году крестьянские хозяйства с посевом свыше 10 десятин стали большою редкостью (по 25 губерниям 1,51%; до революции их было

---

* По данным Книповича, по 32 великорусским губерниям советские хозяйства занимали в 1920 году около 12% всей сельскохозяйственной площади.

** По советским данным, к 1927 году под аграрными коммунами числилось около 3 млн. десятин сельскохозяйственного назначения.

*** См. подсчеты бывшего комиссара земледелия Смирнова («Известия» от 3 ноября 1927 г.).

свыше 11%); к 1924 году хозяйств с посевом свыше 6 десятин оставалось не свыше 8%*.

Это означает, что «черный» передел поразили и обобрал всю зажиточную часть деревни (коммунистическое насаждение бедности, сознательное пролетаризирование масс, именуемое «раскулачиванием» и «поравнением»).

2. Крестьянство потеряло за революционную инфляцию все свои сбережения по сберегательным кассам. На 1 января 1914 года эти крестьянские сбережения составляли 427 млн. золотых рублей; на 1 января 1926 года крестьянские вклады составляли 2 с небольшим млн советских рублей** (покупательная способность червонного рубля — не свыше 40 копеек довоенных***).

3. С уничтожением крупных хозяйств у крестьян естественно *отпали* все заработки в них. Годовой размер этих заработков только по средней и южной России (производящая полоса) исчисляется коммунистами в 1 млрд. рублей в год****. — Культурное, хозяйственно-техническое и национально-экономическое значение крупных хозяйств (ныне общепризнанное) мы оставляем в стороне.

4. Революция принесла деревне *жестокую смертность*. Гражданская война, эпидемии, провиантская война против коммунистов (например, избиение Тамбовской губернии), голод (обусловленный не просто неурожаем, но коммунистической «конфискацией» запасов), расстрелы чекистов — все это вызвало неисчислимое множество жертв. По утверждению советского экономиста Огановского (известного своим революционным оптимизмом), деревня потеряла на 1920 год свыше 10 млн. мужчин***** и около 4 млн. женщин, «в общем —

* «Экономическая жизнь», 1924, № 187.

** «Экономическая жизнь» от 30 октября 1926 г. Подсчеты, опубликованные Рыковым.

*** По розничным индексам Московского конъюнктурного института на 1 января 1927 г.

**** «Правда», 1924, № 76.

***** Напотери Великой войны (убитыми, умершими и инвалидами) нельзя отнести более 2,25 млн. См. авторитетное суждение Н.Н. Головина в предшествующей заметке.

рабочих мужчин около 30%»*. К этому присоединяются жертвы голодного 1921 года — по советским исчислениям не менее 5,2 млн. людей. Итого не менее 17 млн. людей.

5. Революция принесла крестьянству значительное *сокращение посевной площади*. Перед революцией в 1916 году из 100% посевной площади крестьяне обрабатывали круглым счетом около 89%** . По данным комиссариата земледелия посевная площадь составляла в 1922 году 67% довоенной, в 1924 году — 76%, в 1926 году — 88% довоенной***, в 1927 году — 96%****.

Это означает, что крестьяне не только не смогли запахать прирезанную им в революции землю, но вынуждены были забросить и значительную часть своего бывшего клина; им понадобилось 10 лет для того, чтобы довести свою запашку до прежнего уровня.

6. В связи с этим стоит всеобщее *революционное обеднение* крестьянства. О нем свидетельствуют следующие краткие цифры.

Валовой доход сельского хозяйства составлял на крестьянскую душу в 1913 году — 113 рублей, в 1926 году — 83 рубля, т. е. всего 73% довоенного*****.

Участие сельского населения в национальном доходе составляло в 1913 году 58%, а в 1926 году всего 26%, так исчисляют сами коммунисты.

Урожайность с десятины упала в среднем на 36%*****.

Хлебные запасы крестьянства не превышают $\frac{1}{3}$ довоенного количества*****.

В России, особенно в производящем районе, появилось множество безлошадных хозяйств*****, уже к 1924 году оно составляло в среднем 40%, а по отдельным губерниям доходило

* «Экономическое обозрение», 1927, октябрь. Статья Огановского.

** Срв. у А. А. Салтыкова, стр. LXI и следующие в его замечательном предисловии к книге Менделеева «К познанию России» (Изд. Милавида. Мюнхен).

*** «Экономическая жизнь» от 12 октября 1926 г.; «Известия» от 2 ноября 1926 г. По-видимому, в этот счет входит и запашка совхозов.

**** «Известия» от 4 ноября 1927 г.

***** По исчислениям комиссариата земледелия.

***** Срв. «Экономическая жизнь» от 14 марта и 3 ноября 1926 г.

***** «Правда» от 28 ноября 1926 г.

***** Срв. заметки князя Н. Б. Щербатова в № 5 и № 6 «Русского Колокола».

до 51% (Тамбовская), 60% (Донецкая), 61% (Воронежская), 70% (Донская область) и даже 89% (Самарская). К 1926 году по одной РСФСР насчитывалось 4,6 млн. безлошадных хозяйств*.

Отсюда увеличение числа малопосевных и беспосевных хозяйств. Уже в 1925 году коммунисты исчисляли крестьянское население без посева или с полуголодным посевом (менее 2 десятин) в 37 млн. душ, т. е. около $\frac{1}{3}$ всего крестьянского населения**.

К этому присоединяется длительный инвентарный кризис. Мертвый инвентарь не восстанавливался с 1915 года***. Сельскохозяйственные орудия, поставляемые коммунистами, отличаются плохим качеством и высокой ценой (плуги на 50% дороже довоенного, молотилки на 70%, соломорезки на 100%)****. Отсюда качественное падение обработки, отсюда дальнейшее падение урожайности. Крестьяне, лишенные скота и инвентаря, сдают землю в кабальную аренду*****, идут в батракизаполовинудовоенной платы***** или бросают землю и выселяются в города.

7. *Высокие налоги, низкие цены на хлеб и непомерно высокие цены на плохие продукты советской промышленности доканывают крестьян. Покупательная способность хлеба стоит раз в пять ниже довоенной*****. За коммунистические продукты крестьянство переплачивает ежегодно не менее 1 млрд. рублей*****. И при всем том потребление крестьянства сильно падает: так, оно потребляет ныне всего 63% довоенного количества мануфактуры, 54% — кожи, 82% — сахара, 57% — стекла и т. д.*****.*

* Срв. Бюллетень ЦСУ, № 89, стр. 26. «Беднота» от 27 ноября.

** См. «Экономическое обозрение», 1925, № 1.

*** «Экономическое обозрение», 1925, № 7.

**** «Экономическая жизнь» от 6 мая 1926 г.

***** «Экономическая жизнь» от 13 августа 1926 г. «Беднота» от 26 сентября 1926 г.

***** «На аграрном фронте», № 4—5, стр. 11.

***** «Экономическая жизнь» от 3 сентября 1926 г.

***** Доклад коммуниста Яковлева.

***** Доклад заместителя комиссара земледелия Свицерского.

8. Революция не избавила крестьянство от *малоземелия*, напротив, обострила его. Высокий прирост населения (не менее 2,5 млн. в год), поравнительный передел и общая тяга крестьянства к разделам и дроблению привели к тому, что число хозяйств увеличилось за 10 лет революции на 50% (с 16 млн. до 24 млн.). Соответственно этому, по исчислениям советской статистики, крестьянское хозяйство было уже в 1924 году хуже обеспечено землей, чем в 1905 году (*тогда* в среднем имелось 8,5 десятины на хозяйство, теперь всего 7,4 десятины).

Все это означает, что ныне крестьянское сельское хозяйство *не в состоянии кормить всю висящую на нем массу людей* («аграрная перенаселенность»). По признанию советских статистиков, 16% беспосевных крестьян выбрасывается ежегодно из деревни — совсем или временно. Они тянутся в город и увеличивают и без того острую безработицу*: «ни город, ни промысла, ни промышленность пока (?) не в состоянии поглощать всю освободившуюся (?) в деревне рабочую силу»**.

Таков трагический баланс русского революционного крестьянства. Он имеет свой хозяйственный и государственный смысл, который может быть намечен здесь лишь коротко.

В хозяйственном отношении коммунистическая революция *разорила и расслоила* крестьянство. Чтобы привлечь крестьян на свою сторону, она отдала им почти весь запас сельскохозяйственной земли. Этим она снизила сельскохозяйственную культуру во всей стране, в корне подорвала имевшееся уже интенсивное земледелие и надолго сократила и затруднила вывоз полноценного зерна за границу. Крестьянство в России будет отныне бедствовать до тех пор, пока не закончатся всякие социалистические опыты; пока не сложится собственническое крупноземельное крестьянство, пока не наладится массовое, интенсивное земледелие. С этим связана и судьба не только зернового, но и всего сельскохозяйственного вывоза. Однако и тогда останется пролетаризированная масса, которая или найдет себе работу в возродившейся частнособ-

---

* «Экономическая жизнь», 1926, № 264.

** «Правда» от 4 ноября 1924 г.

ственнической промышленности, или же явится вечным источником смуты, бунтов, революций и гражданских войн. Во всяком случае коммунистическая революция окажется *школой частной собственности и концом количественной аграрной иллюзии**: «аграрный вопрос» впредь будет разрешаться качественно, в сторону интенсивности, а не *количественно*, в сторону «черного передела». С этим связана и государственная будущность России.

В *государственном* отношении русская революция является великим предметным уроком для всех народов и времен. Класс не выше государства и классовый интерес не должен ставиться выше государственного. Класс, подминающий под себя другие классы и самую родину, — губит всех и себя.

Тот, кто выдвигает радикальные требования и добивается переворота, тот должен идти за радикальной, *ни с чем не считающейся партией и добиваться для нее власти*. Он будет наивен, если вообразит, что эта партия будет считаться именно с его требованиями. На безвозмездное отчуждение имущества и на «черные переделы» идут только такие люди, которые не понимают хозяйственного, государственного и духовного значения собственности, которые теоретически и практически *не уважают* ее; напрасно думать, что они сумеют чтить и ограждать собственность именно тех, кто добивался и получил от них имущественную подачку. Масса, жаждущая имущественного передела в свою пользу, естественно возлагает свои надежды на коммунистов; но именно они-то и готовят ей обман и разочарование.

Нельзя быть богатым в разоренной стране, а имущественный передел есть всегда начало гражданской войны и разорения. Безвозмездное отчуждение есть акт не строящий государство, а разрушающий: он как бы спускает с цепи все худшие страсти; он колеблет и разлагает уважение к труду и собственности; он разлагает правосознание, научая его требовать подачек и помогать демагогам; он как бы начинает распродажу государственной власти с молотка.

* См. в № 4 «Русского Колокола» статью профессора В.А. Косинского.

Наказание всегда укрывается в самых последствиях ошибки или проступка. Но *не крестьяне* несут ответственность за случившееся — они остаются во всем своем неведении политическими детьми. Ответственность за совершившееся лежит всецело на русских радикалах, революционерах и социалистах. И Россия вправе требовать от них духовного характера.

РЕДАКЦИЯ

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Уже ко времени введения так называемой «новой экономической политики» жилищный кризис в городах советской России достиг такой остроты, что советская власть должна была подумать о приступе к новому жилищному строительству. Слабое начало этому было положено лишь в 1923 году. С тех пор были затрачены значительные средства как из государственного бюджета, так и из бюджета промышленности на постройку новых домов. Эти средства исчисляются сотнями миллионов рублей. Однако полезный результат этого строительства оказался недостаточным для того, чтобы остановить падение жилой площади, приходящейся на одного жителя, и обеспечить жилищем ежегодный прирост городского населения. Этот прирост городского населения определяется советскими статистиками за 1923—1926 годы в 4 263 000 человек, т. е. в 22,5% (почти 1,25 млн. в год); жилищную же площадь удалось увеличить за то же время лишь на 13,6%*.

Больными местами жилищного строительства, как и вообще советского строительства, являются: 1) необычайная его *дороговизна* и 2) *неудовлетворительное качество стройки* и употребляемых в дело строительных материалов.

Дороговизна строительства характеризуется тем, что индекс его по сравнению с довоенным, по официальным данным, равняется 2,65. Как поясняет автор уже цитированной

---

* См.: Л. Выгодский. Жилищный вопрос в отражении всесоюзной переписи// Экономическое обозрение. 1928. Сентябрь. С. 138.

статьи «Экономической жизни», конкретно это означает следующее: «Затрачивая, скажем, 300 млн. руб. на новое строительство, мы увеличиваем существующий жилфонд только на 100 млн.»*.

Об абсолютной неудовлетворенности советского строительства в качественном отношении, о разваливающихся на второй-третий год постройках можно было бы привести из советской печати сотни свидетельств и фактов. С точки зрения осмысливания советской жилищной политики как части огромного по своему размаху социалистического эксперимента интересно остановиться на следующем факте.

Оказывается, что советская власть строит рабочие квартиры слишком роскошно для нищего советского рабочего. Вероятно, такие дома с трехкомнатными рабочими квартирами приводили в восхищение те иностранные делегации, которым их показывали. Но что происходит с такими домами в действительности, об этом поведал ленинградский делегат Вейнберг на прошлогоднем мартовском пленуме ВЦСПС: «У нас очень развито строительство 2- и 3-комнатных квартир, *между тем как рабочему большей частью требуется всего лишь одна комната*. В результате очень часто рабочие чуть ли не целиком отдают предоставленные им квартиры внаем, сами ютятся на кухне или в одной комнатухе. Это, конечно, далеко не способствует сохранению жилого фонда. В Ленинграде, например, *лишь недавно построенные дома для рабочих находятся в крайне запущенном состоянии*»**.

Насколько плачевно настоящее советского строительства, настолько же безотраднo его будущее. Несмотря на обычный оптимизм советских пятилетних и иных планов, большевики не предаются никаким иллюзиям относительно возможности преодоления жилищного кризиса в ближайшие годы***.

* Н. Козыренко. Очередные нужды строительства// Экономическая жизнь. 18 января 1928 г.

** Жилищный вопрос на пленуме ВЦСПС. «Труд», 1 марта 1928 г.

*** См., напр., мою заметку: «Что дала революция русскому рабочему?»// № 4 «Русского Колокола», отдел «Жилищные условия», стр. 73 и 74.

Один советский автор в статье, помещенной в специальном издании, исходя из нормы ежегодного прироста городского населения в 700 000 человек (т. е. из нормы, значительно меньшей фактического прироста в 1923—1926 гг.) и из необходимости строить ежегодно 4 млн. кубических саженей жилых построек, приходит вслед за другими советскими писателями к крайне неутешительным выводам: «Приняв во внимание, что ежегодный размер всего жилищного строительства в современных границах СССР до войны был около 3,5 млн. куб. саж. и что наша промышленность строительных материалов далеко еще не достигла довоенных размеров, мы можем с полной определенностью признать, что средняя ежегодная цифра в 4 млн. куб. саж. представляется неосуществимой на ближайшие 3—5 лет. Что касается увеличения средней жилой площади на человека, то из вышеизложенного видна *практическая невозможность доведения ее в скором времени до 16-аршинной нормы*»*.

Таким образом, надежды на то, что советская власть сможет восстановить в значительной степени ее же стараниями и мерами разрушенный жилищный фонд, на ближайшее время нет. Население сделало из этого уже надлежащие практические выводы и... принялось строить само.

За последние четыре года (1924—1927) частными лицами было построено домов с жилой площадью в 7,82 млн. кв. м, в то время как все государственное, коммунальное и кооперативное строительство дало за то же время прирост всего в 6,38 млн. кв. м. Таким образом, *частное строительство дало больше половины всего прироста*, и что всего замечательнее, с *затратой всего лишь четверти общей суммы, затраченной на строительство*.

Главную массу частного строительства составляет так называемое «индивидуальное рабочее строительство». Ввиду кошмарных жилищных условий на советских фабриках и вблизи их рабочие стали строить свои домики, нередко лачу-

---

* Запорожец. Рабочее жилищное строительство в СССР. Сборник руководящих статей по раб. жил. строительству. М., 1927. Стр. 22.

ги-мазанки, сами добывая себе то, что не может дать им социалистическое государство. Вблизи городов и фабрик возникают целые поселки, часто в «самовольном» порядке. Как сообщает «Труд», под Екатеринбургом вырос целый такой поселок под названием «Нахаловка». «Это свое название поселок получил потому, что он возник стихийно, без разрешения коммунхоза»*.

Так пытается население в порядке «стихийном» и «самовольно», в формах частного хозяйства и частного права разрешить для себя жилищный вопрос.

Что коммунистическая власть сама признала свое полное банкротство в этом деле, показывает изданный 28 августа 1928 года декрет, предоставляющий совершенно исключительные, с точки зрения советского строя, права и преимущества частному капиталу — как иностранному, так и русскому — в деле постройки новых жилых домов. Предпринимателям предоставляются на льготных условиях участки для постройки домов (не менее определенной площади), причем эти дома остаются частной собственностью застройщиков и последние имеют право сдавать в них квартиры вне всяких ограничений, установленных советским законодательством в отношении квартирной платы и распределения жилой площади.

Со времени издания этого декрета, который в свое время был встречен ликованием всех иностранцев, страстно желающих «уверовать» в «эволюцию» большевиков, прошло полгода, а между тем за это время не стало известно ни одного факта, который свидетельствовал бы о том, что нашлись капиталисты, русские или иностранные, желающие воспользоваться его необычайными льготами. Очевидно, опыт с советскими концессиями в достаточной мере убедил всех серьезных иностранцев в невозможности создания «капиталистических оазисов» в обстановке хозяйственной разрухи и произвола, исключающих нормальное функционирование частных предприятий и охрану их прав.

* «Труд», 19 января 1928 г.

Таким образом, задача устранения настоящего небывалого в истории жилищного кризиса и создания для будущих поколений русских людей достойного жилища, этой необходимой основы не только материальной, но и духовной культуры, всей своей тяжестью ляжет на плечи строителей будущей возрожденной России. Для русских архитекторов и инженеров, в особенности для находящихся в эмиграции, открывается ответственная, но благодарная задача — изучить и использовать необыкновенно богатый европейский опыт последнего десятилетия в этой области для того, чтобы указать и разработать те пути и технические средства, которые должны лечь в основу изучения одной и самых тяжелых ран, оставленных на теле народного хозяйства России годами большевицкого лихолетия.

В.Ф. ГЕФДИНГ

О НЕПРЕДРЕШЕНИИ

Тому, кто любит свою родину, кто признает, что ей *необходима государственная форма*, и кто участвует в жизни своего государства *волею* — естественно иметь *политическую волевою идею*, верить в ее спасительность и желать ее осуществления. Так, автор этих строк — монархист по глубокому, жизненному убеждению, верую, любовью и разумением: он убежден в том, что настоящая, здоровая монархия выше, благотворнее, жизненнее, чем самая удачная, «благоустроенная» республика; и еще он убежден в том, что пока Россия будет республикой, она будет пребывать во внутренней смуте и международной слабости, независимо от того, будет ли это «социалистическая» или «буржуазная» республика.

И тем не менее он отстаивает принцип *непредрешения*, т. е. он считает, что русские, находящиеся за рубежом, *не имеют права и не должны предрешать послекоммунистическую форму русского государственного строя*, не должны организовываться за рубежом в *партии* для того, чтобы *навязать* эту форму внутренней России. И вот в силу каких оснований.

1. Только политические младенцы могут думать, что политическая идея осуществима *при всяких условиях и в любое время*. Монархия есть *высшая* форма государственного единения, но именно поэтому далеко не всякий народ и далеко не во всяком душевном состоянии способен осуществить ее. Есть уровень морального и политического разложения, на котором «монархия» возможна только как мимолетная, жалкая и пошлая карикатура, ничего не спасающая и всех разочаровывающая.

2. Как бы внимательно ни следили мы за событиями внутри России, мы до самого конца не будем в состоянии определить того душевного процесса, который совершается в массе русского народа, — процесса его *религиозно-нравственного очищения и политического созревания*. Сам по себе процесс этот крайне сложен, медлителен, бесформен и лишен органов проявления; а коммунисты еще задерживают его, искажают и подавляют. Все «провидения» и политические истолкования этого беспримерного процесса, — да еще издали и после долгого отсутствия, — неосновательны и легкомысленны: говорить, что «теперь весь народ хочет демократической республики» или что вся страна «мечтает о царе» — значит заниматься заведомо недобросовестной партийной спекуляцией. Наши сведения и наша сила суждения здесь просто *недостаточны*. При таких условиях «предрешающий» — совершает поступок политически безответственный.

3. Монархия имеет природу *органическую и религиозную*, она означает *конец* смуты и *революции*. Поэтому возрождение ее требует несравненно большего оздоровления, очищения и зрелости, чем продолжение революции в форме некоммунистического республиканства. После падения коммунистов в стране может не оказаться ни духовных, ни общественных сил для восстановления монархии, и подготовка этих сил потребует немало времени и борьбы. Наивно думать, что монархия возрождается посредством партийных резолюций или провозглашений. Необходим *укорененный в стране образованный кадр, способный и готовый идейно служить и честно строить монархию*; имеется ли он? Необходимо *массовое доверие*

и сочувствие, еще не издевавшее республиканской демагогии или уже разочаровавшееся в ней; имеется ли оно? Необходимо *монархически настроенная армия*; имеется ли она? Пытаться же возродить монархию при отсутствии всех этих условий значило бы — *предать царя на растерзание и посмеище и компрометировать монархическое начало*. Революция разрушила Россию *беспримерно*; всякие ссылки на русскую смуту или на иноземные революции — просто несостоятельны: аналогий *нет*, и «предрешающий» — просто не знает и не понимает сам, что он делает.

4. Мы не знаем, и до конца не будем знать, что установится в России после падения коммунизма. Быть может — слабая республика, тогда оздоровление затянется. Быть может — диктатура (сильная республика непременно сведется к диктатуре), тогда оздоровление ускорится. Попытка же установить в период оздоровления *монархию* — была бы вредна не только для России, но и для монархического начала, ибо дезинфекция или чистка выгребных ям не есть дело царя; это дело поставило бы его с самого начала в фальшивое положение и отвлекло бы от него сердца. Монархия есть начало примирения, а не расправы; начало достоинства, а не демагогической угодливости.

5. Мы должны помнить, что после падения коммунизма России предстоит период *хозяйственной разрухи, государственного бессилия и международных унижений*. Это бремя будет посильно только *гениальному* человеку; негениальный монарх — падет под этим бременем сам и *скомпрометирует монархическое начало*. Мы должны помнить, что настоящая монархия, монархия *силы и достоинства*, может оказаться невозможною и что монархия международной зависимости, внутреннего заискивания и демагогических посулов унизит и уронит монархический принцип; мы должны помнить, что *плохая республика подготовит хорошую монархию, а преждевременная и слабая монархия подготовит длительную республику*.

При таких условиях преждевременно навязанная стране монархия может оказаться полезной только республиканцам,

коммунистам и врагам России. И предрешение ее ныне могло бы быть понятно только в устах истинного «провидца», которому «открылось светлое будущее».

6. Среди русских, пребывающих ныне за рубежом, *всякое* предрешение (и монархическое, и республиканское) звучит по меньшей мере *претенциозно*. Люди, выдвигающие такие формулы: «с монархией в России покончено навсегда», или «республика в России не будет допущена» — доказывают этим только то, что сила их политического суждения крайне незначительна. Кто они сами, эти «кончающие» и «не допускающие»? Какие явные или тайные силы уполномочили их предрешать за всю Россию? За кем из них стоит все зарубежье? Но если бы за кем-нибудь из них стояло все зарубежье — то это был бы всего 1 миллион из 150 миллионов, составляющих Россию. Сколь бы ни были ценны культурные силы зарубежной России — они остаются и численно, и морально, и политически *недостаточными* для предрешения. Всякое предрешение, идущее из-за рубежа, вызывает во внутренней патриотической России справедливый и гневный отпор. Сколько раз нам приходилось слышать там в России формулы этого отпора: «Иго несем *мы*; бремя опасности и борьбы *на нас*; а предрешаете и распоряжаетесь из-за рубежа *вы*? Кто *вы*, не отстоявшие Россию от большевиков, удалившиеся за пределы досягаемости и ныне делящие наследство не свергнутого врага?! Помните, что свергнуть коммунистов здесь мы можем и совсем не пустить на родину вас, зарубежных предрешателей...»

7. Предрешающий в зарубежье — или произносит пустые, не обязывающие его ни к чему слова, или же *обязуется повести революционную борьбу и гражданскую войну против всякого строя, им заранее осужденного*. Так, предрешившие республиканцы обязуются свергать всякого диктатора и монарха, который поведет дело спасения России: в качестве *новых революционеров слева* они останутся за рубежом, поведут террористическую работу и будут добывать деньги для того, чтобы поднять в России новую гражданскую войну за республику. Соответственно этому предрешившие монархисты, выдви-

гающие кандидата на престол, обязуются свергнуть всякого другого кандидата («бонапарта»), всякого не подчиняющегося им диктатора и всякую республиканскую власть, которая будет пытаться оборонить Россию от новых коммунистических покушений: в качестве *новых революционеров справа* они останутся за рубежом, поведут явную и тайную агитацию и будут пытаться поднять новую гражданскую войну за своего претендента.

Если они *не* намерены это делать, то какой политический смысл имеют их грозные предрешения? А если их намерения именно таковы и они готовят России новые революции и гражданские войны — то замыслы их по отношению к России *безумны и преступны* и русская история не почетом отметит их имени.

8. Мы должны отпавляться от того, что *Родина выше политической формы* и что Россия потеряла уже *слишком много* для того, чтобы терзать ее новыми кровавыми переворотами. Мы должны помнить, что патриот-республиканец и патриот-монархист — *сыны одной России* и что ныне смертная борьба между ними была бы предательством по отношению к Родине.

9. *Всякий* несоциалистический строй в России будет *лучше* советско-коммунистического, при *всяком* таком строе мы должны добиваться возвращения и права жить и работать на своей родине. И ныне ни одна противосоветская организация не должна мешать другой в ее борьбе с коммунистами, но все они должны договариваться между собой по принципу: *вместе бить*.

Остальное выяснится и решится в самой России.

СТАРЫЙ ПОЛИТИК

ОТЦЫ И ДЕТИ В ПОЛИТИКЕ

Несогласия между отцами и детьми в практических вопросах жизни и особенно в вопросах политики — есть явление *вечное*: оно обусловлено возрастом и опытом жизни; оно не-

избежно, и тем не менее каждое поколение переживает это расхождение, как что-то «новое» и «особенное» и, может быть, даже «тревожно-зловещее» (срв. «Отцы и дети» Тургенева). И всегда бывает так, что чем забывчивее, безответственное и самодовольнее отцы, и чем наивнее, самоувереннее и темпераментнее дети, тем легче это расхождение принимает оттенок «драматический» и даже «трагический». А между тем верное разрешение этого вопроса возможно только на основе *взаимного понимания и взаимного восполнения*.

Мало того, верно разрешить этот вопрос значит вообще отодвинуть его на задний план, как бы *вовсе снять его*: ибо для *предметного и творческого служения* существен совсем не возраст, а *верность взгляда, преданность и сила воли*. По этим трем признакам отцы должны объединяться и с отцами и с детьми, а дети должны объединяться и с детьми, и с отцами. Перед *служением родине*, перед *духовным единомыслием*, перед *стойкой энергией поступка* — *возраст* несуществен; выдвигать вопрос возраста здесь не только неуместно и странно, но просто *непозволительно*: при верном подходе к делу — он и сам не выдвинется. А если он выдвигается, то это означает, что люди духовно *не доросли, не пострадали до предметного и творческого служения*, но застряли в вопросах непредметного «самочувствия», неудовлетворенного тщеславия, честолюбия и всех тех неумений и мелочных претензий, которые размножают и составляют ненужный *сор жизни*.

Поскольку отцам и детям не удастся установить между собой взаимного понимания и взаимного восполнения, постольку силы народа начинают растрачиваться даром: ибо *жизненный опыт* старшего поколения проходит *мимо* младшего поколения, не научая его, не ограждая его от промахов, заставляя его начинать все с самого начала, отыскивать *уже найденные* пути, впадать в *изжитые* заблуждения и повторять былые ошибки. Понятно, что если бы такое положение дела водворилось *во всем*, то *вся культура* остановилась бы и оказалась бы невозможной: в религии отпало бы благовестие, писание, предание и преемство благодати; в науке все оказалось

бы «неисследованным» и «недоказанным»; все художественные создания искусства стали казаться людям «выдохшимся» и «мертвым» «хламом»; нравственное и государственное воспитание людей стало бы совсем невозможным; а в технике и в хозяйстве люди остались бы навеки первобытными дикарями.

Вопрос о соотношении отцов и детей есть вопрос *духовной традиции*. Если бы духовная традиция отпала, то все стало бы *беспочвенным, бессильным, эфемерным*. Горе тому поколению, которое не умеет ни воспринять, ни передать духовную традицию! Оно обречено на беспомощную и притязательную суетню, оно будет унесено смертью *до того*, как успеет создать что-нибудь; и неизбежно станет посмешищем грядущих, более здоровых поколений.

Именно такова затея всякой революции и особенно *большевицкой революции*: порвать национальную — государственную и культурную — традицию, отдаться самоупоенному произволу, все перевернуть, поставить наголову, начать все «сизнова», по-«новому», по-неслыханному, оказаться «умнее всех» и «смелее всех», и, потрясши мир «дерзанием», «повести за собою» все человечество.

Источником всего этого является: *духовное невежество, необузданное самомнение и совершенно больное тщеславие*. Ничтожество и убожество всех подобных затей предвидено и обличено в «Бесах» Достоевского.

И вот, все, не поддавшиеся духовной заразе большевизма, должны всегда помнить о том, что эта бесовская зараза *прокрадывается в сердца незаметно*, укрывается в оттенках и обнаруживается там, тогда и у тех, где и когда меньше всего этого ожидает. «Приражения» этого духа многообразны и неожиданны; и одолеваются только *бдением, трезвением и нещадной самокритикой*. Как проникающий повсюду трупный запах, так ныне незримо разливается в душах большевицкая отравка, особенно опасная для молодых поколений зарубежья, не перегоревших в дьявольской плавильне коммунистов, не видевших непосредственно величия России и не смотревших

в зрак сатаны, но именно поэтому у них нет того *духовного иммунитета*, который ныне приобретает *несоблазнившаяся* молодежь подъяремной России.

Для верного разрешения основной задачи *духовной традиции* необходимо, чтобы отцы могли и *умели передать*, и дети *желали воспринять*.

Духовная традиция (буквально — передача) не состоит всюду, где отцы *растеряли* воспринятое ими самими, а своего *не пострадали*, где им *нечего* передать, или где они *забыли свой долг* передачи; или где они *не умеют найти доступ к сердцу* и к *доверию* младшего поколения.

Справедливость требует признать, что современные русские политические отцы (за исключением немногих людей, окостеневших в своем дореволюционном самолюбовании и в своей политической бессовестности) — перестрадали и передумали так много, что им поистине *есть*, что передать следующему поколению. У них есть не только опыт заблуждений и непротивленчества, но и опыт *преодоления ошибок* и опыт (хотя еще и не победоносной, но искренней и напряженной) *борьбы*. Они видели и величие прошлого, хотя надломленного уже и больного; — и процесс подкопа и крушения — и позор и несчастье дна. И если даже многие из них ныне не берутся сказать, что делать дальше, то зато многие из них знают досконально, *сколь сложно и ответственно всякое делание* и *чего именно безусловно не следует делать*. Среди них есть и такие, которые способны передать древнюю и священную традицию; есть и такие, которые сами пострадали целое богатство опыта и разума. И если им чего-нибудь не хватает, то именно *творческой воли* к передаче и той способности *учить учась*, без которой между поколениями трудно возникает взаимное доверие и живое сотрудничество.

Духовная традиция не устаивается и там, где в душах детей не укоренено или поколеблено *чувство священного* или пробуждено *голодное самочувствие*.

Там, где нет чувства *священного*, там и нет чувства *тайны*, нет *благоговения*, почтения и уважительности (против всего

этого и направлена всякая революционная и большевицкая пропаганда); там слабеет *религиозное чувство*, там колеблются все *авторитеты* и все здоровые *консервативные* начала жизни. В душах расцветает упрости́тельство («все просто!»), самозна́йство («я и сам без вас все знаю!»), безответственность (слепота и безразличие к последствиям поступка) и нигилизм («нет ничего святого»). При этом всегда бывает так, что здоровые и почвенные авторитеты низвергаются только для того, чтобы на их место пробрались контрабандой авторитеты нездоровые и беспочвенные. Фанатики «нового» никогда не бывают творцами; и истинно новое никогда не создается на этом пути, но разрешительные психозы овладевают душами именно в этом порядке — в порядке «декадентства» (от *decadere* — отпадать, выпадать) и «революция» (от *revolvere* — перевертывать), в порядке «схождения с рельс» и крушения...

Там, где пробуждено *голодное самочувствие*, там душа переоценивает свои *силы* и недооценивает *сложность мира* и *трудность* своих заданий. Ее драгоценное «я» — требовательно, притязательно и *заслоняет* собою или отодвигает *Дело*. Отсюда — тщеславие, заносчивость, самомнение, честолюбие и самая комичная жажда «поскорее начать фигурировать». Скромности мало или совсем нет. *Собственная сила суждения не подвергается никакому сомнению*. Появляется ряд людей умственно скороготоватых и нравственно скороготовых; способных шуметь, претендовать и смертельно обижаться, но мало способных строить и делать дело и совсем неспособных отличить добро от зла и гения от злодея, — тип вредного скороцвета и пустоцвета.

Справедливость требует признать, что современные русские политические «дети» за рубежом в большинстве своем не предаются ни *тяге к нигилизму*, ни *голодному самочувствию*. Однако последний соблазн грозит им большею опасностью, как, впрочем, и всем революционным поколениям: ибо честолюбие не только колеблет и подрывает троны, но расцветает с особою, прямо болезненною силою *после* их низвержения.

Таким образом, ныне за рубежом ни со стороны старшего поколения, ни со стороны младшего поколения нет признаков, заставляющих опасаться за русскую духовную традицию; и отдельные болезненные проявления, исходящие от «детей» и почти всегда вызванные подстрекательством кого-либо из неуправляемых «отцов», — не должны быть обобщаемы.

Гораздо сложнее, болезненнее и опаснее обстоит дело в подъяремной России.

И.А. ИЛЬИН

ЖИВЫЕ СЛОВА ФРИДРИХА ВЕЛИКОГО

Наставления государям

Сила государств покоится на великих людях, которые рождаются для них в нужный час. Великий человек не нуждается в предках.

Нет способа правления, который не имел бы своих недостатков. Но если во главе государства стоит решительный государь, то в монархии оказывается меньше партийного духа, чем в республиках, которые нередко растерзываются интригами граждан, пытающихся вытеснять друг друга. Хорошо управляемая монархия должна быть как единая семья.

Люди срастаются внутренне только с тем, что им принадлежит. Государство не принадлежит министрам, поэтому их сердце не прилепляется воистину к его благополучию.

Государь есть лишь первый слуга государства, он обязан действовать по правде, с величайшей проницательностью и совершенным бескорыстием, так как если бы ему приходилось ежеминутно давать своим согражданам отчет в своем управлении.

Случай, господствующий над человеческими судьбами, решает вопрос о первородстве. Но в силу того, что человек является королем, он еще не становится лучше других.

Если монархическое правление должно доказать свое превосходство над республиканским, то государю уже дана ли-

ния поведения: он должен быть деятелен и чист характером, и собрать все свои силы для того, чтобы разрешить предуказанную ему задачу.

Будьте тверды в своих решениях! Взвесьте сначала «за» и «против», но если вы однажды объявили свой волю, то уж ни за что на свете не меняйте в ней ничего!

Необходимо быть молчаливым, наблюдать за собою, господствовать над своими чувствами, прятать свои намерения, скрывать свой характер и не показывать ничего, кроме подобающей решительности, смягченной чувством права.

История есть школа государей.

Счастье нередко бывает опаснее для государей, чем несчастье. Первое опьяняет и ослепляет их; второе учит их осторожности и скромности.

Умение править составляет особую науку: тот, кто хочет компетентно говорить о сем вопросе, должен пройти через долгое изучение.

Для ленивого лавры не растут. Богиня славы венчает только того, кто борется и имеет мужество.

Прежде всего необходимо уловить дух народов, которыми хочешь править, — чтобы знать, кротко или сурово над ними управлять, мятежны ли они, склонны ли они к беспорядку, к интригам и глумлению, в чем их дарования и к каким должностям они наиболее пригодны.

Мудрый государь должен приложить все свое усердие к воспитанию полезных и добродетельных граждан.

Государь должен обладать таким знанием людей, чтобы поставить честных людей, по крайней мере, во главе провинций.

Лишь немногие люди рождаются совсем без таланта. Поставить каждого на верное место значит извлечь из всех двойную пользу.

Для поддержания добрых нравов необходимо прежде всего, чтобы отличие давалось единственно и исключительно за заслуги.

Лучшее обхождение с принцами крови состоит в том, чтобы осыпать их внешними почестями, но держать их вдали от госу-

дарственных дел и доверять им военное командование только при достаточной надежности, то есть если у них есть талант и если можно положиться на их характер. Принцессы не должны вмешиваться в правление — никогда, ни под каким предлогом.

Чтобы избегать вредных мероприятий, государь должен ставить себя в положение крестьянина или фабричного рабочего и спрашивать себя — чего же я хотел в этом случае от государя? То, что ему тогда подскажет его здравый человеческий рассудок, он и обязан осуществлять.

Я решил никогда не вмешиваться в течение судебных дел, ибо в судах слово должно принадлежать законам, а государь должен молчать.

Доходы государства не принадлежат государю.

Я рассматривал доходы государства, как существенное достояние народа, в котором я повинен ему отчетом. Я никогда не посягал для моих личных надобностей ни на малейшую их часть. И вот, я умираю бедным, но удовлетворенным, в сознании, что я исполнил мой долг правителя.

Посоветуйтесь с Макиавелли и он вам скажет, что все средства хороши и правомерны, если только они служат пользе и честлюбию государя. Это мораль преступников. Для всех людей есть только одна добродетель, одна справедливость. Только добродетельные поступки делают человека бессмертным. Я буду лучше мечтать, как человек чести, чем совершать преступные деяния.

Рассчитывайте только на самих себя! Тогда вы никогда не обманетесь. И смотрите на своих союзников и на свои договоры только как на суррогат! Многие договоры приносят больше вреда, чем пользы.

Наша должность состоит в том, чтобы заботиться о благополучии народов. Если мы видим, что в каком-нибудь союзе скрывается опасность для них или необеспеченность, то мы должны порвать его, чтобы их оградить; здесь государь приносит себя в жертву для спасения своих подданных.

Случаи, в которых договоры могут нарушаться, таковы: 1) если союзник не исполняет своих обязательств; 2) если он

хочет нас обмануть и нам не остается никакого исхода, кроме того, чтобы предупредить его в этом; 3) если какая-нибудь высшая сила подавляет нас и принуждает нас к нарушению союза, и, наконец, 4) если исчерпаны средства для продолжения войны.

То, что у частного человека является ошибкой, то для государства становится пороком.

Если государь совершает ошибку от незнания, то он несет такую же вину, как если бы он совершил ее в силу дурного намерения. Если короли думают о будущем лишь поверхностно и принимают меры необдуманно, то от этого бывают вынуждены страдать миллионы людей.

Если бы справедливость была изгнана из всего мира, то ее все-таки можно было бы найти у великих царей.

А я, пред угрозой крушения, полный к буре презрения, должен мыслить, жить и умереть королем!

1930

№ 9

Поверьте, что Бог не даром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит.

Н.В. Гоголь

Часть I

НЕПОБЕДИВШИЙ ГЕРОЙ*

Неся свое историческое бремя, в борьбе за свою свободу и за свой духовный расцвет, каждый народ нуждается в героях, в людях *силы, прозрения и ответственности*; в людях, которые, разрешив в самих себе все противоречия и затруднения национального характера и преодолев в самих себе его слабости и соблазн, могли бы тем самым возглавить и повести его за собою в его национальной борьбе. Им нужна *прозорливость* для того, чтобы увидеть пути и судьбы своего народа; им нужна *сила*, чтобы волею своею принять на себя и поднять историческое и государственное бремя своего народа, им нужно величайшее чувство ответственности для того, чтобы идти самому и вести свой народ к верной цели, решать за себя и за него и одолевая слабости и соблазны его души так, как они победили их в *своей* душе.

И если это верно применительно к каждому народу, то это относится в особенности к *нашему* народу и нашей стране. И если все народы нуждаются в героях и вождях, то Россия не

---

* Речь, произнесенная в Берлине в 1930 году на торжественном собрании памяти адмирала Александра Васильевича Колчака.

может без них ни быть, ни строиться, ни цвести. Ибо в силу множества расовых, исторических и географических условий русскому человеку нечасто удастся выковать, воспитать и укрепить свой характер, довести его, по слову Пушкина, до того *самостояния*, до той *уравновешенной творческой свободы*, которая необходима нам для того, чтобы нести и творить Россию; до той властности и спокойной зрелости духа, которой Россия вправе требовать от каждого из нас, требовать не только ради нас самих, но и ради нее самой.

Русскому народу свойственно особое своеобразное распределение запасов личной воли и характера: большинство на уровне ниже среднего, даровитое и благодушное человеческое множество, сильное своею цепкостью, приспособляемостью и терпением, но рыхлое в решениях и удобособлазняемое в чувствах; и наряду с этим отдельные, могучие, кованные люди, в которых это множество нуждается, которым лучшие из этого множества рады преданно служить и через которых каждый из этого множества — и чем преданнее он вождю, чем это сильнее и больше — крепнет и как бы, мужаясь, закаляется, не выходя из своих пределов.

Иногда кажется, что это поистине про нас сказано: «поражу пастыря и рассеются овцы».

Чем больше и исторически беспримернее бремя России, как великого государственного и духовного единства; и чем менее мы разрешили проблему воспитания русского национального характера, — следовательно: чем больше здесь несоответствие и чем труднее задание, — тем необходимее нам вожди и герои, тем естественнее у нас культ героев, тем больший вес они сами будут иметь в истории и в судьбах нашей страны.

Не спрашивайте, *откуда* наше историческое крушение, как могло оно возникнуть; оно всецело определяется несоответствием между нашим национально-историческим *бременем* и *незрелостью*, незакрепленностью нашего национально-исторического *характера* и *правосознания*... И враги России знали, знают и ныне, куда они загоняли погибельный клин,

когда увлекали нас на пути, безмерно увеличивающие это бремя и в то же время расшатывающие наш характер и наше правосознание.

В этом объяснении, в этой формуле собраны и объединены, предусмотрены и включены *все* факторы, *все* объяснения, все причины русской революции. И понятно, что когда исторические обстоятельства сложились в России в начале XX века именно так, как это было; когда на не окрепший еще, после натурально-крепостнического хозяйства и права, организм страны обрушились все блага и все соблазны частнохозяйственного и капиталистического уклада и мирового рынка; когда русский крестьянин еще не научился быть ни собственником, ни полноправным гражданином, а война потребовала от него величайших хозяйственных напряжений и гражданственных жертв; когда, следовательно, при слабом организме бремя испытаний непосильно удвоилось и утроилось, а соблазны зависти, жадности, воинского и гражданского бесчестия — удесятировались; когда государственно-исторические опоры религиозного правосознания вдруг сорвались со своих цепей и рухнули в пропасть, — тогда правосознание и характер народных масс не выдержали и соблазн революционного бесчестия сделался неодолимым.

Тогда пробил исторический час: и навстречу шабашу революционной нечисти, навстречу малодушию, соблазну и крушению, — как бы на вызов национальной совести и чести, как бы на зов национального инстинкта самосохранения, — встали наши герои и вожди.

Одним из первых и обаятельных был адмирал Колчак...

Человек, как бы выкованный из благородства и потому безмерно страдавший от чужой низости, настоящую низменность которой он даже не мог ни измерить, ни вообразить. Русский патриот, мечтавший об одном — возвеличить Россию своим подвигом, и обреченный на то, чтобы пережить годы величайшего всероссийского унижения и позора. Воин, созданный для борьбы, упоенно отдававшийся ей, прозревавший вместе с Гераклитом Эфесским ее таинственную судьбоносность,

умевший, как редко кто, вырывать у судьбы военное счастье, — и носивший в своем сердце неисчезающее предчувствие своей трагической обреченности. Герой, не искавший власти, но приведенный к ней в порядке самоотверженного служения. Моряк по призванию, которому судьба навязала задачу: организовать океан сибирского материка и возглавить небывалую по протяженности сухопутную кампанию. Солдат, таивший в себе ученого и мыслителя, и не предвидевший, что Россия потребует от него опыта государственного вождя и искусства политического демагога. Рыцарь, окруженный стихиею черни и преданный вероломными иностранцами на растерзание этой черни... Образ величайшего трагического обаяния: непобедивший и непобежденный герой; образ, который будет возвеличен грядущими поколениями и в памятниках, и в созданиях словесного искусства...

Непобедивший... Но непобедивший только с виду.

Ибо *герой побеждает всегда*: и тогда, когда расхोдившиеся стаи черни терзают его труп, как было с Корниловым; и тогда, когда таинственный недуг внезапно угащает неопалимую купину его духа, как было с Врангелем; и тогда, когда революционные банды предательски овладевают им и расстреливают его, как «врага народа»... Герой побеждает и тогда, когда история ставит его подвиг в рамки внешней неудачи: ибо и тогда его жизнь и его смерть остаются живым национально-пророческим голосом, зовущим через века к чести и верности, к мужеству и жертве. Такой герой как бы *начинает* дело национального возрождения и победы над соблазном. Знаем: не он закончит его. Но тот, кто закончит его, — довершит свое дело только благодаря тому, что *он* его начал. Ибо есть герои основоположники, вожди начала, и есть герои довершители, вожди конца. Горе стране, которая не найдет в себе героев основоположников, вождей начала! Она останется в бурю без компаса и руля; в степи, в ночном буране без звезд; и бес заводит ее и закружит до конца. Болезнь, овладевающая ею, настолько остра и глубока, что дух ее не откликается подвигом на самое последнее унижение, на предельное бесчестие.

Ныне, созерцая исторически пройденный путь борьбы, мы видим и знаем, что нашим героям начала невозможно было победить расплескавшуюся стихию *всемирного бесчестия, русской бесхарактерности и революционного соблазна*. Видим и разумеем это и, видя и разумея это, утверждаем, что наши основоположники, если бы они сейчас увидели все двенадцать прошедших лет, и если бы дана была им возможность вернуться к началу борьбы и заново сложить свой путь, — опять выбрали бы свой прежний путь и поступили бы во всем духовно-идейном так же, как поступили в первый раз. Ибо герой выбирает свой путь и идет — не по путям внешнего только успеха (этот успех зависит не только от него; ведь далеко не все историческое в его власти); он идет по путям внутренней, духовной необходимости и внешнего успеха, он ищет именно на этих путях: он не купил бы «внешнего успеха» — ни ценою слабости и бесхарактерности, ни ценою унижения и бесчестия. Это путь — *не* героев и *не* вождей; на этом пути люди не вступают в пантеон национальных героев уже потому, что спасительная *волевая идея не осеняет бесчестное сердце и соблазненную главу*.

Победа героя не измеряется ни его внешней неудачей, ни его внешней удачей — вопреки мнению толпы. Есть другие, *неосязаемые мерилы правоты*; есть другие, *сокровенные критерии реальности*. И этими мерилами живет герой, и в этом плане он творит свою правоту и победу... И грядущие, исцеленные от беснования русские поколения будут ценить и мерить — и наших вождей, и всех нас — этими мерами правоты и реальности.

Да, когда-нибудь впоследствии, когда наше крушение будет изжито и преодолено до конца, и нас уже не будет, и история русской революции перестанет быть русскою мукою, а станет созерцанием русских страданий, отошедших в прошлое, — будут сказаны справедливые и мудрые слова о нашей борьбе и о наших вождях. Они будут сказаны не нами, несущими эту муку и ведущими эту борьбу, а теми, кто, умудрившись нашей мукой и наслаждаясь тем справедливым исходом,

которым увенчается наша борьба, увидит из некоторого исторического удаления *национально-духовную плодотворность этой муки и государственно-национальную необходимость* этой закончившейся борьбы...

Ибо верьте, друзья мои, верьте всею силою вашей очевидности и вашей воли, — мука наша будет плодотворна для нашей родины и борьба наша необходима для бытия и самостояния нашей чудесной России! И страдаем мы не бессмысленно, и боремся мы за то, за что и мы, и все человечество — *должны бороться, и призваны бороться.*

И тогда, когда в разлагающемся вокруг нас историческом болоте, в котором мы стоим, погруженные по шею, набегают на нас мутная и ядовитая волна какой-то полрой нáводи, когда самая трясина, кажется, колеблется под нашими ногами и заликает нас минутами до самого рта, — тогда мы знаем и верим с особенною силою и ясностью, что мы призваны стоять до конца в вере и верности и что этим — молитвенно-заклинающим и до конца несоблазненным, — все преодолевающим стоянием нашим мы уже побеждаем и вынашиваем, и подготавливаем грядущую внешнюю победу.

Так, именно так до конца стоял, и тем самым победил, и нас научил победе наш с виду не победивший русский национальный герой Александр Васильевич Колчак.

И.А. ИЛЬИН

ОТЖИВАЮЩАЯ ИДЕЯ

В числе других идей, полученных в наследство от XIX века, идей, абсолютная и практическая ценность которых считалась неоспоримой, была и идея всеобщей воинской повинности.

Система всеобщей воинской повинности возникла более ста лет назад как следствие политического и военного разгрома Пруссии.

По Тильзитскому миру Пруссия могла содержать армию лишь в 42 000 человек, должна была уничтожить ряд своих крепостей и выполнить длинный перечень условий, фак-

тически низводивших наследников Фридриха Великого на положение послушных вассалов Наполеона. Переживания национального несчастья пробудили в германском народе стремление к нравственному и политическому возрождению. Страна покрылась сетью патриотических обществ «Союза добродетели». «Ночные всадники» Люцова вели жестокую партизанскую борьбу в тылах французских армий. Разрозненная, уничтоженная Германия вынашивала идею единого германского народа.

Лучшие немецкие поэты призывали к освобождению от французской гегемонии и к объединению нации. Короче говоря, Германия вообще, а Пруссия в особенности пережили в те годы величайший патриотический подъем. Творцы всеобщей воинской повинности — Шарнгорст и Штейн, создавая совершенно новую тогда военную систему, имели дело при практическом ее осуществлении с таким первоклассным, в смысле патриотизма, материалом, каким были немцы в начале XIX века. Вновь созданная система базировалась на основном принципе — на священном праве каждого гражданина защищать свое отечество.

Ни Шарнгорсту, ни Штейну, ни Гёте, ни миллионам других немцев не могла, конечно, прийти в голову мысль, что немец может быть равнодушен к судьбам своей Родины. Примеры Испании и Португалии, их успешная борьба с Массеной, одним из лучших наполеоновских маршалов, подтверждали, какие чудеса могло творить *осознанное национальное чувство*.

Вновь возрожденная прусская армия в кампаниях 1813 и 1815 годов вполне оправдала надежды своего народа. Система всеобщей воинской повинности, давшая немцам столь блестящие результаты в их борьбе с Наполеоном, постепенно была усвоена всей Европой. «Священное право» защищать свое отечество стало неоспоримым для всех народов.

Дюпелеские и альзенские успехи немцев в Датской войне 1863 года и громкая победа над австрийцами при Садовой в 1866 году еще более укрепили веру в превосходство прусской

военной системы, основанной на принципе всеобщей воинской повинности. Франко-прусская война 1870—1871 годов вознесла эту веру уже на высоту догмата.

Зарождение и развитие этого принципа совпало как раз с периодом развития в Европе милитаризма как следствия наполеоновских войн. Прельщенные *идеями количества*, народы в течение XIX века не учитывали, по-видимому, того обстоятельства, что новая система жизненна лишь при наличии *мудрого равновесия между качеством и количеством*. Как это часто бывает, *форма стала преобладать над идеей*. Ведь войска Блюхера и Мольтке были сильны, конечно, не только своим числом, но главное — духом. Поэтому в прусской армии сила и дух, т. е. количество и качество, развивались в нормальном соотношении.

Иное мы видим при отсутствии подобного равновесия. Австрия, тоже воспринявшая новую военную систему, являет на протяжении всего XIX столетия примеры, обратные прусским. Усвоив только форму и не обладая тем однородным, в своей массе, одинаково чувствовавшим населением, как в Пруссии, двуединая монархия не обладала и сильной духом армией. Поэтому, за исключением победы над итальянцами (Кустоцца, 1866 г.), Австрия не могла похвалиться ни одним крупным военным достижением. Не уравновешенное качеством австрийское количество в силу неизбежных законов военного дела бывало обречено на поражение.

Разгром австрийцев при Садовой (1866 г.), когда половина потерь маршала Бенедекка пришлась на долю пленных и дезертиров, живо напоминает картину военного оскудения итальянцев при Каппорето в минувшую войну (убитых и раненых — 40 тыс., пленных — 350 тыс. и дезертиров — до 400 тыс.!).

Мец, Седан и ряд полевых боев во время франко-прусской войны; Порт-Артур и Маньчжурская кампания в Русско-японскую войну; примеры России, Германии, Австрии, Италии в мировую войну, все это доказывает наглядно и убедительно, что *численно сильные армии, дух коих неравноценен их*

формам, не являются армиями, способными надежно охранять интересы своих государств.

Первопричина подобного явления неоспорима: в течение минувшего столетия европейские армии стремительно следовали по путям, указанным Шарнгорстом; однако за это время в жизни народов выявились новые духовные течения, идеалы коих нисколько не напоминают националистическое движение начала XIX века.

В жизнь народов вошли и закрепились такие факторы, как *социализм и коммунизм*, с их отрицанием религии, национализма и патриотизма, с их проповедью классовой борьбы, идей интернационала и т. д.

Если раньше существовали русские, французы, немцы, англичане и т. д., то теперь многие миллионы людей расценивают себя совсем по иным признакам. В каждом государстве существуют ныне обширные слои граждан, открыто заявляющих, что национальные интересы их родины не только им непонятны, но и враждебны. Эти слои, исчисляющиеся нередко миллионами, по-своему «честно» предупреждают свое государство, что они являются активными и непримиримыми врагами — как существующей идеи государственности, так и «священной обязанности» защищать свое отечество.

Естественно, что возникает вопрос: уместно ли поручать защиту государства тем, кто явно, не скрывая, объявляет себя врагом этого государства? Уместно ли в период самого страшного для народа испытания, т. е. в период войны, вооружать своих непримиримых врагов?

Если комендант осажденной крепости, желая увеличить силы гарнизона, пригласит своего противника войти в крепость и защищать ее, то подобного коменданта сочли бы, конечно, или изменником, или ненормальным. Между тем государства признают для своей защиты *своих явных врагов* в лице тех, кои отрицают и всемерно колеблют главные основы бытия всякой нации: религию, национализм, государственность и семью. И совершается это во имя отвлеченных и ныне бесспорно устаревших принципов всеобщей воинской повинности.

Коммунизм и социализм, с их проповедью интернационала, *пробили обширную брешь в системе Шарнгорста*, логическое совершенство которой основывалось исключительно на любви к отечеству и народной гордости. *Люди, не признающие отечества, не будут его и защищать*. В период войны они будут искренно приветствовать любые неудачи своей Родины и направлять все свои усилия к вяшему разгрому ненавистной им государственности.

И здоровый инстинкт самосохранения обязывает нацию *охранять себя от своих внутренних врагов* и не давать им возможности службою под знаменем, с оружием в руках вредить своей Родине. Этот инстинкт властно диктует **необходимость коренного пересмотра ныне господствующей военной системы**.

Кроме элементов, открыто объявляющих себя врагами государства, имеется немало людей, принадлежащих к категории «миролюбивых мешан», кои по свойствам своей выцветшей души *не пригодны быть солдатами*. Их психика, приниженная господствующим ныне рационалистическим мировоззрением, лишает их способности хотя бы временно, хотя бы частично руководиться в жизни возвышенными идеалами. Громадный процент пленных в минувшую войну в армиях всех государств наглядно убеждает, что *число подобных «мешан духа» зловеще увеличилось*.

Если многими в их стремлении избавиться от войны руководила злая воля или беспринципность, то надо признать, что было немало людей, для которых боевая обстановка являлась *органически непереносимой*.

Лебон убедительно свидетельствует, что нервная система современного человечества с трудом выдерживает напряжение современного боя. Не считается с этим невозможно. Нормально устроенное государство обладает, конечно, многими возможностями *принудить* преступных или малодушных людей выполнять свой долг, однако подобное принуждение приводит в лучшем случае лишь к *формальному* выполнению «священной обязанности» защищать свое отечество, т. е. к Каппорето...

Более целесообразным и удачным разрешением вопроса явится та военная система, которая позволит использовать своих военнообязанных так, чтобы каждый получил возможность выявить свои знания и способности в деле защиты Родины, вне зависимости от политических исповеданий и морального уровня.

Современная война требует соответствующей подготовки не только армии, но и решительно всех сторон жизни нации: психологической, финансовой, промышленной, сельскохозяйственной и т. д. и т. д.

Если в XIX столетии разработка мобилизационных планов являлась монополией генеральных штабов, то теперь к мобилизационным вопросам привлекаются люди самых мирных профессий: ученые, финансисты, врачи, журналисты, инженеры и иные, подобные им, категории лиц. Уже этот краткий перечень показывает, как усложнилось понятие о войне и ведение ее. В XX веке армия является хотя и первенствующим, но все же лишь *одним из элементов борьбы...*

Для будущей национальной России вопросы ее военного строительства явятся вопросами ее бытия. Вопрос о «качестве» и «количестве» ныне не является уже темой только кабинетной. Уже теперь можно с полным основанием утверждать, что экономическое положение возрожденной России не позволит ей содержать прежнюю многомиллионную армию. Таким образом, назреет необходимость с «малыми» силами надежно разрешать все вопросы государственной обороны. А это возможно лишь в том случае, если в основу создания вооруженных сил будет положен принцип «качества».

Современная военная система поддерживается ложной, давно уже жизненно поколебленной уверенностью в высоких якобы духовных качествах «солдата-гражданина». Вредное заблуждение, усвоенное еще со времен Великой французской революции...

Современный быт, обуславливающий воспитание современных граждан, создает не воинов, а солдат Каппорето. Помнить это — значит *предвидеть*. Предвидение же дар, ценность ко-

того постигается лишь со временем. «Недостаточно зарегистрировать прошлый опыт. Нужна еще творческая фантазия, чтобы предугадать, что ожидает нас в будущем и что нам нужно делать, чтобы не отстать от современности». Такое воображение как творческое начало совершенно необходимо «прежде всего в деле войны, где неподготовленность карается морями даром пролитой крови», — писал в своей замечательной книге «Полчища» генерал А. Геруя. Автор «Полчищ» особо серьезное внимание уделяет борьбе классовых исповеданий в армиях вооруженных народов и патологической природе большевизма и коммунизма. С редкой убедительностью осмысливает он горький опыт русского лихолетия и мудро предупреждает о грозящей опасности.

Если мировое зло не может быть быстро изжито, то надо находить возможности, дабы ослабить его поступательное торжество. *Современная военная система, основанная на всеобщей воинской повинности, лишь вводит в армию это всеобщее зло.*

Минувшая великая война явила все доказательства сильнейшего упадка военного искусства. Все воевавшие народы стремились восполнять недостатки духа и качества — количеством и техникой. В послевоенный период это увлечение приняло формы неудержимого стремления поставить материю выше духа, и современная военная мысль представляет армию какой-то гигантской фабрикой, где главная роль принадлежит машинам, а люди лишь обслуживают эти машины. В сознание современных «миролюбивых мещан» настойчиво внедряют мысль, что они могут воевать только машинами, а сами они ничто. «Человека» упразднили, но «человек» еще вернется и жестоко накажет тех, кто о нем позабыл. Было бы, конечно, не только легкомыслием, но и преступлением отрицать могущество современной техники. Ныне шапками не закидаешь! И все же *человек был, есть и будет главным фактором побед.*

В настоящее время наблюдается во всех армиях мира определенная тенденция к сокращению срока службы под зна-

менами. Принимая во внимание усиливающуюся сложность военного дела и малоценные духовные качества современных «миролюбивых мешан», проникнутых духом самого грубого и примитивного материализма, надо признать, что в течение 1—1,5 года *невозможно создать солдата*. Можно лишь «натаскать» новобранца. Солдатом будет только тот, кого не только научили обращению с оружием, но и *соответственно воспитали*. Для воспитания же необходимы время и соответствующие условия военной жизни. Поэтому первым и необходимым условием новой военной системы является *увеличение срока службы под знаменами*.

Располагая обширными кадрами лиц призывного возраста, Россия сможет получить путем *тщательного отбора* первоклассный людской материал. Столь совершенный по своим духовным и физическим качествам контингент, пропущенный в течение 4—5 лет через поле и казарму, обратится в подлинных солдат, способных по завету Петра Великого «с малою кровью» решать самые сложные задачи. К тому же только такую «малую» армию сможет возрожденная, но разоренная страна снабдить должной техникой, находящейся на уровне современных требований.

Освобождение от воинской повинности должно восполняться соответствующим военным налогом, причем налоговая система должна предусматривать не только денежные взносы, но главное — трудовую повинность по своей основной, мирной специальности. Это последнее условие является лучшей подготовкой населения к тяготам военного времени, когда вся страна обращается в грандиозный тыл, обслуживающий нужды армии и населения.

Б.А. ШТЕЙФОН¹³⁶

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУКИ*

Светлой памяти профессоров Московского Университета
Сергея Михайловича Соловьева,
Бориса Николаевича Чичерина,
Владимира Ивановича Герье

Вдали от родины, в чужой стране, в состоянии изгнаничества, справляем мы сегодня наш русский исконный академический праздник, юбилейный праздник Московского Университета... И слышится в сердце некий голос, напоминающий о том, что юбилей, празднуемый нами сегодня, есть юбилей не радостный, а скорбный; и что мы обязаны сказать себе самим скорбную и горькую правду: *не оградили мы Россию от беды и разгрома, не уберегли мы русскую Академию от порабощения и поругания*; свирепый враг владеет нашей Родиной: двенадцать лет тому назад он овладел ею и двенадцать лет тому назад русские ученые, верные своему званию, стали или *мучениками*, или *изгнанниками*...

И когда выговариваешь про себя эту горькую правду, в которой звучит, как некий отдаленный раскат грома, *суд истории* над тем, что было, и над тем, что совершается ныне, — сразу: и вопрос, и ответ, и укор, и приговор, и поучение, и призыв; когда выговариваешь эту формулу скорби, страдания и стыда, в коей сосредоточилось так много с виду бесплодного, но героического (и потому никогда не бесплодного) сопротивления, — но неизменно спрашиваешь себя: а разве могло быть иначе, разве могло быть так, что судьба исторической России, создавшей русскую Академию, *не* станет судьбой русских университетов и русской науки? что будет растлена и поругана, вослед за русской государственностью, вся русская национальная культура, за исключением академий? Что волна русского варварства и интернационального злодейства, поднявшись и затопив все, пощадит именно научную кафедру в России?

---

* Речь, произнесенная 12 января 1930 года в Берлине, на собрании в честь 175-летней годовщины со дня основания Московского университета.

Этого не могло быть, и этого не случилось. Этого не могло быть уже потому, что *наука неотрывна от породившей ее национальной культуры*: наука есть органическая сила народной жизни и истории, живое дыхание народного духа; и в то же время наука есть величайшая национально-воспитательная сила, которая именно для того излучилась из народной души и сосредоточилась в особый очаг — очаг мысли и знания, — чтобы вернуть народу свою сосредоточенную и очищенную, а потому воспитывающую и облагораживающую силу. Академия, университет, высшая школа, и вместе с тем наука, научная мысль и научное преподавание — вырастают отнюдь не вне времени и пространства, отнюдь не в какой-то безвоздушной пустоте, ничем не обусловленной, кроме «природы вещей» и «логических оснований». Такой академии, такой науки история не знала. И правы мы, что празднуем сегодня не отвлеченную науку вообще, а *русскую науку, русскую Академию, русский Московский Университет*, чувствуя учителей и учеников русской науки.

Не могло быть иначе, и не произошло иначе: кто порабощает Россию, — тот порабощает и русскую науку; и обратно, растлевающий и унижающий русскую науку — растлевает и унижает самое духовное тело национальной России. Они неразрывны — Россия и русская Академия; неразрывны и в расцвете, и в разгроме, и в славе, и в унижении. И не случайно, не условно, а верно и подлинно это словосочетание: «русская наука» и «русская Академия».

Знаю, что *научная истина*, если она истина, одна для всех, для всех времен, народов и классов; и знаю также, что ученому подобает желать и свойственно добиваться знания именно этой *сверхнациональной и общеобязательной* истины. Нелепа и противоестественна идея «классовой» или «национальной» истины. Противоестественно и нелепо навязывать ученому в виде задания и цели что-нибудь иное, кроме истины единой и общеобязательной. Ученый, не воспитавший в себе такую волю, — не ученый, а безответственный публицист и сеятель соблазна. Ученый, торгующий своей волей и

призванием, — есть иуда, раб и льстец. Знаю это всё; знаю и исповедую.

И тем не менее, не отступаясь от этого знания и исповедания, из полной души, умом и сердцем, произношу слова «*русская наука*»; с гордостью думаю о *русской Академии*; с любовью думаю о *русских ученых*. Ибо каждая великая национальная культура имела и будет иметь свою *национальную науку* и Академию; она созидает ее, бережно блюдя ее духовную свободу, она выращивает ее веками, принося для нее жертвы; она нуждается в ней для своего расцвета, нуждается и материально (технически, хозяйственно, врачебно, стратегически) и духовно (на *всех* путях своего духовного творчества, самочувствия и самоопределения). Нация, не имеющая *своей* науки, — первобытна и недоуменна в своем бытии: ее самочувствие темно и растеряно, ее самосознание беспомощно молчит; ее духовность хаотична и проблематична, ее Слово томится, не рожденное во мраке страстей, в подвалах ее инстинкта. И потому — в смысле духовного света и прозрения, в утверждении власти духа над страстями и над материей, в организации духовного космоса нации — *рождение науки и рождение Академии есть подлинный праздник национального самоутверждения, самонахождения и самоосвобождения...*

Нет, не в конечных отвлеченных *выводах* национальна наука; в них она общечеловечна. И не в конечной цели своих усилий национален ученый, в них он — общечеловеческий герой, завоеватель и вождь. И потому правы мы, когда научаем наших детей чтить Аристотеля и Галилея, Ньютона и Канта, как таких подвижников и героев, которые хотя и не нами выстраданы, но нам даны и нами приняты, как дар, как призыв и обязательство. Но и не во внешней природе испытываемых *вещей* национальна наука, ибо эта материальная природа открыта каждому и дана всем, — возьмем ли падение тела в пространстве, или химический состав вещи, природу Тибета, или новооткрываемую бактерию...

Но в *живом источнике*, творящем познание и добывающем истину — наука национальна; и в осуществляемом *способе*

бе познания, в укладе познающей души и в строении познавательного акта — наука остается национальной; и в обращении к тому народу, который породил ее, к *его материи* и к *его духу* (этнография данного народа, его история, экономика, социология, культура, правоведение, этика, эстетика и вся философия его) — наука всегда была и всегда будет национальной по преимуществу.

Так, во-первых, наука национальна по своему живому, *творческому источнику*. Гений каждого народа вложил и вкладывает *свое* в богатство общечеловеческой научной добычи. Избитое выражение «национальный вклад в мировую науку» полон глубокого смысла: ибо каждый народ, живя по-своему, — на всех своих исторических путях и во всех своих судьбах, — создает свою единую *национальную научную лабораторию*, возникающую из всей его национально-душевной сущности, в связи с его национальной государственностью и его национальным хозяйством. Пусть то, что уже открыто и познано — принадлежит всем, и в действительности, рано или поздно, становится достоянием сверхнациональным. Но самое *открытие* — испытывание, исследование, созерцание и познание — выстрадывается отдельными народами, созревает в их национальных лабораториях. Так, мы отчетливо и твердо знаем, что именно внесли греки в географию, историю, политику, этику, логику и метафизику; вклад римлян в юриспруденцию и историографию глубоко национален; глубоко национален вклад англичан в индуктивную логику, в естествознание и государствоведение; кто вздумает отрицать французскую историческую школу, французскую математику и химию, французскую невропатологию? кому не ясно глубокое своеобразие германского гения в философии или юриспруденции?

Каждый народ выстрадывает и вынашивает свою национальную Академию и науку: рожденная из его души, в его судьбах, она есть его национальное достояние — прежде всего и *до* того, как она становится достоянием *общечеловеческим*. Каждый народ имеет *свою* науку, он *прав*, когда бережет ее и

гордится ею, ибо она есть прежде всего — живое национальное дыхание его души и усилие его разума.

Эта национальность науки, быть может, ни в чем так не обнаруживается, во-вторых, как именно в самом *укладе познающей души*, в вынашиваемом ею *способе* познания (метод!), в строении познавательного *акта*.

Каждый народ, — независимо от того, понял он это или не понял, дорожит он этим или не дорожит, — имеет свой особый уклад души и духа, исторически и иррационально сложившийся у него, в качестве живого итога всех его судеб: тут и климат, и почва, и расовое скрещение, и войны, и религия, и учреждения, и влияние других народов, словом, и небо, и земля — внесли свое и дали ему свое. И вследствие этого каждый народ по-своему говорит и работает, по-своему молится и плачет, по-своему подчиняется и бунтует, по-своему пляшет и поет, по-своему мыслит, судится, сражается, строит, созерцает и наслаждается. Смысл человеческой жизни и истории — в одухотворении человеческого инстинкта, в творческом освящении прирожденной нам животности. И вот, способы этого одухотворения и освящения, и (еще проще, элементарнее) самые способы жизни и изживания — *национально различны* у людей; настолько, что пути одних народов обычно чужды и *бесплодны*, а иногда томительны и даже обременительны для других народов.

Таков закон истории, что *духовное созревание и плодоношение души национально*; и в этой национальности — *своеобразно*. Этому закону подлежит и наука: акт мысли и познания.

Каждая нация вкладывает в свою науку свою душу во всем ее своеобразии: подвижность или неподвижность своих чувств, явность и зоркость, или, наоборот, тяжеловесность и туманность своей мысли; яркость и блеклость своего воображения; утонченность или элементарность своей интуиции; упорство или неустойчивость своего характера; свое национально воспитанное или невоспитанное чувство ответственности — будь оно доведено до педантической осторожности или до легкомысленной беспочвенности; ширину или узость

своего кругозора; свой национальный юмор, остроумие, вкус, стиль, темперамент, способ доказательства, приспособляемость, наблюдательность, изобретательность. И вот, возникает *научный метод* и *научный акт* особого строения, национальной структуры, иногда очень различно представленный у ученых одной и той же нации; и тем не менее родственно-похожий у ученых одного народа, легче подмечаемый нами у иностранных ученых и нередко не осознаваемый нами в нас самих. Достаточно указать в виде примера — на уравновешенный и трезвый прозаизм английской науки; на чеканную ясность, блеск и чувство меры у галльского разума; на глубину и всеисчерпывающую добросовестность германской мысли; на вселенский кругозор и непосредственную свободу, на гибкость, пластичность и темпераментность русского ума...

Итак, наука национальна не только по своему *творческому* источнику, но и по своему *методу* и *акту*.

Но она национальна, в-третьих, и тогда, когда порождающий ее народ делает *предметом* своего изучения *себя самого* — свою природу, свою историю, свою культуру и создания, свой душевно-духовный опыт и его предметные содержания (вера, очевидность, совесть, вкус, правосознание). И, может быть, из европейских народов ни один не испытал и не испытывает это с такой силой, как мы, русские. Кем исследован наш язык, наша грамматика, наша стилистика, история нашей литературы? Кто изучал наш фольклор, нашу этнографию, нашу историю, наше право? Кто создал нашу географию, орнитологию, ботанику, науку о нашем хозяйстве? Кто мог и хотел постигнуть нашу веру, наше ведение добра и зла, наше чувство права, наше художественное горение и творчество? Кто совершил это и кто призван это совершить — если не мы сами, русские? Учение какого народа нашло в себе достаточно духовной ширины и свободы, достаточно чуткости и политической силы для того, чтобы почуять, уловить, исследовать и познать своеобразие того научного предмета, который именуется «русским народом», «русской историей», «русской духовной культурой»?

С тех пор, как родилось русское самосознание, особенно с тех пор, как родилась русская наука и русская Академия, — мы, русские, живем с душой, открытой для всего мира, для всех народов, одолевая трудности их языков, вчувствуясь в своеобразие их душ и их культур, изучая их пути, сострадая их судьбам, радуясь их гениям, преклоняясь перед их вождями, микроскопически изучая их быт, их право, хозяйство, культуру и искусство. Мы изучаем их. Мы понимаем и знаем их. А они нас?

Мы для них — как книга за семью печатями. Они не понимают нашего языка. Они не чуют нашей души и нашего духа. Они не понимают нашего уклада и нашей государственности. Они не понимают нашей судьбы и не помнят, чем они нам обязаны. Они не видят нашей трагедии и нашего предназначения. И если они когда-нибудь начинают изучать что-нибудь русское, — то только для целей своей *торговли* или своей *стратегии*: не интересом человека и ученого, а интересом коммивояжера и завоевателя. Вот почему, когда мы, ныне временно изгнанные и рассеянные, слышим их суждения о нас (в любой стране, где бы мы ни жили), мы всегда чувствуем себя — то как взрослый перед вкрявь и вкось судящим недорослем, самодовольным и пренебрежительно развязным, то как временно беззащитная жертва перед метко нацеливающейся хищной птицей.

И так будет, может быть, еще долго, — пока они не привыкнут изучать русский язык; пока они не перестанут мечтать об ослаблении, разделе и колонизации нашей страны, пока мы не научим их тому, что Россия есть великий национальный субъект, а не соблазнительный объект для военного и торгового нашествия; пока величие русского духа и русской культуры, пока сила русского характера не внушит им настоящего, неподдельного уважения к нашей России!..

А до тех пор русская наука будет, как никакая другая, — *национальной* и по своему предмету.

Но и тогда, когда это время наступит, оно не изменит существа дела. А существо дела состоит в том, что русская наука как была, так и останется — *органом русского духовного самосо-*

знания и русского материального самоизучения. Культурно немошен и духовно беспомошен тот народ, который не сумел изучить данную ему от Бога *природу*, для того, чтобы творчески овладеть ею, подчинить ее себе и превратить ее в свой благоустроенный дом и в безопасную колыбель для своего потомства; который не создал сам *историческую науку о самом себе*; который не сумел изучить свое прошлое, увидеть единственный в своем роде (идиографический) закон своего бытия, ритм своей истории, не сумел *постигнуть свою судьбу, чтобы овладеть ею.* Такой народ не достиг еще духовной зрелости...

И вот, сто семьдесят пять лет тому назад был заложен фундамент, было положено начало нашего созревания, когда генерал Ломоносова замыслил и создал Московский Университет, и сто лет тому назад аттестат нашей зрелости вручили нам Карамзин и Пушкин.

Но мало сказать, что наука и Академия национальны — по источнику, по методу и акту и по предмету национального самопознания: рожденные нацией, они становятся ее *духовным органом*, необходимым и священным; они образуют *очаг национальной мысли и алтарь национального разума.*

Признаем это и, прежде всего, утвердим и исповедуем в день нашего русского академического юбилея — *свободу, силу и благодатность человеческого разума!*

Я говорю о разуме, а не о рассудке*, не о богопокинутом и деморализованном рассудке, который ныне справляет свое буйное действо и торжище в храмах и академиях порабощенной России; не о рассудке, для которого все просто, плоско и пошло; который не видит Бога, не чтит духа, отрицает тайну и традицию, отрекается от семьи и родины и насилует чувство ответственности. Я не о нем говорю, ибо он не свободен, не силен и не благодатен, — ни тогда, когда он пассивно-наивен, ни тогда, когда он осознал себя и перешел в нападение. То, что он насаждает — не живое познание, а механическая схема, мертвый штамп, и присущ он не свободному человеку, а тому духовному рабу, о коем Аристотель сказал, что он чужое

* См. статью «Идея обновленного разума» в № 5 «Русского Колокола».

«понимает», а своего «не имеет...». Этот рассудок прежде всего глуп, ибо он не знает своих жалких пределов и не видит своего бессилия; и насаждение его делает людей самодовольными в их глупости и слепыми на путях гибели.

Я говорю о *разуме*, способном непредвзято и открытою душою *испытывать предмет*; способным *видеть* и потому видящим и *свои* пределы и начало *тайны* в предмете; о разуме, несущем в себе чувство *благоговения* и *ответственности*, и *благодаря этому свободном и сильном*... Ибо поистине *только ответственность дает свободу и только свобода дает силу!*

Я говорю о разуме как *божественном* начале в человеке... Ибо прошли и никогда не вернутся те времена, когда люди считали разум началом дьявольским. Эти времена не вернутся никогда, сколько бы безответственное пустословие ни предсказывало наступление «нового средневековья» и сколько бы фанатическое мракобесие ни тянуло к нему. Я говорю о разуме, проникающем к мудрости сердца, питающемся духовною очевидностью и несомом недвоящеюся волею. И потому вслед Пушкину я верую, что разум в человеке есть действительно «солнце святое» и «бессмертное», и знаю, что на фронтоне нашей Московской Академии будет однажды восстановлена мудрая и благая надпись: «Свет Христов просвещает всех...»

Так, Университет и Академия есть очаг национальной мысли и алтарь национального разума — школа *национальной интеллигентности*. Истинная интеллигентность определяется не начитанностью, не сведениями и не умениями. Она определяется творческой силой души в *испытании*, в *наблюдении* и *созерцании*, в *выделении существенного* и в *постижении* той *индивидуальной закономерности*, которая *владеет каждым предметом*. Университет вообще призван не к тому, чтобы давать сведения или проверять память людей; но к тому, чтобы учить самостоятельно и непредвзято людей познавать. Мы чтим Академию и ее преподавание не как школу памяти и мертвых схем, а как школу *живого метода*. И ученый-преподаватель стоит на высоте только тогда, когда он научает своего ученика *становиться самому лицом к лицу с предметом и самостоя-*

тельно уходить в его испытание, видение и описание. Академия обращается не к памяти, а к разуму, не к слепому доверию, а к самостоятельности. Она учит не воспроизведению формул, а самостоятельному добыванию; не дедукции, коей увлекаются все полуобразованные, а индукции, обретению, диагнозу. Ей нужна не слабость суждения, а сила суждения. Она призвана к тому, чтобы воспитывать разум, т. е. силу личного характера в предметном мышлении.

Вот почему Академия есть один из центров *национального воспитания*, ибо она учит разум человека самостоятельности и самостоятельности и делает это в традициях национально выношенного научного метода.

И все это — в духе *ответственности и свободы. Не может быть науки без свободы*: ибо раб, лишенный свободы, понимает только чужие мысли, а своих воззрений и убеждений не имеет. Мы не теперь познали это впервые: это традиция древняя и священная. Но, как никогда ранее, мы исповедуем эту традицию ныне в эпоху, когда люди с рабскими душами восстали для того, чтобы надеть рабское ярмо на русскую науку. Горе тем, кто из других стран не видит этого и не хочет понять, что та же судьба ждет и их: они сами скоро почувствуют на своей шее позор и бремя этого налагаемого рабами рабского ярма!..

Но не эту только традицию — традицию академической свободы утверждаем мы ныне, а еще другую, не менее священную, но более глубокую и столь часто забываемую традицию: *не может быть науки без ответственности*. Свобода подобает только тому и причитается только тому, кто чувствует и сознает ответственность жизни, науки и академического преподавания. Ученый, лишенный этого чувства, преподаватель, не воспитавший в себе ответственности перед Богом, перед своею совестью, перед родиной и перед людьми, — есть явление извращенное и отвратительное. Он не учитель и не воспитатель, а растлитель воли и соблазнитель мысли; свобода преподавания им не заслужена и не оправдана; и писана не для него.

Хочет ученый этого или не хочет, знает он это или не знает, — он есть воспитатель своего народа, его разума, его силы

суждения, его характера, а потому ответственный строитель *всей* его культуры, *всей*, — ибо дух без разума скуден, темен и подвержен всем соблазнам. И религия без разума (без Логоса!) — есть лишь темная страсть и одержимость, неистовое пустосвятство или хлыстовский оргиазм. А искусство без разума (без Предмета и Формы!) — есть лишь восстание хаоса, пошлое самоуслаждение и совращающая демагогия. Нельзя национальной духовной культуре быть без разума, ибо разум есть начало *очистительное и светоносное*.

Веруя так и исповедуя так, я праздную сегодняшней день как праздник *русского разума*, русского *ответственного* и *свободного разума*, воспитывающие традиции которого мы восприняли от наших славных, любимых и чтимых учителей для того, чтобы передать их новым поколениям России. Но верить в русский ответственный и свободный разум — значит верить в его *силу* и в его жизненную победу! И эта победа придет — по *вере* нашей и по *воле* нашей.

«Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

И.А. ИЛЬИН

НАЧАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА БУДУЩЕЙ РУССКОЙ АРМИИ

II

Дух преобладает над материей.

Это, конечно, не значит, что материальная сторона не имеет никакого значения и может быть оставлена в пренебрежении.

Представляя собою фактор, усиливающий качество армии; давая средства, облегчающие борьбу с противником; уравнивая до некоторой степени шансы с ним; увеличивая возможности сломить его сопротивление, *материальная сторона* тоже имеет *громадное значение*.

Вследствие этого необходимо стремиться к тому, чтобы все элементы *материальной* стороны были бы наиболее со-

вершенными и вполне отвечали бы требованиям *современных условий войны*.

Это тем более необходимо, что превосходство в этом отношении противника *угнетающе* действует на психику и на дух армии и потому сильно *понижает* духовную сторону, нравственный элемент.

Напротив того, сознание нашего превосходства над противником во всех частностях материальной стороны действует на психику и дух армии *возбуждающе* и потому чрезвычайно *повышает* нравственный элемент.

Все это необходимо иметь в виду при установлении *основ воспитания и образования* отдельного бойца и целых войсковых частей, *программы, плана, системы и методов их*, принимая во внимание первенствующее значение *воспитания*, взаимную связь между воспитанием и образованием, последовательность того и другого и *практические цели*, преследуемые обоими.

Высшим выразителем *материальной* стороны является *оружие*, которое в последнее время в большинстве случаев имеет характер *машины*, чрезвычайно по роду и виду разнообразной, обладает страшной разрушительной силой, дает возможность в короткий промежуток времени выводить из строя навсегда или на более или менее продолжительный срок громадное количество людей. В общем, современное оружие весьма могущественно, но чрезвычайно сложно по своему устройству и требует продолжительной и серьезной специальной подготовки для продуктивного пользования им.

Источником, средоточием и проявителем *нравственной* стороны является *человек* со всеми его физическими и духовными, положительными и отрицательными свойствами.

Раз это так, то исходя из того, что духовная сторона, нравственный элемент имеет большее значение, чем элемент материальный, необходимо признать, что *человек* на войне *главенствует* над каким бы то ни было оружием, ему принадлежит важнейшее значение, он *первенствует* над *машиной*.

Однако свойства современного оружия — машин настолько могущественны, что сопротивляться обладающему ими,

казалось бы, совершенно невозможно ни при каком характере боевых действий, ни при какой обстановке.

Несомненно, что всякое оружие, и чем совершеннее, тем больше, благодаря своим свойствам, в руках борющихся людей может в значительной степени *облегчить нападение и усилить сопротивление* и притом настолько, что в обоих случаях, вследствие именно его наличия, будет сломлено противодействие врага. Но, во-первых, по своей природе оружие может только усиливать и облегчать действия человека, само же оно, как бы совершенно и автоматически ни было, *действовать не может*, а во-вторых, оно в состоянии проявлять эти свои свойства в полной мере только тогда, когда в боевых действиях, угрожающих смертью и угнетающе влияющих на ум и волю, воины *не потеряют способность подавить в себе чувство самосохранения и сохранят сильный дух и ясность сознания*.

Если же этого не будет, то никакая машина им *не поможет*, и прежде всего потому, что они не в состоянии будут ею управлять, ее использовать, и она будет *бездействовать*.

Таким образом, оружие (машины) приобретают значение только в войсках, обладающих *высокими нравственными качествами*. Напротив того, в войсках, у которых дух *слаб*, оружие-машины не только не дадут положительных результатов, но могут послужить лишь *легкими трофеями* для противника и привести даже к *катастрофе*. Это потому именно, что нравственно слабые войска более возлагают надежд на машины, а *не на себя*; и когда вследствие слабости их духа машины перестают производить ожидаемый от них эффект, то они обычно *бросают их и поддаются панике*.

Такое положительное и отрицательное влияние оружия-машин, а значит и их значение может сказаться или в различных частях армии, в зависимости от разной высоты их духовного элемента, или в одной и той же части, когда он под влиянием тех или иных обстоятельств изменяет свое нравственное состояние.

История дает этому массу примеров.

Поэтому, с одной стороны, нельзя смотреть на оружие-машины как на некую незыблемо-прочную и первичную основу, которая при всех обстоятельствах может *обеспечить* всегда *боевой успех*, а с другой стороны, обязательно должно принимать все меры к тому, чтобы неприменный участник боевых действий, которые без него не могут быть осуществлены, — *человек* был бы всегда на высоте с точки зрения *силы его духа*, в самом широком понимании этого слова.

В общем, в боевых действиях первенствующее значение принадлежит *человеку*, а не *машине (оружию)*, как бы она ни была могущественна и совершенна.

Справедливы поэтому слова знаменитого военного учебного генерала Генриха Антоновича Леера¹³⁷, который говорил, что *главнейшим орудием на войне является человек*.

Эти выводы и необходимо не упускать из виду при *организации армии, при снаряжении и вооружении* как отдельного воина, так и целых войсковых частей. Их также нужно иметь в виду при установлении *способов боевых действий при всяких случаях* и при разной обстановке.

Среди *личного состава* армии, составляющего ее важнейшую часть, имеющего первенствующее значение и являющегося главным орудием войны, нужно выделить тех лиц, которые во всех отношениях являются *руководителями войск*, начиная от самых мелких до самых крупных войсковых соединений. Лица эти — *начальники всех степеней*.

Значение начальствующих лиц громадно, так как они обучают и воспитывают войска, направляют и следят за их боевой подготовкой в широком смысле слова, а во время боевых действий составляют их планы и приводят их в исполнение, пользуясь для этого подчиненными войсками, как средством, как орудием достижения тех или иных боевых задач.

Чем многочисленнее войсковая масса, которая подчиняется начальнику, тем и значение его *больше*, ибо тем боевые задачи, возлагаемые на него, *значительнее*, тем их достижение или невыполнение *сильнее* отражается на общем ходе войны и влияет на конечный ее результат.

С другой стороны, чем *крупнее* с этой точки зрения начальник, чем по своему положению он выше, тем выполнение его специальных обязанностей *труднее*. Эта трудность преодолевается только соответствующей всесторонней *подготовкой*.

Таковыми крупными начальниками должны почитаться все, начиная с тех, которые по основной организации еще мирного времени находятся во главе первых войсковых соединений, имеющих в своем составе *несколько родов войск*. Эти войсковые соединения обычно обладают *значительной численностью и всеми средствами* для решения самостоятельных боевых задач на поле сражения, то или иное выполнение которых отражается на ходе и результате всего сражения.

Таких начальников логично и справедливо называть *генералами*.

В зависимости от той роли, которая выпадает на долю генерала как в мирное время, так и особенно во время войны, его специальная подготовка должна обнимать и *умственную и волевою* стороны.

Он должен обладать обширными и всесторонними, твердо усвоенными *знаниями военного дела*; он должен отлично *понимать военное искусство* как в его идейной, принципиальной части, так и в технической; он должен *обладать широким взглядом* (большим кругозором) в своей специальности и вообще быть в полной мере *просвещенным* в ней.

Все это дает ему *прочный базис для работы и уверенность в себе*. А еще Суворов говорил, что «на себя надежда — основание храбрости».

Генерал должен иметь *твердую волю и сильный характер* и как производные от этих данных: *спокойствие, хладнокровие, присутствие духа, способность не теряться* ни при каких обстоятельствах, *не суетиться и не суетить других*.

Ему необходимо обладать *решимостью* принять решение и с *решительностью* его выполнить, довести его до конца; ему должна быть присуща широкая, но разумная в пределах его компетенции, *активная и пассивная инициатива*, т. е. он должен уметь *проявлять инициативу* сам и в то же время — что,

пожалуй, труднее — *давать право и возможность* проявлять ее своим подчиненным.

Генерал должен иметь *гражданское мужество и не бояться* ни юридической, ни нравственной *ответственности*.

Возможность *больших потерь* не должна *останавливать* генерала *в принятии решения*, важного для общего дела, и в *приведении* этого решения *в исполнение* с возможно большей энергией, ибо он должен помнить, что его колебания в *принятии решения* и его вялость в *исполнении* в конце концов *потребуют* гораздо больше *усилий и приведут* к гораздо большим *жествам и потерям*.

Однако во всех случаях и при всех обстоятельствах генерал *должен стремиться* к тому, чтобы *достигать успеха* «с легким трудом и малою кровью».

Генерал должен *уметь* в минуту тяжелых физических и моральных испытаний подчиненных ему войск *горячим словом, сильною речью, наконец, личным примером* поднять их дух и возбудить в них энергию.

Наконец, генерал *обязан* *выказывать наибольшую заботу* о подчиненных ему войсках во всех отношениях, однако при полном отсутствии *сентиментальности*.

Таковы требования от генерала.

Он сможет выполнить их, если на свою службу, на свои обязанности он будет смотреть, как на *великое служение Родине*, если он будет всецело *предан своему делу*, если он будет относиться к нему *с любовью*.

Ему эти требования выполнить будет *легче*, если он будет *воином по призванию*, если он будет *даровит*, обладать *талантливостью*, если в нем будет заложена *способность к творчеству*.

Как бы, однако, ни благоприятствовали выполнению этих требований врожденные качества человека, но все же достигнуть наибольшего совершенства в этом отношении можно лишь при *надлежащей постановке соответствующего образования и воспитания* лиц, готовящихся быть начальниками начиная со школьной скамьи и затем в продолжение всей дальнейшей службы.

Для такой же постановки воспитания и образования необходима *благоприятная* для этого *военная система*, обеспечивающая *справедливое и постепенное*, в зависимости от опыта, знания и таланта, *возвышение* начальствующих лиц и создающая атмосферу, способствующую развитию в каждом начальнике требуемых от него качеств.

Но и этого всего будет мало, если каждый начальник и генералы в особенности, помня постоянное развитие военного дела, не будут стремиться *путем самообразования и самовоспитания* к возможно большему *совершенствованию* в себе необходимых им *качеств*, чтобы стоять всегда *на высоте* своего назначения.

Начальники всех степеней, до самых высших включительно, должны всегда помнить, что *учиться не только никогда не поздно, но нужно всегда, непрерывно и усердно*.

Каковы бы ни были основы формирования армии, будет ли она комплектоваться по принципу общеобразовательной воинской повинности или состояться из профессионалов, служащих по найму, она, во всяком случае, будет состоять в подавляющем числе из лиц *господствующей национальности* данного государства. Это одинаково относится как к солдатской массе, так и к начальникам всех степеней. И с этой точки зрения армия в наше время не может быть *ненациональной*. А так как армия есть важнейшее средство военного искусства, то, таким образом, *национальный элемент* несомненно должен играть в нем определенную роль, хотя бы чисто внешнюю, разумея под этим бытовую сторону и некоторые жизненные и профессиональные навыки.

Но влияние национальной стихии на военное искусство не ограничивается только этим. Оно более *существенно и глубоко*.

Военное искусство как в тесном смысле слова, обнимающем собственно боевые действия, так и в более широком, включающем все вопросы, связанные с военным делом, подобно всякому другому искусству, есть *результат деятельности духовных сил человека*.

Характер этих сил зависит в значительной степени от *национальных особенностей* данного народа, сложившихся под влиянием условий: *географических, этнографических и исторических*, при которых данный народ образовывался, развивался и долгое время существовал, а также от той *обстановки*, в которой он живет в настоящее время и которая зависит: *от степени и характера культуры, силы и направления просвещения, политического устройства и т. д.*, обстановки, *отличной* от той, в которой живут *другие народы*, и потому тоже долженствующей быть названной *национальной*.

Таким образом, нужно признать, что военное искусство, как, впрочем, и все другие, *национально*.

Каждое искусство достигает *наивысшего своего совершенства*, когда его источник — духовные силы человека — проявляет себя наиболее *напряженно*. Такого наивысшего напряжения духовных сил можно достигнуть тогда, когда они действуют *совершенно свободно, в полном согласии с интеллектуальной и психической организацией человека* и вообще в условиях наиболее для этого благоприятных.

То и другое может быть лишь тогда, когда проявление духовных сил происходит под влиянием *национальной стихии*.

Если это относится вообще ко всем искусствам, то тем более должно признать это в отношении *военного искусства*. Это потому, что работа в области военного искусства происходит при обстановке, требующей *наибольшего напряжения ума и воли* и прочих духовных сил человека.

Таким образом, чтобы в военном искусстве достигнуть наибольших результатов, поставить его на наибольшую высоту, сделать его наиболее совершенным, необходимо творить в нем, *не отрываясь от национальной основы*, необходимо сохранять его *национальный характер*.

История вообще и наша отечественная в частности наглядно свидетельствует об этом.

У нас военное искусство достигало наивысшего состояния в эпоху Петра Великого и в век Екатерины II, когда оба эти государя во всем проводили *национальную точку зрения*,

когда военное искусство было вполне *национальным* и когда у нас появились великие, проникнутые *национальным духом* полководцы — Петр Великий, Румянцев и Суворов.

Утверждение, что военное искусство *национально* и что развитие его должно идти в *национальном духе*, сохраняя его *национальный характер*, не может быть поколеблено теми двумя истинами, в силу которых военное искусство, где бы оно ни культивировалось и ни проявлялось, всегда опирается *на одни и те же принципы*, вытекающие из его природы, и что одно из главнейших средств военного искусства — *оружие*, вследствие идейного и технического общения между собою всех народов и государств, ныне в различных армиях *почти одно и то же*.

Принципы военного искусства, очевидно, одинаковы для всех национальностей. Но вследствие различного характера *мышления* у разных национальностей и различного по силе и характеру проявления одних и тех же *эмоций* эти *одинаковые принципы* воспринимаются *не совсем одинаково*, взаимно расцениваются *иначе* и применяются *различно*. Одна национальность применяет принципы слишком *прямолинейно и узко*, другая обращается с ними более *гибко* и смотрит на них шире.

Точно так же и *оружие* в своей сущности в современных армиях *одно и то же*, но, во-первых, *достижения* в его совершенстве у разных государств *различны*, во-вторых, ввиду различия в *национальной обстановке* оно должно быть *приспособлено* к ней и, в-третьих, *приемы и способы использования* даже совершенно такого же оружия в зависимости от свойств ума и психики владеющих оружием, а также условий, в которых им пользуются, могут быть *различны* в той или иной обстановке.

Таким образом, лишь не пренебрегая *национальными особенностями* в военном искусстве, можно достигнуть наилучшего использования и *одинаковых принципов* и *одинакового*, по существу, оружия.

Сохранение *национальных особенностей* в военном искусстве также не может повредить ему и в том случае, если бы у других появились в этой области и *новые идеи*, и *новые технические достижения*.

Ибо *новые идеи* в настоящее время могут относиться только к *иному пониманию и толкованию* принципов и к *новому* поэтому их *применению*, а также к *созданию* новых или к *усовершенствованию* старых технических средств. Что касается *новых технических достижений*, то результатом их может быть или оружие совершенно *нового типа*, или усовершенствование в оружии *старого типа*, а также новые *способы* его *использования и применения*.

Естественно, что проходить мимо того и другого не представляется возможным.

Во-первых, мы должны хорошо знать своих *вероятных противников*, дабы создать соответствующие средства и способы борьбы с ними, а также своих *возможных союзников* для того, чтобы быть осведомленными, на что мы можем у них рассчитывать, а во-вторых, то и другое в той или иной мере может быть *использовано и нами*.

Однако ни в идеях, ни в технических достижениях не будет полезно *заимствовать* все *безоговорочно и целиком*, потому что как бы они ни были совершенны и даже, так сказать, интернациональны, все же при переносе их на почву *другой национальности* они не в состоянии будут *дать того эффекта*, который они производят на родной почве, на той почве, на которой они возникли.

Заимствуя что-либо из области военного искусства как в его идейной, так и в технической частях, необходимо заимствованное *приспособить к национальной обстановке, переработать в национальном духе, придать ему национальный характер, пронизать его национальными особенностями, согласовать с национальными условиями*. Только при таких условиях заимствованное даст при его использовании желаемый результат. В противном случае оно *не привьется, не войдет в плоть и кровь, останется чуждым* и, даже при наибольших усилиях извлечь из него хотя какую-нибудь пользу, *не даст желаемых результатов*.

При всем том должно помнить, что дарования *нашего народа*, сила его умственных способностей, его большие творческие возможности, его всесторонняя талантливость, его

высокие качества, вообще вся его духовная организация, его исторический опыт, его обширная многовековая и многообразная практика в военном деле не должна допускать мысли, что мы, русские, в самостоятельном развитии военного искусства во всех его областях можем *оказаться позади* других национальностей, можем *проявить меньше творчества*, чем они, и, таким образом, можем быть поставлены в необходимость только *заимствовать у других, слепо подражать* этим другим и тем самым *отказываться от своей самобытности*.

Действия Петра Великого в этом отношении могут служить нам поучительным примером.

Поставленный в необходимость весьма много заимствовать в области военного искусства у иностранцев, Петр все заимствованное переработал в горниле национализма, и потому в результате проявил такое самостоятельное и самобытное творчество, проникнутое национальным духом и соответствующее национальным особенностям русского народа, что в военном искусстве опередил свое время более чем на столет, дав возможность появиться у нас таким великим полководцам, как Румянцев и Суворов.

Итак: 1) *знание и уважение* в смысле следования, *применения принципов*, 2) *преимущественное значение качества* перед количеством, 3) *важность духовной стороны* по сравнению с материальной, 4) *первенствующее значение человека*, а не машин, 5) *превосходная всесторонняя подготовка начальников* и 6) *необходимость следования национальным путем* — таковы те *первичные основные положения*, при наличии которых только и может естественно, самобытно и совершенно развиваться военное искусство.

А раз это так, то эти же положения, как *первично-основные*, должны быть приняты как *безусловно обязательные* при строительстве будущей русской армии, дабы она была во всеоружии для той борьбы, которую ей *придется несомненно вести* за существование, честь, достоинство и лучшее будущее Великой национальной России.

А.К. БАИОВ

ЗАМЕТКИ О РУССКОМ СУДЕ

(По судебным уставам императора Александра II)

Творцы судебных уставов насадили у нас иностранные судебные порядки, в которые внесли, однако, отдельные, вызванные особенностями наших условий, изменения. Русский суд — наиболее чужеземное по своим формам из наших государственных учреждений. А между тем именно в русском суде русский дух нашел себе наиболее яркое выражение.

Объяснение этого парадокса — в самой природе правосудия. Суд — не только технический аппарат, приспособленный к разрешению споров определенной категории между сторонами. На всем протяжении человеческой истории он был и остается по сей день *главной цитаделью права*. Больше того. Население еще не отвыкло искать у него того высшего блага, которое он именует «правдой». Рассудить дело «по справедливости», «по-божески» — в этом, с точки зрения народного мирозерцания, основное задание суда. Выкованная римским гением формула «*res judicata pro veritate habetur*»* еще не сдана в архив истории. Суд по сей день еще несет сверхчеловеческую функцию провозглашения истины. Отсюда — мистический характер правосудия, его связь с религией. Связь эту бесильно было окончательно порвать и отделение государства от церкви. И в обмирщенных государствах судебные действия продолжают сопровождаться особым торжественным обещанием — этим лицемерным суррогатом обращенной к нему присяги.

Суд не может творить своего дела без непосредственного участия широких кругов населения. Он нуждается не только в техническом персонале коронных судей, прокуроров и адвокатов, не только в привлечении к исполнению судейских обязанностей выборных представителей населения в лице присяжных заседателей, шеффенов, но и в сотрудничестве сторон, свидетелей, сведущих лиц. Наряду с этим без печати,

* «Решение суда считается истиной» (лат.).

без публики в заседании он лишается нужной ему гласности, хиреет от недостатка света и воздуха.

При этих условиях отправление правосудия неизбежно приобретает национальный характер.

Долговременное принудительное пребывание на чужбине научило нас ценить наше прошлое, не ослабило, а укрепило нашу духовную связь с родиной. «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат». Особенно ярко светит в этом прошлом ореол, окружающий русский суд по уставам императора Александра II. Часто приходится слышать, что правосудие поставлено было у нас выше, чем на Западе. Судить о сравнительных достоинствах иностранных судебных систем нам не дано. Русский суд имеет для нас и только для нас неоспоримое, присущее ему одному, достоинство: он был русским, в нем жил русский дух.

В чем проявились свойственные ему особенности? Какое именно содержание вложил русский народ в заимствованные на Западе формы?

Вот главный, пожалуй, единственно нужный вопрос, который мы теперь на чужбине должны себе ставить, подходя к оценке русского суда в прошлом.

Пишущий эти строки не претендует его разрешить. Его задача — дать материал для размышлений над ним. Настоящие заметки — личные впечатления, воспоминания, не исследование.

В области этих личных переживаний в прошлом, личных впечатлений в настоящем — есть одно основное. В России было живо *мистическое начало правосудия*. Оно было живо как в народной массе, так и в среде профессиональных судебных работников, в лице судей, прокуроров, адвокатов, судебной молодежи. Вера в святость дела правосудия у нас не была изжита. Она горела подчас под пеплом скептицизма, материальных интересов, но священный огонь еще не погас. Суд в России был храмом правосудия, храмом, а не присутственным местом. Служители его священнодействовали, а не отбывали будничную повинность. Судебная работа в России еще была

призванием, еще не превратилась в ремесло. Живой дух, который творцы судебных уставов вдохнули в свое создание, не умер до конца.

И это всюду, на всем бесконечном протяжении нашей родной дали. Судить о русском суде может только тот, кто наблюдал его, работал в нем не в столицах, не в больших центрах, а в глуши, не при электрических люстрах судебных зал, а в деревянных домиках уездных съездов, среди зипунов и овчин, при свете тускло мерцающих керосиновых ламп. Только тому, для кого пламя торжественного служения святому делу горело и в этой обстановке, раскрыто все значение правосудия в России.

Все это может казаться старческой переоценкой невозвратного прошлого. Однако вот массовое, знаменательное в своей обыденности явление, известное всякому участнику, всякому посетителю судебных заседаний «бывшей» России. Этот образцовый порядок и тишина, господствовавшая в заседаниях наших судов, несмотря на отсутствие в населении привычки к общественной дисциплине. Церковь и храм правосудия — два места, где предоставленная сама себе масса не допускала ни беспорядка, ни шума, при отсутствии какого-либо принуждения. Тишина всегда полная.

В момент провозглашения резолюции от имени монарха, приведения к присяге она приобретала особо торжественный характер. Возглас судебного пристава перед выходом суда: «Суд идет, приглашают встать!» — неизменно производил действие военной команды. Вспоминаются невольно судебные заседания Правительствующего Сената по делу бывшего военного министра генерала Сухомлинова. Это было в августе 1917 года, за два-три месяца до большевицкого переворота. Дело слушалось в Петрограде, в концертном зале военного собрания, стены которого не впитали в себя судебных традиций. Хоры были переполнены хозяйничавшей в столице чернью в солдатских шинелях. И в этой обстановке все замерло и поднялось, услышав привычный возглас престарелого судебного пристава Петроградского окружного суда Солуяна.

Отзвук тех же общенародных настроений — в сохранившейся у нас любви к торжественным формам судебной процедуры.

На Западе червь обыденщины давно уже проточил и великолепия дворцов правосудия, и театральные костюмы магистратуры и адвокатуры.

У нас любители и мастера судебного ритуала сохранились до последнего времени. Все происходило с точным, неукоснительным соблюдением всех предписанных законом форм, но без всякого напряжения, при благожелательном и внимательном отношении к подсудимым, сторонам, публике. В зале заседания устанавливался дух свободной самодисциплины. Люди не чувствовали никакого стеснения, но ходили бесшумно, говорили шепотом. В такой атмосфере сцены, так нередко разыгрывающиеся в роскошных дворцах правосудия на Западе, были просто невозможны.

То же впечатление и от непосредственного соприкосновения с отношением населения к правосудию при сотрудничестве с нашими присяжными заседателями, крестьянских составов в особенности. Вот где подчас звучал подлинный голос народной совести, чувствовался истинный порыв рассудить дело справедливо, по-божески! Сколько волнующих сердце рассказов пришлось выслушать от лиц культурной среды после отбытия сессии в качестве присяжных в среде таких полуграмотных, «темных» людей! Как много упреков в произвольных оправданиях, что так охотно бросалось «суду улицы», отпало бы, если бы хулители сами переживали судимые дела. Помню рассказ одного из таких обличителей суда присяжных о том, как он сам, да еще в качестве старшины состава, участвовал в единогласном вердикте, которым был оправдан вор-рецидивист, сознавшийся и изобличенный в краже. Дело рассматривалось в Нижнем Новгороде, при «сером» составе присяжных. Главными свидетелями со стороны обвинения выступали супруги-закладчики. На суде с полной очевидностью выяснилось, что подсудимый давно «работал» на своих обвинителей, сбывая им за ничтожную плату кра-

деные вещи. На этот раз они его выдали, чтобы самим выйти сухими из воды, что им и удалось. Когда присяжные заседатели удалились для совещания, старшина, он же рассказчик, считая дело ясным, сразу обратился к ним с вопросом: «Что же, господа, писать “виновен”?» С разных сторон послышались голоса: «Знамо дело, виновны, так и пишите про вора, и про закладчика, и про его жену». Старшина возразил, что закладчики — свидетели, судить их присяжные не уполномочены, да и вопрос об их виновности судом не поставлен. Кое-кто из состава судей совести стал высказывать сомнение в возможности такого положения: «Не может такого стать-ся, чтобы мы не могли при этом случае своего слова сказать, когда при нас все это наружу вышло». Старшина предложил сомневающимся потребовать дополнительных разъяснений председателя. Вышли в зал заседания. Председатель, выслушав заявление присяжных, предложил сторонам высказаться. Все окончилось бы ко всеобщему удовлетворению, если бы представитель прокуратуры заявил ходатайство перед судом о возвращении дела следователю для привлечения в качестве обвиняемых закладчиков-укрывателей или обещал возбудить о них особое дело. На грех, молодой товарищ прокурора, не поняв, что дело тут не в формальном праве судить свидетелей, а в необходимости успокоить судейскую тревогу присяжных, произнес общую фразу о неприкосновенности свидетелей. Вернулись судьи совести в совещательную комнату. На этот раз на вопрос старшины: «Ну, что же, господа?» — наступило продолжительное, суровое молчание. Нарушил его один из старейших по возрасту судей, местный купец из «простых». «А коли так, — твердым, почти приказательным голосом обратился он к старшине, — пиши, что невиновен». Вор оправдан был единогласно. Не протестовал и старшина. Всякий русский судебный деятель знает, что непривлечение в качестве обвиняемого к делу лица, по убеждению присяжных, участвовавшего в преступлении, обычно влекло за собой оправдание виновников преступления, преданных суду. Несправедливость неизменно вызывала резкий протест суда совести.

Вверенная присяжным заседателям судебная власть была бесконтрольна. Закон освобождал их от обязанности мотивировать свои вердикты. Над судом совести не существовало высшей инстанции, уполномоченной к проверке постановляемых им решений по существу. При неподготовленности населения к несению судейской обязанности создавалась несомненная опасность худшего из произволов — произвола судебного. Теперь уже не приходится оспаривать общепризнанного успеха судебной реформы 1864 года. Могущая казаться беспочвенной вера творцов судебных уставов в русский народ, подавляющая масса которого еще недавно освобождена была от крепостной зависимости, блестяще оправдала себя в действительности. Только притупленное классовым мирозерцанием нравственное чувство, только придавленный марксизмом ум могут русский суд вообще, русский суд присяжных заседателей в частности признавать классовым, то есть органически пристрастным. Только недомыслие или предвзятость могут отвергать нравственный авторитет приговоров и решений русских судов, веру населения в беспристрастие русских судей. А моральная победа эта далась нелегко. Нужны долгие годы работы в нашем суде, с русским судом присяжных в частности, чтобы знать, как много соблазнов пристрастия преодолено на этом пути. Вот один из случаев такого преодоленного соблазна.

В городе Старица Тверской губернии рассматривалось, с участием присяжных, дело цыгана, обокравшего местного крестьянина. Полиция успела задержать вора со всем, без исключения, похищенным добром, которое до последнего гвоздя было возвращено потерпевшему. Все прошло бы без осложнений, но на грех обокраденный мужик «по слухам» прознал, что у цыгана при задержании было найдено 500 рублей денег. Подумал потерпевший, да и отправился к следователю с дополнительным заявлением: «Запомню я вам, ваше благородие, прошлый раз сказать, что у меня, кроме вещей, еще 500 рублей денег пропало». Слухи о деньгах оказались соответствующими действительности. Заарестованная при цыгане сумма в

500 рублей была от него отобрана и сдана на хранение в местное казначейство. Следователь составил протокол дополнительного заявления потерпевшего и, так как по характеру произведенного воров взлома стоимость похищенного уже не могла иметь значения увеличивающего вину обстоятельства, направил дело в прокуратуру, не проверив новой версии. В результате по обвинительному акту цыгану было предъявлено обвинение в краже не только вещей, но и 500 рублей денег. На суде вся история выяснилась. Было совершенно очевидно, что никаких денег у мужика украдено не было, да и суммы в 500 рублей он иметь не мог. Когда присяжные удалились для совещания, их старшина, местный помещик, широко образованный человек, от которого вся эта история и сделалась известной пишущему эти строки, обратился к ним с вопросом: «Что же, братцы, так и писать: да, виновен, но 500 рублей денег не похищал?» К удивлению старшины, присяжные — все местные крестьяне — на его вопрос ответили общим молчанием. Он стал настаивать, повторяя, что дело ясное. С ним не спорили, но ответа на его вопрос все не было. Тянулось молчание довольно долго, пока, наконец, один из присяжных не сказал: «Так-то оно так, барин. Только вот что. Сделай ты милость, поверни ты эти деньги мужику. Цыган, он, конечно, их у кого другого украл, а все же мужичок, сам видишь, обстоятельный, он бы на эти деньги совсем поправился». Все присяжные присоединились к этому решению, настойчиво прося своего старшину «повернуть деньги». В течение часа старшина убеждал судей совести в том, что они не имеют права обогащать потерпевшего чужим краденым добром, что задержанные деньги цыгану возвращены не будут, а подлежат передаче полиции для разыскания собственника. В заключение большинство состава сдалось на увещевания. Опасность неправосудного решения была устранена. Чтобы понять всю силу преодоленного в этом случае соблазна, нужно знать глубину вражды русского крестьянина к цыгану-вору.

В чем главная, отличительная особенность русского суда по уставам императора Александра II от западных? Автор

заметок ответил бы на этот вопрос без колебаний: русский суд был доступнее, ближе к населению — не географически, а духовно, *был человечнее судебных учреждений Европы*. Казалось бы, что пресловутая пропасть, отделявшая у нас в области культуры привилегированные слои населения от низших, предъявляла непреодолимую преграду для такой близости. А между тем, погружаясь мысленно в прошлое, в окружавшую наш суд и его деятелей атмосферу, тщетно ищешь, даже теперь после ужасов пережитого, хотя бы тени не только враждебности, но даже отчужденности населения в его отношении к «господам» и «вашим благородиям», занимавшим разные судебные должности от высших до низших. Эти укоренившиеся в нашей жизни формы обращения, как и столь обычное у нас «тыканье», не устраняли человечности взаимных отношений. Автор с невольной улыбкой вспоминает, как в начале своей судебной работы он принужден был отказаться от решения не допускать «ты» при сношениях с меньшей братией, и только потому, что первым неизменно переходил на «ты» меньший брат. Впрочем, и в этой области неограниченные возможности нашей родной действительности преподносили иногда сюрпризы, повергавшие в изумление даже знавших местную жизнь судебных работников. Пишущий эти строки был свидетелем такого сюрприза в начале 90-х годов прошлого столетия в городе Ярославле. В местном суде слушалось дело о преступлении, совершенном в одной из деревень Ярославского уезда. В числе свидетелей был вызван крестьянин лет тридцати пяти, показания которого в деле особого внимания на себя не обращали. Незамеченным он прошел и при кратком опросе его перед приведением к присяге. Когда наступила очередь его допроса, председатель суда Н. А. Манасеин пригласил его показать все известное ему по делу, причем в начале же его рассказа несколько раз прерывал его вопросами, неизменно обращаясь к нему на «ты». Свидетель, по внешнему виду типичный ярославский крестьянин, после одного из таких «ты» приостановился, сверкнув в сторону председателя добродушно-ироническим взглядом, спокойным тоном про-

изнес следующие буквально слова: «Господин председатель, я бы просил вас обращаться ко мне в общепринятой форме». Председатель вспыхнул, опустил глаза, пробормотал: «Продолжайте, свидетель», но затем не выдержал и, некстати прерывая показания свидетеля, спросил: «Вы получили образование, свидетель?» — «Да, господин председатель». — «Где вы учились?» — «Я окончил курс Императорского Московского университета». В оправдание председателя и всех нас, сразу не разобравших, что мы имеем дело с образованным человеком, следует заметить, что ярославские крестьяне, часто обладающие недюжинными ораторскими способностями, легко усваивают общекультурный язык при занятиях своих самыми разнообразными видами отхожих промыслов.

Насколько отношения судебных деятелей к населению были лишены начальственного тона, можно судить по следующему эпизоду, происшедшему равным образом в присутствии пишущего эти строки. В уездной сессии Ярославского окружного суда в городе Пошехонье рассматривалось дело о деревенском поджоге из мести. Дело это, как и большинство ему подобных, было довольно сложно. Главной свидетельницей выступала крестьянка лет сорока, соседка потерпевшего, которая устанавливала последовательность ряда мелких событий, имевших в своей совокупности решающее значение по делу. Когда наступила очередь ее показания, она начала свой рассказ в спокойно-повествовательном тоне, несколько нараспев, словами: «Было это в Успеньев день. Пили мы чай, и Онуфрий Иванов...» Председательствовавший в заседании член суда В. А. Волков, престарелый, опытный судебный деятель из помещиков Ярославского уезда, нетерпеливо прервал свидетельницу: «Нам неинтересно слушать, как вы пили чай, свидетельница, переходите к делу». Приостановившись, свидетельница вскинула умными глазами на председателя и, не проявляя ни малейшего признака ни смущения, ни недовольства, тем же ровным, певучим голосом продолжала: «Так, говорю я, пили это мы чай, Онуфрий Иванов...» Раздраженный председательствующий вновь остановил свидетельницу.

На этот раз она, смотря председательствующему в глаза, внушительным тоном, но не повышая голоса, произнесла: «Ты, батюшка, не серчай. Дай слово сказать. Я и до дела дойду». Внушительность тона, вера в свою правоту этой простой женщины были таковы, что смущенный барин-председатель не решился уже ее прерывать. В результате по выпитым чашкам она восстановила всю картину события с такой доходящей до картинности ясностью, что и суд и присяжные сразу усвоили все перипетии дела. Прошло более тридцати лет, а и теперь показание этой крестьянки Пошехонского уезда — одно из незабываемых воспоминаний о силе нашей народной речи.

Теперь, после знакомства с западными порядками, невольно себя спрашиваешь: в каком иностранном европейском суде возможно такое подчинение начальника-судьи свидетельнице-крестьянке и притом в совершенно мирных тонах, как естественное проявление свойственных нашему быту отношений к населению? На Западе, несмотря на равные для всех «господин», «госпожа», председатель в судебном заседании для свидетеля только начальство, свидетель для председателя только подчиненный ему орган осведомления. У нас — умная, сознающая свою правоту женщина, не вызывая ни с чьей стороны ни протеста, ни изумления, добродушно ставит на место не впору разгорячившегося старичка. На Западе — свобода, равенство и братство, бессильные против окаменевших вековых перегородок между людьми разных положений, разных классов; у нас — человечность, проникающая через все щели непрочных деревянных переборок, наставленных во множестве на нашей деревенской Руси и законом и обычаем...

Когда вспоминаешь о русском дореволюционном суде, невольно наталкиваешься на вопрос о судейской независимости. Запад привык к тому, что политические течения данного момента отражаются и на судебных решениях. У нас вокруг этого вопроса много и часто суетились крайние фланги нашей общественности и справа и слева. И те и другие подходили к нему, главным образом, если не исключительно под полити-

ческим углом зрения и отождествляли судебскую независимость с несменяемостью суда. Для одних судебская несменяемость представлялась не совместимой с нашим политическим строем, для других она была дорога, как одна из принадлежностей столь заманчивого для них западноевропейского демократически-парламентарного строя. Левые радикалы часто заподозревали императорское правительство в попытках влиять на судебскую совесть, охотно распускали слухи о предстоящей отмене судебской несменяемости, которая благодаря шумихе приобретала у нас преувеличенное значение. У нас забывали, что всякое правительство имеет возможность, буде оно к тому склонно, воздействовать на поддающуюся такому воздействию судебскую совесть — соблазнами выгод и наград в гораздо большей мере, чем угрозами смещения или перемещения. Крайне характерно, что за все время существования русского суда по уставам императора Александра II единственная серьезная попытка отмены судебской несменяемости была предпринята нашей левой общественностью, оказавшейся у правительственного кормила в облике Временного правительства. Проект этой безумной меры был внесен на рассмотрение особой комиссии из высших судебных чинов министром юстиции и генерал-прокурором А. Ф. Керенским. Если бы этот проект удалось осуществить, его практические последствия ограничились бы увольнением нескольких судей и заменой их политическими сторонниками г. Керенского. Сломить судебскую независимость таким путем не удалось бы, так как она не от тела, а от духа, не от организации, а от определенного, созданного жизнью настроения. Судейская несменяемость поддерживает существующий дух судебской независимости, но она так же бессильна его создать, как ее отмена — его сломать.

В России дух независимости в судебной среде был жив. Он упрочился в нравах судебных работников. Подчиненности там не было не только во взаимоотношениях судей разных степеней, но и в прокуратуре, где по закону она существовала. Введенный судебными уставами законный термин «то-

варищ прокурора», заменявший юридически более точное выражение: «помощник прокурора», жизнью превращен был в лозунг, в принцип взаимоотношений. И в прокуратуре не приказывали, а убеждали, просили. На свободу убеждения в понимании не только существа дела, но и юридических проблем никакое начальство не только никогда не посягало, но и посягнуть бы не могло, настолько подобная попытка противоречила установившимся привычкам. Тридцатипятилетнее служение делу правосудия в рядах русской магистратуры и прокуратуры дает автору этих заметок нравственное право утверждать, что *ни одного случая* давления сверху на совесть не только судей, но и чинов прокуратуры ему неизвестно, хотя ему лично пришлось принимать участие и в качестве судьи, и как представителю государственного обвинения в целом ряде процессов, затрагивавших интересы центральной власти.

В области правовой один из бичей населения — медленность судебной процедуры. Суд должен быть не только правым и равным для всех, но — и «скорым». Запоздалое восстановление нарушенного права утрачивает часто свое практическое значение. Медленность суда подчас равносильна отказу в правосудии.

Казалось бы, что быстрота судебной процедуры зависит главным образом от надлежащей технической организации судебных органов. В действительности и здесь — больше от духа, чем от техники. Человеческий труд эластичен. Количество работы, выпадающей на долю судебных деятелей разных стран, неодинаково. По числу дел, приходившемуся на отдельных членов магистратуры и прокуратуры, русский суд был самым обремененным в Европе. Несмотря на это медленность производства не доходила до европейских образцов. С неизменно увеличивающейся работой справлялись ценою удлинения рабочего дня. Заседания как по уголовным, так и по гражданским делам очень часто заканчивались даже не вечером, а ночью. Все дела, назначенные на определенное заседание, разрешались хотя бы ценою продолжения заседания на следующий день. Отложения самим судом, помимо

просьбы сторон, гражданских дел подчас на месяцы, как это практикуется в Европе, — у нас не допускалось. Священного момента наступления обеденного часа, когда механически прерываются занятия во всех правительственных местах, не исключая судов, императорская Россия не знала.

Инерции одухотворяющего судебные уставы идеализма хватило до конца.

В.П. НОСОВИЧ¹³⁸

ДОМОВОЙ

Истинный поэт не выдумывает песен: он знает, что песня спит в каждой вещи, а он лишь будит ее чародейным словом*; это не он поет о предмете, а предмет сам поет себя в песне своего певца. Поэт знает, что песня есть подлинная природа вещи, душа ее души; песню создает то, что существенно в мире, что верно и свяшенно; поют первозданные сущности вещей, вечно живые, — тогда как поверхностные вихри жизни, ее суетливые обманы способны только *шуметь*. Конечно, и этот шум можно выдать, а случается, и принять за песню, но — ненадолго: он обречен на то, чтобы потонуть в других шумах земли.

Тема песни может быть дана и самыми простыми вещами... Но разве в простом, житейском не живет подлинная священная глубина? И если великий поэт поет о близкой каждому, знакомой, привычной обыденности, не значит ли это, что он огнем души своей сжег наросшую на ней шелуху зыбких бессмысленных явлений и что непреходящая, глубинная *мысль* ее, освобожденная, всколыхнулась песней?

Однако подлинная природа вещей скрыта глубоко; существенное — сокровенно и таинственно; поэтому и песня всегда

---

* В каждой вещи песня дремлет:
Мир, исполнен тайных снов,
Твоим зовам вещим внимлет
И запеть всегда готов.

Эйхендорф

звучит, как *тайна*, всего не выговаривает, не открывает всего до конца. Но, полная неведомым, она определяет им все до еле уловимых теней в творимых ею образах, до едва слышных тонов своей музыки и — предоставляет искать пути в исторгнувшую ее неизреченную глубину.

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра позднего осенние набеги;
Да в пору благотворны снеги
Покроют влажный тук полей!
Останься, тайный страж, в наследственной сени,
Постигни робостью полуночного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!
Ходи вокруг его заботливым дозором,
Люби мой милый сад, и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров —
Они знакомы вдохновенью*.

Одно слово в песне «Домовому» указывает на тот духовный опыт, который заставил ее прозвучать. Это слово — *вдохновенье*, огненное слово, последнее по месту своему в песне и первое по своему значению в ней.

«И, признак Бога, вдохновенье», — говорит поэт в одном из своих стихотворений**. Это значит, что вдохновенье есть знак присутствия в душе певца божественной силы. Поющая

---

* Пушкин. «Домовому».

** И, признак Бога, вдохновенье,
Для них и чуждо, и смешно...

Пушкин. «Разговор книгопродавца с поэтом»

душа предстоит Божеству, в ней являющемуся и призывающему ее к жертвенному служению*.

Такая жертва требует полного, захватывающего всю душу внимания к нездешним звукам и полной отрешенности от грубого и навязчивого гомона земных голосов. Земной мир, т. е. «людское стадо»**, увлеченное своими мелкими заботами, испытывается поэтом, как *помеха* вдохновенью. Окружая человека вереницами то пугающих, то дразнящих, то привлекающих впечатлений, суетливая жизнь развлекает душу и отвлекает ее от ее глубины, чуткой к шепоту таинственного. Душа певца утрачивает свою опору в вечном, умолкает и никнет в холодном сне.

«Служенье муз не терпит суеты...»*** Певцу нужна тишина и покой, он ищет уединенья; он находит его у *огня домашних богов*.

В недоконченном гимне во славу пенатов Пушкин обращается к богам домашнего очага, как к великой первоначальной силе жизни, которая учит человека быть и обращаться с самим собою, познавать себя, находить и взращивать в себе таинственное. Часы одиночества приносят поэту радость новых познаний.

Часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают нам знать сердечну глубь
В могуществе и в немощах сердечных,
Они любить, лелеять научают
Не смертные таинственные чувства,

---

* Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон...

Пушкин. «Поэт»

** с каким святым (волненьем)
Оставил я людское стадо наше...

Пушкин. «Еще одной высокой важной песни...»

*** Служенье муз не терпит суеты,
Прекрасное должно быть величаво...

Пушкин. «19 октября 1825»

И нас они науке первой учат
Чтить самого себя*.

В этих немногих словах, зажженных над затаенными переживаниями души, поэт касается одного из истоков вдохновения. Отрешенная от пестрой смены явлений, душа погружается в самое себя, смотрит внутренним оком, познает и судит: находит недоброе — немощи душевные и отмечает их; и утверждается на могуществе духа, объятого тенями вечных тайн. Пенаты, раскрывая бессмертное в одиноком сердце человека, указывают в нем на то, что заслуживает почитания, что является основой его достоинства и его силы.

В свете «уединенного огня» домашних богов *рождается новый человек*, умудренный самопознанием и Богопознанием и подготовленный к духовному служению. Такой человек сознает свое величие и мощь, но он почерпает их в Божием величии, которому приобщается его сердце и которому служит его воля.

Как слуга Божий, поэт, почитая священный домашний очаг, ждет любви и защиты от его священного стража.

Как слуга Божий, поэт верит в то, что неземная сила охранит его земной приют — тихое убежище его вдохновений.

Так возникает таинственный союз человека с его земной обителью и с той незримой силой, которая ее оберегает... На этом союзе и утверждается молитва поэта к домовому...

Дремлют тихие воды у подножья холмов. На лесном берегу — усадьба: домик, запущенный сад, огород укромный. Мирный приют отцов и дедов; в нем все овеяно любовью, и эта любовь, заботливая и благодарная, творит молитву об его процветании. Домового призывает эта молитва; и вот, во всех концах усадьбы уже чудится его смутный образ, отстраняющий от нее и злосчастья, и козни вражьих сил.

Покой, ничем не возмущаемый, и крепкая доверием любовь звучат на всем протяжении песни; они наполняют каждое ее слово и определяют ее музыкальный строй, простой, свободный и ласковый. В нем все благоухает нежностью... —

---

* Пушкин. «Еще одной высокой важной песни...»

рожденной в суровом одиночестве души и расцветшей в тех ее недрах, где кончается преходящее.

«Заботливым дозором» ходит домовый вокруг поместья и бережет его и от злых сил природы, и от злой страсти людей.

Природа полна непостижимой жизни, ускользающей от слабого ума человеческого, и нередко душа земледельца терзается перед величием неизвестного и трепещет, чуя кругом себя ежечасную опасность и вражду. Против тайного зла не помогут ни знания, ни уменье, и человек — там, где он сознает свое бессилие, — укрепляет свою бодрость доверием к покровителю его земли — своему домашнему богу. Властный над силами природы, домовый убережет засеянное поле от холодных бурь и дождей и согреет его рано выпавшим снегом.

Еще страшнее дому злые вожеления людей. Для того, чтобы сохранить его целость, надо овладеть теми недобрыми страстями, которые гонят людей на расхищение и разрушение чужого. Для защиты мало одних внешних мер ограждения. Ловкость вора преодолееет опасливую изобретательность хозяина, а дерзостная смелость его не остановится перед словом запрета. Но и ветхой калитки и обрушенного забора довольно для охраны усадьбы, если таинственная сила домашнего божества постигнет робостью злоумышленную душу и отвратит завистливый взор.

Домовой пробуждает в душе человека чувство священности чужого достояния. Это знали и люди старых времен. Уже первобытные поселенцы поручали занятую ими землю заботам своих домашних богов и ставили их изображения на границах своих владений. Так утверждал человек свое «самостоянье» на своем «родном пепелище»*, не ведая еще, что

* Два чувства дивно близки нам —
В них обретае сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека, —
Залог величия его.

доверие к домашнему богу укрепляет его связь с землей отцов и готовит расцвет национальной культуры.

Огражденное заботами божества от враждебных сил мира, скромное поместье становится для человека неиссякаемым источником любви. Оно не только поддерживает его существование, — оно само полно жизни древней и умудряющей. Гостеприимен может быть и чужой дом, прекрасна и чужая природа, щедра и чужая земля. Но лишь в «своем» человек узнает родное: в своей природе и неживой предмет становится для него живым символом, а цветы и деревья открывают ему жизнь своей души. Предания наследственной сени и ласковые тени ее прежних обитателей пробуждают это чувство родства уже в сердце ребенка. Когда дитя открывает старую калитку со ржавым затвором и бежит по дорожке, исхоженной его дедами, душа его слышит их шаги, и деревья сада невнятно шепчут ей про былую жизнь и ласкают ее дедовской лаской. И вот маленький потомок ушедших владельцев уже чувствует тайную связь души своей с древней природой, свидетельницей далеких, но родных ему минувших дней. Он слушает ее доверчиво и учится понимать ее неясные речи; он ждет от нее откликов... и тоске его вторят шумы лесные, и радостям его радуются звоны зазеленевших полей. Родная природа, это — родная жизнь; и мнится, что кто-то далекий, но близкий, могучий, но добрый скрывается в ней, ее лелеет и через нее светит душе своей любовью.

Свой дом, своя природа есть крепость любви, которая нужна человеку для его духовного цветения: душа питается не только собственной любовью, помогающей ей расширить границы мира, сделать далекое близким, — но и сознанием любимости, которое умножает ее силы, укрепляет ее веру в свою мощь. В одинокой огражденности от внешнего «недружеского» вмешательства, в уверенности, что кто-то тайный блюдет ее мир, душа человека всей полнотой своей отдается чарам незримой жизни, и они пробуждают в ней и думу древнюю, и древнюю песнь.

Свой уголок земли, — свой дом, свой сад, свои липы и клены, — есть лоно духовного делания, есть алтарь, у которого душа в тишине уединения общается с Вечным.

Так мистерия, состоявшаяся в душе певца перед лицом домашних богов, раскрывает подлинный *смысл земного жилища* и освящает отношение человека к *своему владению*. И даже тогда, когда люди идут кривыми путями, когда их заблуждения искажают подлинную сущность домашнего очага, — он в основе своей не перестает быть ступенью к высшим, духовным формам жизни, средством для осуществления в ней «вдохновенного досуга и вдохновенного труда»*.

Образ домашнего бога до сих пор еще сохранил свою свежесть в народных поверьях. Домовой все еще живет у огня, где-то за печью. В сумерках вечера он бродит по дому, гремит посудой и пугает маленьких непослушных детей. Он любит «свою» усадьбу, блюдет в ней порядок и тяжело наказывает того, кто его нарушает... Но доброго «деда» считают теперь нечистой силой и заклинают порой словами молитв.

В поэзии Пушкина домовой вновь получает священное значение. Его неуловимый, неясный образ воспринимает в себя и древнюю мудрость человеческого сердца, и новое знание, обретенное вдохновенным видением певца. Как и встарь, домашний «дух» любовно сторожит земную обитель человека. Но он любит ее за те песнопения, которые звучат в ее сени и строят в ней незримый храм Единому Богу.

Н.Н. ИЛЬИНА

---

* Рифма, звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда...
Пушкин

ВОЛЕВЫЕ РУССКИЕ ЛЮДИ

(Подвиги русских святых во утверждение Православия)

В русской истории в ряду великих и малых событий, деяний мира и войны, положительных и отрицательных явлений, дел внутреннего и внешнего строительства, с особенной отрадой привлекает наше внимание одно несомненно светлое, благородное явление: крепкая, неустанная *борьба* лучших русских людей *за убеждения*, за свои идеалы, за правду, за свое мировоззрение; борьба, доходившая нередко до самоотверженности, до подвиго-подвижничества. Одним из наиболее частых проявлений такой вызываемой возвышенными побуждениями деятельности были великие труды по *распространению и обороне на Руси* православного христианства.

Великая борьба с древним язычеством за утверждение у нас нового вероисповедания, требовавшая горения духа и напряженных усилий, началась у нас в месте зарождения нашего христианства, в матери городов русских, в старом Киеве. Можно думать, что проявлениями ее были трагическая гибель Аскольда и Дира, споры о вере между Ольгой и сыном ее Святославом, страдальческая кончина варягов первомучеников, усобица Святославичей — Ярополка и Владимира, и прочее.

Еще упорнее и определеннее по своим идейным побуждениям была борьба, происходившая уже на глазах истории — в Северной России. Там распространение и укрепление христианства потребовало волевых усилий многих подвижников.

В Новгороде, уже после крещения, был случай, когда волхв соблазнил весь город. Видя смятение в людях, епископ предложил на вечевом народном собрании, чтобы стали за ним веровавшие во Христа, а сторонники язычества шли к волхву. Тогда весь город стал за волхвом, и лишь князь с дружиною — за епископом. Потребовалось необычайное присутствие духа, преданность вере и находчивость князя, чтобы найти мирный способ выйти из положения.

В Ростовской земле христианство укреплялось очень туго. Когда в ней начал проповедовать преп. Авраамий, там было

еще очень много язычников, поклонявшихся идолу Велеса. После многих проповеднических трудов ему удалось сокрушить обоготворяемый истукан, а на месте его прежнего стояния возградить церковь и при ней общежительный монастырь. Но значительная часть язычников не обратилась в христианство и после сокрушения Велеса. Окрестные иноверцы неоднократно приходили на Авраамиеву обитель и пытались разорить ее и предать пламени. Но Авраамий не останавливался перед опасностью и мужественно продолжал свое апостольское дело.

В просвещении христианством Ростовской земли принимали участие и епископы Федор и Илларион, но они должны были удалиться из Ростова вследствие гонения язычников. На их место прибыл епископ св. Леонтий, которого жители города также изгнали от себя. Тогда он поселился в окрестностях Ростова у потока, именовавшегося «Брутовщица», и построил здесь церковку. Отчаявшись обратить в христианство взрослых, он решил посвятить свои силы просвещению детей, которых стал привлекать к себе ласковым обращением, а заодно обучал их православной вере. Родители еще больше ожесточились за это на епископа и подвергали его мучениям и побоям. Однажды они даже пришли к церковке с оружием и дреколием, собираясь убить его. Тогда Леонтий в полном облачении, совместно со всем священным собором, вышел к народу с крестом в руках. Смелость святителя и блеск церковных риз так поразили язычников, что они уверовали во Христа.

Такой же смелый поступок содействовал успеху проповеднического подвига князя Муромского Константина — Ярослава Святославича. Его переговоры со старейшинами города о крещении муромцев долго оставались бесплодными, вызывая только их озлобление. Оно однажды дошло до того, что они с оружием окружили княжий двор с намерением изгнать или убить князя. Ярослав вышел к ним с иконою Пресвятой Богородицы в руках, и один предстал пред многонародным бесчисленным множеством мятежников. Это так подейство-

вало на них, что они стали просить крещения и были вскоре крещены в реке Оке.

Совсем иначе кончилась проповедь преподобного Кукуши — просветителя вятичей: он, после многих мучений, был убит ими вместе с учеником своим Никоном.

Много и иных благочестивых, боголюбивых, христоименных мужей смело шли довершать дело этих апостолов русского народа.

И мы видим, что распространение христианства среди русских племен было следствием долгой борьбы за убеждения и веру, следствием многих, вызванных высокими побуждениями, *волевых усилий и подвигов* самоотверженных русских людей и живших у нас греческих святителей.

В трудные и тяжкие годы жизни народной великих волевых усилий потребовало и *сохранение* христианства и верность его заповедям. Порою русские люди, взятые в плен половцами, понуждаемы были к отречению от Христа голодом и иными мучениями. Так случилось, например, с преподобным Евстратием и его сотоварищами по плену. После монгольского нашествия многие князья и иные русские люди были замучены в Орде за веру. Прославились страдания стойких поборников Православия — князей Михаила Черниговского, Василия Ростовского, Михаила Тверского и других. Особенно были ужасны мучения князя Романа Олеговича Рязанского: ему за нежелание отречься от христианской веры татары отрезали язык, заткнули уста и медленно изрезали по суставам все члены его тела... Немало твердости необходимо было русским людям также в отстаивании Православия против западных врагов: католиков и униатов. Славную память оставила по себе в Западной и Юго-Западной Руси борьба святоименных братств и доблестных малороссийских казаков.

И против каких бы врагов ни приходилось бороться, несмотря на все трудности, русские люди стояли в Православии, по древнему выражению, «крепко и неподвижно», «стоятельно и непреложно».

Христианское одушевление и религиозное рвение русских подвижников и благочестивых людей было в те века так велико, что не могло ограничиться только распространением веры в своем народе и ее обороной. Со временем, когда Православие укрепилось на Руси и вместе стала расти государственная мощь московской державы, ее сыны стали думать о просвещении христианством иных нерусских народов... В дремучие леса и непроходимые дебри, в топучие болота и высокие горы, где встречались еще идолопоклонники, мужественно отправлялись монахи и пустынники уговаривать язычников, чтобы они кумирам не служили, «болванам» не молились по древнему обычаю и тризн не творили идолам, а преклонили бы свой слух к истинному православному учению.

Самым знаменитым среди таких подвижников был св. Стефан Пермский, просветитель зырян и изобретатель их азбуки. Он совмещал в себе великую ученость с большой самоотверженностью. В том месте, где он уничтожил обоготворявшуюся березу, ему грозила опасность смерти. В другом месте его хотели сжечь: уже наложили дровяной костер, самого исповедника окутали смолой, оставалось только запалить все зажженную лучиной. Однако, видя его смирение и бесстрашие, зыряне не решились на этот последний шаг. Они даже заколебались в своей вражде к нему и некоторые из них начали просить его проповедать им о Христе.

После того, как св. Стефан обратил «старую» Пермь, обращение остальной Перми («великой») продолжалось его преемниками.

Епископ Пермский Питирим сумел обратить в Православие племя вогуличей, кочевавших по притокам Печоры. Этого не мог простить ему князь вогуличей — Асык. Он искал случая учинить мщение. Однажды, когда епископ Питирим совместно с обитателями города Усть-Выми совершал крестный ход, Асык внезапно напал на безоружную толпу; богомольцы в страхе разбежались, а святитель был замучен и убит язычниками.

На далекий Север, к берегам студеного Ледовитого океана свет Христова учения занесли диким лопарям преподобные

Феодорит и Трифон. Феодорит из Соловецкого монастыря отправился на Мурманское побережье и рекою Колою вошел в глубь страны. Он поднялся на высокие горы и устроил свое местожительство в дебрях пустынных лесов. Там пробыл он долго с другим пустынником Митрофаном, питаясь суровыми плодами скупой северной природы. После временного удаления из страны он опять в нее возвращался. Обезжая по труднопроходимым пустыням лопарские избы-тупы, вежи, шалаши и походные куваксы, Феодорит неустанно старался просветить «лопъ» евангельскою проповедью.

Еще более удивительная деятельность другого просветителя лопарей — преподобного Трифона. Он первое время своей проповеди встречал с их стороны сильное сопротивление. Их жрецы — кебуны вступили с ним в прения. Чтобы понудить его удалиться от них, лопари много раз избивали его и с угрозами обещались убить его; неоднократно даже приходили с намерением исполнить свое обещание. Скрываясь от преследования в горы и ущелья, он потом опять возвращался, чтобы снова проповедовать.

Множество и других исповедников и поборников Православия сеяло семена среди соседних с Русью народов.

Иногда апостольское дело творили целые монастыри, преодолевая многие препятствия. Этим особенно замечателен, например, Соловецкий монастырь, занимавшийся обращением к христианству разных финских племен. Соседние карелы первоначально отнеслись неприязненно к черноризцам и хотели их вытеснить с Соловецкого острова, и лишь постепенно иноки завоевали их сердца...

Так *сильная воля*, выдержка, самоотверженная и неуклонная *вера в правоту своих убеждений* содействовали постепенному распространению Православия, а вместе с ним и русской культуры среди многих народов Восточной Европы и Сибири. Если первоначально на их пространствах, среди моря иноверных и иноплеменных народов, христиане составляли ничтожную кучку, то постепенно, усилиями многих подвижников они оказались здесь в большинстве, подавляющем своей численностью.

И эта светлая победа Православия над язычеством ясно свидетельствует, что русский народ в течение веков умел выделять из себя великанов воли и духа, до смерти преданных нагорному миру; умел побеждать многие народы не только силою оружия, но и *твердостью убеждений и превосходством своего духа и своей культуры*, растворяя их в своих мощных недрах, как неудержимая, всесильная стихия.

М.В. ШАХМАТОВ ¹³⁹

РУССКИЙ ПРОСТОР

При всей условности противоположения России и Европы как двух различных миров в одном отношении противоположение это совершенно основательно. Между «русским простором» и «балканизированной Европой» подлинно лежит мировая грань.

В Европе, обогащенной последними мирными договорами, — 11 000 км новых границ, 24 суверенных государства, независимо друг от друга творящих свою волю (островная Англия — не в счет), 24 таможенных стены, порою очень высоких, 24 политических и экономических партикуляризма на пространстве около 4 млн. кв. км. Соответственно жизнь и творчество европейских народов замкнуты в более или менее тесные клетки, тщательнейшим образом отделенные тарифами и запретами, контингентами и свидетельствами о происхождении, — в свою очередь, добросовестнейшим образом проверяемыми целой армией различно одетых полицейских и таможенных чиновников. И хотя обмен людьми за последние годы снова значительно облегчен, все же для свободного хозяйствования бесконечное число пограничных рогаток все еще служит весьма серьезной помехой, ложась, в виде накладных расходов, тяжелым бременем и на потребителя, и на производителя.

Напротив, русский простор трудно уложить в какие-либо клеточки. Всею своею многовековою историей Россия по-

казала свое отвращение к государственной чересполосице и всенародную подсознательную тягу к расширению рамок для государственного творчества. И этот простор, по которому тоскуют, которым болеют не только оторванные от родины русские, но даже долго жившие в России иностранцы, — является великою реальною ценностью.

Русский простор есть, прежде всего, явление географическое, поскольку безбрежная равнина оказалась пространством, отведенным в удел восточным славянам. Но если правильно, что география предопределила русскую историю, как ни у одной другой страны, то с еще большим, пожалуй, правом можно сказать наоборот: русская история создала русскую географию. Ибо мы уже знаем, каких бесчисленных трудов потребовало освоение часто негостеприимных пространств; каких потоков крови стоило русскому народу закрепление государственных рубежей там, где это было наиболее необходимо для хозяйственной безопасности и политической независимости*. Отсюда двойственное значение «русского простора»: как географически данной возможности и как исторического достижения, закрепившего эту возможность. Отсюда же и двоякая его расценка: в прошлом и в настоящем.

Поначалу этот беспредельный простор казался не вожденным и благодатным, а вынужденным, навязанным, и в известных отношениях даже роковым для русского народа. И лишь тогда, когда безлюдье и бездушье пустырей понемногу заполнилось жизнью и культурой, — пространственная огромность Российской империи стала сама по себе положительным фактором.

Российское расселение по великой европейско-азиатской низменности часто сравнивают с разлитием жидкости, катящейся во все стороны, пока на пути ее не встретятся непреодолимые препятствия. Говорят также о русском море, разлившемся по безбрежной сухопутной равнине. И то и другое сравнение, однако, далеко не охватывает всей сложности рус-

---

* См. мои статьи: «Войны России» («Русский Колокол» № 3) и «Русская колонизация» («Русский Колокол» № 5).

ской истории: *самоопределением в пространстве или внутренней колонизацией.*

Разливаясь наподобие жидкости, русская колонизационная волна встречала на своем пути множество других народностей и входила с ними в весьма разнообразные взаимоотношения. Но наряду с этим основным стремлением на востоке, на севере или на юге, несоответствие между охваченным пространством и численностью колонизирующего ядра создавало в пределах уже заселенной площади постоянные передвижения отдельных групп и лиц с места на место. Долгое время, пока плотность населения не достигла известной высоты, пока не были прочно прибраны к рукам все более или менее привлекательные по своим свойствам и по своей безопасности места, русское население, даже уже ставшее земледельческим, оставалось все же полуоседлым. Кочевали долгое время князья, передвигаясь из удела в удел. За ними следом кочевали их дружины и служилые люди. Кочевал и земледелец, долго не привязавшийся к раз занятому участку земли и легко переходивший на другие. Отсюда уже упоминавшиеся меры по закреплению, закрепощению крестьян, отсюда русская «крепостная зависимость», которая, однако, была не в силах совершенно приостановить, а только ввела в известные рамки процесс бесконечного и непрерывного самораспределения-передвижения, происходившего по русской поговорке: «рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше». Искатели лучшей доли стали бежать от надвигавшегося крепостного закрепления еще дальше; на север — в *леса*, на восток — в *Сибирь* и на юг — в *стену*.

Вся русская история есть многовековое, непрерывное движение на огромном пространстве. А так как оно не только шло по поверхности, но и создавало подпочвенные волны взаимных отталкиваний, притяжений, слияний и разрывов среди тех масс, групп и отдельных лиц, какие оказывались в него вовлечены, то движение это являлось в то же время многосложным внутренним процессом. Один вдумчивый иностранец, познакомившись с Россией, сказал по этому поводу:

«Россия есть процесс. Россия представляет собой один огромный процесс эволюции».

Да, Россия есть движение. Историческое движение миллионов, ищущих «где лучше» на протяжении десятка веков. В этом движении житель севера нередко попадал на юг, а обитатель западной России на далекий восток, причем каждый переносил с собой на новую почву и в новые условия прежние навыки и привычки. В этом движении восточный славянин сталкивался и сливался с финном, татарин, латыш, поляк, литовец, грузин, башкир и пр. И от столкновения их происходил каждый раз какой-то неуловимый в отдельности, но несомненно существенный внутренний сдвиг. Таким образом, не только на поверхности, но и в глубине образовывались волны различных почвенных, климатических, племенных и хозяйственных воздействий. И если это происходило у каждого народа *впредь до оседания на занятой территории*, то у совокупности народностей, образовавших Российскую империю и еще окончательно не осевших, эти процессы растянулись на много веков и *до сих пор еще не закончились*. Россия все еще — движение.

Движение это напоминает какой-то сложный химический процесс в огромной реторте, в которую постепенно то подкладывают новые вещества, то повышают температуру. В нормальных условиях трудно уловить в нем передвижение отдельных частиц. Но благодаря потрясениям, внесенным революцией, мы в состоянии заметить их даже невооруженным глазом современника. Принято, например, говорить о совершившемся со времени революции «социальном землетрясении» в России. С таким же основанием можно говорить о стихийных национальных сдвигах и даже о чисто механических стихийных передвижениях из губернии в губернию, как было под влиянием голода в 1921 году, когда население отхлынуло от голодающего Поволжья.

В обычное время, пока сложный русский процесс проходил как бы невидимым, он медленно, но неуклонно создавал какие-то органические сцепления, и только теперь, попав в

полосу кипения и взрывов, он влечет за собой явления бурного разложения, из которых со временем, несомненно, произойдут новые соединения. Отсюда первое и главное свойство русского простора, российской пространственности: она способствовала в прошлом созданию *множества порою невидимых* (как химические соединения, образующие воздух) *органических сцеплений и связей: связей племенных, духовных и хозяйственных.*

Другое свойство, порождающее как бы «отраву» русским простором (отмечаемую ныне у многих иностранцев, живших в России), заключается в том, что само пространство, как возможность, как точка приложения для творческих сил населения, породило благодаря необъятности своей знаменитые русские «неограниченные возможности». «Балканизация» создает определенные, иногда довольно тесные грани для приложения предприимчивости. За этими гранями — барьерами — начинаются другие условия, другой быт, особые меры по охране от иностранной конкуренции, особые законы и формальности. При балканизации все возможности становятся ограниченными, заранее точно взвешенными и для хозяйственного соревнования остается сравнительно незначительное поле. Наоборот, в России, при ничем не разграниченной огромности площади, создаются в полном смысле слова неограниченные возможности для приложения сил. Дальше мы увидим, как это сказывается в области хозяйственной географии. Здесь же необходимо лишь отметить в общей форме *материальную выгодность и духовную привлекательность* такой свободы выбора для приложения самых разнообразных сил и способностей, создающих представление о манящем русском приволье. Всякий предприимчивый и толковый иностранец, прилагая в России такое же усилие, как у себя на родине, получал во много раз большую выгоду и нравственное удовлетворение. Неограниченные возможности приносили в случае их мало-мальски умелого использования далеко выходящую за обычные европейские рамки пользу. Так пространство, русский простор становился *фактором благополучия.*

Правда, наступило это далеко не сразу: пока пространство оставалось незаполненным и неосвоенным, оно являлось *угрозой, источником слабости и беззащитности* — от лихого человека и хищного зверя, от неожиданного и неведомого набега или одиночного нападения. И до сих пор еще житель бесконечных равнин оказывается не защищенным от природы и, в частности, от ветров, которые, дуя почти без помех от Архангельска до Крыма и от Самарканда почти до Карпат, нередко разбивают все его хозяйственные расчеты. Так знойная, засушливая мга, проникающая из среднеазиатских пустынь до Поволжья, является постоянной угрозой русскому земледелию. В этом отношении естественные горные преграды, задерживая зной и ледяные ветры, куда более благоприятствуют производительному труду в Средней Европе.

Но эта же пространственная ширь, будучи так или иначе преодолена и освоена русским человеком, будучи связана путями сообщения, привела с течением времени к тому, что Россия, заполнившая свою равнину, оказалась чисто географически «единой и неделимой». В самом деле, по каким сколько-нибудь резко очерченным граням можно было бы наметить естественные «территориальные линии раздела» России? — По бассейнам рек, водоразделам? Но при равнинности и слабом падении рек, текущих нередко в расходящихся направлениях, признак этот для России недостаточно отчетлив. По растительности (лес—степь) деление было бы еще условнее. Такая естественная *природная неделимость*, вытекающая из равнинности России, и является главной основой *органического сцепления* ее отдельных частей. Ибо при тесной взаимозависимости между этнографией и географией народы и народцы, вошедшие в состав Российской империи, ничем друг от друга не отделенные, должны были войти между собой в *более тесное общение*, чем разделенные морями и горами жители Европы.

Одним из основных законов биологии является изменение животных видов в силу приспособления к различной обстановке и среде. И вот, трудно найти более непрерывную

площадь распространения, чем российские равнины и особенно южные степи. Естественно, что если на них водится множество подвидов *животных*, то еще более велико, — в силу большей чувствительности к среде, — количество этнических подвидов и у обитающих там *двуногих людей*. Другими словами, при более или менее сплошном заселении и при постоянном общении населения действие русского простора-равнинности должно было постепенно и неизменно сказаться на *сглажении племенных обособленностей* и *устранении резких отличий*. И если трудно разделить Россию на резко обособленные *географические* районы, то еще, пожалуй, труднее распределить по каким-либо кучкам, резко отличным и обособленным, разнообразное и вместе с тем сливающееся население российских равнин. Напротив, в гористой Швейцарии, — всякий внимательный путешественник, наверное, обращал на это внимание, — сплошь и рядом у входа в туннель приходится видеть один людской тип, слышать один говор, а у выхода, на расстоянии немногих верст, совершенно чуждый первому.

Если непогожие ветры-вредители всюду проникают без помех, то и для *духовных течений* российский простор служил проводником, облегчавшим органические процессы племенных сближений. Русский колонизационный поток разливался по равнинам, точно поток какой-то жизненной лавы, которую ничто не могло остановить до тех пор, пока она не докатилась до Тихого океана и горных хребтов по китайской границе. Естественно, что встреченные им на своем пути народности, находившиеся к тому же на низшей ступени развития, не могли противостоять этому длительно-упорному натиску и отстоять свою племенную независимость. В большей или меньшей степени они оказались или *поглощенными* русской стихией, или ею *пропитанными*, оставив в то же время свой след в образовании сложного «русского типа»*. Поскольку, следовательно-

* Каждое финское или монгольское племя, поглощаясь русскою народностью, как бы распускалось, таяло в ней, и такое претворение азиатского элемента и составляло ценное приобретение для великой семьи европейских народов». (Проф. Шмурло. Введение в русскую историю. С. 138).

но, речь идет о народах, встреченных русской колонизацией на своем пути, можно сказать, что географическая цельность России способствовала и параллельному установлению *органической племенной связанности*. В самом деле, кто сможет сейчас провести резкие племенные грани между широководной рекой русской народности и теми различными племенными притоками, из которых она образовалась? Кто даст точный племенной анализ «русского типа», впитавшего в себя множество инородных элементов от скандинавов-германцев до монголов-татар? А если так, то можно ли сомневаться в *органичности* процессов, вызванных к жизни великим российским расселением — основным фактом нашей истории?

Итак, русский простор, равнинность чисто биологически способствовала *племенной спайке* различных народностей, волею судеб вовлеченных в русский водоворот. Стойкость же русского национального самосознания, обнаруживаясь еще на заре нашей истории (лучший пример: привязанность к русскости отделенной от основного ядра около десяти столетий Угорской Руси), способствовала установлению, наряду со стихийными, подсознательными сцеплениями, также *воле-вых, сознательных* объединений оторванных было друг от друга ветвей единого русского народа.

Так понемногу заполнялись российские пространства живой творящей силой и, заполняясь ею, постепенно оживали. Процесс этот происходил медленно, ибо запасы русской живой силы совершенно не соответствовали огромности тех площадей, какие они были призваны заполнить. Россия и поныне остается страной очень редкого населения*. Поныне остается еще множество незаполненных пространств, ждущих своих колонистов; множество возможностей, еще не использованных за отсутствием живой силы. Но все же давно изжито время, когда пустынность беспредельного русского

---

* Плотность населения в Российской империи накануне революции (1916 г.) составляла в среднем на 1 кв. версту 9,5 чел. (Европейская Россия — 31,0; Сибирь — 0,9; Средняя Азия — 3,7). Ниже России стояла только Норвегия с 8,1 чел. на кв. км, в то время как в Германии насчитывалось 127,7, в Англии — 157,9 и Бельгии — 272,1 чел. на кв. км.

простора являлась угрозой, опасностью, источником слабости. С оживлением пустырей русская огромность сама по себе, даже независимо от природных богатств, в ней сокрытых, стала силой, о которую разбились враги России.

Соответственно манящий и чарующий русский простор, исторически сыгравший столь важную роль при формировании национального ядра, стал источником и основой *безопасности* для государства Российского.

Женева

Б.А. НИКОЛЬСКИЙ

Часть II

КТО ПРАВИТ В РОССИИ?

В России правят коммунисты. Что это за люди? Каков их умственный и нравственный уровень? Понимают ли они, что они творят? Имеется ли у них хотя бы элементарное чувство ответственности? И если нет, то чего же можно ждать от них? — Будет справедливее всего, если мы предоставим *самим коммунистам* ответить на эти вопросы, не упуская, конечно, из виду, что те нравственные и умственные мерила, которые они прилагают к себе и к своим сторонникам, очень невысоки и соответствуют природе их души и их дела. Это есть суд *своих* над *своими*. Действительность может быть только *хуже* отзывов.

Вот отзывы Ленина за последние годы его вменяемости (1921—1923)*.

Коммунисты захватили власть в России, совершенно не подготовленные ни к государственному управлению, ни к ведению хозяйства. Это были подпольные «интеллигенты», «старые нелегалы», «коммунистические литераторы» и «профессиональные журналисты» (Ленин, Сочинения, том XVIII, часть I, стр. 56, 82), привыкшие разговаривать, писать партийные статьи и сидеть в тюрьмах. «Нас в тюрьмах торговать не учили! А воевать нас в тюрьмах учили? А государством управлять нас в тюрьмах учили? А примирять различные наркоматы и согласовать их деятельность?.. Нигде нас этому не учили» (том XVIII, ч. I, стр. 4). Отсюда всеобщее, повальное неумение вести дела. «Ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то приставлены, к чему они сейчас пригодны, *не умеют вести свое дело* и должны сейчас учиться» (XVIII, ч. II, стр. 53). Необходимо «воспитание нас самих» к «изучению практического опыта», к «деловой проверке» и «делови-

---

* Отзывы приводятся дословно; советское «правописание» исправлено; курсивы внесены нами. (Примеч. редакции).

тому исправлению» (XVIII, ч. I, стр. 56). «Буржуазные деятели знают дело *лучше, чем наши лучшие коммунисты*, имеющие всю власть, все возможности и *ни одного шага не умеющие делать со своими правами и со своей властью*» (XVIII, ч. II, стр. 40). Именно поэтому буржуазные спецы могут дурачить коммунистов: «если сколько-нибудь опытный саботажник встанет около того или иного коммуниста или у обоих по очереди и поддержит их — тогда конец. Дело погибло навсегда» (XVIII, ч. II, стр. 45). Поэтому «*построить коммунистическое общество руками коммунистов — это ребячья, совершенно ребячья идея*»; «управлять хозяйством мы сможем тогда, если коммунисты сумеют построить это хозяйство *чужими руками*, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому хотят» (там же, стр. 41). Способность коммунистов пугать, мучить, развращать и убивать людей общеизвестна; но управлять и хозяйствовать они не умеют. «Что такое наши заседания и комиссии? Это очень часто игра» (там же, стр. 15); «у нас направо и налево махают приказами и декретами и выходит совсем не то, чего хотят» (там же, стр. 40); «надо поменьше играть в администрирование» (XVIII, ч. I, стр. 87) и «научиться бороться с волокитой» (ч. II, стр. 15); ибо «волокита и взятки» это «такая болячка, которую никакими военными победами и никакими политическими преобразованиями нельзя вылечить» (XVIII, ч. I, стр. 383). Так же обстоит дело и в ведении хозяйства: «мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем»; «ответственные и лучшие коммунисты — хуже рядового капиталистического приказчика» (ч. II, стр. 28–29); «у всех работников партии и профсоюзов достаточного производственного воспитания нет» (там же, стр. 56); «на хозяйственной работе нужно... известное скопидомство; а вот скопидомничать-то мы еще и не научились» (там же, стр. 94); коммунисты «не заботятся о том, чтобы сберечь копейку, которая им дана, а составляют планы на миллиарды и даже триллионы советские» (ч. II, стр. 16); «у нас живую работу заменяют интеллигентским и бюрократическим прожектерством» (ч. I, стр. 86); «до какой степени

мы в торговле дьявольски неповоротливы, мешковаты!» (ч. II, стр. 36); а «купцы над коммунистами смеются — раньше были главнооговаривающие, а теперь главноразговаривающие» (там же, стр. 37)¹⁴⁰.

В основе всего этого, по мнению Ленина, лежит личная непорядочность и массовая бескультурность коммунистов. «Чтобы вылезти из отчаянной нужды и нищеты, для этого надо быть обдуманным, культурным, порядочным», а этого коммунисты «не умеют» (ч. II, стр. 45). «В чем наша сила и чего нам не хватает?.. Не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет» (там же, стр. 39, 44, 17); «если взять Москву — 4700 ответственных коммунистов — не оказались ли (они) подчиненными чужой культуре, как побежденный свою культуру навязывает завоевателю?»* Правда, «культура у побежденных мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас, как она ни жалка, ни мизерна; но она больше, чем у наших ответственных работников-коммунистов» (ч. II, стр. 39—40). «Образование в нашей стране минимальное», восклицает Ленин (ч. II, стр. 90), «нам необходимо прежде всего учиться читать, писать и понимать прочитанное» (там же, стр. 93). «Мы люди вроде того как полудикие» (ч. I, стр. 382). И затем, приведя тоном неслыханного открытия общеизвестную статистику низкой грамотности в России, Ленин заключает: «а мы болтали о пролетарской культуре...» (там же, стр. 105).

При этом низком умственном и нравственном уровне коммунисты отличаются крайне повышенным самочувствием: Ленин не раз отмечает «невежественное самомнение» коммунистических «сановников», «интеллигентское самомнение коммунистических литераторов», их пристрастие к «мишуре» торжественному коммунистическому облачению, их «коммунистическое чванство» (XVIII, ч. I, стр. 82, 384, ч. II, стр. 37). При всем том Ленин подчеркивает, что хотя сре-

---

* Под «чужой культурой», «культурой побежденных» Ленин понимает русскую национальную, дореволюционную культуру; «победители» и «завоеватели» суть коммунисты.

ди коммунистов и имеется множество «мазуриков, обюрокрадившихся, нечестных, нетвердых», таких, «которые внушают отвращение человеку, в поте лица снискивающему себе хлеб» (ч. I, стр. 360—361), и хотя число таковых измеряется сотнями тысяч (ч. II, стр. 383), все же, в общем, это «лучшие представители пролетариата теперь управляют Россией» (там же, стр. 356); таким образом, все, что приведено выше, характеризует именно *лучших*.

Понятно, что основная затея коммунистов: передать всю политическую, хозяйственную, культурную и общественную жизнь страны в ведение диктаторски настроенных чиновников — затея противоестественная и нелепая сама по себе — получает особенно нелепый и гибельный характер вследствие такого *качества* партийно-человеческого материала. В своих трех предсмертных речах* Дзержинский особенно ярко охарактеризовал вырастающий из всего этого бюрократизм, бесхозяйственность и мертвящую механичность коммунистического управления.

Протоколы коммунистических съездов, газеты и журналы, мемуары и письма самих коммунистов всецело подтверждают оценку, данную Лениным и Дзержинским.

Коммунисты необразованны, малограмотны, некультурны. «Общий *теоретический* уровень этой основной массы членов нашей партии чрезвычайно низок» (Зеленский. Стенограмма XI съезда коммунистической партии, стр. 361, 397; Рязанов, XIV, 691**); таков же «уровень политической подготовки» (Резолюция XI съезда, стр. 525). «Товарищи не знают азбуки коммунизма» (Зиновьев, XI, 363); но это еще полбеды: среди них множество просто безграмотных, что Троцкий приравнивает «духовной вшивости» (XI, 262). Количество по-

* В июле 1926 года. Их можно получить в отдельном издании за 20 советских копеек.

** В дальнейших ссылках фамилия обозначает цитируемого оратора; римская цифра обозначает съезд коммунистической партии; арабская цифра — страницу стенографического отчета. Время созыва этих съездов: XI — март-апрель 1922 г.; XII — апрель 1923 г.; XIII — май 1924 г.; XIV — декабрь 1925 г.; XV — декабрь 1927 г.; XVI — должен был быть созван в 1929 г., но был отложен.

литически неграмотных коммунистов исчисляется в 50–70% всего партийного состава (Ногин, XII, 69; Сталин, XIII, 125, 132; Гнугенко, XIII, 194); у комсомольцев до 67% (Бухарин, XIII, 549). Количество *совсем безграмотных* достигает в деревенском комсомоле 80–90% (Бухарин, XIV, 323; ср. Зиновьев, XI, 448); однако и грамотный комсомол не учится и «поголовно совершенно ничего не читает» (Бухарин, XIII, 549).

Плохо обстоит дело и на верхах партии. На партийных съездах, где присутствует обычно весь партийный верх (1000–1500 человек), преобладает масса с низшим образованием: например, на XIII съезде было 66,8% делегатов с низшим образованием; 17,9% со средним; 6,1% с высшим (Каганович, XIII, 558). При этом делегаты, конечно, были склонны преувеличивать, а не преуменьшать свой стаж. Отсюда понятны эти вечные жалобы на «катастрофический недостаток квалифицированных сил» (Резолюция, XIII, 715; ср.: Курский, XIV, 92 и др.); ибо «для того, чтобы руководить той или другой губернией, величиной почти в целую европейскую страну, тут нужны крупные силы, крупные руководители» (Зиновьев, XIV, 461), а где их взять?.. когда даже в рабочем профессиональном движении коммунистические организаторы «смыслят меньше, чем некоторое животное в тех апельсинах, которых так мало в советской России» (Рязанов, XI, 234). Поистине «нужна высокая квалификация для того, чтобы руководить миллионами» (Бухарин, XIV, 821), а у коммунистов, с самого начала лишенных «культурных и технических сил» (Орджоникидзе, XV, 396), уровень все падает и падает, ибо старшее поколение, чему-то с грехом пополам учившееся в дореволюционной России, сходит со сцены, а комсомольская «смена» растет невежественная и карьеристически настроенная: «скорее получить место», «быть забронированной», получить «целый ряд добавочных развлечений», — вот их желания (Бухарин, XIII, 549). И Крупская-Ленина несомненно права, утверждая, что «от вступления в комсомол парень не делается всеведущим» (XIII, 486). Вот почему «укреплять теоретический уровень» в партии некому (Зеленский, XI, 398); вот почему «коммунисты,

работающие в наших учреждениях», никоим образом «не могут пользоваться авторитетом среди рабочих», «они не могут быть руководителями и поднимать общекультурный уровень наших ячеек» (Зеленский, XI, 399); вот откуда эти безграмотные приказы, идущие из сталинского секретариата центрального комитета партии (Ногин, XI, 60); отсюда же и безграмотность в советской прессе (Яковлев, XI, 376). Таковы же и самые видные коммунисты, за исключением нескольких людей. «Невежественные вы люди!» — кричит Рязанов Томскому, не вынеся его развязно преподносимых грубых ошибок (XIV, 798). Вот правая рука Сталина Орджоникидзе, не умеющий отличить гражданского права от уголовного (Крыленко, XV, 546); вот председатель московского совета Угланов едет революционизировать Германию, но читать по-немецки не умеет (Угланов, XV, 722)... Все эти вожди подписывают доклады спецов и хозяйственников, не читая: «мы не знаем, что делаем, а знают это другие и бумаги в наших портфелях» (Дзержинский. Речь 9 июля 1926 г., стр. 34); «наши ответственные работники, в том числе и наркомы — слишком много подписывают чужого и очень мало вносят своего» (Рыков, XV, 1044); они говорят на съездах по шпаргалкам, которые накануне выпрашивают у спецов, «чтобы несколько ориентироваться» (Кржижановский, XIII, 417), и, руководя хозяйственными организациями, они «в большинстве случаев не имеют технического образования», чем и «вносят в дело полную безответственность» (Рыков, XV, 1043).

Моральный уровень коммунистов значительно ниже умственного. Может ли быть иначе, если при партийных чистках и проверках за «чуждым», «хотя бы и честным элементом» «охотятся» «больше, чем за жуликом?» (Шкирятов, XI, 334). Это означает, что честных людей терпят в коммунистической партии лишь постольку, поскольку их душевный уровень позволяет им быть фанатическими коммунистами. В коммунисты соответственно идут люди или духовно и хозяйственно слепые, или же без совести. «Мы с вами, товарищи, ребята стреляные» (Ларин, XII, 101; ср.: XIV, 508); «шкуры у нас дуб-

ленные» (Каменев, XIV, 245). Эти люди отличаются «неумением работать, чванством, грубостью, хамством, некультурностью» (Вардин, XI, 401); обычно это командиры, диктаторы, стремящиеся создать себе карьеру, накопить политический капитал» (Сахат-Мурадов, XIV, 606); «мы все себя чувствуем руководителями, обязательно руководителями, на мелкую работу идти коммунисты не хотят» (Афанасьев, XV, 442); они изо всех сил держатся за свои, взятые с боя, места (Беленький, XII, 108); и когда перед XIV съездом Зиновьев имел неосторожность сказать, что «народная масса в наши дни мечтает о равенстве» (Угланов, XIV, 194), то коммунисты, прежде всего, испугались за свои оклады (Калинин, XIV, 319), квартиры и автомобили (Зиновьев, XIV, 443). «Хищения, злоупотребления и бесхозяйственность» этих людей в «госаппарате» Куйбышев не взялся описывать: «вышло бы слишком много» (XIII, 303): одни обогащают своих родственников (Куйбышев, XIII, 305), другие поддерживает связи с шайками бандитов и налетчиков (Молотов, XV, 1084); бывают такие случаи, что в центральном органе, заведующем внешней торговлей, «вычищаются» за злоупотребления все коммунисты (Сталин, XIII, 121). Они проповедуют «насчет изъятия» церковных ценностей, а сами «напяливают на себя», и «цепочки» у них «блестят» (Кутузов, XII, 407). Словом, это люди, которые, по выражению Иоффе (записка, написанная перед самоубийством), — «на все способны» (Ярославский, XV, 356)...

Вся эта оценка отчетливее всего выражена у Красина, их исконного сотрудника, кассира и посла. «Болтунами они были и болтунами остались, а когда дело шло не о том, чтобы произносить речи и громить статьи, а что-то создать, эти строгие вожди мирового пролетариата только и пригодились на то, чтобы совершенно без надобности, бессмысленно и жестоко проливать кровь (своих сограждан)» (письмо от 11 июля 1917 г.). «Так велико невежество на верхах, так плохо ведутся дела, что теряю всякую надежду» (письмо от 21 сентября 1922 г.). «Небольшая группа лошаков и идиотов уничтожила все, что я сделал, точно мальчик, смахнувший всю ткань

паука» (письмо от 8 октября 1922 года). «До октябрьской революции никто из них не был известен ни как выдающийся писатель, ни как экономист или ученый или что-либо другое в умственном и художественном мире» (письмо без числа). «Все переживаемые нами трудности проистекают из того факта, что компартия состоит на 10% из убежденных идеалистов, готовых умереть за ее идеалы, но неспособных жить для них, и на 90% из подхалимов, вступивших в партию только с целью устроиться» (заявление в центральный комитет коммунистической партии).

Справедливость требует прибавить, что если есть среди коммунистов «убежденные идеалисты», то убеждения их несут унижение и гибель всему человечеству, а «идеализм» их свиреп и аморален. Но бороться за мировую власть они умеют не только на словах.

РЕДАКЦИЯ

ПРАЖСКИЕ РУССКИЕ КУРСЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Русские курсы для детей, существующие в Праге при Русской Академической группе, возникли в декабре 1925 года. Их начало не было связано с какими-либо заботами русских организаций, ведающих образованием и воспитанием детей. Они были призваны к жизни сознанием нескольких русских женщин, сознанием того, что их дети *должны быть сохранены для России*, несмотря на все влияние — как иностранной школы, в которой они учатся, так и впечатлений от жизни другого народа, среди которого они живут. Эти дети учились во французской школе Праги. Для того чтобы они остались русскими и по своему родному языку, и по своему сознанию, по тем сознательным и бессознательным чувствам и мыслям, которые создают национальное самоопределение человека, необходимо было дать детям знание языка, истории и родного быта России. Нужно было не только дать им это знание, но и устроить соответствующую среду, влияние которой сохраня-

ло бы их для родины. Было начато преподавание Закона Божия, русского языка, русской истории и пения русских песен. Велось оно первоначально на частных квартирах. Преподаватели несли свой труд безвозмездно. Но для бесплатной работы необходимо было, чтобы лица, привлекаемые к преподаванию, имели хотя бы какие-нибудь средства существования, ибо отдавать труд бесплатно могли, конечно, лишь люди, имевшие, что есть и во что одеться. И преподавание русского языка оказалось невозможным без его оплаты. Для нее и для мелких расходов родители учащихся обложили себя ежемесячными сборами по пяти чешских крон*. Учебные занятия были организованы по типу групповых частных уроков. Но число учащихся росло. В январе их было уже 14. Ввиду этого родители, собравшись 14 февраля 1926 года, решили, что необходимо создать маленькую школу, и возложили заведование ею на пишущего настоящие строки. Таким образом, частные групповые уроки превратились в зародыш маленького своеобразного учебного заведения, созданного родителями. В помощь заведующему были избраны три матери — для надзора за детьми во время их пребывания в школе, причем одна из них должна была также вести и ее нелегкое, по отсутствию средств, хозяйство. Учебные занятия были перенесены в комнату для собраний, предоставленную школе домом, в котором жило большинство семей, посылавших своих детей в школу. Но отопление и уборка этой комнаты поглотили все денежные средства, собираемые путем взносов родителей. Преподавание русского языка оплачивать стало уже нечем. Положение оказалось крайне трудным. Помощь, однако, вскоре явилась. Министерство иностранных дел приняло на себя оплату преподавания русского языка в школе. О других же расходах по оплате труда думать было не нужно, ибо все остальные работники школы отдавали ей свой труд безвозмездно. Школа уже жила. Интерес детей к занятиям был очень велик; дети во время их *жили душою*, а не отбывали часы уроков, как это сплошь и рядом бывает во время школьных часов. Весною 1926 года

---

* Приблизительно 1/7 доллара.

организован школою ее первый детский праздник. Дети читали разученные ими, доступные им стихотворения и пели хором русские песни. Восторг детей был большой. Родителя были растроганы. У некоторых из присутствовавших на глазах были слезы. Почувствовалось ясно, что начато хорошее русское дело, что оно делается по инициативе и при участии самих матерей и отцов детей, во имя любви к Родине и к детям, решительно без всякой материальной заинтересованности.

Но сохраняется ли дальше *идеализм*, которым дело было рождено? Без него оно жить не могло бы; это было совершенно ясно. Сохранить его во что бы то ни стало — должно было быть теперь основною задачею тех, кто вел школу. А между тем у части работников школы начала появляться усталость. Делаясь привычным, ее дело уже не так стало привлекать к себе интерес и родителей. Но это так обычно во всех почти человеческих начинаниях. Очередною задачей людей, ведущих школу, становилось теперь — сохранить дело перед лицом поднимавших голову ее врагов, т. е. усталости и падения интереса к делу, становившемуся привычным. Этот трудный период школе удалось пережить в конце концов благополучно. Он был нелегок; однако она расти продолжала. Несмотря на отсутствие какой-либо рекламы, сведения о ней стали распространяться. С просьбами принять детей в состав учеников начали обращаться к заведующему не только русские родители, но и чехи, женатые на русских. В то же время стали притекать и небольшие пожертвования, денежные и учебными пособиями, которых сама школа не имела возможности покупать. Число учащихся возрастало. С декабря 1927 года были начаты для учащихся чтения со световыми картинками, которые имеют своею задачею знакомить с Россией не только устным словом и книгой, но и путем *зрительных образов*, даваемых световыми картинками. Для первого такого чтения волшебный фонарь был добыт бесплатно. Следующие чтения были устроены уже с собственным волшебным фонарем, на приобретение которого средства были пожертвованы Надеждою Николаевною Крамарж¹⁴¹. Программа этих чтений была выработана такая:

в первую очередь познакомить детей с главными городами и местностями России (при полном незнании с Россией значительной части детей, некоторые представляют ее себе только городом), а затем перейти к ознакомлению с русским бытом. Во исполнение этой программы были организованы чтения: «Москва», «Старинные русские храмы», «Петроград», «Из окрестностей Петрограда через Москву на Волгу», «Киев и Одесса», «Кавказ и Крым», «Русская деревня», «Школа в России». Намечены в ближайшее время чтения: «Русская армия», «Русский монастырь», «Русская фабрика». Предполагается также, по мере средств, устроить ряд чтений-концертов, посвященных истории русской музыки, в связи с русским бытом. Намечены и вечера-чтения *классических произведений русской литературы*. Учебная обстановка занятий, конечно, не имеет строго классного, обычного характера. Она возможно более приближается к обстановке *домашней*. Являясь школой дополнительной, на посещение которой дети отдают свой послеобеденный досуг от ученья в основной для них школе, притом почти не обладая средствами принуждения, курсы для детей должны крайне беречь силы учащихся и обеспечивать успешность преподавания почти исключительно *интересом и качеством* постановки его в классе. Задавание уроков на дом возможно только в исключительных случаях. Это делается главным образом по русскому языку. Русская история выучивается со слов преподавателя. Учебники даются лишь для справок и чтения. По Закону Божию уроки задаются крайне редко. Для домашнего чтения детям выдаются книги из постепенно растущей библиотеки курсов, и учащиеся пользуются ею достаточно широко (до 35 книг на одного учащегося в полугодие). Возраст учащихся в истекшем учебном году был — от 6 до 15 лет. Мальчики и девочки обучались совместно. Делились они на три группы: старшую, младшую и начинающих, из которых часть *еще не владеет русскою речью*. Воспитательный надзор находится в руках классных надзирательниц. Детские праздники — елки в последние два года устраивались на средства, жертвовавшие Н. Н. Крамарж. Из

этих средств выдавались рождественские подарки не только учащимся (их было 34 человека), но и другим приходившим на праздник детям (всего 53), а более нуждающимся приобреталась одежда или обувь. С января 1928 года, по ходатайству родителей, школа принята в ведение *местной Академической группы*, под именем Русских курсов для детей. Эти курсы, кроме получавшегося школою пособия от Министерства иностранных дел, получили пособие и от Министерства народного просвещения, что позволило оплачивать всех сотрудников кроме заведующего, должность которого, согласно уставу, не соединена с материальным вознаграждением.

И.И. ЛАППО

О БОЖЕСТВЕННОМ ПРОВИДЕНИИ

Ты ставишь мне вопрос, милый Луцилий, почему, если Провидение правит миром, хорошие люди претерпевают так много зла? Никогда ничего злого не может случиться с хорошим человеком. Божество относится к нему по-отечески и крепко любит его, но, говорит Оно, надо при помощи труда, страданий и лишений сохранить этих людей сильными, чтобы они получили истинную мощь. Божество не изнеживает их, оно испытывает их, закаляет и готовит их для Себя.

И если ты видишь, что хорошие и драгоценные для Бога люди идут в труде и поте по крутым тропам жизни, то знай, что Божество поступает с ними так, как учитель со своими учениками, когда требует больше всего усилий от тех, на которых он всего сильнее надеется. Добродетель, лишенная противника, становится расслабленной. Счастье, дающееся без борьбы, не может выдержать ни одного удара. Но там, где человек ведет непрерывную борьбу с препятствиями, — он закаляется для ударов и не поддается никакой беде; и если он пал, то он борется еще и на коленях.

Добродетель жаждет опасности и помышляет о своей цели, а не о своих страданиях. Что она терпит и то, что она переносит.

сит, — составляет часть ее славы. Воины хвалятся своими ранами, радостно говорят они о той крови, которую они имели счастье пролить. Неудача есть лишь повод развить свою внутреннюю силу. Только дерево сильно и крепко, которое часто колеблет ветер. Итак: это служит на пользу добродетельным людям, делает их неустрашимыми, если им приходится долго оставаться среди устрашающих обстоятельств и спокойно переносить то, что кажется злом человеку, неспособному принять и вынести опасность.

Никакой удар враждебной судьбы не может поколебать душу сильного человека. Он остается боеспособным и, что бы ни случилось, он умеет использовать случившееся для своей цели, ибо он сильнее всего того, что идет извне; я не говорю, что он этого не чувствует, но он преодолевает это и смотрит на все неприятности и препятствия, как на упражнения. Почему я знаю, какую бодрость ты сможешь противопоставить бедности, если ты всю жизнь утопаешь в богатстве? Как я узнаю твою твердость в борьбе с позором, клеветой и народной ненавистью, если ты достиг старости среди рукоплесканий? Не трепещи же теперь перед тем, что Божество посылает тебе в виде духовного зова и поощрения.

Добродетельные люди бьются и трудятся, принося жертвы, и сами становятся жертвами и притом не против их собственной воли; судьба не влечет их, они идут за нею сами и идут с нею в ногу. Я не испытываю принуждения, я не терплю ничего против своей воли, моя преданность даже не есть служение, но согласие с Богом во всем.

И так Божество закаляет, испытует и научает тех, кого любит.

СЕНЕКА

ПРИЛОЖЕНИЕ

Русский Колокол № 10¹⁴²

В печ. стр. 2500 букв.

Редакция. Передовая.

Россия и ее враги.

Шмелев

Безбожник.

Струве

Это и есть социализм.

Никольский

Имперская тема.

Карташев

Путь православия.

Бернацкий

Украина в составе России.

Щербатов

Сводку о крестьянах в цифрах.

Вторая часть

Ильин

Раздел первый Основных законов.

Вторая часть.

С. Трубецкой

Смысл происходящего в России.

Вторая часть

Почему я не масон.

Вторая часть

Никольский

О непримиримости расизма в России.

Вторая часть

Тезисы.

Приложение

Ильин

Сказка о праведном народе.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА¹⁴³

об основах народного образования в будущей России

1. Годы русской революции должны быть восприняты и осмыслены нами как некое обличение исторически унаследованных и не преодоленных еще недостатков русской души и русского духа. Россия будет велика и сильна только тогда, если она сумеет преодолеть в себе эти недостатки. С этим мерилom мы должны подходить и к вопросу о народном образовании в будущей России.

2. Все последние события в России с 1917 года по нынешний день (1935) могли произойти только потому, что ни в интеллигенции, ни в народе не были заложены и укоренены здоровые основы *духовного характера*. Русскому человеку не доставало не только *характера*, т. е. крепкого волевого уклада, способного к самостоятельным решениям и мужественным, организующим и преодолевающим жизненные затруднения поступкам; — но и особенно *духовных основ* характера, каковыми являются вера в Бога, совесть, чувство собственного достоинства, чувство чести, правосознание, патриотизм и христиански воспитанный инстинкт частной собственности. Было бы нелепо и несправедливо утверждать, будто русский народ вовсе лишен *характера и духа*; но характер его не был укреплен, а духовность его не была воспитана и оформлена. Достигнуть этого есть дело будущего в освобожденной и возрожденной России.

3. В будущей России *образование* не должно отрываться от *духовного воспитания* ни в народной школе, ни в гимназиях, ни в профессиональных училищах, ни в университетах.

Образование само по себе есть дело формальное. Оно дает формальные умения и отвлеченные сведения, не предпреляя ни содержания, ни качества, ни духа, ни цели. Образование учит человека читать, писать, считать, помнить и думать по указанным трафаретам; все это необходимо, но совершенно недостаточно; все это служит и злодеям для их дурных целей. Образование одного рассудка и одной памяти оставляет человека полуобразованным и беспринципным, придавая ему черты самомнения и изворотливости. Полуобразование же уводит от духа и Бога.

Всякое образование начинается с грамоты и школы. Поэтому судьба будущей России лежит прежде всего в руках *будущего народного учителя* и тех, кто сумеет воспитать и подготовить его к национальному делу.

4. Русский народный учитель должен прежде всего продумать и прочувствовать до конца свою великую национальную задачу. Он

не специалист по ликвидации безграмотности («спец», «ликбеза»), а *воспитатель* детей. Он должен знать и понимать, что дело не только в дифференцировании наблюдения, рассудка и памяти, а в пробуждении и укреплении *духовности в детях*. Поэтому он должен сам твердо и ясно постигнуть, *что́ есть духовное начало в человеке*, как надлежит будить его в детях, укреплять и развивать: как пробудить в детях религиозное чувство, совесть, достоинство, честь, художественный вкус, братскую солидарность, правосознание, патриотизм и уважение к своей и чужой собственности.

Воспитать и подготовить народного учителя значит сделать его живым мастером этого дела. К *технике обучения* должно присоединиться *искусство воспитания*. И самое обучение должно происходить на духовно-воспитывающем материале.

5. Готовиться к этому необходимо уже теперь. И притом именно в эмиграции, ибо во внутренней России такая подготовка или совсем невозможна, или возможна только в нелегальных формах. Поскольку русская эмиграция не обращала должного внимания на эту задачу, она совершала и совершает и ныне великое упущение.

Русский педагог должен быть вооружен помимо *приемов обучения и приемами духовного воспитания*.

В частности, поколение русских ученых, видевшее историческую Россию и прожившее ряд лет под владычеством коммунистов, должно отнестись к этому заданию с особым вниманием и особою ответственностью. В порядке исследования и педагогической кружковой практики мы должны выдвинуть:

1. Учение об исторических недостатках русского национального характера.

2. Учение об основах духовного характера вообще и в частности применительно к России и русскому народу.

3. Элементарный учебник духовного опыта, в простой, ясной и в то же время живой и глубокой форме.

4. Педагогическое руководство по пробуждению и укреплению духовного опыта в детях и у взрослых.

Здесь необходимо не теоретическое тяжкодумие, не отвлеченные трактаты, а простое путеводство в духовном опыте, — ясное, живое, краткое и духовно верное. Что это возможно — я утверждаю на основании личного ученого и педагогического опыта, ибо все мое преподавание философии, начиная с моих первых курсов (1909 год), я осуществлял как более или менее элементарную *методологию духовного опыта*. Так в области религии можно и должно показать человеку (и ребенку, и взрослому), что́ нужно «переставить» или «пе-

рестроить» в своей душе, чтобы испытать и увидеть Бога и Христа Сына Божия; этим перестроением можно руководить и достигнуть разительных результатов. То же самое возможно и необходимо и в других областях духовного опыта: в сфере совести, патриотизма, правосознания и др.

5. Работа эта, стоявшая передо мною как исследовательская и академическая еще до войны и революции, стала для меня одним из основных заданий после революции. Пять лет я вел ее в Москве при большевиках, и в открытых семинариях, и в закрытых кружках. Я не прекращал ее и после высылки моей из России, стараясь пробудить этот интерес и привить это задание всюду, где мне приходилось работать. Общепрограммную статью, окончание которой не появилось в печати по вине редакции «Возрождения», я прилагаю. В Белграде ныне печатается моя книжка «Основы духовного возрождения»¹⁴⁴. Ряд брошюр на указанные темы мною написан уже несколько лет тому назад и не появляется в печати только вследствие того, что нет издателя, понимающего серьезность и глубину задания.

Насадить кружки, работающие в направлении такой духовной практики и жизненной самоподготовки, мне удалось пока только в Берлине и Риге; увы, молодежь обычно предпочитает политиканствовать, фразерствовать и демагогировать друг друга.

ПРАВДА О МАСОНСТВЕ¹⁴⁵

По прочтении статьи Ю. Ф. Семенова¹⁴⁶ «Власть над душами. Затмение масонства», помещенной в нашей газете за март 1947 года, группа наших читателей обратилась к знатоку вопроса, давно изучающему масонство, с просьбой ответить по существу: верно ли освещена деятельность масонов в этой статье или нет? И, если верно, то в чем именно? — Вот ответ, полученный нашими читателями и пересланный в редакцию. К сожалению, автор этих строк живет в условиях такого бесправия и такой политической несвободы, что он не мог дать своего имени в печать. Однако ответ его говорит, как увидят сами читатели, сам за себя.

Друзья мои!

Долгое изучение масонской идеологии и практики заставляет меня сказать Вам следующее. — Международное масонство есть организация слоиная, ранговая, построенная на тайне и посвящении. Чем ниже степень посвящения, тем меньше знает масон о масон-

стве. Общие цели, отдельные задачи и самая «тактика масонства» — скрыты от братьев низшего посвящения: им преподносится азбука для детей. За ней идет азбука для взрослых; потом — элементарные фразы, содержащие смутные намеки; потом идет толкование этих намеков, все еще не раскрывающее последних начал, и т. д. Главное и окончательное не сообщается братьям низших степеней: их развлекают символикой, сковывают дисциплиной, застрашивают угрозами, награждают масонскими почестями и всяческими житейскими преимуществами — и водят за нос. Их тешит «тайна», которую от них скрывают. Они приучаются к замалчиванию, к полуправде и к так называемой терпимости: их постепенно отлучают от всякой преданности и верности, кроме масонской. Они отучаются любить свой народ, свою страну, свое государство, свою веру, — все под предлогом «мудрой терпимости». Их души приучаются к релятивизму («все на свете относительно»), к индифферентизму («из-за добра и зла — нечего копыя ломать»), к интернационализму («что мне родина? цели масонской мировой власти мне важнее и дороже!») и к своеобразному «религиозному дальтонизму» (т. е. к неразличению цветов — белого и черного, света и тьмы, Бога и дьявола). Крепнущие в этом смешении и преуспевающие в этом растлении — посвящаются и возводятся; и узнают «тайны». Что это за тайны и куда они ведут, Вы увидите лучше всего из подлинных масонских формулировок. Читайте сами, вдумывайтесь и решайте самостоятельно весь вопрос.

Для этого я посылаю Вам не совсем изящно, но совершенно точно переведенную мною статью. Эту статью я получил от долго зазывавшего меня в ложи высокопосвященного масона. Она напечатана в масонском журнале «Символизм», выходившем в Париже на французском языке и издававшемся ложей «Великого Востока». Автором ее является сам редактор журнала, тоже высокопосвященный брат Освальд Вирт.

Статья эта не случайна ни по теме, ни по трактованию. В масонстве постоянно живет *забота об оправдании сатаны*. Мне приходилось находить аналогичные статьи и в известном масонском журнале «Акция» (например, за октябрь 1924 года; заглавие: «В защиту Сатаны»), а также и в масонской литературе на немецком языке. Я знаю профессора-богослова (протестанта), который при каждом возможном случае стремится защитить дьявола, привлечь к нему сочувствие, показать его полезность и величие. Подобные суждения мне приходилось слышать от масонов и устно и опять-таки из протестантских кругов. И для того, кто сколько-нибудь знаком с исто-

рией ересей, масонства и сатанизма, с «историей дьявола» в идеологии человечества, в этом не будет ничего нового.

Итак — вот эта статья.

«Поговорим о Дьяволе»

Если мы опасаемся высказывать глупости, то будем избегать рассуждений о Боге и обратимся к Дьяволу, который имеет то преимущество, что он гораздо доступен нам. Мы чувствуем, как он глухо копошится в нас, тогда как от Сущаго всего сущего, от этого абстрактного синтеза всех вообразимых совершенств — нас отделяет бесконечное расстояние. Перед божественным величием, которое нас подавляет, мы стоим в молчании или лепечем; пытаюсь выразить его в словах, мы очень рискуем произнести кошунство. Поэтому помолчим о нем, ибо молчание об этом предмете решительно является золотом.

Зато нам легче говорить о Демоне, который тем менее парализует наше воображение, что его образом пользуются, “чертыхаясь”, и что утверждают его очень интимную связанность с человеческой жизнью. Он играет в ней даже такую большую роль, что никто не избегает соприкосновения с *Князем мира сего*.

И даже сама церковь Божия не защищена от его козней, потому что он проник в сердце служителей Всевышнего, которые, отказываясь от всякого христианского смирения, только и мечтают о господстве и непогрешимости, не подозревая, что этим они совершают жертвоприношение Демону гордости, первому министру в семиричном правительстве Лукавого.

В самом деле, могущество Дьявола осуществляется через посредство министериальных департаментов, из коих каждому поручено заведовать делами одного из главнейших грехов. Таким образом, ад обладает образцовой администрацией, свободной от бумажного делопроизводства и которой могли бы позавидовать все цивилизованные нации, Ватикан и даже само Небо, потому что небесный двор не имеет ничего образцового с точки зрения администрации. Фаворитизм и протекция играют там совершенно скандальную роль, чем и объясняется восстание, разыгравшееся в древности против тех злоупотребителей, на которых жаловались частые эманации Бога. Разве Люциферу удалось бы увлечь за собою такое множество других ангелов, если бы все было благополучно в небесном царстве? Без достаточного основания не бывает коллективных восстаний. Но как возможно, что ничего подобного не произошло среди дьяволов?

Их лояльность по отношению к Сатане заставляет предположить, что он *блестяще держит в руках своих подчиненных*. Каждый из них выполняет свои функции *с усердием, не ожидая награды*, ибо что такое мог бы обещать им Дьявол? Как глава Сатана решительно *очень силен*, а демоны суть падшие ангелы, в лице коих Небо понесло непоправимую потерю! Однако ничто не совершается вопреки Божией воле, так что падение их должно было быть предусмотрено как провиденциальная необходимость.

Что необходимо, это *полезность* дьяволова управления, ибо, если бы хоть одна из секций перестала функционировать, то начался бы немедленный застой в человеческих делах.

Представляют ли себе люди, какие последствия имела бы всеобщая забастовка демонов сладострастия? Клинообразные тексты повествуют нам о том, что произошло, когда богиня Иштар, раздательница похотей, была удержана во мраке преисподней. Сразу — бык не хотел знаться с коровой, осел стал пренебрегать ослицей, а домовладыка засыпал, отвернувшись от рабыни, которая спала рядом с ним. Никакого размножения! Это было бедствие, от которого заволновались боги, ибо запустение земли должно было лишить небо поклонников. Перед этой перспективой бог высшей Мудрости повелел освободить Иштар, которая вернула живым существам радость размножения.

Этот опыт разителен в отношении *сладострастия*: но и другие главнейшие грехи не менее его важны для человечества. *Жадность* побуждает к добровольному и напряженному труду, предохраняющему народы от нищеты и голода. Без *чревоугодия* человечество погибло бы вследствие плохого питания. Без *лени*, этого благословенного источника мечты и поэзии, мы преждевременно погибли бы, надорвавшись. Если бы *гнев* против несправедливости не охватывал нас, мы слишком легко предоставили бы стричь себя, подобно кротким блеющим овечкам. И что великое и благородное могло бы осуществиться без побуждения *гордости*? Даже зависть со всею ее низостью противится злоупотреблениям богачей и властителей.

Поэтому само по себе ничто не дурно, и когда Элоим, созерцая только что созданное творение, увидел, что это хорошо, то это потому, что оно так и было на самом деле, даже в отношении Змея, который был “хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь” (Быт. III,1).

Здесь ставится проблема зла, которую теологи не сумели разрешить по недостатку логики в понимании Единой Причины. Не смея взваливать на Создателя ответственность за все это, они наталкива-

ются на сотворение Люцифера и на Змея, как если бы их Бог, который знает все, не знал, что он делал, создавая первого с инстинктом возмущения и наделяя другого утонченностью, необходимую для будущего искуителя. Кажется однако, что Провидение не могло бы совершить ошибку и что сам Дьявол мог быть создан только из превосходного намерения.

Каково же было намерение? Бог, который не утопист, не должен был делать себе иллюзии в вопросе о человеческой слабости; в то же время, чтобы руководить своими созданиями, происшедшими из животности, он не был столь наивен, чтобы делать преждевременную ставку на великодушные добродетели, хрупкие, исключительные и требующие долгого развития. Будучи более рассудительным, чем наши эмпирические социологи, которые упорно стараются уравновешенно поставить человеческую пирамиду на ее вершину, верховный устроитель хотел считаться с самого начала только с врожденными побудительными инстинктами, через когорые он предоставляет управлять нами некоему “под-богу”, некогда именовавшемуся Паном, которого наши современники очернили, чтобы обеспечить за ним роль, противоречащую божественному абсолютизму.

Ныне пришло время восстановить факты. В божественной комедии все актеры находятся в распоряжении Великого Импресарио. Если Сатана выполняет в ней самую неблагодарную роль, то тем больше его заслуга. Для зрителей он является презренным изменником в пьесе, но, выполняя свою роль, он удовлетворяет автора пьесы. Разве он не является верною собакою пастуха, которая лает, а если кусает, то только для того, чтобы заставить тупое человеческое стадо идти вперед.

Поднимаясь над стадной толкотней, чтобы посмотреть на вещи с чуть-чуть более высокой точки зрения, мы констатируем, что Дьявол есть *честный чиновник*, которому поручена на земле *божественная полиция*. Те мистики, которые превращают его в непокорного соперника ихнего Бога, превращают этого последнего в плохого барина. К тому же они кошунствуют, проклиная земную жизнь так, как если бы они были обязаны ею Сатане. В своем отвращении от всякой материальности они доходят до того, что приписывают ее Сатанизму.

Истинное же благочестие почтительно приписывает все Богу и не трепещет перед Дьяволом. Пред очами мудрецов всякое зло лишь относительно, и как только они наталкиваются на него, они стараются превратить его в благо. Помимо всего ученик Гермеса отличает первичную материю от определенного качества. Подвергаясь творческим операциям Великого Свершения, необработанный свинец

инстинктивности породит чистое золото философского Ребенка. Мы сублимируем, дистиллируем, очищаем и выделяем из дьяволизма основную божественную сущность человеческой природы. Ибо Дьявол есть не что иное, как нечистая сера, которая горит в нас, чтобы превратиться в движущуюся энергию. Все искусство посвященного сводится к управлению своим внутренним огнем, который является необходимым двигателем преобразующей работы.

Чем были бы мы без адского пламени, без этого начала нашей способности к действию. Сладостными небесными духами, блаженно испаренными в горнем Эмпирее, но не людьми, способными и месить земное тесто своими руками и материально работать над построением мира!

Поэтому *быть* человеком еще более славно, чем быть просто французом, что само по себе уже очень хорошо. Когда нам говорят “Божье Дитя”, то нас не обманывают ни в каком отношении. Но наш небесный Отец никогда не намеревался держать нас под вечной опекой: Он предвидел наше совершеннолетие, как об этом свидетельствует древо с запретным плодом, которое он позаботился насадить посреди Эдема. Мы не должны были касаться этого плода до тех пор, пока не оказались бы в состоянии отведать от него без вреда. Но мы не были предназначены к тому, чтобы без конца баюкаться в райском безделии нашего раннего детства. С приближением нашей зрелости и разумного возраста Бог в своей отеческой заботливости воздвиг Змея-искусителя, который знал свою обязанность. Взяв на себя наше воспитание, это умное животное заставило нас осознать наше человеческое достоинство, внушив нам желание действовать самостоятельно, согласно нашему собственному рассуждению.

Данный нам урок заставил нас понять, что нам не полагается больше быть в саду, в котором протекли годы нашей невинности. Мы стали способны обслуживать собственные нужды и восхотели пуститься в жизнь, чтобы пробиваться в ней на свой риск и принять ее опасности. Бог не пытался удерживать нас, ибо Он создал нас именно для труда.

Совсем не желая наказывать нас принуждением к труду, Создатель почтил нас, доверив нам миссию завершить Его дело на нашей планете. Призывая нас присоединиться в нашей скромной сфере к его великому предприятию универсального строительства, он дал нам средство обожеествить самих себя согласно отнюдь не ложному обещанию, данному Змеем нашей почтенной матери Еве.

Более утонченная, чем ее супруг, Ева дала себя соблазнить к нашему величайшему благу. Мы ей обязаны тем, что вознеслись над

животным, благодаря познавательному любопытству, проистекающему из женской интуиции; между прочим и посвящения в таинства всегда выдвигало Женщину как великую посвятительницу, почитая Изиду или какую-нибудь другую мистериозную богиню.

Ева, наша мудрая освободительница, к сожалению, не лишена потомков, достаточно ограниченных для того, чтобы корить ее за свое мнимое несчастье. Хотя они уже великовозрастны, но всё вздыхают, что их не зоблят, как грудных ребят. Какое наказание для них — трудиться и обеспечивать свое существование в священном поте лица своего! Достойны ли они *жизни*¹⁴⁷, эти слабосильные, у которых не хватает мужества для ее завоевания? Они совершили ошибку, спустившись к нам; где им не надо будет надрываться от утомления!

Что же до нас, то если мы хотим быть достойными жизни, то будем благодарны за жизнь, которая нам дана; примем ее радостно, доказывая тем, что у нас есть нервы и сердце. Будем любить изнурительный труд. Мужественно примем существование таким, каким оно нам открывается, не отбрыкиваясь от его неизбежных огорчений. Если нам подается чаша, то возьмем ее с твердостью, решившись выпить ее сразу до самого дна. Напиток, содержащийся в ней, есть магическая настойка, вызывающая неукротимую энергию.

Но этот вещий кубок, — не подносится ли он нам Сатаной или одним из его помощников? Это подозрение делает честь Дьяволу, ибо, если это он дарует жизнь, то Богу осталось бы только отнимать ее у нас. Странное толкование, к которому может привести необдуманный дуализм!

Остережемся же ловушек, которые таятся в плохо продуманной метафизике. В действительности Враг есть лишь мифическая фигура, изображающая всякое сопротивление, подлежащее преодолению. Масон находит Дьявола в том камне, который обтесывается с таким трудом¹⁴⁸; но этот камень драгоценен для него и он измеряет его ценность тем сопротивлением, которое тот ему оказывает. А между тем Дьявол вступает в борьбу с сильным человеком только для того, чтобы быть побежденным: он сопротивляется нам только для того, чтобы заставить нас развернуть всю нашу силу. Его намерения несколько не гнуснее намерений Брата Устрашителя, который подвергает масонских новичков посвящающим испытаниям. — Погибель наших душ! Какой интерес она могла бы представлять для столь утонченного духа, как Дьявол? Не будем же клеветать на него, изображая его глупцом, вроде этого гнусного Подражателя, который оказался бы позором Божиим, ибо на Боге лежала бы ответственность за его создание.

А преисподняя, — где могли бы мы поместить ее, если не в нас самих? Инфернальный огонь горит в центре каждой личности, но это есть священный огонь, без которого не было бы ни деятельной жизни, ни плодотворного труда. Будем же господами нашего внутреннего огня, и дьявольский жар будет служить нам, ибо Дьявол добровольно подчиняется мудрецу, который имеет право повелевать ему.

Здесь дело не в магических формулах, но в действительном освобождении от ига главнейших грехов. Как только мы поддаемся одному из них, мы остаемся рабами Дьявола, и поскольку мы ему повинемся, он издевается с полным основанием над нашими приказаниями. Мы господствуем только над тем, что не имеет власти над нами. Поэтому мы должны научиться сопротивляться тем силам, которые мы желаем укротить: *если ты не позволишь вести себя, то ты поведешь сам!*

Дьявольское — это все то, что желает быть подчиненным. Хаос открывается нам для того, чтобы быть координированным: его титанические силы желают служить нам. Когда, благодаря нам, каждая из них найдет свое применение, — ни одна не окажется вредною: возвращаясь в гармонию, все сделается снова благим, каким оно было, исходя из рук Творца. Великое дело человечества стремится именно к этому результату, который учитывается Дьяволом, достойным учителем, наказующим своих учеников только для того, чтобы привести их к успеху. Когда же этот успех будет достигнут, старый Дьявол разразится хохотом и воскликнет: “вот, дети мои, куда я хотел вас привести!”.

Это будет последним словом пьесы. Затем, когда занавес будет опущен, актеры будут вызваны, чтобы принять овации, а Сатана, этот обаятельный статист Всевышнего, получит заслуженную им дань преклонения. — Какую иную развязку мог иметь в виду Великий Драматург Вселенной в его бесконечной доброте?

Освальд Вирт»

Послесловие

1

Эта статья замечательна прежде всего своим тоном. Она написана тоном развязной, фривольной болтовни, иронического подшучивания над трактуемым предметом и над наивным читателем. Читаешь ее и все время спрашиваешь себя: над чем это автор под-

смеивается? над Богом? над мирозданием? или над читателем? Но уж никак не над дьяволом, в защиту которого он выступает... Во всяком случае статья пропитана духом кошунства. Вся проблема, страшная и священная для всякого ответственного мыслителя и христианина, — проблема отношения человека к Богу и человека к дьяволу, — трактуется в тоне лукавой насмешки, «панибратства» с Богом и живейшего сочувствия к сатане. Все время чувствуется, что автор относится к Богу — несерьезно; что он говорит о Нем так, как взрослый, когда он играет с детьми и называет кукол по именам, посмеиваясь себе в бороду; — что он ссылается на Библию и пользуется терминами христианского богословия только для того, чтобы скомпрометировать это богословие, чтобы посеять смуту и внушить читателю благоговение перед сатаной. Именно для этого он выдвигает все возможные толкования, чтобы расположить читателя к дьяволу...

И вот, по прочтении статьи, читатель выносит впечатление, что, в сущности говоря, *Бога нет*: может быть «Бог» — это только фигуральное выражение, мифический образ, человеческая выдумка... во всяком случае «Бог» — это что-то вроде отвлеченного «совершенства», которому причитается иронический полупоклон, но о котором мы ничего не знаем, так что лучше о нем совсем не разговаривать...

Другое дело — дьявол, имя коего пишется автором всегда с большой буквы. Хотя его, в сущности говоря, тоже «нет», ибо он всего только — «мифическая фигура», но все же у читателя остается уверенность, что дьявол — это сущая реальность, живая, полезная и необходимая сила, ведущая нас по пути прогресса к мировой гармонии. Тут уже не иронические «реверансы», а подробное описание, положительная оценка и оправдание. Мало того: заслуги дьявола — неоспоримы и велики; отношение людей к нему — слепо несправедливое; без него невозможна самая жизнь на земле... В конце концов он — «обаятельный» слуга добра и гармонии и заслуживает *благодарности и преклонения*. И самые смертные грехи, которые он внушает нам, суть лишь необходимые формы земной жизни, прогресса и творчества. Стоит только погасить их, и начнется застой во всех делах. Дьявол — честный чиновник добра, божественная полиция, достойный учитель, мудрый воспитатель, дух утонченный, совсем не глупец, не мучитель и, главное, не погубитель душ; он, в сущности, только и мечтает подчиниться сильному и мудрому человеку. Словом, он наш благодетель, а мы вместо того, чтобы благодарить и преклоняться, клеветаем на него и возводим небылицы.

Статья заканчивается «концовкой»: звезда рогами вверх, в которую вписана хорошо сделанная морда козла. У звезды пять кон-

цов: два рога, два уха и длинная борода; умные, пристальные, совсем не козлиные, а человечески дьявольские глаза. Словом, к статье приложена — «икона» дьявола, а ему самому пропет гимн.

2

Как же надо понимать дьявола? — У автора можно отметить по крайней мере две концепции: это есть восставший ангел, говоривший потом из змия; и это есть мифическая фигура, обозначающая смертные грехи и камень «преткновения». С точки зрения настоящего, серьезного богословия — это все полно внутренних противоречий: соблазнительная болтовня откровенного сатаниста, опасющегося договорить до конца свою сокровенную веру и потому нарочно запутывающего неопытного читателя...

Итак, допустим сначала, что дьявол есть падший ангел и личное существо. В таком случае он есть по мысли автора — слуга и посланец Бога, образцово исполняющий трудную и неблагодарную миссию. Читателя охватывает легкое головокружение: дьявол — творит волю Божию, он его слуга, он хочет добра и гармонии, надо чтить его и поклоняться ему. Все понятия мешаются; христианское учение опрокинуто; смута и соблазн провозглашены. Чем же нам вознаградить этого самоотверженного деятеля, этого недооцененного и оклеветанного благодетеля?! Как заявить сатане наше раскаяние и нашу благодарность? Не отслужить ли нам и взаправду «черную мессу» с подобающим лобзанием «мудрого» и не по-козлиному посматривающего козла? Не слетать ли нам сегодня же на Лысую Гору или на Брокен? Когда это по календарю бывает Вальпургиева ночь?..

Но ведь он всего-навсего — мифическая фигура!.. Это второе понимание. Оно тоже очень важно: дьяволу на самом деле только и нужно, чтобы люди не верили в его существование, — тогда-то ему и открываются все двери через неузнаваемость, для обмана, лицедейства и всяческого соблазна... А в таком случае дело не столько в нем, сколько *в самом зле*, в семи смертных грехах, которые, оказывается, суть драгоценные и необходимые формы жизни! И опять — христианское учение опрокинуто: зачем это оно твердит о целомудрии, отречении, посте, труде, прощении, смирении и любви, когда на земле *необходимо и оправдано обратное*?! Попробуйте только без смертного греха, — и вся жизнь остановится. Смертный грех есть грех только для слепцов и глупцов. А на самом деле — он *творчески нужен. Зло — не зло, а разновидность добра*.

И опять — легкое головокружение: «левое есть правое, низ есть верх, грех прекрасен и полезен, — надо только не подчиняться ему, а владеть им». И вот — окончательная смута и окончательный соблазн. *Соблазн оправданного зла*: «значит — можно!» *Соблазн вседозволенности*: «значит — нет запрета!» Правы все соблазнитель: ведь они только правду говорили! Правы все соблазненные: ведь они только отозвались на эту правду! Можно! *Все можно!!* Масоны открывают нам глаза и мы *становимся как боги*, но не как те боги, о которых змей сказал прародителям: ибо там было обещано знание *добра и зла*. Мы же становимся как «новые боги», для коих *совсем нет зла*. Какой страшный «оптимизм»! Какое сатанинское развязание и облегчение! Значит, христианское учение о добре и зле — есть разновидность слепоты и глупости. Истина в «новой свободе»: это «свобода» от Бога и добра, «свобода» во зле совместно с дьяволом. Вот последнее слово «мудрости»: через оправдание сатаны — достигается вседозволенность. Через безбожие к сатанизму...

В итоге — нечто странное и внутренне-противоречивое: дьяволу причитается поклонение, — и в то же время его нет... Но автору нужно и то и другое: кто еще настолько наивен и глуп, что не может без веры и поклонения, тому новая директива — оставить в покое неведомого Бога и поклоняться новому «угоднику», хорошо известному и в нас самих копошашемуся дьяволу. Это для масонов первых трех степеней. А для посвященных, начиная с девятой и восемнадцатой, другая директива, — не поклоняться никому, а освободить себя ко греху и насладиться вседозволенностью.

3

Теперь мы поймем то, о чем повествует в своей статье¹⁴⁹ Ю. Ф. Семенов, но чего он сам не объясняет. Он компетентно и правдиво рассказывает о том, как масонство все эти годы занималось повсюду «расчисткой почвы перед революционным коммунизмом». Но эту деятельность он неверно характеризует как «безвольную» и не объясняет, почему же масонство признало в большевизме своего «озорного» брата и так усердно продолжает стараться для него?

Это «братство» есть несомненный исторический факт. Оно объясняется тем, что в обоих братствах живет единая стихия: противохристианства, безбожия, вседозволенности, революционности, соблазна и властолюбия в мировом масштабе. Стихия дьявольская. Это «братство» было создано «братьями» не сразу; а когда было осознано, то было оценено ими по-разному. *Масоны* — решили держать

большевикам стремя и в то же время пробраться в их сердцевину и верхушку и овладеть ими изнутри. Ибо *инфильтрация* и *тайное овладение* — есть их общая и основная тактика. А коммунисты решили использовать масонов, дать им иллюзию, будто они в самом деле куда-то «пробираются», чем-то «овладевают» и на что-то «влияют»; а потом — околпачить их, разыграть и уничтожить... И вот уже лет двадцать происходит эта взаимная инфильтрация — *к великой пользе Коминтерна*. Ибо масонство расшатывает и разнуздывает, а большевикам только это и нужно: они подомнут расшатанных и поработят разнузданных; и не подумают «пустить» масонов куда бы то ни было. Масоны будут в этой игре использованы, как подсобная сила, и затем отчасти поглощены, отчасти казнены. Надо помнить, что масонский дьявол — *либеральный*, а коммунистический дьявол — *тоталитарный*. И вот — либеральный дьявол служит тоталитарному дьяволу и помогает ему поработить весь мир. Ибо *настоящему дьяволу, который совсем не миф, нужны рабы, а не свободные человеки!*..

Именно это и происходит сейчас во всем мире. *Все масонские центры помогают коммунистам*, начиная от настоящих лож и кончая множеством прикровенных масонских узлов, позапрятанных во всем мире. Такова ныне деятельность так называемой «церковной Экумены», УНРРА¹⁵⁰, левого крыла социал-демократов и т. д. Они преглупо верят в силу своей инфильтрации и в лояльность переговаривающихся с ними коммунистов; и стремятся во что бы то ни стало обелить большевиков, скомпрометировать и ослабить их противников, стереть грани, засыпать рвы, выдать зло за добро, замолчать или исказить правду о советских порядках и склонить всех к компромиссу с большевиками; — словом, *выдать христиански-некоммунистический мир Коминтерну*.

Это стирание граней вы заметите везде, где будете наблюдать с открытыми глазами. И где вы его заметите, знайте, что это «аванпост» братских сил. Поддержка московского патриарха идет из того же источника, как выдача на расстрел русских беженцев из концентрационных лагерей; агитацию против Франко ведет та же самая рука, которая помогает большевикам добыть в Америке атомный секрет и спастись от ареста; русско-советская пресса в Париже поддерживается теми же самыми кругами, которые внесли смуту в «Кливлендский собор», устроили советам шведские кредиты и тем сорвали шведскую валюту, которые готовят во Франции и в Италии поворот налево, разлагают лейбористов в Англии и пытаются сделать все возможное, чтобы сорвать ведомственную чистку в Соединенных Штатах.

Разоблачая эту политику, Ю. Ф. Семенов говорит *правду*, но *не всю правду и не последнюю правду*. Может быть, эту последнюю правду он и не знает.

Вот эта правда. В мире есть *партия зла*, волевая и агрессивная; ныне как никогда доселе смыкающая свои ряды. Она добивается во что бы то ни стало мировой власти. Она знает, что делает дьяволово дело, и иногда выговаривает это открыто, с кошунственной усмешкой. Она состоит из трех инстанций: разлагающие подготовители (масоны), которые надеются победить тихой сапой; свирепые осуществители (Коминтерн), побеждающие открытым насилием и многой кровью; и сам дьявол, стоящий за ними и распоряжающийся и теми и другими из-за кулисы.

4

Нам, русским людям, любящим Россию и верящим во Христа распятого, все это ни в какой степени и ни в каком виде неприемлемо. Мало того, мы видим все это с величайшим отвращением, со скорбью и тревогой. Нам нужно совсем другое. Нам необходимо духовное очищение, сущая правда, благо национальной России, провал масонских затей, крушение коммунизма, освобождение и духовное возрождение русского народа.

Поэтому: никакого гране-стирательства! Никакой смуты и лжи! Никакой кривизны и интриги!

Ю. Ф. Семенов выговорил правду и он знал, что говорит: масонство ведет мир в рабство Коминтерна. Освальд Вирт договаривает: масонство делает это во имя сатаны. Это правда о масонстве, и мы не смеем ее замалчивать.

Сколько раз при большевиках по России расползались жуткие слухи о том, будто они справляют в священном для нас Кремле «черную мессу», этот дикий и отвратительный обряд дьяволопоклонства. И столько раз духовно умудренные люди разъясняли нам, что большевизм, — со всем его материализмом, безбожием, противохристианством, с его презрением ко Христу Спасителю, к духу и к свободе, с его порабощением личного начала, с его дьявольским властолюбием и безнравственным правлением, основанным на деморализации людей, на шпионстве, лжи и терроре, — что он есть *сам по себе черная месса, и служение дьяволу*, искореняющее в России лучших людей и предающее наши национальные святыни поруганию. Не все ли равно после этого, пляшут ли эти хитроумные безумцы вокруг символического козла или нет? Ими владеет

дух дьявола, это главное. А масоны торопятся служить им во всем мире.

Друзья мои! Мы живем в страшную эпоху! Она требует от нас величайшей зоркости, стойкого мужества и непоколебимой верности. Помогите нам, Господи!..

Январь 1947

АНТИСЕМИТИЗМ¹⁵¹

Величайшее социально-историческое упрощительство в объяснении и оценке.

Поэтому только для глупцов, желающих судить за пределами своей силы суждения — понимать и объяснять то сложное, чего они решительно не понимают, и сводить все критерии к одному.

Искажение действительности, упрощение всех задач, пренебрежение предметности, подбор фактов и раздувание.

Qui nimium probat — nihil probat¹⁵².

Умные антисемиты — всегда лицемеры и демагоги — врут нарочно — это метод ослеплять ум и увлекать глупцов.

В доктрине антисемитизма две части:

1) все беды от жида;

2) все, кто с этим не согласен — продан, масон, подлец etc.

Ничто так не мешало борьбе с еврейским засилием и закулисной интригой, как антисемитизм: ибо после их пропаганды — *мера истины* — столь нужная и драгоценная — ненаходима, а она посередине.

После антисемитизма — мыслящего дихотомически — истина смазана и утрачена, как после маньяка — а они в лучшем случае маньяки, ум слепнет для меры — как нос после сильной вони не в состоянии внять и различить тонкие запахи или вкус — после перца.

Евреям нужен и выгоден именно антисемитизм — он облегчает им борьбу с противником, компрометирует идею юдофобства, представляет врага — дураком и маньяком etc.

Евреи выдумали бы антисемитизм, если бы его не было¹⁵³.

ЧЕРНОСОТЕНСТВО

Черносотенство¹⁵⁴

Они (черные) были ее (России) живым ядом, ее незримо развивающейся по душам отравой; они подготовляли горючий материал

для революции и большевизма и не с ним связаны наши национальные традиции.

Один мудрый русский мыслитель, идейный монархист, уважаемый всеми без изъятия, не раз говорил мне: «я знаю природу черносотенства; это злейший яд в нашей России; с этими людьми не должно быть никогда, никакого единения; от них придет наша гибель!..»¹⁵⁵

Сколько раз вспоминал я эти прозорливые слова! Он был прав: русская правизна должна быть свободна от черноты — и в душах, носящих идею, и в целях, направляющих волю, и в центрах, ведущих движение. И с этого выделения черноты, с этого идейного и политического очищения должна начаться наша борьба за освобождение России. Именно справа должны по-старому засиять — и любовь к родине, и честь, и доблесть, и бескорыстие, и подлинная государственность.

На это, и именно на это, отзовется внутренняя Россия: не на черное, а на белое.

О черных¹⁵⁶

Все слова и крики с крайнего права о борьбе — суть блеф: они умеют бороться только интригою и посулом среди безопасности, они способны только сеять соблазны в рядах своих ближайших соседей, бороться на другой край они не умеют и не борются — только лгут.

Черные поведут борьбу за власть *с нами* гораздо более свирепую, чем с большевиками (политическая ненависть идет через локоть к соседу, а враг по диаметру переживается обычно как «мой программный трамплин» и *тактический* «родственник»).

Это крайне-правая полуинтеллигенция, которая хочет сгрудиться для того, чтобы вырвать власть у крайне-левой полуинтеллигенции и повторить то же самое, но справа.

О черном¹⁵⁷

Карьеризм;

низкопоклонство до сервилизма, как средство к тайновластию (Аракчеев), гетерономная покорность; классовый, групповой, личный интерес, презрение к другим глазам и группам — к народу;

подавление личного начала;
формализация и овнешнение права, правопорядка, *правосознания*;
во *что* они превращают *правосознание*;
«дортуар в участке»;
демагогия;
искание громоотвода;
порочность цели и средств;
держание народа в темноте;
не «все за одного и за каждого»;
чернь внизу — чернь вверху;
обезьяны в Рязанском дворянском собрании.

<Черное>

Черносотенство — корыстная симуляция любви к царю;
сведение государственности к понуждению и пресечению (отсюда покаянная химера равенства);
кормление и взятка;
чернь вверху — чернь внизу;
возможен демагогический кесарь, опирающийся на черносотенное крестьянство;
не вращивание государства в народ и обратно.

Марков

Марков: безоговорочное подчинение;
«объявит коммунистическую программу — станем коммунистами».
Дневник Пуришкевича от 26 ноября:
«пресмыкающиеся перед всякою властью» — по именам (Марков).

Партийный дядька бородач, из отставных унтеров, демагог из кантонистов.

Марков — масон.

Чернильная рыба.

Гражданская война не изжита на крайнем правом фланге — это и понятно, почему — не воевали, а потеряли.

Пресмыкание как форма временичества.

Двусмысленная и хитрая покорность.

«Что ж метут они землю пред ним бородой? Мы честили князей, но не эдак». *Толстой*.

Монархист должен отучаться от холопских интонаций.

Русский народ имеет ужасное обыкновение убивать своих царей.

Республика фингирует преувеличенную силу политического суждения, силу государственного беззакония и самоуправления в пределах индивидуальной души каждого подданного.

ПРАВОСОЗНАНИЕ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ¹⁵⁸

(Вступление)

К числу вопросов, подлежащих радикальному пересмотру (и идеологически, и практически), относится и вопрос *об обосновании патриотического национализма, права и государства*.

Обоснованием называется *доказательство* того, что обосновываемое есть *действительная* (а не мнимая только) *ценность*, которую надлежит *духовно признавать, а практически беречь, совершенствовать и вводить в жизнь*.

Те из вас, кто следит за русской зарубежной литературой, вероятно, заметили, что вокруг этого вопроса за последние два года создалась целая полемика, в которой противники национализма, государства и права, выступая с большою (и далеко не всегда литературно приличною) страстностью, пытаются закрепить и удержать старые русские интеллигентские предрассудки в этом вопросе.

Их главным и основным тезисом является утверждение, что *стихия национального патриотизма, права и государства* (будто бы) *противоположна основным началам христианской веры и христианского сознания*.

Правда, они не всегда высказывают этот тезис с тою определенностью, с какою я это сейчас сделал; гораздо чаще они стараются подвести читателя к этому выводу на путях косвенного компрометирования, подчеркивая то эгоистичность национализма, то спорность и несправедливость положительного права, то безжалостность, пошлость и нелюбовность государства и его учреждений.

Я сказал бы так: они стараются отвлечь чувство, разумение и волю людей от национального самосознания, от чистой, грубой и вредной стихии права, от мужественной, рыцарственной и воспитывающей стихии государства — и выставить патриотизм, право и государство как начало эгоизма, животности, земной расчетливости, организованной злобы, произвольного насилия; они пользуются тем, что духовный предмет недоступен чувственному опыту и требует нечувственного сосредоточения и напряжения; и в расчете на то, что их собственную неспособность (или нежелание) *верно испыты-*

вать нечувственные предметы, зорко видеть и различать их — никто не сумеет ни разоблачить, ни исправить, — они пропагандируют свои собственные искажения, отыскивают свою собственную слепоту и стараются распространить свои ошибки, привив их следующему поколению.

К счастью, во всем этом им ныне мешает и помешает наш суровый учитель — исторический жизненный опыт.

И мне не думается, чтобы господа современные антинационалисты и непротивленцы преуспели бы в своем ядоносном и гиблом деле, какими бы обличиями религиозности и доброты они бы при этом ни прикрывались.

Я думаю даже, что *борьба за правду* в вопросе об обосновании права и государства — должна вестись не в виде полемики с очередной статьей того или иного путаника или искателя, а *предметно* — в виде самостоятельного углубленного исследования проблемы в самом ее существе.

Вот это-то я и имею в виду в сегодняшней лекции.

Я хочу поставить вопрос так.

Когда человеческая душа обращается к праву и переживает его — то это означает, что она живет *правосознанием*.

Когда человеческая душа обращается к Богу, молится, благодарит, созерцает — то она живет *Богосознанием* или *религиозностью*.

Я спрашиваю: *каково соотношение между правосознанием и религиозностью?*

1) Может ли человек *верно* переживать право, если он не имеет никакого отношения к Богу?

Отнимите Бога у человека, во что превратится тогда его правосознание? Как он будет испытывать и осуществлять право и государство?

2) Может ли человек быть религиозным, если погасить в нем всякое правосознание, всякое чувство права, всякую волю к праву?

Отнимите у человека чувство права — во что превратится его религиозность?

Ответ прост и ясен:

1) без религии нет права, остается одна видимость его; без религиозности правосознание вырождается;

2) без права нет религии, остается одна видимость ее; без правосознания религиозность вырождается.

Я постараюсь показать и развить это.

Но так как человек обогатился только тем, что он: а) испытал, б) увидел, с) понял, а у меня нет уверенности, что в течение одной

лекции смогу дать Вам и опыт, и видение, и понимание, то позвольте мне просить Вас записать короткую формулу, над заполнением которой опытом и видением Вы могли бы потом поработать на досуге.

Вот эта формула:

1) *Право необходимо человеку, чтобы быть истинно религиозным: в основе религиозности лежит право на свободную молитву.*

2) *Религиозность необходима человеку, чтобы верно познавать и осуществлять истинное право: в основе истинного правосознания лежит восприятие Бога и божественного начала в человеке.*

Или еще короче — по-латыни:

*iur est modus essendi religionis; religio est modus cognoscendi iuris*¹⁵⁹.

Сейчас я перейду к развитию этого.

Сначала еще два кратких пояснения.

А) Вопросы о соотношении государственного начала и православного христианства — я касаюсь в моей книге «О сопротивлении злу силою».

Здесь я ставлю гораздо более общий и философический вопрос — о соотношении *религии как таковой и права*; сделать конфессиональные выводы может всякий желающий.

В) Я буду говорить в дальнейшем о положительном правосознании и естественном правосознании.

Что разуметь при этом?

Каждая страна имеет свои законы; из этих законов вытекает, у кого из граждан какие имеются правовые полномочия, обязанности и запретности.

И вот, когда человек *сознает* все эти действующие законы, полномочия, обязанности и запретности, *воображает* все это, переживает *чувством и волею* — то все эти рациональные и иррациональные душевные состояния и составляют его *положительное правосознание*.

Но когда он наталкивается на *несправедливый закон*, который *запрещает то, чего не следует запрещать* (например, свободу молитвы, убеждения, призвания); или *предписывает то, чего не следует предписывать* (например, брак по приказу, шпионство за согражданами, политическую партийность); или *разрешает то, чего нельзя разрешать* (взятку, ограбление, убийство, вымогательство) — тогда у человека возникает непреодолимое «чувство», какая-то неискоренимая уверенность, что *на самом деле* такие несправедливые или неверные запретности, обязанности и полномочия *не составляют права*, что есть другое, верное право, *не писанное в законах, но живущее в «сердцах»* и соответствующее *объективным законам человеческого духа или человеческого естества*.

Это и есть *естественное право*. А переживание его чувством, волею, воображением и мыслью — составляет *естественное правосознание*.

У многих людей (может быть, у большинства) естественное правосознание просыпается обыкновенно лишь в случае явно-возмутительного содержания положительного права.

Но внутренней культурой — можно взрастить, укрепить и углубить в себе естественное правосознание так, что оно будет *всегда* бодрствовать и направлять жизнь и поступки человека.

Тогда мы будем иметь что-то вроде *правовой совести* — с богатым содержанием, с творческой положительной установкой, с чуткостью реакции и с силой волевого мотивирования.

Тогда естественное правосознание явится живою основой положительного правосознания — пропитает его, очистит, осмыслит и поведет.

А носитель его — даст живой облик государственно-политического праведника и мудреца (например, Конфуций, Сократ).

И вот это естественное правосознание и обнаруживает свою органическую связь с настоящей религиозностью.

А теперь перейдем к исследованию по существу¹⁶⁰.

ПИСЬМО И. А. ИЛЬИНА Н. С. АРСЕНЬЕВУ ¹⁶¹

Дорогой Николай Сергеевич!

Посылаю Вам при сем два проспекта — о «тоне» и об «идейном замысле» сборника. Всех статей намечено 27; на каждую отведено 16 страниц — 35.000 букв (100 здешних монет гонорируют лист в 16 страниц). Срок представления статьи 1 июля, не позднее никак 1 августа. Гонорар будет высылаться немедленно по представлении статьи.

Я думаю, что в содержании Вашей статьи «Религия и Церковь» нужно непременно привести 1) цифры убитых епископов и священников 2) ссылки и заточения 3) особенно подчеркнуть, что Россия богата, как никогда, священномученичеством и что гонения только укрепят веру. Во всем остальном пишите пожалуйста так, как Вас вдохновит, и думаю, что здешний доклад Ваш, произведший столь большое впечатление, уже преуказал, что нужно.

Книгу Вашу «Russische Literatur» получил и очень Вас благодарю. Я ее не только прочел, но прочел очень внимательно, от доски до доски. Она производит в целом прекрасное, благородное и тонкое впечатление. Индуктивная зоркость, чистота и точность критических замечаний нередко просто радует душу. Определенность и чет-

кость в критике «болота» превосходны. Очень полезны указатели. В общем, Вы сделали превосходное дело.

Разрешите критические замечания:

1) Художественный критерий оценки неопределен и иногда просто заменяется религиозно-национальным. Эстетическая подпочва оценок не выработана.

2) В вопросе мироотвержения; в отношении к культуре и собственности я расхожусь с Вами. У Вас христианство по крайней мере наполовину осталось с Афинагором и Тертуллианом и последовательное, или хотя бы искреннее «презрение к миру» — Вы считаете явлением *положительным* (отсюда, например, на стр. 65 и 68 упрости́тельный нигилизм Льва Толстого является его «заслугой», да еще «незабвенной»). Прочтя Вашу книгу, я понял, почему Вы не захотели прочесть в Р<усском> К<олоколе> мою статью «О приятии мира» и почему Вы трактовали мою лекцию в Кенигсберге как дело «экзотерически-демагогическое».

3) В оценке Бердяева многое непонятно и удивительно; — например, «*grosse Leichtigkeit und Gewandheit der Darstellung*»¹⁶² — Бердяев *славится* своею тяжеловесною неудобочитаемостью, топчущийся медведь; его философия «*weniger wuchtig*»¹⁶³, чем философия Достоевского... Это звучит *потрясающе*. Укоряю Вас за *это* и за другие сопоставления и положительные оценки: у Вас совсем не блюдетс_я *духовная Rangordnung*¹⁶⁴. *Немыслимо* сопоставлять, например, Вышеславцева и Шопенгауэра, Сувчинского и Гегеля, Зеньковского и Платона, *Бердяева и Достоевского*. (Вы делаете только последнее, но оно подобно первым трем примерам.) К сожалению, и Бердяев мог *налясть* на Достоевского целую книжку — ибо гений дело публичное, и еще Сквозник-Дмухановский замечал, что к памятнику натаскивают возы мусора. Но как можно сравнить *мусор с монументом*?!

4) К сожалению, «оргиасты» перверзничали *нисколько* не менее *in Praxis, als in Theorie*!¹⁶⁵ Факт. Стр. 244.

5) Если Блок — *глубок*, то кто же плосок и пошл?! Если он *велик* — то стоит ли великим поэтам вообще родиться?! — Страницы 269—273 и отдельные замечания на стр. 275, 276, 278 — почти *берут назад* всю катартическую работу предшествующих страниц о Мережковском и Белом...

6) Величие Гумилевской лирики?! В чем оно?! Безвкусный, натянутый, вымученный стихослагатель — именно школа Брюсова.

7) Оценка Бунина представляется мне сплошь *просто неверной* и предметно несоответствующей.

8) Как можно *гениального* Шмелева трактовать где-то между прочим, а красочного пустомелю А. Н. Толстого ставить на *второе* место после безбожного и *духовно-тупого* Бунина. Неужели сочная яркость *внешних* рисунков делает писателя художником?!

9) Многократное и серьезное трактование «младороссов» есть увы — проявление амикального nepoтизма¹⁶⁶; здесь нет *духовного чувства меры* и справедливости. С грустью думаю, что и упоминания обо мне грешном — тоже, очевидно, амикальный nepoтизм...

Очень хороши критические замечания о Вл. Соловьеве (стр. 214—216). Превосходно о Мережковском и Белом. Очень интересны главы о новой сов. литературе. Характеристика Алданова зато убила меня: холодный выдумщик, эмпирический нагромождатель школы Мережковского, мертвый до костей, абсолютно антинациональный, ничего не любящий, но по-еврейски марающий русское — «Meister des russ. hist. Romans»¹⁶⁷.

Простите мне — все эти нападки. Но я не могу не сказать, что Ваши суждения часто разительны в «*нет*» и столь же часто не убеждают в «*да*».

Еще раз — не браните меня. Но Вы сами спровоцировали весь сей отзыв. Прекрасная книга, иногда вызывающая протест и гнев... когда *хвалит*.

Душевно Вас люблю, чту и обнимаю.

Ваш И. Ильин.

1929. V. 16

Berlin-Westend. Baden-Allee. 1. Bei Heinitz.

Еще одно: я не знаю, откуда у Вас биографические сведения об Анне Ахматовой (этой тоже «*великой*» поэтессе); но у меня сведения иные: любовников она меняла, как чулки; и уже в 1922 году (до моего отъезда), т. е. через год после убийства Гумилева, вышла замуж за *величайшего пошляка и коммуниста* Артура Лурье, еврея (я его лично знаю). Неужели это от религиозного просветления и умудрения?!

КОММЕНТАРИИ

В настоящий том включены 9 номеров «Русского Колокола. Журнала волевой идеи», который редактировался и издавался И. А. Ильиным с 1927 по 1930 год, а также подготовительные материалы к журналу из Архива И. А. Ильина (с 2006 года находящегося в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, в настоящее время Архив находится в обработке), никогда ранее не публиковавшиеся.

Ильин задумал свой журнал после того, как прекратил сотрудничество с газетой «Возрождение» в знак протеста против смещения ее главного редактора П. Б. Струве. Спонсором первого номера журнала был некий Николай Громов, только что вернувшийся из Советской России. Дальше журналу оказали финансовую поддержку супруги Крамарж, композитор Сергей Рахманинов и многие другие. Однако средств хватило только на 9 номеров; 10-й номер был задуман, но не собран, что, собственно, и явилось концом данного предприятия Ильина.

Выход в свет первого и последующих номеров журнала сопровождался многочисленными отзывами, как положительными, так и отрицательными. Все они представляют сегодня большой интерес, но включить их в настоящий том не представляется возможным по причине ограниченности объема. Отметим только их лучшие и характерные страницы, а также имена авторов. Положительные отзывы прислали Ильину митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Евлогий (Георгиевский), архиепископ Анастасий (Грибановский), великий князь Николай Николаевич, белые генералы А. П. Кутепов, А. М. Драгомиров, Н. Ф. Эрн, руководитель правительственного уполномоченного по делам русских беженцев в Сербии С. Н. Палеолог, генерал-лейтенант, атаман Кубанского казачьего войска А. П. Филимонов, офицер Белой армии К. К. Смирнов, писатель И. С. Шмелев, предприниматель Н. Громов, деятель Лиги Обера Ю. И. Лодыженский, директриса Мариинского женского института в Сербии Н. Н. Луконина и другие. Положительные рецен-

зии опубликовали парижские газеты «Возрождение» (И. С. Шмелев, Н. Н. Чебышев, В. Л.), «Россия и славянство» (Sol) и «Россия» (П. Б. Струве, К. Зайцев), белградская газета «Новое время» (М. А. Суворин, В. Даватц, Н. Рыбинский, Старожил, В. К.), рижская газета «Слово» (Н. Кедров, Н. Русин, С., Р. Зиле), харбинская газета «Русское слово» (А. А. Грызлов), тяньцзиньская газета «Наш путь». Отрицательные отзывы опубликовали берлинская газета «Руль» (Ю. И. Айхенвальд), брюссельский журнал «Независимый» (И. Наживин), харбинская газета «Гун-Бао» (О. Штерн).

Общим замечанием для всех отзывов было то, что вдохновителем и главным исполнителем «Русского Колокола» является сам И. А. Ильин, а его соратники и авторы журнала только удачно его дополняют. Второе, что это была политическая, экономическая и нравственная программа грядущей России — программа ее духовного и национального возрождения. Третье, что характерный компонент журнала — это «волевая идея», т. е. волевой компонент.

Из всех отзывов приведем два: один положительный В. Даватца в «Новом времени» и другой отрицательный Ю. Айхенвальда в «Руле» (см. ниже коммент. 3 наст. изд.). Отзыв Даватца ценен еще тем, что автор знал Ильина по студенческим годам и приводит редкие воспоминания об авторе «Русского Колокола». Отзыв Ю. Айхенвальда характерен неприятием идей Ильина определенным слоем читателей.

«В. Даватц

«РУССКИЙ КОЛОКОЛ»

Журнал проф. И. А. Ильина, выхода в свет которого мы давно ждали, — наконец, появился.

Белая книжка — «журнал волевой идеи» — лежит у меня на столе.

Я намеренно говорю о «журнале Ильина»: он настолько проникнут единым устремлением, настолько тесно сплетен с личностью редактора, — что, думается мне, если журналу суждено будет долго жить, то привьется не его официальное название, а более интимное: «Журнал Ильина».

Автора журнала (да позволено мне будет так выразиться) я знаю давно, с тех пор, как сравнительно молодыми людьми, оба молодые ученые, — мы вместе бродили по старому Геттингену. С ним можно было говорить всю ночь: он умел всегда схватывать какую-либо мысль и, как это делает опытный гранильщик, гранить ее до той поры, пока на месте аморфного куска не появится настоящий брилл-

лиант. У него не было поверхностного блеска: в суждениях его была глубинная законченность. И законченность эта особенно поражала тем, что чувствовался научный опыт говорящего, для которого различные философские системы и категории были привычным и легким делом: но когда говорил он, то куда-то прятались одежды его ученой мантии, — и выступал простой человек, ищущий и переживающий, умевший не только беседовать с профаном, но умевший и из него извлечь блестящие мысли для своей умственной копилки.

Ильина учили книги, профессора и... самые обыкновенные смертные.

Прошли года. Московский университет присудил ему степень доктора за его магистерскую диссертацию. Во время войны Ильин совершил турне по России, вместе с покойным кн. Евгением Трубецким, — и лекции его были тоже необычны. В них напрасно было искать того легкого квасного патриотизма, который, увы, был тогда в моде. Ильин умел ставить тяжелые вопросы и давать категорические ответы. И ответ был один: надо принять выпавшую тяжесть войны и довести ее не до “победного конца”, как говорилось тогда, а до окончательной победы человеческого духа. “Крест на св. Софии”, о котором мечтал кн. Е. Трубецкой, — это было слишком мало для Ильина: в вопросе войны он был духовным максималистом. Он искал креста над всей Землей Русской, креста, который осветил и освятил бы всю русскую жизнь...

Я не удивился, когда он выпустил книгу под названием “Философия как духовное делание”. Философия была для него действием, а действие питало философию.

И когда Красный Хам завладел Россией, — философия-действие Ильина не могла оказаться пассивной. Потом уже узнал я, как философ Ильин стал отважным бойцом, находясь в красном стане, как испытал он аресты чрезвычайек, как безумно рисковал своей жизнью и как, к нашему счастью, оказался в изгнании.

Здесь, в изгнании, он остался тем же, чем был всегда. И потому журнал его трудно рассматривать без ссылки на него самого.

* * *

Слог Ильина простой, настоящий русский, образный, законченный; но из этого не следует, что читать его легко. Я скажу прямо: читать его трудно. Надо останавливаться на каждой фразе; каждая запятая — внутренне необходима. И я опасался бы, что книга не будет иметь того успеха, на который она вправе рассчитывать, если бы у меня не было одного разительного примера: таким же слогом, в

таким же направлением написал Ильин года два тому назад брошюру “Родина и мы”. Брошюра была издана Обществом галлиполийцев — и имела особенный успех. В то время, как книжный рынок претерпевал кризис, брошюра Ильина разошлась почти без остатка, а отзывы о ней (не газетные, но путем обмена частными письмами) говорят, что она до читателя *дошла*.

Поэтому я знаю, что и “Русский Колокол” дойдет до того, к кому он обращается, и зазвучит так, что будет услышан.

* * *

“Вместе с Вольтером и вслед за Вольтером, — говорит Ильин в своей статье “О священном”, — европейское человечество высмеяло и *просмеяло свои святыни*”. Задача человечества — вернуть религиозный смысл его жизни. Такова предпосылка. “Без священного человеку нет жизни на земле, а есть только прозябание, крушение в порочных страстях, унижение и гибель”. От союза людей, нашедших священное, “ясным и спокойным взором узнающих друг друга при первой же встрече” — придет спасение России. И первая задача наша (“Наша государственная задача”) — вернуть Россию на путь воспитания правосознания. “Я утверждаю, — говорит он, — что русское государство рухнуло потому, что временно заколебалось и разложилось русское национальное правосознание”. “Строить государство значит прежде всего и больше всего воспитывать в народе глубокое и сильное правосознание”. Материальные меры для этого акта — “вскармливать правосознание собственностью, справедливым рангом, верной мерою свободы”.

В том же аспекте мысли находится статья И. С. Шмелева “Как нам быть?”, подымающая модный недавно вопрос об “отцах и детях”. С обычным блеском автор оппонирует тем, кто обвиняет “отцов” в том, что они растеряли Россию, потонув в мечтах об “идеалах”. “Не обойдетесь без ‘идеалов’, — говорит И. Шмелев. — Многое придется ответить из ‘идеалов’, выправить и ввести *новые* идеалы... но без идеалов, без окрыления и озарения жизни — ни жить, ни творить *нельзя*”. А раз нельзя жить без “идеалов” — нельзя жить и без интеллигенции: “Ибо правит жизнью не ‘почва’, но ‘сеятели’”, — говорит И. Шмелев.

Не буду пересказывать и лучше отошлю читателя непосредственно к другим интересным статьям: “Мы требуем понимания” (открытое письмо к русской эмиграции), “Бесстрашные люди” (историческая справка Лоллия Львова), двум статьям “О политической работе” и “Как хранить тайну” (“Старого политика”) и весьма

полезным статистическим сведениям о России перед революцией (С. С. Ольденбурга, А. Бунге и И. Ильина) .

Таково содержание этой книжки.

* * *

Журнал заканчивается “Девизами Белого движения”, за подписью самого редактора. Эта маленькая статья способна у многих вызвать скептическую улыбку. Какие “девизы”? Зачем “девизы”? Не придает ли им автор силу волшебных заклинаний, перед которыми должны распахнуться темницы и распасться стены?

Должен сказать, что ни автор, ни я не приписываем магического действия этим девизам. *Но по личному опыту знаю и свидетельствую*, что слово есть реальность, и вспомненное иногда изречение способно дать в трудную минуту совершенно осязаемую помощь.

“Девизы” же, приведенные Ильиным, достойны того, чтобы о них подумать: в них как бы сжатая квинтэссенция содержания книги, конспект, облеченный в тесную и немного торжественную форму.

И для характеристики всего сборника мне хочется привести один из его девизов:

“Моя святыня, мое слово, мое дело”».

Тексты публикуются по указанным журналам, но в современной орфографии. Исключением является слово «большевицкий», которое мы сохраняем с целью передачи характерного колорита того времени. Цитаты из стихотворений приводятся по тексту «Русского Колокола».

¹ «Задание журнала» — печатается по машинописной рукописи, находящейся в Архиве Ильина (кор. 40, п. 4) . Публикуется впервые.

² «Московский сборник» — журнал обер-прокурора Священного Синода К.П. Победоносцева (1827—1907), первое издание журнала 1896 г. Г. Флоровский отмечал характерный выбор Победоносцевым авторов своего журнала: Карлейля, Эрьесона, Гладстона и даже Герберта Спенсера. В.В. Розанов называл «Московский сборник» *грешной книгой* («это грех уныния, безверия, печали...») .

³ Предсказание Ильина не заставило себя долго ждать. Не прошло и полугода, как в берлинской газете «Руль» появился крайне отрицательный отзыв Ю. И. Айхенвальда. Сам этот отзыв характерен и вскрывает природу антагонизма между Ильиным с его соратниками и их принципиальными противниками. Поэтому мы приводим его здесь полностью.

«Русский Колокол»
Журнал волевой идеи. № 1

Только что вышедшая первая книга этого журнала, издаваемого и редактируемого проф. И.А. Ильиным, в большей своей части последним и написана: шесть статей снабжены его подписью, а там, где ее нет, там, где выступает “Старый Политик” и даже “Прибывший оттуда”, тоже чувствуется энергичный и внушительный, стальной стиль И. А. Ильина. Дело не меняется от того, что две из упомянутых шести статей подписаны сверх того еще А. Бунге. Таким образом, перед нами пока — не столько журнал, не столько труд коллективный, сколько единоличное духовное поместье почтенного редактора-издателя. Этой явной печатью определенной личности и объясняются приметы “Русского Колокола”, звучащего громко, звонко, патриотично и... риторично. “Волевая идея” облечена в такую словесную форму, в такую фразеологию, которая меньше всего проста и больше всего приподнята и напыщенна. Этот холодный пафос в читателе горячности не вызывает. Даже неприятно и неловко становится, что те высокие религиозные, национальные и государственные ценности, на защиту которых “Колокол” так желанно поднял свой призывный звон, нашли себе *подобное* прославление, благовест *подобного* тона. Высокое не высокопарно; высокого не надо приподымать. Иначе убедительность проповеди не возрастает, а наоборот, слабеет. В связи с отмеченной особенностью журнала его изложение выдержано в тонах дидактических и слишком общих. Конкретное надо извлекать здесь из абстрактного и места частные отмежевывать от общих мест. Сделав это и услышав наиболее внятное и понятное, что идет с высот новой колокольни, мы с удовлетворением узнаем следующее: грядущая Россия, освященная и очищенная, рисуется “Колоколу” *не* как восстановленная в своих дореволюционных порядках, — “мы желаем... чтобы она была избавлена от нового, повального, имущественного передела, и, следовательно, от новой гражданской войны”. Точно так же успокоенно приемлешь заявление: “ни к кому из русских людей, *любящих Россию, как свою родину*, мы не питаем злобы, ни мстительных чувств”. Но уже только безусловных единомышленников И.А. Ильина удовлетворит его утверждение, что идея священной России “зовет нас воспитывать в себе” именно “монархические устои правосознания”. Привлекателен возвышенный дух журнала, вызов материализму с его “короткими целями», сильны строки о том, что “вместе с Вольтером и вслед за Вольтером европейское человечество высмеяло и *просмеяло свои святыни*”; но идеализм не должен вырождаться в идеализацию; а она,

слашавая, характеризует “Русский Колокол” — там, например, где о русском народе говорится, что у него “благодарная и благородная, но детская душа”, что “наш простой народ как дитя доверчив, как дитя поддается дурным влияниям, как дитя буянит”. Неприятна игра стилистики в предлагаемом изобильном запасе, в подборе “девизов Белого движения”; бесспорно, они все героичны и благородны, — но вот это обилие, это перепроизводство благородства как раз и смущает, тем более, что и весь журнал вообще страдает в этом отношении каким-то отсутствием стыдливости, душевной нецеломудренностью, т. е. он слишком охотно, много и открыто говорит о самом святом и заветном. Его страницы словно пропитаны добродетелью, моралью, религией. Между тем гораздо большее впечатление производит “Русский Колокол” не этим и не своим теоретико-патетическим осуждением революции, социализма, коммунизма, а теми прослойками фактов и сведений, которые вкраплены в его хотя и патриотическую, но одноцветную и отвлеченную ткань. Так, хотя и в статье И. С. Шмелева “Как нам быть?” немало этого суммарного и безответственного патриотизма (история России, оказывается, не простая, а «как бы *священная* история, совершенно особенная, чем история других европейских народов, *вторая священная история*»), но все же размышления автора искупает и над ними возвышается реальный образ его корреспондента — человека, принесшего себя в жертву России, одного из тех, кто теперь “у чужой притолки слонится”; боец этот и мученик семь лет сражался, у него дважды пробита грудь, отца его, скромного педагога, расстреляли, мать у него от голода и горя умерла, брат, забранный в красную армию, застрелился, без вести пропали сестры, загублена невестка; сам он работает под землей, в Болгарии, бьет киркою в черную стену шахты, “бьется незадачливо головой в душные угольные стены”, каторжно трудится из-за горсти бобов — и все-таки духовно живет верой в Россию, в светлую, белую Россию... Такой образ и такая биография насколько же красноречивее красноречивых тирад “Колокола”!.. Тоже фактической и бодрящей правдой ценны (особенно для малоосведомленных в новейшей истории нашего отечества) приводимые гг. Ольденбургом, Бунге и Ильиным данные о России перед революцией, о русской территории 1914—1927 гг., о населении России в 1897—1914—1927 гг. Такой же положительный характер имеет и историческая справка Лоллия Львова о “бесстрашных людях” XVII столетия.

В общем, слишком пространный для прокламации, слишком туманный для программы, первый номер “Русского Колокола” дает

больше пышной словесности, чем политической осязательности; и такой набат никак не может достигнуть своей благой цели. Именно о России, именно о защите России следовало бы говорить более по-русски, т. е. не нажимая <на> педали, а просто, задушевно и тепло.

Ю. А.»

Антагонизм Айхенвальда и Ильина заключается в том, что, по афористическому выражению Романа Гуля, Ильин и русские не хотят смотреть на мир «глазами евреев», а Айхенвальд и евреи не желают смотреть на Россию, русский народ и на весь мир «глазами русских». Это «так обстоит», как мог бы сказать Ильин.

См. также его заметку «Об антисемитизме» в Приложении к этому тому.

⁴ См. статью Ильина «Правда о масонстве» в Приложении к этому тому и статьи о «Православии и католичестве»// *Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 383—395.*

⁵ См. статью Ильина «О рыцарском духе» (с. 473—478 настоящего издания).

⁶ В Архиве И. А. Ильина имеется документ (кор. 63, п. 1) со следующими пометками: «Программное досье “Русского Колокола” с пометками генерала П.Н. Врангеля († 1928 г. 25 апреля). Пометки сделаны в Брюсселе 1927 г. 3—6 июля до выхода № 1 журнала».

Далее сбоку помечено: «Досье составлено в Берлине в мае—июне 1927 г. без предварительных с ним сношений».

Здесь печатается текст по этому первому машинописному экземпляру. Публикуется впервые.

⁷ Сбоку этот абзац на полях подчеркнут Врангелем и помечено: «Так».

⁸ Это слово Врангель подчеркнул.

⁹ Имеется в виду Феофан (в миру Василий Дмитриевич Быстров, 1874—1940) — архиепископ Полтавский, ректор Петербургской духовной академии, с 1920 г. вместе с другими русскими иерархами оказался в Константинополе, где вел активную церковную политику, выступая против ложного учения митрополита Антония (Храповицкого) о догмате Искупления и против софианства о. Сергия Булгакова. Ильин упоминает его в связи с Распутиным, так как, будучи духовником царской семьи, владыка Феофан по просьбе императрицы съездил в Сибирь, чтобы самому узнать о прошлом Григория Распутина. Результаты его поездки не выявили ничего порочного. Считается, что благорасположение к Распутину тогда еще архиман-

дрита Феофана, как и епископа Саратовского Гермогена и епископа Сергия (Страгородского), способствовало сближению знаменитого сибирского старца с царской семьей. Однако уже в 1911 г. епископ Феофан высказал императрице свои критические замечания о поведении Распутина, что стоило ему места в столице. Тем не менее при Временном правительстве 1917 г. он, как духовник государыни, объективно свидетельствовал в специальной Чрезвычайной комиссии как о «нравственно чистых и безукоризненных отношениях» между Распутиным и императрицей, у которой «все ее отношения сложились и поддерживались только тем, что Григорий Ефимович буквально спасал от смерти своими молитвами жизнь горячо любимого сына Николая, цесаревича, в то время как современная научная медицина была бессильна помочь» (см. подробнее: *Бэттс Ричард (Фома), Марченко Вячеслав*. Духовник Царской Семьи. Свяtitель Феофан Полтавский. Новый Затворник. М., 1996).

¹⁰ 4-й пункт отмечен Врангелем на полях: «Так», а последнее предложение им подчеркнуто.

¹¹ Последнее предложение отмечено Врангелем: «Так».

¹² *Сенсуализм* (фр. *sensualisme*, от лат. *sensus* — восприятие, чувство, ощущение) — направление в теории познания, согласно которому чувственность является главной формой достоверного познания.

¹³ Это предложение подчеркнуто Врангелем.

¹⁴ Сбоку этот абзац на полях подчеркнут Врангелем и помечено: «Так».

¹⁵ Сбоку этот абзац на полях подчеркнут Врангелем и помечено: «Так».

¹⁶ Здесь Врангель предлагает сделать следующую вставку: «Строителями государства, полководцами, ибо и то и другое есть проявление духа и искусства».

¹⁷ Эти четыре слова Врангель подчеркнул.

¹⁸ Слова в скобках Врангель подчеркнул. См. также раздел «Черносотенство» в Приложении к этому тому (с. 807–810).

¹⁹ Слова в скобках Врангель подчеркнул.

²⁰ Слова в скобках Врангель подчеркнул.

²¹ Слова в скобках Врангель подчеркнул. На полях к этому разделу Врангель написал: «Верно!»

²² На полях к этому разделу Врангель написал: «Великолепно!»

²³ От двоеточия все слова подчеркнуты Врангелем.

²⁴ На полях к этому разделу Врангель написал: «Да».

²⁵ От двоеточия все слова подчеркнуты Врангелем, а на полях его замечание: «Это особенно существенно».

²⁶ Психология «свободных рук» — калька с английского и немецкого языков: to have (give) somebody a free hand и jemandem freie Hand lassen — иметь (давать) полную свободу действий, предоставлять кому-либо свободу действий, по-другому: разрешать поступать без совета других. Здесь Ильин подчеркивает, что во время войны солдаты связаны приказом командиров и у них естественно вырабатывается психология «несвободных рук»; интересно, что психология «несвободных рук», или «повязанных рук», может долго сохраняться в той или иной стране, когда самые пустяшные вопросы не решаются без согласия или вмешательства власти, вплоть до президента.

²⁷ На полях пометка Врангеля: «Верно». Великая война — это Первая мировая война.

²⁸ *fac simile* (лат. сделай подобное) — точное воспроизведение графического оригинала.

²⁹ На полях пометка Врангеля: «Да».

³⁰ *Акциденция* (лат. *accidentia* — случай, случайность) — философский термин, означающий случайное, несущественное в противоположность субстанциальному, или существенному.

³¹ Ко всем этим пунктам пометка Врангеля на полях: «Превосходно».

³² Четвертый пункт подчеркнут Врангелем. На полях пометка Врангеля: «Но одновременно свобода *иностранному капиталу*, без чего не поднять <нрзб.> благосостояние страны».

³³ Срв. ильинскую статью о Столыпине (см. *Ильин И. А.* Государственное дело Столыпина // *Возрождение*. Париж, 1926. 26 сент. № 481. С. 2—3).

³⁴ На полях к этому разделу пометка Врангеля: «Это те начала, кои ставились мною в основу «Земледельческого приказа».

³⁵ Имеется в виду Русский общевоинский союз (РОВС), возглавляемый генералом П. Н. Врангелем.

³⁶ На полях пометка Врангеля: «Прекрасно».

³⁷ На полях пометка Врангеля: «Да».

³⁸ «*Русские Соколы*» — молодежная национально-патриотическая организация русского зарубежья.

³⁹ На полях пометка Врангеля: «Превосходно».

⁴⁰ Врангель предложил свою сноску: «Идея — долга служения Родине».

⁴¹ *Дортуар* (от фр. *dortoir*) — общая спальня для учащихся в закрытых учебных заведениях.

⁴² Последнее предложение Врангель подчеркнул, а на полях написал: «Верно».

⁴³ Последние два предложения Врангель подчеркнул, а на полях написал: «Прекрасно».

⁴⁴ На полях к этому разделу Врангель написал: «Очень хорошо!»

⁴⁵ *Суггерируемая* (от лат. *suggere*) — наносить, доставлять, давать, внушать, советовать.

⁴⁶ Здесь Врангель предлагает добавить: «Но не “свобода слова” так, как она понимается ныне».

⁴⁷ Аболиция (лат. *abolition*) — уничтожение, отмена.

⁴⁸ *Какистократия* — власть худших.

⁴⁹ Последнюю фразу Врангель подчеркнул, а на полях написал: «Да».

⁵⁰ Врангель подчеркнул слова «отца», матери», «братства», «предков», «потомков» и написал на полях: «Превосходно».

⁵¹ *Фундированность* (от лат. *fundo*) — обосновывать, закладывать, утверждать.

⁵² Последнюю фразу Врангель подчеркнул, а на полях написал: «Да».

⁵³ На полях к этому разделу Врангель написал: «Отлично».

⁵⁴ Фразу в скобках Ильин вставил от руки во втором экземпляре этой рукописи.

⁵⁵ Это предложение подчеркнуто Врангелем, а на полях написано: «Да».

⁵⁶ Так случилось в России в октябре 1917 г.

⁵⁷ Так случилось в Италии в 1919 г. и в Германии в январе 1933 г. Гитлер был последовательным и принципиальным критиком парламентаризма и указывал на его слабые стороны.

⁵⁸ Так случилось в Англии в 1640 г., когда король Карл I созвал Долгий парламент, который фактически стал законодательным органом начавшейся Английской буржуазной революции, позже (1653) разогнанный диктатором Кромвелем. Во Франции Генеральные Штаты, объявившие себя в 1789 г. Национальным собранием, фактически инициировали Великую Французскую революцию. Они же, преобразованные в Конвент ярыми революционерами, были упразднены диктатором Наполеоном. Распад СССР в эпоху М.С. Горбачева начался с созыва Съезда народных депутатов, развалившего страну в 1991 г. и бесславно распущенного самим же первым президентом СССР.

⁵⁹ В 1925 г. Ильин опубликовал в парижской газете «Возрождение» 9 писем о фашизме, в которых он как корреспондент газеты в Италии описывал события того времени.

⁶⁰ На полях к этому разделу пометка Врангеля: «Верно!»

⁶¹ *beati possidentes* (лат.) — богатые владельцы.

⁶² *Пауперизм* (от *лат.* *pauper* — бедный) — нищета трудящихся.

⁶³ На полях к этому разделу пометка Врангеля: «Превосходно».

⁶⁴ Это предложение подчеркнуто Врангелем, а на полях написано: «Да».

⁶⁵ На полях к этому разделу пометка Врангеля: «Верно».

Здесь уместно упомянуть исследование И. Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории», главная идея которой проста: социализм есть древний соблазн человечества, но он *всегда* приводит к *смерти*. Следующая цитата из книги о. Александра Шмемана является краткой выжимкой таких выводов: «Социализм ничего не *возделывает*. Он статичен, как статична смерть; он смертоносен. Все раз и навсегда “распределять” между всеми и уравнивать в этом “счастье”. Ни цели, ни риска, ни — в сущности — труда, т. е. всего того, что заложено в самой природе человека. Сплошная “гарантия”. Нет, это уже не карикатура, не извращение. Это коллективная смерть. Социализм — это принятие падшего мира, неведение его как падшего. Это смертоносная зараза. Это ответ Антихриста — Богу...» (*Прот. Александр Шмеман. Дневники: 1973–1983. М.: Русский путь, 2007. С. 594.*)

⁶⁶ Последнее предложение подчеркнуто Врангелем, а на полях написано: «Прекрасно».

⁶⁷ На полях к этому разделу пометка Врангеля: «Да».

⁶⁸ Так в тексте. Возможно, должно быть — «грезы».

⁶⁹ *Адамант* — алмаз, бриллиант.

⁷⁰ Предсказание Ильина сбылось в 1991 г.

⁷¹ Эта фраза впервые появилась в брошюре Ильина «Духовный смысл войны» в 1915 г. Она повторяется во многих его произведениях.

⁷² *Галлиполи* — полуостров в европейской части Турции, куда в основном эвакуировались из Крыма белогвардейские войска генерала Врангеля.

⁷³ Из письма Пушкина к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. Письмо написано по-французски. См.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1979. Т. 10. С. 465.*

⁷⁴ Имеется в виду знаменитая книга И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (1925).

⁷⁵ *Рамо* (*церк.-слав.*) — плечо.

⁷⁶ *Кифа* — имя ап. Петра, данное ему Христом, служащее символом твердости веры его в Христа и твердости характера, оправдавшееся впоследствии жизнью ап. Петра. Слово это сирское, по-*греч.* — Петр, по *слав.* — камень.

⁷⁷ *Черная интеллигенция* — здесь: черносотенная интеллигенция, по-другому: интеллигенция национально-мстительной правизны.

⁷⁸ *Номады* (от *греч.* *nomas*, род. п. *nomados* — кочующий) — кочевники. Номадизм — образ жизни скотоводов, зародившийся в конце II — начале I тыс. до н. э.

⁷⁹ *Прибывший оттуда* — псевдоним Ильина.

⁸⁰ *Львов* Лоллий Иванович (1888—1967) — поэт, журналист, литературный критик, неизменный сотрудник всех изданий П. Б. Струве.

⁸¹ *Старый Политик* — псевдоним Ильина.

⁸² *Ольденбург* Сергей Сергеевич (1888—1940) — русский историк, журналист, сражался в рядах Белой армии против большевиков, эмигрант. Главные его труды: «Переворот большевиков», «Ленин и большевистская революция» и известная двухтомная монография «Царствование императора Николая II».

⁸³ *Невступно* — здесь: поменьше.

⁸⁴ *Бунге* Андрей Иванович (?—1943) — старейший сотрудник берлинской газеты «Новое слово», белградской газеты «Новое время», автор парижской газеты «Возрождение». В 1927 г. вышел вместе с Ильиным из «Возрождения» в знак протеста против снятия главного редактора П. Б. Струве.

⁸⁵ *Палеоазиаты* — термин, введенный в середине XIX в. для наименования группы малочисленных народов Северной и Северо-Восточной Сибири: чукчей, коряков, ительменов, юкагиров, нивхов, кетов, эскимосов и других. Палео — от *греч.* *palaios* — древний.

⁸⁶ Каноническое объединение Русской Православной Церкви Московского патриархата и Русской Зарубежной Церкви произошло 17 мая 2007 г. в праздник Вознесения Господня. Тем самым жизнь подтвердила верность этих предвидений и предсказаний.

⁸⁷ *Бах* Генрих Генрихович (1881—?) — чиновник российского МИДа, делегат на Зарубежном съезде от бывших служащих МИДа, проживавших во Франции.

⁸⁸ Имеются в виду московские идеологи «теории Третьего Рима», последователи русского писателя XVI в. старца Филофея, монаха Псковского Елизарова монастыря, сторонника иосифлян.

Поскольку нигде в работах самого Ильина термин «Москва — Третий Рим» не встречается, здесь уместно дать комментарий, частично объясняющий этот феномен.

Георгий Флоровский в своих «Путиях русского богословия» отмечает два аспекта этого исторического явления: «Это была именно эсхатологическая теория, и у самого старца Филофея она строго выдержана в эсхатологических тонах. “Яко два Рима падоша, а третий стоит, а

четвертому не быть”... Схема взята привычная из византийской апокалиптики: смена царств или, вернее, образ странствующего Царства, — Царство или Град в странствии и скитании, пока не придет час бежать в пустыню... В этой схеме два аспекта: минор и мажор, апокалиптика и хилиазм. В русском восприятии первичным и основным был именно апокалиптический минор. Образ Третьего Рима обозначается на фоне надвигающегося конца — “посеем чаем царства, ему же несть конца”. И Филофей напоминает апостольское предостережение: “придет же день Господень, яко тать в нощи”... Чувствуется сокращение исторического времени, упроченность исторической перспективы. Если Москва есть Третий Рим, то и последний, — то есть: наступила последняя эпоха, последнее земное “царство”, конец приближается. “Твое христианское царство и немое не останется”. С тем большим смирением и с “великим опасением” подобает блюсти и хранить чистоту веры и творить заповеди. В послании великому князю Филофей именно предостерегает и даже грозит, но не славословит. Только уже вторично апокалиптическая схема была использована и перетолкована официальными книжниками в панегирическом смысле. И тогда превращается в своеобразную теорию официозного хилиазма. Если забыть о Втором Пришествии, тогда уже совсем иное означает утверждение, что все православные царства сошлись и совместились в Москве, так что Московский Царь есть последний и единственный, а потому всемирный Царь. Во всяком случае, даже и в первоначальной схеме Третий Рим *заменяет*, а не продолжает Второй. Задача не в том, чтобы продолжить и сохранить непрерывность византийских традиций, но в том, чтобы *заменить* или как то *повторить* Византию, — построить *новый* Рим *взамен* прежнего, павшего и падшего, на убылом месте. “Московские цари хотели быть наследниками византийских императоров, не выступая из Москвы и не вступая в Константинополь” (Каптерев)... В объяснение падения Второго Рима говорится обычно о насилии агарян, — и “агарянский плен” воспринимается, как постоянная опасность для чистоты греческой веры, откуда и эта острая настороженность и недоверчивость в обращении с греками, живущими “во области безбожных турок поганского царя”... Так происходит сужение православного кругозора. И уже недалеко и до полного перерыва самой традиции, до забвения и о греческой старине, то есть об отеческом прошлом. Возникает опасность заслонить и подменить вселенское церковно-историческое предание преданием местным и национальным, — замкнуться в случайных пределах своей поместной национальной памяти. Влад. Соловьев удачно называл это “протестантизмом местного предания”. Конечно, не все так рассуждали, и подобные выводы были сделаны не сразу, —

скорее уже только позже, к середине XVI века. Но очень показательно, что при этом ведь доходило до полного исключения и отрицания греческого посредства и в прошлом, — ведь именно в этом весь смысл сказания о проповеди апостола Андрея на Руси, как оно повторялось и применялось в XVI веке... Во всяком случае — постепенно и довольно быстро не только падает авторитет Византии, но и угасает самый интерес к Византии. Решающим было скорее всего именно националистическое самоутверждение» (*Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 11–12).

С этим согласуется и исход борьбы-противостояния между за-волжцами (преп. Нил Сорский) и осифлянами (Геннадий Новгородский, Иосиф Волоцкий) в пользу последних. Сейчас «теория Третьего Рима» переживает в России новый всплеск. Этот *этактический уклон* в русском менталитете еще более накренился. В эту теорию привносится «представление» о Катехоне (Удерживающем), причем роль этого «удерживающего» выпадает на государство, на империю независимо, языческая она или христианская (Римская империя, Российская империя, сталинский СССР, грядущая Русская империя, вся «Русская православная цивилизация»). Ильину всегда было присуще чувство ранга, он это понимал так: «Религия, вера, церковь, потом нация, народ, граждане, и только потом государство, империя, право». Перевернутая пирамида — характерное явление нынешнего патриотического и государственного предпочтения. Этот выбор не только неверен, но естественным образом теряет религиозную глубину, мысленную строгость (по Ильину, «теоретическую совесть»), нравственную чистоту (оправдываются все исторические безобразия своего народа и своей истории). В словесном выражении и оформлении «теории Третьего Рима» это напоминает «народные поделки» или «армейские сувениры». Вот почему ничего подобного нет у Ильина.

⁸⁹ *Lanno* Иван Иванович (1869–1944) — профессор Каунасского университета. С 1905 по 1919 г. профессор Тартуского университета. Известны его работы по истории Литвы.

⁹⁰ Здесь уместна следующая цитата из Хрисанфа: «Прямо Евангелие ничего не говорит о жизни общественной и не касается непосредственно ее устройства: оно выше и шире этой жизни; оно все *дух и жизнь* (Ин. 4, 63) в смысле общих духовных начал, которыми оно проникнуто. Основатель христианства открыто возвещает, что учение Его, как и Он сам, не от мира. И в этом отношении христианская религия есть единственная из религий, вполне отрешенная от временных, случайных и изменчивых форм жизни, единственная

религия в собственном смысле слова; потому что только религия не знает ничего, что вне ее задачи и целей; тогда как все древние и исторически известные религиозные учения представляли собою в большей или меньшей степени смешение элемента религиозного с научным или общественным, указывали и предписывали известные частные формы социального быта, сообщали правила для внешней, обыденной жизни. Это также факт, возвышающий Евангелие над всеми известными религиозными учениями и свидетельствующий о том, что евангельская истина выше всего того, что касается бытия преходящего и обусловленного временем и пространством. Но по тому самому, что христианское учение стоит выше временных форм жизни, по тому самому, что оно указывает основные, духовные начала жизни, требует обновления духа и сердца в человеке и дает средства для этого нравственного перерождения, оно не может не касаться и земного быта человеческих обществ. Не было религии, которая бы так отрицала всякую связь свою с формами и целями общественной жизни, и вместе с тем не было и нет религии, которая бы так широко и глубоко, так постоянно и неизменно влияла на устройство временной жизни человека и человеческих обществ. Основатель христианства не заявлял о Себе, что Он призван быть преобразователем общественной жизни народов, напротив, устранял все, что могло вести к мысли об этом; а между тем Его учение произвело всемирный переворот в человеческой истории и отделило историю древнего мира от новой, христианской истории неизгладимыми чертами. Так и должно было быть. Новые и всеобщие нравственные начала, вместе с обновлением духовных сил человека, не могли не оживотворить и не обновить внешнего быта человеческих обществ. Высокое достоинство человека, созданного для жизни вечной, открыто и осязательно засвидетельствованное чудом воскресения Христова, высокий и беспредельный идеал жизни, так ясно указанный новой религией, нравственное начало любви и самоотвержения — вот те животворные силы, которые принесла с собою миру новая религия и которые не могли не отразить своего влияния и на гражданской жизни народов. Евангелие не имело целию сообщать человеку знание в строгом смысле слова, то есть в смысле, отличном от понятия о религиозном знании или вере. Если ветхозаветная религия в противоположность другим древним религиям мало касалась или почти вовсе не касалась вопросов о небе и о земле в значении физическом или естествознательном, то тоже еще более решительно нужно сказать о Евангелии. Оно проповедует нам о любви к нам Небесного Отца, о нашем грехе и искуплении, о надежде на

жизнь в вечности — и только; все прочее ниже его задачи. Но оно сказало о вечном, не умирающем достоинстве нашего разума, о том, что он есть образ вечного Божественного Слова и что Слово Божие воплотилось и жило с людьми, чтобы научить их вечной истине и возвестить им, что в будущем ожидает их непосредственное видение и познание самой беспредельной истины. Здесь основы и побуждения к тому умственному развитию народов, какое началось со времени явления христианства, и к тому открытию тайн природы и господству человека над нею, которое, вместе с временем, более и более увеличивается и так изумляет нас самих в последние дни. Так действует разум, освободившийся от уз неразумной природы, которую люди обожали в язычестве, сознавший свое высокое превосходство пред слепыми и бездушными мировыми силами и уверенный в своем вечном достоинстве и в бессмертии своего знания и достояний науки.

Не устанавливает Евангелие и правил для взаимного отношения между людьми; но оно дает общее начало бескорыстной, самоотверженной любви к ближнему, кто бы он ни был, и нравственного равенства и единства между всеми, несмотря на различие полов, состояний и народностей. Во Христе, говорил апостол Павел, нет ни еллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа (Колос. 3, 11), ни раба, ни свободного, ни мужского пола, ни женского, но в Нем все одно (Галл. 3, 28). Идея равенства и свободы людей, высказанная со всею ясностью, не могла не повлиять и на внешний быт человеческих обществ. Равенство это и свобода были чисто духовные, прямо не касавшиеся социального состояния человека; христианин мог быть духовно свободным и был таким, если и оставался во внешнем рабстве. Но нравственное состояние, происшедшая в нем перемена не могли, хотя и не вдруг, не изменять, в большее или меньшее соответствие с ними, и бытового положения людей. Из сферы чисто нравственной и духовной идея свободы естественно переходила и в сферу жизни общественной. Вот почему пал и древний Рим с его старыми началами рабства и подавления человеческой личности государством. А затем вся история христианских народов представляет постепенное и возможное изменение и семейной и общественной жизни по идее нравственно-религиозного равенства и свободы.

Не определяет Евангелие и вообще никаких политических форм жизни, как делала это большая часть древних религий; это было бы также ниже его цели и задачи. Формы политического быта зависят от случайных причин, от территориальных и других условий жизни и исторических обстоятельств, и оттого различно вырабатыва-

ются складом народной жизни; а всеобщая религия не имела дела и не могла иметь его с формами вообще; она давала истину на все времена, указывала на общую норму жизни и притом не внешней, а внутренней, духовной. Она — первая из религий, отделившая элемент религиозный от гражданского, Божие от кесарева, то, что принадлежит небу, от того, что касается земли. Это отделение государственной стихии от религиозной, вполне соответственное с чистою идеей религии, в противоположность смешению общественного с религиозным во всем древнем мире, не исключая и религии евреев, составляет также характеристическую особенность христианства. Но, несмотря на это или по этому самому, не было и нет формы политической жизни, которой бы христианство не осмысляло и не возвышало своими вечными духовными началами братской любви и нравственной свободы; потому что для всех политических форм жизни эти начала одинаково нужны и животворны; потому что благо жизни всех народов зависит от справедливости, от ослабления своекорыстия и от единодушного братского содействия общей пользе. Христианство не отвергло ни одной из бывших политических форм и не определяло новой; но в своих нравственных началах указало единый и для всех народов одинаково необходимый идеал общественных отношений, к которому они должны приближаться сообразно с историческими и другими условиями быта.

Нет прямого слова в Евангелии и о международных отношениях, и — потому же, почему нет речи о народном и кесаревом; но возведенные им нравственные начала определяли собою и то изменение во взаимных отношениях народов, какое неминуемо должно было начаться с явлением христианства и постепенно развиваться по мере проникновения этих начал в жизнь человечества, и какое действительно открылось в последнее время. Богочеловек есть идеал жизни для всех народов без исключения: Он все и во всех; Дух Утешитель есть Дух всеобщей и вечной истины, всеобъемлющий и все исполняющий, Дух единения, общности и любви. А любовь к ближнему не знает национальных разностей, не ограничивается ими. По этой великой идее единства всего человечества и создается жизнь христианских народов, постепенно приближаясь к ее требованию. Велики в этом отношении успехи евангельской идеи в наше время, хотя эгоизм и не исчез еще и едва ли совершенно исчезнет на этой грешной земле. Поразительно и то, как в последнее время, под влиянием христиански просвещенного ума, этому объединению стала служить и сама природа в тех вновь открытых силах, которые так сокращают для нас и время и пространство» (*Епископ Хрисанф*.

Религии древнего мира в их отношении к христианству. СПб., 1878. С. 378–383).

⁹¹ Идея отделения церкви от государства — масонская идея. Она возобладала в большинстве современных государств, за исключением немногих: Израиля, Греции и еще некоторых.

⁹² *Православный* — псевдоним И. А. Ильина.

⁹³ *Вильсон* Томас Вудро (1856–1924) — 28-й президент США (1913–1921), демократ. В 1918 г. выдвинул программу мира «Декларация Вильсона», известную под названием «Четырнадцать пунктов». В нее входили, в частности, «свобода торговли», «свобода морей», урегулирование колониальных вопросов и др., способствовавшие усилению влияния США после окончания Первой мировой войны, в которую США вступили по инициативе Вильсона.

⁹⁴ Так в оригинале; на самом деле было 14 пунктов.

⁹⁵ Упоминается «Комба» — одна из патриотических организаций во Франции.

⁹⁶ «Фоши» — сторонники Фердинанда Фоша (1851–1929), маршала Франции. В Первую мировую войну он командовал армией, в 1917–1918 гг. начальник Генштаба, в 1918 г. верховный главнокомандующий союзными войсками.

⁹⁷ Златовратский Николай Николаевич (1845–1911) — русский писатель, близкий к народничеству.

⁹⁸ Имеется в виду поэт Николай Гумилев (1886–1921).

⁹⁹ *Цуриков* Николай Александрович (1886–1957) — юрист, выпускник Московского университета, с 1919 г. в Добровольческой армии, с 1920 г. в эмиграции, непредвзятый и активист. Публиковался в различных эмигрантских изданиях. Переписывался с Ильиным (письма не опубликованы).

¹⁰⁰ *Гэфдинг* Владимир Федорович (литературный псевдоним Василий Федоров, 1887–1959) — ученик П. Б. Струве, экономист, сотрудник всех изданий Струве. Жил в Берлине, в 1945 г. был арестован. В 1948 г. бежал из тюрьмы в Потсдаме и перебрался в США.

¹⁰¹ *Никольский* Борис Александрович (?–1969) — был финансовым атташе при российском посольстве в Стокгольме, в эмиграции проживал в Женеве, где сотрудничал с Русским трудовым национальным движением, работал в Лиге Наций, друг Ильина, распространял со своей дочерью бюллетени Ильина «Наши задачи».

¹⁰² *Краснов* Петр Николаевич (1869–1947) — генерал-лейтенант, один из самых ярких участников гражданской войны 1917–1921 гг., в 1918 г. атаман Войска Донского и командующий белоказачьей арми-

ей. В 1919 г. эмигрировал в Германию. В 1945 г. был выдан союзниками Сталину, расстрелян в 1947 г.

¹⁰³ Мф. 10,16.

¹⁰⁴ *Ильина* Наталия Николаевна (1882—1963) — супруга И. А. Ильина.

¹⁰⁵ 2 Кор. 6,10: «... нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем».

¹⁰⁶ Мф. 11, 28: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас».

¹⁰⁷ *Леонов* Леонид Максимович (1899—1994) — русский советский писатель.

¹⁰⁸ *Яковлев* Александр Степанович (1886—1953) — русский советский писатель.

¹⁰⁹ *Клычков* Сергей Антонович (1889—1937) — русский поэт, прозаик, переводчик. В 1937 г. арестован по обвинению в принадлежности к «Трудовой крестьянской партии», расстрелян.

¹¹⁰ *Сейфуллина* Лидия Николаевна (1889—1954) — русская советская писательница.

¹¹¹ *Романов* Пантелеймон Сергеевич (1884—1938) — русский советский писатель.

¹¹² *Никандров* (наст. фам. Шевцов) Николай Никандрович (1878—1964) — русский советский писатель.

¹¹³ *Арсеньев* Николай Сергеевич (1888—1977) — богослов, культуролог, историк, писатель. С 1920 г. в эмиграции. Письмо Ильина к нему см. в Приложении к настоящему тому на с. 813—815.

¹¹⁴ *Рябушинский* Владимир Павлович (1873—1955) — до революции 1917 г. промышленник и банкир, в эмиграции друг Ильина.

¹¹⁵ Этот афоризм принадлежит Ильину и впервые появился в его брошюре 1915 г. «Духовный смысл войны».

¹¹⁶ *Sapienti sat!* (лат.) — достаточно мудро.

¹¹⁷ *Косинский В. А.* — специалист по аграрному вопросу в России. Сотрудничал в газете «Возрождение», которую покинул в 1927 г. вместе с Ильиным. Главный труд — «Основные тенденции мобилизации земельной собственности и их социально-хозяйственные факторы» (Прага, 1925).

¹¹⁸ Авторство установить не удалось. Может быть, это был псевдоним Ильина.

¹¹⁹ *Страдник* — батрак, работник, по преимуществу нанимаемый во время страды.

¹²⁰ *Шаррон* Пьер (1541—1603) — французский философ и теолог. В своем сочинении «О мудрости» развивал идеи, близкие к скептицизму М. Монтеня.

¹²¹ Грузинская легенда о Сурамской крепости была гениально экранизирована режиссером Сергеем Параджановым («Легенда о Сурамской крепости», 1984).

¹²² Не установлен.

¹²³ *Головин* Николай Николаевич (1875—1944) — известный генерал, профессор военного дела, бывший академик Генерального штаба в Санкт-Петербурге, руководитель Высших военных курсов в Париже и Белграде, общепризнанный теоретик военной мысли, автор двух капитальных трудов: «Военные усилия России в мировой войне» и «Российская контрреволюция в 1917—1918 гг.», автор парижской газеты «Русский инвалид».

¹²⁴ *Щербатов* Николай Борисович (1862—1943) — князь, в 1916 г. министр внутренних дел, в эмиграции жил в Берлине.

¹²⁵ *Мелких А.* — не установлен.

¹²⁶ *Ненюков Д. В.* — не установлен.

¹²⁷ *Лампе* Алексей Александрович (1885—1967) — генерал-майор Генштаба, в Добровольческой армии с конца 1918 г. В 1920 г. выполнял поручения генерала П. Н. Врангеля в Константинополе. С 1923 г. в Берлине, возглавлял 2-е отделение РОВСа, один из его ближайших и доверенных сотрудников. Друг и соратник И. А. Ильина.

¹²⁸ *Бурже* Поль Шарль Жозеф (1852—1935) — французский писатель. В романе «Ученик» отвергал гуманность разума, противопоставляя ему религиозную мораль.

¹²⁹ *Гауг* Е. М. — псевдоним Екатерины Мироновны Мироновой, последовательницы идей («арийства») Х. С. Чемберлена и Э. К. Метнера.

¹³⁰ Шопенгауэру принадлежит следующее определение музыки: «Музыка — это непосредственное проявление мировой воли».

¹³¹ *Адамович* Борис Викторович (1870—1936) — генерал-лейтенант, участник русско-японской войны, участник Первой мировой войны, с 1919 г. в Добровольческой армии, в 1920 г. директор «Русского кадетского корпуса в Королевстве сербов, хорватов и словенцев» в Белой Церкви. С 1890 г. сотрудничал в ряде военных изданий, в том числе в «Русском инвалиде», «Русской старине», «Разведчике» и др.

¹³² *Пустосвят* — поносительное название такому человеку, который притворяется святым, в самом же деле «злый сосуд», таковы, например, раскольники; иначе: святоша, лицемер.

¹³³ *Дибич-Забалканский* Иван Иванович (1785—1831) — граф, русский генерал-фельдмаршал. В 1813—1814 гг. начальник штаба русско-прусских войск, был близок к императору Александру I, с 1823 г. начальник Главного штаба. Главнокомандующий в русско-турецкую войну.

¹³⁴ *Гурко* Иосиф Владимирович (1828—1901) — русский генерал-фельдмаршал. В русско-турецкую войну во главе передового отряда совершил поход в Забалканье, командовал отрядом гвардии под Плевной. Занял Софию и разбил турок под Филиппополем.

¹³⁵ *Баиов* Алексей Константинович (1871—1935) — военный историк, генерал, сформулировал основы русской национальной военной стратегии и тактики. В эмиграции проживал в Таллинне, где в 1934 г. открыл издательство «Русская книга».

¹³⁶ *Штейфон* Борис Александрович (1881—1945) — генерал-лейтенант Генштаба. Будучи подполковником, возглавлял вместе с генералом фон Лампе летом 1918 г. подпольный добровольческий центр в Харькове, занимался переброской офицеров в Добровольческую армию во время германской оккупации и при Петлюре.

¹³⁷ *Леер* Генрих Антонович (1829—1904) — русский военный теоретик и историк, генерал от инфантерии, академик. Основные труды: «Энциклопедия военных и морских наук» (в 8 томах), «Обзор войн России от Петра Великого до наших дней» (в 4 томах).

¹³⁸ *Носович* Владимир Павлович (1864—?) — юрист, в Белом движении возглавлял Управление внутренних дел; член Организационного комитета по созыву Русского Зарубежного съезда.

¹³⁹ *Шахматов* Мстислав Вячеславович (1888—1943) — историк, юрист. С 1922 г. в эмиграции. В 1926 г. в Праге защитил диссертацию «Опыты по истории древнерусских политических идей».

¹⁴⁰ В Архиве Ильина (кор. 42, п. 4) имеется следующий материал на Ленина: «Ленин — типичный полуинтеллигент-начетчик с авторитарно-дедуктивным мышлением (т. е. дурак), с аффектированной последовательностью.

Неистовство догмы.

Раз навсегда обозленная зависть.

Воля разбойника (аморальность).

Аскетизм подпольщика.

Властолюбие тирана.

Аморальность нигилиста.

Когда люэс мозга развязал ему нервную спазму, он проснулся для непосредственного наблюдения и залепетал о кооперации, электрификации, а до того мыслил параноидически, т. е. живую внешнюю реальность *не* видел, а верил в реальность химер и схем (только выдуманных другими, тогда как настоящий параноик имеет свои личные галлюцинации).

Чеку выдумал, снарядил и пустил в ход он сам и потребовал крови (приставив поляка с католической кровью).

Эмпириокритицизм и Ленин.

История с Плехановым.

Простота жизни в Кремле была не моральным аскетизмом, а эмигрантскою привычкою и жизненным безвкусием. Индукция-дедукция (цинизм ее у Ленина), дедукция (книга о Государстве).

Величайший утилитарист (Троцкий).

Вера Засулич: твердокаменные.

Костоломная политика.

Ленин — основатель, создатель и главный идеолог чеки (он до тех пор требовал крови, пока чека не начала свои дела).

Последние выступления и статьи (признание своих ошибок и вранья).

Откуда фраза о кухарке?

О фразе «грабь награбленное».

Выдвижение как спасение.

Фраза о «заинтересованности».

Фраза — об убежденности и идейности, политика несерьезное дело.

Фраза о пролетарской культуре и неграмотности.

Фраза о рукастых коммунистах при печах.

«Социализм = кооперация + электрификация».

Электрификация — как идея централизации динамики света.

Рассуждения последних годов — наивно-искренней болтливости.

Диагнозы *Paranoiae* (*Lucidum Intervallum*).

Аккумуляция («косая») на единоправителя.

Разговор Вл. Ив. с Лениным и идеализация его.

Dieser geniale Staatsmann.

(*Lehngriesser*).

Опыт своекорыстного инстинкта и мерзавца в человеческой душе, звериное чутье, а не мудрость, гениальности никакой, начало духа, волевой элемент и дедукт. послед.»

¹⁴¹ *Крамарж* Надежда Николаевна (урожденная Хлудова, по первому мужу Абрикосова) (?—1936) — жена первого премьер-министра Чехословакии Карела Петровича Крамаржа (1860—1937), лидера национально-демократической партии, друга национальной России, решительного сторонника «вооруженной борьбы с большевиками». Супруги Крамарж были лично знакомы с Ильиным и финансово поддерживали его издательский проект «Русский Колокол».

¹⁴² Десятый номер журнала не был подготовлен. В Архиве Ильина остался только план номера.

¹⁴³ Архив Ильина. Кор. 40, п. 1.

¹⁴⁴ Книга Ильина вышла под другим названием «Путь духовного обновления». По-видимому, Ильин указывает ее первоначальное название.

¹⁴⁵ Архив Ильина. Кор. 40, п. 1.

¹⁴⁶ Семенов Юлий Федорович (1873—1947) — журналист, редактор парижской газеты «Возрождение». Идеолог Русского национально-го объединения. Входил в масонскую ложу «Астрея». Был казначеем «кавказской» масонской ложи «Золотое руно», члены которой представляли «правое», монархическое крыло русской эмиграции. 30 апреля 1934 г. за антимасонскую деятельность был исключен из ее членов.

¹⁴⁷ Здесь несомненная игра слов. Буквально следует читать: «Достойны ли они Евы», так как Ева означает «жизнь».

¹⁴⁸ Опять-таки игра слов: масон означает «каменщик».

¹⁴⁹ Упомянутая статья не выяснена.

¹⁵⁰ UNHPPA (UNRRA = United Nations Relief and Rehabilitation Administration) — организация, финансировавшаяся США, созданная Рузвельтом для помощи беженцам на освобожденных от немцев территориях. В Европе действовала с 1943 по 1947 г., затем заменена организацией ИРО (IRO — International Refugee Organization). УНРРА и ИРО содержали лагеря «DP» (перемещенных лиц), помогали отъезду беженцев в США, Канаду, Австралию и др. страны.

¹⁵¹ Архив Ильина. Кор. 42, п. 4.

¹⁵² *Qui nimium probat — nihil probat* (лат.) — кто доказывает много, тот ничего не доказывает. Ошибочное выдвижение лишних доказательств, противоречащих основным.

¹⁵³ Приведем здесь лучшую, по нашему мнению, выдержку по проблеме антисемитизма из дневников о. Александра Шемана: «В Easthampton’е читал данные мне П. Литвиновым номера русско-израильского журнала “Время и мы” — крайне расхваленного Литвиновым и его женой. Журнал евреев — русских интеллигентов, сидящих в Израиле и, так сказать, “осмысливающих” свою судьбу. Очень сильное и очень странное впечатление. Прежде всего от безысходного *надрыва*, пронизывающего все их писания. Все это действительно *русские* люди, русские интеллигенты, для которых русская культура, русский язык — *свои*. И, вместе с тем, кровно *обиженные* Россией, и не столько «советчиной» как таковой, а утробным русским антисемитизмом. Обиженные, раненные этим *отвержением* и не могущие оторваться от русской темы, несмотря на свой отъезд, “репатриацию” в Израиль и все свое, со страстью культивируемое, еврейство. Тон, в сущности, такой: мы ее (Россию)

любили, она нас *никогда* не любила и своими не признавала. Надо “размежевываться”, но и это не удастся, потому что и для размежевания нужно взаимное признание, взаимное принятие, а его нет, нет, во всяком случае, с одной стороны — русской. Тупик, настоящая трагедия. Читая, снова думаю, что еврейство являет ужас всякого национализма (составная часть, движущая сила которого почти неизбежна в антисемитизме), но, являя, как бы не понимает, что само-то оно националистично по самой сути своей, есть в каком-то смысле субстрат национализма, религиозно не только окрашенного, но детерминированного. Именно потому что их религия целиком направлена на самих себя, на “народ”, на собственное избранничество и т. д., на свою особую миссию, на свою обособленность, они и есть источник и внутреннее мерило всякого национализма. И мне опять ясно, что “снимается” эта проблема только во Христе, но это сказать легко... Парадокс еврейства: оно требует, чтобы *все* отказались от своего национализма, но признали, что единственный законный национализм — это их, еврейский... Чтобы никто не смел говорить о “народности” и “самобытности” кроме них. И то, что они обличают и осуждают, — достойно осуждения и обличения, но, однако, то, во имя чего они осуждают, равнозначно тому, что они осуждают. Порочный круг. Их единственное, царственное величие было бы в полном самоотречении, и это и совершилось во Христе, а они живут самоутверждением, в котором нет, никогда нет величия и правды. И потому что еврейство не захотело, умря для себя, ожить и “получить все обетования” в христианстве, христианство оказалось отравленным псевдоеврейством: самоутверждением и мессианством “христианских наций”, национализмом и т. д. На глубине ясно одно: все еврейство о *Христе*, а евреи думают, что им удастся убедить нас, что христианство — это только для христиан... И как ошибаются те христиане, которые — от “жалости”, чувства вины и т. д. — считают, что евреи правы, что у них свой, отличный от нашего *завет с Богом*... Все подлинное в христианстве — от еврейства, все христианство — “слава людей Твоих Израиля...”, а они требуют от нас признания, что их все это не “касается”. Какой ужас и какая слепота! И отсюда страшный еврейский невроз, которым пронизан и этот, в сущности такой русско-интеллигентский, журнал». (*Прот. Александр Шмеман. Дневники: 1973–1983. М.: Русский путь, 2007. С. 364–365.*)

¹⁵⁴ Архив Ильина. Кор. 19, п. 3.

¹⁵⁵ Неясно, о ком идет речь. Интересно отметить в данном случае, что статья Ильина «Черносотенство», посланная им в рижский

журнал, была названа издательством без консультации с автором «Черносотенство — проклятие и гибель России». В ней Ильин определил «черносотенство» как «национально-мстительную правизну». Но главный пафос Ильина по вопросу черносотенства состоит в том, что это духовная зараза, чудовищная необразованность и вместе с ней необъятная притязательность этого черного слоя или части русского общества. Она проявила себя в годы советской власти в виде толп трудящихся, одобрявших борьбу Сталина с «врагами народа», в виде бесчисленных надзирателей в лагерях, в виде псевдонауки — лысенковщины, в наше время — псевдоистории фоменковщины и в любые времена — в виде холуйства перед властями одновременно с хамством и презрением к нижестоящим.

¹⁵⁶ Архив Ильина. Кор. 19, п. 3.

¹⁵⁷ Архив Ильина. Кор. 19, п. 3.

¹⁵⁸ Архив Ильина. Кор. 19, п. 3.

¹⁵⁹ *iur est modus essendi religionis; religio est modus cognoscendi iuris* (лат.) — право есть способ существования религии; религия есть способ постижения права.

¹⁶⁰ Продолжение этой лекции в Архиве И. А. Ильина отсутствует.

¹⁶¹ Архив Ильина. Кор. 42, п. 6. Это письмо не было отправлено адресату, вернее, ему было отправлено письмо в другой редакции. Мы его помещаем здесь, во-первых, потому, что адресат был автором «Русского Колокола», во-вторых, в нем есть много интересного относительно литературного процесса в России.

¹⁶² *grosse Leichtigkeit und Gewandheit der Darstellung* (нем.) — величайшая легкость и искусность изложения.

¹⁶³ *weniger wuchtig* (нем.) — менее тяжеловесна.

¹⁶⁴ *Rangordnung* (нем.) — порядок (на немецком языке это слово женского рода).

¹⁶⁵ *in Praxis, als in Theorie* (нем.) — в практике, как в теории.

¹⁶⁶ *Henomизм* — служебное покровительство родственникам и своим людям, кумовство.

¹⁶⁷ *Meister des russ. Hist. Romans* (нем.) — мастер русских исторических романов.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. Б. — 383
Аббасиды — 341, 342
Абдалла Ибн Маймун — 341—350
Абрикосова Н. Н. — 839
Абрикосовы — 456
Абу-Саид — 347
Август — 93
Августин Блаженный — 572
Авраамий — 764, 765
Адам (Adam), проф. — 591
Адамович Б. В. — 585, 836
Айхенвальд Ю. И. — 817, 820, 823
Акху Мохсин — 346
Алданов М. А. — 815
Александр I — 277, 305, 837
Александр II — 273, 745, 746, 751, 755
Александр III — 410, 458, 677
Александр Невский — 66, 239, 336
Александра, кн. — 500
Алексеев М. В. — 509, 512, 514, 599, 604
Алексей Михайлович, царь — 273, 275
Алексей Петрович, царевич — 467, 469, 470, 584
Алексей, митр. — 77, 397, 497, 498, 501, 503—506
Алексей, св. — 244, 394
Алексей, свт. (Симеон-Елевферий) — 497, 499, 500, 502, 658
Алексий, чудотв. — 164
Алеша Попович — 302
Али — 342, 346
Анаксимандр — 654
Анастасий (Грибановский) — 483, 816
Андрей Константинович, кн. — 502
Андрей, ап. — 830
Андрей, сын Ивана Калиты — 391, 500
Анненков М. Н. — 428
Андрэ Х. — 589, 590
Антоний (Храповицкий) — 816, 823
Антоний Великий — 292, 407, 487
Антоний, митр. — 505
Аракчеев А. А. — 808
Аристотель — 651, 726
Арднт Э. М. — 293
Арсеньев Н. С. — 236, 596, 813, 835
Артем Веселый — 235
Арцыбашев М. П. — 493
Аскольд — 764
Асык — 767
Афанасий, еп. — 394
Афанасьев — 784
Афинагор — 486, 814
Ахматова А. А. — 815
Ахмет — 347
Бабель И. Э. — 235
Баиов А. К. — 645, 744, 837
Балтийский А. А. — 514
Баратынский Е. А. — 567
Баторий С. — 275
Бах Г. Г. — 134, 335, 570, 828
Бах И. С. — 564
Бебель А. — 170
Беленький А. Я. — 784
Белл (Bell) — 594
Беллармин Р. Ф. Р. (Bellarmino R. F. R.) — 594, 595
Белый А. — 138, 141, 815
Беляев М. П. — 564
Бенедек Л. А. — 718
Бердьяев Н. А. — 814
Беринг В. И. — 424
Бернацкий М. В. — 791
Берсье Э. — 549
Бетховен Л. ван — 564, 567, 570
Бисмарк О. фон — 93, 378, 380
Блок А. А. — 138, 142, 814
Блюхер Г. фон — 718
Богаевский А. П. — 514
Богданович Е. В. — 458
Богуславский М. — 534
Болдуин — 257
Бонифаций, св. — 664
Борис Константинович, кн. — 502
Борисов А. А. — 490
Борисов — 613
Борткевич В. И. — 358
Боттичелли С. — 574
Брашнин И. П. — 455

- Бруно Д. — 293
 Брунов П. Г. — 454
 Брюзгин Д. В. — 454
 Брюсов В. Я. — 814
 Буденный С. М. — 514, 603
 Булгаков С. Н. — 823
 Бунге А. И. — 108, 114, 437, 460, 535, 617, 820—822, 828
 Бунин И. А. — 598, 606, 815
 Бурже П. Ш. Ж. — 521, 836
 Бухарин Н. И. — 782
 Бэкон Ф. — 403, 408
 Бэттс Р. (Фома) — 824
 Бяконт Ф. — 497
- В. К. — 817
 В. Л. — 817
 В. П. — 382
 Вагнер Р. — 525
 Вардин — 784
 Вахх, св. муч. — 393
 Варфоломей (преп. Сергей Радонежский) — 391, 392
 Василевский — 531
 Василий, еп. — 502
 Василий II — 245, 246
 Василий III — 152, 245, 246
 Василий Васильевич, вел. кн. — 246
 Василий Великий — 292
 Василий Дмитриевич, вел. кн. — 246
 Василий Ростовский, кн. — 766
 Вебер М. — 248
 Вильгельм Молчаливый — 261
 Вильсон Т. В. — 834
 Винтерзиг А. — 590
 Винчи Л. да — 202
 Винэ А. — 522
 Вирт О. — 801
 Витт, св. — 139, 526, 566
 Витте С. Ю. — 611
 Владимир Андреевич, кн. — 502
 Владимир Мономах — 464
 Владимир Святой — 152, 164, 237, 246, 275, 501, 504, 764
 Владислав, королевич — 83
 Власов, атаман — 307
 Вл. Ив. (Бонч-Бруевич) — 838
 Войков П. Л. — 626
 Войтинский В. — 358
 Волков В. А. — 753
 Волконский С. М. — 648
- Вольтер М. Ф. А. — 49, 819
 Вольфинг (псевдоним Э. К. Метнера) — 566
 Воровский В. В. — 626
 Врангель П. Н. — 384, 464, 514, 518, 601, 602, 604, 610, 823—827, 836
 Врубель М. А. — 567
 Выгодский Л. — 621, 623, 692
 Высоцкий В. — 455
 Вышеславцев Б. П. — 814
 Вяземский П. А. — 335, 467
- Гайда Р. — 262, 514, 598
 Галилей Г. — 169, 584, 726
 Гауг Е. М. — 529, 836
 Гвардини Р. — 589—591
 Гегель Г. В. Ф. — 202, 814
 Гедимин — 504
 Гейне Г. — 170
 Геннадий Новгородский — 830
 Гераклит Эфесский — 713
 Гермоген, еп. — 824
 Гермоген, патр. — 82—85, 125, 164, 165
 Геруя А. — 722
 Гершен А. И. — 62, 63, 675
 Герье В. И. — 676, 724
 Гёте И. Ф. — 549, 568, 571, 575, 717
 Гетцени — 591
 Гефдинг В. Ф. — 184, 286, 373, 625, 696, 834
 Гишман А. — 621
 Гиндин Я. — 372
 Гирке О. — 650
 Гитлер А. — 826
 Гиттис В. М. — 514
 Гладстон В. — 820
 Глинка М. И. — 489
 Глинские — 633
 Гнутенко — 782
 Гоголь Н. В. — 65, 226, 563, 567, 568, 673, 674, 711
 Гойхбарг А. Г. — 533
 Голицын, кн. — 457
 Головачев П. — 422
 Головин Н. Н. — 444, 684, 687, 836
 Гонсевский — 83, 84
 Гончаров И. А. — 581
 Горбачев М. С. — 826
 Горталов Ф. М. — 580
 Горячковский В. В. — 428
 Грибоедов А. С. — 674

- Григорий Богослов — 656
 Григорий Синаит — 407
 Григорович Д. В. — 673
 Григорьев Н. А. — 603
 Гриневецкий — 613
 Гришин-Алмазов А. Н. — 510
 Громов Н. — 816
 Гроше Р. — 590
 Грызов А. А. — 817
 Губкин А. С. — 455
 Гуль Р. Б. — 823
 Гумбольдт В. — 292, 549
 Гумилев Н. С. — 172, 815, 834
 Гурий, архиеп. — 159
 Гурко И. В. — 640, 837
 Гус Я. — 169, 584
 Гутор А. Е. — 514

 д'Арк Ж. — 172, 584
 Д'Эрбиньи — М. 527
 Давати В. Х. — 817
 Давид — 154, 662
 Даниил, митр. — 153
 Данилевский Н. Я. — 62
 Данило Александрович, кн. — 239, 240, 497
 Данте А. — 567
 Даргомыжский А. С. — 527
 Девлет-Гирей — 191
 Дежнев С. И. — 423
 Декарт Р. — 572
 Деллиль Л. — 424
 Демидов — 510
 Деникин А. И. — 510, 516, 517, 519, 599, 601, 602
 Державин Г. Р. — 65
 Джордж Г. — 222
 Дзержинский Ф. Э. — 179, 373, 614, 781, 783
 Диадок, бл. — 407
 Дибич-Забалканский И. И. — 640, 837
 Дидерихс М. К. — 512, 514
 Дионисий — 489
 Дир — 764
 Дириингер Ф. К. — 592
 Дмитрий Грозные Очи — 497
 Дмитрий Донской — 164, 187, 239, 244—246, 336, 395, 396, 500—504, 506, 640, 658
 Дмитрий Константинович Суздальский — 501, 502
 Днепров Р. (псевдоним Н. Я. Рошина) — 525
 Добрыня Никитич — 302
 Долгорукий Я. Ф. — 469
 Долгоруков П. — 559
 Достоевский Ф. М. — 58, 62, 66, 345, 379, 543, 567, 702, 814
 Драгомиров А. М. — 514, 816
 Дроздовский М. Г. — 514
 Дуль — 458
 Дыбенко П. Е. — 514

 Евагрий — 487
 Евдокия — 501, 583
 Евлогий (Георгиевский) — 816
 Евстратий, преп. — 766
 Едигей — 191
 Екатерина II — 66, 276, 492, 741
 Елизавета, имп. — 63
 Епифаний Премудрый — 391, 660
 Ермак Тимофеевич — 303, 304, 423
 Есенин С. А. — 234
 Ефрем, митр. — 85

 Жан Поль — 292
 Жолковский С. — 83
 Жуковский В. А. — 674

 Завалишин Д. И. — 381
 Зайцев К. И. — 817
 Запорожец — 694
 Заруцкий И. М. — 83—85
 Засулич В. И. — 838
 Зеленский И. А. — 781—783
 Зеньковский В. В. — 814
 Зиле Р. — М. 817
 Зиновьев Г. Е. — 781, 782, 784
 Златовратский Н. Н. — 172, 834
 Зотовы — 454

 Иван I Калита — 240, 391, 497, 498, 503
 Иван II — 239, 499, 500
 Иван (Иоанн) III — 152, 191, 192, 245, 246, 640
 Иван (Иоанн) IV Грозный — 153, 154, 156, 159, 164, 191, 272, 273, 275, 439, 640
 Иван Данилович, кн. — 239
 Иван Дмитриевич, кн. — 240
 Иванов Вяч. И. — 138, 142
 Иванов О. — 514

- Илларион, еп. — 765
 Ильин И. А. — 53, 75, 108, 114, 144, 151, 201, 224, 268, 290, 318, 491, 577, 655, 705, 716, 734, 791, 813, 815–823, 825, 827, 828, 830, 834–837, 839, 841
 Ильина Н. Н. — 230, 763, 835
 Илья Муромец — 302, 303
 Иннокентий III — 594
 Иоанн Златоуст — 163, 201, 588
 Иоанн Кассиан Римлянин — 292
 Иоанн Лествичник — 503
 Иоанн, ап. — 201
 Иоанн Алексеевич, царь — 583
 Иоасаф, митр. — 153
 Иона, еп. — 662
 Иосиф Волоцкий — 155, 830
 Иоффе А. А. — 626, 784
 Исаак Сириянин — 201
 Исидор, митр. — 246
 Исихия Иерусалимский — 407
- К. С. — 382
 Кавад — 342
 Каганович Л. М. — 782
 Казанович Б. И. — 514
 Казимир III Великий — 505
 Казы-Гирей — 191, 198
 Каледин А. М. — 514
 Калинин М. И. — 784
 Калинина Е. И. — 532
 Кальвин Ж. — 249
 Каменев Л. Б. — 535, 784
 Кант И. — 293, 668, 726
 Каппель В. О. — 514
 Каплун С. — 368, 369
 Карамзин Н. М. — 674
 Карл I — 826
 Карл Великий — 190, 191, 664
 Карлейль Т. — 292, 293, 381, 386, 389, 550, 563, 630, 820
 Каррер (Carrere) — 593
 Карташев А. В. — 791
 Кедров Н. — 817
 Керенский А. Ф. — 598, 599, 755
 Керзон Д. Н. — 257, 427
 Киприан, митр. — 505
 Кирдецов Г. — 599
 Кирилл, отец преп. Сергия Радонежского — 391
 Кирилл, митр. Ростовский — 165
 Кифа (ап. Петр) — 73, 828
- Клычков С. А. — 234, 835
 Ключевский В. О. — 62, 272, 422, 465, 553
 Книпович Б. — 685, 686
 Кобленц И. — 618
 Ковалевский В. И. — 366
 Кожаный П. — 370
 Козеренко Н. — 620, 624, 693
 Колумб Х. — 169, 584
 Колчак А. В. — 509, 510, 511, 516, 519, 598, 599, 609, 711, 713, 716
 Кольцо И. — 423
 Константин Великий — 246
 Константин, кн. — 240, 765
 Конфуций — 813
 Коншин Н. Н. — 454
 Корнилов Л. Г. — 514, 600, 609, 714
 Корф Н. А. — 363
 Косинский В. А. — 98, 220, 296, 328, 679, 685, 691, 835
 Кофлер Л. — 375
 Крамарж К. П. — 839
 Крамарж Н. Н. — 787, 788, 838
 Красин Л. Б. — 626, 784
 Краснов П. Н. — 216, 311, 419, 514, 527, 835
 Крафт — 456
 Кржижановский Г. М. — 783
 Кромвель О. — 826
 Крупская Н. К. — 530, 533, 534, 782
 Крыленко Н. В. — 783
 Крылов И. А. — 65
 Кузнецов А. Г. — 455
 Куйбышев В. В. — 371, 784
 Кукша, преп. — 766
 Куломзин А. Н. — 459
 Курский Д. И. — 782
 Курц В. А. — 541
 Кутепов А. П. — 816
 Кутузов — 784
 Кутузов М. И. — 584, 640
- Лазарев М. И. — 448
 Ламбров — 284
 Лампе А. А. фон — 519, 610, 836, 837
 Лаппо И. И. — 160, 399, 437, 507, 665, 789, 830
 Ларин Ю. (Лурье М. З.) — 783
 Лафатер И. К. — 381
 Лебедев А. — 593
 Лев XIII — 651

- Леер Г. А. — 737, 837
 Лейбниц Г. В. — 378
 Лендорф Г. — 447
 Ленин В. И. — 234, 257, 349, 350, 530, 598, 626, 778, 780, 781, 828, 837, 838
 Леонов Л. М. — 233, 835
 Леонтий, св. — 765
 Леонтьев К. Н. — 62
 Лермонтов М. Ю. — 379, 567, 568, 571, 575, 674
 Лесков Н. С. — 66, 202, 378, 379, 381, 549, 550
 Лжедимитрий I — 83
 Лжедимитрий II — 83
 Литвинов П. — 840
 Лиэнхард Ф. — 381
 Лодыженский Ю. И. — 816
 Локалов А. А. — 454
 Ломоносов М. В. — 65, 464, 556, 816
 Лукиан — 525
 Лукомский А. С. — 514
 Луконина Н. Н. — 816
 Луначарский А. В. — 533
 Лурье А. — 815
 Луцилий — 789
 Львов Л. И. — 87, 820, 823, 828
 Люцов А. — 717
 Ляпунов П. — 83, 84, 85

 М. — 684
 Магмет — 247
 Магомед — 342, 344, 346
 Маздак — 342
 Мазовша — 191
 Май-Маевский В. А. — 514
 Макарий Великий — 407
 Макарий, митр. — 151—159
 Макиавелли Н. — 707
 Макриси — 343
 Максим, митр. — 503
 Мамай — 245
 Манасеин Н. А. — 752
 Манцев В. Н. — 369
 Мария, мать преп. Сергия Радонежского — 391
 Мария, имп. — 101
 Марк Аврелий — 202
 Марк Подвижник — 225, 407
 Марков Н. — 809
 Марков С. Л. — 514
 Маркс К. — 222, 256

 Мартель — 518
 Марушевский В. В. — 514
 Марченко В. — 824
 Массена А. — 717
 Маутнер Ф. — 345
 Махмет — 191
 Махно Н. И. — 609
 Маяковский В. В. — 142
 Мейерхольд В. Э. — 142
 Мёлер (Mühler) И. А. — 589
 Мелких А. М. — 457, 836
 Мельников-Печерский П. И. — 66
 Менделеев Д. И. — 66, 688
 Мережковский Д. С. — 814, 815
 Мерсье Д. Ж. — 593, 594
 Мессершмидт Д. Г. — 424
 Метнер Н. К. — 563, 564, 565, 566, 568, 570—577
 Метнер Э. К. — 836
 Микоян А. И. — 283
 Миллер Е. К. — 509, 514, 515
 Минин К. — 261
 Миних Б. К. — 640
 Минц И. И. — 372
 Миронова Е. М. — 836
 Митрофан — 768
 Митрофан, игум. — 393, 394
 Михаил Александрович, кн. — 505
 Михаил (Романов) — 63
 Михаил Тверской, кн. — 766
 Михаил Черниговский, кн. — 336, 766
 Михаил Ярославич, кн. — 240, 497
 Михаил, архим. — 658
 Михаил, брат Александра Невского — 239
 Михельс Т. — 590
 Мнишеек М. — 83, 85, 86
 Моклэр К. — 527
 Молотов В. М. — 784
 Мольтеке Х. К. — 718
 Монтень М. — 403, 836
 Мосеев Р. — 82—84, 87
 Москвитин И. — 423
 Моцарт В. А. — 567, 577
 Муравьев-Амурский Н. Н. — 458
 Мурузи А. А. — 514
 Мусин-Пушкин А. И. — 469
 Муссо К. — 595
 Муссолини Б. — 261, 264
 Мякинин А. — 471

- Н. В. Ш. — 382
 Наживин И. Ф. — 817
 Нансен Ф. — 541
 Наполеон I — 172, 277, 278, 354, 584, 640, 717, 826
 Наполеон III — 278
 Нарышкина Н. К. — 467
 Некрасов Н. А. — 493
 Некрасов И. Ф. — 304
 Ненюков Д. В. — 496, 836
 Нестеров М. В. — 489
 Никандров Н. Н. (Шевцов) — 236, 835
 Николай I — 273, 276, 278, 494, 640, 674
 Николай II — 97, 307, 409, 412, 413, 418, 458, 511, 824, 828
 Николай Николаевич, вел. кн. — 816
 Никольский Б. А. — 195, 278, 365, 429, 436, 437, 777, 791, 835
 Никон — 766
 Никон, патр. — 158
 Нил Сорский — 830
 Новаири — 343
 Новалис (Ф. фон Харденберг) — 549
 Ногин В. П. — 782, 783
 Носович В. П. — 757, 837
 Ньютон И. — 726
- Обайдалла — 346, 347
 Огановский Н. П. — 535, 688
 Ольга, св. — 764
 Ольгерд (Альгирдас) — 504, 505
 Ольденбург С. С. — 104, 820, 822, 828
 Орджоникидзе Г. К. — 782, 783
 Орлов-Чесменский А. Г. — 448
 Осипов А. — 173, 580
 Ослябя А. — 336, 395
 Остерман А. И. — 471
- Павел I — 494, 673
 Павел, ап. — 164, 201, 588, 590, 592, 595
 Павличенко И. Д. — 514
 Палеолог С. Н. — 816
 Пам — 660, 661
 Параджанов С. И. — 836
 Парский Д. П. — 514
 Парфений, еп. — 656
 Паскаль Б. — 520
 Пахомов Р. — 82—84, 86, 87
 Пепеляев А. Н. — 514
- Первушин И. А. — 457
 Пересвет А. — 336, 395
 Пертес — 381
 Песль Л. — 651
 Петлюра С. В. — 519, 601—603, 837
 Петр I Великий — 63, 65, 66, 93, 187, 251, 271, 272, 275, 276, 317, 387, 420, 424, 425, 436, 464, 467, 468, 492, 583, 635, 636, 640, 673, 723, 741, 742, 744, 837
 Петр III — 277, 492
 Петр, брат преп. Сергия Радонежского — 391—393
 Петр, ап. — 201, 587
 Петр, митр. — 158, 243, 497, 498, 503, 504
 Петр, чудотв. — 164
 Петров — 613
 Пивоваров А. Н. — 303
 Пий XI — 593
 Пикассо П. — 138
 Пилат Понтий — 488
 Пильняк Б. А. — 235
 Пимен, митр. — 662
 Пирогов Н. И. — 363
 Питирим, еп. — 767
 Платон — 814
 Платон, митр. — 435
 Платонов С. Ф. — 422
 Плац X. — 591
 Плеханов Г. В. — 838
 Победоносцев К. П. — 820
 Пожарский Д. М. — 165, 261
 Покровский В. Л. — 514
 Попеляев В. Н. — 599
 Попко И. — 303
 Попов К. — 455
 Попов С. — 455
 Поярков В. Д. — 423
 Прево М. — 527
 Прельвиц В. — 549
 Прокопович С. Н. — 680
 Прокофьев С. С. — 141
 Просовецкий А. — 84
 Прохоров И. — 456
 Прудон П. Ж. — 646
 Прюнель (Прюнель-Льер, Prunel) — 592
 Публий Сириец — 202, 292, 381
 Путаев Е. И. — 63, 436, 674
 Пуришкевич В. М. — 809

- Пушкин А. С. — 58, 63, 65, 129, 135, 141, 144, 171, 202, 225—227, 312, 350, 380, 384, 399, 464, 465, 490, 564, 566—571, 573—576, 583, 673, 674, 712, 732, 758, 759—761, 763, 827
- Рабинович — 367
- Радищев А. Н. — 673
- Разин С. Т. — 63, 436
- Распутин Г. Е. — 13, 823, 824
- Рахманинов С. В. — 570, 816
- Рачинский С. А. — 363
- Рашет В. К. — 458
- Родзянко А. П. — 515, 609
- Родионов И. Л. — 679
- Розанов В. В. — 14, 820
- Розеггер П. — 381
- Роман Олегович, кн. — 766
- Роман, митр. — 505
- Романов П. С. — 236, 835
- Румянцев П. А. — 640, 742, 744
- Русин Н. — 817
- Руссо Ж. Ж. — 646
- Рутилий — 408
- Рыбинский Н. З. — 817
- Рыбников П. Н. — 303
- Рыков А. И. — 182, 368, 783
- Рюрик — 159
- Рябушинский В. П. — 835
- Рязанов Д. Б. — 781—783
- С. — 817
- Савинков Б. В. — 599
- Савонарола Д. — 202
- Савченко К. Д. — 536
- Салтыков П. С. — 640
- Салтыков А. А. — 688
- Сальери А. — 577
- Самоил, пророк — 154
- Сапега К. Л. — 84
- Сапожников А. Г. — 455
- Сапожников В. Г. — 455
- Саролеа Ч. — 426
- Сасаниды — 342
- Сафонов В. И. — 564
- Сафронов — 458
- Сахаров Н. П. — 514
- Сахат-Мурадов Х. М. — 784
- Сватикиев С. Г. — 305
- Свидерский А. И. — 689
- Святослав, кн. — 640, 764
- Северянин И. — 141
- Сейфуллина Л. Н. — 234, 235, 236, 835
- Селивачев В. И. — 514
- Семен, сын Ивана Калиты — 239, 498—500
- Семенов А. — 454
- Семенов Ю. Ф. — 794, 804, 806, 839
- Сенека Л. А. — 790
- Серафим — 614, 616
- Серафимович А. С. — 235
- Сергий Радонежский — 13, 164, 165, 389, 390, 391, 393—398, 502, 507, 561, 663, 664
- Сергий (Страгородский) — 626, 628, 824
- Сергий, св. муч. — 393
- Серов А. Н. — 527
- Сигизмунд — 83, 84
- Сидоров С. — 454
- Симеон-Елевферий — 498
- Синджелич С. — 580
- Сиу А. — 456
- Сифман Р. — 623
- Склянский Э. М. — 626
- Скобелев М. Д. — 580, 640
- Скоморохов — 599
- Скрябин А. Н. — 138, 142, 568
- Смирнов А. П. — 535, 537, 686
- Смирнов К. К. — 816
- Соколов Б. — 599
- Сократ — 813
- Соллогуб В. А. — 378, 673
- Соловьев Вл. С. — 815, 830
- Соловьев С. М. — 237, 269, 272, 302, 724
- Солодовников Б. — 598
- Соломонович Г. И. — 532
- Солуня — 747
- Спекторский Е. В. — 476
- Спенсер Г. — 820
- Сперанский М. М. — 674
- Сталин И. В. — 782—784, 835
- Старожил — 817
- Стефан Баторий — 272
- Стефан Пермский — 244, 655—664, 767
- Стефан, брат Сергия Радонежского — 391, 392
- Столыпин П. А. — 93, 220, 317, 355, 496, 680, 825
- Стравинский И. Ф. — 141
- Строгановы — 423

- Струве П. Б. — 791, 816, 817, 828, 834
 Суворин М. А. — 817
 Суворов А. В. — 214, 276, 277, 387, 464, 556, 583, 640, 738, 742, 744
 Сувчинский П. П. — 814
 Сухомлинов В. А. — 747
 Сухотин Н. Н. — 269, 274
 Сытин П. П. — 514
- Тайдула — 506
 Тамерлан — 191
 Тенгоборский — 454
 Тертуллиан К. С. Ф. — 486, 814
 Тихон, патр. — 163
 Толстой А. К. — 170, 205, 380, 576, 810
 Толстой А. Н. — 236, 815
 Толстой Л. Н. — 66, 363, 649, 814
 Толстой-Милославский Л. М. — 510
 Томский М. П. — 783
 Топорков С. М. — 514
 Тохтамыш — 191
 Третьяков П. М. — 454
 Трифон Печенгский — 159
 Трифон, преп. — 768
 Троцкий Л. Д. — 519, 614, 781, 838
 Трубецкой Д. — 83
 Трубецкой Е. Н. — 818
 Трубецкой С. Н. — 791
 Тургенев И. С. — 65, 673, 701
 Тургенев Н. И. — 673
 Тухачевский М. Н. — 514
 Тэри Э. — 450
 Тюменев С. В. — 614
 Тютчев Ф. И. — 66, 135, 185, 378, 567–569, 571, 574, 575
- Угланов Н. А. — 783, 784
 Ушинский К. Д. — 242, 363
- Фатима — 346
 Федин К. А. — 235
 Федор, еп. — 765
 Федор Иоаннович, царь — 305
 Федорченко С. — 235
 Фейербах Л. — 378
 Феогност, митр. — 392, 498, 499
 Феодорит, преп. — 768
 Феодосий Печерский — 13, 202
 Феофан (Быстров В. Д.) — 13, 823, 824
 Феофан Затворник — 399, 550, 631
 Фет А. А. — 568, 571, 575
- Филарет, митр. — 490
 Филарет (Романов) — 13, 165
 Филимонов А. П. — 816
 Филипп Нянька — 239
 Филипп, митр. — 163, 164
 Филофей — 828, 829
 Фихте И. Г. — 261, 550
 Флей (фирма К. Д. Топорова) — 456
 Флекс — 549
 Флоровский Г. В. — 820, 829, 830
 Флуг В. Е. — 514
 Фома Аквинский — 592, 651
 Фомин Н. И. — 612
 Фотей, митр. — 246
 Фош Ф. — 834
 Фра Беато Анжелико — 567, 574
 Франко Ф. — 805
 Франц Р. — 443
 Франциск Ассизский — 408
 Фридрих Великий — 93, 277, 317, 668, 705, 717
 Фрунзе М. В. — 626
- Хабаров Е. П. — 423, 425
 Халатов А. — 615
 Хамдан Кармат — 346, 347
 Ханслик Э. — 566
 Хервеген И. — 590
 Хеттингер — 591
 Хлудова Н. Н. — 839
 Хмельницкий Б. М. — 273
 Хомяков А. С. — 473
 Хорти М. — 262
 Хрисанф, еп. — 830, 834
- Цезарь Август — 354
 Циммерман Ю. Г. — 564
 Цуриков Н. А. — 175, 341, 834
- Чаадаев П. Я. — 63, 465
 Чайковский — 599
 Чайковский П. И. — 527
 Чанибек — 506
 Чаплин Г. Е. — 609
 Чебышев Н. Н. — 817
 Чемберлен Х. С. — 836
 Чернышевский Н. Г. — 675
 Чертов В. — 84
 Чехов А. П. — 493
 Чеховский — 615
 Чичерин Б. Н. — 676, 724

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Чупров А. И. — 680

Шаги-Ахметов — 536

Шарнгорст Г. И. — Д. 717, 719, 720

Шаррон П. — 403, 836

Шафаревич И. Р. — 827

Шахматов М. В. — 769, 837

Шекспир В. — 564

Шереметев Г. А. — 435, 524

Шершеневич В. Г. — 142

Шиллер И. Ф. — 567

Шкирятов М. Ф. — 783

Шкуро А. Г. — 514

Шмелев И. С. — 67, 482, 563, 648, 791,
815—817, 819, 822

Шмеман А. — 827, 840, 841

Шмидт В. В. — 369

Шмурло Е. Ф. — 775

Шопен Ф. — 570

Шопенгауэр А. — 576, 814, 836

Шрейдер Г. — 600

Штейн Г. К. — 717

Штейфон Б. А. — 723, 837

Штерн О. — 817

Штраус Р. — 138

Шуйский В. — 83

Шуйские — 633

Шульгин В. В. — 600

Щербатов Н. Б. — 449, 541, 681, 688,
791, 836

Эбнер-Эшенбах М. фон — 378, 549

Эйнем Ф. К. — 456

Эйхендорф Й. — 757

Элиот Д. — 293

Энно Э. — 517

Эпштейн М. — 450, 534

Эрбэ Г. — 522

Эрдели И. Г. — 514

Эрлиш — 517

Эрн Н. Ф. — 816

Эрьесон — 820

Эттинген Б. фон — 447, 448

Юденич Н. Н. — 509, 510, 514, 519, 609

Юргенсон П. И. — 564

Юрий Данилович, кн. — 239, 240, 497

Юрий Долгорукий — 238

Юрий Львович, кн. — 504

Юрий Московский — 497

Яковлев А. С. — 233, 835

Яковлев М. И. — 603

Яковлев — 689, 783

Ян — 261

Яновский — 448

Ярополк — 764

Ярослав Мудрый — 237, 246, 501, 504

Ярослав Святославич, кн. — 765

Ярославский Е. М. — 784

Adam, prof. — 591

Andre H. — 589

Browne E. G. — 342

Boer T. J. de — 342

Döllinger — 595

Füllop-Miller R. — 233

Getzeny — 591

Goge M. J. — 342

Grosche R. — 590

Guardini R. — 589

Herwegen I. — 591

Janus — 593

Michels T. — 591

Nicholson M. A. — 342

Nöldeke — 342

Pesl L. — 651

Platz H. — 591

Prunel — 592

Rowntree B. Seebohm — 322

Sacy S. de — 342

Schwarte M. von — 444

Sol — 817

Théry E. — 450

Tomus — 595

Wintersig A. — 591

СОДЕРЖАНИЕ

Задание журнала	7
Общее направление журнала.....	12

1927

№ 1

Часть I

<i>Редакция.</i> «Русский Колокол»	39
<i>Редактор.</i> «Русский Колокол»	39
<i>И.А. Ильин.</i> О священном	47
<i>И.С. Шмелев.</i> Как нам быть?	53
<i>И.А. Ильин.</i> Наша государственная задача.....	67
<i>Прибывший оттуда.</i> Мы требуем понимания.....	75
<i>Л.И. Львов.</i> Бесстрашные люди	82
<i>Старый Политик.</i> О политической работе	87

Часть II

<i>От редакции</i>	96
<i>С.С. Ольденбург.</i> Россия перед революцией	96
<i>А.И. Бунге, И.А. Ильин.</i> Русская территория (1914—1927)	105
<i>А.И. Бунге, И.А. Ильин.</i> Население России (1897—1914—1927)	108
<i>Старый Политик.</i> Как хранить тайну	114
<i>И.А. Ильин.</i> Девизы Белого движения.....	117

№ 2

Часть I

<i>От редакции</i>	119
<i>Редактор.</i> О русской интеллигенции	120
<i>Г.Г. Бах.</i> Лицом к России!	129
<i>И.А. Ильин.</i> Кризис современного искусства	135
<i>И.А. Ильин.</i> Вы наши братья!	144
<i>И.И. Лаппо.</i> Великие строители России. Митрополит Макарий.....	151
<i>Православный.</i> Православие и государственность.....	160
<i>Н.А. Цуриков.</i> Пафос героизма и идеи современности	166
<i>В.Ф. Гефдинг.</i> Живой опыт коммунизма	175

Часть II

<i>Редакция.</i> Историческое бремя России	185
<i>Б.А. Никольский.</i> Русская эмиграция в цифрах.....	192
<i>И.А. Ильин.</i> О признании советской власти	195
О сопротивлении злу силою.....	201

1928

№ 3

Часть I

<i>Редактор.</i> Победит правое дело	205
<i>П.Н. Краснов.</i> Армия	210
<i>И.А. Ильин.</i> Будущее русского крестьянства.....	216
<i>Н.Н. Ильина.</i> Арион Пушкина.....	225
<i>Н.С. Арсеньев.</i> Борьба за душу русского народа	231
<i>И.И. Лаппо.</i> Великие строители России. Московские князья-собиратели	237
<i>В.П. Рябушинский.</i> Судьбы русского хозяина.....	247
<i>И.А. Ильин.</i> О русском фашизме	258

Часть II

<i>Б.А. Никольский.</i> Войны России	269
<i>В.Ф. Гефдинг.</i> Россия в мировом хозяйстве прежде и теперь ...	279
<i>И.А. Ильин.</i> Яд партийности.....	286
<i>Старый Политик.</i> О политической провокации	290
О борьбе и смерти.....	292

№ 4

Часть I

<i>От редакции</i>	294
<i>Редактор.</i> Спасение в качестве	295
<i>П.Н. Краснов.</i> Казаки, их прошлое, настоящее и возможное будущее	300
<i>И.А. Ильин.</i> О власти и смерти	312
<i>В.А. Косинский.</i> Очерки по русскому аграрному вопросу. О русском малоземелии	319
<i>Г.Г. Бах.</i> К разумению нашего времени	329
<i>Н.А. Цуриков.</i> О поклонении фактам	335
<i>Странник.</i> Коммунистический заговор 1000 лет тому назад	341
<i>Старый Политик.</i> Уроки революции	350

Часть II

<i>Редакция.</i> Силы мировой революции. Европейский пролетариат	357
<i>Б.А. Никольский.</i> Русский народный учитель	362
<i>В.Ф. Гефдинг.</i> Что дала революция русскому рабочему?	366
Тюремное заключение.....	373
Революция и выход из нее.....	378
Ответы редакции	382

№ 5

Часть I

<i>Редактор.</i> О Герое.....	384
<i>И.И. Лаппо.</i> Великие строители России. Преподобный Сергей Радонежский.....	389
<i>И.А. Ильин.</i> Идея обновленного разума.....	399
<i>П.Н. Краснов.</i> Русская Держава	409
<i>Б.А. Никольский.</i> Русская колонизация.....	419
<i>Г.А. Шереметев.</i> Старческие заветы	429

Часть II

<i>Старый Политик.</i> Русская организационная способность	436
<i>Н.Н. Головин.</i> Русская вооруженная сила в 1914 году.....	441
<i>Н.Б. Щербатов.</i> Российское коннозаводство до революции	444
<i>А.М. Мелких.</i> О качестве русского довоенного производства	449
<i>А.И. Бунге.</i> Великий Сибирский путь	458
<i>Редакция.</i> Борьба с денационализацией	461
Живые слова Петра Великого	467

№ 6

Часть I

<i>Редактор.</i> О рыцарском духе.....	473
<i>И.С. Шмелев.</i> К родной молодежи.....	478
<i>И.А. Ильин.</i> О приятии мира.....	483
<i>Д.В. Ненюков.</i> Причина русской революции	491
<i>И.И. Лаппо.</i> Великие строители России. Святой митрополит Алексей	497
<i>А.А. фон Лампе.</i> Причины неудачи вооруженного выступления белых. I	507

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г.А. Шереметев.</i> Старческие заветы	519
<i>Е.М. Гауг.</i> Пляска опустошенных душ	524

Часть II

<i>А.И. Бунге.</i> Беспризорные дети в советской России	530
<i>Н.Б. Щербатов.</i> Русский конь под властью советов	535
<i>Старый Политик.</i> Как распознавать людей	541
О силе характера	549

1929

№ 7

Часть I

<i>Редактор.</i> Россия зовет	553
<i>И.С. Шмелев.</i> К родной молодежи	558
<i>И.А. Ильин.</i> Музыка Метнера	563
<i>Б.В. Адамович.</i> «Один в поле не воин»	578
<i>Н.С. Арсеньев.</i> Идея Папы в католической церкви	585
<i>А.А. фон Лампе.</i> Причины неудачи вооруженного выступления белых. II	596

Часть II

<i>А.И. Бунге.</i> Железные дороги в России	611
<i>В.Ф. Гефдинг.</i> Квартирный вопрос в городах советской России	617
<i>Старый Политик.</i> Эволюционируют ли коммунисты?	625
<i>Карлейль.</i> Пророческие слова	629

№ 8

Часть I

<i>Редактор.</i> Единение и раздор	631
<i>А.К. Баиов.</i> Начальные основы строительства будущей русской армии	635
<i>И.А. Ильин.</i> О частной собственности	645
<i>И.И. Лаппо.</i> Великие строители России. Святитель Стефан Пермский	655
<i>Странник.</i> Исполнение повседневного долга	665
<i>Н.Б. Щербатов.</i> Мелкое землевладение в России	672

Часть II

<i>Н.Н. Головин.</i> Русская армия в великую войну	682
<i>Редакция.</i> Что дала революция русскому крестьянину	685

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.Ф. Гефдинг.</i> Домостроительство русской революции.....	692
<i>Старый Политик.</i> О непредреждении.....	696
<i>И.А. Ильин.</i> Отцы и дети в политике	700
<i>Живые слова Фридриха Великого</i>	705

1930

№ 9

Часть I

<i>И.А. Ильин.</i> Непобедивший герой.....	711
<i>Б.А. Штейфон.</i> Отживающая идея	716
<i>И.А. Ильин.</i> Идея национальной науки.....	724
<i>А.К. Баиов.</i> Начальные основы строительства будущей русской армии	734
<i>В.П. Носович.</i> Заметки о русском суде.....	745
<i>Н.Н. Ильина.</i> Домовой	757
<i>М.В. Шахматов.</i> Волевые русские люди	764
<i>Б.А. Никольский.</i> Русский простор	769

Часть II

<i>Редакция.</i> Кто правит в России	778
<i>И.И. Лаппо.</i> Пражские русские курсы для детей	785
<i>О Божественном Провидении</i>	789

<i>Приложение</i>	791
<i>Русский колокол № 10</i>	791
<i>Памятная записка об основах народного образования в будущей России</i>	792
<i>Правда о масонстве</i>	794
<i>Антисемитизм</i>	807
<i>Черносотенство</i>	807
<i>Правосознание и религиозность</i>	810
<i>Письмо И.А. Ильина Н.С. Арсеньеву</i>	813
<i>Комментарии</i>	816
<i>Указатель имен</i>	843

Иван Александрович Ильин
Собрание сочинений
«РУССКИЙ КОЛОКОЛ:
ЖУРНАЛ ВОЛЕВОЙ ИДЕИ»

Редактор Т.И. Киреева
Корректор Н.Д. Бучарова
Компьютерная верстка М.С. Ананко

Компьютерный набор
осуществлен при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 06–03–02092а)

Подписано в печать с оригинала-макета.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 44,94. Тираж 2000 экз. Заказ 1840.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6